

Редакционная коллегия:

*Р. М. Бегеулов, Т. Ш. Биттирова, З. А. Кучукова,
И. И. Маремшаова, Х.-М. А. Сабанчиев, Б. И. Тетуев,
Ф. А. Урусбиева*

*Составление,
статьи об авторах, примечания и комментарии
Т. Ш. Биттировой*

*Ответственный за выпуск
А. Т. Додуева*

Кабардино-Балкарское книжное издательство «Эльбрус» начинает выпуск «Балкарской исторической серии». В первой книге этого многотомного издания представлена публицистика Сафарали и Науруза Урусбиевых, Мисоста Абаева, Басията Шаханова. Тематика их произведений охватывает культуру, быт, историю Балкарии. В своих статьях авторы касались самых животрепещущих вопросов современности, сохранивших свою актуальность и сегодня, — это вопросы образования и культуры, нравственности и духовного возрождения, общественно-политического устройства, интеграции горских народов в российскую и европейскую цивилизации.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Конец XIX – нач. XX века в развитии кавказской общественной и художественной мысли представляет собой особый период. Это сложное для народов Кавказа время смены исторических эпох. В пореформенный период, определенный учеными как время от крестьянской реформы 1860-х годов до становления капиталистических отношений на Кавказе, состоялось фактическое присоединение к России, и как следствие, – произошла трансформация общественных институтов в условиях государственности, сопряженная и с потерями, и с новациями в этнической культуре.

Кроме того, это был период активной политической борьбы – демократических сил с монархизмом, беднейших слоев населения – рабочих и крестьян – за перераспределение национального богатства. Эти обстоятельства предопределили как своеобразие северокавказской публицистики того периода, так и специфику творчества отдельных публицистов. В их творчестве и общественной деятельности наглядно представлен характер общественных сил, вступивших на историческую арену северокавказской жизни.

В балкарской публицистике XIX – нач. XX века нашли достойное отражение сложнейшие процессы обновления философских, эстетических, этических составляющих общественного сознания горцев Северного Кавказа, оказавшихся готовыми принять новые революционные веяния. Вместе с тем эти «новые веяния» (Б. Шаханов) переросли впоследствии в социалистические концепции и пролетарскую практику, не оставившие места в новой жизни для тех, кто стоял у истоков горской демократии.

Публицистика отмеченного периода занимала не менее важное место, чем зарождающаяся в эти годы письменная литература народов Северного Кавказа. Это объясняется ростом общественного и национального сознания, появлением заинтересованного читателя из среды горцев. К началу XX века горская интеллигенция представляла собой, несмотря на пестроту взглядов, довольно консолидированную силу. Одинаковые условия жизни, близкий духовный опыт, общие надежды предопределили и общий демократический настрой произведений северокавказских публицистов.

Каждый из авторов по-своему видит мир, по-своему проникается проблемами горской действительности, но их объединяет самоотверженная любовь к своей родине, готовность служить ее интересам. Трудно себе представить, как при отсутствии национальной письменности и незнании большинством населения государственного языка, публицисты XIX века находили путь к сердцам читателей. Это, казалось бы, непреодолимое препятствие не останавливало их. Они верили в свое дело, в

то, что их усилия, направленные на улучшение существующего положения, обязательно дадут свои результаты.

Понятие «интернационализм» как нельзя лучше характеризует творчество первых балкарских публицистов. Они искренне считали себя представителями всей северокавказской культуры и пытались найти ответы на вопросы: «Кто мы такие в этом большом мире? Что нас ждет? Что мы можем дать человеческому сообществу? И каковы наши ожидания?» Они не раз отмечали, что проблемы, их волновавшие, были типичными для всех горских народов. Так, Мисост Абаев посвятил серию очерков непосредственно вопросам культуры и быта черкесских аулов.

Творчество балкарских публицистов и деятелей культуры стало доступно нам только после падения тоталитарной системы, после долгого замалчивания, когда многое было просто утеряно, а сохранившаяся часть их наследия интерпретировалась в угоду социалистической идеологии. И тем не менее их произведения дают много интересного и ценного для понимания эпохи.

Статьи балкарских публицистов написаны за 15–20 лет до Октябрьского переворота. С одной стороны, они не предвещают тех грозных событий революции, свидетелями которых им суждено было стать. Во всяком случае, в них нет предчувствия классовой борьбы. С другой – мы, благодаря их свидетельствам, можем понять механизм раскручивания того репрессивного аппарата, который набирал силу к концу XIX века и смог воплотиться и реализоваться в 20–40-е годы XX века.

Балкарские публицисты, как и их собратья по перу, дамоклову мечу истории стараются противопоставить идеи равенства, братства, общности человеческой цивилизации, уважения к обычаям, к традиционной культуре, к традиционным институтам, напоминают чиновникам о святости государственных законов. Последовавшие за этим периодом события показали, что традиционная жестокость властей по отношению к населению Кавказа (впрочем, как и к населению всей России), против которой боролась прогрессивная интеллигенция Северного Кавказа на страницах печати, была перенята коммунистами и доведена до логического завершения системой ГУЛАГ.

Процесс накопления и реализации демократических идей, формирование прогрессивной публицистики, эволюционный характер вовлечения горских масс в мировое цивилизационное пространство были прерваны Октябрьским переворотом. И все же, духовный опыт первых публицистов был использован в эпоху социалистического строительства, как бы ни умаляли значение творчества блестящей плеяды публицистов руководители-большевики. И сегодня их идеи не могут оставить равнодушным читателя.

Представленная вниманию читателя книга содержит публицистические и художественные произведения из творческого наследия известных деятелей культуры Балкарии XIX – нач. XX века. Они ценны тем, что написаны талантливыми авторами – свидетелями и участниками событий более чем вековой давности и представляют реальную картину общественного быта и культуры народов Северного Кавказа пореформенного периода.

УРУСБИЕВЫ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

Творческому наследию семьи балкарского просветителя XIX века Исмаила Мирзакуловича Урусбиева в историографии посвящено немало исследовательских работ. Отмечая прогрессивную роль Урусбиевых в развитии культуры и просвещения Балкарии и Карачая, открывая новые факты их жизни и деятельности, авторы этих работ внесли существенный вклад в изучение места и роли Урусбиевых в развитии общественной мысли и культуры Балкарии XIX – начала XX века¹. Кроме того, указанная литература освещает жизнь и быт балкарского народа на примере судеб одной семьи, показывает общие тенденции развития этноса, его устремленность в будущее.

В этой связи значение литературы об Урусбиевых неизмеримо возрастает. Однако до сих пор нет специального исследования, посвященного Урусбиевым. Между тем Урусбиевы, как никто из известных нам общественных деятелей Балкарии, понимали значение просвещения в жизни горцев, будущее представлялось им только в дальнейшем развитии духовной культуры и общественного производства. В своих начинаниях они опирались и ориентировались на передовых общественных деятелей России, на идеи российского демократического движения.

По путевым очеркам и зарисовкам, статьям и заметкам, написанным еще в XIX веке, можно узнать не только имена исследователей Кавказа и их заслуги в изучении ущелий Балкарии, но и составить достаточно достоверную картину жизни, деятельности Исмаила Урусбиева, его семьи и родственников, особенности их быта вплоть до таких деталей, как, например, строилась кунацкая Исмаила, ее расположение, этапы ее строительства, интерьер, планировка и т. д.², не говоря о более значимых событиях.

Эта литература освещает историю Урусбиевых на протяжении более ста лет – начиная с первых десятилетий XIX века. Авторами книг и статей, посвященных покорению и изучению Эльбруса, Баксанского ущелью, баксанцам и Урусбиевым, были русские и еврейские ученые. И все они неизменно отмечали прогрессивную деятельность представителей фамилии Урусбиевых, их вклад в исследование Северного Кавказа, Грузии, подчеркивали широту их взглядов, благотворное влияние на жизнь соплеменников.

С середины XVIII века на Баксане сложились особые условия для развития ущелья. Потомки Урусбия Суюнчева, взявшие имя

предка в качестве фамилии, отмечали, возможно, тем самым начало новой жизни новой патронимии. Фамилия Урусбиевых начинает встречаться в исторической литературе в связи с Чепелеу Кучуковичем Урусбиевым-Суюнчевым³. Он и явился первым ее носителем. По преданиям, в отличие от своих близких родственников Суюнчевых, оставшихся в Безенги, Урусбиевы с первых лет своего управления Баксанским ущельем стремились к обновлению горской жизни, усовершенствованию хозяйственной деятельности, насколько это было возможно в условиях патриархального общества, были более внимательны к нуждам подвластных. Вероятно, этим объясняется тот факт, что к 1867 году, ко времени освобождения крестьян Балкарии от крепостной зависимости, во всем Урусбиевском обществе насчитывался всего 21 двор зависимых (в то время как в Балкарском обществе таковых было 136 дворов, Чегемском – 111, Безенгиевском – 49, Хуламском – 29. Общее количество дворов в середине XIX века было: в Урусбиевском обществе – 110, Балкарском – 850, Чегемском – 300, Безенгиевском – 100 и Хуламском – 120)⁴.

В карачаево-балкарском устном народном творчестве среди одических, величальных песен о князьях наибольшей популярностью отличались песни о выдающихся представителях фамилии Урусбиевых. Эта традиция берет свое начало с песни-восхваления отца Урусбия – Баксанука Суюнчева⁵.

Оставил свой след в истории Балкарии и правнук Баксанука – Чепелеу Кучукович. В июле 1837 года состоялась встреча Хан-Гирея с представителями кабардинского, балкарского и осетинского народов и были избраны депутаты на встречу с царем. В состав делегации от балкарцев вошли: Хату Мисаков, Аслан хаджи Джанхотов, Асланбек Суншев (Суюнчев), Актуган Шакманов, Кантово (Каншау) Кунчуков (Кучуков), Ибрагим Келеметов, Шамполо (Чепелеу) Урусбиев⁶.

Свидетельством народной памяти и любви соплеменников является дошедшая до наших дней в активном фольклоре песня об Исмаиле Чепелеуовиче Урусбиеве, жившем в конце XVIII – начале XIX века. О том самом Исмаиле, который является внуком Урусбия Суюнчева, сыном Чепелеу Урусбиева, отцом Мирзакула и дедом Исмаила-младшего, известного общественного деятеля Балкарии и Карачая второй половины XIX века. Исмаил Чепелеуович (именно его популярность породила традицию фамилии Урусбиевых давать старшему сыну имя Исмаил) жил в драматический период существования Урусбиевского общества. «Чегемские таубии и князя Атажукины, часть земель которых находилась в Баксанском ущелье и которые потеснили в свое время карачаевцев, принялись за новых жителей верховьев Баксана. Особенно неприемлемым к новышкам был средний из сыновей Чепелеу – Кандаур... Он постоянно устраивал захватчикам засады, принося им большие неприятности. После смерти Кандаура его жена Убабиче, боясь за жизнь своих сыновей Алхаса и Эльмырзы, вместе с подвластными крестьянами уехала в Карачай. Туда же переехал

родоначальник четвертого атаула Магомет с сыном... Произошло это в начале XIX века», – пишет А. Мусукаев⁷. Как известно из архивных источников, Атажукины в 1804 году были вынуждены покинуть место своего постоянного расселения – район Пятигорья, в связи с утверждением Кавказской линии. Вытесненные царскими войсками, Атажукины вместе со своими сюзеренами и подвластными заняли выходы из Баксанского и Чегемского ущелий, что порождало постоянные приграничные конфликты между кабардинцами и балкарцами. В данном случае, как свидетельствует М. Абаев в своем труде «Балкария», Атажукины и чегемские князья объединились против баксанцев.

Однако жизни сыновей Кандаура – Алхаса и Эльмырзы, а также большинства последовавших за ними баксанцев, переселившихся в карачаевский аул Эльжурту, унесла эпидемия чумы. Этому трагическому событию посвящена широко известная и поныне песня «Эмина».

После переселения сыновей Кандаура и семьи Магомета на Баксане остались два старших сына Чепелеу – Али и Исмаил. Исмаил продолжал дело своего брата Кандаура. Он не только защитил свои земли от притязаний соседних феодалов, но и расширил владения Урусбиевых, о чем свидетельствует и дошедшая до нас песня об Исмаиле Чепелеуовиче:

*О-орайда-райда, старший (большой) Исмаил из Урусбиевых, ой,
У твоих служанок глаза черные, брови – подковой, ой,
В великой России, говорит, напечатанными в газетах выходят,
Большого Исмаила в молодости сказанные слова, ой,
У-о-о-о-ой!*

*Остались без хозяина (без присмотра), о бедный,
В верховьях Малки охотничьи его тропы, о-ой,
О Аллах, Аллах, о Аллах!*

*Течет с носилок его сукровица, говорит, о-ой,
Того Исмаила, говорит, писавшие (заполнявшие) диктант
изящные пальцы (руки), ой, ой!*

*Я ухожу из этого мира, говорит,
Завещая мой бедный народ остальным князьям...
Границы земель, говорит, я установил до Учкекена, говорит,
Бедному народу я независимость сам принес, говорит...*

Подстрочный перевод*

Отсутствующий в приведенном тексте фрагмент этой песни обнаружен в 1983 году в архиве украинского музыковеда М. Гайдая. Нотированная запись М. Гайдая воспроизводит один куплет песни. Он был записан в 1924 году в сел. Яникой от Джунуса Мусукаева:

* Здесь и далее все подстрочные переводы выполнены Т. Биттировой.

*Орусбийланы Исмаил, ой-ой,
Ёлюп дуниядан кетесе, ой,
Тауда кийикле къара киелле, ой!
Нарат терекле эзиллип, жерге кирелле...*

*Урусбиев Исмаил, ой-ой,
Ты покидаешь этот свет, ой,
Траурные одежды надели в горах туры, ой!
Сосны, раздавленные (горем), уходят в землю...*

Подстрочный перевод

Кавказ стал поэтической родиной М. Ю. Лермонтова. Первое наиболее значительное произведение поэта – поэма «Хаджи-Абрек» – было навеяно кавказской тематикой.

Несколько лет тому назад возник спор о том, кто же рассказал Лермонтову печальную историю карачаевского аула Джамагата и другие исторические предания, послужившие сюжетной канвой поэмы. В статье «Поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек» А. В. Попов высказал предположение, что информатором Лермонтова могли быть Урусбиевы, которые «посещали русский лагерь, и что Лермонтов, живший в Пятигорске, мог слышать и от них кровавый сюжет своей поэмы»⁹. Приводя ряд ценных свидетельств в пользу встречи Лермонтова с Урусбиевыми, А. Мусукаев и Д. Таумурзаев в статье «Кто рассказал Лермонтову о Джамагате?» все же пишут: «Можно сказать со всей определенностью: человек, встречавшийся с Лермонтовым, как утверждают некоторые ученые, никаким образом не мог быть Исмаилом Урусбиевым... Четверо Урусбиевых носили имя Исмаил, но все они жили или до Лермонтова или после него»¹⁰.

Однако это мнение более чем спорно. Третий, известный нам Исмаил Урусбиев родился в 1829 году, а дед его Исмаил Чепелевич жил именно в конце XVIII – начале XIX века. По утверждению Н. Г. Волковой, он родился в конце XVIII века¹¹. Таким образом, Исмаил Урусбиев вполне мог жить в те годы, когда Лермонтов находился на Кавказе, и мог встречаться с ним в Пятигорске.

Исмаил упоминается и в песне «Эмина» («Чума»), в которой описывается смерть Алхаса и Эльмырзы:

*Исмаилны къатыны обур Джаннетхан
Эминаны Бахсаннга къоймады хыйны бла, жек бла,
Бизни бу хапарыбызны эшитсе, келир эди
Чепелеуню анасы Даулетхан булут бла, кёк бла.*

*Жена Исмаила ясновидящая Джаннетхан
Не пустила чуму на Баксан заговором,
Если бы знала эту нашу повесть, прилетела (пришла) бы к нам
Мать Чепелеу – Даулетхан на облаках по небу.*

Подстрочный перевод

События и люди, упоминаемые в песне, реальные. Чума в Карачае имела место до 1809 года, а в это время могли проживать названные в песне жена Исмаила Урусбиева Джаннетхан и мать Чепелеу Кучуковича – бабушка Исмаила.

Судя по тексту лермонтовской поэмы, Исмаил Чепелеуович рассказал поэту не только трагедию Джаммагата, население которого погибло во время чумы, унесшей жизнь его племянников, но и основной сюжет поэмы. Исмаил был знатоком карачаево-балкарского устного народного творчества. Он также прекрасно был осведомлен о борьбе народов Северного Кавказа против царской армии, о нескончаемых расправах между горскими князьями, облегчавших царским войскам завоевание Кавказа.

В пользу данного тезиса можно привести и другой фольклорный источник – песню о юношеских годах Исмаила Урусбиева, в которой имеются такие строки: «Исмаил Урусбиев – кумир русских офицеров»¹².

Интерес к древней истории Кавказа, к ее легендам и преданиям был в семье Урусбиевых непреходящим. Тому свидетель и венгерский ученый Ж.-Ш. де Бесс, которому Мирзакул Исмаилович Урусбиев «рассказал несколько преданий о происхождении балкарцев от болгар»¹³. Мирзакул Урусбиев – первый из известных нам информаторов европейских ученых-ориенталистов. После смерти отца он становится старшиною (олием) Баксанского ущелья. Его имя упоминается также во многих официальных документах первой половины XIX века. Мирзакул был широко известен и за пределами Балкарии как общественный деятель прогрессивных взглядов. Вместе с наиболее влиятельными князьями Балкарии Асланом-хаджи Жанхотовым, Кельмаметом Баймурзовым, Магомедом Шакмановым от имени балкарского народа он присягнул на верность России в 1827 году, в ставке генерала Э. Г. Эмануэля в Ставрополе. Этот политический акт повлек за собой более тесные контакты Балкарии с Россией. В том же году была осуществлена отправка детей балкарских князей в аманатские школы¹⁴. Одним из первых аманатов был и десятилетний племянник Мирзакула, сын его двоюродного брата Орусбия Алиевича – Шаухал, который впоследствии стал врачом. Он, пожалуй, первым на Северном Кавказе получил высшее медицинское образование. Непростая биография Шаухала нашла отражение в рассказе В. А. Гиляровского «Восходящая звезда». Этот рассказ входит в цикл «Люди театра» и посвящен блистательной актрисе русского театра М. Н. Ермоловой. Работая над этой частью своей книги, Гиляровский увлекся романтикой Кавказа. Впоследствии, при первом издании «Людей театра», рассказ «Восходящая звезда» был исключен из книги, в связи с этим Гиляровский писал: «Всю романтичность и поэзию, которой полна первая глава, моя любимая глава, над которой я особенно увлеченно работал, – долой! От Ермоловой остается очень мало, «Ага» совсем не пойдет, это изменит план книги. Все-таки я ничуть не раскаиваюсь, что написал Ермоловой – Ага, которые приходится вынуть из этой книги: я

их писал с удовольствием, писал и радовался»¹⁵. В самом деле, рассказ о приключениях в горах Балкарии и встречах с загадочными персонажами Агой и Саматом, являясь увлекательнейшими страницами повествования, не «вписывался» в общий замысел «Людей театра». Глава «Восходящая звезда» впервые полностью напечатана в «Избранном» В. А. Гиляровского, вышедшем в 1960 году.

Каждое поколение Урусбиевых передавало последующему опыт общения с представителями русской культуры, свою мечту о просвещении народа, о развитии его национальной культуры.

В литературе, касающейся генеалогии Урусбиевых, существуют противоречивые суждения о сыновьях Мирзакула Исмаиловича Урусбиева. Наиболее известны авторам имена Исмаила и Хамзата. По сообщению информатора из Верхнего Баксана (бывшее Урусбиево) Абу Джуртубаева (1887 г. р.), у Мирзакула было четверо сыновей: Исмаил, Хамзат, Махай (Магомет), Асланбек¹⁶. Князь Махай был убит своими односельчанами после многолетних распрей. Асланбек поступил на царскую службу и якобы не вернулся на родину.

Если имена Исмаила и Хамзата не вызывают сомнений и во всех источниках встречаются без изменений, то в отношении остальных членов семьи Мирзакула Урусбиева допускается ряд неточностей. По некоторым литературным источникам, у Исмаила было два брата – Хамзат и Магомед¹⁷. Е. Баранов пишет о двух братьях Исмаила – Хамзате и Александре¹⁸. Александр в царской армии дослужился до чина полковника. Можно предположить, что имя Александр Алексеевич было дано Асланбеку после крещения¹⁹, перед женитьбой на Клавдии Матвеевне. Ко времени путешествия Е. Баранова по Балкарии Магомеда уже не было в живых и естественно, что Баранов о нем не пишет. Асланбек (Александр Алексеевич) Урусбиев был малоизвестен в Балкарии и не оставил значительного следа в архивных источниках. Известно только по документам, что он, будучи подполковником, участвовал в 1884 году в составе депутации Кабарды и Балкарии на торжествах по случаю коронации царя Александра III в Москве²⁰.

С именем же сына Александра Урусбиева Исмаила связано одно значительное событие – открытие в 1908 году первой в Кабарде и Балкарии типографии. Специально исследованием данного вопроса никто не занимался, сведения о первом издателе в Кабардино-Балкарии весьма скудны, и приведенные ниже данные извлечены нами только из архивных источников и дореволюционной периодической печати.

Исмаил Александрович Урусбиев родился 15 февраля 1874 года, окончил курс Владикавказского реального училища. Закончил ли он высшее учебное заведение – неизвестно. Из сохранившихся документов видно, что ко времени открытия типографии Исмаил Александрович имел звание штабс-капитана. Сохранилась также переписка по поводу открытия типографии. Разрешение на ее открытие было получено Исмаилом Урусбиевым 20 июля 1908 года. В типографии И. А. Урусбиева издавалась малообъемная печат-

ная продукция – тисненые изделия, открытки, брошюры. Так, в этой типографии была напечатана в 1911 году небольшая книга «Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища – 13 июня 1911 г.». В ней – информация о проведенном мероприятии, напечатаны речи выступавших, сведения о будущем училище²¹. Как известно, в 1911 году было заложено основание будущего здания реального училища (ныне – медфак КБГУ).

В 1910 году начальник Нальчикского округа доносил Главному управлению по делам печати: «В слободе Нальчик существует одна типография, которую содержит отставной штабс-капитан Исмаил Александрович Урусбиев, в остальных же населенных пунктах Нальчикского округа типографий не имеется, а также не имеется литографий и иных заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения, равно не имеется книжных магазинов, лавок и книгоиздательских фирм»²².

Судя по официальным документам, переписке с Главным управлением по делам печати, у Исмаила Урусбиева были большие замыслы, он планировал издавать в своей типографии книги и газеты. Но этому не суждено было исполниться: Урусбиев умер молодым, так и не успев добиться разрешения на издание газеты. После его смерти типография была продана женой Исмаила Екатериной Константиновной в 1912 году К. М. Львову²³.

Исмаил Александрович был известен и как музыкант. Он прекрасно играл на флейте, руководил музыкальным кружком в Нальчике. На страницах северокавказских газет начала века Исмаил Урусбиев неоднократно упоминается как талантливый исполнитель и музыкант. О музыкальном вечере И. А. Урусбиева в 1905 году писала газета «Пятигорский листок»²⁴. А «Терские ведомости» в том же году сообщали о создании И. Урусбиевым музыкального кружка в слободе Нальчик²⁵. Музыкальный кружок состоял из 18 музыкантов. Сам Исмаил играл на флейте, дирижировал на концертах, руководил кружком.

Младший сын Мирзакула – Хамзат (род. в 1832 г.) окончил Ставропольскую гимназию, служил в царской армии. Выйдя в отставку в чине поручика, Хамзат решил заняться устройством сыроваренного завода. Имя Хамзата Урусбиева как первого предпринимателя в области сыроварения широко известно в дореволюционной печати. Газета «Терские ведомости» в 1875 году писала, что Хамзат Урусбиев, «изучавший сыроварение в Швейцарии, и приглашенный им оттуда же, через г. Верещагина, мастер» открыли на Баксане сыроваренный завод, выработавший «в прошлом году от 150 до 400 пудов швейцарского сыра... Затрудняет это дело, по словам Прокопова и Урусбиева, отсутствие выгодного рынка...»²⁶.

Сыроваренный завод Хамзата встречал и другие трудности. В 1880 году от эпидемии одновременно погибло 200 коров. Завод перестал функционировать. Инициатива Хамзата была подхвачена его братом Александром, и в 1887-м производство было запущено вновь. В 1889 году на промышленной и сельскохозяйственной выс-

тавке в Тифлисе завод Александра Урусбиева за хорошие показатели был награжден серебряной медалью. Несмотря на все трудности, сыроварня Урусбиевых функционировала до 1897 года, о чем сообщали те же «Терские ведомости»²⁷.

Хамзат Урусбиев известен также как человек, поддерживавший все начинания «Общества по распространению знаний и технических сведений среди горцев Нальчикского округа». Он был активным членом общества, поддерживал его материально. В 80-е годы Хамзат являлся членом Хозяйственного комитета Нальчикской горской школы. Известный собиратель и публикатор фольклора Северного Кавказа Евгений Баранов дает такую характеристику Хамзату: «Урусбиев по-европейски развитой человек, начитанный, новый тип горца-интеллигента. Несколько лет он проживал в Швейцарии»²⁸.

Хамзат Мирзакулович приложил немало усилий для того, чтобы дать детям светское образование. В архивах Нальчика и Владикавказа сохранилось множество прошений Хамзата о предоставлении сыновьям Далхату, Жанхоту, Ибрагиму стипендии. Ибрагим и Далхат (умер в 1908 г.) окончили Нальчикскую горскую школу. В 1885 году Ибрагим поступил во Владикавказское реальное училище стипендиатом гр. Лорис-Меликова. После окончания Владикавказского реального училища в 1892 году Ибрагим решил поступить в Московский технологический институт. На прошение Хамзата Урусбиева о предоставлении Ибрагиму финансовой помощи для обучения съезд доверенных Нальчикского округа 23 мая 1892 года вынес положительное решение²⁹. Однако через год назначенную стипендию перестали выплачивать, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма Ибрагима: «Сообщите, пожалуйста, немедленно в ректорат технологического института о назначении мне стипендии»³⁰. Хамзат не имел возможности обучать сына за свой счет, и Ибрагим пришлось покинуть институт и поступить на военную службу. 12 августа 1893 года Ибрагим зачисляется в 88-й Кабардинский полк князя Барятинского. До февраля 1917 года Ибрагим служил в царской армии, дослужился до капитана. В период установления Советской власти в Кабарде и Балкарии Ибрагим входил в различные демократические организации Нальчика, работал в Дагестане. В 1927 году был арестован вместе с Назиром Катхановым, Паго Тамбиевым и другими по обвинению в буржуазном национализме. В августе 1928 года расстрелян. Решением Верховного суда РСФСР от 9 января 1960 года реабилитирован «за недоказанностью предъявленного обвинения». Как и другие Урусбиевы, Ибрагим играл на музыкальных инструментах, чутко относился к народному творчеству. В 1924 году украинские ученые во главе с М. Гайдаем в период фольклорной экспедиции записали от Ибрагима несколько нартских и исторических песен.

Ибрагим, как и большинство Урусбиевых, виртуозно владел пером. Об этом свидетельствуют недавно обнаруженные письма Ибрагима из тюрьмы, наполненные чистотой и нежностью, любовью и преданностью своей семье. Сохранились в архиве дочери

Ибрагим и письма его жены Сафият – старшей дочери Мисоста Абаева, которые через десятилетия забвения доносят до нас живой голос, тонкие чувства и настроения Ибрагима Урусбиева, его готовность к самопожертвованию ради торжества справедливости. Утешая свою дочь Фатиму, Сафият Мисостовна писала ей: «В мире, конечно, несмотря на все усилия людей, еще много несправедливостей. Мне нечего говорить тебе об этом. Твой папа – лучший из людей, погиб жертвой этой кошмарной неправды, и, конечно, нам с тобой больно, обидно за него. Но, девочка моя, все-таки лучшие люди борются с этим злом, с этой неправдой. И папа твой еще в начале революции говорил мне: «Может быть, в процессе этой революции я погибну, погибнут дети, семья вся, погибнем без вины, но я знаю, что через все это, через все эти ужасы мир идет к чему-то прекрасному, лучшему, и мне не жалко погибнуть во имя этого прекрасного будущего»³¹.

Как ясно из письма Сафият, Ибрагим Урусбиев был не случайным человеком в революции, он был убежденным борцом, разделял идеи равенства и справедливости, социальных преобразований. К сожалению, на сегодняшний день участие Ибрагима Урусбиева в революционных событиях освещено не в достаточной мере. Ни в одной из книг о революции и гражданской войне в Кабардино-Балкарии ни слова не сказано о его деятельности. Установленным на сегодняшний день можно считать тот факт, что он был тесно связан с шариатистами, пользовавшимися большой популярностью в народе в период революции.

Наиболее известный представитель фамилии Урусбиевых – Исмаил Мирзакулович. С его именем связано зарождение и развитие просветительского движения в Балкарии и Карачае, а также научное освоение отрогов Большого Кавказского хребта. В истории развития общественно-политической мысли и духовной культуры карачаевцев и балкарцев он предстает как умный и дальновидный политик, неутомимый подвижник культуры и просвещения горцев.

Первое упоминание об Исмаиле Урусбиеве относится к 1848 году, когда «молодой, привлекательной наружности горец, сын урусбиевского старшины» присоединяется к русским путешественникам, искавшим кратчайший путь из Хурзука (Карачай) в Урусбиево³³. С этого года не было путешественника, ученого, альпиниста, приезжавшего в Баксанское ущелье и не нашедшего самого радушного приема в кунацкой Исмаила Урусбиева, а затем и его сыновей.

В 1853 году в благодарность за теплый прием и помощь в восхождении на Эльбрус англичанин Дуглас Фрешфильд подарил Исмаилу Урусбиеву переплетенную кожей тетрадь, сделав в ней первую запись: Фрешфильд описал свое восхождение на Эльбрус. Более полувека велись записи в тетрадях Урусбиевых. Их страницы – это увлекательный рассказ о покорении вершин Главного Кавказского хребта русскими и иностранными альпинистами, об изучении флоры и фауны Приэльбрусья, этнографических, геологических, географических, антропологических экспедициях³⁴.

Судьба Исмаила Мирзакуловича Урусбиева была полна ярких событий, добрых дел и неутомимого труда. В молодости, в свите своего родственника сванетского князя Отара Дадешкелиани, он едет в Санкт-Петербург³⁵. Миссия поручика Отара Дадешкелиани имела целью установить более тесные контакты Вольной Сванетии с Россией. За участие в посольстве в октябре 1851 года И. Урусбиев был награжден Золотой медалью на Анненской ленте. Скупые строки послужного списка, составленного в октябре 1870 года, рассказывают о том, что Исмаил Урусбиев находится на военной службе в 40-х годов, в 1868 году ему присвоено звание подпоручика. Место службы указывается весьма неопределенно – «регулярные и иррегулярные части войск, расположенные в Терской области»³⁶.

После выхода в отставку в 1871 году И. М. Урусбиев был отмечен еще одной наградой – Орденом Святого Станислава 3-й степени. Годы службы в царской армии – невыясненный период биографии И. М. Урусбиева. Нам неизвестно, в каких военных кампаниях он участвовал, где были дислоцированы «регулярные и иррегулярные части войск Терской области», на которые указывает послужной список И. М. Урусбиева. Но несомненно одно: служба его не носила постоянного характера.

В связи с тем, что нет научно выверенной биографии И. М. Урусбиева, многие даты его жизни и деятельности указываются исследователями по-разному. В «Очерках истории балкарской литературы» об Исмаиле Урусбиеве в период 1829–1830 гг. пишется как «о молодом тогда прапорщике»³⁷. Во-первых, как явствует из послужных списков, чин прапорщика был присвоен И. М. Урусбиеву 11 января 1853 года³⁸. Во-вторых, о молодости Исмаила пишет почти через 20 лет анонимный автор «Поездки к южному склону Эльбруса»³⁹. М. М. Ковалевский во время поездки в Баксанское ущелье в 1885 году зафиксировал: «Исмаилу Урусбиеву 54 года, но смотрится он гораздо моложе»⁴⁰.

Еще одно свидетельство о дате рождения Исмаила Мирзакуловича – сообщение грузинского историка Нажарадзе: «В 1878 году Исмаилу было 47 лет»⁴¹. И, наконец, в посемейных списках Урусбиевского общества, составленных в 1886 году, задокументировано: «Подпоручику Исмаилу Мирзакуловичу Урусбиеву лет к 1 января 1886 года – 56»⁴². Таким образом, И. М. Урусбиев родился в 1829 году.

Исмаил получил образование в медресе – читал по-арабски. Знал, помимо родного, кабардинский, сванский, осетинский, русский языки. С юных лет Исмаил живо интересовался жизнью, бытом, культурой соседних народов.

Исмаил Мирзакулович Урусбиев неоднократно избирался членом Горского словесного суда в слободе Нальчик. Многие годы он исполнял обязанности старшины Урусбиевского общества, на территории которого находились аулы Баксанского ущелья⁴³.

Исмаил Мирзакулович был прекрасным знатоком фольклора, истории, культуры народов Северного Кавказа и придавал исклю-

чительно большое значение ознакомлению других народов с духовным богатством карачаевцев и балкарцев. Эти цели он и преследовал, когда, услышав о приезде на воды известных деятелей культуры России, встречался с ними, знакомил их с музыкой, песнями, легендами Балкарии, Карачая, Кабарды.

Не менее важной является и практическая деятельность И. Урусбиева, направленная на улучшение социально-экономического положения балкарцев. В исторической литературе иногда встречаются сентенции, что Исмаил те или иные действия предпринимал якобы с целью личной выгоды. Такие утверждения основываются на поверхностном знании реалий жизни Балкарии, на нежелании вникнуть в сущность деятельности Урусбиевых. Некоторые ложные постулаты ученых проникли даже в туристические путеводители. Так, в книжке В. А. Зведре «Путеводитель по Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1987) пишется: «Несмотря на свою просветительскую деятельность, таубии Урусбиевы как представители господствующего класса полностью выражали его интересы и везде стояли на его позициях»⁴⁴. Эта сентенция – почти дословное воспроизведение тезиса историка Т. Х. Кумыкова: «Но эти элементы просветительства в деятельности Урусбиевых не могут заслонить главное – они прочно стояли на позициях своего класса»⁴⁵. И это пишется о человеке, который в 1869 году, когда закончилась казенная субсидия, на личные средства профинансировал окончание строительства колесной дороги от аула Урусбиево до «Донгуз-оруна»⁴⁶. Нет необходимости объяснять, что значило строительство дороги в горном ущелье, с какими трудностями оно было сопряжено. Помимо больших материальных затрат, такое предприятие требовало многих лет напряженного труда. Однако осознание того, что дорога из ущелья – это дорога в большой мир, помогало Исмаилу преодолевать все трудности. Деятельность И. Урусбиева, направленная на улучшение жизни жителей Урусбиевского общества, была поистине самоотверженной. Не имея практически движимого имущества, Исмаил был вынужден неоднократно обращаться за помощью в «Кабардинскую общественную сумму»⁴⁷. Он числился в ее должниках многие годы⁴⁸. После смерти отца Науруз и Сафарали на протяжении многих лет погашали его задолженности.

В специальной и научно-популярной литературе Исмаил известен как деятель культуры, а хозяйственная его деятельность почти не освещена. Он был реформатором традиционного уклада горской жизни. Это проявилось, как уже отмечалось выше, в заботах по устройству колесной дороги в Баксанском ущелье.

Как известно, вторая половина XIX века, пореформенный период для Балкарии, – один из тяжелейших в социально-экономическом отношении. Малоземелье и безземелье ставили карачаевских и балкарских крестьян в безвыходное положение. Традиционное скотоводство и переработка его продуктов не могли создать необходимых условий для дальнейшего развития сельской общины. Понимая это, передовые общественные деятели Карачая и Балка-

рии искали выход из создавшегося положения. Исмаил Урусбиев считал наиболее верным путь дальнейшего развития животноводства на основе передового европейского опыта и применения новых технологий в практике балкарских скотоводов. С этой целью он решает открыть сыроваренный завод в Баксанском ущелье. В сентябре 1871 года Исмаил обратился к начальнику Терской области с просьбой о разрешении на открытие сыроваренного завода на общественных землях. Для устройства завода Исмаил просил отвести ему участок из общественных земель – «Буру-жол» и «Малый Лашкут». Им были заказаны и подробные чертежи устройства сыроварни.

Администрация Терской области передала прошение И. Урусбиева на рассмотрение «Представителей Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ». Доверенные отказали Исмаилу, и строительство завода дали на откуп австрийцу Гаштелю (в 1874 г.), но последний так и не сумел построить завод и наладить сыроваренное производство.

Хотя попытка Исмаила окончилась неудачей, его идею подхватили младшие братья, и в 1874 году сыроваренный завод был пущен Хамзатом Урусбиевым. А когда Хамзат разорился, производство вновь наладил Асланбек (Александр Алексеевич) Урусбиев.

Большую эрудицию и глубокий ум Исмаила Урусбиева неоднократно отмечали исследователи Кавказа. Так, в очерке И. Иванюкова и М. Ковалевского «У подошвы Эльбруса» сообщается, что Исмаил несколько раз побывал в Москве и Петербурге, во время своих поездок он старался как можно больше узнать о развитии научной мысли, приобщиться к великой культуре России. В названной работе отмечается, что у Исмаила глубокие познания по истории и фольклору Кавказа. «Память у князя феноменальная, – писали авторы очерка, – однажды, беседуя с нами о русской литературе, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест у Добролюбова»⁴⁹.

Такую же характеристику Исмаилу дает и знаменитый русский композитор С. И. Танеев: «Он человек во многих отношениях замечательный, знающий весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую), знающий историю и географию, Бокля, Дарвина»⁵⁰.

Этнографические, исторические, географические сведения, предоставленные Исмаилом и записанные М. М. Ковалевским, легли в основу его трудов «У подошвы Эльбруса» (в соавторстве с И. Иванюковым) и «В Сванетии» и представляли собой первые сообщения о семейных и правовых отношениях у кавказских народов, вошедшие впоследствии в работы М. Ковалевского. Его монография «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» вышла в 1891 году в Стокгольме. Впоследствии она послужила одним из научных источников Ф. Энгельсу при написании им работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁵¹.

М. М. Ковалевский в своих статьях и письмах неизменно под-

черкивал, что успехом своей этнографической экспедиции был обязан Исмаилу Урусбиеву. Исмаил, по его словам, был не только ценным информатором, но и оказал большую практическую помощь в организации экспедиций. Благодаря усилиям Исмаила, оказавшего ему «неисчислимую помощь», Ковалевский и его спутники «глубоко изучали быт балкарцев Баксанского ущелья, смогли перейти через величайший Кавказский хребет в Сванетию и везде встречали радушное гостеприимство»⁵².

Известный кавказский журналист, собиратель и издатель балкарского фольклора Е. Баранов, посетивший Урусбиево в 1891 году, в своем очерке «Поездка в Урусбиевское общество горских татар», опубликованном в газете «Терские ведомости», писал: «...недавно умерший, Исмаил среди горцев пользовался таким всеобщим уважением и почетом, что теперь про него поются песни и сложились легенды, как о человеке, горой стоявшем за интересы всего общества. Среди иностранных и русских туристов он был известен как радушный хлебосол и неутомимый помощник в их трудных по горам ученых экспедициях; он был замечательно умный человек, но, к сожалению, не получил солидного образования»⁵³.

В литературе, посвященной Урусбиевым, встречается много спорных, невыверенных фактов. Так, в книге О. Опрышко «По тропам истории» сказано: «Науруз увиделся с Сергеем Ивановичем Танеевым и в июне 1891 г., когда тот лечился в Пятигорске. Урусбиев приехал к нему и прежде всего сообщил печальную весть о том, что несколько месяцев тому назад скончался его отец Исмаил Мирзакулович»⁵⁴.

Между тем в рапорте начальника Нальчикского округа Терской области, поданном в мае 1888 года, сообщается: «Житель Урусбиевского общества подпоручик, Исмаил Урусбиев, получающий от Пятигорского казначейства пенсию, 8 числа текущего месяца от продолжительной болезни умер»⁵⁵.

Исмаил Мирзакулович был женат на Наго Бийнёгеровне Балкаровой и имел пятерых детей. Старшая из детей – Мисирхан родилась в 1856-м, Сафарали – в 1858-м, Науруз – в 1863-м, Забида – в 1866-м, Сафият – в 1869 году. О жизни дочерей Исмаила Урусбиева сведений сохранилось мало. Известно, что старшая дочь Мисирхан была замужем в карачаевском ауле Карт-Джурт за князем Крымшамхаловым и умерла вскоре после рождения ребенка. По сообщению жительницы сел. В. Баксан Искендеровой Ханифы Хажиевны (82 года), дочь Мисирхан Ельмесхан после смерти мужа вышла замуж за ногайского мурзу. Она же сообщила, что у Ельмесхан было двое детей от первого брака – Пахат и Азиза. У Забиды и Сафият личная жизнь не сложилась. Об этом Ханифа Искендерова рассказывала: «Забида умерла в глубокой старости в Алма-Ате. Пережив все унижения, выпавшие на долю их семьи после установления Советской власти, Сафият сошла с ума и умерла в начале 1943 г., в ту ночь, когда немцев выгнали из Баксанского ущелья»⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985; Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1981; Сафарян С. Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988.

² В рамках данной работы невозможно привести все источники по Урусбиевым. Вот некоторые из них: Хорлон Е. М. Восхождение на Эльбрус в 1849 г. Кибенхава, 1855. – На гол. яз.; Грабовский Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2; Динник Н. Я. Поездка в Балкарию // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1887; Давидович С. Д. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. СПб., 1887. Т. 28. № 5; Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество горских татар // Терские ведомости. 1891. № 55, 56; Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Кавказа. СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14; Фрешфильд Д. Исследования Кавказа. Лондон, 1896; Мерцбахер Г. По высокогорному Кавказу. Лейпциг, 1901; Поггенполь Н. В. Через Сванетию в долину Баксана. ЕРГО. М., 1904. Вып. 2; Мориц фон Деши. Кавказ. Путешествие и исследования на вершинах Кавказских гор. Берлин, 1905–1907; и т. д.

³ В тексте Хуламского памятника (в настоящее время находится в фонде Государственного объединенного музея КБР), датированном Л. Лавровым 1711 годом, встречается имя Исмаила Урусбиева или сына Урусбия, не упоминающегося в последующей литературе. Как известно из генеалогических схем Урусбиевых и Суюнчевых, в начале XVIII века не было Исмаила, тем более Урусбиева, т. к. патронимия Урусбиевых начинается с середины XVIII века и обязана своим появлением Чепелеу Кучуковичу, внуку Урусбия. Возможно, что генеалогические схемы не сохранили имя Исмаила, который мог быть сыном Урусбия и братом Кучука. Вполне возможно и такое, что Кучук – это второе имя Исмаила, что нередко встречалось у горцев. Нельзя исключить вероятность того, что тукъум (род) Урусбиевых сложился не в середине XVIII века, как принято считать в историографии Балкарии, а гораздо раньше.

Дата составления надписи не может вызвать больших сомнений, ибо остальные упомянутые в тексте памятника участники определения границ жили именно в этот период. Так, например, Болака (Булабек) Биттиров, по сообщению Ш. Б. Биттирова, является его предком в седьмом колене (Болака – Зуппай – Ийналукъ – Ибакъ – Жанболат – Эртуу – Биязуркъа). Это и Асланбек Кайтукин – кабардинский феодал, известный в легендах и преданиях своими притеснениями балкарских и осетинских (дигорских) крестьян.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 854, д. 14, л. 2–3.

⁵ Песня о Баксануке Суюнчеве, широко распространенная в карачаево-балкарском устном поэтическом творчестве, была опубликована в работе Н. П. Тульчинского «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчинского округа Терской области» в 1903 году с пометой: «Займствовано из тетради Науруза Урусбиева». Другие варианты, существуя, повторяют сюжет опубликованной песни.

- ⁶ ЦГВИА. Рукописный фонд, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 125–127.
- ⁷ Мусукаев А. И. Балкарский тукум. Нальчик, 1978. С. 13.
- ⁸ Архив КБНИИ, ф. 655–ф/8.
- ⁹ Попов А. В. Поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек» // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 2. С. 238.
- ¹⁰ Коммунизмге жол. 1977. 29 октября.
- ¹¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX в. М.: Наука, 1974. С. 99.
- ¹² Архив КБНИИ, ф. 622–8.
- ¹³ Новое о Шоре Ногмове // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 1 сентября.
- ¹⁴ Азаматов К. Г. Русско-балкарские отношения в XVII – XVIII вв. // Коммунизмге жол. 1979. 27 октября.
- ¹⁵ Гиляровский В. А. Избранное. М.: Московский рабочий, 1960. Т. 1. С. 580.
- ¹⁶ Архив КБНИИ, ф. 622–ф/1.
- ¹⁷ Грове. Холодный Кавказ // Природа и люди. СПб., 1879. Т. 6.
- ¹⁸ Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество горских татар // Терские ведомости. 1891. № 55, 56.
- ¹⁹ Ср. документы из ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 748 (л. 144); д. 197 (л. 226); д. 85 (л. 45) и др.
- ²⁰ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 29, л. 37.
- ²¹ Там же, ф. и-46, оп. 1, д. 4, л. 3.
- ²² Там же, ф. 6, оп. 1, д. 748, л. 61.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Пятигорский листок. 1905. № 272.
- ²⁵ Терские ведомости. 1905. № 11.
- ²⁶ Терские ведомости. 1897. № 76.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество.
- ²⁹ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 158, л. 149.
- ³⁰ Там же, л. 152.
- ³¹ Из личного архива внучки М. К. Абаева – Дауты Измайловны Алмазовой.
- ³² Архивный фонд Института Украинского фольклора АН Украины. Собрал А. Рахаев.
- ³³ Г – д. Поездка к южному склону Эльбруса // Библиотека для чтения. СПб., 1849.
- ³⁴ История поиска тетради изложена в книге: Опришко О. Через века и судьбы. Нальчик, 1990.
- ³⁵ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 4, д. 109, л. 39.
- ³⁶ Там же, оп. 2, д. 322, л. 27 об.
- ³⁷ Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1982. С. 36.
- ³⁸ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 4, д. 103, 199, 322.
- ³⁹ Г – д. Поездка к южному склону Эльбруса // Библиотека для чтения. СПб., 1849.
- ⁴⁰ Иванюков Н. И., Ковалевский М. М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. 1. Кн. 1. С. 94.

⁴¹ Архив КБНИИ, ф. 658–ф/в.

⁴² ЦГА КБР, ф. 9, т. 1, д. 33.

⁴³ Звание «олий» соответствовало принятому царской администрацией чину «старшина». Выбирался на Тёре.

⁴⁴ Зведре В. Путеводитель по Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 62.

⁴⁵ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 406.

⁴⁶ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 158, л. 44–45.

⁴⁷ «Кабардинская общественная сумма» – название фонда отчислений кабардинских и балкарских сельских обществ на удовлетворение общественных нужд.

⁴⁸ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 29, л. 12, 21; д. 85, л. 29 и др.

⁴⁹ Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1. С. 94.

⁵⁰ Переписка Чайковского и Танеева. Изд. Юргенсона, 1901. С. 140–141.

⁵¹ Беляев В. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Танеева // Памяти Танеева. М.; Л., 1947. С. 212.

⁵² Там же.

⁵³ Терские ведомости. 1891. № 56.

⁵⁴ Опрышко О. По тропам истории. Нальчик, 1979. С. 283.

⁵⁵ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 2, д. 1132; л. 103.

⁵⁶ Архив КБНИИ, ф. 656–ф/8.

САФАРАЛИ УРУСБИЕВ

Старший сын балкарского просветителя Исмаила Мирзакуловича Урусбиева – Сафарали родился в 1858 году¹.

С малых лет Сафарали обучался вместе с двоюродными братьями в медресе Урусбиевского поселка у ученого богослова из Дагестана Искандера-эфенди. Исмаил Мирзакулович нанял также для обучения сыновей и племянников русского учителя. К сожалению, имя этого подвижника сегодня неизвестно. Благодаря ему в середине 70-х годов в Урусбиево было немало горцев, которые «умели писать хорошо и скоро»².

В 1872 году Сафарали поступает во Владикавказское реальное училище. Учился Сафарали успешно, старательно овладевал курсом реального училища, которое давало среднетехническое образование. Осталось свидетельство о встрече английского путешественника Грове с Сафарали-реалистом в 1874 году: «В деревне находился и представитель главного рода – прелестный юноша пятнадцати или шестнадцати лет – старший сын и наследник Исмаила. «Сударь, – сказал он однажды Муру³, когда последний заговорил о путешествии из Урусбиево в Учкулан, – если бы мой отец был здесь, то он не только счел бы за честь принять вас в своем доме, но и проводил бы вас до Учкулана». Слова его были совершенно искренни, если и не были лишены восторженности. Мальчик этот воспитывался в русской школе, впоследствии чего весьма естественно старался подражать одежде и обычаям победителей, хотя в нем и сохранились некоторые лучшие черты национального характера, и таким образом он был очарованным представителем Урусбиевых, самых образованных и приветливых из жителей Северо-Западного Кавказа»⁴.

Годы учебы во Владикавказе предопределили судьбу молодого горца. Ведь Владикавказ второй половины XIX века был не только административным, но и культурным центром Северного Кавказа. В 70-х годах XIX века здесь были созданы подпольные революционные кружки рабочих, передовая часть горской интеллигенции была объединена в народнические кружки. Среди кружковцев реалисты Владикавказа занимали видное место. В документах расследования деятельности Владикавказского кружка народников несколько раз упоминаются и имена балкарцев – учащихся владикавказских училищ Мисоста и Кайтука Абаевых. Несомненно, что и Сафарали не оставался в стороне от деятельности кружка. Сафарали и Мисоста Абаева связывала многолетняя дружба. Они не

потеряли связи и тогда, когда Сафарали был вынужден более двадцати лет находиться вдали от родины. Столица Терской области – Владикавказ XIX века жил напряженной жизнью. Здесь выходили газеты, на заседаниях окружного суда слушались дела крестьян, взбунтовавшихся против помещиков, выносились обвинительные приговоры против рабочих, участников революционного движения.

Зарождающаяся горская интеллигенция пыталась наладить дело народного просвещения, была озабочена повышением жизненного уровня своих народов. В этой обстановке формировалось мировоззрение молодого Сафарали Урусбиева.

Нам неизвестно точно, в каком году Сафарали закончил училище. Но если учесть, что во Владикавказском реальном училище обучение было шестилетним, а для тех, кто собирался поступать в высшее учебное заведение, имелся седьмой, дополнительный или, как его называли, приготовительный класс, то Сафарали закончил училище в 1880 году. В 1879 году он подготовил к публикации «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области». Предстоит еще выяснить историю публикации учащимся Владикавказского реального училища Сафарали Урусбиевым «Сказаний о нартских богатырях...». На замыслы Сафарали указывает сообщение П. Острякова в «Вестнике Европы»: «Им (Наурузу и Сафарали. – Т. Б.) дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы хотя бы в русском переводе сохранил заветные песни. Желание их и любовь доходят до того, что оба брата наперыв предлагали мне быть переводчиком и комментатором...»⁵.

Сафарали выбрал профессию в ранней юности. Не последнюю роль в его решении стать ученым-лесоводом сыграло, видимо, состояние Баксанского леса, хищнически истреблявшегося с середины XIX века. После окончания училища Сафарали ждет освобождения стипендии гр. Лорис-Меликова, учрежденной для обучения в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. До конца 1880/81 учебного года эту стипендию получал Тавкешев; после ее освобождения она была присуждена Сафарали Урусбиеву, и он становится студентом академии. На сегодняшний день существуют два противоречащих друг другу документа о дате окончания Сафарали академии. В «Годичном акте Петровской земледельческой и лесной академии на 21 ноября 1885 г.» имя Сафарали Урусбиева записано в списке утверждаемых «в звании действительного студента»⁶. Третьим мая 1885 года датировано заявление Исмаила Урусбиева начальнику Нальчикского округа о предоставлении единовременного пособия для изучения практического садоводства в Крыму «сыну, студенту Сафару Урусбиеву, окончившему курс в Петровско-Разумовской академии по агрономическому отделу...»⁷. В академии был четырехлетний срок обучения. Сафарали поступил на лесоводческое отделение, но в 1883 году в связи с постоянными волнениями студентов отделение было закрыто. Часть студентов была уволена, другая часть пере-

ведена на агрономическое отделение. Возможно, этим объясняется продление срока учебы Сафарали в академии.

Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия, где учился Сафарали Урусбиев, была создана в 1865 году по инициативе Московского общества сельских хозяев, в разные периоды она меняла свою структуру, название, сроки обучения. «Петровская академия была хорошо оснащенный высшим учебным заведением и готовила специалистов широкого профиля. Здесь функционировала образцовая ферма, опытное поле, ботанический сад, пасака, оранжерея, лаборатория, многочисленные учебные кабинеты»⁸. В годы, когда учился Сафарали, в академии обучалось большое количество студентов-кавказцев. Среди них широко известны имена участников подпольного революционного движения во Владикавказе народовольцев Индриса Шанаева, Ефима Газданова, Д. Голиева и др.

Будучи студентом Петровско-Разумовской академии, Сафарали не оставляет своей просветительской деятельности. Во время каникул собирает фольклор, занимается также составлением грамматики, для чего «применяет русскую азбуку к выражению его звуков». Об этом сообщают Миллер и Ковалевский после своего первого путешествия по Северной Осетии и Балкарии в 1883 году⁹. В том году Сафарали оказал большую помощь ученым не только как проводник и переводчик, но непосредственно и в сборе полевого материала. В экспедиции ученых, кроме Сафарали, принимал участие студент той же академии, где учился Сафарали, — Соломон Туккаев из Осетии. «Имея по всем аулам родственников, аталыков и кунаков, Сафарали мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству», — писали исследователи Кавказа. В. Миллер и М. Ковалевский оставили нам любопытную характеристику взаимоотношений Сафарали и его земляков: «Женщин гораздо больше, чем мужчин, огорчал европейский костюм Сафара и его отпущенные волосы. В оправдание себе он должен был прибегать к довольно неправдоподобному объяснению, что в Москве так холодно, что нельзя ходить бритым. Одна из кузин заметила о нем с иронией: «Ведь вот русский, а недурно говорит по-горски»¹⁰.

Исмаил Урусбиев внимательно следил за учебой сына, оказывал ему всяческую помощь. После окончания академии в 1885 году, как отмечалось выше, Сафарали должен был изучить практическое садоводство в Крыму. Так как в то время Исмаил Мирзакулович был стеснен в средствах, то он обращается к начальнику Нальчикского округа с просьбой о выдаче пособия для продолжения занятий¹¹. При условии, если в просьбе будет отказано, И. М. Урусбиев просит выдать двести рублей займа.

После окончания занятий по практическому садоводству в Крыму в 1887 году Сафарали был направлен для работы лесничим в слободу Воздвиженская Грозненского округа. 9 февраля 1891 года, «причисленный к корпусу лесничих губернский секретарь Урусбиев» был назначен на должность лесничего 2-го ветлужского II раз-

ряда лесничества Костромской губернии¹². Через год он был переведен в Угличское лесничество Ярославской губернии.

Мы пока не располагаем достаточным количеством документов о периоде жизни Сафарали с 1892-го по 1911 год. Можно только предположить, что Сафарали не остался в стороне от революционных событий рубежа XIX и XX веков. Еще предстоит уточнить, за что царская администрация «пожизненно сослала инакомыслящего горца в г. Углич Ярославской губернии»¹³. Судя по некоторым источникам, живя на севере, Сафарали не порывает связи со своими земляками-кавказцами. Доктором филологических наук Р. Х. Хашхожевой в 1966 году были разысканы материалы, свидетельствующие о близком знакомстве Сафарали Урусбиева и адыгского писателя начала XX века Кази-Бека Ахметукова¹⁴. Обнаруженные ею документы свидетельствуют: в 1898 году Ахметуковым была предпринята попытка издания журнала «Кавказ и народы Востока». Соиздателем журнала, готовым внести 35 из нужных для субсидирования журнала 50 тысяч, Ахметуков называет Сафарали Урусбиева. Знакомство Ахметукова и Урусбиева подтверждается и повестью Ахметукова «На черный материк»¹⁵, опубликованной в том же 1898 году. Судя по повести, знакомство Ахметукова с Урусбиевым и урусбиевцами было весьма поверхностным. Баксанское ущелье он называет Баксановским, а об урусбиевцах пишет: «Товарищи мои были балкары (ногайского племени)...»

По выявленным на сегодняшний день документам трудно судить, за что и на какой срок был сослан Сафарали на север. Анализ обнаруженных документов дает основание и для такого вопроса: а был ли Сафарали сослан вообще? Иначе чем объяснить, что его неоднократно избирали в органы земской управы, он носил свой почетный титул князя, а в 1907 году даже был награжден орденом св. Станислава 3-й степени? К 1915 году Сафарали Урусбиев имел чин надворного советника.

В 1911 году Басият Шаханов, будучи юрисконсультom Нальчикского округа, возбудил ходатайство о возвращении Сафарали в Балкарию. Но ходатайство это не было удовлетворено.

К сожалению, мы почти не располагаем сведениями о последних годах жизни Сафарали Урусбиева, не знаем точной даты его смерти. Последнее известие о Сафарали Урусбиеве мы находим в очерке В. В. Дубянского «К портрету князя Н. И. Урусбиева», написанном в 1917 году. В нем вскользь упоминается, что брат Науруза «служит по корпусу лесничих в министерстве земледелия и государственных имуществ»¹⁶.

С именем Сафарали Урусбиева связана первая публикация карачаево-балкарского нартского эпоса. Нартские сказания были опубликованы в первом номере «Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа» и представляли карачаево-балкарскую версию нартиады. Подбор, перевод и литературная обработка текстов дают основание рассматривать публикации как самостоятельную творческую работу. Из множества вариантов

С. Урусбиев выбирает именно те, что объединяют цикл вокруг нарта Ёрюзмека, и при этом старается не нарушать «внутренней связи между ними, как частями одной эпической поэмы» (С. Урусбиев). Эти нартские легенды об Ёрюзмеке, Шауае, Рачикау и Сосруке имеют самостоятельный характер, хотя и являются частями большого эпоса и связаны своей мифологической и архаичной основой, общими героями, сюжетными линиями.

Публикацию нартских сказаний С. Урусбиев предварил большим предисловием, в котором дается общая характеристика нартскому эпосу. Он вводит читателя в мир культуры карачаевцев и балкарцев, знакомит его с характером бытования нартиады, ареалом ее распространения, с основными персонажами, манерой исполнения и музыкального сопровождения.

Публикация С. Урусбиева положила начало интенсивному исследованию как нартского эпоса, так и других жанров карачаево-балкарского фольклора.

Судьба С. Урусбиева оставила свой след и в русской литературе начала XX века. Брат А. П. Чехова – Михаил несколько раз обращался к драматическим жизненным обстоятельствам, вынудившим С. Урусбиева жить вдалеке от родины. Они познакомились в 1894 году, когда М. Чехов был переведен по службе в Углич. К этому времени в Угличе сложился культурно-просветительский кружок, объединивший небольшую группу угличских интеллигентов. Активными членами кружка были Л. Ф. Соловьев, Н. Д. Евреинов, П. А. Критский и С. Урусбиев. М. Чехов тотчас включился в работу кружка. По воспоминаниям сына М. Чехова – Сергея, «Антон Павлович с живым участием слушал повесть своего брата Михаила об этом балкарце и его неудавшейся жизни. Это он, Антон Павлович, посоветовал брату написать рассказ»¹⁷. М. П. Чехов написал о своих встречах с Сафарали сначала в губернской газете «Угличские вести». Затем писатель переработал свои очерки в рассказ «Преступник», где писатель соперничает своему несправедливо осужденному товарищу.

Исследователями творчества С. Урусбиева обнаружена также публикация в «Отечественных записках» (1884) – письмо в редакцию журнала, где он в соавторстве со своим товарищем по Академии Соломоном Туккаевым рассказывает об обстоятельствах совершения известной этнографической экспедиции, предпринятой русскими учеными-ориенталистами М. М. Ковалевским и В. Б. Миллером. В этой статье обнаруживается полемический дар авторов, их глубокая заинтересованность в изучении народов Северного Кавказа.

Творчество и общественная деятельность С. Урусбиева находятся у истоков просветительского движения балкарцев и карачаевцев. Он был первым во многих областях развития духовной культуры народа во второй половине XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 4, д. 103, с. 39; ф. 12, оп. 5, д. 199.

² Грове. Холодный Кавказ... С. 131.

³ Мур – ученый, сопровождавший Грове по Кавказу.

⁴ Грове. Холодный Кавказ... С. 131.

⁵ Остряков П. Народная лирика кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. 1879. Кн. 8. С. 701. Необходимо отметить, что работа Острякова не имеет никакого отношения к кабардинскому фольклору. Публикуя образцы карачаево-балкарского фольклора, П. Остряков допустил ошибку в определении этнонима балкарцев, что было распространенным явлением в XIX веке.

⁶ ЦГА Московской области, ф. 228, оп. 1, д. 351, л. 5.

⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 29.

⁸ Очерки школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. М.: Педагогика, 1976. С. 179.

⁹ В горских обществах Кабарды. Из путешествия Вс. Миллера и М. Ковалевского // Вестник Европы. 1884. Кн. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 29–32.

¹² Приказы по корпусу лесничих. СПб., 1892 // ЦГВИА, ф. 243, оп. 3, д. 1, л. 18.

¹³ Кабардино-Балкарская правда. 1981. 9 июня.

¹⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1966. 11 ноября.

¹⁵ Вокруг света. 1898. № 13.

¹⁶ Кавказские курорты. 1917. № 10. С. 118.

¹⁷ Чехов С.М. О семье Чеховых. Ярославль, 1970.

САФАРАЛИ УРУСБИЕВ

СКАЗАНИЯ О НАРТСКИХ БОГАТЫРЯХ У ТАТАР-ГОРЦЕВ ПЯТИГОРСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Несколько слов от собирателя и переводчика

В горах Пятигорского округа Терской области живет племя татарского, или монгольского, происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком. На плоскости этого же округа живут кабардинцы, язык которых не имеет никакого сходства с языком означенного татарского племени.

Долгое время обращаясь в среде последнего и сам принадлежа к нему по своему происхождению, я задался мыслью записать устные предания, сохраняющиеся у этого народа от глубокой древности. В числе таких преданий первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени. Подобные сказания сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности. Конечно, переходя из уст одного поколения к другому, они претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти.

До сих пор как самое название «нарты», так и смысл этих глубоко поэтических сказаний о них остаются неразъясненными. Тем не менее некоторые поговорки, употребляемые в настоящее время татарами-горцами и кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намечают образ нарта. «Он храбр, хитер, силен – он молодец, как нарт», – говорят о каком-нибудь благородном уздене; «он строен, статен, как нарт», – говорят горцы про человека, отличающегося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившегося подвигами благородства, бесстрашия и силы. Таким образом, название нарт в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним «удалого доброго молодца». Равным образом, и сказания, записанные мною, гласят, что нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою, главным образом, в иска-

нии опасностей и приключений, в набегах с целью добычи, а также в особых странствованиях, называвшихся джортуулами¹. Отправляясь на подвиги, они говаривали: «Ах, если бы нам довелось поголодать и встретиться с затруднениями и опасностями!» Все, что доставалось без особенного труда, не соединялось с опасностями, было им противно; они искали таких приключений, в которых им можно бы было во всю ширь выказать свою удаль и силу.

Наряду с нартами предания упоминают о великанах-эмегенах, отличавшихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью; у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались победителями, несмотря на то, что эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук.

В свободное от джортуулов время нарты устраивали увеселительные собрания, на которых предавались богатырским играм и танцам. Собрания их всегда происходили в доме Алиговых, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себя мясо сорока бугаев².

Местом действий нартов служила по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги, которая очень часто упоминается в этих сказаниях под именем Эдияля, через который нарты переправлялись иногда, с целью набегов на своих врагов и угона к себе их табунов. Памятников, свидетельствующих о существовании нартов в Кубанской области, очень много. Мне рассказывали очевидцы, что при впадении реки Теберды в Кубань, близ Хумаринского укрепления, находится на одной высокой скале большой замок, носящий и поныне название «Чуана». По преданиям, в нем некогда жил нарт Гиляхсыртан злоязычный. На левом берегу Теберды также есть другой замок — «Сынты», по красоте превосходящий «Чуана».

Близ «Чуана» лежит большой камень, называемый камнем нарта Сосруко³. По одному сказанию, Сосруко въехал на этот камень на своей лошади, и она оставила на камне следы своих копыт. Там же виднеются следы собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко. Все это подтверждает, что главное местопребывание нартов было в Кубанской области, на Северном Кавказе, откуда они во время своих воинских странствований доходили также до Эдияля.

Вот имена тех нартов, про которых сложены песни у горцев: Урызмек⁴, Сосруко, Шауай, Ширдан, Хмыч, Батрез⁵, Рачикау, Сибильчи, Гиляхсыртан злоязычный, Деуэт, Алауган. Каждому из этих нартов посвящена особая песня; мотивы песен довольно однообразны. Но с течением времени песни эти постепенно прихо-

дят в упадок, и в настоящее время певцов, поющих их с умением, очень мало, можно сказать, почти совсем нет. Они по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-поэтами, называвшимися гегуако⁶.

Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь народного сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах давно минувших, или воспевали какие-нибудь важные современные события, прославляли современных героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они сами разносили свои произведения по Кабарде. Так, собирался народ в поне⁷ (сбор народа) для решения каких-нибудь общественных вопросов на каком-нибудь открытом, возвышенном месте за аулом, молодые люди показывали здесь свое искусство в джигитовании, борьбе и разных играх, а пожилые люди занимались рассуждениями об общественных делах; непременно появлялись тут и гегуако. Они зорко следили за всем происходящим здесь и, если замечали между молодыми людьми особенно выдающихся своим удальством и ловкостью в джигитовании, то старались поощрить их похвалой, разнося весть о них по всем аулам – ближним и дальним – и прославляя их доблесть в своих песнях. Обращал ли кто на себя общее внимание мудрыми советами и речами в народном собрании, гегуако немедленно слагал песнь, которую и пел тут же в присутствии собравшихся. Но горе было тем, которые запятнали себя злым делом или обнаружили вредное намерение: неподкупная, как совесть, песнь гегуако привлекала на них позор и всеобщее осуждение.

Умирал ли человек, уважаемый за мудрость и храбрость, народ собирался к его могиле, приглашал нескольких гегуако и просил их сложить песню про умершего на память потомству, чтобы и грядущие поколения славил его имя и доблестную жизнь.

В таких случаях один из гегуако брался воспеть одну сторону деятельности умершего, другой – другую и т. д. После этого гегуако на некоторое время удалялись от света в безлюдные, уединенные места и, ведя там самую тихую жизнь, слагали свои песни. По истечении некоторого времени они объявляли об окончании своей работы, и тогда народ стекался со всех сторон на определенное место, куда являлись и гегуако. Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое движение: один поправлял свою папаху, другой кинжал, третий газыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте. Один из гегуако всходил на возвышенное место среди толпы и пропевал сначала только голосовой мотив песни, ударяя при этом харсом⁸: все с нетерпением ждали минуты, когда он начнет петь

самую песню. Настроив свой голос под харс, первый гегуако пропел свое произведение, за ним пел другой и так до последнего.

Толпа внимала, затаив дыхание; только в перерывах можно было расслышать шепот: «Откуда они берут такие чудные слова?»

По окончании пения раздавался взрыв восторженных криков и начинался пир: угощение народа и награждение певцов-поэтов. Родственники умершего дарили им платье, лошадь, оружие и проч. Гегуако жили исключительно подобными подаяниями.

Они также сопровождали воинов и воспевали подвиги их на поле брани, в своих песнях являясь раздатчиками наград доблестным героям и карателями трусов. Во время битв они располагались на каком-нибудь закрытом месте, откуда было удобно наблюдать не только за общим ходом дела, но и за действиями отдельных воинов, и внимательно наблюдали: кто идет впереди всех, храбрее сражается, как умирает тот или другой пораженный воин, — и песни их скоро извещали всех остающихся дома об исходе битвы и подвигах храбрых воинов.

Из сказанного видно, что гегуако в свое время имели громадное значение в среде своего народа и приносили большую пользу. В своих свободных песнях они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали порок и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни. Понимая, или лучше, чувствуя пользу, приносимую гегуако, народ уважал и любил их и обеспечивал им неприкосновенность и полную свободу: они могли смело говорить во всеуслышание обо всем и обо всех, предавать всенародному порицанию и посмеянию все, что они признавали того достойным.

Заходила ли речь о знатном князе или о нищем бедняке, гегуако с суровым беспристрастием высказывал правду. Доказательством того, какими любовью и уважением пользовались гегуако у народа, служит уже то, что родители, даже из знатных князей, замечая в своих детях особенные духовные способности, отправляли их на воспитание к гегуако, у которых молодые люди и проводили по несколько лет.

Ни одно пиршество, ни одно народное собрание не обходилось без гегуако, и при них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на замечание; голосу их все привыкли придавать важное значение.

Но с распространением магометанской религии гегуако впадают в немилость у мулл. Имамы⁹ начинают их преследовать, находя их дело грешным, противным новой религии. Приведу здесь один разговор, который может характеризовать отношения между гегуако и муллами.

Обратившись к гегуако, мулла говорит:

— Ты — человек, находящийся вне религии; ты вреден для общества, таких, как ты, нужно гнать и убивать.

— Нет, не меня надобно преследовать, а скорее тебя. Это ты находишься вне всякой религии, вне всего честного, доброго. Твое дело только грабить, обирать народ. Ты с нетерпением ждешь

той минуты, когда мы теряем какого-нибудь человека, в особенности знатного и богатого, чтобы после смерти его завладеть какою-нибудь его дорогою вещью. Ты человек наивреднейший, ты грабитель и обманщик. А я живу честным трудом и приношу посильную пользу народу. Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа: вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет показаться мошенник; я – противник всего бесчестного, нехорошего.

– Скажи мне, что ты считаешь основанием религии? – спрашивает мулла.

– Я? По моему мнению, основанием религии должно служить просяное зерно...

Смысл последних слов гегуако будет понятен, если мы примем во внимание, что просо в той местности составляет одно из распространеннейших хлебных растений, и до сих пор употребляемое в пищу в виде каши, а в старину оно господствовало, так как тогда не сеяли никаких других хлебных растений, кроме проса и нартуха*. Вследствие преследований со стороны представителей магометанской религии, а равно и многих других причин, певцы-гегуако постепенно начали сходить со сцены и в конце концов совершенно исчезли. Последний из них, по имени Таяир, заслуживший всеобщую известность, умер в Малой Кабарде в 50-х годах настоящего столетия. Песни гегуако, заключающие в себе сказания о нартах, кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего, но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы. Уже недалеко то время, уже наступает оно, когда и эта старая поэма будет изглажена из народной памяти. Всею положен свой предел.

Сел. Урусбиево. 1879

СКАЗАНИЯ О НАРТСКИХ БОГАТЫРЯХ

I. Урызмок

Урызмок принадлежал к простому сословию из фамилии Схуртуковых и был сыном Схуртука. При рождении ему было дано это имя, и рос он между храбрыми нартами. С малых лет он обращал на себя внимание всех, отличаясь всегда в детских играх со своими юными сверстниками, и нарты всегда при виде его говорили, что из этого юноши выйдет настоящий нарт.

Однажды во время игры с товарищами Урызмок увидел, что все жители нартских селений идут по одному направлению, неся с собой разные съестные припасы: один ведет барана, другой не-

---

* «Пища нартов» – кукуруза (Постраничные замечания принадлежат С. Урусбиеву. – Сост.).

сет копченое мясо, третий – кувшин с напитком и т. п. В особенности же его поразило, когда одна бедная женщина несла в чашке что-то съестное, и за нею бежали оборванные, голодные малышки, с плачем крича: «Мама, мы голодны, дай немного!».

Урызмок забыл об игре, оставил своих товарищей, побежал к толпе взрослых и пристал к ним с вопросами: «Куда несут все это? Зачем?» От всех он услышал одно и то же, именно, что нарты несут дань своему князю «Пуку»¹⁰.

Эти слова произвели на Урызмека глубокое впечатление. Он оставил игры, ходил некоторое время молчаливый и печальный и даже изменился в лице.

На общественные игры, устраиваемые нартами в свободное от джортуулов* время, собирались и нартские дети для упражнений в бегании взапуски, в борьбе между собой, в играх в альчики, в бросании камня и других. Все привыкли видеть на этих играх Урызмека первым между детьми, поэтому отсутствие его было сразу же замечено; начали спрашивать о причине его отсутствия и опасались, не болен ли он. На расспросы о том, что с ним случилось, Урызмок отвечал так: «У меня нет никакой телесной болезни, но меня смущает то, что храбрые нарты платят дань козлинобородому, трусливому Пуку и считают его каким-то божеством». Урызмок выражал свои мысли сперва только между близкими к нему людьми, а потом и в народе. «До тех пор, – говорил он, – пока нарты не прекратят эту постыдную для них дань, я не могу оставаться среди них: сердце мое не может переносить мысли о том, что храбрые нарты подчиняются козлинобородому, трусливому Пуку, и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю нартов свободными».

Родители и родственники Урызмека были сильно перепуганы такими речами его. Они со слезами уговаривали его выкинуть из головы эти мысли, указывая ему на то, что если Пук узнает об этом, то всех их сотрет с лица земли. Но на Урызмека не подействовали ни увещевания, ни советы родителей: он остался непреклонен в своем намерении. И вот он собирает однажды нартов и во всеуслышание объявляет им: «Не будь я молодым нартом, если не отрублю голову этому трусливому, козлинобородому Пуку, если не сделаю всех нартов свободными и не стану сам во главе их».

Нарты не придали важного значения его словам и думали только о том, какое наказание наложит на них Пук, когда проведает о намерениях Урызмека. Храбрый молодой Урызмок, не обращая ни на что внимания, приступил к исполнению своих замыслов. Прежде всего он явился к отцу своему Схуртуку и сказал: «Отец! Я твердо решил исполнить свои намерения относительно Пука; и не думай уговаривать меня, а лучше подай совет, как мне совершить все, мною задуманное: нет у меня и лошади, и вооружения».

– Если уж так твердо решился ты на свое предприятие, – ска-

---

* Странствования с целью искания приключений и добычи.

зал Схуртук, – то возьми мою пегую лошадь, скрытую в подземе-лье; там же в черном сундуке ты найдешь седло с металличе-скими подпругами и мой меч сырпын¹¹.

Урызбек вывел из подземелья пегого коня, оседлал его и, надев меч сырпын, уехал из дому.

При первом ударе плетью пегий конь три раза поднялся с ним на небо и опустился на землю; Урызбек сидел, не шевельнувшись.

Затем он направился по той самой дороге, по которой жители нартских поселений носили Пуку дань. Засев на этой дороге, Урызбек отнимал у проходящих все, что те несли к Пуку, и возвращал их назад в селения, никого не пуская вперед. Бедные нарты, боясь, с одной стороны, Урызбека, с другой – Пука, стали ходить к последнему тайком, окольными дорогами, и донесли ему о том, как молодой Урызбек не пропускает их прямой дорогой и отнимает все, что они несут ему в дань. Нарты в страхе ждали, что всемогущий Пук уничтожит Урызбека каким-нибудь чудом, но, к их удивлению, Пук ничего не сделал с Урызбеком.

Последний продолжал отнимать все, что нарты несли к Пуку, и, собрав своих товарищей, угощал их. Наконец, видя, что Пук не обращает на него внимания, Урызбек решил сам явиться к нему. Подъехав к дворцу, он грозным голосом стал вызывать Пука.

Когда донесли об этом Пуку, то он притворился больным и велел сказать о том Урызбеку. А этот, услышав такой ответ, направился к дверям со словами: «Если он болен, то я совершенно здоров» – и, войдя прямо в покои, обратился к Пуку с приветствием: «Добрый день, князь наш Пук!».

– Ай кюнюн яман болсун*, – ответил тот.

При этих словах Урызбек схватился за свой сырпын, чтобы отсечь голову Пуку, но тот успел выпрыгнуть в окно и пустился бежать. Урызбек за ним. Пук, видя, что от Урызбека не укрыться ему на земле, улетел на небо и остался там жить, построив себе стеклянный дворец.

Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время, и они стали упрекать молодого Урызбека, говоря ему:

– Вместо добра ты сделал нам одно только зло, рассердив Пука: ну, как мы будем жить теперь? Сам и поправляй теперь беду!

Урызбек был в затруднительном положении, не зная, каким образом поправить дело, и наконец решил обратиться за советом к всеведущей Сатаной^{**12}.

Он рассказал ей обо всем случившемся, о ропоте нартов и затруднительном своем положении.

Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку,

---

* «Ах, чтобы твой день был недобрым (несчастливым)».

** Нарты считали Сатаной ведуньей, т. е. приписывали ей знание прошедшего, настоящего и будущего, и всегда в важных делах искали ее советов.

которая хранилась в доме Алиговых, засыпали в нее сорок сапетоков пороху, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра, и чтобы затем из пушки выпалили.

Все это было в точности исполнено; пушка была заряжена, как сказано, но никто не решался выстрелить.

Тогда Сатаной сама взяла горящую головешку и приложила к припалу. Раздался громовый выстрел, и Урызмек полетел на небо. С шумом влетел он в стеклянный дворец Пука и обратился к нему с обычным приветствием:

– Добрый день, князь наш Пук!

– Ай кюнюн яман болсун, – отвечал Пук, – не дал ты мне покою на земле, неужели и на небе не оставишь в покое? Неужели ты хочешь моей крови?.. Что я тебе сделал?

– Мне без тебя было скучно на земле, – сказал Урызмек, – и я пришел побеседовать с тобой о наших храбрых подвигах. Самый славный из совершенных мною подвигов следующий.

Однажды, выехав из дому, с целью сразиться с первым же встречным, я наткнулся на сто белых всадников, в белых одеждах и на белых лошадях; сразившись с ними, я убил всех их до одного и, привязав к седлам доспехи убитых, пригнал к себе на двор сто белых лошадей. Расскажи же ты самый замечательный в своей жизни подвиг.

Пуку было не до рассказов: у него сердце замирало, чуя грозу, и он торопливо рассказал:

– Я отправился раз на охоту, встретил сто оленей и убил в один день тоже всех до одного.

Как только Пук кончил свой крошечный рассказ, Урызмек, посмотрев из окна вниз, на землю, с ужасом вскрикнул:

– О, боже мой! Что это за громадное войско приближается к нартским селениям? Взгляни-ка вниз, на землю, князь наш!

Пук, на этот раз ничего не подозревая, подошел к окну и начал смотреть вниз. А Урызмек только того и ждал: он выхватил свой сырпын и, со всего размаху ударив им Пука в затылок, разом отсек ему голову.

После этого семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет – довольство¹³: хлеба начали цвести, деревья – приносить плоды, животные – размножаться, женщины – рождают детей. А Урызмек за свой подвиг был сделан главою нартов, стал общим любимцем и женился на прекрасной, всезнающей княжне Сатаной.

II. Шауай

Золотой Деует имел девятнадцать сыновей. Следуя вновь заведенному им обычаю, братья женились по очереди, начиная с младшего, а оружие надевали по старшинству, т. е. кому скорее наступало совершеннолетие. Старшего из них звали Алауган. Пока

дошла до него очередь жениться, он незаметно для самого себя успел уже состариться.

У нартов по поводу этого сложилась даже поговорка, употреблявшаяся в смысле поношения: «Дай бог тебе остаться без жены, как Алаугану!» Последний, впрочем, и не подозревал о существовании такой поговорки.

Но вот, однажды, находясь на общественных играх, он невольно обратил внимание на двух рассорившихся мальчиков, которые, играя в альчики, заспорили о выигрыше.

– Я выиграл этот альчик, – говорил один.

– А нет, не ты, а я: пожалуйста, не спорь! – говорил другой.

– Нет, врешь: не ты, я выиграл! – кричал первый.

– Пусть я останусь без жены, как Алауган, если я вру!

На Алаугана, все время наблюдавшего ссору мальчиков, так подействовали последние слова, что он поднялся со своего места и ушел домой печальный, понуриив голову. Теперь только узнал Алауган, что он состарился без жены, и состарился до того, что стал посмешищем даже у детей.

«Если уж так, – сказал сам себе Алауган, – то я женюсь во что бы то ни стало!» – И немедленно начал собираться в отъезд для отыскания себе невесты.

Он вывел свою лошадь Гемуду, которая обладала способностью говорить человеческим голосом и принимать вид всякого другого животного и которую он до этого времени держал в подземелье, кормя железными опилками.

Оседлав коня и надев на себя оружие, Алауган выехал из нартских селений. Долго ехал он по красивым нартским землям и, наконец, завидел вдали какое-то черное пятно, которое, по мере приближения его, постепенно все увеличивалось.

Когда Алауган подъехал к нему на довольно близкое расстояние, то глазам его представилась громадной величины женщина-эмегена с откинутыми назад чрез плечо персями: она зачинаяла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка – как аркан.

При виде такой громадины Алауган совершенно оробел и не знал, на что решиться. «Если пуститься бегом, – рассуждал он, – то эмегена догонит и, наверно, убьет, а не бежать и подойти к ней – страшно». Думал, думал и, наконец, решился он потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот и таким образом сразу стать ее молочным сыном.

Так он и сделал. Эмегена быстро обернула голову и, увидев Алаугана, проговорила: «Ах, как жаль, что ты так скоро сделался моим ребенком, а то был бы для меня сладким кусочком...» Алауган, желая показать себя не трусом, ответил ей на это: «Ах, как жаль, что ты так скоро сделалась моей матерью; а то послужила бы отличной пробой для моего сырпына».

Затем эмегена спросила у Алаугана о том, куда и зачем он едет. Тот рассказал ей, что он до старости оставался холостым, а теперь едет отыскивать себе невесту.

– Ах, как это кстати! Я тоже вышла из дома как раз для того, чтобы найти жениха для своей единственной, прекрасной дочери; вот, право, какое счастливое совпадение! Пойдем к ней; увидев ее, ты, конечно, полюбишь ее!

Бедный Алауган с досады кусал себе губы, но делать было нечего; из опасения за свою жизнь он должен был волей-неволей согласиться на предложение эмегены, и они вместе отправились к ней на дом. Вскоре пришли они к громадной скале, в которой была большая пещера, заложенная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго шли они, то опускаясь, то поднимаясь, по тесным проходам, наконец Алауган увидел впереди мерцающий огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик: «Слышу людской запах, – вот-то будет славная закуска!» Это был голос эмегениной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она ей привела жениха. Каково же было изумление Алаугана, когда он увидел громадную и страшно уродливую деву: зубы у ней были так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние опускались до подбородка. Увидев ее, Алауган сильно опечалился: «Вот тебе на, – думал он, – хотел похвалиться перед нартами своей женитьбой, и приходится вот взять такую уродину!» Но делать было нечего, и он сидел опечаленным.

Сварив целого бугая, эмегены дали Алаугану несколько кусков мяса, а остальное все съели сами. После ужина все улеглись спать.

Поутру Алауган взял свою невесту, посадил ее на лошадь, а сам сел позади нее. Едва отъехали несколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести и живот опустился чуть не до земли. Вследствие этого Алаугану пришлось слезть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. Долго ли, коротко ли ехавши таким образом, наконец, завидели они нартские селения. Алауган остановился и, обратившись к невесте, сказал: «У нас, нартов, таков обычай, что, когда невеста подъезжает к селению, то навстречу ей выйдут женщины и девушки, и невеста, слезши с лошади, уже вместе со всеми ими входит в селение*. Поэтому я должен теперь пойти вперед и дать знать нартам, а ты пока побудь здесь».

Оставив свою невесту, Алауган пошел домой и объявил, что он женился, и просил женщин и девушек выйти на встречу жены его. Это известие мигом разнеслось по всем нартским селениям, и все с удивлением возглашали: «Алауган женился! Алауган женился!» Собрались молодые люди верхами, женщины и дети и пестрой толпой двинулись на встречу невесты Алаугана. Но каково же было удивление и испуг всех, когда они увидали ужасную эмегену и когда она тут же принялась глотать детей, из любопытства подходивших близко к ней, одного за другим! Невольно у всех вырвалось восклицание: «Так вот эта самая и есть жена Алаугана!»

---

* Обычай, существующий у горцев до настоящего времени.

Кое-как, уже не подпуская близко детей, привели ее, наконец, в дом Алаугана; так он и зажил с женой. Когда же эмегена сделалась беременной, то Алауган и его родные пришли в ужасное беспокойство, потому что у нартов издавна существовало убеждение, что эмегены съедают первого своего ребенка, и они боялись, чтобы не съела своего ребенка и жена Алаугана. Не зная, как предотвратить беду, Алауган обратился за советом к вешей Сатаной.

Последняя дала ему такой совет: «Когда наступит время родов, то скажите эмегене, что-де у нас существует обычай, требующий, чтобы женщины во время родов становились на трубу так, чтобы новорожденный мог упасть вовнутрь дома, на очаг. А ты, — сказала она Алаугану, — приготовь к этому времени свою Гемуду и, как только жена твоя родит, возьми ребенка и увези куда-нибудь подальше; а для матери приготовь двух щенков и, прежде чем она спустится с кровли, подбрось их на шесток. Сойдя с крыши, она направится к очагу, чтобы съесть своего ребенка, и вместо него, ничего не подозревая, съест щенков».

Следуя в точности этому совету, когда наступил срок родов, посадили эмегену на трубу, и она родила мальчика, которого Алауган тотчас же взял и увез, а вместо ребенка положили, как сказано, двух щенков. Эмегена, спустившись с крыши, вошла в дом и, схватив щенков, мигом проглотила их. Между тем Алауган привез ребенка к горе Эльбрусу и положил его в трещину ледника. «Пусть эта трещина будет люлькой, а жизнь ребенка я поручаю охранять вам, тысячи салымщиков Мингитауа¹⁴ (Эльбруса)!».

Произнеся эту просьбу, Алауган положил младенца в трещину ледника и возвратился домой. Через неделю ему захотелось посмотреть на своего сына; поехал он к Эльбрусу и видит: его ребенок лежит в трещине и сосет ледяные сосульки. Алауган не трогал его и оставил в таком же положении до следующего приезда.

Приехав опять чрез месяц, Алауган был очень удивлен, увидев, что сын его за это короткое время так вырос, что, сделав из деревянных прутьев и травы солтанжии^{*15}, охотился за птицами и оленями и даже из шкур последних приготовил себе кой-какую одежду. Завидев отца, мальчик прицелился в него солтанжею, но Алауган, быстро подбежав к нему, схватил и насильно привел его домой.

Мальчику дали имя Шауай, он рос очень скоро. Алауган подвел Шауая к матери и сказал: «Видишь ли, вот какой молодец вышел из твоего ребенка, которого ты хотела съесть, да хорошо, что я тогда увез его от тебя». Осмотрев мальчика, она схватила его и начала ласкать, обнимать, но при этом как-то вышло, что голова мальчика попала к ней в рот...

Мальчик в одно мгновение схватил мать за горло и сдавил его с такой силой, что эмегена тотчас выпустила его голову.

Видя, что, несмотря на свой еще очень нежный возраст, Ша-

---

* Род стрел.

уай обладает нечеловеческой силой, Алауган показал ему все свое добро и, между прочим, сводил его в подземелье, где находился конь его, Гемуда, причем рассказал ему о чудесных свойствах коня, именно, что он понимает человеческую речь и сам может говорить, что он может принимать вид всякого животного и пр.

– Пусть с этого часа Гемуда будет твоею лошадью! – закончил Алауган.

Увидевши друг друга, Шауай и Гемуда тут же произнесли клятву в том, что они пребудут всегда верными один другому.

Шауай сказал:

– Клянусь во всю свою жизнь ни разу не обратить внимания ни на какую другую лошадь, кроме тебя, и никакую другую не предпочту тебе!

– Клянусь, – ответила Гемуда, – что никогда, во всю жизнь не пожелаю себе другого всадника, кроме одного тебя!

После этого Шауай с отцом вернулись домой. Но вот чрез несколько времени разнесся слух о том, что храбрые нарты собираются на джортуул. Как только узнал об этом Шауай, немедленно же пристал к отцу своему с просьбой – позволить и ему поехать с нартами, чтобы набраться храбрости и ловкости в джигитовке.

– Ничего ведь не приобрету я, ведя жизнь между женщинами! – так закончил Шауай свою просьбу.

Отец скоро согласился исполнить эту просьбу своего сына, и Шауай начал собираться в путь.

Нарты перед джортуулами собирались у Урызмека и уже оттуда отправлялись в странствования, под его предводительством. Шауай оделся в оборванное платье и, сев на Гемуду, принявшую на этот раз вид некрасивого, хромого «маштака»¹⁶, выехал из дому и направился к Урызмеку. По пути он завернул в нартский ком^{*17}, чтобы немного закусить.

Когда Шауай поел кое-чего, пастухи начали просить его поскорее уезжать, так как, говорили они, скоро придет со скотом нартский бугай и, как только увидит его хромую клячу, непременно распорет ей рогами живот.

Но Шауай отвечал, что он поедет не раньше, как подует свежий ветерок и сделается немного попрохладнее.

Пастухи всячески пытались уговорить его ехать, но он отвечал шутками на все их предостережения и под разными предлогами дождался вечера. Когда скот начал собираться со всех сторон, бугай отделился от стада и с грозным ревом, топая о землю ногами и разбрасывая комья земли во все стороны, с заносчивой отвагой мчался к Гемуде, привязанной к дереву, близ кома. Пастухи, смотря на это зрелище, хлопали в ладоши и хохотали, говоря Шауаю:

– Посмотри, посмотри на свою клячу, как она сейчас взлетит

---

* Хутор.

на воздух, потом треснется оземь и разобьется на куски!

– Посмотрим! – отвечал Шауай, – пусть будет, что будет.

Бугай тем временем подбегал к Гемуде все ближе и ближе. Все ожидали, что вот сейчас, поддев на рога, бугай подбросит в воздух клячу Гемуду. Не тут-то было: в то мгновение, когда он грозно взмахнул рогами, кляча Гемуда с такой силой ударила его в лоб задними ногами, что копыта вонзились в его череп, и бугай повалился, как глыба сырой земли. Шауай тут выскочил из кома, мигом сел на Гемуду и, хлопнув плетью, исчез вдали. Пастухи притихли и с разинутыми ртами глядели вслед удалявшемуся Шауаю, лошадь которого, уж вовсе не хромая, неслась, как стрела.

После этого Шауай без приключений приехал к Урызмеку, у которого нарты уже собрались и готовы были к джортуулу.

Оборванный Шауай слез со своей хромой клячи у кунацкой¹⁸ и в тот же день, недолго думая, приступил к своему делу. Выбрав удобную минуту, он подошел к Урызмеку и начал так:

– Урызмек! Я слышал, что нарты, с тобою во главе, скоро отправляются на джортуул, и приехал просить тебя позволить и мне поехать с ними. Я сын бедной, одинокой старушки и очень беден; я буду всюду следовать за нартами и прислуживать им во всем; на местах, где они будут останавливаться, я буду строить ком и стеречь в нем вещи нартов; буду готовить им пищу, мыть посуду – одним словом, буду делать все, что прикажут нарты: буду нести какую угодно службу. За мои труды со временем вы уделите мне какую-нибудь ничтожную часть из того, что приобретут нарты, собственно для моей матери-старушки, терпящей крайнюю бедность.

Услышав такую просьбу от оборванного молодого Шауая и окинув его с ног до головы своим взором, Урызмек сказал с состраданием:

– Ах, бедный юноша! Тебе трудно ездить с нартами: сам ты еще очень молод и не имеешь лошади, кроме этой хромой клячи; а нарты ездят шибко и подолгу, перенося многие трудности, которых ты не в состоянии будешь переносить; им приходится иногда продолжительное время ездить без пищи и питья, в сильные морозы и жару. Ты не перенесешь лишений во время джортуулов, должен будешь остаться где-нибудь на дороге и пропадешь ты, бедняга, ни за что. Лучше тебе будет остаться здесь; я дам тебе кое-что, и ты, не трудясь, можешь поехать к своей матери и привезти ей мой подарок.

– Ай ауруунг алаим!* – отвечал Шауай, – если ты желаешь добра моей матери и мне, то я прошу: позволь мне ехать вместе с нартами! Почему? Ты спросишь, – вот, что я скажу: подаяния, которое ты дашь мне теперь, хватит только на короткое время, а, прожив его, чем потом я буду содержать себя и мою бедную старушку-мать? Нет, мне не доставит особенной выгоды то, чего ты желаешь мне, по-видимому, от души. А побывав на джортуу-

* «Ой, приму твои болезни!»

ле, я научусь переносить всякие трудности, страдания, насмотрюсь, как мужественные люди идут навстречу всяким опасностям, приобрету опытность и не буду даром пользоваться чужим добром, как это ты предлагаешь мне теперь: я научусь сам добывать кусок хлеба. Итак, если ты хочешь оказать мне добро, то позволь мне поехать вместе с нартами!

Слова Шауая так понравились Урызмеку, что он тотчас, не говоря больше ни слова, изъявил свое согласие взять его, когда нарты выступят на джортуул.

В день отъезда нарты собрались у Урызмека, – в их числе были Сосруко, Рачикау, Сибильчи и др., – и после небольших приготовлений выступили из селений.

Никто и внимания не обратил на Шауая, который пустился в путь, когда уже нарты скрылись из виду. Когда он уселся на свою хромую Гемуду, то обратил на себя внимание всех детей, находившихся на улице.

Окружив его Гемуду, с длинными хворостинами в руках, они начали подшучивать над лошадью и им самим. Один засовывает хворостину в уши Гемуды, другой – под живот, третий начинает бить ее и т. д. Вследствие этого Гемуда начала брыкаться и этим вызвала сперва смех, а потом громкий хохот детей.

Шауай бьет Гемуду плетью, желая поскорее вырваться из толпы и ускакать; но Гемуда, вместо того, чтобы идти вперед, упрямится и пятится назад, к дому Урызмека. Упрямяство Гемуды возрастало с каждым ударом; но мальчишки принялись немилосердно бить ее хворостинами и наконец-таки вывели ее за ворота. Отовсюду слышались восклицания: «Вот так наездник нартский!.. Да он не догонит теперь нартов и вернется, вероятно, назад». Отъехав немного, Гемуда опять упрямится, пересиливает Шауая и несет назад, обратно в селение...

«Держите, не пускайте, не пускайте!» – кричат все, хохоча; мальчишки весело приступают опять к Гемуде с хворостинами и, вновь избив ее, выводят далеко вон из селения. Пока Шауай ехал в виду мальчиков, Гемуда подвигалась медленно и хромая, но как только они скрылись из виду, она, приняв свой настоящий вид, полетела, как ветер, и мигом догнала нартов; приближаясь к ним, она опять начала хромать и опять превратилась в некрасивого маштака. Нарты совсем было забыли про своего шапа* Шауая, и, увидев его, Урызмок с удивлением спросил:

– Каким образом ты, бедный, догнал нас на своей кляче? Мы, кажется, тоже ехали не совсем тихо.

– Ай ауруунг алаим, Урызмок! – ответил Шауай, – измучил я совсем моего маштака, колотил изо всех сил по обоим бокам и насилу-то догнал вас.

– Отлично, отлично, милейший, что ты не отстал от нас! – сказал Урызмок.

Гемуда же, вся в поту, с опущенными книзу ушами, своим

---

* Слуга.

жалким видом убеждала нартов в справедливости слов Шауая.

Долго ли, коротко ли они ехали таким образом, но, подъехав к одному месту, нарты нашли нужным остановиться. Все послезапли с лошадей, снимали вещи свои и сложили в кучу. После короткого совещания они опять сели на лошадей и, поручив Шауаю выбрать удобное место для постройки кома, сами отправились на добычу. Шауаю было сказано также, чтобы он развел огонь и ждал их возвращения.

Как только нарты удалились, Шауай приступил к исполнению того, что было ему поручено. Он сломал несколько деревьев и, найдя в лесу поляну, скоро построил хороший ком и развел в нем огонь.

Затем сел на Гемуду и как стрела полетел в лес на охоту. Ему пришлось недолго искать дичи: тотчас он выследил огромное стадо оленей, ворвался в его середину, ударами дубины повалил нескольких из них и привез на Гемуде к тому месту, где построил ком. Мигом, как подобает удальцу, он снял с них шкуры, положил в котел половину мяса, а из остальных сделал шашлыки и расставил их вокруг очага со всех сторон. Приготовив все таким образом, Шауай посиживал, поджидая возвращения нартских молодцов.

Наступил вечер. Нарты возвращались с джортуула усталые и совершенно с пустыми руками. При виде же кома, покрытого оленьими шкурами, дымящегося котла над огнем и жарящихся вокруг очага шашлыков, они были приятно удивлены и спросили:

— Чей это ком? Откуда и каким образом ты достал столько добра?

— Нарты! — сказал Шауай. — Все это досталось мне на ваше счастье! Когда вы, оставив меня, уехали, я начал искать места, удобного для постройки кома, и нечаянно во время поисков наткнулся на готовый ком, в котором сидело несколько человек и было много убитых оленей и готовых шашлыков. Увидев меня, они пригласили зайти в ком, на что я, конечно, согласился. После закуски они начали с участием расспрашивать меня: откуда и каким образом, один и притом такой молодой, попал я в такую глушь. Я ответил, что я шапа нартов, которые отправились на джортуул, а меня оставили для постройки кома.

Затем они попросили меня назвать имена нескольких нартов, и как только мною были произнесены имена Урызмека, Сосруко, Рачикау и др., они все до единого вскочили и разбежались, оставив мне все, что теперь вы видите. Видите, нарты, — докончил Шауай, — что все это дано вам вашим счастьем, вашей славой и силой.

Нарты легко поверили словам Шауая: эти гордецы и подумать не могли, чтобы все это мог сделать оборванец Шауай с его клячей Гемудой.

«Уж если самим нам не удалось ничего достать, — думали они, — то Шауаю и подавно ничего не удалось бы сделать!».

Как бы то ни было, но нарты были чрезвычайно обрадованы такой находкой и с мыслью, что все это — их счастье, живо начали

угощаться вкусными шашлыками.

Насытившись вдоволь, усталые нарты легли спать. На следующее утро они переехали на другое место и, оставив Шауая для постройки кома, сами опять отправились на джортуул. Шауай, выбрав удобное место, построил ком, набил опять оленей и приготовил из них пищу еще лучше, чем прежде. Нарты же, еще более усталые и утомленные и опять без всякой добычи, поздно вечером возвращались в ком. Глазам их опять представилось зрелище, подобное вчерашнему, т. е. ком, покрытый оленьими шкурами, развешанная по деревьям оленьина, жарящиеся вокруг костра шашлыки; посреди такого довольства посиживает Шауай, а в стороне бродит его кляча Гемуда. Шауай рассказал им ту же самую историю, что и вчера, и нарты, ничего не подозревая, поверили вполне его словам. Так продолжалось три дня, и самодовольные гордецы-нарты были уверены, что всем этим они обязаны своему счастью, славе и силе.

На четвертый день нарты опять поехали на джортуул. На этот раз их слуга, оставшись один, поддался раздумью и ясно понял, что если так вести дела и дальше, то гордые, чванные нарты, ничего не поняв, так и будут продолжать думать, что все дается им их счастьем, славой и силой, и решил раскрыть им глаза, чтобы они узнали, наконец, его силу и свое ничтожество. Обратясь к салымщикам Эльбруса, Шауай произнес следующую молитву: «Тысячи салымщиков Эльбруса! Прошу вас послать «боран» (бурю), холод, чтобы испытать и проучить этих гордых чванных нартов!».

И вот поднялась страшная буря, настал холод... Шауай, без всякого теплого платья, на холоду, как ни в чем не бывало, построил ком, развел большой костер, набил оленей, словом, приготовил все нужное и, сев около костра, поджидал нартов. Но уже был вечер, а они все не возвращались; холод был страшный. Наступала ночь... Вдруг он слышит конский топот: он сразу догадался, что едут нарты, но притворясь, будто ни о чем не знает, взял громадную дубину и, когда нарты подъехали близко, закричал: «Кто смеет сюда идти? Это ком храбрых нартов; я никого не пущу сюда без их позволения; а кто подъедет, того уложу на месте!». От его громкого голоса лошади нартов остановились, а сами они от холода окоченели до того, что не могли ни слова произнести, ни править своими лошадьми; бороды у них были покрыты ледяными сосульками, и они казались седобородами стариками. В таком положении Шауай заставил их стоять некоторое время и пристально осматривал их, будто не узнавая. Наконец, он как будто признал Урызмека и, как бы в испуге, громко воскликнул: «Да это, кажется, пегая лошадь Урызмека. Ах, что я наделал!».

Произнеся это, он подбежал к Урызмеку и, схватив за узду его лошадь, привел к огню. Урызбек не мог ни говорить, ни слезть с лошади, так как ноги его замерзли и пристали к седлу. Тогда Шауай, немедленно отвязав подпругу, снял Урызмека вместе с седлом с лошади и положил его около костра. Других же, просто

хватая как попало, кого за ноги, кого за руки, сбрасывал с лошадей и рассаживал вокруг огня. Нарты были до того изнурены, до того замерзли, что сидели, как неживые.

Шауай наскоро угостил их вкусным шашлыком, прибавил дров в огонь, а нарты все еще ничего не говорили и только посматривали то друг на друга, то на Шауая, который в глазах их стал кем-то иным. В первый раз явилась у нартов мысль о том, что это не простой смертный, но никто не высказал своей догадки, и все они сидели печальные, молча. Шауай воспользовался этим состоянием нартов и обратился к ним с просьбой, чтобы они позволили ему пасти в эту ночь лошадей, так как сами очень устали.

– Только, – сказал Шауай, обращаясь к Урызмеку, – дай ты мне своего пегого коня, чтобы я мог ночью скорее подъезжать к огню отогреваться, иначе, пока доеду до огня на хромой кляче, пожалуй, замерзну.

– Ах ты, бедняга! – сказал Урызмок, – ведь у тебя нет никакого теплого платья, и ты пропадешь в такой холод! Можешь, конечно, ехать и на моей пегой, лишь бы только ты остался целым: лошадь мне не дороже тебя!

Шауай скорехонько собрался, сел на пегую Урызмека и, взяв Гемуду за уздцы, погнал остальных лошадей вперед и исчез в темноте. Отъехав в сторону, Шауай оставил нартских лошадей, сам сел на Гемуду, а пегого коня взял за узду и поскакали все по одному направлению.

Пегий конь Урызмека насилу поспевал за Гемудой, которая неслась, как ветер.

Шауай скоро переправился чрез Эдиль и там, по ту сторону реки, встретил бесчисленный табун коней. Тут Гемуда человеческим голосом сказала Шауаю: «Ты слезай с меня и сядь на пегую, а я погоню весь этот табун назад». Шауай так и сделал.

Гемуда, освободившись, бросилась на табун с ужасным ржанием и, поворотив его в одну сторону, загнала весь табун в реку Эдиль. Табун переплыл на другую сторону. Шауай, переправившись за ним на Гемуде, потом опять сел на пегую, а Гемуду отпустил, чтобы загоняла табун; Гемуда тут же перекусала самых лучших и красивых лошадей в табуне.

– Это я сделала с той целью, – сказала она, – чтобы, когда нарты будут производить дележ, и тебе, как слуге, дадут самых худых, пораненных лошадей, то на самом деле ты получишь бы не худших, а, напротив, самых лучших лошадей.

Таким образом, в ту же ночь перед рассветом Шауай подскакал с табунном к нартскому кому. Нарты, услышав конский топот, в испуге, сонные, повыскакали, думая, что на них нагрянуло какое-нибудь войско. Но Шауай подошел к ним, чтобы их успокоить, и сказал: «Когда я пас ваших лошадей, вдруг увидел, что стая волков гонит большой табун лошадей; как только волки заметили меня, тотчас же все разбежались в стороны, а табун присоединился к нашим лошадям. Гул, который вы услышали и который так встревожил вас, был не что иное, как топот их копыт». Нарты очень обра-

довались этому и в веселом расположении духа легли опять спать.

Утром нарты увидели громадный табун, в котором некоторые лошади были поранены, и поверили, что раны эти произошли, как уверял Шауай, от укусов волков. Это обстоятельство совершенно убедило нартов в справедливости выдуманного Шауаем рассказа.

«Все это – наше ырысхы*, – говорили они, – не пришлось нам много трудиться!».

Нарты после этого уже отдумали продолжать джортуул и решили возвратиться домой подобру-поздорову. Шауай задумал тут расстаться с нартами; поэтому он обратился к ним с такими словами:

– Путь мой, храбрые нарты, будет другой; мне пора возвратиться к своей бедной матери-старушке. Если бы вы дали мне за мои труды хоть вот тех лошадей, которых поранили волки, то я был бы очень доволен и поехал бы своей дорогой; мне не за чем тащиться до нартских селений.

Но на такую его речь нарты отвечали уклончиво, указывая на то, что нет места, удобного для дележа, и что они исполнят его желание, когда приедут на то место, где обыкновенно совершают дележ.

Услышав такой ответ, Шауай потерял терпение и закричал: «Если так, то я сам постараюсь отделить свою часть!».

И тут же, на глазах нартов, оседлал свою Гемуду, которая на этот раз приняла свой настоящий вид, подтянул металлические подпруги, обложенные ивовой корой, – чтобы не было заметно металла, – и, сев на нее верхом, направился к табуну. В один миг он вырвал несколько деревьев, построил большую перегородку полукругом, куда и вогнал весь табун. Затем, посмотрев на нартов и пересчитав их, построил тут же несколько других меньших загоронок, или отделений. Все это делал он, сидя верхом на Гемуде. Когда же были готовы все загородки, он вошел в середину табуна и, хватая лошадей, как попадетсЯ, одну за ноги, другую за шею, начал поочередно бросать их во все отделения. В одно же отделение он загнал исключительно раненых лошадей. Таким образом Шауай разделил весь табун по числу душ на несколько гуртов так, чтобы в каждом гурте было по одинаковому числу как хороших, так и дурных лошадей.

Окончив дележ, он объявил нартам, что берет себе, как шапа, только одних раненых лошадей, и затем – «До приятного свидания!» – погнал своих лошадей вперед и скоро исчез вдали.

В течение всех этих распоряжков нарты смотрели с разинутыми от удивления ртами на Шауая, не проронив ни единого слова. Они опомнились только тогда, когда Шауая уже и след простыл. Теперь им ясно стало, кто был строителем всех этих загадочных комов, крытых оленьими шкурами, и жирных шашлыков, и откуда взялся табун. Но несмотря на то, они все разом закричали, что неизвестный молодой человек унизил их, осрамил, а они отпусти-

---

* Счастье.

ли его, даже не узнавши, кто он такой.

– Нужно непременно, чтобы кто-нибудь из нас погнался за ним и спросил бы его, от имени всех нартов, кто он такой, как его имя и фамилия, – говорили они между собою.

Решив таким образом, они послали в погоню Сибильчи. Этот, догнав Шауая, спросил его, от имени всех нартов, кто он такой. Но вместо ответа Шауай повернул свою лошадь назад и, накинувшись на Сибильчи с ругательствами и отстегав его плетью, прогнал назад к нартам; своего же имени не сказал ему. Сибильчи, возвратясь, рассказал нартам все, что случилось.

Вторично был послан в погоню Ширдан, с которым Шауай поступил еще позорнее.

Наконец, решился поехать сам Урызмок, говоря, что он ни за что не отпустит своего гостя, не узнавши, кто он такой. Измучив своего пегого коня, Урызмок, наконец, завидел впереди Шауая и закричал ему издали:

– Куда ты так спешишь, дорогой мой гость? Даю тебе слово: если ты скажешь мне, кто ты такой, то я выдам за тебя мою прекрасную дочь Агунду без калыма. Неужели, наконец, не остановишься ради моей седой бороды?

Услышав это, Шауай остановился и проговорил: «Отец мой – Алауган, а мать – Эмегена; я вырос в трещине Эльбрусского ледника, а зовут меня Кенжокаев – Кара-Шауай».

– Ты обещал сейчас, – продолжал Шауай, – выдать за меня твою дочь Агунду, но я не хочу взять ее без калыма; поэтому возьми теперь же всех этих лошадей: пусть они будут частью моего калыма.

Сказав это, он ударил свою лошадь плетью и ускакал, оставив всех своих лошадей старику Урызмеку. Этот же последний, взяв лошадей, возвратился к нартам и рассказал им обо всем случившемся. После этого нарты направились к месту дележа; там они разделили лошадей и потом разъехались по домам. На другой день, после приезда домой, Урызмок рассказал жене своей Сатаной о джигите Шауае и о своем обещании выдать за него дочь свою Агунду.

«Этот Шауай, – добавил Урызмок, – может приехать к нам во всякое время и при этом будет стараться, чтобы не быть признанным. Поэтому ты должна теперь прилагать все заботы, чтобы принимать как можно лучше всякого гостя, какой только к нам явится, кто б он ни был, – богатый или бедный, оборванный или роскошно одетый».

С этого дня Сатаной действительно старалась принимать и угощать как можно лучше всякого приезжего гостя. В таких заботах прошло несколько лет; Шауай все-таки не являлся. В течение этого времени опустели кладовые Сатаной, и она уже потеряла всякую надежду иметь зятя. Вот в таком разочарованном и несколько обидном положении Сатаной сидела раз с Агундой за работой

---

* Женская половина в доме.

в отоу*. Заходит в это время к ним какой-то молодой человек, очень бедно одетый, и, сделав приветствие, садится около очага. Сатаной не обратила на него особенного внимания и, положив перед ним кусок хлеба с объедками мяса, спокойно продолжала свою работу¹⁹. Молодой же человек, после еды, увидел висящую на стене балалайку Урызмека (который удивительно хорошо играл) и, не говоря ни слова, снял ее со стены и заиграл, и запел звучным голосом.

Между прочим, он пел: «Ах, как хорошо и красиво устроен этот отоу, да жаль только, что труба немного крива!..».

Услышав это, Сатаной отвечала: «Это ничего, молодой человек: хотя труба и крива, но дым выходит очень прямо»*.

Сатаной тут уже догадалась, что имеет дело с храбрым Шауаем, и тотчас выслала свою дочь в другую комнату.

Но, к крайнему огорчению хозяйки, Шауай тоже исчез из отоу и скрылся куда-то; его начали везде разыскивать, но не могли нигде найти, даже ничего не могли разузнать о нем. В недоумении все спрашивали друг у друга: «Шайтан он или человек?».

А Урызбек и Сатаной с тех пор потеряли всякую надежду выдать свою дочь за этого загадочного жениха.

III. Рачикау

Некогда Бедене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно его приняли и выдали за него невесту без калыма. Бедене поселился в аул Кинте и занимался исключительно рыболовством. Когда он ходил на ловлю, его всегда сопровождали собаки «ызчи-самырла»**, и за ним тащился всегда обоз в сорок повозок. В руках он постоянно держал медный крючок.

Одна княгиня имела сорок служанок и одну из них очень любила. Эта служанка вставала рано и каждый день ходила за водой к джаным суйлары²⁰ (к водам джаным). Однажды она, по обыкновению, рано утром пошла за водой. Но тогда уже были короткие дни зимы, и воды оказались замерзшими; поэтому служанка принуждена была отправиться за водой к Эдилю-реке. Следом за нею бежала собачка Канчик. Со всех сторон к последней начали приставать другие собаки, и набралось их сорок собак. Окружив Канчика, они кидались на него; но Канчик, ошетинясь и скрежеща зубами, бросался на них и разгонял в стороны. Служанка заметила это и промолвила: «Отдать бы вас всех волкам на съеденье! Не стыдно ли: всех вас одолевает один Канчик. Впрочем, — прибавила она, — если бы и ко мне начал приставать немилый мне мужчина, то и я также прогнала бы его».

* Нужно здесь заметить, что, по преданию, у Агунды глаза были немного искоса; молодой человек, заметив это, делал намек на ее счет. Сатаной, догадавшись об этом, и дала такой ответ.

** *b/з* — след, *самырла* — собаки особой породы, вероятно, водолазы.

Бедене, ловивший в это время рыбу, слышал ее слова и подумал: «Посмотрим, правду ли говоришь ты или нет, не будь я Бедене, если не испытаю тебя!». С этим намерением он стал поджидать, когда служанка, почерпнув воды, будет возвращаться назад. И вот, когда она приблизилась к Бедене, тот подошел к ней, говоря: «Дай мне напиться, хорошая девушка!» – и схватил ее. В завязавшейся между ними борьбе победил однако ж Бедене. Служанка возвратилась домой на этот раз позднее обыкновенного, и княгиня, увидев ее, сказала сердито: «Я тебя зарежу и внутренности твои отдам Канчику; вся ты переменялась с лица и с распущенными волосами, – где ты шаталась так долго?».

– Ай ауруунг алаим, моя княгиня! Я расскажу все, что со мною случилось... Утром я пошла за водой к джаным суйлары; но они замерзли, и я принуждена была идти к реке Эдилю. Только что я ступила на лед, чтобы достать воды, как лед подо мной проломился, и я провалилась в воду, из которой с трудом могла выбраться. Вот отчего так долго замешкалась я и переменялась в лице.

Спустя некоторое время после этого служанка забеременела. Узнав об этом, княгиня накинулась на нее:

– Я тебя зарежу, – говорила она, – и внутренности твои отдам аульным собакам, если ты не скажешь, от кого забеременела.

– Во мне, право, княгиня, нет того, что ты подозреваешь, – отвечала служанка. – Несколько дней тому назад я пошла убирать постели в кунацкой после отъезда гостей. Там я скинула шаровары и стала искать в них в... В это самое время на живот мне упал солнечный луч*, от этого я и стала беременеть; а больше со мной ничего не случилось.

Так оправдывалась служанка. Но приблизилось и время родов: и служанка, боясь княгини, пошла в кустарники и там родила хорошенького мальчика. Затем она заказала у известного кузнеца Деуета самый крепкий железный ящик, и внутренность его выложила ватой. Накормив хорошенько своего ребенка молоком, она положила его в ящик и отнесла к Эдилю. Постояв здесь на берегу несколько времени, любуясь своим ребенком, она сказала:

– Бог, который послал мне тебя, да пошлет тебя к отцу твоему Бедене! – И бросила ящик в реку, и ушла домой.

Как нарочно, в этот самый день рыболов Бедене ловил рыбу в Эдиле. Приблизившись к тому месту, где служанка бросила ящик, Бедене, конечно, ничего не зная, опустил свои медные крючья в воду, и они зацепились за что-то тяжелое. Потянув, Бедене вытащил ящик, открыл его и увидел внутри заснувшего под плеск воды красивого малютку, мальчика. Он чрезвычайно обрадовался такой находке, потому что не имел детей: тотчас же побежал к своим товарищам-рыболовам и попросил у них позволения отправиться домой, под предлогом нездоровья.

Придя домой, он в радости рассказал о находке жене и велел

---

* В подлиннике: «солнечная палка».

ей притвориться больной, а чрез несколько времени объявить, что без особенного труда и мучения она родила сына. После многих родов соседние женщины говорили между собой:

– Я тебе говорила, что она беременная, а ты все не хотела со мной согласиться, утверждая, что у ней только ожиренье.

Как только сделалось известно, что жена Бедене родила, со всех сторон начали приводить кто баранов, кто коз, чтобы зарезать их в честь такого события, так как жену Бедене считали каратоном^{*21}.

Бедене же в свою очередь наварил пива и других напитков, собрал нартов, чтобы угостить их и дать имя новорожденному. И дано было младенцу имя Рачикау.

Рачикау рос скоро и сделался славным нартом; вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям. Услышал про него и храбрый нарт Сосруко, живший на плоскости.

Рачикау, жившему в горах, также доводилось слышать о геройских подвигах Сосруко. И эти два лица, не выдавшие друг друга, сделались заочно друзьями.

Они всегда клялись именем друг друга. Сосруко постоянно говорил: «Да не умрет в горах Рачикау!». Рачикау же наоборот: «Да не умрет на плоскости Сосруко!». Живя таким образом, молодой Рачикау попросил, наконец, позволения у отца своего Бедене поехать повидаться с другом своим Сосруко и вообще посмотреть на свет. Но когда отец не хотел исполнить его просьбы, то он задумал было уехать тайком. Узнавши об этом, отец позвал его к себе и сказал: «Если уж ты не хочешь оставаться дома, по крайней мере, не заезжай к Схуртуковым».

Обрадовавшись позволению отца, Рачикау, без долгих сборов, приготовившись выехать из дому.

Чрез несколько дней молодой Рачикау подъезжал к тому селению, в котором жил глава нартов Урызмек с женой своей вещей Сатаной. Служанка последней, Кюлюмхан, идя за водой, увидала едущего всадника и, вернувшись назад, сказала, обращаясь к Сатаной:

– Благодаря вашему величию и силе, я имела возможность видеть много славных наездников; но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди светит солнце, а сзади луна; под лошадью прыгают белые зайцы. Такого чуда я никогда не видала.

Вещая Сатаной, услышав это, сейчас же догадалась, в чем дело, и сказала служанке:

– Я слышала, что Шубадиев Рачикау считается самым блестящим и лучшим наездником: вероятно, всадник, про которого говоришь ты, и есть он самый, друг нашего Сосруко. То, что тебе показалось облаком, это пар из ноздрей его лошади; вороны – это комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды – это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солн-

* Бесплодная женщина.

** Панцирь.

*** Шлем.

це – его кюбе** ; а луна сзади – такыя*** ; наконец, зайцы, прыгающие, по-твоему, под лошадью, – не что иное, как широкий шелковый конец его плети. Теперь ты должна идти поджидать его на дороге, а то иначе, пожалуй, он и не заедет к нам. Когда он приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» – и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь, добрый молодец: убегаешь ли от кого или за кем гонишься? Мы-де живем на дороге и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду (ашаубыз), – утолить его жажду и голод. Дом этот Схуртуковых; заезжай, отдохни; а там и отправишься дальше в добрый час!». Если только ты так скажешь, он вернется, а иначе – нет.

Служанка Кюлюмхан, выслушав и запомнив слова госпожи, вышла на дорогу и, когда Рачикау подъехал, сказала ему все так, как велела ей вещая Сатаной. Рачикау, действительно, заехал к Схуртуковым. Он въехал во двор, слез с лошади и вошел в кунацкую, где двое слуг сняли с него стрелу и повесили на железный гвоздь. Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился, и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох* в землю и повесил на него стрелу.

Сатаной велела сделать из целых четырех мешков муки один хлеб, разделила его на четыре части и, положив на круглый, трехножный стол, послала к гостю в кунацкую. Трое слуг принесли туда в огромном тенчеке** питье. Стол поставили перед Рачикау, а тенчек дали ему в руки и сказали: «Это обыденная еда твоего друга Сосуко».

Рачикау выпил разом все питье из тенчека, который едва могли поднять трое слуг, и сказал: «Ах, если бы я выпил еще тенчек, то, пожалуй, утолил бы свою жажду».

Четыре куска хлеба он съел в четыре приема.

Пока Рачикау закусывал, Сатаной послала гонца к нартам, собравшимся в доме Алиговых, сказать, что к ним приедет Рачикау. После закуски Рачикау, севши на лошадь, направился к пирующим нартам! На дороге он увидел одного человека, который только что окончил работу новой арбы и, с топором в руке, надевши шапку набекрень, важно и самодовольно стоял около арбы, хвастливо озираясь вокруг. Подъехавши к нему, Рачикау спросил: «Добрый молодец, где тут пируют нарты?». Хозяин новой арбы, небрежно указав ему концом топорика в одну сторону, сказал: «Вон там!».

Это взбесило Рачикау, и он, поднявши новую арбу, так ударил ее о землю, что она разлетелась в щепки. Владелец арбы, пораженный этим, ничего не сказал и, почесывая затылок, пошел к обломкам арбы, которую так недавно гордился; а виновник всего этого далеко уж скрылся из виду.

Наконец Рачикау приехал к дому Алиговых. Сторожем у во-

* Железная палица.

** Большая чаша, употребляемая на пирах.

рот стоял злоязычный Гиляхсыртан, который ни за что не хотел впустить Рачикау. Но тот три раза ударил плетью свою лошадь, и она мигом перепрыгнула чрез забор и очутилась во дворе. Рачикау слез с лошади и, воткнув свой гебох в землю, повесил на нем свою тяжелую стрелу одним мизинцем. Когда же он вошел в дом к пирующим нартам, его приняли очень вежливо и как гостя посадили на почетное место.

После обычных приветствий нарты продолжали прерванную беседу. Они считались своими подвигами. Каждый рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок «агуна», который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край. Когда дошла очередь до Рачикау, то и он рассказал свой подвиг; по окончании его рассказа бочонок три раза наполнился, и три раза через край перелилось из него питье.

После всего этого нарты принялись за танцы. Первый начал Сосруко. Он велел привезти на девяти арбах речных камней, разбросал их по полу и затем танцевал на этих камнях до тех пор, пока не обратил их в песок. Окончив танцы, он спросил нартов, кому передать элию*. Те велели передать ее другу его Рачикау.

Этот последний велел привезти девять ароб чигона**²². Когда это было сделано, Рачикау снял с себя чувяки и танцевал босиком, пока не обратил чигона в золу. По окончании он тоже спросил, кому может передать элию. Нарты назначили элию злоязычному Гиляхсыртану. Но Гиляхсыртан, услышав это, поспешил отказаться, сказав:

– Пусть лучше я умру, чем приму элию от урожденного русского.

Рачикау на это ответил:

– Чего я больше всего боялся, то пришлось мне теперь услышать: не могу больше оставаться здесь! – Сказав это, он вышел на двор. Хотя нарты успокаивали его и просили остаться, но он не захотел и, сев на свою лошадь, выехал со двора.

После его отъезда нарты все накинулись на Гиляхсыртана и начали бранить его за то, что он оскорбил их гостя. «Мы переносили от тебя, – говорили они, – всякие ругательства и колкости, терпели их; за что же ты не оставил в покое нашего гостя? Хоть бы на этот раз придержал ты свой язык!». Наконец, довели Гиляхсыртана до того, что он принужден был сказать: «Если вы вернете его, то за оскорбление, которое я нанес ему, я выдам за него свою сестру, белозубую Агунду».

Тут друг Рачикау, Сосруко, пустился за ним в погоню. Когда

---

* Танцор, кончив свой танец, должен подойти к кому-нибудь из присутствующих и, отвесив поклон, пригласить его танцевать. Этот обычай и называется «элия».

** Колючий кустарник.

Сосруко издали увидел скачущего Рачикау, то закричал ему вслед: «Рожденный у нартов, воспитанный в Кинте, друг мой Рачикау, куда ты скачешь так скоро?». После этих слов Рачикау остановился, и Сосруко еще прибавил: «Атны джарлылыгин эр алады: кызны джарлылыгин а ким алады?»*.

Он рассказал Рачикау все то, что случилось после его ухода, и Рачикау согласился вернуться.

Таким образом они приехали назад вместе. Но тут вышла еще большая неприятность. Злоязычный Гиляхсыртан отказался от своих слов и опять оскорбил Рачикау, говоря: «Лучше провалиться сквозь землю, чем выдать свою сестру за оруслудан туйган оруслуга»**.

Сказав это и боясь Рачикау, он убежал и скрылся в замке Чуана***. Сосруко и Рачикау погнались за ним. Но так как внутрь замка трудно было войти, то Рачикау решил ждать около дверей, с намерением убить его, как только он спустится оттуда. В течение трех месяцев он стоял около дверей как вкопанный, но на четвертый повалился на землю с своею лошадию, и тело его начало уже гнить.

Служанки Гиляхсыртана, спуставшиеся из замка и ходившие за водою, по возвращении говорили злоязычному, что Рачикау умер и тело его уже подверглось гниению и что следовало бы взять прекрасный панцирь, который был на нем. Но Гиляхсыртан все-таки не соглашался выйти, говоря: «Надует колдун!». Служанки опять ему передают: «Из колец панциря выглядывают черноголовые черви: неужели и теперь не веришь? Сними хоть его панцирь, а то, пожалуй, еще кто-нибудь чужой возьмет».

Наконец, Гиляхсыртан согласился спуститься. Он подошел к трупу Рачикау и со словами: «Лежи теперь, паршивый!» – хотел снять панцирь. Но в это время, к ужасу Гиляхсыртана, Рачикау ожил, вскочил с земли и, схватив свой меч, сказал: «Ну, куда ты уйдешь теперь от меня?». Гиляхсыртан пустился бежать по направлению к дверям своего замка. Рачикау же, надеясь, что не упустит своего врага, хотя и бежал за ним, но не очень быстро и только тогда опомнился, когда злоязычный уже приближался к дверям. Тут Рачикау размахнулся мечом и отсек Гиляхсыртану полчерепа.

Злоязычный Гиляхсыртан, чтобы никто не знал о случившемся, вбежавши в замок, начал кричать, что его ударила молния и что надобно скорее петь «чоппа»****. Услышав это, Рачикау сказал: «Ну, если у меня нет столько силы, сколько у молнии, то пусть я здесь же и умру!».

---

* Бедность лошади берет муж, кто же возьмет бедность девушки?

** За русского, рожденного русским.

*** Этот замок находится на Кубани; сохранился до настоящего времени.

**** По преданию, нарты, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда какую-то песню «чоппа».

Он упал и тут же скончался. Злоязычный Гиляхсыртан после этого происшествия еще очень долго жил, сделав из меди дру- гую половину черепа. Но вот однажды он отправился в путь во время сильной жары, и медная половина его черепа до такой степени накалилась, что злоязычный Гиляхсыртан умер в ужасных муче- ниях*.

IV. Сосруко

Жил некогда пастух по имени Соджук. Вот однажды он пас баранов на берегу реки Эдиля и увидел на противоположной стороне прекрасную княгиню вещью Сатаной, которая мыла белье. Соджук прислонился к одному камню и любовался на ее ослепи- тельно белые руки и соблазнил ее красотой. Вот на камне, к которому он прислонился, появился зародыш младенца. Вещая Сатаной и сама почувствовала это и была очень обрадована, по- тому что была бездетна. С величайшей заботой она начала высчи- тывать срок, когда ребенка можно будет вынуть из камня.

В течение этого времени Сатаной заказала кузнецу Деуету шестьдесят молотов. Когда наступил последний день срока, она, пригласив с собой шестьдесят молодых людей и захватив множе- ство напитков, пошла к известному ей камню, на котором уже образовался большой нарост. Молодые люди немедленно приня- лись за дело: с большой осторожностью они обтесали нарост со всех сторон. Когда же Сатаной увидела, что остается очень тон- кая оболочка, то во время отдыха напоила всех молодых людей, вследствие чего все они скоро заснули; затем она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и без особого труда вынула ре- бенка с хохлом на голове наподобие гребня, и ногами, тонкими, как вертел. Сатаной отдала его на воспитание джинам**, которые закалили все его тело, как сталь, исключая двух колен. Так рос ребенок по имени Сосруко, у духов, которые каждую ночь при- носили его Сатаной, чтобы она видела его. Это продолжалось до тех пор, пока он не сделался большим.

В это время Урызбек, глава нартов, находился на старости лет, и они начали высказывать недовольство, что во главе их нахо- дится старик. Наконец, они составили против него заговор с це- лью умертвить его и решили привести в исполнение свой замысел на пиру, в доме Алиговых. В назначенный день заговорщики со- брались все на пир. Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел о сорока ручках***, положив в него со-

---

* По уверению горцев, медный череп Гиляхсыртана сохраняется до настоящего времени в одной пещере в Кубанской области. Мне прихо- дилось встречать лиц, утверждавших, что они сами видели этот череп.

** Дух.

*** Котел с сорока ушками.

рок бугаев, то стали советовать, кого послать за Урызмеком, чтобы позвать его на пир. Никто из нартов не решался сходить за ним. Вдруг вышел какой-то мальчик, с стоячим гребневидным хохлом на голове и тонкими вертелоподобными ногами. Он пришел посмотреть на веселье нартов. Этот мальчик выскочил на середину и сказал:

– Если вы мне дадите ноги сорока бугаев, которые варятся в котле, то я схожу, позову Урызмека.

Нарты, вовсе не ожидавшие от этого мальчика такой смелости, сначала не обратили на него внимания, приняв его слова за шутку. Но мальчик повторил свой вызов еще раз, и нарты, видя, что тот говорит серьезно, тотчас согласились на предложение и послали его за Урызмеком. Мальчик скоро очутился у Урызмека, который сидел в волчьей шубе на дворе и, подошедши к нему, сказал:

– Урызмок, меня послали к тебе нарты; они приглашают тебя на пир в дом Алиговых; хочешь – иди, а не хочешь – так не ходи; мне кажется, что они зовут тебя скорее на зло, чем на добро; но поступи по своему усмотрению.

На это Урызмок сказал:

– Неужели нарты не нашли лучшего посла, чем ты? – И, рассердившись, с ругательствами прогнал мальчика. Но жена Урызмека Сатаной, услышав разговор мальчика с мужем, выбежала из комнаты и крикнула мальчику, чтобы тот вернулся. Когда мальчик подошел к ней, она с лаской сказала ему, что Урызмок пойдет к нартам.

– Я его одену сейчас же, а ты пока выведи из конюшни его пегую лошадь, вычисти и оседлай ее!

Сказав это мальчику, она вместе с Урызмеком пошла в комнату и там сказала ему следующее:

– Нарты составили против тебя заговор и зовут тебя теперь с намерением убить; но ты нисколько не опасайся и иди к ним, они тебе ничего не смогут сделать. Только предупреждаю тебя: когда ты приедешь к нартам и они все встанут и предложат тебе сесть на почетное место, то этого не делай, а скажи, что, как старик, сядешь на пуховики, которые лежат на полке около стены. Затем тебе будут подносить всевозможные напитки, чтобы ты опьянел. Ты же пей только хорошие напитки, и то лишь столько, чтобы быть веселым. Остальные же напитки, которые тебе будут предлагать, пропускай чрез эту трубку в пуховики, чего нарты, наверно, не заметят.

И тут Сатаной пропустила чрез горло Урызмека медную трубку, конец которой выходил наружу, так что напитки могли выливаться в пуховики.

Урызмок согласился отправиться на пир, вышел из дому и, сев на свою лошадь, оседланную мальчиком, поехал. После того, как он немного отъехал, мальчик, шедший впереди его, предложил ему от скуки пускать по дороге стрелы: чья дальше улетит. Урызмок на это согласился и первый пустил свою стрелу; за ним пус-

тил и мальчик. На некотором, не очень большом расстоянии, Урыз-мек нашел свою стрелу, но стрелы мальчика не было. Урызмек, подсмеиваясь по этому поводу над мальчиком, сказал:

– Бедный ты, бедный! Отчего не вернешься назад и не поищешь там своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей. Право, лучше вернись и поищи ее позади, а то пропадет, пожалуй.

Мальчик на это отвечал:

– Пускай пропадает, что за важность; не стоит возвращаться из-за такой дряни!

Вскоре после этого они приехали в дом Алиговых, где около дверей собралась целая толпа народу, стараясь вынуть стрелу, вонзившуюся в перекладину над дверьми. Когда Урызмек подъехал к этому месту, то мальчик, сопутствовавший ему, подбежал к дверям и воскликнул:

– Да это моя стрела! – Затем дернул и выдернул ее одной рукой.

Как только Урызмек вошел к пирующим нартам, они все встали со своих мест и предложили ему почетное место; но он отказался и сел на пуховики, лежавшие около стены.

«Эчки куйруклы нарт барз»^{*23}, обязанность которого состояла в том, чтобы разносить чашу с напитками и произносить тосты, поднес Урызмеку чашу с напитком, заранее подготовленным из змей, лягушек и разных других гадов.

Но Урызмек преспокойно пропустил весь напиток чрез трубку в пуховики, показывая вид, будто пьет на самом деле. Сначала пили худшие напитки, а потом принялись за лучшие, которых Урызмек действительно отпивал немного, чтобы быть веселым. Так продолжалось несколько времени, и пуховики, наполняясь вином, поднимались все выше и выше. Когда нарты считали Урызмека уже опьяневшим, то, чтобы как-нибудь взять у него меч, начали его упрашивать показать им его знаменитый сырпын. На такую просьбу их Урызмек отвечал:

– Я должен вас предупредить, что мой сырпын имеет то свойство, что если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!

– Все равно, – сказал сын Пука, молодой Батыр-мырза, – какое бы свойство он там ни имел, нам в высшей степени желательно посмотреть на него.

Тогда Урызмек вынул свой сырпын и, не отдавая его в их руки, а держа за рукоятку, подносил его к каждому. Те удивлялись красоте оружия и говорили, что ни у кого нельзя найти такого железа; жаль только, что в одном месте на лезвии кусок отлетел.

– Да! – сказал Урызмек Батыр-мырзе. – Это все чрез твоего поганого отца Пука: когда он, скрываясь от меня, улетел на небеса, то я, поднявшись туда, отрубил ему голову этим мечом, но задел при этом один его зуб, который был из стали; от этого и

---

* Козлинохвостый старый барз – должность виночерпия.

отлетел у сырпына кусок железа.

Произнеся эти слова, он размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол. Дом наполнился кипящим взваром, а Урызмек начал рубить направо и налево и уложил на месте нескольких нартов, а иные просто задохнулись. Сам Урызмек чуть было не сварился, да, разломав двери, вбежал к нему на помощь тот самый мальчик, который ходил за ним, и вытащил его оттуда на чистый воздух.

Урызмек, возвратившись домой целым от угрожавшей ему опасности, благодаря неизвестному мальчику, рассказывал своей жене Сатаной обо всем случившемся и о чудесном мальчике, избавившем его от смерти.

– Ах! – говорил Урызмек, – если бы этот...

– Что? Если бы... – перебила его Сатаной, – ты, может быть, желал бы, чтобы этот мальчик был твоим братом?

– Эх! – ответил Урызмек, – что касается брата, то это кровный враг.

– Ну, а что же? Может быть, ты желал бы, чтобы он был твоим сыном?

– Где мне дожить до такого счастья? – произнес Урызмек.

– Так поверь мне, – сказала Сатаной, – что этот мальчик – твой сын!

И Сатаной тут рассказала Урызмеку, как она воспитала этого мальчика. Неизвестный мальчик был молодой Сосруко, рожденный от камня и воспитанный джинами.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Милостивый государь! Господин редактор!

В февральской книжке вашего журнала появилась «заметка» г. Абрамова по поводу статьи проф. Ковалевского о кавказских горцах, помещенной в журнале «Русская мысль»¹.

Из этой заметки видно, что г. Абрамов имеет совершенно неверное представление об источниках, послуживших г. Ковалевскому для изображения быта кавказских горцев, и ради восстановления истины, мы, бывшие спутники г. Ковалевского на Кавказе, следовательно, близко знакомые со всей обстановкой его путешествия и исследований, просим вас напечатать нижеследующее наше заявление, имеющее единственную целью исправление фактических ошибок, заключающихся в заметке г. Абрамова.

1) Прежде всего г. Абрамов упрекает проф. Ковалевского в том, что он не делал личных наблюдений, так как ограничился посещением только одного аула.

Заявляем, что г. Ковалевский посетил не один, а девять больших аулов, помимо отдельных поселков и таких центров, как Вла-

дикавказ и Нальчик, где можно найти изрядное количество туземцев, могущих дать много ценных сведений исследователю. Из девяти упомянутых аулов, три (Хулам, Чегем и Озроково) принадлежат горцам-балкарцам и составляют как раз половину всех аулов балкарского племени².

Что касается осетин, то г. Ковалевскому было известно, что Осетия распадается на три общества: Тагуарское, Дигорское и Алагирское, из коих каждое имеет свои особенности и свою историю. Для исследования осетин в целом наш путешественник посетил все упомянутые три общества. Четыре больших аула, выбранные здесь для исследования, были: Владикавказско-Осетинский, Христиановский, Салу Гарданский и Ардонский³.

Остальные из исследованных аулов (Верхний Атажукинский и Нижний Атажукинский) принадлежали Кабарде. Сверх того, с Кабардой г. Ковалевский знакомился в Нальчике и в окраинных маленьких аулах (Шалушка, Барамта⁴ и др.).

2) Дальнейшее заблуждение г. Абрамова состоит в том предположении, что г. Ковалевский отбирал сведения у одних высших сословий горцев и, далее, что он не обратил внимание на другие источники, как, например, на народные предания.

Если бы г. Абрамов был с нами во время путешествия г. Ковалевского, он не сказал бы ничего подобного. Он увидел бы, с какой осмотрительностью и обстоятельностью вел г. Ковалевский свои расспросы. Эти последние касались, главным образом, обычного права и земельного строя горцев. Сведения отбирались у лиц самого разнообразного общественного положения, но преимущественно у низших сословий. В каждом ауле г. Ковалевский приглашал к себе стариков – не двух, не трех, а человек двадцать и более – и расспрашивал он каждого порознь, по одному и тому же вопросу. Это делалось с той целью, чтобы проверить показания одних показаниями других и выяснить кажущиеся или действительные противоречия в ответах. Таким путем нашему путешественнику удалось собрать весьма значительное количество материала для издания обычного права, земельного строя и сословных отношений у горцев. Вместе с тем г. Ковалевский расспрашивал о преданиях, сказаниях, в записывании которых, по просьбе профессора, принимали участие и мы, пишущие эти строки. (Например, предания о Баделе, о трех древних родах в Дигории и др.)

3) Переходим к последнему заблуждению г. Абрамова. Автор заметки полагает, что г. Ковалевский не пользовался архивными источниками.

Нам хорошо известно, что г. Ковалевскому, благодаря любезности начальника Терской области г. Юровского, был открыт доступ во все местные архивы, и что наш путешественник энергично воспользовался этой любезностью. Он немало рылся во всех канцеляриях Владикавказа, преимущественно же в канцелярии начальника области и в областном правлении. При этом г. Ковалевский, на наших глазах, пересмотрел громадное количество дел из практики горских словесных судов, как во Владикавказе (осе-

тинские дела преимущественно), так и в Нальчике (балкарские и кабардинские дела). Точно так же им пересмотрены в аулах и сделаны выписки из книг, куда заносят решения сельских судов по обычному праву.

Пользуемся случаем засвидетельствовать вам, г. редактор, наше глубочайшее уважение.

Студенты Петровской академии, уроженцы Кавказа

**С. Туккаев⁵,
С. Урусбиев**

НАУРУЗ УРУСБИЕВ

В журнале «Кавказские курорты» в 1917 году появился большой очерк «К портрету князя Науруза Исмаиловича Урусбиева». Почему известный русский альпинист В. В. Дубянский, дважды покоривший вершины Эльбруса, посвятил свой очерк именно Наурузу Урусбиеву? Как бы отвечая на этот вопрос, автор пишет: «Мы не знаем ни одного капитального труда среди посвященной высокогорному Кавказу и району Эльбруса отечественной и иностранной литературы – английской, итальянской, немецкой, французской, где бы не упоминалось с признательностью о покойном князе Исмаиле, свидетеле времен покорения Кавказа, или об его достойном наследнике, ныне здравствующем князе Наурузе Исмаиловиче, никогда не отказывавших в радушном гостеприимстве и просвещенном содействии заброшенным в самое сердце Центрального Кавказа ученым путешественникам»¹.

После смерти отца хозяином гостеприимного дома Урусбиевых становится Науруз Урусбиев. Было ему тогда 25 лет.

Н. И. Урусбиев родился в 1863 году. Как и старший брат Сафарали, он поступает во Владикавказское реальное училище и в 1885 году заканчивает его. Одновременно с Наурузом во Владикавказском реальном училище учились его двоюродные братья – Ибрагим Хамзатович, Сергей и Исмаил Александровичи (Асланбековичи) Урусбиевы. В год окончания реального училища, летом 1885 года, Науруз вместе с братом Сафарали и его товарищем из Осетии Соломоном Туккаевым сопровождает экспедицию М. М. Ковалевского и В. В. Миллера из Балкарии в Сванетию до аула своего родственника князя Дадешкелиани. Науруз Урусбиев неоднократно бывал в Москве, Санкт-Петербурге, Тифлисе. Он часто встречался с С. И. Танеевым, познакомился с Петром Ильичом Чайковским, посещал театры и музеи Москвы, участвовал в работе научных обществ. Из переписки С. И. Танеева и П. И. Чайковского известно, что последний хорошо знал Науруза. В 1888 году Науруз вместе с Танеевым в Большом театре слушает «Евгения Онегина». В 1891 году Танеев в Пятигорске вновь встречается с Наурузом и едет с ним в Урусбиево. Перед этой поездкой Танеев пишет П. И. Чайковскому: «Науруз будет в восторге, если ты его посетишь. Когда он приехал 3 года назад, я его повел на «Онегина». Это была первая опера, которую он увидел в своей жизни. И музыка, и декорация, и оркестр, и песни – все это про-

извело на него необыкновенно сильное впечатление, и он до сих пор вспоминает об этом представлении. Я уверен, что впечатление, которое произведут на тебя его аул и путешествие, будет несколько не слабее, чем то, которое испытал дикий горец, увидев «Онегина»... Я собираюсь выезжать первого августа, обдумай и решишь»².

С. И. Танеев в этот свой приезд посетил, кроме Урусбиево, и аул Хасаут, где жили карачаевцы и балкарцы. На этот раз им были записаны старинные горские песни, танцевальные мелодии и инструментальные наигрыши.

Поселившись до конца жизни в родовом ауле Урусбиево, Науруз с большим энтузиазмом принялся собирать и готовить к публикации образцы карачаево-балкарского устного творчества.

В кунацкой Науруза, где могли уместиться до 30 человек, был устроен своеобразный музей балкарских музыкальных инструментов, описание которых дает С. И. Танеев в статье «О музыке горских татар»³. Записи карачаево-балкарских фольклорных текстов, сделанные С. И. Танеевым и Н. П. Тульчинским⁴, пестрят ссылками: «заимствовано из тетради Науруза Урусбиева», «продиктовано Н. Урусбиевым». О тетрадях Науруза Урусбиева с записями текстов карачаево-балкарского фольклора пишет и Евгений Баранов⁵. К сожалению, до сих пор они не разысканы.

Науруз Урусбиев по своему социальному происхождению стоял выше простых балкарцев – создателей образцов фольклора. Но он не был замкнут на интересах своего класса (как пытались представить его деятельность некоторые советские историки), он жил делами и заботами своих соплеменников, ему бесконечно дорога была культура родного народа, без деления его на классы и сословия. Тому свидетельство – антифеодалное содержание записанных им народных песен: «Песни по поводу освобождения холпов», «Кайсыны», «Баксанук» и др.

Кроме того, вся практическая деятельность Науруза была направлена на улучшение социально-экономического положения балкарского крестьянства. У себя в ауле Науруз занимался внедрением прогрессивных методов ведения сельского хозяйства. В 1895 году он разводит в Урусбиево крупный рогатый скот швицкой породы, который был намного продуктивнее местных пород. Он пытается культивировать виды овощей, ранее неизвестных в Баксанском ущелье, добивается больших успехов в разведении лошадей карачаевской породы, что было отмечено серебряной медалью на выставке 1910 года в ст. Прохладной⁶.

Следуя начинаниям отца, Науруз улучшает проложенную по инициативе деда и отца, и частично на средства отца, колесную дорогу от Урусбиево «до крайних северных границ горско-татарских урусбиевских земель»⁷. Оказывает помощь многочисленным альпинистам, ученым, художникам, приезжающим в Приэльбрусье.

Долгие годы Науруз выполнял обязанности старшины Урусбиевского общества, которое неоднократно избирало его на новые сроки.

Семья Исмаила Урусбиева была в дружеских отношениях с ху-дожником-демократом И. А. Ярошенко, композиторами С. И. Та-неевым, П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, с учеными И. И. Иванюковым, М. М. Ковалевским, В. Ф. Миллером и многи-ми другими. В 1911 году в доме Урусбиевых появился С. М. Киров. Его приветливо встретил и снарядил в дорогу Науруз Урусбиев⁸. С. М. Киров прибыл в Баксанское ущелье под видом альпиниста. На самом деле он хотел не только покорить вершину Эльбруса, но и поближе познакомиться с жизнью и бытом одного из самых малоизученных народов Кавказа. Возможно, эта поездка была предпринята и под влиянием статей Басията Шаханова, опубликованных в газете «Казбек» («Терек»). Как известно, активным сотрудником «Терека» был в то время и С. М. Киров. Статьи Басията Шаханова повествовали о невыносимых условиях, созданных царским правительством и администрацией округа для балкарцев. Среди сопровождавших С. М. Кирова был и сам Басият Шаханов. Киров со спутниками останавливался в доме тестя Басията – Дадаша Балкарокова. По свидетельству С. Синельникова, в группе Кирова был и адвокат Башир Далгат, который «достичь вершины не сумел, но пользу принес, не подозревая о том: накануне восхождения он ввел Кирова в дома ряда горцев»⁹. «Сергей Миронович и его товарищи некоторое время задержались в сел. Урусбиево, – пишут Р. Х. Гугов и У. А. Улигов, – по свидетельству активных участников гражданской войны М. Б. Зумакулова и И. А. Кумыкова, в Урусбиево с Кировым встречались и «много беседовали» Султан-Хамид Калабеков, Касым Искандеров, Исхак Муллаев и другие балкарцы, известные уже тогда своими высказываниями «против существующего положения»¹⁰.

Науруз Урусбиев принимал деятельное участие в работе Абрамовской комиссии по землеустройству и по обсуждению ее проектов. Он был в числе представителей от Балкарии на Особом совещании по рассмотрению выработанных комиссией проектов о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы при генерал-губернаторе в г. Тифлисе в 1912 году¹¹.

Первая плеяда карачаево-балкарских просветителей органично сочетала в своей деятельности работу по распространению культуры и просвещения с решением практических проблем. Большую работу по просвещению горцев вели члены-учредители Нальчикского отделения «Общества по распространению образования и технических сведений среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» Науруз Урусбиев, Магомед и Исхак Муллаевы, Хаджимурза Акаев¹².

Год смерти Н. И. Урусбиева документально не установлен. Но в качестве гипотезы можно назвать 1927-й или 1928 год. В 1927 году известный географ Сергей Анисимов, повествуя о своей поездке к Эльбрусу, восторженно писал о традициях гостеприимного дома Урусбиевых, охраняемых «последним из могикиан» Наурузом¹³.

Через годы были написаны «Кавказские рассказы» ростовского журналиста Петра Максимова, где он с нескрываемой враж-

дебностью рассказывает о последних представителях рода Урусбиевых. «Так вот, спрашиваю у Джерахмата о судьбе этих Урусбиевых. Судьба обычная. Урусбиевых было два, и оба оказались контрреволюционерами: капитан Ибрагим Урусбиев и его двоюродный брат, этот самый интеллигентный Науруз. За свои контрреволюционные дела Ибрагим был арестован и затем расстрелян в Нальчике; то же, видимо, предстояло Наурузу, но он предупредил события.

– Сам себя застрелил Науруз, – рассказывает Джерахмат. – Гордый-прегордый был Науруз и такой грамотный, как профессор...»¹⁴.

Последний, трагический эпизод жизни Науруза подтверждает и собранный нами полевой материал. Информатор Абу Джуртубаев рассказывал: «Получил как-то Науруз из Нальчика какую-то бумагу от начальства. Всю ночь горела лампа в доме Науруза. Он все что-то писал, а потом сжег все написанное и все свои бумаги. А утром рано застрелился»¹⁵.

Почти то же самое повторяет другой информатор – Ханифа Узденова, только в ее изложении Науруз получил письмо от Ибрагима¹⁶.

Какую бумагу получил Науруз? И был ли он замешан в контрреволюционной деятельности? На последний вопрос известные нам архивные документы и литературные источники дают отрицательный ответ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Кавказские курорты. 1917. № 10.

²Танеев С. И. Письма. М., 1951. С. 170.

³Памяти С. И. Танеева. М.; Л., 1947.

⁴Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. Владикавказ, 1903.

⁵Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество горских татар.

⁶Терские ведомости. 1900. № 112–114.

⁷Дубянский В. В. Указ. раб. С. 118.

⁸Терек. 1911. 9 августа.

⁹Синельников С. Киров. М., 1964. С. 142.

¹⁰Гугов Р. Х., Улигов У. А. С. М. Киров на Терекке. Нальчик, 1986. С. 21.

¹¹ЦГА Северной Осетии, и-26, оп. 1, д. 44, л. 174.

¹²Там же, ф. 193, оп. 1, д. 23, л. 2.

¹³Анисимов С. От Казбека к Эльбрусу. М.; Л., 1928.

¹⁴Максимов П. Кавказские рассказы. Ростов н/Д, 1928.

¹⁵Архив КБНИИ, ф. 622/1.

НАУРУЗ УРУСБИЕВ

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В большой аудитории Политехнического музея происходило 28-е заседание отделов Антропологического и Этнографического императорского общества любителей естествознания¹ под председательством профессора этнографии В. Ф. Миллера². Присутствуют: члены общества и 30 сторонних посетителей.

Князь Урусбиев сообщил об условиях нахождения 4 представленных им деформированных черепов с Кавказа:

Всеволод Федорович Миллер просил меня сообщить вам некоторые сведения по поводу четырех черепов, представленных мною в Антропологическое отделение. Исполнить это я не мог по обстоятельствам, тотчас же по получении письма. Черепа эти найдены в двух различных местностях, именно: два из них около аула Урусбиево, а остальные два – в местечке Отлук-кала³. Расстояние между ними не более 30–40 верст. Как аул Урусбаев⁴, так и Отлук-кала находятся в Нагорной полосе (близ Эльбруса), Терской Области, там, где живут горцы-татары, которых обыкновенно называют балкарцами. Около аула Урусбиево найдены те два черепа, которые имеют более темный с виду цвет. Могилы, из которых они вынуты, расположены на высокой горной площади, на которой, рядом с могилами, сохранились развалины древних каменных строений.

Собственно могилы с поверхности земли представляют вид квадрата: кругом могилы поставлены вертикально, на некотором расстоянии друг от друга, камни, верхушки которых едва выглядывают из-под земли; они-то и образуют квадрат, хотя и неправильный.

В вертикальном разрезе могилы замечаем следующее: самый верхний слой составляет черная, как бы обуглившаяся, земля. Затем следует слой песчаный, в котором, на глубине $1/2$ и $3/4$ аршина от поверхности земли, и находится скелет. Число этих последних от 1-го до 3-х, по крайней мере, в тех могилах, которые мною были раскопаны. Положение трупа – юго-северное, причем одни трупы обращены головою к Югу, а другие к Северу. Что касается вещей, то были найдены несколько бронзовых колец и пряжек. Вообще вещей сравнительно мало в этих могилах. Попадались обломки горшков, куски угля и обуглившаяся

березовой коры.

Перехожу теперь к тем могилам, которые находятся в Отлуккала, где найдены другие два (более светлые) черепа. Эти последние вынуты из гробниц, резко отличающихся от вышеописанных и представляющих род подземных склепов, устройство которых следующее: земля выкопана до известной глубины и с четырех сторон заложены из плоских камней (песчаника) стены, причем, конечно, без всякого цемента. С одной стороны склепа оставлено четырехугольное отверстие, которое обыкновенно прикрыто одним плоским камнем. Иногда таких отверстий бывает два, с двух противоположных сторон, одно больше другого. Сверху склеп покрыт тоже одним или двумя большими плоскими камнями. Величина склепа следующая: длина – 4 аршина, ширина – 3 аршина и, наконец, высота – 2 аршина. Числа эти средние. Весь склеп, как я сказал, находится под землею. На поверхности земли нет никакого возвышения. В силу этого открыть склеп весьма трудно.

Расстояние крыши склепа от поверхности земли или толщина земли, покрывающей склеп, достигает от $1/2$ до $11/12$ аршина.

На языке местных горцев-татар эти склепы носят название Шикакы⁵. В них встречается по нескольку скелетов. Положение трупа таково, что ноги обращены к четырехугольному отверстию. У изголовья поставлено несколько кувшинов. У ног тоже два-три кувшина.

Найденные вещи – бронзовые и железные. Черепа, привезенные мною, собственно взяты из двух склепов вышеописанного типа. В этой местности существует много других склепов или гробниц то под землею, то среди скал в трещинах и т. д.

ИЗ ТЕТРАДЕЙ НАУРУЗА УРУСБИЕВА

Каншау-бий¹

(Поэма)

Когда храбрый Каншау-бий родился в Тар-аузе²,
Для Тар-ауза отверзлись врата Бога.
Когда храбрый Каншау удалился из Тар-ауза,
Аул карачаевский, подобно орлиным перьям,
Рассыпался по камням и лесам.
Когда храбрый Каншау жил в Тар-аузе,
Были мы богаче Непе-базара³.
Теперь же, когда храбрый Каншау покинул Тар-ауз,
Пусть мировая язва не выходит из Тар-ауза.

* * *

У князя Бекмурзы родились четыре сына;

Старшего звали Эльбуздук.
Когда он встречался с неприятелем,
Был лев и становился в львиную позу.
Но пуля пробивает ему крестец,
И он разлучается с равными себе узденями.
Второй сын – князь Камгут
Преждевременно с жизнью расстался.
Третий сын – Каншау-бий.
Князь Каншау водил дружбу с плоскостными князьями;
Он улыбался без смеха,
С князьями и ханами разъезжал,
Он проникал в душевные тайны людей.

* * *

Княгиня Гоших так сказала:
– Взглянувши в окно, я видела в тени равнины лисицу.
Ее карачаевские бродяги, гоняя и преследуя, в волка превратили.
Да переведется весь род Атажукиных;
Они накормили Каншау ослиным мозгом,
Они моего милого Каншау с ума свели.
Мой милый Каншау ушел в Шемаху к казикумыкам⁴.
Не желаю злейшим врагам и недругам
Довериться друзьям, подобно Атажукиным.
Да, пусть будет Атажукиным харамом и кровью
Бараны и пиво, приносимые карачаевцами.
Эльбуздук калека, ни на что не способен;
Гилястан еще молод,
Я же, женщина слабая, приношу одно несчастье;
Покуда мой Каншау вернется из цветущей Шемахи,
Кто же, как не он, Тар-ауз будет оберегать?
В крепости Эривани (Ириуани) горят огни без дыма.
Я отдам в замужество Кантин и Каз без калыма
Тому, кто сообщит верную весть о моем Каншау.
Пойдем, Карачеч⁵, к черному камню;
Посмотрим, не едут ли всадники с равнины Мухур;
Узнаем, жив ли мой милый Каншау-бий;
Если умер, памятник князю на черном камне поставим;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы черный камень на две части распался;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы трескалась земля и лопались камни.
Кто же из тысячи испытал
То, что мы извели, злосчастные?
Плача и рыдая, к черному камню пошли,
С равнины Мухур нескольких всадников приметили.
– То едут ли горцы, иль кабардинцы?
Нет ли среди них храброго Каншау?
Не похожа ли лошадь среднего на жеребчика Генже?⁶

Не носит ли всадник оружие, как мой Каншау?
Тронулись, пошли.
Каншау-бия на жеребчике Генже встретили;
Они друг другу несказанно обрадовались;
Радуюсь, обнялись и вошли в дом;
Там веселилась карачаевская молодежь.

* * *

Княгиня Гошиах так сказала:
– По-прежнему, мы в Тар-аузе.
Жили мы с моим Каншау счастливо,
Теперь он опять возвращается в цветущую Шемаху;
Он не изменяет данному слову своему.
Лисьей шапки с незагнутыми полями
Князь Каншау не надел.
Княгиня Гошиах, плача и жалуясь,
Поехала в Баташев аул,
Не в силах расстаться с Каншау-бием.
Блестят льды Минги-тау.
По берегу Терека обозначились следы,
То следы конной арбы князя Каншау.
Княгиня Гошиах так сказала:
– Осталась я в ауле Баташева;
Полю дорогой шубы не разворачивала:
С выращенными мною детьми Кантин и Каз разлучена.
Да пусть, как я, плачут и рыдают
Девы Бибертовых, ныне беззаботно живущие.
В мире чего не видела, чего не испытала?
В горах видела местность, куда солнце не заглядывает;
Видела аул, где женщинам цепи надевают.
Козы поднялись над аулом и ушли в белые горы.
Почему же я, несчастная женщина,
Осталась охранять Тар-ауз?
Моему ли сану это пристойно?
Дом мой, где некогда веселились карачаевцы,
Превратился в стойло ослов и собак;
Нечесанные и немые длинные волосы
Сделались убежищем гадких паразитов;
Глаза, сиявшие подобно предрассветной звезде,
Померкли от слез и страданий;
Они покрылись ржавчиной и не видят человека.
Я ни с кем не говорила и ни на кого не смотрела.
У подножия Тар-ауза скала, наверху лес,
Посреди идут следы туров.
Да, пусть рыдают, как Кантин и Каз,
Желтоволодые княжны Атажукиных,
Причинившие мне сии дела.
На плоскости шатающихся неукон,

Скручивая уши, в лошадей превращают.
Хану шемахинскому, играя в шахматы,
Храбрый Каншау мат дал.
Он, мой Каншау, утешитель шемахинского хана;
Пред очами шемахинских княжен – он светильник.

* * *

В тот день, когда через реку мост стлали,
Когда крепость Эривань гяурские войска взяли,
Лошадь Генже на мосту свалили
И князя Каншау пушечным ядром убили.
Могучие руки, некогда натягивавшие лук,
Теперь бессильно качаются в воздухе.

* * *

Дошла печальная весть до княгини Гошиах;
Княгиня Гошиах осталась с растерзанной душой.
– У Тар-ауза есть скалы с выступами:
Пусть они обрушатся друг на друга!
О, пусть те места, где убит мой Каншау,
Наполнятся в ладонь дождем, черной кровью и гноем:
На ноги надену чабуры горные,
В руки возьму железную палку,
Плача и рыдая, отправлюсь в те места,
Где умер мой храбрый Каншау-бий.
Плача и рыдая, я заставлю те места распасться на части.
Я жена хана⁷ Каншау, невестка Крымшамхаловых,
Дочь князей Бибертовых.
Брат моей матери Баташев Эльджеруко
Хорошо поет грустные старинные песни
И играет на кабузе.
Почему мой хан Каншау
Нашел достойным завещать
Выйти мне замуж за Каражаева – слепую свинью?
Лишь только за его ловкое конокрадство.
Много одежды сшила я Каншау моему,
Она, неносимая, осталась в сундуках.
Семь целых лет прожила я в Эльтеркаче,
Не любя ленивого калеку Эльбуздука.
О судьба, сжался надо мною,
Освободи меня от немилого Эльбуздука,
Так же, как разлучила с Камгутом и Каншау.
Хотя славный Гилястан молод,
Но вышла б замуж за него.
Молодой Гилястан пошел послом за горы к Дадриану⁸,
Он еще не возвратился.
Княгиня Гошиах плакала без слез.
Княжеских одежд не надевала,

Всю жизнь по Каншау носила траур.

Кайсыны

(Балкарская поэма) ⁹

Жена Айдебула была бездетна.
Айдебул с женой расстался.
Князь Жабо Тазритов на ней женился.
У князя Жабо от нее родились два наследника;
Старший против младшего был живее.
Младшего звали Бекмурзой,
Старшего звали Кайсыном.
Храбром Кайсыну в день рождения,
Обернув его лицом в горы, отрезали пупок.
Как раз в день устыма¹⁰
Ему кроили короткий горный костюм.
В возрасте менее пятнадцати лет
Кайсын добыл отцу Жабо двенадцать невольников,
Матери Жаратхан тюки с красным товаром подарил,
Да благословит бог княгиню Жаратхан, родившую его
И воспитавшую это дитя в неге и на воле.

* * *

Из Брагун¹¹ ханские гости приехали,
Их Тазритовы приняли, как самых почетных людей.
Они у Тазритовых обильно угощались.
Когда гостям настало время уезжать,
Их спросили: что они желают?
– Что нам нужно, мы вам скажем.
Если не вовремя приехали,
То вернемся домой до назначенного вами срока.
Гостям дали срок, минуя зиму, к лету;
С тем гости домой возвратились.
Зима прошла, лето настало.
К назначенному Кайсыном сроку гости вернулись.

* * *

В ущелье Дырха для сакли много лесу порубили,
В том числе для средней балки белое дерево срубил.
– Меньшой брат, маленький Бекмурза! –
Так сказал старший брат Кайсын. –
Гости наши приехали,
Им нужно дать невольников и скот.
Нужное число скота дома найдем,
За невольниками же в какую страну сделаем набег?
У нас лишних невольников нет:

От отца Жабо остались два старых холопа;
Если одного насильно отдадим,
То другой холопом нам не будет.
Кто расточает отцовское имущество,
Тот недостойный наследник отцовского добра.
В одну темную ночь джигиты о горном походе совещались.
В ту же ночь они к горному перевалу пришли,
У подножия перевала барана лысого зарезали.
Урусбиев князь Кучук так сказал Кайсыну:
– Я хоть и мал, но удальскую долю мне оставь.
Несколько туров джигиты там увидели.
Князь Бекмурза, счастливый охотник,
Сделав выстрел, одного из них убил;
От него для котла в кош принесли.
Поев и напившись, джигиты спокойно легли.
Рано вставши, джигиты в путь собрались.
Бекмурза так сказал:
– Я ночью заснул и сон видел.
Во сне отца Жабо видел:
Был он в толпе кабардинцев, в волчьей шубе на плечах;
Два уса, как курпей.
У волчьей шубы от локтей нет рукавов;
В толпе не было ему ровесников;
Он не был тем цветущим, как прежде;
На меня он даже не взглянул;
Наше предприятие не по сердцу ему.
Кайсын так ответил:
– Сон есть ненужные отбросы сна,
Верующий снам – ничтожный человек.
Ты видел большое сражение;
Сражение для героев – выбрасывание пуль.
Бог даст, мы за горы перевалим,
А за труды ног девиц-невольниц возьмем.
Отсюда вернувшись без добычи,
Что мы скажем нашим женщинам?
Теневая сторона Лахума¹² не освещается солнцем;
С полными руками, с целой головой каждый раз
Возвращаться домой кто же не любит?
Молодцы! Двинемся по ту сторону гор!
Увидевши врага, не отворачивайте головы!
Тронулись в путь и вышли на Чиар.
С Чиара в Норичи спустились.
С высоты черный ворон зловеще прокаркал,
Кобылица из рук вырвалась,
В нее нечистая сила вселилась.
С этой кобылицей по Имеретии весть разнеслась.
Как чутки имеретины на тревогу!
За горами с Кайсыном кто же остался?
Как случилось, что за перевалом исчезли

У князя Жабо два русых наследника?
Как случилось, что за горами
У князя Жабо наследники – золотые альчики,
Кайсыны, Бекмурзы!
Куда им было деваться?
В плохом месте враг настиг;
Что не мог враг сделать, святой дух сделал.
Отправились, умных советов не спросили,
Отцу Жабо не сказались.
Вошли мы в нору, куда лисица не заходит.
Видел ли враг зловещий день нашего выхода?
Да пусть не вернуться живыми те гости,
Ради которых злосчастный набег затеян.
Если Нучес – сын Эндукку – выйдет живым из норы,
Он о храбрых и трусах на нагишах¹³ будет сказки говорить.

* * *

Герой Кайсын так сказал:
– Моя пороховница хозом¹⁴ покрыта,
Она полна порохом.
Капая по каплям, к утру лужа скопилась.
С расчетом была кровавая битва.
Ноги мои поразились болезнью.
Когда друг к другу два врага приблизились,
Тогда мое мужество, крепкое, как крепость,
Сравнилось с ничтожеством мертвеца.
Мое ружье беглый сломал;
Но абаевский Сари-куллан¹⁵ наши души успокоил.
И что мы сделали живущему за перевалом
И свинину пожирающему зобатому Уяну.

* * *

В узком месте Дирха дерево срубили,
Но его снесло водою.
Да будет проклят ишкуланец Георгий,
Разнесший весть по Имеретии о джигитовском набеге.
От сестры рожденный Абаев Каспулат,
Когда эти вести услышит,
Один он пеший придет,
Свой синий шелк в воду превратит.
Тогда об убитых Кайсыне и Бекмурзе
Пойдут по Имеретии ложные слухи и толки;
На тенистой стороне рябой подтелок кажется белым.
Пусть исчезнут щеголи Абаевы!
Когда на плоскость выезжаем,
Они в товарищи нам не годятся,
А когда домой придут, в нагише говорить нам не дают.

Они, на кабузе играя и песни распевая,
На женской половине похваляются;
Ячмень смешают с пшеницей,
На целый месяц работу челюстям дают.
Когда на плоскость выезжают,
Их мужество, как у баб,
А дома свои талии серебром унижают.
Если спросят: «Кто они?»
Эндруковы – князя Алиевы.
Эндруковы, Курмановы,
Когда нас враг настиг,
Не удержались возле нас.
Сванет Мулаев из палок ношу сделал,
Трусы Абаевы, удирая, в горы ногами вписались;
Ногаев Индербей, убегая,
Ладони своих рук в шерсть превратил.
Желтошубые безенгиевские уздени там отличались;
Рахаев Токк,
Урусбиев Кучук в набеге были ли?
Кучук был товарищем Тутуровых:
В плохой день товарищем Кучуку Гекки сделался.
В день героической битвы
Там Урусбиев князь Кучук
На гяуров, как лев, бросался;
Из десяти пальцев он двух лишился.

* * *

В ущелье Дирха дерево срубили, его водой снесло.
Не посчастливилось ишкуланцу Георгию,
Давшему весть имеретинцам о набеге.
На пальце убитого Кайсына
Был перстень княгини Дадипал¹⁶.
Исчезли Кайсын и Бекмурза.
О, что же будем делать?
У князя Кайсына осталась сакля, соломой крытая,
Жена Кайсына осталась с босыми ногами и непокрытой головой.

Шори

(Балкарская песня)

Загаштоков Чепелеу
Во сне ночью сон видел;
Видел вещи убитых после битвы.
Утром рано вставши,
В Шаурдат поднялся,

Там Ульбашева героя Уччу он в товарищи взял
И, собравшись, в Большую Балкарию пришел,
Тамиева Жаза вторым товарищем взял.
Они на перевал Шорийский пришли.
С Шорийского перевала
Вокруг и на низовья его смотрели,
На горе двух охотников увидели,
Окружив их, изловили.
От них начали допытываться вестей;
Но вестей они не дали
И их за людей не сочли.
Из горного мха огонь развели,
Спиною охотников в огонь положили
И хороших вестей добились:
– Аул наш ушел на Лечхумскую поляну.
Очутились балкарцы в выгодном положении.
– В такой оплошности наш аул кто же увидит?
И кто бы осмелился сделать набег на аул?

* * *

– Тыкынаев Дебек,
В Большую Балкарию надо известие дать!
Ой, Тамаев Жаза
На свои две ноги надеется,
Утром с Рчивашки отправился,
На Кунюмский нагиш пришел,
Кунюмскому «нагишу» весть дал;
В нижние Чегеты перешел,
Чегетским «нагишам» весть дал.
Абаев-князь, Мусуков-богатея
Начали собирать сопернические партии;
Чориева в Штулу нарочным послали;
Передовых на Айлям-таме задержали.
Посмотрели, там Бибо не видели.
Ой, Сакаев, молодой Маме!
За Бибо Маме послали,
Бибо в скорости явился.
Его прибытия многие невзлюбили.
Бибо направился на высоты,
Взяв на двоих араку.
Коротко засучив полы,
Он подгонял вперед
Лучших молодых джигитов.
Партию свою в круг рассадил,
Сам чашки разносил
И каждого чашкою араки наделял.
Пока хмель араки не рассеялся,
Он на солнечный Маргуш набег учинил.

Там на одного по два пленника пришлось.
Тотчас же на тенистый Маргуш напал.
Нападающий два раза живым не уйдет,
На одного по две раны пришлось.
Равнина, на которой не скатывалось яйцо,
Сделалась недоступной даже для туров.
Черная вода, которую собаки не лизали,
Превратилась в Терек, недоступный
Для перехода жеребцам.

Татархан Багатырев

(Карачаевская песня)

В местах нахитана расставили три вехи:
Из Даута раздался оглушительный крик,
И оттуда в Большой Карачай прилетела весть.
Весь Карачай собрался на Санчик.
Из трех ущелий партиями на тревогу вышли,
Вышел и Крымшамхалов доблестный Гилястан.
В день выезда князя Гилястана
Под ним конь сильно скакал,
Багатырев доблестный Татархан
Не лентясь ходил и славу приобрел.
Ой, Мукаев доблестный Байчокку,
Он на Даудское плоскогорье поскакал
И там про Татархана осведомлялся,
Татархана в доме не нашел:
Татархан к осенним баранщикам пошел
Просить барана на зарез.
Ах, если бы мы настигли врага,
Татархана впереди бы поставили.
Настигнувши врага, мы над ним потешились бы.

* * *

Татархан домой пришел вечером.
– Мать, я бесконечно голоден, –
Так матери сказал Татархан.
– Присланного тобою барашка
Мы вчерашнюю ночь зарезали,
Тебе хорошую долю оставили.
С трех равнин твои три сестры приехали,
Твою долю они поели и уехали.
Пред ним поставила баранью лопатку и часть головы.
Он два раза содрал мясо и три раза вкусил,
Посмотревши на лопатку, он у матери спросил, что нового?

– Карачай находится в покое при косах и вилах, –
Так ответствовала мать.
– Мать, мы заснем, потом встанем и бывшие дела увидим...
Тогда среди своих товарищей, не подымая головы, умрем.
– В таком случае, сообщи тебе вести, мой сынок.
Кызыльское войско аул Даутово разграбило,
Твою емчекскую мать увели.
Как корова, отбившаяся от телка, она оглядываясь, ревела...

.....

.....

– О, боже! А я свои чабуры отдал баранщику;
Да будут мои ноги крепки, как у домашнего катра¹⁷!
Не мешкая долго, он схватил свое оружие
И направился на сховатскую дорогу¹⁸.
Растянувшись, конь скачет, как скаковой шаулох.
Он, подобно древним нартам, достиг цели похода.
Карачай был задержан рекою Сховат.
Багатырев доблестный Татархан
Обвязал себя лошадиным арканом
И, как шаулохский конь, воду перешел,
Перешедши, закричал на манер бобра-самца
На лежащих длинношерстных баранов
И, как волчица, врезался в середину их.
По водам Сховата кровь потекла,
Ой, Кабаев трусливый Жулуй!
На тебе кровь есть, а раны нет;
Отдай отцу свиной кал.
Ой, Мукаев доблестный Байчокку
Вниз по хребту спускался.
И с товарищами на низ направился.
Боже, благословение доблестям Татархана!
Он карачаевское войско возвратил,
Которое в смятении назад бежало.
Разжевывая каржин¹⁹ с кровью,
Крымшамхалов доблестный Гилястан
Сделал себе нарукавники из белого серебра.
Ой, Шакманов князь Тамма
С Чегема пришел, белый витязь;
У него трофеи похода – два невольника.
Князю Тамма нужны невольники, а также и скот.

Алла-Гидай

(Горская песня)

Скот мой пал, взор мой обращен на Алла-Гидай.
Красавица, ласточка, Алла-Гидай!

Крылышком по бумаге пиши.
* * *

– Ой, если от него останусь, пошли боже,
Чтобы я досталась чернобородому мулле:
Чернобровый мулла пишет амулеты
Целых два месяца.
Если от него останусь, пошли, господь,
Чтобы я досталась утопающему в богатстве.

* * *

Джигит, я женщина бессильная,
Если сверху большую воду запрудить – водопад будет,
Когда на большой воде нет моста, – каюк бывает.
Джигит, шибко не ходи – непристойно узденю.

* * *

– К крылышку привяжу бумагу.
Была у меня милая, – она скрылась;
Теперь где найду?

* * *

– Подвязывая сафьяновую подвязку,
Спину утомила.
От души любимый друг
Не пришел, меня обидел.
Если не идешь, джигит, так не ходи,
Я сомневаюсь в твоей любви.
Кто нас створожил в нашей любви?
Я есть плод яйца,
Светлее золота блещу.
Джигит, берешь меня, так бери,
Не берешь, – есть просители; за одного из них пойду.

* * *

– Ночи мои в тумане, дни во мраке.
С нетерпением жду желанного рассвета.
Милым другом приходишься. Гидай!
Я являюсь к тебе в пышности.
Твои жестокие и незаслуженные упреки
Холодом в моем сердце отразились,
Подобно холоду на подносе тузлука.
Не выйдя за меня, – меня обидишь.
Прекрасный друг, Алла-Гидай!

* * *

– Если бы превратилась я в синюю голубку,
Да улетела б в небо, что сделал бы джигит?
– Если бы, превратившись в желтого ястреба,
Поймал бы голубку, что сделала б Гидай?
– Если бы я превратилась в пеструю рыбку,
Да нырнула бы в воду, что сделал бы ты?
– Если, превратившись в удочку,
Поймал бы рыбку, что сделала б Гидай?
– Если бы я превратилась в просяное зерно,
Да рассыпалась по земле, что сделал бы джигит?
– Если, превратившись в курочку с цыплятками,
Поклевал бы зерна, что сделала бы Гидай?
– Если бы я превратилась в плуг
И вонзилась бы глубоко в землю, что сделал бы ты?
– Если я, превратившись в сильных быков,
Выдернул бы плуг, что сделала б Гидай?
– Если бы по воле бога я была бы больна,
Что сделал бы джигит?
– Если я, превратившись в Локман-Хакки ²⁰,
Исцелил бы тебя, что сделала бы ты?
– Если бы мне бог послал смерть
И я лежала бы мертвой, что сделал бы джигит?
– Я превратился бы в чистый белый саван
И обвил бы свою милую Гидай.

* * *

– Видела орла с голубиной шеей,
Видела сон: мой милый благополучно вернулся.
У того красивого орла на крыле не было ничего,
А у вернувшегося милого цела была душа, а лица не было.
Он с пальца золотого кольца не мог снять.
До рокового сна я была в покое,
Теперь тот сон в мою душу вселил беспокойство.

* * *

Много подарков милый привез,
А меня ими не удостоил.
Давно ушел, человека сгубил;
Домой к себе не возвратился.

* * *

Опять видела орла с голубиной шеей.
У него на крыле что-то было.

Когда дева идет за любимого,
Она пребывает в небесном сиянии.
Выше гор холмы не бывают.
Если дева не выходит за любимого человека,
В сердце той девы жара не бывает;
Такая дева, не выпивши амулетовой воды, не излечится.
– Зачем так вниз смотришь,
Что видишь там, Гидай?
Я не возьму тебя, – из-за меня зачем убиваться?

Любовь

(Горская песня)

Мой милый ушел на гору Клис,
А про него пошла дурная слава.
Когда же вернется – явится с золотым подарком.
Не надо мне твоего подарка;
Пусть будет моим уделом
Твое душевное благополучие и твоя длинная ночь.

* * *

Голуби воркуют, – лето ли настало?
Душа, зачем меня упрекаешь?
Ведь в долгой разлуке с милым,
В тоске по нему красоту свою потеряла.

* * *

Ребята, трехлетнего жеребенка не оседлывайте!
Оседлаете – спина заболит.
Дурным словом в шутках милого не обижайте:
Его любящее сердце будет страдать.

* * *

В белой горе есть большие пещеры;
В ауле колдуньи и ведьмы:
Двух любящих сердец друг от друга разлучают.
Душа-девица! Если любишь, как я тебя люблю,
Я склоню голову на руку твою белее снега;
Я тебя люблю, но если ты меня не любишь,
Пусть поразит твое сердце пуля.

* * *

Шея голубая с синими пятнами;

Объятия милого дышут приятной прохладой.
Ночью, как в раю Фердауса,
У них – любящих – игры бывают.

* * *

Мой милый на плоскости разъезжает.
Желала бы я при сильном дожде
Превратиться в бурку и башлык,
Чтобы растянуться на плечах и обвить шею моего милого.
Когда милый мой домой вернется,
Желала бы я очутиться в его прохладно-приятных объятиях.

* * *

Мой милый ушел на летний покос.
Он косил на тенистой стороне;
Я на солнечной стороне жала ячмень,
Спрашивая прохожих о нем.

* * *

Мой милый-бравый ушел в аул,
Я испекла ему один пирог,
В масле его могли бы плавать русские кони.
Если такого героя не любить, так кого же любить?
Когда милый выезжает на плоскость,
Мне кажется, что может гнать гуськом конные арбы
И с корнем вырывать языки.

* * *

Мой милый гулять ушел по свету,
Мои глаза неустанно следят его возвращение.
Боже, такого молодца не любить, так кого же любить?
Очутиться в объятиях у милого – наслажденье,
Какое испытывает пастух, считая молодых барашков.

* * *

Плывет-стелется туман, охватывая низины,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
У кого, отбивши, милую увозят,
Тот сравняется с трусливой девицей.
Любящих любящим отдавайте,
Нелюбящих на широких воротах распинайте.

* * *

Мой милый ушел на летний сенокос,

Я пошла жать ячмень.
О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить косу и серп,
И пусть тот кузнец в болезни корчится.
О, наслаждались бы вдвоем наедине, успокоенные.

* * *

Мой милый ушел на гору Алис²¹;
Отец разукрасил белую горницу.
Пусть эта горница огнем истребится, –
Готова жить с любимым в раскрытом сарае.
В чем кроется красота моего милого?
Он лучше, прекраснее богатства мира!

* * *

Трехлетнего жеребенка, глядя и чистая, не оседывайте.
Бросившему милую, руку не протягивайте.
У милого глаза и брови черные «нала»²².
Бедному отцу и бедной матери
Помогайте своим состоянием.

* * *

На летнем покосе ременным поясом не подвязывайтесь,
Он затвердеет, высохнет, спину потрет.
После вечернего намаза на крышах не прохаживайся,
Посторонние люди, увидевши, будут подозревать.
Распевая-распевая, из кожи дикой козы уздечку сделал.
Играя и смеясь, я, малый, влюбился.
Кони, останавливаясь-останавливаясь, воду пьют.
Милые, наедине оставаясь, играют-играются, ночи не
замечают.

* * *

Сказала б милому слово, если исполнит его,
Дала б милому долгую отлучку,
Если б наше блаженство в этом мире было продолжительно,

* * *

Плывет, стелется туман, охватывая низины,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
Находя новых друзей, старых не отталкивай.
Душа-молодец, сердце мое тебе принадлежит;
Но если ты меня не любишь,

Пусть ногайские ружья продырявят твои пахи.
* * *

В бешмете коротком по колена
Ты сено косил на тенистой стороне,
Я жала ячмень на солнечной стороне,
И робко на тебя поглядывая, я статную шею искривила.

* * *

О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить серп и косу.
Если б тот кузнец лежал 15 дней в болезненных корчах,
О, тогда наедине вдвоем наслаждались бы мы, успокоенные.

* * *

Я милой купил костяную гармонию,
Милая, дорогая моя, тебя я крепко люблю!
Но если ты меня не любишь,
Да будь на том свете черной свиньей.

Свадебные поздравления

У спокойного пусть не будет болезней;
У беспокойного пусть болезнь приключится.
«Аминь» кто скажет, пусть скажет;
Кто не скажет, пусть скорее умрет.
Да пусть к нам всегда такие невесты приходят.
Ой, чашу бузы – чашку меду
Возьмем и провозгласим
И на язык положим.
От дурных дел в стороне останемся.
Хорошие пожелания от нас не устроятся.
Дурные намерения пусть не достигают,
Пожелания дурного человека да не сбудутся в нашей жизни.
Дурные намерения пусть устроятся.
Хорошие пусть сбудутся.
Кто не желает добра тому, кто хорош с соседями,
окрестными людьми и своей семьей,
и кто не любит их, пусть у него рождаются
дураки и в доме будут покойники.
Пусть у пришедшей невестки будут почести велики, как горы.
Пусть у ней будет ум, как озеро глубоко.
Сыны и дочери пусть растут и размножаются, как равнина
широкая.
Пусть будут почести чрезвычайные, а язык обтянутый.

Если будет дурная, пусть родящиеся будут тоже дурными.
 У хорошей пусть будут преддверья обширны и, будучи
 обтянуты цепью, служили бы для песен и плясок.
 Чтобы дойных коров в малых годах было бы не меньше ста.
 Первый родившийся пусть будет таракчи²³,
 А второй пусть будет таякчи²⁴,
 Третий пусть будет баранщиком.
 Принесенные невесткой подарки пусть будут шелковы.
 Пусть будет первый родившийся учен и читает коран.
 Труба очага пусть будет с копотью,
 А сам очаг пусть будет широк.
 Пусть родившаяся дочка будет красавицей и весь свет за ней
 ухаживал бы.
 Пусть в наш аул прибывают невестки и да подарят платочки.
 Да дай бог нашему аулу спокойствие и здоровье.
 Пусть невестка, согнув ноги, сядет и в толщину ноги пряжу соткет.
 Если свекру, свекрови и своему главе молодая будет
 непослушна, пусть преждевременно погибнет.
 Пусть будет молодая крепка в поручениях от мужа,
 Пусть ее ножницы только режут шелк,
 Пусть будет поступь молодой счастьем для целого квартала.
 Сегодня этому дому радость: играем, поем, едим и пьем.
 Сегодня этому дому радость, кто не сочувствует ему,
 Пусть у того преддверье останется без песен и плясок,
 И пусть тот никогда не поест баранов,
 Чтобы есть каржин (хлеб)²⁵, челюстей бы не было,
 И чтобы в руки взять и палки не было.
 Пусть у его котла не будет ручки,
 Чтобы в этом и в том мире доли ему не было.
 Кто желает добра этому дому,
 Пусть всегда у его преддверья поют и пляшут,
 Пусть он пасет 2000 баранов,
 В старости для каржина пусть будут челюсти крепки,
 А чтобы в руки взять, пусть будет палка с серебряным
 набалдашником,
 Пусть будет ручка котла из желтого золота,
 И под ним лошади иноходные,
 Чтобы в этом и в том мире имел дома,
 Рай Фердауса²⁶ пусть будет его долей.
 Кто не любит этот дом, пусть будет жертвой большой пули.

Импровизация охотника

Ой, княгиня Фатима, баксанский праздник!
 Поступь охотника пусть будет тверда,
 Пущенная им пуля пусть не сбивается;
 Сбившаяся пуля пусть в почки попадет.
 Когда прямо идет, пусть в сердце попадет,

Когда предполагаешь неудачу, пусть в легкие попадет,
Подстреленный зверь пусть кувырком скатится.
Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне дергающего белую отаву,
Дай мне, пока не высохнет кровь,
Дай мне, пока пастухи не улягутся,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!
На горе ходящего пусть хребет перебеются!
Пусть находящегося в балке ноги перебеются!
О, дай в лошадь величины ушастую лань,
И кабана с клыками дай,
Дай оголенного оленя!
Убивающий пусть убивает.
Не убивающий пусть тоже убивает,
И пусть бог отовсюду счастье несет!

(Другой вариант)

Орайда! Подыдемся в горы не торопясь.
Орайда! Много добра твоего в нашу сторону сгони.
Орайда! Я выстрелю, пусть катится, в корчах сгибаясь,
И к малышам на кош я в радости вернусь.
Орайда! Ой, пошли, когда же пошлешь,
Напугав, к нам (зверей), останови!
Орайда! Разукрась камни кровью из его легких.
Пусть он, ревя, отдаст нам свою золотую душу.
Пусть его туша уложится на ременные веревки.
Орайда! Пусть дождь пройдет и солнышко проглянет.
Из паха тура пусть кровь брызнет.
Пусть на кошу в лучах солнца сало искрится.
Орайда, душа! Рассветает, ребята, вставайте,
Для смертного оружие приготавлиайте,
Тура в пахи бейте.
Орайда, душа! Остерегайтесь предрассветного сна.
Пусть головою тур ударится о твердую скалу.
Орайда! Забрались на горную вершину.
Вершины гор тянутся цепью.
Орайда! На кошу хорошему и дурному одинаковый пай.
Орайда! На горе разыгрался желтый тур;
Рога у него величиной с локоть.
Легкие и печень рогатого тура охотнику.
Орайда! У того бородатого мать – желтая коза.
Да заплачет мать бородатого,
Да погладим его бородку козлиную;
Козлиная бородка – выпуклые глаза.
Орайда! Его выпученные глаза вырвем,
С его башни стащим его,

Над ним успокоим наши души.
Идут туры к своему пристанищу,
А охотник к месту выстрела приближается.
Орайда! Пусть его рога снимутся;
Они лишь годны на продажу.
Орайда! Идем и в удобные места станем.
Ты (Апсанты) не дашь нам с голоду и ходьбы умереть.
Твои милости мы душевно почитаем.
Когда взойдем на высоты, дай нам желтого козла.
Когда спустимся на плоскость, дай нам десятирога оленя.
Орайда! Высоты – убежище тура.
Пусть поразит его крепкий яд черного ружья.
Взошли на вершину, на вершине моросит.
Мы же идем, на бога одного уповая.
Вышли на вершину, на вершине по пояс снег.
Орайда! В угнетенном духе не возврати нас.
Орайда! Да пожуюм окисшие печени.
Орайда! Из гурта – из гурта выберем
И головами туров позабавимся.
Пусть на кошу в котлах кипятится их сало.
У Апсанты младший сын Тугулбай²⁷.
Охотником простреленная дичь пусть тут же упадет.
Орайда! К упавшему туру присоедини яловку-козу.
Тур головой ударился о каменный мыс.
Какую же дичь бог дал молодцу?
Дичь скрылась в тумане.
Пусть скорее туманы рассеются.
И тоскливые чувства скорее исчезнут.
О, дай нам без жалоб,
Прими нас, как добрых гостей!
Орайда! Если пришли – угости-ка.
Нас, несчастных, большою одари добычей;
Предназначенное счастье не удержи-ка.
Орайда! Положи-ка на ремни дичь частями.
Пусть остатки от фадана²⁸ щенки на кошу потреплют.
Когда говорят: несчастный-несчастный,
То кто же несчастнее охотника?
Топчет он все дорожки и тропинки.
Ни одной не оставляет балки, не заглянувши туда.
Подобен он курице желтого цвета.
Кислая печень, холодная вода –
Вот удовольствие неприхотливого охотника.
Больше оленя – зубр.
Дурному человеку счастье в руки не дается,
И на плетень его галка не садится.
В гурте – в гурте много добра
Для охотника удобно пасется,
Вкушая траву, предсмертную пищу.
Апсанты! Твое добро со мною равно подели.

Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет он охотником.
Если же тот молодец делается охотником,
Его постигнет смерть в горах
И носимое убогое платье послужит ему саваном.
Свет девица-красавица Гамалар!
К туру козу-дуру присоединяют.
Тур – козлиная борода,
Тебя убивши, молодец
Заслуживает большой похвалы.
Если бог дает, косому Апсанты дела нет.

Баксанук

(Песня)

Баксанук, князь Безенги,
Был питомец ясновидящего Гиляу-хана²⁹.
У храброго Баксанука наверху обрыва стояла башня,
У этой башни двери на крепких засовах;
Наверху этой башни гнезда черных орлов,
На большом Жидче у Баксанука есть конюшня,
В этой конюшне вмещается тысяча баранов,
Она же полна салом.
На Малом Жидче продольные большие конюшни.
Храбрый Баксанук одновременно две стрелы натягивал
И одной стрелой славу приобрел.
Жену его звали княгинею Сарайда.
Она на плоскостных щеголей, шатающихся князей, поглядывает,
В горах в шелка одевается,
В молодых плоскостных князей влюбляется.
Баксанука жена – развратная Сарайда;
Ее с плоскости Таусултанов плешивый Шаулох выслеживает.
Развратная Сарайда так сказала:
«Пусть окрестные люди и соседи улягутся,
И лунный свет пусть погаснет».
В полночь у князя Баксанука
Железные двери растворились,
Жену Сарайда плешивый Шаулох увез.
Проснувшись, Баксанук по сторонам осмотрелся,
Княгиню Сарайда не нашел.
«Что за чертовщина, что за нечистая сила!
Недаром я сон видел,
Меня кто-то окликнул:
– Что же ты спишь, проснись-ка!
Жену твою плешивый Таусултанов увозит.
Содрогнувшись, я вскочил.

Оружие в черном сундуке крепко засело,
Зачем для Баксанука такие дела создались!
Пусть будет Таусултановым наше молоко, вскормившее их,
«харамом!»³⁰

Влез Баксанук на чердак,
Нашел старый лук и стрелы без перьев,
Он двух татар ими уничтожил.
Дай натянуть и пустить старую стрелу;
Если вкус хорош, пусть лежат два татарина.
Собаки не лизали черную воду,
Она превратилась в Терек, недоступный для перехода коням.
Уходят бегством явившиеся с похвальбою враги храброго
Баксанука.
Обрызганы кровью зигзаги дороги большого Хумала³¹,
Обрызганы кровью придорожные балки.

Долай

Долай, блай, былдылай!
Идет скот, как кабардинский конный табун.
Его наружность – бурдюк из желтой козы,
Внутри его кислое молоко от черной коровы.
Долая в это место ударим.
Желтым маслом большие-большие чашки наполним.
Ой, если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк!
В дом наш ханские гости приехали,
Тебя ожидая, с голоду умирают.
Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк!
Если же не сбиваешься, то твою ножную часть продырявят
И голову твою навыворот вывернут,
И твои внутренности вытряхнут,
И нас вдвоем друг к другу привяжут,
Ой, долай, блай, кто не говорит?
Наша ведьма – экономка-страшилище с орлиной головой,
Что находит, ртом всасывает,
О настоящем и будущем не думает.
В большие-большие чашки желтое масло вложим
И перед старшим поставим.
Он нам по очереди даст доли,
И им сказанное быстро-бегло исполнится.
Если им сказанное быстро-бегло не исполнится,
То по икрам хворостиной высекут.
Да, скажу я долаевскую песню.
И да пусть бурдючный живот прорвется маслом;
Целый, неиспорченный бурдюк!
Безводный с маслом бурдюк,
Ой, для молодца лето настает,
Молодец играет, дева смеется.

Ой! Кто же не знает, что в бурдюке?
На «ныгыш» не выходящий старец
И младенец, не умеющий подвязать ремни чабур.

Долай

(Другой вариант)

Верхи плетня – чалый кол.
Несчастливая девица, выходящая замуж за чалого.
Хорошие матери красивых девиц выращивают
И их корсеты неведомые молодцы расстегивают.
Ой, долай! Не бьется без полсти!
Не оставь нас, боже, без того масла,
Которое сбивается в этом бурдюке.
Женщина-ведьма к вечеру сделала «какк»³²;
Оно с желтым маслом – лакомое блюдо,
Пошли нам, Господь, в большой чашке желтое масло.
Ой! Если сбиваешься, то сбейся!
Если не собьешься, тойайрак³³ вылью черной собаке;
Если собьешься, желтое масло в красный бурдюк вложу.

Княгиня Даум

(Горская песня)

Балатукова дочь, княгиня Даум, сон видела.
В испуге проснувшись, мужу сон рассказала:
– Князь мой, во сне я сон видела,
Для нас неподходящие дела видела:
На полу сакли видела красную кровь,
На кровати на тебя похожего мертвеца видела.
Оденься-ка в старое железо.
– О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Вчера младший брат Жанчек на ланей пошел;
Вероятно, он убил оленя, вот что означает твой сон. –
Так сказал Алисултан, с тем они заснули до рассвета.
Утром, рано проснувшись, она в окно посмотрела.
– Снизу несколько всадников едут;
Двое впереди совет держат:
Если мои глаза не ошибаются,
Ей-богу, наших князей истребляют.
– О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Кайтуков Асланбек³⁴ – присяжный друг;
Без ведома Асланбека что же мне сделают?
– Твои болезни принимаю, будь осторожен!
Асланбек с пегими глазами,

А кого хочет убить, тому хорошо льстит.
– Сорочку надену под панцирь.
Что же может случиться по милости Асланбека?
– Надень на себя панцирь
И припомни свои все дурные поступки.
В подозрную трубу посмотрела;
Впереди ехавшего всадника узнала.
– Если глаза меня не обманывают,
То едет Бекмурзин Татархан.
– О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Погуще суп свари, подправь его луком.
До обеда (гости) игрой в шахматы займутся,
А после обеда по домам разъедутся.
Эти трусы, разъехавшись, что же мне сделают?
Пока так они рассуждали, гости подъехали,
Алисултана в шашлык изрубили.
Плача и рыдая, княгиня Даум так сказала:
– По полу сакли черная кровь разлилась;
Льстя нам, над нами понатешился
Асланбек – рыжий медведь.
Намокли кровью красные шелковые одежды,
Нас убить пришли вскормленные нашим молоком емчеки.
Помывши свой платок, на каменную ограду раскинула,
Чтобы им мою лебединую шею удавить?
Пусть этот мой несчастный день станет таким же днем
Для жены Асланбека – ведьмы Чуал.
Жанчек вернулся с навьюченной дичью.
Асланбек, вернувшись, уничтожил последнего потомка
Шаугенуковых: Жанчека арканом удавили;
Княгиню Даум с босыми ногами угнали.
Узнавши о смерти Асланбека и Жанчека,
Емчеки, одаренные семью лошадьми, с сожалением не приходят.

Орюзмек

(Легенда)

Однажды, когда старые люди сидели на «нагише» и рассуждали о разных делах, в это время богатые и зажиточные люди вели в дань по одному быку по третьему году (трехгодовалые).

Менее зажиточные – белого с черными ушами по второму году волоха (выложенный баран).

У кого не было того и другого – по кувшину пива.

Не имевшие всего этого – копченые бока или просоленные безрогие головы кочкарей (тоже выложенный баран).

Все это вели и несли в дань нартскому князю, волшебнику Пукку.

Позади шествующих с данью шел хромой старик.

– Старый человек, остановись, я хочу тебе что-то сказать и

спросить, – так сказал Орюзмек.

– Что же хочешь сказать?

– Куда несут это подаяние?

– Твоему князю, князю нартов Пукку несут, – так сказал старый человек.

– Да не будь мое имя Орюзмек, если я все это не возьму и не сделаюсь князем над нартским народом, – так сказал Орюзмек.

Затем Орюзмек отправился к Пукку и сказал ему, что если «тёре» не уничтожит этот обычай, он ему, Пукку, серпом голову снесет. Сказавши это, он от Пукка удалился.

Люди начали обсуждать нартовское «тёре».

Пукк от страха стражу расставил.

Не доверяя страже, он сам вышел посмотреть. Он увидел ехавшего Орюзмека. От страха Пукк скрылся и в своем доме спрятался и затворился.

Орюзмек вошел в дом к Пукку. Пукк успел выбежать и очутился между небом и тучами. Здесь Пукк из орлиного крыла устроил башню и из стекла сделал окна, дождь и росу на небо снес и начал согревать землю.

От этого колосья на пашнях не созревали, женщины перестали рожать, овцы и козы перестали котиться. Нарт стал голодать и ослабевать.

Нартские старики и молодые единогласно стали Орюзмека упрекать: «Ой, Орюзмек, ты стал нашим князем, и у нартов голод настал. Когда же Пукк был нашим князем, пашни наши созревали, женщины рожали, овцы и козы котились».

Аликова большой мяч³⁵ был покрыт горными заносами. Собрав всех нартов, Орюзмек раскопал его. Очистили и обтерли мяч. Наполнили мяч девятью сапетками пороху, а сам Орюзмек вошел туда вместо пули. Дулом мяч повернули к небу. Орюзмек приказал клеврету Пукка, Батмурзе, впустив искру, стрелять. Батмурза не осмелился стрелять. Не было того, чтобы колдунья Сатанай этого не знала. Она, взяв с огня головешку, ударила ею по мячу, и он выстрелил. Орюзмек вылетел, исчез и пропал.

В окно башни Пукка вцепился Орюзмек.

– Счастливейший день, наш князь Пукк! – так сказал Орюзмек и вошел к Пукку в башню.

Пукк от страха и ужаса лопнул.

С тех пор у нартов колосья на пашнях стали созревать, женщины рожали, овцы и козы котились.

Созар Гезохов

(Сказка)

Гезоховых было 60 всадников. Они от болезни все вымерли, осталась одна беременная женщина. Она была дочерью Индилая и женою одного из Гезоховых. От нее родившийся Созар был как

вытянутое золото. Аксак-Темир его в кровные емчеки взял, и он при нем день-деньской рос. Живя таким образом, Созар сделался всадником и в дружбе с товарищами присягу дал.

Однажды Созар обратился к своему емчекскому отцу с такою речью:

— Не осталось ли от моего отца какое домашнее имущество, оружие и принадлежности к нему?

Емчекский отец, открыв черный сундук, показал Созару отцовское оружие и принадлежности к нему.

— Теперь возьми эту уздечку и отправься к скачачному кургану, — так сказал емчекский отец Созару. — Если этой уздечкой позвонишь, то все оставшиеся вашего завода лошади прибегут к тебе. Из них какая первая прибежит и мордой коснется уздечки, ту, глядя и лаская, сбереги для себя и прими присягу, что ее ты не будешь отчуждать. Она тебе будет служить как брат и твоим недругам будет непримиримым врагом.

Созар взял уздечку, отправился к скачачному кургану и, как сказал емчекский отец, уздечкой позвонил; тогда из колючего кустарника на звон уздечки выбежало несколько лошадей, и одна из них, молодой жеребенок с темной шерстью, впереди всех на ружейный выстрел примчалась к Созару и на свою морду надела уздечку.

«Я тебя не возьму, пусть тебя растерзают волки». Сказав это, Созар ударил жеребенка и отогнал его от себя. Когда же Созар вновь позвонил уздечкой, то и на этот раз тот же жеребенок впереди на два выстрела от других лошадей опять примчался к Созару.

«Хотя этот жеребенок мне не нравится, но, по-видимому, он обладает хорошими качествами». Сказав это, Созар погладил жеребенка, надел уздечку и оседлал его. Когда на жеребенка надели уздечку, он сделался двухлетним; когда оседлали, он превратился в трехлетнего; когда же Созар сел на него и ударил плетью, он превратился в четырехлетнего, три дня прожил, седьмой год пошел ему. Почистив, погладив, Созар сделал его статным конем и не сбывать его присягу дал.

После всего этого конь заговорил человеческим голосом: «Если ты достойный сын Гезоха, то будь доблестным всадником, а я буду верным твоим конем. У Елия на берегу Эдила есть несметное количество лошадей, отправимся туда и их пригоним. Если мы их с верхней стороны Нарозина пригоним, то нартского князя Темир-Чокка молния убьет, и тем ты совершишь кровную месть за своего отца. Он много зла сделал твоему отцу. На Эдилье есть большой медный мост. Если мы от этого моста уйдем незаметно для Елия, то благополучно пройдем. Если он нас заприметит, то живыми нас не пропустит. Сторожем у Елия черный орел. Увидевши нас, он даст знать Елии. Если ты достойный всадник, то я не оплошаю, только ты разогрей меня дубовой палкой от ярма, и я перепрыгну через мост».

Созар вскочил на коня, два раза ударил его плетью, и конь

мигом очутился около моста. Здесь Созар спрыгнул с лошади, подтянул подпруги, снова сел и дубовой палкой от ярма стал разжигать коня, приговаривая: «Чух, чух!..».

Конь прыгнул и на два выстрела очутился впереди моста и вместе с тем всеми четырьмя ногами врезался в землю. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, конь со всех своих сил прыгнул вверх, и от копыт полетели большие комья земли, которые, ударяясь о медный мост, произвели страшный шум. Сторож Елия, черный орел, проснувшись от этого шума, полетел дать знать.

«Ой, плохо, Созар. Если ты достойный сын Гезоха, то положи ружье на луку седла и убей орла; если же ты этого не сделаешь, то наши пашни сожнутя другими». Созар оказался достойным сыном Гезоха: он выстрелил и поразил орла в крыло. Орел свалился на землю.

«Бог нас избавил от опасного врага. Теперь угоним табун Елия». Так сказала лошадь. Сказав это, конь три раза повалялся по песку и три раза по клею и сделался толстым, как гора Бештау.

«В табуне есть белый жеребец с золотистым хвостом. Он питается песком и клеем. Увидев нас, он начнет со мною бороться. Я его тело разгрызу, и если он от этого ослабеет, то мы его убьем, но если я ослабею, то ты, как достойный сын отца, взнуздай его и оседлай. Когда на него сядешь и поедешь, то за тобой весь табун пойдет». Как сказала лошадь, так и сбылось. Когда Созар подъехал к табуну, от него отделился белый жеребец с золотистым хвостом, который сейчас же вступил в бой с Созаровым конем. После некоторой борьбы жеребец стал одолевать; тогда доблестный Созар схватил жеребца за золотистый хвост, накинул на него узду, оседлал, покрепче подтянул подпруги, вскочил в седло и крепко уселся на жеребце. Рассерженный жеребец три раза подпрыгивал почти до неба и спускался на землю, желая сбросить седока, но Созар крепко сидел.

«Ты достойный всадник, я буду тебе достойным конем», — так сказал жеребец.

«На берегу Эдия есть медное корыто, из которого мы пьем целебную воду. Если это корыто сумеешь привязать к моему хвосту, то весь табун за нами пойдет».

Как сказал жеребец, так и сделал Созар: привязал к золотому хвосту медное корыто, и по звону его весь табун Елия за ним пошел.

Созар табун погнал с верхней стороны Нарозина; в это время сверкнула молния, ударил оглушительный гром, и этой молнией кровник Созара, нартский князь Темир-Чокка был убит.

Созар Гезохов с табунном волшебника Елия явился к своему

САФАРАЛИ УРУСБИЕВ

**Сказания о нартских богатырях у татар-горцев
Пятигорского округа Терской области**

Статья и фольклорные тексты были напечатаны в СМОМПК (Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа) в 1881 году, № 1. Встречающиеся в тексте публикации опечатки говорят о том, что редактор не был знаком с балкарским языком. Так, например, слово «кош» в значении «поселение» набрано как «ком», вместо «тёре» – «поне» и др. Поскольку оригинал статьи не найден, трудно судить, почему карачаево-балкарский термин, обозначающий певца-импровизатора – «джырчы», передается в ней искаженным адыгским термином «гегуако». Скорее всего, термин был везде заменен редактором или кем-либо из членов редколлегии.

¹ *Джортуул* – поход, набег. Джортуул сродни европейским рыцарским походам, ничего общего не имел с бытовыми набегами или абречеством. Явление это широко было распространено в средние века, и зафиксировано в сказках, песнях, исторических преданиях.

² *Бугай* – тюркизм в русском языке, от слова *бугъа* – бык.

³ По-карачаево-балкарски: *Сосрук*.

⁴ *Урузмек* – верно: *Ёрюзмек*.

⁵ *Батрез* – верно: *Батраз*. Песня о Батразе в карачаево-балкарском цикле нартского эпоса на языке оригинала считается утерянной.

⁶ *Гегуако* – по-кабардински: «джегуако».

⁷ *Поне* (сбор народа) – возможно опечатка слова «тёре».

⁸ *Харс* – «къарс». балк. 1) инструмент, подобный трещотке; 2) звуковое сопровождение плясовой музыки или инструментального наигрыша.

⁹ *Имам* – здесь: духовное лицо, которое руководит богослужением в мечети, или наиболее авторитетный богослов.

¹⁰ *Пук, Фук Краснобородый* (в оригинале нартского сказания поется: *кына сакъаллы кызыл Фук – букв.: Фук, с бородой, окрашенной хной*) – злое, полубожественное существо, антипод нартов в цикле сказаний об Ёрюзмекке в карачаево-балкарском нартском эпосе.

¹¹ *Сырпын* – меч больших размеров. В нартских сказаниях и сказках волшебное оружие нартов и героических персонажей.

¹² Искаженное от *Сатанай* – героини карачаево-балкарской нартиады.

¹³ Вернее: изобилие.

¹⁴ *Салымщики Мингитауа* – «*Салымчы*» – (арх.) – это слово означает собиратели дани, налога. Здесь дается в значении «охрана», «дружина».

¹⁵ *Солтанжия* – стрела лука оригинальной конструкции. Лук имел своеобразное ложе для упора в плечо при стрельбе.

¹⁶ *Маштак* – низкорослая лошадь, иноходец. В карачаевском диалекте таким термином обозначают и низкорослого человека.

¹⁷ *Ком* – опечатка, верно: *кош* или *къош* – стоянка, жилище пастухов, охотников. В данном случае означает жилище нартов.

¹⁸ *Кунацкая* – специальный дом или комната для гостей.

¹⁹ Продолжать работу в присутствии гостя по обычаям балкарцев считалось признаком пренебрежения или неуважения к нему.

²⁰ Возможно, в тексте произошло искажение понятия «*жаннет суулары*» – «райские воды».

²¹ *Къаратон* – бесплодная женщина.

²² Опечатка, правильно – *чыгъана*.

²³ Может быть: *эчки къуйрукълу къарт?* Смысл неясен. Возможно, в слове «барз» имеется опечатка.

Письмо в редакцию «Отечественных записок»

Письмо опубликовано в «Отечественных записках» в 1884 году, № 4, с. 268. Написано в связи с публикацией в журнале «Отечественные записки» за 1884 год, в № 2, рецензии Я. Абрамова «М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа».

¹ Статья М. М. Ковалевского «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» напечатана в журнале «Русская мысль» в 1883 году, № 12, с. 137–154. Важное место в трудах М. Ковалевского занимают вопросы истории и этнографии балкарцев.

² Авторы не совсем точны. Хотя полных данных о расселении балкарцев по ущельям не сохранилось, статистика последующих переписей говорит о том, что общества Хулам, Чегем, Озроковское (Былым-?) составляли меньше половины населения Балкарии.

³ В полевых записях М. М. Ковалевского встречаются упоминания о посещении им и других поселков. Например, в Зарамаге Ковалевский записывает Сикоева Битара и др. Кроме того, ученый в свой приезд проводил исследования «в основном: в трех населенных пунктах: Алагире, Ардоне и Новохристиановском (ныне г. Дигора)». – См.: Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 39.

⁴ *Барамта* – дореволюционное название Вольного Аула.

⁵ *Туккаев Соломон Алексеевич* – студент Петровской земледельческой и лесной академии, учился одновременно с Сафарали Урусбиевым,

окончил Академию в 1885 году по отделу сельского хозяйства.
НАУРУЗ УРУСБИЕВ

Доклад на заседании Антропологического общества

Доклад опубликован в ИОЛЕАЭМУ (Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1886. Т. 49. Вып. 3. С. 179–181.

¹ *Антропологическое и этнографическое императорское общество любителей естествознания* – полное название общества – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. Открыто в 1863 году. Общество снарядило ряд морских экспедиций (на Балтийское, Черное, Белое и Аральское моря). Особое значение общество придавало изучению антропологии и этнографии живущих в России народов, содействовало археологическим и этнографическим разысканиям. Впоследствии общество вело свою работу по отделам, которые имели собственные издания – «Известия», «Труды», ИОЛЕАЭМУ, – печатались с 1863-го по 1888 год, впоследствии Антропологический отдел (с 1890 г.) издавал «Дневник Антропологического отдела».

² *Миллер В. Ф. (1848–1918)* – русский ученый-фольклорист, этнограф, языковед, археолог, с 1911 года – академик, профессор Московского университета (с 1864 г.), председатель Общества любителей естествознания с 1881 года, один из основателей журнала «Этнографическое обозрение», в 1897–1911 годах – директор Лазаревского института восточных языков. Занимался проблемами иранистики. Широко известен его труд «Осетинские этюды» (1881–1887 гг.). В «портфелях Миллера» сохранились образцы и карачаево-балкарского фольклора.

³ *Отлукъ къала* – пороховая башня.

⁴ *Аул Урусбаев* – опечатка, правильно – *Урусбиево*.

⁵ *Шиякы* – захоронения средневековой Балкарии в виде подземного склепа или каменного ящика с надземной частью из грубо обтесанных каменных плит, строились, как правило, во время эпидемий чумы.

Из тетрадей Науруза Урусбиева

На сегодняшний день найдены две работы Науруза Урусбиева. Это – доклад об обнаруженных им археологических находках на заседании Московского Антропологического общества и фольклорные тексты, опубликованные Н. П. Тульчинским в 1903 году.

По свидетельству авторов конца XIX века, написавших об Урусбиевых, Науруз собрал гораздо больше фольклорных текстов, но они не были опубликованы. Эти тексты или безвозвратно уничтожены в том самом острове, о котором сказано выше (см. свидетельство Абу Джуртубаева, Узденовой, Хасана Моллаева, Сеит-Баттала и Ханифы Искендеровых. – Архивный фонд КБИГИ), или же могут быть сохранены в личных фондах

исследователей Северного Кавказа, но до сих пор не обнаружены.

Из опубликованных Н. П. Тульчинским текстов Науруза Урусбиева некоторые сохранились в активном фольклоре карачаевцев и балкарцев без изменений. Другие, возможно, безвозвратно утеряны. Судя по всему, подстрочные переводы текстов сделаны Наурузом Урусбиевым и впоследствии обработаны публикатором. При обработке Тульчинский допустил ряд неточностей семантического плана. Затемнены значения многих мест и переводом-калькой (это свидетельствует о том, что Тульчинский знал язык оригинала). Сравнение переводов текстов с существующими оригиналами указывает на то, что Науруз Урусбиев строго придерживался семантического принципа перевода, что, безусловно, имеет большую научную ценность, в то же время читатели были лишены возможности проникнуться эстетической силой образцов устно-поэтического творчества карачаевцев и балкарцев. Тексты Науруза Урусбиева насыщены большим этнографическим и топонимическим материалом, но не все термины объяснимы сегодня. Многие значения утеряны, остались как признаки архаического быта.

В этих публикациях представляют несомненный интерес фольклорные циклы «Алла-Гидай» и «Любовь» – небольшой пласт широко распространенного малого жанра «ийнар», более известного в тюркской фольклорной традиции как «айтыш». Ийнар – поэтический спор-состязание между молодым человеком и девушкой, как правило, влюбленными.

Предлагаемые вниманию читателя тексты опубликованы Н. П. Тульчинским в его работе «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» в «Терском сборнике» – литературно-научном приложении к «Терскому календарю» на 1904 год. (Вып. 6. Владикавказ, 1903.)

¹ Поэма о Каншауби дошла до наших дней во множестве эпических вариантов и лирических песен, раскрывающих отдельные сюжетные линии – о сыновьях Бекмурзы, о любви Каншауби и Гошаях, о чудесном излечении Каншауби и колдовстве женщин – соперниц Гошаях, версии о смерти Каншауби, об отъезде Каншауби в Дагестан (или Шемаху).

² *Тар-аууз* – равнина за Баксанским перевалом, в Карачае.

³ *Непе-базар* – возможно, на происхождение топонима указывает балкарская патронимия Непеевых, жителей Баксанского ущелья.

⁴ Здесь, по-видимому, произошло смещение места действия, т. к. раньше встречается название азербайджанского города Шемахи; в данном тексте намекает на это и строка «горят огни без дыма».

⁵ В подлиннике – «Карачач», что и соответствует языковой норме.

⁶ *Генже* (арх.) – «гитче» – «маленький, младший».

⁷ В карачаево-балкарском фольклоре имеется множество свидетельств о существовании в далеком прошлом государственности у карачаевцев и балкарцев с верховным правителем – ханом.

⁸ *Дадриан* – рачинский князь.

⁹ Замечанием указывается на локальность существования текста.

¹⁰ *Устым* – ночь священнодействия или освященная ночь.

¹¹ *Брагун* – русская транскрипция топонима «Борагъай». Данная строч-

ка в оригинале звучит: «Борагъайдан хан къонакъла келгендиле». В карачаево-балкарском фольклоре сохранились намеки на некогда существовавший город Борагай, который якобы являлся столицей ханства, объединявшего в своем составе предков кумыков, карачаево-балкарцев и другие тюркские племена Северокавказского ареала.

¹² Искажение топонима Хулам.

¹³ Искажение от «ныгъыш».

¹⁴ Хоз («Моя пороховница хозом покрыта») – порох (осет.).

¹⁵ Искаженное от «сары-кулакъ». В карачаево-балкарском фольклоре – это оружие мести. См. об этом в очерке М. Абаева «Балкария» и у Б. Шаханова в «Возражениях Абрамовской комиссии» (Шаханов Б. Избранная публицистика. Нальчик, 1991).

¹⁶ Искаженное от «Дадиани». Дадиани – фамилия рачинских князей.

¹⁷ Катр – искаженное от карачаево-балкарского «къадыр» – «мул».

¹⁸ Сховатская дорога – дорога через Ысхауат (Схауат, Хасаут), пограничное между Карачаем и Балкарией село.

¹⁹ Каржин (осет.) – карачаево-балкарский вариант «гыржын» – «хлеб».

²⁰ Локман-хаким – легендарный врачеватель в фольклоре Востока.

²¹ Возможно, искаженное от «Ала-тау» – «разноцветные горы».

²² Налла – подковы.

²³ Таракчы – от слова «таракъ» + -чы (суффикс, указывающий на профессиональную принадлежность) – чесальщица. Имеется в виду, чтобы первенцем была девочка, помощница матери. По этому поводу существует у балкарцев поговорка: «Насыплы къатынны ал тапханы къыз болур» – «У счастливой женщины первенец будет девочка».

²⁴ Таякчы – от слова «таякъ» – «палка» + суффикс -чы. Пожелание, чтобы второй ребенок был мальчиком и стал пастухом.

²⁵ См. сноску 19.

²⁶ В языковой практике балкарцев сохранилось связанное словосочетание «фердау болуп (олтуруп)» в значении «хорошо устроиться», которое, возможно, имеет определенную связь с данным выражением.

²⁷ В оригинале – «Кичи улуну аты Дыгылмай» – «Младшего сына имя Дыгылмай». (См.: Къарачай халкъ жырла. М., 1969. С. 46).

²⁸ Фадан – верно: фадауан – болотная трава, использовавшаяся для утепления чабыров – сыромятной обуви пастухов.

²⁹ По генеалогии Суюнчевых и Урусбиевых, князь Баксанук, о котором поется в песне, – потомок Глу (Гиляу)-хана в шестом колене.

³⁰ Понятие «харам» включает ряд оттенков и значений. В данном случае проклятьям подвергается род Таусултановых, преступивший законы молочного братства.

³¹ Хумала – видимо, опечатка. По всей вероятности, имеется в виду Хулам, расположенный по соседству с Безенги, вотчиной Суюнчевых.

³² «Какк» – верно: «как» – каша из кукурузной или просяной муки.

³³ Тойайрак – искажение от «той айран» – свадебный айран.

³⁴ Асланбек Кайтукин в карачаево-балкарских и осетинских песнях и преданиях чаще называется «Сары-Асланбек» – «Рыжий Асланбек».

³⁵ Мяч – перевод буквальный. В карачаево-балкарском языке слово тол имеет несколько значений: мяч, пушка, ядро и т. д. Здесь – пушка.

МИСОСТ АБАЕВ¹

(1857–1928)

Мисост Кучукович Абаев – историк, публицист, общественный деятель и просветитель, является автором серии публицистических статей и очерков, опубликованных в конце XIX – нач. XX в. и посвященных культуре, быту, экономике, истории и современному состоянию народов Северного Кавказа.

Его статьи и очерки – «Наши миротворцы», «Калым и его последствия», «Интересный документ», «Горские школы», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах», «Горцам Северного Кавказа», «Большой вопрос», «Кабарда проснулась», «В погоне за славой и пятачком», «О калыме», историческое исследование «Балкария» имеют непреходящее значение как достоверное свидетельство очевидца, как талантливо написанное полотно горской действительности рубежа XIX–XX веков. Сохранились и небольшие литературные произведения М. Абаева – философская притча «Горская легенда» и эссе «У могилы Ислама». Существует предположение, что он является автором большого цикла статей в «Майкопском листке», подписанных псевдонимом «Го-рец».

* * *

Судьба каждого человека в определенной степени обуславливается тем историческим периодом, в котором ему выпадает жить. Мисост Абаев родился в середине XIX века, в период фактического присоединения Балкарии к России, когда Балкария с надеждой обратилась к России, видя перспективу своего дальнейшего исторического пути в единстве с ней. Именно этот путь избрали прогрессивные общественные деятели Балкарии, среди которых были и представители княжеской фамилии Абаевых – поступившие на военную службу Кургоко, Эльмурза, Басият, Мисост (старший), Асланбек (отец известного скрипача Султанбека Абаева)². В тот период сам факт поступления на службу в царскую армию был не просто смелым шагом, а общественной позицией. Почему же Абаевы, в отличие от большинства других таубиев, так горячо и активно восприняли сближение с Россией?

К середине XIX века княжеская фамилия Абаевых утратила былое могущество вследствие ухудшения своего экономического положения. Это, в свою очередь, было связано с тем, что «большая семья» Абаевых сильно разрослась, и, естественно, ее фамильная собственность – покосы и пастбища были поделены на мелкие клинья. Закономерно сократилось количество скота. Все это со временем привело к тому, что большинство таубиев Абаевых не было в состоянии не только держать работников, но и оказалось по имущественному цензу ниже узденей и даже каракишей. Избежать крайней бедности некоторым из Абаевых помогла воинская служба. Но стоило им выйти в отставку, как материальные проблемы неизбежно вставали с новой силой. Таково было положение многих молодых таубиев в конце XIX века.

Во второй половине XIX века Балкария испытывала острую нужду в земле – покосах, пастбищах, а более всего – в пашне. Так, например, князь Бекович-Черкасский, отнюдь не благорасположенный к нуждам балкарских крестьян, еще в 1829 году предостерегал, чтобы во избежание столкновений кабардинцев и балкарцев первые не «селились на вершинах рек», ибо «споры (земельные. – Т. Б.) и распри не прекратятся и усилятся снова законопротивные действия»³. Его предостережения не были услышаны, и в проекте 1864 года вновь было «предложено отодвинуть от Нагорной полосы часть границы кабардинских земель, предоставив, таким образом, горским обществам пастбища в плоскостной части, а кабардинцев вознаградить за имеющие отойти от них земли двумя участками так называемой кордонной земли, находящейся в их пользовании, но окончательно за ними не закрепленной». Но председатель поземельной комиссии, созданной при Кавказском наместнике Лорис-Меликове в 1863 году, Д. С. Кодзоков, как писал впоследствии М. Абаев, «принимал все меры к тому, чтобы вопреки проекту наместника, границы территории отодвинуть как можно дальше в горы... Кодзокову же обязаны горцы тем, что остались не приведенными в исполнение и предположения о перенесении некоторых кабардинских аулов, расположенных у самых выходов из горных ущелий... Таким образом, к горской территории земли не прибавилось, а, скорее, убавилось при межевании границ»⁴.

Общий процесс ухудшения материального благосостояния балкарцев, естественно, также не мог не отразиться и на положении Абаевых. Однако неверно было бы объяснить тягу Абаевых к России только лишь стремлением поправить материальное положение. Многие из служивших (не только Абаевых) в царской армии и в административных органах, сознавали прогрессивную роль России в дальнейшем развитии Балкарии. Они связывали с Россией свои надежды на полную экономическую независимость от феодальной верхушки Кабарды, на улучшение благосостояния народа, которое ухудшилось после 60-х годов XIX века в связи с деятельностью Д. Кодзокова.

Кроме экономических проблем, существовали и проблемы, связанные с интегрированием в Российское государство – знание

государственного языка, соответствие уровня культуры, быта и т.д.

В такой сложной общественно-политической обстановке формировалось мировоззрение Мисоста Абаева. Хотя его судьба была схожа с судьбами соплеменников, все же Мисост Абаев во многом опередил и своих современников, и свое время.

Отец Мисоста – Кучук несколько лет провел под арестом в г. Георгиевске за незаконное ношение оружия, несмотря на то, что разрешение на это ему было выдано начальником Нальчикского округа князем В. Орбелиани.⁵ Выйдя из тюрьмы, он решает уехать в Турцию. Это решение было принято после неоднократных попыток улучшить материальное положение семьи. В 1865 году он «продал все свое движимое и недвижимое имущество, но внезапно скончался», – пишут авторы книги «Мисост Абаев»⁶, оставив без средств к существованию жену и малолетних детей. Что же побудило Кучука Абаева искать счастья в незнакомой «земле обетованной» – «муслиман топракъ», как называли балкарцы Турцию и страны Ближнего Востока? В 60-е годы XIX века происходило массовое переселение мусульманского населения Северного Кавказа в страны Ближнего Востока. Причин к тому было несколько. По мнению большинства историков, оно было связано с поражением движения Шамиля и усилением колонизаторской политики царизма на Кавказе. Немаловажной причиной переселения определенной части горцев, видимо, следует считать и религиозные чувства. В основе же стремления к земле обетованной – в страны Арабского Востока и в Турцию – для большинства переселявшихся балкарцев была надежда на более обеспеченную жизнь.

Кучук Абаев постарался рано приобщить своих детей к знаниям. Его сыновья Мисост и Индрис с детства изучали арабскую грамоту в примечетском медресе. Впоследствии Индрис сам открыл такое медресе в ауле Кашхатау.

После смерти Кучука родственникам удается устроить семилетнего Мисоста в Нальчикскую горскую школу казеннокоштным учеником, т. е. на обучение за казенный счет⁷.

Нальчикская горская школа была открыта в 1861 году на основе устава 1859 г., который предписывал обучать в горских школах детей русских офицеров и чиновников, а также «доставить возможность юношеству из беднейших дворян и других почетных сословий горских племен получить некоторое образование»⁸. По своему статусу и учебным программам горские школы приравнивались к уездным училищам. Учащиеся, окончившие горские школы успешно, принимались без экзаменов в училища и гимназии. В горских школах, в отличие от уездных училищ, наряду с православным преподавалось и магометанское вероучение. Назначение этих школ соответствовало просветительскому, вернее, колонизаторскому, курсу царизма на Кавказе. Дети привилегированных сословий из коренных национальностей, окончившие горские школы, должны были исполнять обязанности переводчиков, мелких чиновников в административных органах округа и в аулах. Редко кто из окончивших горскую школу имел возможность стать по-насто-

ящему образованным и приносить ощутимую пользу народу. Несмотря на все ограничительные меры при приеме в горские школы, несовершенство системы образования, они имели, несомненно, большое значение в просвещении народов Северного Кавказа.

В Нальчикской горской школе Мисост учится успешно, особенно ему удаются математика, естественные науки. Узнав об успехах Мисоста, двоюродный племянник Кучука, известный музыкант и скрипач, к тому времени преподаватель Владикавказской гимназии Султанбек Абаев в свой приезд летом 1870 года в Балкарию настаивает на продолжении им учебы. Осенью 1870 года Мисост Абаев был зачислен в первую Владикавказскую гимназию. Одновременно с Мисостом здесь учились мальчики из балкарских ущелий – Сафарали Урусбиев, Кайтук Абаев (брат Султанбека) и др. Всего среди обучавшихся было до 100 мальчиков-горцев. В гимназии уделяли большое внимание всестороннему развитию своих подопечных. Особое значение придавалось обучению языкам, истории, математике. Достаточно сказать, что 27 часов отводилось изучению иностранных языков, 31 – математике, истории – 12. Но вместе с тем количество часов, отведенных на изучение естественных предметов, было незначительным. В гимназии был шестилетний срок обучения. Сохранились документы, по которым можно судить о том, что все пять лет обучения в гимназии Мисост Абаев был в числе сильных учеников. По всем предметам при переводе в следующий класс он аттестовывался на «4» и «5».

В становлении мировоззрения Мисоста Абаева большую роль сыграло то обстоятельство, что в период его обучения в гимназии учителем музыки был Султанбек Абаев. «Воспитание соотечественников, каковыми он считал не только балкарцев, но и других горцев Кавказа, привитие им эстетических вкусов, пробуждение в них, посредством воздействия музыкой, чувства прекрасного и возвышенного было его давней мечтой. Абаев с увлечением взялся за новое для него дело, и уже через полгода сформированный им оркестр из воспитанников смог исполнить «небольшую пьеску», – пишет С. Сафарян в книге, посвященной этой незаурядной личности⁹.

Годы учебы во Владикавказской гимназии (1870–1875) определили дальнейшую судьбу Мисоста Абаева. Именно там он приобрел к деятельности революционеров-народников и оставался верен идеалам этого движения до конца своей жизни.

С середины XIX века Владикавказ стал административным центром Терской области, и, естественно, город быстро рос. Начала развиваться промышленность – появились заводы, фабрики, шахты, рудники; стала расширяться сеть культурно-просветительских учреждений: библиотеки, школы, театр, училища, гимназия. В Осетии зарождается светская интеллигенция, которая начинает вытеснять с общественной и культурной арены духовенство. Культурно-просветительская деятельность интеллигенции, в отличие от деятельности представителей духовенства, охватывает более ши-

рокие вопросы общественной жизни: просвещение народа, открытие медицинских учреждений, совершенствование судопроизводства (в частности, введение института присяжных поверенных), адаптация сословных отношений к новым условиям жизни.

Обучаясь в 4-м классе Владикавказской гимназии, Мисост знакомится с народовольцами и становится активным членом созданного в 1874 году «Владикавказского кружка революционных народников». Кроме Мисоста, активным членом кружка являлся и Кайтук Абаев. Ядром этой организации была возвратившаяся из России революционная молодежь — братья Индрис и Ибрагим Шанаевы, А. Ардасенов, Е. Газданов, М. Баев, Д. Сохиев. Во Владикавказе к ним присоединились И. Рождественский, В. Кизер, Х. Ророк, А. Охрименко, М. Бузилова и др. Народовольцы впервые заявили о себе, открыв подпольную библиотеку. Основной фонд революционной библиотеки составляла привезенная из Петербурга и Москвы нелегальная литература¹⁰.

Существует довольно обширная литература, освещающая деятельность Владикавказского революционного кружка¹¹, в ней Мисост Абаев проходит как один из самых активных членов подпольной организации народников. Впервые в этой связи имя Мисоста Абаева упоминается в библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России», вышедшем в Москве в 1929 году¹². Здесь приводится краткая биографическая справка о Мисосте Абаеве, заимствованная из докладов министерства юстиции России за 1878 год. Поводом для привлечения к дознанию, сообщалось в документе, послужило дело, возникшее в октябре 1876 г. в Тифлисе, о революционной пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Одновременно с библиографическим словарем вышла работа Б. В. Скитского «Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии»¹³, где М. Абаев назван в числе реалистов — членов революционного кружка. Ценные материалы об участии Абаева в революционном движении народников содержат работы Н. М. Ардасенова¹⁴. В них, кроме перечисления акций, в которых участвовал М. Абаев, имеются ссылки на переписку М. Абаева с кружковцами, на участие в пропагандистской работе среди гимназистов.

Что же привлекало Мисоста Абаева в этом кружке и каковы были причины его активного участия в революционном движении? Почему М. Абаев отошел впоследствии от революционной работы? Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на биографический материал и творчество просветителя.

Мисост Абаев был вовлечен в революционную борьбу, когда революционно-народническое движение России переживало второй этап (середина 1874-го — конец 1876 г.) — этап «хождения в народ». Характерными особенностями данного этапа для владикавказских народников были: «развертывание просветительской работы и революционной пропаганды в народе, вовлечение в пропагандистскую работу учащейся молодежи, рабочих и женщин, усиленный поиск связей с русскими и грузинскими народни-

ческими кружками»¹⁵.

Руководители владикавказского кружка, как видно из документов, проводили большую работу среди учащейся молодежи Терской области. Они выступали на тайных сходках, устраивали чтения запрещенной литературы в нелегальной библиотеке. Есть сведения и о том, что предпринимались попытки подпольного издания листовок и брошюр.

Заседания кружков проводились на квартире, где жили Ардасенов, Сохиев и Абаев¹⁶, и в квартире сестер Назаровых, воспитанниц женской гимназии. На заседаниях кружка читали произведения Герцена, Добролюбова, Белинского, Чернышевского. Цели и задачи кружка в этот период не ограничивались чтением и распространением среди молодежи Владикавказа, Нальчика, Моздока легальной и запрещенной литературы, содержащей идеи русских революционных народников. Владикавказские народники в 1875 году приступают к практическим делам. Ведут агитацию среди рабочего класса, привлекают в свои ряды крестьянство, стараются открыть школы и библиотеки в селах. Владикавказцы наладили связь с тифлисским и кутаисским подпольем, впоследствии снарядили отряд для помощи восставшей Сванетии.

Как человек, хорошо осведомленный о тяжелой борьбе сванов, отстаивавших свою свободу от притязаний соседних феодалов, М. Абаев искренне желал помочь восставшим крестьянам Сванетии. Кроме того, со Сванетией Абаевы были связаны дружескими и родственными узами, и М. Абаев, возможно, был даже инициатором организации такой помощи.

В конце 1875 года Алихан Ардасенов, руководитель кружка народников Владикавказа, отправляется в Сванетию к восставшим сванам. «Вероятнее всего, Ардасенов был не один», — пишет Н. М. Ардасенов. Но самый близкий ему человек, один из лидеров кружка Д. Сохиев не мог выехать с Ардасеновым из-за болезни. В процитированной книге сообщается также, что А. Ардасенов получил в Тифлисе от товарищей по подполью 300 рублей. С кем же выехал в Сванетию Ардасенов и у кого он взял деньги? Возможно, на эти вопросы ответит документ из фондов ЦГИА Грузии — «Приговор почетных жителей Большой и Малой Кабарды и 5 горских обществ от 20 декабря 1875 г.». Из документа явствует, что в своем приговоре доверенные от Кабарды и Балкарии удовлетворили просьбу М. Абаева о предоставлении ему 300 рублей для учебы в Тифлисском реальном училище. В училище он был зачислен 12 января 1876 года. Но вскоре они с Ардасеновым уезжают из Тифлиса: М. Абаев — в Нальчик, Ардасенов — в Москву, где 17 апреля он был арестован и заключен в тюрьму. Друзья по подпольному кружку, арестованные вслед за Ардасеновым, не выдали М. Абаева, и дело его было прекращено «за недостаточностью улик».

По свидетельству Б. В. Скитского, владикавказские народники «послали в Сванетию вооруженный отряд для поддержания там народного восстания»¹⁷. Таким образом, деньги, взятые М. Абаевым,

по всей вероятности, были использованы для нужд этого отряда.

Мисост Абаев покинул гимназию, когда начались аресты членов Владикавказского революционного кружка. В ноябре 1875 года ему было выписано свидетельство об окончании 5-го класса Владикавказской реальной гимназии. Неизвестно, каким образом М. Абаев получил свидетельство, где указывалось, что он прерывает учебу по собственному желанию и без ущемления прав. Возможно, этому содействовал Султанбек Абаев. Можно также предположить, что ко времени получения Мисостом свидетельства гимназическое начальство не было осведомлено о следствии по «Делу о революционной пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях». Конец 1875-го – начало 1876 года М. Абаев проводит в Грузии, а затем возвращается в Балкарию. Порвал ли он тогда же окончательно с революционным движением, неизвестно. Известно лишь то, что другие активные члены кружка, те, кто не был арестован, перешли на подпольную деятельность. Возможно, и Мисост не прерывал с ними отношений, продолжал подпольную работу, но, к сожалению, документов по этому периоду деятельности кружковцев сохранилось очень мало, что вполне объяснимо спецификой нелегальной работы. Но идеи, проводимые разночинцами-демократами, нашли место в последующей деятельности М. Абаева-просветителя и публициста. К тому же, необходимо учесть, что к концу 70-х гг. XIX века движение народников исчерпало себя.

В конце августа 1876 года М. Абаев подает прошение начальнику Терского округа: «Желая приобрести право на аульного учителя, покорнейше прошу ходатайства Вашего высокоблагородия о зачислении меня в специальное отделение при Нальчикской окружной горской школе – для приготовления аульных учителей Терской области»¹⁸. Однако просьба его не была удовлетворена. Причина отказа неизвестна. Во всяком случае, на прошении не имеется резолюции, и нет каких-либо других документов в архивном деле, подтверждающих, что М. К. Абаев был зачислен на курсы.

С 1876 года царское правительство усиленно начало готовиться к войне с Турцией. На Кавказе были сформированы конные полки из числа коренных народностей. М. К. Абаев вступил всадником в состав Кабардино-кумыкского полка 15 февраля 1877 года. 18 мая того же года, через 20 дней после участия в ночном бою против турецких войск, за проявленную храбрость он был произведен в свой первый офицерский чин – урядник. 25 июля М. Абаев переводится в полк, состоявший при графе Лорис-Меликове, командующего отдельным Кавказским корпусом. «За отличие в боях против турок» М. Абаев был награжден «знаком отличия военного ордена 4 степени»¹⁹ и «произведен в корнеты с зачислением по Армейской кавалерии» 5 января 1879 года²⁰. По тем временам, и тем более в горской среде, подобное было довольно редким явлением, чем и объясняется последующее назначение двадцатитрехлетнего Мисоста старостой Балкарского общества.

После окончания русско-турецкой войны, 17 августа 1878 года,

Мисост Абаев был уволен, и вся его дальнейшая деятельность была связана со службой в административных органах Терской и Кубанской областей. Эта часть биографии просветителя меньше всего освещена в литературе. Однако в эти годы раскрылись его талант и способности общественного деятеля прогрессивных взглядов. Именно в эти годы в его публицистике особенно ярко и четко прослеживаются идеи революционных народников, идеи, вдохновленные книгами Чернышевского и Герцена, статьями Добролюбова и Белинского.

После участия в турецкой кампании Мисост Абаев несколько лет жил в Балкарии, избирался старшиной Нижне-Балкарского общества. В 1882 году он женится на дочери Джанхота-хаджи Джанхотова – Гошях. В отличие от большинства карачаево-балкарских просветителей и общественных деятелей – ровесников Мисоста, не нашедших понимания и участия в своей деятельности у своих спутниц жизни, семейная жизнь Мисоста сложилась счастливо. Гошях была его верным помощником во всех делах, замечательной женой и матерью. Она получила прекрасное домашнее воспитание и образование, выучила арабскую грамоту, а затем и русскую. Мисост с семьей жил в Балкарии до 1885 года. 10 июня этого года его назначают переводчиком в Нальчикское окружное полицейское управление, где он проработал 2 года, в 1887 году Мисоста переводят во Владикавказский окружной суд.

Что из себя представляла должность переводчика в Балкарии 100 лет назад? Помимо ведения дел в суде, Мисосту приходилось вникать во множество конкретных жизненных обстоятельств, приводивших горцев в органы правосудия. В первую очередь, это были тяжбы о земельных участках, их границах, спорных покосах и пастбищах. В архивах сохранились документы, где М. Абаев отстаивает интересы вдов и сирот, пытается защитить от несправедного суда крестьян... Так, например, в архиве КБР сохранилось дело «О порубке жителями Балкарского общества леса, принадлежащего подпоручику Хамурзе Шаханову». В этом споре М. Абаев становится на сторону крестьян и защищает их интересы, заявляя, что самовольный захват и порубка леса происходят в виду тяжелого экономического положения крестьян, вследствие завладения отдельными таубиями лесными угодьями Балкарии.

В 1881 году в Нальчике было образовано «Благотворительное общество». На пожертвования членов общества содержалась женская бесплатная школа в Нальчике, оказывалась денежная помощь студентам и неимущим. Мисост Абаев был активным членом общества со дня его основания²¹.

Четыре года проработал Мисост Абаев во Владикавказском окружном суде. 2 декабря 1891 года его назначают командиром сотни Терской постоянной милиции. С 17 ноября 1892 года до декабря 1896 года Мисост Абаев – начальник Хумаринского участка Баталпашинского отдела Кубанской области. Постоянные перемещения по службе, хотя и усложняли жизнь его увеличивающейся семье, давали М. Абаеву неоценимую возможность для наблю-

дений над общественной жизнью и бытом горцев. По роду своей деятельности он непосредственно знакомился с их жизнью, вникая в их дела и заботы, при этом пополняя свои знания по истории и культуре народов Северного Кавказа.

И все же Мисост Абаев всегда стремился жить и работать среди своего народа, приносить ему конкретную пользу, как на службе, так и в общественной работе. Он неоднократно подавал начальству рапорты о переводе его в Нальчикский округ. В декабре 1896 года М. Абаев назначается начальником 1-го участка Нальчикского округа (в участок входили села Кармово, Хасаут, пост Баксанский, Атажукинские аулы и др.) «по именованию мест в самом Нальчике»²². С открытием вакансии в августе 1897 года Мисост Абаев обращается к начальнику округа С. В. Вырубову с просьбой перевести его на 2-й участок, в Балкарию. Однако донесение полковника Вырубова начальнику Терской области не оставляло надежды на перемещение: «Доношу его превосходительству, что корнет Абаев, будучи горцем Нальчикского округа, имеет много родственников и других связей с земляками, каковые отношения могут иметь влияние на его служебную деятельность, а потому я полагаю бы просьбу корнета Абаева относительно назначения его на должность начальника 2 участка отклонить»²³.

Мисост же просил, что «если нельзя на вакансию 2 участка, то путем перемещения начальника 3 участка. При этом осмеливаясь доложить, что я мог бы быть более полезным во 2 участке, как сам горец». Именно последним обстоятельством мотивировали отказ в просьбе Абаева и начальник Нальчикского округа, и начальник 3-го участка штабс-капитан Мокрицкий, интересы которого задевались. В этой служебной переписке любопытна докладная записка Мокрицкого. Вначале штабс-капитан обвиняет М. Абаева в том, что он якобы стремится в 3-й участок для защиты «родственников, отчаянных воров и конокрадов». И тут же, в следующей фразе, он опровергает свои сентенции: «В 3 участке нет недоимков, нет разбоев. Воровства сравнительно мало. Народ спокойный и исполнительный. Открывается пятью селами школа грамотности. Традиционные туземные подношения мною искоренены...»²⁴.

Последствия этой служебной переписки были таковы, что М. К. Абаеву даже при наличии вакансии не удалось устроиться в 1897 году на службу в Балкарии. Однако он упорно и настойчиво добивается своей цели и в октябре 1898 года назначается начальником 2-го участка, куда входили Балкарское, Хуламо-Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское общества и сел. Кенделен. На этой должности он прослужил до 1905 года. Именно в период работы в Балкарии написана просветителем основная часть его статей и очерков. Темы для своих публикаций М. Абаев черпал из повседневной жизни, из легенд и преданий, записываемых им из уст стариков-горцев. В своих статьях и очерках М. Абаев широко пользовался данными, публикуемыми статистическим комитетом Терской области, архивными и литературными источниками.

С 1906 года до февральской революции 1917 года М. К. Абаев работает вначале помощником, а затем начальником 1-го участка Баталпашинского отдела Кубанской области. В этот участок входили карачаевские аулы с центром в Баталпашинске (ныне г. Черкесск). Согласно официальным данным, к 1908 году количество дворов в Баталпашинске достигало 2466 с населением 16592 чел.²⁵ По своему статусу должность начальника 1-го участка приравнивалась должности помощника атамана Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска, как бы промежуточным звеном между военным и гражданским ведомствами. Занимая высокий административный пост в Кубанской области, М. К. Абаев всячески содействовал открытию новых школ, по возможности защищал интересы крестьян в их тяжбах с притеснителями, а также с государственными учреждениями – департаментом государственных имуществ, полицейским управлением.

Яркой иллюстрацией взглядов М. Абаева на социально-экономическое положение беднейших слоев населения является документ: «Рапорт начальника 1 участка М. К. Абаева атаману Баталпашинского отдела Д. Е. Гетманову о «приговоре» схода жителей села Марухского самовольно захватить казенные и частные земли и вырубить лес в связи с тяжелым социально-экономическим положением 7 февраля 1906 г., с. Георгиевско-Осетинское»²⁶.

В этом официальном документе М. К. Абаев обращает внимание начальства на тяжелое положение крестьян, приводя аргументы экономического порядка: «Поземельное положение крестьян села Марухского незавидное: вся местность гористая, почва бесплодная; годных для посева мест почти нет; трава плохого качества; из хлебных злаков растет только овес и отчасти картофель, но и эти растения можно посеять на самом незначительном пространстве; душевой надел – $\frac{3}{4}$ десятины, и если исключить лес, кустарник и другие неудобные земли, то на двор приходится несколько сажен земли под картофель, немного больше под посев овса и под сенокос – копен на 20–25». И далее, рассказывая о недостаточности пастбищных участков, М. Абаев предлагает: «Ввиду этого было бы справедливо хотя бы часть поляны («Ажим-Гуа») передать в пользование крестьян с. Марухского, и это не причинило бы особенного ущерба интересам казны». «Приговор жителей с. Марухского», который был вынесен 28 декабря 1905 года, был связан не только с экономическими обстоятельствами, но был следствием революционного движения 1905 года. Он свидетельствует, что аграрные идеи революции дошли до самых глухих уголков России и вызвали широкий отклик в массах. К чести М. Абаева, которому было поручено разобраться в этом деле, он, в отличие от других администраторов, не апеллирует к репрессивным мерам, а старается выгородить крестьян, подчеркивая тяжелые условия их жизни.

Деятельность М. Абаева на посту начальника участка была многогранна. В пределах своих полномочий и возможностей он старается помочь крестьянам в их тяжбах, борется с их притеснителями.

лями. Конечно же, такая деятельность не могла не обратить на себя внимания. Так, анонимный автор публикации в газете «Кубанские областные ведомости» рассказывает историю столкновения М. Абаева и писаря аула Карт-Джурт Г. Дремлюги. Автор заметки приводит подлинные документы служебной переписки. В предписании аульному старшине М. К. Абаев пишет: «...жители недовольны поведением писаря Дремлюги и возбуждены против него за то, что он, изображая из себя правителя, принимая на себя не присвоенные писарю права, требуя особое вознаграждение с лиц за совершение дел, которые обязан исполнить писарь, водит людей по неделям под разными предлогами, занимается незаконными поборами. Если он будет себя так вести впредь, то будет уволен с должности»²⁷. На предписание М. Абаева писарь Дремлюга отреагировал незамедлительно. Он пишет донос на М. Абаева вышестоящему начальству. В этом документе для нас может быть интересна сказанная между прочим фраза: «...карачаевцы, подстрекаемые педагогами и подпольными адвокатами, бывают лжедоносцами и клятвопреступниками». Кого имел в виду Дремлюга становится понятным из другого документа – донесения аульного старшины и других зажиточных и влиятельных людей аула Карт-Джурт, где в беспорядках, происходящих в ауле, обвиняется учитель Халилов, который якобы «старается выжить писаря Дремлюгу из селения». Названный в донесении Халилов – это Хызыр Халилов, брат карачаевского просветителя Саида Халилова, в то время студента Петербургского университета, позже исключенного за участие в революционном студенческом движении. Саид Халилов в годы Октябрьской революции и гражданской войны был одним из руководителей карачаевских большевиков, погиб в 1921 году. Судьба не раз сводила Мисоста Абаева и Саида Халилова. И каждый раз Саид находил поддержку у Мисоста Абаева. Так, в 1910 году, когда Саид Халилов пытается восстановиться в университете и ему необходим был документ о благонадежности, Мисост Абаев дает ему требуемую характеристику²⁸. Нет нужды говорить о том, на какой риск шел сам М. Абаев, положительно характеризуя человека, находившегося под надзором полиции.

М. Абаев понимал исключительное значение собирания уникальных образцов материальной культуры народа. Он провел большую работу по фиксации этнографических памятников карачаевцев и балкарцев. В фондах Грузинского исторического музея им. Джанашиа хранятся экспонаты, переданные М. Абаевым в 1908 году этнографическому отделению Кавказского музея²⁹. Он подарил музею коллекцию, в которой было более 40 экспонатов одежды, домашней утвари, сельскохозяйственных орудий.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года М. К. Абаев переезжает в Нальчик. В мае он был избран в состав «Временного комитета горцев Кавказа Нальчикского округа». Однако он не принимал активного участия в революционных событиях. По крайней мере, его имя впоследствии почти

не встречается в документах той поры. Единственный источник, сколько-либо проясняющий позицию М. Абаева в этот период, – это роман Л. Аргутинской «Огненный путь»³⁰. Один из главных героев романа Аргутинской – сын М. Абаева – доктор Измаил, участник революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии, известный тем, что в период деникинской оккупации спас жизнь многим большевикам, впоследствии – зав. здравотделом, член облизполкома Кабардино-Балкарии. Ценность романа в том, что он написан в жанре документальной хроники и многие факты, события, исторические личности описаны достоверно.

В первом издании романа писательница, рисуя тревожную обстановку конца 1918 года в Нальчике, особое внимание уделила описанию жизни хозяев дома, приютивших небольшую группу большевиков – друзей Исмаила. Это была семья Мисоста Абаева. О Мисосте Абаеве Л. Аргутинская писала: «...отец с большой красивой, посеребренной головой внимательно слушал нас и беспрестанно задавал вопросы». Мисост Абаев, по всей вероятности, хотел разобраться в сложных и нескончаемых перипетиях революции и гражданской войны, в их целях и средствах. И многое ему было непонятно, многое неприемлемо. Ведь он давно отошел от активной революционной борьбы, еще в 70-х годах, после разгрома Владикавказского кружка революционных народников.

Октябрьская революция, установление Советской власти воспринимались вначале Мисостом Абаевым и его детьми как реализация их многолетних надежд на обновление жизни горцев, на приобщение к мировой цивилизации, о чем они неоднократно писали. Но реальная действительность оказалась жестокой. Многие близкие родственники, друзья и единомышленники Абаевых были убиты, часть эмигрировала за границу, большинство же было подвергнуто административной высылке за пределы Кабардино-Балкарии. В 1927 году, когда начался процесс выселения представителей высших сословий области, пришлось покинуть родину и семью Мисоста Абаева.

Последние годы жизни М. К. Абаев провел со своей семьей в Дагестане, в г. Буйнакске, тяжело болел и умер в 1928 году.

* * *

Историк, просветитель, общественный деятель Северного Кавказа последней четверти XIX – начала XX века М. К. Абаев широко известен как автор первого исследования по истории Балкарии – историко-этнографического очерка «Балкария». Однако его творчество многогранно и составляет значительную часть карачаево-балкарской художественной публицистики дореволюционного периода.

Перу М. Абаева принадлежат десятки статей, очерков, зарисовок, корреспонденций, эссе. Они увидели свет в периодической

печати Кавказа в основном в начале XX века. Жанр, в котором творил М. Абаев, можно определить как художественную публицистику, и в частности, как этнографический очерк.

В течение XIX века северокавказская публицистика накопила большой художественный опыт и выработала определенные эстетические критерии. Важнейшей задачей этнографического очерка было выявление этнических черт своего народа в сравнении с соседними и определение характера их взаимоотношений в «неисторический период».

В очерках авторы реализовали также свой личный опыт восприятия русской культуры. Ш. Ногмов, Д. Шихалиев, А. Казембек, М. Османов, Г. Алкадари, А. Колиев, К. Хетагуров, А. Базоркин, Ч. Ахриев, Б. Шаханов заложили основу новой художественной культуры, синтезировав в своем творчестве национальные художественные традиции и традиции русской литературы. Демократические идеи стали основой содержания их публицистики и были обусловлены бурными событиями общественной жизни в конце XIX – начале XX века. Мисоста Абаева можно смело отнести к плеяде первых литераторов, чья творческая биография была неразрывно связана с их общественной деятельностью.

В первых публикациях М. Абаев констатирует различные факты из аульной жизни. Он рассказывает о явлениях, представлявших определенный интерес для любознательного читателя. Это и сообщение о находке исторического памятника в Хуламе («Интересный документ»), об этнографических реалиях Балкарии («Калым и его последствия», «Наши миротворцы»)… По мере более глубокого проникновения в проблемы горской действительности в публицистике М. Абаева на первый план выступают уже не ее «интересные» детали, а вопросы социального устройства. Характеризуют М. Абаева, как общественного деятеля и просветителя, стоящего на позициях активного народолюбства, его статьи, посвященные положению безземельных и малоземельных крестьян – серия статей об аграрных вопросах.

Главная же тема публикаций М. Абаева – проблемы просвещения. Он постоянно пишет о необходимости открытия начальных школ в аулах, сельскохозяйственных школ и училищ. Вопросы школьного образования в той или иной мере затрагиваются почти во всех публикациях М. Абаева.

Занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, М. Абаев оказал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи. Серия статей, опубликованных в газете «Кубанские областные ведомости», непосредственно посвящена разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа. Статьи «Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах» исполнены неподдельного беспокойства о судьбе горской школы.

Публицистика М. Абаева привлекла внимание еще дореволюционных историков, этнографов, общественных деятелей своей

актуальностью, конкретикой и достоверностью анализируемого материала. В главном труде М. Абаева – «Балкария» были обобщены высказанные до него исторические взгляды на происхождение балкарцев, на их культуру и быт, социальные институты, экономическое положение в пореформенный период. М. Абаев проанализировал исторические сведения, доступный археографический материал и литературные источники, народные предания и дал развернутую оценку современному состоянию балкарского общества.

Очерк «Балкария» написан на основе опубликованных в 1905 году в газете «Каспий» статей – «Горские аграрные вопросы», «Горский словесный суд», «Горцы Нальчикского округа», «Наделы осетин» и напечатан в журнале «Мусульманин», издававшемся в Париже, в 1910 году.

Реакция на публикацию названных статей была неоднозначной. Прогрессивные деятели Северного Кавказа (такие, как депутат III Государственной Думы России Ташдемир Эльдарханов) встретили их с одобрением, творчески использовали их фактографический материал в своих статьях и выступлениях. Администрация же Терской области запретила газете «Каспий» публикацию статей о бедственном положении Балкарии. Поэтому последнюю статью М. Абаев был вынужден озаглавить «Наделы осетин», хотя статья никакого отношения к проблемам осетин не имела.

В своем обширном исследовании просветитель явил талант и мастерство публициста в полной мере. Очерк в художественном отношении весьма удачен, написан увлекательно, в нем сложнейшие явления из жизни балкарского народа изложены доступным языком и при этом автор не упрощает сложность поставленных проблем.

М. Абаев, как и другие карачаево-балкарские просветители конца XIX – начала XX в., улучшение материального положения горцев, рост их общей культуры представлял через распространение среди них светского образования, открытие школ и училищ с приобщением горцев к русской грамоте. По его мнению, горских мальчиков, получивших начальное образование, необходимо было обучать техническим профессиям, а в дальнейшем – стремиться к увеличению числа студентов-медиков, юристов, учителей, столь необходимых для решения жизненно важных проблем горских народов Северного Кавказа. Он считал необходимым дать образование и девочкам «хоть ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных подруг жизни».

М. Абаев понимал важность объективного освещения в печати различных проблем горской жизни. Призывая горскую интеллигенцию к активной публицистической деятельности, он писал: «Как горец, и уже немолодой, я позволю себе обратиться к своим землякам – учителям, фельдшерам и другим грамотным людям с предложением поработать на пользу своих единоверцев и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно

побудить к этому и чувство долга, т.к. почти все учились на средства общества, потому в свою очередь обязаны учить не только маленьких детей, но и взрослых. Быть может, некоторые из вас стесняются писать в журнал вследствие отсутствия привычки выражать свои мысли печатно, но, во-первых, редактор любезно предупреждает, что сама редакция пойдет на помощь, а во-вторых, из вас каждый пишет письма к друзьям и знакомым о событиях, пишет прошения, толково излагая суть дела. Точно в такой же форме вы могли бы писать и в редакцию журнала, помогая ему разобраться в массе важных дел».

Эта статья свидетельствует, что к началу XX века в горских обществах Северного Кавказа было достаточно просвещенных людей, не только читающих, но и пишущих, «толково излагая суть дела». Именно к ним обращается М. Абаев в своей публицистике.

Из воспоминаний потомков М. Абаева известно, что он был мастером сочинять экспромтом стихи, сказки, рассказы. Но до нас дошли только те его произведения, что были напечатаны на страницах российской периодической печати, остальное, похоже, утеряно безвозвратно. К произведениям, имеющим определенную художественную ценность, можно отнести его эссе «У могилы Ислама», некролог на смерть Ислама Крымшамхалова и «Горскую легенду».

На примере творчества карачаево-балкарских писателей-публицистов мы наблюдаем соприкосновение двух совершенно разных художественных систем. Они творят на русском языке, ориентируясь на опыт русской литературы XIX века, и при этом остаются в рамках национальной культуры. Показателен в этом отношении рассказ-притча М. Абаева «Горская легенда». Рассказ имеет два смысловых уровня. Первый – религиозный – доносит до нас отголоски спора среди мусульман о необходимости мечетей: общение с Аллахом, по мнению суфиев, не требует торжественных церемоний и специальных обрядов. Второй уровень – социальный – содержит уверенность в грядущей революции, которая, по мнению автора, преобразует горькую участь многих: «правда выйдет из подземелья. Стряхнет оковы свои и рассеет тьму и злобу. И тогда наступят хорошие времена». Рассказ написан накануне первой русской революции, в 1903 году. «Хорошие времена», заявляет автор, были до тех пор, пока между людьми не появился Дух тьмы. Он избрал себе в помощники «ложь и злобу». С их помощью Дух тьмы воздвиг храмы Правды, но в них поселилась ложь, ведь Правда не может жить в замкнутом пространстве, она должна быть всюду и со всеми, считает М. Абаев.

Хотя публицист и начинает свой рассказ с традиционного для карачаево-балкарских писателей-публицистов художественного приема – с указания на фольклорное происхождение своего произведения – здесь налицо все признаки литературной притчи.

В «Горской легенде» М. Абаева просматривается прямая аналогия с литературным памятником IX века – поэмой М. Башту «Дастан о дочери Шана». В поэме основной конфликт держится

на непримиримой борьбе между Духом тьмы – Тун Бури (имя духа в переводе с карачаево-балкарского языка означает – «волк подземелья») и Духом Добра – Бай Терек. Бай Терек – основа жизни и обладает всепроникающей силой. Дух тьмы в рассказе М. Абаева заковал Дух Правды в подземелье, и рассказ заканчивается, как и в поэме, надеждой на скорое его освобождение.

В 1911 году в журнале «Мусульманин» был напечатан большой некролог «Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова», посвященный безвременной кончине художника и публициста И. Крымшамхалова. В редакционной заметке говорилось, что, «биографические сведения о покойном были сообщены нам его лучшим другом Мисостом Абаевым, за что редакция приносит ему сердечную благодарность». Стилистика, содержание публикации и прямые аналогии с эссе «У могилы Ислама» позволяют предположить, что М. Абаев не только сообщил сведения о своем друге, но и явился ее автором.

Отдавая дань памяти славному сыну Карачая, М. Абаев специально останавливается на условиях формирования личности Ислама в творческой среде Петербурга 70–80-х годов XIX века: «В возрасте 16–17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербург и, служа там в течение 3 лет, самоучкой выучил русский язык и грамоту, и, кроме того, в нем обнаружился художественный талант. Рисовать он начал также без руководителя. Окончив срок службы и произведенный в офицеры, он возвратился домой, где продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения, писал картины с натуры. Любил больше философские произведения и был поклонником Л. Н. Толстого...».

Ислама и Мисоста, очень близких по духу людей, связывала многолетняя дружба, а после женитьбы Баксанука Крымшамхалова, младшего брата Ислама, на старшей дочери М. Абаева – Сафият, и родственные узы.

Но самым важным и предопределившим дружбу этих двух выдающихся людей было глубоко осознанное, бескорыстное служение народу. Они стремились приобщить родной народ к духовной культуре и при новых цивилизационных обстоятельствах – стремительной смене общественной формации – смягчить неизбежные потери элементов этнической культуры.

Как и Мисост, Ислам учился в одной из лучших гимназий России, также увлекался народовольческими идеями, был знаком со многими российскими деятелями культуры XIX – начала XX века – все это дало ему возможность раскрыть свой талант художника и писателя.

К личности Ислама Крымшамхалова М. Абаев возвращается вновь в эссе «У могилы Ислама». В небольшом по объему произведении М. Абаев создает удивительно цельную картину соприкосновения жизни и смерти, добра и зла и выверяет общечеловеческие принципы судьбой художника, который «кончил с этим миром, с его случайными радостями и горем».

Если горы в эссе олицетворяют вечность жизни, то взаимоот-

ношения людей, их мелкие интриги говорят о ее сиюминутности и тщете. Как и Ислам, М. Абаев считает непреходящими «доброе отношение друг к другу, общую работу во имя любви».

В эссе отражены раздумья М. Абаева о судьбе творческой личности, о необходимости ежедневно преодолевать сопротивление и непонимание в своей среде. И все же он находит нужные слова и образы для внушения оптимистического отношения к жизни: «Только солнце с далекого синего неба говорило о жизни, заставляя своими лучами искриться снежинки».

Художественную прозу М. Абаева отличают лаконичность и точность, сознательный отказ от многословия, второстепенных деталей и цветистости речи. Возможно, это обстоятельство было обусловлено его практикой публициста, требующей краткости и конкретики.

Богатый и красочный язык, стремление к анализу и обобщению, характеризующие известные статьи, проявляются и в составленных им различных заявлениях, служебных записках и административных документах.

Творчество и общественная деятельность Мисоста Абаева приходится на период интенсивного развития культуры народов Северного Кавказа, обозначенный литературоведами и культурологами как ренессансный. Он был среди тех, кто своим творчеством определил формирование общественного сознания горцев рубежа веков. И необходимо подчеркнуть, что идеи равенства, братства, просвещения, которыми проникнуты его публицистика и художественное творчество, опирались на горское этическое сознание, идеалы русского демократического движения 70–80-х годов и гениальные творения русской литературы XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данной работе представлены не все статьи М. К. Абаева. За пределами анализа и публикации остались очерки и статьи, требующие дополнительной атрибуции.

² ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 322.

³ АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 871.

⁴ Абаев М. К. Балкария // Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980. С. 122. Об этом же М. Абаев пишет в одной из своих первых статей «Интересный документ».

⁵ Сафарян С. Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988. С. 12.

⁶ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980. С. 6.

⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 860, л. 43.

⁸ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 8.

⁹ Журнал Министерства просвещения. 1871. № 10 (Приложение. С. 143).

¹⁰ Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959. С. 70.

- ¹¹ ЦГИА Грузии, ф. 17, оп. 1, д. 112.
- ¹² Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 1.
- ¹³ Скитский Б. В. Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии // Известия Горского пединститута. Владикавказ, 1929. Т. 5.
- ¹⁴ Ардасенов Н. М. Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970; Он же. Революционно-народническое движение на Тереке. Орджоникидзе, 1987.
- ¹⁵ Ардасенов Н. М. Революционно-народническое движение на Тереке. С. 178.
- ¹⁶ Там же. С. 59.
- ¹⁷ Скитский Б. В. Очерк истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 20.
- ¹⁸ ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 7, д. 523, л. 7.
- ¹⁹ ЦГА КБР, ф. 9, оп. 2, д. 1, л. 5.
- ²⁰ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 442, л. 2 об.
- ²¹ ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 4, д. 103.
- ²² Там же, ф. 12, оп. 8, д. 349, л. 23.
- ²³ Там же, л. 30.
- ²⁴ Там же, л. 31.
- ²⁵ Кубанская справочная книга на 1909 г. Екатеринодар, 1909.
- ²⁶ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 328, л. 14–15.
- ²⁷ Кубанские областные ведомости. 1906. № 144.
- ²⁸ Баучиев А. Д. Халилов Саид. Черкесск, 1987. С. 62.
- ²⁹ Сатунин К. А. Деятельность этнографического отдела Кавказского музея // Кавказ. 1908. № 96. 27 апреля.
- ³⁰ Аргутинская Л. Огненный путь. М.: Молодая гвардия, 1936. С. 234.

МИСОТ АБАЕВ

НАШИ МИРОТВОРЦЫ

11 минувшего августа в нашем обществе случилось убийство при следующих обстоятельствах. Некий житель общества Байтуган Сарыбашев¹ потребовал от своего же односельца Мусака Таппасханова долг свой в сумме трех р. за проданную лошадь. Таппасханов отказался от уплаты денег, говоря, что от него не получил удостоверений на лошадь; произошла между спорившими ссора, а потом и драка; но их здесь развели женщины. Немного спустя Сарыбашев, встретившись с братом Мусака Таппасханова – Эсенем, прибежавшим на помощь к своему брату, затеял с ним вновь драку и получил от Таппасханова удар в голову; здесь опять их развели подоспевшие люди. Казалось бы, драки кончились. Но нет! Через несколько времени явилось туда двое почетных лиц, жителей нашего общества, в качестве судей-примирителей (такие судьи-примирители в наших туземных селениях не редки) и начали расспрашивать ссорившихся и дравшихся о причине, побудившей их к тому. Примирители эти, как водится, стали поддерживать сторону одного из ссорившихся и упрекать другого, что он не прав и т. п., чем и поддразнили Сарыбашева, который тут же в присутствии этих почетных судей-примирителей и других многих собравшихся людей неожиданно обнажил кинжал и нанес рану в левый пах Эсену Таппасханову. Раненый умер через часа 3. К случаю этому будет не лишним указать на то, что во всех наших туземных селениях Нальчикского округа, при всех ссорах между жителями, является масса непрошенных почетных судей-примирителей, которые лишь только тормозят дело и оказывают ссорившимся медвежью услугу. Эти наши туземные почетные судьи мало того, что мешают миру, но еще материально причиняют убытки лицам, коих они склоняют на свои решения. Приятно было бы, если бы такие судьи прекратили вовсе свои действия.

КАЛЫМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Обычай выплачивать женихом отцу невесты калым, или выкуп, является одним из самых главных зол бытовой жизни наших ту-

земцев, с которым неизбежно приходится считаться каждому молодому человеку, желающему связать себя узами Гименея. И если тайный увоз девицы, с целью вступления с нею в брак, среди нищих туземцев практикуется в широких размерах, несмотря на строгое преследование его законом, то исключительно благодаря лишь существованию этого вредного обычая выплачивать отцу невесты калым, цифра которого нередко доходит до 500–800 р. Отец, являясь в семье полным и неограниченным деспотом, по своему желанию выдает, или вернее сказать, продает свою дочь тому, кто выплатит такой калым, какой он запросит, не спрашивая при этом, конечно, о том – желает ли дочь идти за его избранника или не желает. Положение дочери в этом случае похоже на положение скота при продаже его, которого хозяин не спрашивает, желает ли он быть проданным или не желает. Волю отца дочери исполняют беспрекословно, выходят замуж за того, за кого приказывает выйти им отец, но тем не менее за последнее время все чаще и чаще приходится отмечать факты нарушения дочерьми непреклонной родительской воли. Но, к сожалению, нарушения такого рода по своим последствиям носят трагический характер, по крайней мере, у нас, в Чегемском обществе. Так, с прошлого года и по настоящий у нас было три случая самоубийства молодых девушек, отцы которых, соблазнившись богатым выкупом, заставляли их выйти замуж за нелюбимых ими людей. Несчастные бросались с высокого и крутого берега в реку Чегем и разбивались до смерти об речные камни. Казалось бы, эти три печальных случая могли бы послужить нашим жителям, родителям невест, хорошим уроком на будущее время, но наших горцев, пока они остаются полудикими людьми, трудно вразумить в этом отношении. Некоторые лучшие люди горского народа, которых, к сожалению, очень мало, давно уже сознали вред, происходящий от обычая выплачивать за невесту калым, и ратуют, если не за полное уничтожение этого обычая, то за минимальное сокращение размеров выкупа; но добрые стремления этих людей остаются пока гласом, вопиющим в пустыне.

ИНТЕРЕСНЫЙ ДОКУМЕНТ

Недавно мне показали в слоб. Нальчик каменную плиту с надписью на местном татарском наречии горцев, живущих в горах Нальчикского округа, Терской области, найденную случайно одним пастухом в старинном памятнике несколько лет тому назад¹. В надписи значится, что она сделана в последний день месяца раджаба 1127 г. по мусульманскому летосчислению, т. е. в 1709 г. Явись документ этот на сцену в начале 1880-х годов², он мог бы иметь существенное значение для населения горских обществ Нальчикского округа – балкарского, безенгиевского, хуламско-

го, чегемского и баксанского (урусбиевского) в деле установления границ между плоскостными (кабардинскими) землями и горской территорией, как юридический документ, в настоящее же время он имеет значение лишь как исторический документ. Надпись подтверждается справедливость народного предания, что в те времена, когда сравнительно многочисленное племя кабарда подчинялась Крымскому ханству, названные выше небольшие горские племена сохраняли самостоятельность, благодаря, надо полагать, отчасти недоступности горных ущелий, а главным образом устойчивости и лучшему порядку в управлении.

Содержание надписи, как читал мне обладатель камня, гласит, что пять горских народов: малкар (балкар), хулам, безенги, чегем и баксан, с одной стороны, Крым и Кабарда – с другой, поспорили о границах земель, и спор был разрешен мирным путем через посредство избранных лиц и приглашенных известных дагестанского и сванетского князей, которые установили границы* между горскими землями и землями Крыма, населенными кабардинцами. Между прочим, указываются и границы тогдашних русских владений.

ГОРСКИЕ ШКОЛЫ

Читателям «Кубанских ведомостей» известно из приказа г. начальника области, что горцы Екатеринодарского отдела решили открыть в аулах три школы для обучения детей русской грамоте. Одну из них открывают сельские общества: габукаевское, ассокалаевское, джиджихабльское и панежукаевское для 100 приходящих учеников в сел. Панежукае; другую – шапсугское общество в селе Панахесе на 60 учеников и третью – жители селения Козет у себя на 20–25 мальчиков.

В настоящее время общества заняты производством постройки помещений для этих школ, и дело идет довольно успешно: в Панежукае и Козете стены и крыши зданий готовы, а в Шапсуге выведены стены: остановка за мазкою, в ожидании теплой погоды. Таким образом, в июне или июле месяце здания будут совсем окончены, и учение может начаться в них с начала наступающего года.

Есть надежда, что и все остальные горские селения Екатеринодарского отдела в скором времени последуют примеру своих братьев в отношении образования детей и откроют школы, так как в пользу знания русского языка и грамоты никто из них не сомневается и, кроме того, в этих школах дети будут правильно знакомиться с началами мусульманского вероучения, чего до сих пор не было среди горского населения.

Дальнейший успех школьного дела будет зависеть от правильной постановки его в самом начале, главным же образом, от

* В 80-х годах сделано большое отступление во вред горских обществ.

выбора учителей для горских школ. В разное время и в различных местах среди туземного мусульманского населения Северного Кавказа были попытки со стороны местной администрации создать русские школы, кое-где достигалась и цель, но эти школы или очень скоро закрывались, или же существование их не приносило должной пользы. Причиной такого печального явления служили в большинстве случаев неудачный выбор учителей и заведующих школами, а отчасти пререкания между чинами администрации, с одной стороны, и учебным ведомством — с другой, и взгляды начальствующих лиц, заменивших инициаторов создания школы.

Будем надеяться, что в так удачно начатом деле распространения грамотности в подрастающем поколении кубанских горцев не будет места подобным вредным недоразумениям.

ОТКРЫТИЕ ПАНЕЖУКАЕВСКОГО УЧИЛИЩА

27 октября состоялось торжественное открытие одной из горских школ, о которых говорилось мною в № 95 «Кубанских ведомостей» за текущий год.

На первый взгляд некоторым из читателей может показаться странным, что на страницах «Куб. вед.» так много говорят об этих школах: мало ли народных школ открывается, в особенности в последнее время, в пределах обширной Империи. Но не надо забывать, что эта первая русская школа среди горских племен — бжедугов и шапсугов, считающихся религиозными фанатиками и неукротимыми дикарями, относящимися будто враждебно ко всему русскому. Мало этого, в России масса интеллигентных людей, отрицающих существование этих племен в Кубанской области, так как их считают ушедшими поголовно в Турцию или же готовыми уйти при первой возможности. Мне кажется, что на этом-то основании Министерством Государственных Имуществ не было предложено этому населению устроить в селениях начальные школы с отпуском от Министерства на наем учителей и на учебные и письменные принадлежности каждой школе по 1000 р. ежегодно, тогда как, насколько мне известно, такое предложение было сделано несколько лет тому назад туземному населению в Терской области, имеющему гораздо больше своих средств.

Ввиду этого я, как близко стоящий к делу, взялся изложить в настоящей заметке краткую историю открытого уже училища и имеющих быть открытыми в будущем году в горских селениях Екатеринодарского отдела и сказать кое-что о торжестве открытия.

В последнее десятилетие черкесы пришли к убеждению больше, чем когда-либо, что они гости на своей родине, что рано или поздно им придется следовать за первыми переселенцами в Турцию, причиною чему, между прочим, служило и то, что земли горцев Екатеринодарского отдела и до сего времени не размежеваны. И вот они почти бросили занятие хозяйством, а моло-

дежь предалась воровству и грабежам. Одновременно началось и усиленное преследование горцев – виновных и правых, так как трудно было определить, кто прав, кто виноват. Был поднят и вопрос о поголовном выселении горцев Екатеринодарского отдела.

В таком положении застал горцев ныне управляющий областью Его Превосходительство Я. Д. Малама¹. Он отнесся к ним более человечно. Его несколько теплых слов, выраженных в письмах к населению в октябре месяце 1892 года, было достаточно для убеждения горцев, что русское правительство их не гонит, что оно к ним относится так же, как и к другим русско-подданным, и дело моментально приняло хороший оборот. Население само приняло меры против порочных лиц; разбои и грабежи прекратились.

Вслед за этим Его Превосходительство предложил населению учить русской грамоте подрастающее поколение. Ответом на это предложение явились несколько сельских школ и учреждены стипендии в Кубанской учительской семинарии.

Училище в Панежукае устроено на средства сельских обществ – Панежукаевского, Асокалаевского, Габукаевского и Джиджихабльского, здание школы с помещением для учителя и классной мебелью обошлось около 3000 руб. Ежегодный расход на содержание училища, за исключением ремонта здания, найма сторожа, отопления и освещения, определен в 500 руб. Ученики из других селений в Панежукае будут жить у родственников и знакомых. Принято теперь около 70 учеников. Через год, надо полагать, училище расширится в силу потребности, так как охотников учиться гораздо больше. Учителем назначен дирекцией г. Александров, известный черкесам и знающий черкесский язык.

С утра 27-го числа в обширный двор школы собрались представители всех горских обществ Екатеринодарского отдела, жители 4-х обществ-хозяев и приехавшие гости – горцы из соседнего Майкопского отдела.

Девушки и молодежь с национальными музыкантами занимали одну часть двора. В числе девушек были дочери султанов и князей, приехавшие специально для встречи и приема Его Превосходительства Начальника области супруги, которая, к сожалению всего населения, не могла приехать по случаю дурной погоды. У подъезда училищного здания, где было приготовлено помещение для Наказного Атамана с супругою, выстроились мальчишки – будущие ученики. В обширной классной комнате сформирован² был стол на 50 человек, – около каждого прибора была карточка – меню с обозначением 8 национальных кушаний. Меню это следующее: лепс³, шха-тура⁴, плигажа⁵ (шашлык), гедлибже⁶, халива⁷, бореч⁸, прунш со шху⁹ и тхурумбей¹⁰. На дворе были устроены столы для народа. Во главе представителей и стариков прибытия Наказного Атамана ожидал Его Превосходительство атаман Екатеринодарского отдела И. И. Мазан¹¹. Не трудно было заметить с первого взгляда, что на лицах старых и малых выражались радость и веселье.

Около 12 часов дня прибыл Начальник области в сопровождении начальника штаба – генерала Гершельмана и полковника Карцева, конвоируемый многочисленными верховыми из горцев, во главе с местным участковым начальником, с 3-цветными русско-национальными значками. Поздоровавшись со стариками и приняв хлеб-соль, Его Превосходительство выразил населению благодарность за то, что оно оправдало его надежды, бросив дурные привычки и став на добрый путь, как верноподданные. В ответ на это раздалось громкое: «берекет-берсин»¹² и приветственная речь одного из стариков. Его Превосходительство поздоровался с девушками и обласкал будущих учеников, которым тут же были розданы от него лакомства.

После молебствия, совершенного мусульманским духовенством на открытом воздухе, все гости были приглашены к столу, а на дворе начались танцы со стрельбою и джигитовка на лошадях, не прекращавшаяся до самого вечера. После обеда устроена была скачка с призами, окончившаяся около 5 часов вечера, и гости уехали.

За столом первый тост предложен был Начальником области, в котором Его Превосходительство поблагодарил за труды старшин, участкового начальника и атамана отдела. Затем было много тостов и речей, гремело громкое русское «ура», – кажется, это первое мирное «ура», заменившее боевое, раздавшееся несколько десятков лет тому назад на этих местах.

Перед концом обеда уполномоченные от 4-х обществ обратились с просьбою к г-ну Начальнику области принять под свое покровительство училище, как почетный попечитель, на что Его Превосходительство, к радости и чести населения, изъявил свое согласие, и это обстоятельство дает больше шансов быть уверенным за процветание Панежукаевского училища.

Особенного внимания заслуживали речи инженера из кабардинцев г. Шарданова¹³ и инспектора народных училищ г. Шкиля¹⁴, в которых они справедливо выразили, что Я. Д. Малама – первый начальник края, сумевший словом и делом направить горцев на истинный путь в пользу населения и государства, начавши с того, с чего нужно было начать несколько десятков лет тому назад, а именно с просвещения, которое составляет единственный верный путь к ассимилированию туземного населения.

10 ноября 1895 г.

г. Екатеринодар

О ГОРСКИХ ШКОЛАХ

Не могу скрыть радости, которую возбуждает во мне заметка по поводу успехов молодого Панежукаевского училища («Люди и нравы», № 107, 1896 г. «Кубанских областных ведомостей»).

Успехи эти не служат ли доказательством тому, что у горцев

есть добрые зачатки, которые можно развить; в них есть почва, на которой можно сеять хорошие семена, не боясь гибели этих семян и что сеятелями их могут являться ближайшие к населению представители администрации.

Будущность Панежукаевского училища так или иначе обеспечена еще и тем, что почетным попечителем его состоит Его Превосходительство Начальник области Я. Д. Малама. Но что же, интересно знать, делают остальные горские селения Екатеринодарского отдела? Ведь бжедуги-«химишейцы»¹ (аулы по эту сторону реки Псекупса), по крайней мере, старики их, как помнится, дали слово последний раз, при открытии Панежукаевского училища, что скоро и они откроют школы, дабы дети их не завидовали детям «шепгенеевцев»² (аулы за Псекупсом) и впоследствии не бранили своих отцов! Надо полагать, ждут толчка, и желательно бы ускорить этот толчок.

О шапсугах³ я не говорю, так как у них здание школы было готово еще в прошлом году, – даже парты были заказаны, оставалось пригласить учителя и начать занятия; странно только, что ничего не слыхать о шапсугском училище. Неужели и они ждут напоминания?! Но ведь у шапсугов есть и свои люди, отведавшие плоды просвещения. Видно, к сожалению, что этими посевами хороших семян не желают заниматься.

ЧЕРКЕСЫ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ОТДЕЛА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

23 октября с. г. состоялось торжественное освящение новой (и первой большой в Кубанской области) мечети в ауле Шинжий, Екатеринодарского отдела Кубанской области. Начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Яков Дмитриевич Малама, обращаясь к обществу этого аула и строителю мечети на свои средства черкесу Лю Трахову, сказал, между прочим, что дело постройки мечети служит доказательством того, что черкесы, наконец, «стали прикрепляться к земле», на которой они родились и в которой покоятся кости их предков, рад этому доброму явлению, поздравляет общество, благодарит строителя и надеется, что остальные аулы Екатеринодарского отдела, представители которых присутствовали тут же, не отстанут от Шинжия. Для того, чтобы понять смысл слов ген. Маламы, надо быть хоть немного знакомым с историей адыгеевских племен бжедугов и шапсугов, живущих в низовьях р. Кубани по левой ее стороне, недалеко от г. Екатеринодара. Племена эти заняли полосу, покрытую частью густым лесом, частью – непроходимыми болотами, образовавшимися от разливов р. Кубани и ее притоков, и близкую к берегам Черного моря, находились то под влиянием крымских ханов, то Турции, то России и окончательно присоединились к России гораздо позже, чем их соплеменники

кабардинцы и другие горцы; но и после присоединения к России бжедугам и шапсугам приходилось вести беспокойную жизнь.

Сначала их постоянно тревожили абадзехи – враждебное Рос-сии черкесское племя, мстившее им за то, что они передались русским. Потом появился среди бжедугов религиозный фанатик Магомед Амин и, восстановив народ против своих султанов, князей и дворян, довел до кровопролитных междоусобных столкно-вений. Сбитые такими обстоятельствами с толку, бжедуги и шап-суги скоро не могли успокоиться и привыкнуть к мирной жизни, продолжали заниматься грабежами, убийствами и воровством и вместе с тем выселялись массами в Турцию, так что из населения бывшего Псекупского округа остались небольшие аулы, распо-ложенные на лесных полянах и по берегу р. Кубани, которые теперь составляют один административный участок Екатеринодарского отдела, имея 11 сельских правлений.

Ввиду, надо полагать, такой беспокойной жизни черкесов и непрекращающихся толков о желании их выселиться поголовно в Турцию, до сего времени земли оставшихся горцев Екате-ринодарского отдела не размежеваны и аулы определенных земель-ных наделов не имеют, а вся земля и леса считаются находящимися в совместном владении местного управления государственных имуществ и сельских (аульных) обществ.

Такое исключительное положение в земельном отношении гор-цев Екатеринодарского отдела, лишая их возможности свободно распоряжаться землею, не может не отзываться плохо отчасти на их хозяйстве и, кроме того, несомненно дает повод тем из гор-цев, которые желают почему-либо уйти в Турцию, распростра-нять среди горцев слухи, что правительство само будто бы жела-ет их выселить, последствием же этого является нерешительность черкесов обзавестись порядочными жилыми постройками и об-щественными зданиями, как, например, мечети. Несомненно, в этом случае черкесы ошибаются и сами являются причиной того, что, несмотря на постоянные их жалобы и просьбы, размежева-ние земель откладывается только потому, что они не устраивают-ся фундаментально; это доказывается, нам кажется, и вышепри-веденными словами г. Начальника области. Впрочем, до генерала Маламы черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области вели себя так дурно, продолжая заниматься грабежами и скрывая у себя абреков, что избавиться от них, вероятно, было желатель-но остальному мирному населению этой местности, тем более, что всевозможные строгие меры областной администрации к пре-кращению грабежей и воровства не приводили к желаемому ре-зультату. Но способ управления горцами генерала Маламы сразу дал другой оборот делу: черкесы мало того, что бросили позор-ное занятие свое грабежами и занялись хозяйством, но в течение каких-нибудь 3–4 лет открыли в аулах русские школы и начали воздвигать каменные мечети, и есть надежда, что полудикие чер-кесы в скором будущем превратятся в мирных граждан, так как хорошими зачатками Бог их не обидел.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»

Сообщение из Нальчика, помещенное в № 14 «Каспия» и перепечатанное из «Терских ведомостей», грешит неточностями.

Прежде всего, там нет Чеченского общества, а есть Чегемское; также нет реки Терек, а есть река Черек, в верховьях которой и расположено Хуламское общество, а не Чеченское.

Сел. Хулам находится в Хуламском обществе. Чегемское общество расположено за хребтом на север от Хуламского общества в верховьях реки Чегем.

Сделавшему такое важное открытие, как одноверстный водопровод, следовало бы прежде всего хорошенько расспросить о местах, где он находился, а потом уже сообщать в газеты. Что касается того, что водопровод этот подавал воду по закону сифона, то таких водопроводов на Кавказе очень много.

ГОРСКИЕ АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ

Эмчекское право создано на такой почве: таубии отдавали, преимущественно Кара-Киши, в бессрочное пользование участки своих земель на таких условиях. Получивший от таубия участок земли обязан был отдавать ему, таубию, известную часть калыма при выдаче замуж своих дочерей и сестер за все время пользования полученным участком и, вообще, оказывал ему личные услуги, называясь «эмчеком» его; таубий же, кроме того, покровительствовал своему «эмчеку» и всегда являлся его защитником.

Каждая таубиевская фамилия имела своих Кара-Киши, Кара-Оздень, которые несли известные личные и материальные повинности по отношению к своим таубиям. Последние иногда обижали их, поэтому каракиши одного таубия становился «эмчеком» другого таубия, чтобы, кроме получения земли на эмчекском праве, иметь еще защитника от самоуправства со стороны своего таубия. Но «эмчек» имел право во всякое время возвратить участок его собственнику и освободиться от эмчекских обязанностей. Таубий тоже был вправе отобрать свой участок, когда пожелает, при неисполнении «эмчеком» своих обязанностей. Вот это и называется «эмчекским правом» и отношением, которые до сего времени сохраняются между многими горцами.

Эти народные поземельные права и отношения, установившиеся в незапамятные времена, доказывают существование издавна в горских обществах ясного понятия о праве собственности на землю и самом праве. Пустопорожные места, негодные для обработки по скудности почвы, по месту расположения и другим причинам, и изображающая выгоны со скудною растительностью или летние пастбища, составляют общее достояние и собственность

каждого сельского общества и в отдельности каждого поселка. Здесь необходимо некоторое разъяснение.

Границы территории горских обществ со стороны соседних народов издавна точно установлены; точно также имеются определенные границы между самими 5-ю горскими обществами. Мало этого, так как каждое горское общество состоит из отдельных поселков, отстоящих друг от друга на расстоянии от нескольких верст до несколько десятков верст, то каждый поселок владеет своим собственным выгоном и пастбищем, или же группа поселков имеет свое пастбище.

Полагаю, что приведенные данные достаточно подтверждают правильность взгляда и заключения бывшего наместника Кавказа в отношении землевладения и экономического положения добровольно принявших русское подданство горских обществ, т.е. что в этих обществах удобные земли составляют частную собственность отдельных лиц, а летние пастбища собственность обществ, поселков и групп поселков, составляющих части целых обществ, и что, в общем, у горцев ощущается недостаток в земле для поддержания своего безбедного существования и что необходимо им прирезать земли из плоскостных кабардинских свободных земель.

Посмотрим теперь приведены ли в исполнение, как и когда Высочайше утвержденные проекты, основанные на представлениях наместника Кавказа, сделанных полвека тому назад, и в каком положении находятся в настоящее время горцы Нальчикского округа в отношении обеспеченности землею.

В 1863 году «свободными» кабардинскими сословиями заявлено было, как говорится, в отзыве наместника, что в Кабарде не было частной земельной собственности и на основании этого заявления все кабардинские земли были признаны государственными. Действительно ли так было или нет, теперь нет надобности поднимать вопроса. В правильности этого заявления, по-видимому, сомневался и сам наместник, что усматривается из его отзыва, но теперь достоверно известно всему населению, что Кодзоков, бывший председатель комиссии по разбору личных и земельных прав туземцев Терской области и правая рука начальника области Лорис-Меликова по управлению туземным населением, будучи сам по происхождению кабардинцем, принявшим православие, немало работал в деле подачи упомянутого заявления высшими сословиями Кабарды и достиг этой цели через посредство некоторых влиятельных лиц из кабардинцев, которые, кажется, впоследствии несколько раскаивались в своем поступке, хотя нельзя сказать, чтобы они особенно были обижены.

Называть этих лиц я не стану, т.к. некоторые из них умерли сравнительно недавно.

К подаче подобного же заявления об отсутствии в горах поземельной собственности склонял Кодзоков и Таубиев, но они отказались от такой лжи, поэтому Кодзоков принимал все меры к тому, чтобы вопреки проекту наместника, границу территории горских обществ отодвинуть как можно дальше в горы,

и с этой целью возбудил кабардинцев с помощью своих соучастников против горцев и они начали пограничные споры, благодаря чему фактическое размежевание пограничной линии совершилось через 20 с лишним лет, т.е. в 1883 г. При этом, горцы вынуждены были, дабы прекратить эти интриги и споры, отступить во многих местах дальше, чем следует, и отказаться от части земель, которыми они владели искони.

Кодзокову же обязаны горцы тем, что осталось не приведенным в исполнение и предположение о перенесении некоторых кабардинских аулов, расположенных у самых выходов из горных ущелий, где горский скот мог бы иметь осеннее и весеннее пастбища, на низовья; об этом предположении упомянуто в докладе г. военного министра. Таким образом, к горской территории земли не прибавилось, а скорее убавилось при межевании границ.

За горцами осталось право пользования из так называемых горных запасных пастбищ и лесов, расположенных между территорией горских обществ с одной стороны, и кабардинских сельских наделов, и пожалованных частным лицам участков – с другой, и оставленных во владении Большой и Малой Кабарды и горских обществ. Но, зато с учреждением кабардинского лесничества горцы лишились права бесплатной пастбы стад под общими лесами; без этих же лесных пастбищ, по неимению других, они не могут содержать скот, почему ежегодно взносят значительную плату в лесничество за лесное пастбище.

Народонаселение горских обществ за время с начала 60-х годов увеличилось более чем вдвое, если считать правильными те сведения о количестве дворов и душ в них, на основании которых военный министр писал в своем докладе 1869 года, что «в горских обществах имеется 1020 дворов с 6120 душами», так как в настоящее время в горских обществах считается, за исключением ушедших отсюда во вновь образованные на плоскости селения из безземельных горцев, в разные селения Кабарды и другие места, около 2500 дворов с населением около 12–15 тысяч душ обоего пола, считая не по 6, как раньше, а по 5 душ в среднем на каждый двор. Кроме скотоводства, другой отрасли хозяйства нет и не может быть.

Давно нет и той ничтожной побочной выручки, о которой говорилось в докладе военного министра, т.е. сбыта лучины путем мены ее на зерно, так как нет потребности в ней со времени распространения керосина, да, кроме того, почти истреблены тощие рощи сосен и елей, растущих на скалистых склонах гор.

Из сказанного ясно видно, что незавидное экономическое положение горцев, на что было обращено внимание бывшего наместника на Кавказ, в настоящее время еще более ухудшилось, а значительная часть населения совсем обеднела; если же принять во внимание то, что население теперь несет такие общественные и казенные повинности, которых не было 50–60 лет назад, то это станет еще яснее. Раньше каждый дом ежегодно платил 5 р. государственной подати и каждое общество 50 р. в год жалованья старшин, а, в общем, на уплату всех общественных и казенных

повинностей каждому дому приходилось платить ежегодно от 5 р. 50 к. до 6 р., в настоящее же время приходится платить каждому дому ежегодно от 15 до 20 р. Те хозяева, которые еще стараются поддерживать свое скотоводческое хозяйство, вынуждены арендовать землю у кабардинцев и казаков на плоскости, а балкарцы арендуют летнее пастбище на южном склоне кавказского хребта в пределах Кутаисской губернии у казны и частных лиц.

Для того, чтобы иметь правильное понятие о положении и жизненных условиях горцев, надо побывать в жилищах обыкновенных труженников горцев, а не у сельских старшин, назначенных администрацией, и у единичных, сравнительно зажиточных лиц, как это делают чины различных ведомств и туристы, и надо видеть ежедневную пищу и одежду горцев. Трудно представить себе худшие условия жизни. Изба среднего русского крестьянина в сравнении с саклей горца – дворец. Постоянная пища горца состоит из печенного в золе чурека, сделанного из ячменной или кукурузной муки. При этом горец работает круглый год, так как у горцев в году только два больших праздника по 2–3 дня каждый, а по пятницам они работу прекращают только на время полуденной молитвы (джума) часа на два. Горцы ведут трезвую жизнь, питейных домов у них нет. Чиновники, туристы и люди науки обыкновенно посещают горские общества летом, когда скалы, камни, даже земляные крыши домов покрыты зеленью и люди выглядят бодрыми. По этому впечатлению составляют понятие о земле и людях.

Надо бывать в горах поздней осенью и зимою, чтобы составить правильное понятие о земле и условиях жизни горцев. Такое безвыходное положение горцев является причиной заметного в последнее время стремления массы к переселению в Турцию, несмотря на сильную привязанность горцев к родине.

Но местная администрация не хочет этого видеть и понять, и ищет какие-то другие, не существующие причины с «политической» подкладкой, чем вводит в заблуждение правительство и вселяет своими действиями недоверие к правительству со стороны горцев. Мне могут задать вопрос, почему же горцы молчат и не заботятся об улучшении своей участи?

Постараюсь дать точный ответ на этот вопрос.

Горцы, имея издавна сношение с Грузией через горы, по-видимому, больше, чем плоскостное население Кабарды, были осведомлены о силе русского государства; кроме того, этому маленькому народу, не имеющему по языку и национальности ничего общего с кабардинцами, осетинами и грузинами, приходилось вести постоянную борьбу из-за сохранения своей самостоятельности и своей территории с соседним, сравнительно многочисленным, кабардинским племенем, – с одной стороны, и постоянные столкновения с осетинами и сванетами – с другой. Эти обстоятельства, как я полагаю, и послужили поводом к тому, что горцы решили присоединиться к России и пользоваться ее покровительством.

В самом начале прошлого столетия представители таубиев от всех горских обществ пробрались секретно через Кабарду в Став-

рополь, явились к главнокомандующему русской армией и заявили, что они и народ их принимают русское подданство. При этом одним из главных пунктов условий присоединения было поставлено сохранение за горцами навсегда право собственности на их земли, границею которых со стороны Кабарды они считали линию, проходящую у подножия гор, т.е. ту линию, по которой, за некоторыми уклонениями, впоследствии были поставлены русские посты-крепости. А что эта линия служила границей горской территории со стороны Кабарды доказывается сохранявшимся каменными плитками, на которых высечена надпись на горском (татарском) языке, помеченная 1127 годом мусульманского летоисчисления и гласящая, что пограничный спор между «подвластной крымскому хану Кабардой», с одной стороны, и балкарскими народами, с другой, – решен третьейским судом, состоявшим из одного сванетского князя Отарова, крымского Мурзы Сарсарова, дагестанского князя Агалархана и из выборных от самих кабардинцев и горцев, и границею установлена вышеуказанная линия.

В 1852 г. по Высочайшему повелению вызвана была в Петербург депутация, состоявшая из горских таубиев, выборных от каждой фамилии, которая была принята Государем Императором Николаем I. Император лично выслушал желания и просьбы депутатов, которые тут же были произведены в офицеры с назначением им пенсий. В числе главных пунктов просьбы этой депутации первое место занимал пункт о сохранении за ними права владения и пользования полянами, расположенными на северной стороне гор, вне своей горской территории. Затем, горцы все время систематически продолжают плакать о недостатках земли, не пропуская ни одного случая приезда начальствующих лиц, назначения новых начальников и т.п. Одни из этих начальников отделялись словами, другие относились сочувственно и обещали свою помощь, но жалобы и просьбы горцев дальше Владикавказа не пропускались или же освещались в ином виде. Но вот в последнее десятилетие нашлись и такие господа из чиновников, как, например, чиновник местного межевого управления г.Тульчинский, которые стали уверять письменно и словесно, официально и частно всех, в том числе и самих горцев, в том, что если уничтожить в горах поземельную собственность и все земли распределить между всеми поровну, то для всех земли будет достаточно и горцы будут блаженствовать, забывая при этом, что в горах нет ни одного землевладельца, которому хватило бы на собственное пропитание хлеба своего посева на собственной земле, при самой тщательной обработке путем удобрения и орошения, и сена со своего участка на прокорм скота. Точно также ни один землевладелец-горец не имеет собственного весеннего и осеннего пастбищ.

ГОРСКИЕ АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ – 2

Чинам местного управления государственных имуществ тоже

надо показать свою деятельность. Если они и не принесут особенной материальной пользы государству, если они будут нарушать законные права местного населения и причинять этому населению ущерб и убытки во имя, якобы, интересов казны, если даже их действия будут угрожать тем, что горцы, убедившись в отсутствии справедливости на родине и потеряв надежду на улучшение своего положения, уйдут поголовно из гор, и там будут выть только волки, ибо в эти неприступные тущобы другие люди едва ли пойдут, а если бы и пошли, то не в состоянии будут так жить, – все это ничего, лишь бы говорили об этих чиновниках, что они работают, а они получали бы свое.

Чиновники так же, как и г. Тульчинский, поставили себе целью уничтожить в горских обществах права собственности на земли как частных лиц, так и обществ в пользу казны. Но для достижения этой цели нужно было, во-первых, затянуть окончательное решение поземельного вопроса в горной полосе, что и удалось вполне, и этот вопрос до сего времени остается нерешенным, несмотря на то, что проект решения его был Высочайше утвержден полвека тому назад. Во-вторых, нужно было, чтобы между горцами возникли взаимные споры и судебные процессы о землях, дабы воспользоваться ими, как данными, доказывающими, якобы, отсутствие поземельной собственности в горах, или чтобы управление государственных имуществ могло вступить в дела в качестве 3-го лица и отвоевать от спорящих бедных и не развитых людей спорную землю в казну. В этом направлении тоже достигли кое-каких результатов...

Местная же администрация тоже не отказывает в своем, если не прямо, открытом, то в косвенном содействии чинам управления государственных имуществ в их деятельности. Чем все это кончится – неизвестно, но суть дела заключается в том, что горцы уже сбиты с толку и совместная их забота о своей судьбе парализована. А последствием этого является убеждение значительной части горского населения в бесполезности дальнейших жалоб и просьб и необходимости, как последний исход, бросить родину и искать счастья в Турции. О движении горцев и переселении в Турцию, в чем играет большую роль указанная причина, необходимо несколько распространиться. Поэтому я нахожу нужным поговорить об этом особо и сделаю это в следующий раз*, а здесь должен упомянуть о некоторых случаях, характеризующих отношение ближайшей местной администрации к нуждам горцев в самое последнее время.

Новый начальник объезжает первый раз селения своего округа и в каждом селении к назначенному сроку, как это принято, около сельского правления все жители собираются на сход для встечи начальника. При этом каждый сход назначает двух-трех человек из своей среды, которые обязаны давать от имени схода

---

* Возможно, имеется в виду статья «Большой вопрос», напечатанная позже в журнале «Мусульманин» (Сост.).

ответы начальнику на его вопросы и заявлять о желаних общества в присутствии схода.

На одном таком сходе горского селения на вопрос начальника: не имеет ли общество какой-либо просьбы или жалобы? — выборные заявили о том, о чем горцы всегда и каждому начальнику заявляли, т.е. о недостатке земли, с указанием способа, как им можно помочь. Начальник ответил приблизительно такими словами: «Это дело уже решено начальством, и кто осмелится поднять вновь этот вопрос, тех я заставлю молчать! С тех следует шкуру снять!». Выборные замолчали и сход, ошалев от этих угроз, отказался от дальнейших заявлений о своих нуждах. В другом большом обществе, когда представители бедной части жителей (а они — большинство) заявили о неимении земли, тот же начальник ответил, что он «в кармане им земли не принес, и принимать подобных заявлений не будет», а затем жалобщиков приказал удалить... Узнав об этих случаях, в других обществах подобных вопросов не возбуждали.

Для полноты картины настоящего положения населения горских обществ необходимо заметить следующее: в последнее десятилетие разные предприниматели начали находить в горах признаки некоторых ценных руд и повели с хозяевами местонахождения руд, как с обществами, так и с частными лицами, переговоры об условиях разведок и эксплуатации. Горцы обрадовались. У них появилась надежда на возможность дальнейшего существования у себя на родине и охотно начали сходить с предпринимателями...

Но последовало быстрое разочарование: горцам объявили, что земли их вовсе им не принадлежат, а принадлежат они казне, и что горцы могут получать вознаграждения только «за порчу поверхности земли», а за недра получит казна, поэтому они не вправе входить в соглашение с предпринимателями самостоятельно. Представьте себе недоумение горцев: они веками считали себя собственниками своих гор, а теперь им говорят, что они не хозяева своей собственности, и затем как понять горцу, что земля будет принадлежать одному, а то, что окажется в земле ценного, будет принадлежать другому? Горцы так и не поняли этого и перестали входить в соглашения с предпринимателями, рекомендуемыми административными чинами, т.е. с теми, которые снабжались официальным разрешением на право соглашения с обществами относительно поверхности земли. Начались всевозможные переписи; горцам объявлялись на сходах чинами администрации по этому делу всякие циркуляры областного правления, часто один противоречивший другому в подробностях, но в общем все они доказали несчастным горцам, что они лишаются права собственности на свои земли.

Объявлен был и такой циркуляр, что если горские общества не будут входить в соглашение с лицами, которые получают на то разрешение от областного правления об уступке поверхности земли, то без их согласия само правительство будет отдавать участ-

ки предпринимателям для эксплуатации руд. Горцы сначала не хотели всему этому верить, придерживаясь обещания наместника, что никто и никогда не отнимет у них их земель, поэтому не соглашались заключать договора с предпринимателями на объявленных условиях, и дела эти затягивались. Между тем горцам становится все труднее и труднее жить. Чувствуя себя бессильными в борьбе с сильными противниками и в надежде, что с развитием горнопромышленности они будут иметь хоть некоторый заработок и сбыт кое-каких своих продуктов, горцы решили подчиниться требованиям администрации и начали входить в соглашения с предпринимателями о предоставлении им права разведки и эксплуатации руд, но и тут дело не спорится: общественные их приговоры тормозятся то у старшины, то у начальников участка и округа, то дальше где-нибудь, то они возвращаются обратно и горцев опять собирают на сходы, отрывая их от работы. Таким образом, ни одно дело еще не совершилось, и люди сомневаются в том, чтобы когда-нибудь началось какое-либо горнопромышленное предприятие. Другое дело заключается в том, что года четыре назад объявили горцам, что податная система изменяется, что все жители на Кавказе, в том числе и горцы, будут платить подать пропорционально количеству и качеству занимаемых ими земель — казенных и своих. Горцы, не поняв сразу суть дела, опять обрадовались, полагая, что они будут платить за свои плохие земли ничтожный поземельный налог. Они знают, что частные собственники плоскостной хорошей земли платят налог по 2–3 коп. с десятины взамен пяти рублевой подымной подати. Но горцам суждено было еще раз разочароваться. Мало того, что произвольно не признают за горцами права собственности на земли, которыми они владеют на праве собственности веками, что подтверждено полвека тому назад высшею властью, их обложили оброчной податью, но земли их по качеству почти приравняли к плоскостным землям и, в общем, размеры подати значительно увеличились. Так как не измерялась общая площадь более или менее удобной земли в горах и не определялись отдельные количества ее у каждого хозяина, а межевому управлению известно только приблизительное количество десятин всей горной полосы, не исключая скал и снеговых пространств, занимаемой горскими обществами, то местной администрации угодно было произвольно определить количество десятин пахотной, покосной и пастбищной земли в каждом обществе, заботясь только о том, чтобы увеличился размер податной суммы.

О неудобстве применения новой податной системы в горских обществах до окончательного разрешения там поземельного вопроса поступили тогда же к бывшему окружному начальнику полковнику Попову обстоятельные заявления и доклады, и надо отдать ему справедливость, он отнесся к этому делу серьезно и от себя вошел с представлениями в этом же духе, но, как слышно, ему ответили, что князь Голицын дал в Петербурге слово провести новую систему на всем Кавказе, поэтому так или иначе его надо

оправдать... Тогда, как говорится, для очистки совести, экстренно собрали через сельских старшин какие-то сведения о количестве копен хлеба и сена у каждого хозяина. На основании этих сведений определили общее количество удобной и неудобной земли в каждом обществе, назначили произвольную цифру доходности земель и определили общие суммы подати для каждого общества, предоставив самим жителям произвести разверстку или раскладку подати между собою. Едва ли нужно говорить о том, что правильные раскладки немислимы при отсутствии точных сведений о количестве десятин земли у каждого хозяина. Ежегодно на этой почве происходят раздоры и недоразумения в каждом обществе. Горцы, собравшись кое-как с силами, подавали коллективные жалобы и просьбы о неправильном обложении их оброчной податью, но местная казенная палата ограничилась короткими ответами, что просьбы оставляются без последствий, и горцы, не имея ни средств, ни умения защищать свои права и интересы, при том сбиваемые с толку гг. вроде Тульчинского, дальше не продвинулись. Одни, по-видимому, как истинные мусульмане, покорились судьбе, другие ожидают, что бог когда-нибудь заступит-ся за них, а третьи изверились во всем и стремятся уйти подальше от родины. При таком придавленном нравственном и экономическом положении, в каком сейчас находятся горцы, едва ли допустимо, чтобы они скоро вышли из первоначального состояния и приобщились к остальному миру.

Этим объясняется и отсутствие признаков существования в России горского народа в то время, когда все мусульмане со всех концов обширной Российской империи вострепнулись и заговорили о себе. Но будем надеяться, что обещанный новый режим даст возможность жизненной силе подняться, а она, по-видимому, еще не вполне заглохла в горах.

АУЛ ШЕНЖИЙ

В ауле 230 дворов черкесского населения. За последнее время здесь сильно распространилась оспа, замечаются и другие заболевания. Черкес часто укоряют в недоверии к медицине. Теперь возникает вопрос: каким же путем могут черкесы ознакомиться с пользой ее, когда выписанный еще в апреле месяце с. г. ящик с лекарствами стоит нераскупоренный в аульном правлении под скамьей? Когда черкесы, нуждающиеся в лекарствах, приходят в правление для того, чтобы получить их, то старшина заявляет, что это не его дело выдавать лекарства, распорядиться этим должен старший врач по отделу, которого он уже несколько раз просил приехать, но врач не является и никого другого не присылает, и нуждающееся в медицинской помощи население удовлетворяется тем, что посмотрит на запечатанный ящик с лекарствами в аульном правлении, вздохнет и уйдет.

Когда же, наконец, соблаговолите приехать к нам, господин врач, или пришлете другого?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МУСУЛЬМАНИН»

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Пользуясь свободным часом, прочел статью вашу о кавказских горцах в мусульманском отделе при журнале «Братская помощь» и хочу написать вам несколько строк по поводу писем, приведенных вами в этой статье о Кабарде.

Правда, кабардинцы, да и все почти адыги, отстали от осетин, ингушей и др., если судить по количеству грамотных по-русски лиц, чиновников и офицеров. Но разве степень культурности нации можно определить одним лишь количеством воинов и чиновников? Если бы это служило верным признаком культурности, то пришлось бы признать большой ошибкой мнения тех, которые считают Россию отсталой в сравнении с Западной Европой. Я не хочу сказать этим, что русская грамотность не нужна для горцев и что нехорошо быть чиновниками и офицерами в своем государстве...

Но молодые авторы писем, мне кажется, слишком строги по отношению к Кабарде, в особенности один из них. Эта строгость, быть может, основана на горячей любви к своим родичам, но тем не менее позволю себе полагать, что тот именно, который беспощадно бранит кабардинцев, мало изучил Кабарду, дух и психологию этого народа. Если бы он лучше ознакомился с историей, жизнью, бытом и духом своих кабардинцев, прежним положением Кабарды среди других народностей Кавказа, историей присоединения их к России и т. д., то он знал бы, что раньше других народностей Кавказа кабардинцы имели офицеров до чина генерала в русской армии и даже людей с высшим и средним образованием, открывали русские школы и назначали стипендии из кабардинских общественных средств желающим учиться. В связи с этим он узнал бы и о причинах, заставивших кабардинцев отстать от соседей в русской цивилизации.

В том смысле, в каком я понимаю культуру, я все-таки Кабарду считаю не ниже осетин в общей массе. Это мое мнение не основано на симпатии или антипатии к тем или другим, тем более, что, в сущности, по происхождению я не кабардинец, а основано на знании кабардинцев и осетин. К сожалению, я не имею возможности, за отсутствием времени, в кратких словах привести все данные, на основании которых кабардинцев считаю не ниже осетин в культурном отношении.

Скажу одно пока, что кабардинцев в самом начале напугало образование в русских учебных заведениях тем, что эти заведения начали из их детей делать только чиновников и офицеров, отрывая их окончательно от родины и одновременно расшатывая в них религиозное чувство, а у этого народа национальное и, в

особенности, религиозное чувство сильно развито, хотя религиозного фанатизма, в полном смысле этого слова, у них нет.

Следовало бы нашим молодым интеллигентным людям, чтобы поправить дело, побольше времени проводить среди своих, свысока не смотреть на них и, не ограничиваясь одной бранью, напавать их словом, делом и личным примером на путь прогресса.

Тогда в Кабарде увидят, что учение в русских учебных заведениях не только приготавливает кавалерийских офицеров – кутил и чиновников, занятых исключительно своей узкой служебной деятельностью, но дает и общественных деятелей, в самом широком смысле этого слова, которые, будучи образованными людьми, остаются мусульманами и кабардинцами, и в скором будущем все убедятся в том, что кабардинцы по натуре не враги истинной культуры и образования.

ГОРЦАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Из разных мест Кавказа поступили и поступают редактору журнала «Мусульманин» письма, в которых выражается искренняя радость по поводу появления этого органа печати. Это очень приятно и хочется верить, что у мусульман Кавказа назрела потребность выйти из замкнутости к общению с остальным миром и между собою. А раз есть такая потребность, то, значит, есть и люди, которые могут не только читать, но и писать, есть, следовательно, и надежда на то, что издание это будет поддержано многими сочувствующими лицами работой в журнале и распространением его путем привлечения подписчиков.

Но, к сожалению, в первых номерах журнала очень мало было статей от мусульман Терской и Кубанской областей. Между тем в аулах этих областей достаточно грамотных, окончивших уездные училища – Нальчикское, Грозненское, Назрановское и Майкопское, живущих в своих аулах. Есть лица, окончившие средние учебные заведения, вышедшие из старших классов гимназий, окончившие фельдшерские школы, учительскую семинарию и двухклассные училища.

Из числа их некоторые служат в своих аулах, как, например, в Карачае, учителями, фельдшерами, писцами, переводчиками, занимаются и другими делами. Эти-то лица, живя постоянно среди своих, могли бы давать непрерывно ценный материал для молодого журнала, а главное то, что они могли бы писать о повседневной жизни сельчан, интересуя, таким образом, последних. Мужчины, женщины, старые и малые с удовольствием слушали бы о том, что делается в чужих краях и у себя дома. Что же касается чтецов, то они найдутся в каждом ауле. Я уверен, что тогда даже старики начали бы выписывать журнал, чтобы их сыновья и внуки-школьники читали бы им.

Как горец, и уже немолодой, я позволяю себе обратиться к своим землякам – учителям, фельдшерам и другим грамотным

людям с предложением поработать на пользу своих единомышленников и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно побудить к этому и чувство долга, т. к. почти все учились на средства общества, потому в свою очередь обязаны учить не только маленьких детей, но и взрослых.

Быть может, некоторые из вас стесняются писать в журнал вследствие отсутствия привычки выражать свои мысли печатно, но, во-первых, редактор любезно предупреждает, что сама редакция пойдет на помощь, а во-вторых, из вас каждый пишет письма к друзьям и знакомым о событиях, пишет различные прошения, толково излагая суть дела. Точно в такой же форме вы могли бы писать и в редакцию журнала, помогая ему разобраться в массе важных вопросов.

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Главным тормозом для горцев-мусульман в деле улучшения своего экономического положения на родине, образования, культуры, да и во всем служит вопрос о переселении в Турцию, периодически поднимающийся в народе начиная с 60-х годов прошлого столетия. На моих глазах несколько раз начиналось сильное движение к переселению. Люди оставляли недостроенными начатые дома, в приготовленные ямы для посадки деревьев не сажали их, продавалось имущество, и лица, желавшие купить земли, отказывались от покупки, а владельцы земель продавали их за бесценок посторонним, пришлым людям, родители брали своих детей из русских школ и т. д. Попутно с этим дурной элемент усиленно начинал заниматься кражами и грабежами, якобы запасаясь средствами для переселения, а местная администрация начинала, естественно, принимать репрессивные меры против всего населения, одновременно создавая и исключительные законы вроде «Правил об охране имущества русского населения от хищничества туземцев», что еще более усугубляло движение к переселению, как это было в 80-х годах в бытность главноначальствующего на Кавказе Дондукова-Корсакова...¹

Одни переселялись², другие оставались, почти лишившись состояния, и вновь принимались за хозяйство. Когда утихало это движение на несколько лет, население успокаивалось и вновь стремилось к улучшению своего имущества и отдавало детей своих в русские школы. Но вдруг являлся откуда-то новый толчок, и повторялось то же, что и раньше, и продолжается, к сожалению, до сего времени.

Несмотря на то, что значительная часть переселенцев возвращается ежегодно обратно, разоренная, изнуренная и лишившаяся членов своих семей, тем не менее новые партии идут в Турцию, по-старому распродавая за бесценок свое имущество.

При поверхностном взгляде на это странное явление оно кажется не поддающимся объяснению, но если присмотреться бли-

же, то можно найти причину. Причины эти довольно сложные, устранить их окончательно нелегко и едва ли возможно в ближайшем времени, однако те немногие интеллигентные горцы-мусульмане, которым дорого благополучие своих племен, должны работать серьезно с целью выяснения этих причин и устранения их, ибо недостаточно сказать: «Не переселяйтесь».

В русском обществе сложилось мнение, что будто бы единственная причина стремления горцев в Турцию — религиозный фанатизм, а в одно время приписывали и влиянию турецкого правительства. Это мнение поддерживали и кавказские администраторы. Но мнение это ошибочное, и если местная администрация остается убежденной в своем мнении, то приходится сожалеть, что она недостаточно осведомлена. Несомненно, среди переселенцев есть люди, которых тянет в мусульманское государство и религиозное чувство, но главную роль играют не эти чувства, а экономические, политические и иные условия. Есть веские основания полагать, что истинные причины непрекращающегося переселения горцев в Турцию не вполне известны высшим правительственным сферам. Тем более, молодым (старых почти нет) интеллигентным мусульманам-горцам следует заняться выяснением этих причин.

КАБАРДА ПРОСНУЛАСЬ

Отрадно отметить, что Кабарда и сопредельные с ней горские общества Нальчикского округа, наконец, вступили на культурную дорогу. Для меня лично это вдвойне приятно, потому что, во-первых, я сам член этой семьи, хотя, к сожалению, в настоящее время живу на стороне, и, во-вторых, оправдывается мое предположение, высказанное мною в письме, помещенном на страницах «Мусульманина» (№ 4, 1910), относительно необходимости поселения образованной молодежи среди своих родичей.

Кабарда уже имеет свое реальное училище, свою больницу, своего доктора и даже своего юрисконсульта. Она могла бы иметь все это несколько десятков лет тому назад, если бы хоть те несколько человек молодых людей, получивших раньше высшее и среднее образование, пользуясь стипендией своего народа, возвращались домой, не оставаясь на стороне.

Красноречивым доказательством этого служит история преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище и открытие приемного покоя для больных. Еще в 80-х годах прошлого столетия население Кабарды и горских обществ возбудило ходатайство о преобразовании Нальчикской горской школы в гимназию или реальное училище, обязываясь выстроить на свои средства соответствующее здание и ежегодно отпускать известную сумму.

Тогда же был выработан план здания, стоивший 500 рублей. Кавказская администрация одобрила это ходатайство и представила в надлежащее министерство, но, когда дело поступило к попе-

чителю Кавказского учебного округа на заключение, то, по-видимому, последний счел для себя оскорблением представление, сделанное администрацией, минуя его, и выступил с мнением, что будто бы кабардинцы не доросли до того, чтобы у них была гимназия и дети их получали такое образование, и завязалась бесконечная переписка между военным министерством и Кабардою, с одной стороны, и Министерством народного просвещения – с другой, которая окончилась недавно, и только два года тому назад осуществилось желание Кабарды. Почти такое же прошлое имеет и приемный покой. Он был создан и временно помещен в казенном доме при просвещенном содействии бывшего начальника округа полковника Браккера. Врачом временно был приглашен доктор Далгат¹, и затем был заложен фундамент нового больничного здания. Но по уходе Браккера временный начальник округа подполковник Чугулиев оказал благосклонное содействие к закрытию покоя, несмотря на то, что в больных недостатка не было и затрачены были значительные деньги на инвентарь, медицинские инструменты и на фундамент. Причина этому – отсутствие интеллигентных лиц.

Несколько позже был поднят вопрос о приглашении постоянного юрисконсульта со специальным образованием для ведения имеющихся серьезных общественных дел. Но и это дело затормозилось вследствие административной затяжки и отчасти неимения своих юристов. В последние 2–3 года картина изменилась. На съезде уполномоченных от населения начала появляться своя, хотя и немногочисленная, интеллигентная молодежь и стала помогать прогрессивному элементу в проведении культурных начал, а затем явились молодые юристы и врачи из своих и некоторые из них начали работать на родине, как, например, врач Шогенов² и юристы Шаханов³ и Чежоков⁴. Благоприятные результаты всего этого не заставили себя долго ждать – осенний съезд истекшего 1910 г. Уполномоченные Кабарды и горцев решили, между прочим, вновь открыть больницу и пригласить в нее врачом своего кабардинца Шогенова, создать должность юрисконсульта и пригласить на эту должность своего же юриста Шаханова и, наконец, увеличить число народных стипендий в средних учебных заведениях. Пожелаем, чтобы и остальные горские племена последовали за проснувшейся Кабардой и сама Кабарда чтобы не остановилась на этом.

БАЛКАРИЯ

Исторический очерк

I

В Нальчикском округе Терской области, внутри гор, по ущельям рек Чегема, Черека и Баксана, берущих начала у ледников Кавказ-

ских гор – великанов Каштан-Тау, Дых-Тау и Минги-Тау (Эльбрус), издавна живет горское племя, составляющее пять отдельных обществ: Балкарское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское и Баксанское (Урусбиевское). Общества эти, состоя каждое из небольших отдельных аулов и поселков, расположенных по ущелью недалеко друг от друга, в административном отношении причислены к Нальчикскому округу Терской области и официально носят название «Пять горских обществ, сопредельных с Большой Кабардою», но жители этих обществ называются общим именем «балкарцы», по имени самого большого общества – Балкарского. Народонаселение всех пяти обществ с вновь образовавшимися из них аулами в настоящее время не превышает 25 тысяч душ. Религия горцев мусульманская, говорят они на татарском наречии, более близком к простонародному, деревенскому, турецкому языку, но обычаи, нравы, образ жизни и костюм этого народа не похожи на татарские и турецкие. По языку, религии, обычаям и другим качествам этому племени родственно племя «карачай», занимающее горные ущелья в верховьях реки Кубани, берущей начало у ледников горы Эльбрус.

Племена эти своей письменности не имеют, и историю их можно почерпнуть только из устных преданий и песен. В русской литературе кое-что писалось иногда об этом народе. Так, например, в последнее время писали о нем гг. профессора Ковалевский¹ и Миллер², они же, между прочим, называли этих горцев «кавказскими татарами»³. До принятия русского подданства балкарцы управлялись своими князьями «таубий» (тау – гора, бий – князь). Таубии в XVIII и начале XIX века окончательно присягнули русскому царю и привели к присяге на подданство свои народы, как это выражено в документах, и с того времени горцы ведут совершенно мирную жизнь. Горцы – народ очень трудолюбивый, каждый более или менее удобный клочок земли в тущобах и на крутых склонах гор обрабатывается тщательно, очищается от камней, удобряется навозом, который продается корзинами, орошается водою, которая проводится искусственно иногда верст за 10 по висячим желобам, и стоимость десятины такой удобренной земли в продаже доходит нередко до 2 тысяч руб. Ввиду недостаточности удобных мест для посева хлебов народ занимается преимущественно скотоводством, перегоняя скот с места на место и, в общем, живет сравнительно не бедно.

Этот народ, несмотря на свою немногочисленность и неудобство занимаемой им земли, сумел сохранить независимость и самостоятельность до покорения Кавказа Россией, поэтому предания о появлении его в кавказских горных тущобах, образ правления и т. п., могущие служить материалом для истории его, не безынтересны, по крайней мере, для самих горцев.

Начну с предания об образовании самого древнего общества «Малкар», переделанного, вероятно для благозвучия, в русских официальных бумагах в Балкарское общество. Предание это повествует следующее: в прежние времена ущелье реки Череха

было покрыто дремучим лесом с небольшими открытыми полянами. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в это ущелье один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя «таулу» (в переводе – горец). Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь. Но вот однажды является в горы неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкаровых, которых в это время было 9 братьев, взрослых мужчин, и единственная их сестра – красавица и умница. Гость был принят радушно. Подружившись с хозяевами, он вместе с ними ходил на охоту и против неприятелей, всегда отличаясь умом и храбростью, и этим привлек к себе внимание красавицы, сестры Малкаровых. В конце концов, они влюбились друг в друга, но гордые братья Малкаровы не согласились на брак единственной любимой своей сестры с пришельцем неизвестного происхождения. Тогда она решила пожертвовать жизнью своих братьев ради личного счастья и спасения жизни возлюбленного. Злой умысел свой влюбленные привели в исполнение следующим образом. Покос сена на поляне под названием «Зына» у Малкаровых считался священнодействием и обыкновенно начинался торжественно при участии всех мужчин; обычай этот сохранился в Балкарии и до сих пор. Заговорщики решили воспользоваться этим торжественным днем для приведения в исполнение своего коварного замысла, а до того времени сговорились вести себя так, что будто они покорились воле братьев и гость скоро уедет. Коварная сестра Малкаровых, как распорядительница в доме, приготовила ко дню покоса в Зына самый крепкий горский напиток из ячменя под названием «сра»⁴ (это среднее между пивом и портером). В день торжества сама отправилась на место покоса и сильно напоила своих братьев так, что они тут же, в поле, крепко заснули. Тогда Мисака убил их всех.

Женившись на Малкаровой, Мисака завладел землею и другим имуществом Малкаровых, привел туда из плоскости и других людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которых в конце концов превратил в своих данников. Потомки Мисака ныне носят фамилию Мисаковых и значатся в числе балкарских таубиев, а потомки рода таулу составляют теперь жителей поселка Сауты: они до освобождения в горах крестьян назывались «джа-сакчи», т. е. данники.

Через некоторое время после этих событий в ущелье, получившее уже название «Малкар», по имени охотника, открывшего его с первыми поселенцами таулу, является воин по имени Басиат верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. Порох в его руке воспламенялся, и

раздавался выстрел, когда он подносил к дырочкам ствола ружья огонь (надо полагать, это было фитильное ружье). Басиат производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что они добровольно подчиняются ему, но он, однако, у Мисаков не отнимает прав их по отношению к таулу.

После этого народонаселение ущелья начинает быстро увеличиваться под искусным управлением Басиата, о происхождении которого существует следующее предание: два брата Басият и Бадилят прибыли на Кавказ из Венгрии (по другому преданию – из Крыма) и сначала пробрались в ущелье реки Урух, где жили дигорцы (и теперь живут) из племени осетин (ныне – Стыр-Дигорский приход Владикавказского округа). У братьев этих были ружья, одна лошадь и один мул. На равнине на лошади поехал старший брат Басиат, а в горах он пересел на мула, а дигорцы, не видавшие до этого времени лошади, Бадилята приняли за старшего и оказали ему больше почета, а после одного случая они его признали за необыкновенного человека и стали ему подчиняться.

Случай этот следующий: враждебное племя угнало у дигорцев скотину, Бадилят пустился в погоню за неприятелем и, догнав его, выстрелил по нему из своего ружья, и неприятель, не имевший понятия об огнестрельном оружии, испугался звука и дыма, происшедших от выстрела, бросил скот и убежал. После этого Басиат решил искать счастья в другом месте, переехав через высокие хребты гор, отделявшие Дигорское ущелье от Малкарского, поехал к малкарам (балкарцам), где и был принят, как сказано выше.

Потомки Басиата ныне составляют фамилии таубиев Балкарского общества: Абаевы, Жанхотовы, Айдебуловы и Шахановы. Так образовалось «Малкар-эль», т. е. Балкарское общество. Предание это надо дополнить краткими описаниями организации управления народом, созданной родоначальником таубиев Басиатом и существовавшей до введения нынешнего положения об управлении аульными обществами, т. е. до 70-х годов прошлого столетия.

Верховная власть принадлежала таубиям, 2-е сословие составляли «уздени» и «эмчеки», 3-е – «чагары» и, наконец, «казаки» и «карабаши». Узденями назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях, исполнять их поручения, сопровождать их при поездках и вообще исполнять, так сказать, дворянские обязанности при дворах таубиев. Эмчеки – тоже люди свободного происхождения, но находящиеся под покровительством таубиев, несли известные повинности лично и материально по отношению к таубиям за покровительство; таубии иногда отдавали им на бессрочное пользование и участки земли для поддержания их, но за это получали от них часть калыма за их сестер и дочерей. Чагары – это то же, что русские крестьяне, принадлежали таубиям. Казаки и карабаши – это домашние рабы и рабыни таубиев из людей, взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных. В числе их были имеретины, сванеты, осетины, чеченцы, кумыки, кабардин-

цы и даже попадались русские из беглых солдат. Слово «казак» значит одинокий, бездомный, бесприютный, «карабаш» – состоит из двух слов: кара и баш, т. е. черная голова, так назывались рабыни.

Старейший и достойнейший из таубиев носил звание «олий», и он правил всем народом. При нем существовали народный суд и судилище под названием «тёре». В этом суде заседали представители от таубиев, узденей и при разборе крестьянских дел – и от чагаров, и в нем разбирались и решались окончательно все гражданские и уголовные дела словесно и утверждались «олием» на словах же; но позднее, при окончательном водворении мусульманской религии, принимал участие в заседаниях суда духовный судья «кадий», который писал документы о решениях на арабском языке. Распоряжения олия беспрекословно исполняли все, не исключая и таубиев и узденей, и так называемые «бегеули» из простых людей – это рассыльные и глашатаи.

Каждый мужчина из таубиев, узденей и эмчеков должен был иметь оружие и коня и по первому призыву олия явиться готовым к походу и войне с неприятелем, а в мирное время мужчины упражнялись в стрельбе, верховой езде, борьбе и играх на открытом поле. Один из олиев Сосран Абаев, живший больше двухсот лет тому назад, даже создал из своих чагаров особых стрелков, потомки которых и до сих пор являются отличными охотниками.

Весною и осенью, когда скот – лошади и овцы – перегонялся на плоскость и на пастбище, молодые таубии с узденями выезжали на плоскость и становились лагерями для охраны животных и пастухов от соседнего племени кабардинцев. В остальное время содержались караулы по ущельям и на перевалах в Грузию, Имеретию, Сванетию, и также со стороны Осетии.

Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения, олий сзывал на сход все население и предлагал народу решить вопрос, и решение народа моментально приводилось в исполнение.

Вот в общих чертах государственный, если можно так выразиться, строй, существовавший в маленьком, но самостоятельном народе Балкарии до присоединения его к России.

В религиозном отношении все данные говорят о том, что в Балкарии раньше соперничали между собою язычество и христианство, потом явилось магометанство, которое, вытеснив язычество и зачатки христианства, окончательно укоренилось, хотя и довольно поздно.

Предания об образовании остальных обществ похожи, в общем, на предание о «Малкаре». Общества Безенгиевское и Хуламское занимают ущелье р. Кичичерек (Младший Черек) – притока р. Черема. Чегемское общество занимает ущелье р. Чегема и Урусбиевское (Баксанское) – ущелье р. Баксана. Во всех обществах таубии считаются пришлыми, и они по отношению к населению играли ту же роль, какую играли балкарские таубии, но организация управления не была так твердо и определенно установлена,

как в балкарском обществе, и для разрешения особо важных вопросов и споров они обращались в Балкарское «тёре». Это происходило, по-видимому, потому, что эти общества позже образовались и были сравнительно небольшими. Правителями в этих обществах были таубии: в Безенги – Суншевы, в Хуламе – Шакмано-вы, в Чегеме – Балкаровы, Барасбиевы, Кучуковы, Келеметовы. Баксанское (Урусбиевское) общество считается самым молодым, и историю его образования можно считать более достоверной. Оно занимает верховье р. Баксана и расположено почти у подножия горы Эльбрус и официально называется Урусбиевским обществом по фамилии таубиев Урусбиевых.

Ущелье реки Баксан сравнительно с другими более доступное, т. к. дорога идет по дну, крутых подъемов и спусков не имеет, и часть его можно назвать долиной; только приближаясь к главному хребту Кавказских гор, оно суживается, а потом опять расширяется. Вот эту верхнюю часть занимает Урусбиевское общество, а в нижней, широкой и доступной части, служащей и главным выходом на плоскость из Чегемского общества, частью земель владеют таубии Чегемского общества, а некоторые более или менее удобные участки земель находятся во владении одной ветви кабардинской княжеской фамилии Атажукиных. Но, как гласят старые легенды и предания, Атажукины и чегемцы – поздние владетели, а в древние времена эта долина до теснин, покрытых сплошным сосновым лесом до самых ледников, была занята карачаевским народом, родственным балкарцам и ныне занимающим верховье реки Кубани. Народ этот, теснимый, с одной стороны, кабардинцами, занимающими выход из ущелья, и чегемцами – с другой, нашел себе более удобные места для населения в верховьях р. Кубани и переселился туда. Таким образом, верхняя часть Баксанского ущелья, покрытая сплошным сосновым лесом, и расположенные по бокам его плоскогорья оставались никем не занятыми. В это время возникли раздоры между членами фамилии Суншевых – безенгиевских таубиев, и внук знаменитого, воспетого в старинных парадных песнях Баксануко Суншева⁵ – Чепелеу Урусбиевич Суншев, будучи одиноким и опасаясь за свою жизнь, ушел с матерью сначала в Чегемское общество к родственникам матери. Возмужав и ознакомившись с Баксанским ущельем, решил покинуть навсегда Безенги, забрав оттуда своих узденей, эмчеков и холопов с их семействами, и, поддерживаемый первое время родственниками своей матери – чегемскими таубиями, поселился в Баксанском ущелье перед входом в теснину, недалеко от границы атажукинских владений, на участке под названием «Камык».

Отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым, по имени своего отца. Через некоторое время, ознакомившись хорошо с ущельем, этот энергичный пионер переселился выше, в глубь теснины, на лесную поляну, у подошвы ледников Эльбруса, и стал увеличивать население свое, принимая к себе в качестве холопов, узденей и эмчеков разных

пришельцев и отводя им места для поселения по своему усмотрению. Так образовалось первое поселение в верховьях р. Баксана.

У Чепелеу Урусбиева и его потомков скоро появились и завистники в лице кабардинских князей Атажукиных и чегемских таубиев, и им приходилось защищать свои владения и скот с оружием в руках, но они не растерялись и продолжали исследовать территорию, избранную ими для житья. Открыли удобный перевал для перехода через нагорный склон Главного хребта в Сванетию, познакомились с владетельными князьями Дадешкелиани, которых горцы называют Хтаровыми⁶, по имени знаменитого Хтара Дадешкелиани⁷, жившего около 300 лет тому назад, и успели, с политической целью, сродниться с ними путем совершения браков.

Родство с воинственными и сильными соседними сванетскими князьями принесло громадную пользу Урусбиевым, они отчасти обязаны им сохранением за собой своих владений в те времена, когда все зависело от силы. Потомок Чепелеу и Урусбиевых – Исмаил Урусбиев⁸, названный «железным человеком», имел уже в своем распоряжении порядочное население и, находясь в самых дружественных отношениях со сванетскими князьями, управляющими воинственным народом, сам начал вести себя вызывающе по отношению к другим соседям – чегемским таубиям и к Атажукиным. Тогда последние заключили союз и решили уничтожить дерзкого Исмаила и начали приготавливаться в поход против него.

Но Исмаил тоже не дремал и, узнавши о намерениях союзников, секретно вызвал сванетское войско и в ожидании неприятеля спрятал его в лесу под снеговым перевалом, а навстречу неприятелю выслал по ущелью незначительный отряд с приказанием, чтобы он постепенно отступал, как бы не выдерживая натиска, и завлек неприятеля в глубь теснины, покрытой лесом. Сам Исмаил занял наблюдательный пункт на одной из господствующих над ущельем сбоку горных вершин, откуда мог бы видеть своих и неприятеля и мог давать своим войскам условные знаки, служившие командой. Неприятель, не встречая сопротивления, увлекся в глубь леса и оказался окруженным войсками Урусбиева с трех сторон. В это время по сигналу Исмаила сванеты под командой князя Чичека Отарова – Дадешкелиани открыли страшный огонь по неприятелю с фронта, а урусбиевские воины с боков, будучи сами прикрыты лесом, так что Атажукину и таубиям Барасбиеву и Келеметову оставался один выход – бежать со своими войсками, пока не был закрыт путь к отступлению, что они и поспешили сделать. Но половина их осталась убитой и раненой на месте сражения, раненым оказался Басиат Барасбеков⁹ и убитым Тогузак Келеметов, Атажукин же спасся бегством с частью войска, бросив на поле битвы своих союзников – раненого Барасбиева и тело Келеметова. Барасбиева урусбиевцы пощадили, зная, что Исмаил Урусбиев был женат на его сестре, и повезли его к ней, но в первое время сестра должна была скрыть его, боясь, чтобы Исмаил в гневе не убил его.

Так неудачно кончился поход князей Атажукиных¹⁰, но Урусбиевы навсегда спасли свои владения и независимость. Об этой войне сложена народная песня. Настоящее поколение Урусбиевых составляют правнуки знаменитого Исмаила Урусбиева.

II

Балкарцы с древних времен имели мирные сношения и военные столкновения с соседними племенами: Грузией, Имеретией, Сванетией с юга, осетинами с запада, карачаевцами с востока и кабардинцами с севера, а также с чеченцами, кумыками и дагестанцами. Балкарцы называют кабардинцев «черкес», осетин ближних «дигорли», «дигор», дальних – «течей», «течейли»¹¹, грузин, имеретин и сванетов называют общим именем «эбзе», подразделяя их на «гурджи-эбзе» (тифлисских), «имерет-эбзе» и т. д. В частности, жителей Рачинского уезда Кутаисской губернии, близко живущих к Балкарскому обществу, балкарцы называют «малкар-эбзе», а сванетов – «шара» и «шкула». Кабардинцы называют балкарцев, осетин и карачаевцев общим именем «кушха», добавляя для различия между ними по отношению к осетинам «тезенкушха», балкарцам «балкар-кушха» и т. д. Осетины кабардинцев называют «кашкон», а балкарцев «ассиаз». В преданиях же об осетинском царе Балкария называется «царством Басиата», т. е. по имени родоначальника балкарских таубиев Басиата.

Балкарцы еще до появления кабардинского народа на занимаемой им ныне местности имели сношения с Грузией, Имеретией, получая оттуда материи, железо, соль, фрукты и т. п., а сами взамен этого отправляли туда разный скот, овечью шерсть, шерстяные изделия – черкески, бурки, войлоки и т. п. Торговля отчасти сохранилась и до сего времени. Существует смутное предание о том, что во время войны Персии с Грузией балкарские таубии как дружественные соседи явились на помощь к грузинскому царю со своими дружинами и стали лагерем около «Золотой церкви», этим именем называют кавказские горцы и поныне монастырь близ города Гори.

С осетинами имели непосредственное сношение и частью столкновения исключительно жители Балкарского общества, их соседи. Столкновения эти происходили главным образом из-за земельной границы.

Малкар-эбзе, т. е. жители Рачинского уезда Кутаисской губернии, также сталкивались с Балкарским обществом. Между Балкарией и вольной Сванетией постоянно происходили враждебные столкновения, и вражда эта тянулась до 70-х годов прошлого столетия: то балкарцы устраивали набеги при удобных случаях на Сванетию и грабили часовни и другое имущество, то сванеты угоняли скот балкарцев с пастбищ, расположенных под перевалами, и эти набеги и угоны кончались часто сражениями. Только княжеская Сванетия, имея сношения с Балкарией через ближайшее Баксанское («Урусбиевское») общество, находилась всегда в дружбе, и князь ее связались родством с таубиями посредством браков.

Между Карачаем и Балкарией враждебных столкновений не было, напротив, несмотря на то, что их разделяет значительное горное пространство, между обоими народами существовала родственная, неразрывная связь.

Сношения балкарцев с туземцами Закавказья происходили в течение летних 3–4 месяцев, а в остальное время пути через перевалы закрывались.

Самым сильным по многочисленности и враждебным племенем для Балкарии являлась Кабарда, занявшая равнины у выходов из ущелий. Кабардинцы явились в этой же роли и по отношению к горцам Осетии, ингушам, карачаевцам и абазинцам. С этим сильным и воинственным племенем пришлось горсти жителей пяти обществ Балкарии вести постоянную борьбу до последних времен. В этой борьбе с почти кочевым народом – Кабардою – оседло жившим веками в горных ущельях балкарцам помогли: сама природа – недоступность гор, сильная привязанность горцев к родине, единодушие, порядок во внутреннем управлении и возможность доставлять из Закавказья жизненные припасы путем мены на скот и шерстяные изделия. Не будь этих условий в связи с постоянными ссорами кабардинских князей между собою, едва ли горцам удалось бы сохранить за собою независимость.

Этим же условиям, надо полагать, обязаны горцы Балкарии тем, что они сохранили свою независимость и самостоятельность и тогда, когда все «адыге» (этим именем называют себя кабардинцы и другие черкесские племена) подчинялись крымскому хану, который посылал к ним своих наместников из членов своего рода. Потомки этих наместников впоследствии очеркесились и ныне носят официальную фамилию «Султан», а туземцы называют их «Хан». Это доказывается, между прочим, найденным в 90-х годах прошлого века случайно в старинном памятнике¹² документом, который представляет собой каменную плиту с надписью, вырезанной арабскими буквами на местном балкарском языке.

Надпись эта гласит, что «спор о границах земель народов малкар, безенги, хулам, чегем и баксан (урусбий), с одной стороны, а владений крымского хана, занятых Кабардою, – с другой, решен третейским судом...», в котором, кроме избранных из своей среды представителей, участвовали приглашенные сванетский князь Отар Отаров (Дадешкелиани) и кумыкский Агалар Хан. В подписи указаны пограничные пункты и помечены день, месяц и год по мусульманскому летосчислению, именно сказано: «Документ сделан в последний день Раджаба 1117 г.», можно считать и 1127 г., так как, к сожалению, 3-я цифра слева неясна и несколько слита с соседней цифрой, тем не менее, несомненно, что документ составлен приблизительно в 1700 году.

Затем существует старинная песня под названием «Крым-семенле»¹³, в которой описывается путешествие по Кабарде «крым-

---

* Существуют таубиевские фамилии Темиркановы и Бикановы – потомки Мимбулата, но не Басиата.

ских семенов» (есть предположение, что семенами называли сборщиков дани) и, между прочим, поединок между балкарским таубием Темирканом и двумя его противниками – «одним кабардинцем и одним крымцем», в котором одержал победу Темиркан*.

Но бывали и такие случаи, когда кабардинским князьям удавалось проникать с отрядами в горы и производить грабежи в более доступных и сравнительно небольших обществах Хулам, Чегем и Баксан, благодаря отсутствию постоянного сильного караула у входов ущелий, разрозненности обществ между собою и в те моменты, когда происходили некоторые раздоры между самими обществами, а иногда таубии этих обществ нарочно звали к себе какого-нибудь кабардинского князя, сговорившись с ним, чтобы сбить ему членов какого-нибудь беспокойного рода из числа своих подданных. Но, собственно, Балкарское общество никогда ни в какие подобные сделки не входило с кабардинцами и охраняло зорко свои границы.

Особенно сильно беспокоил горцев знаменитый по своей храбрости кабардинский князь Асланбек Кайтукин¹⁴, державший в ежовых рукавицах остальных кабардинских князей, в чем ему очень много помогал своими советами его «орк» (дворянин) и кабардинский мудрец-философ Джабаги Казанок¹⁵. Этот Кайтукин, живший 200 лет тому назад, как это можно видеть из надписи на памятнике мудреца Джабаги, задался целью взять дань с соседних племен, что ему кое-где и удалось. Зная, что самое правильно организованное общество Балкарское, что оно имеет значительное влияние и на остальные общества и, что если покорить его, то остальные сами сдадутся, Кайтукин попытался действовать сначала силой против Балкарии и один раз проник туда.

Об этом случае и последующих взаимоотношениях Кайтукина и современника его балкарского олия Сосрана Абаева, которого кабардинцы называли «Альшагир», кабардинская старинная песня и рассказы балкарцев, передававшиеся от поколения к поколению, повествуют следующее. Один из Айдебуловых (таубии), будучи недоволен олием и добиваясь власти, завел тайно сношения с Кайтукиным и уговаривал его идти с войском в Балкарию, убеждая, что при помощи преданных ему, Айдебулову, людей они покорят Балкарию. Кайтукин после долгого обсуждения этого предложения решил посетить Балкарию, но не с войском, а со свитой и небольшой охраной, и предложить Сосрану Абаеву, олию, добровольно подчиниться и дать дань. Абаев не дремал и, будучи осведомлен о намерениях предателя Айдебулова, всегда был готов к встрече неприятеля. Кайтукин въехал в Балкарское ущелье и, остановившись в пещере под названием «Зына-дорбун», отправил послов к олию Сосрану Абаеву – Кучуковичу (по-кабардински Кушук-ико-Альшагир) с извещением о своем прибытии для получения дани от балкарцев, но «Альшагир» вместо встречи его приказал послан отправиться к своему князю и сказать ему, что если он имеет дело в Балкарии, то может явиться на заседание «тёре», если же он имеет в виду посетить лично самого Абаева, то мо-

жет пожаловать в его кунацкую (гостиня); на попытку послов сделать возражение и дать понять, что Кайтукин требует дань, олий строго воспретил им рассуждать и приказал немедленно удалиться и передать его слова Кайтукину.

Когда послы удалились, он поставил поперек ущелья цепь стрелков и дал им приказание следующими словами: «Ко мне едут гости, вы их позабавьте: когда они подъедут на расстояние выстрела, то дайте по ним залп, но цельтесь в рукоятки их кинжалов и шашек, в папахи, не беда, если попадете и в лошадей, а людей не убивайте; если же гости не остановятся и ответят выстрелами, то, не отступая, дайте мне знать».

Кайтукин, узнав об этом распоряжении и убедившись в бесполезности своего путешествия, выехал обратно из ущелья, несмотря на противное мнение части его придворных «орков». Поэтому последние сложили на обратном пути песню, в которой они восхваляют олия Абаева, а над Кайтукиным смеются. Песня эта начинается так: «Чы эймы десго Басиатыпше, Кушук-ико-Альшагир пши каком жуап ирийтыргам, орк каком ворогус ирийхргам»¹⁶ и т. д. (т. е. «Живущий на нехорошей земле басиатский князь Альшагир Кучукович князей не достаивает ответом, а с дворянами не здоровается» и т. д.). Дальше в песне дворяне Кайтукина порицают его нерешительность и свою готовность перейти к Альшагиру.

После этого Сосран Абаев и Кайтукин начинают разными путями испытывать друг друга. Кайтукин обыкновенно лето проводил в своем охотничьем доме, выстроенном в большом лесу на маленькой поляне, на берегу р. Черек у выезда из Балкарского ущелья. В этом лесу он охотился в одиночестве и никому другому не позволяя присутствовать там. В свободное время он любил сидеть на верху большого камня в середине поляны с трубкой во рту, и около него стоял «кубган» – рукомойник.

Это все было известно Абаеву, и он приказал двум своим знаменитым стрелкам-охотникам испытать храбрость Кайтукина двумя способами: спрятаться в лесу на краю поляны и перед сумерками, когда Кайтукин будет сидеть на камне, одновременно выстрелить и одной пулей попасть в трубку его, а другой в кубган, и если он не испугается, то остаться в лесу, когда Кайтукин пойдет туда на охоту, но так, чтобы он не видел их раньше, чем выскочит зверь. Охотники исполнили в точности это приказание, за что впоследствии и сам Кайтукин подарил им участок земли, которым потомки охотников Аттасауовы и до сего времени владеют.

Храбрость Кайтукина была настолько велика, что он продолжал сидеть совершенно спокойно, когда пулями была сбита трубка из его рта и опрокинут кубган. В лесу же, когда выскочил испуганный олень, одновременно раздалась три выстрела, и все три пули попали в него, и он упал, и одновременно к нему подбежали стрелявшие – Кайтукин и два охотника-балкарца. Кайтукин, взбешенный этой дерзостью горцев, поднял ружье и прицелился в них, в тот же момент и те дула своих ружей наставили в грудь Кайтукина, тогда Кайтукин опомнился, опустил ружье и вернулся

домой, а охотники взяли оленя и тоже отправились в Балкарию и доложили Сосрану о случившемся. После этих проделок Кайтукин решил наказать Альшагира, угнав его овец вместе с пастухами, находившимися далеко от Балкарского общества; за двумя горными хребтами, на пастбище «Хизни-баши»¹⁷, куда можно проникнуть по особому ущелью.

Отправившись туда с людьми, он не решился сразу напасть на кош ввиду преобладающего числа вооруженных. Он оставил своих людей, спрятав в лесу, а сам оделся в костюм простого кабардинца и пешком на ночлег, как охотник, пришел на кош Сосрана. Его приняли, и старшие приказали зарезать барашка ради гостя, который притворялся не знающим балкарского языка.

Разговор перешел на злобу дня, т. е. на Кайтукина и на Абаева, одни говорили, что победит Кайтукин, другие говорили, что, пока жив Сосран, Кайтукину не удастся покорить Балкарию. Тогда в разговор вмешался парень из «аталыков» Сосрана и, спросив предварительно разрешения от старших, сказал так: «Я думаю, что Асланбек Кайтукин, быть может, и храбрый, но не умный человек; если бы он был умный, то вместо того, чтобы вступать в борьбу с Сосраном, искал бы с ним дружбу и, заключив с ним союз, спокойно вместе с молодыми балкарскими таубиями покорил бы всех соседей и получал бы дань с них». Эти слова Кайтукина заставили призадуматься. После ужина старшие легли спать в коше, а молодежь с собаками отправилась к кострам, разведенным вокруг стоянки овец на некотором расстоянии друг от друга. Но скоро Кайтукин услышал единичные выстрелы, раздававшиеся недалеко через небольшие промежутки, он встал, вышел из коша и увидел такую картину: молодежь, находящаяся около костров, вместо того, чтобы спать, занималась стрельбою в цель; у одного костра ставили ребра и другие кости съеденного барашка, а находившиеся у другого костра стреляли в эти кости, попадая в них, и это упражнение продолжалось до утра.

Кайтукин понял, что этих стрелков-пастухов легко не возьмешь в плен и баранту¹⁸ они дешево не отдадут, поэтому он не решился привести в исполнение свое намерение и отправился домой, но тем не менее, будучи гордым и избалованным успехами, он решил, прежде чем искать дружбу Сосрана, изучить внутренний порядок управления Балкарии, средства и силы ее и для этого отправил двух своих верных и умных приближенных, по происхождению из кумыков, владеющих балкарским языком, в Балкарию с тем, чтобы они явились в дом Сосрана Абаева как странники и, прожив там год, изучили там жизнь и быт балкарцев и самого Сосрана.

Но когда эти послы возвратились через год, рассказали ему, что Сосрану беспрекословно подчиняется все население, сам он имеет значительные средства, имеет сношение с Грузией, Имеретией, все, чего нет в Балкарии, получает оттуда, имеет из молодежи обученное войско, порох выделывают сами, свинец добывают на месте. Сам Сосран – человек культурный, у него имеются

высокие башни с бойницами, сложенные из извести, устроены подземные водопроводы к его усадьбе и разведен фруктовый сад и т. п. Услышав все это и мнение послов о бесполезности борьбы с Сосраном, Кайтукин завел мирные переговоры с ним, и они заключили союз. Кайтукин предоставил Сосрану право выгонять стада Балкарского общества осенью и весной для пастбы бесплатно на кабардинские земли и ставить «басиат-кош» (лагерь) там, где пожелают таубии, до берегов р. Терек, а Сосран обязался не претятвовать Кайтукину пробираться иногда в соседние общества Безенги и Хулам с целью поживы и угонять быков и баранов на зарез и т. п.

Но Сосран был осторожен, зная, по-видимому, что в международных договорах право сохраняется только за сильным, поэтому в периоды, когда скот находился на плоскости, отправлял туда отряд из молодых таубиев с узденями и стрелками, который становился лагерем ниже хуторов-кошей для предупреждения злого умысла со стороны Кайтукина и вообще кабардинцев. В это же время отряд этот предпринимал путешествие в Чечню, Осетию и другие места за наживой, при этом он нередко увозил и молодых людей, которых делали рабами и рабынями.

Лагеря таубиев назывались «басиат-кош», куда являлись нередко для изучения военного искусства молодые люди из соседних дружественных племен и из других горских обществ. Этот порядок существовал до появления русских войск и присоединения Кабарды и Балкарии к России. Но прежде чем говорить о начале соприкосновения с русскими, необходимо упомянуть о взаимных отношениях горских обществ и об отношениях собственно таубиев Балкарского общества к населению селений Геби и Чиори Рачинского уезда Кутаисской губернии.

Балкарское общество, будучи самым большим по количеству жителей и самым сильным, благодаря правильному, твердому порядку правления в самом обществе, играло выдающуюся роль. В этом обществе, как было упомянуто, издавна существовал народный суд под названием «тёре», в котором разбирались гражданские и уголовные дела и решались на основании установившихся обычаев (адатов), а в случае возникновения новых вопросов, не предусмотренных адатами, «тёре» устанавливал новый обычай, так что этот суд одновременно являлся и законодательным учреждением.

В это судилище обращались за разрешением более или менее крупных юридических вопросов по судебным процессам жители и других обществ. Бывали и такие случаи, когда являлись в «тёре» жители Карачая и Дигории (соседнее осетинское племя). Балкарское общество имело постоянную стражу в своих ущельях, по которым жители общались с плоскостью, где поныне существуют сторожевые каменные башни; на перевалах же в Закавказье и в Осетию в летнее время содержался караул.

Кроме этой стражи, существовал отряд воинов из молодых таубиев и стрелков, который весной и осенью становился лаге-

рем на плоскости перед входом в ущелье; лагерь этот назывался «басиат-кош», по имени родоначальника балкарских таубиев, куда являлись учиться военному искусству молодые таубии и из других обществ. Этот отряд, охраняя общество и стада его от неприятеля, одновременно командировал партии из молодцов-сотоварищей в разные стороны за наживой, так что войско содержало само себя. Отряд этот зимою, иногда и летом, отдыхал, молодежь скучала, разыгрывались страсти, и если ему почему-либо не удавалось предпринять поход на южную сторону гор – в Сванетию или Имеретию – за наживой, то он частенько обижал своих единоплеменников – безенгиевцев, хуламцев и чегемцев, угоняя у них скот.

Причиной этому отчасти являлись экономические условия, а именно: долина, занимаемая Балкарским обществом, сравнительно обширная, почва ее плодородная, она больше, чем другие ущелья, защищена от северных ветров, климат не так суров, и растительность разнообразнее, но ее окружают высокие голые скалы, нет плоскогорий, и в общем удобной для скотоводства земли мало, так что по мере увеличения населения становилось трудно жить, тогда как в других небольших обществах пастбищ много и количество скота увеличивалось. При таких условиях балкарцам приходилось искать средства для жизни в стороне. Эти же условия создали в Балкарии, с одной стороны, военный дух, и часть населения занималась походами на сторону за наживой, причем сами умели делать порох, свинец добывали в своих горах, железные и вообще металлические изделия и оружие, даже заграничные, получали из Закавказья, а с другой – создали ремесленников – каменщиков, кузнецов, слесарей и даже оружейных мастеров, которые отпраздничались на заработки в другие горские общества и в Кабарду.

Чтобы спасти себя от нападений балкарцев, таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев: становясь их эмчеками, платя им за это известную дань и воспитывая их детей. В последнем случае они делались «аталыками» таубиев, что означает воспитатель, и это было основано на обычае или, правильнее, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью своей и с 1-го же дня рождения детей отдавали на воспитание – кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми, эти-то кормилицы считались «аталыками»; это аталычество не успело еще и теперь выйти из моды окончательно.

Впрочем, после неудачной попытки знаменитого кабардинского князя (пши) Асланбека Кайтукина покорить балкарцев во времена олышства Сосрана (Альшагира Кучуковича) Абаева начали искать покровительства балкарских таубиев и некоторые из самих кабардинцев и из осетин различными путями, и брали на воспитание их детей, делаясь их аталыками, и сейчас есть еще живые балкарские таубии, кормилицами, т. е. аталыками которых были

кабардинцы и осетины, много и других данных, говорящих о значительном влиянии балкарских таубиев, но чтобы не быть голословными, приведем один из множества достоверных случаев.

В Кабарде есть старинные и сильные дворянские фамилии, которые иногда отказывались подчиняться своим князьям, которым принадлежала верховная власть. Фамилии эти называются «тле-котлеш», происходящее из двух слов: «тлек» – род, «тлеш» – сильный. Однажды кабардинские князья Атажукины успели вооружить народ против сильной, родовой фамилии Кудинетовых, и хотели их истребить и завладеть их состоянием и аулами, тогда Кудинетовы бежали в Балкарию под защиту таубиев, потомков Басиата.

Басиаты их приняли, устроили у себя, и молодые Кудинетовы, отправляясь с молодежью таубиев в лагерь «басиат-кош», предпринимали вместе с ними походы за наживой, отличаясь храбростью. Молодежь фамилии Атажукиных, лишившись храбрых молодых Кудинетовых, не могла соперничать в походах с таубиями и стала просить старших помириться с Кудинетовыми и вернуть их в Кабарду, и когда отцы не согласились на это, они сами перебежали в «басиат-кош». Тогда только князья Атажукины заключили мир с Кудинетовыми, возвратив им все захваченное их имущество, и последние возвратились в Кабарду, но предварительно они и балкарские таубии, потомки Басиата, побратались, т. е. поклялись быть братьями и вперед защищать друг друга и умереть там, где умрет другой. На туземном языке это называется присяжное фамильное братство и не теряет силу, доколе существуют роды. Пожилым Кудинетовым и балкарским таубиям это известно и поныне.

Перейдем теперь к описанию отношений, бывших между балкарцами и жителями Рачинского уезда Кутаисской губернии и кутаисскими евреями, которых балкарцы называют «урья». В начале очерка было сказано, что горцы Нальчикского округа имели торговые сношения с Закавказьем еще в старые времена. Так, крестьяне селений Геби и Чиори Рачинского уезда, названные горцами «малкар-эбзе», главным образом, издавна доставляли через главный снеговой хребет в Балкарию товары – шелковые и бумажные материи и металлические изделия – или приводили с товарами купцов из кутаисских евреев и те меняли свои товары на черкески, бурки, войлоки, шкуры, шерсть и т. п. балкарские изделия, а иногда являлись с деньгами – сначала грузинскими и турецкими монетами, а после русскими – и покупали крупный и мелкий скот. Товары эти из Балкарии перевозились в другие горские общества.

Несомненно, в старые времена торговцам не совсем было безопасно переходить с товарами и деньгами через снежные горы в чужую страну и вести там торговлю, или же в случае опоздания, непогоды даже зимовать. Это-то обстоятельство послужило причиною тому, что малкар-эбзе стали еще в древние времена данниками балкарских таубиев на эмчекском праве, точно в таком

же положении находились и кутаисские купцы «урья». По мере размножения и разделения таубиев на отдельные роды и семейства они делили своих закавказских эмчеков между собой так же, как своих подданных и свое имущество, объявляя о том эмчекам, так что последние знали, кто кому из таубиев должен платить дань.

Таубии настолько серьезно защищали этих эмчеков и их интересы, что они совершенно свободно бывали во всех горских обществах и в Карачае и вели торговлю, не подвергаясь никаким обидам. Эти отношения сохранились до начала 70-х годов XIX века. Размер дани определялся по состоянию крестьянина торговца и количеству товара купцов евреев, и по количеству голов скота, покупаемого на деньги, или дань платилась натурой. Кроме того, эмчеки должны были привозить ежегодно определенное количество железных лемехов по известной величине для плугов, а также известное количество медных котлов, кроме всего этого, молодые таубии после женитьбы отправлялись со свитой в селения Геби, Чиори, где эмчеки устраивали для них торжественные угощения, и каждый подносил молодому таубию в подарок какую-либо вещь по своему состоянию, и подарок этот назывался «берне».

Когда таубии сами гоняли для продажи лошадей и скот в Закавказье, то тамошние эмчеки сопровождали их в качестве прислуги и переводчиков, причем таубии вели дружественные сношения с высшими сословиями Кутаисской губернии, встречая у них радушный прием, даря им лошадей и принимая от них подарки.

Горцы в силу природных условий занимались и занимаются преимущественно скотоводством. Хлеб же сеют — и то только ячмень, овес и немного яровую пшеницу — на низменных, более или менее удобных клочках земли, которые очищаются от камней, удабриваются навозом и искусственно орошаются водою. Климат в горах довольно суровый, лето короткое, зима длинная, и хотя очень больших морозов в долинах не бывает, но часто бушует ветер, и в период коротких дней солнце поздно встает для аулов и рано заходит. Лесов мало, а в некоторых ущельях их уже нет вовсе.

Несмотря на все эти неблагоприятные условия, горцы не жаловались на бедность благодаря крайнему своему трудолюбию, скромной и здоровой жизни и привычке удовлетворяться малым. Благодаря климатическим условиям и трезвой жизни горцев, болезней в горах не встречалось и народ был здоровый, только в последнее время занесены были туда лихорадка, брюшной тиф, разные характерные кожные болезни, а в настоящее время даже и сифилис.

Горцы, или скорее горянки, издавна умели готовить себе одежду из овечьей шерсти и обувь из шкур, а излишек этого сырья меняли на бумажные и шелковые ткани. Пищу горцев составляли ячменный чурек, молочные продукты и мясо, а питье — домашнее пиво из ячменя, буза из овса (род русской браги), «айран» и «гыпы»¹⁹ (кефир) из молока.

Народ не был угнетен и забит, так как высшее сословие относилось гуманно, благодаря чему до сих пор сохранились довольно хорошие отношения между сословиями, поэтому горцы были довольны своей жизнью и имели досуг для того, чтобы устраивать народные веселья: танцы на открытом воздухе и игры, в которых принимали участие взрослые люди, даже старики и старухи, но теперь, вследствие различных жизненных условий, эти народные увеселения и игры вывелись, и жизнь горцев стала однообразнее и скучнее.

В отношении нравственности горцев можно сказать смело, что было время, когда горец и горянка не допустили бы мысли, что кто-нибудь мог нарушить супружескую верность, или кто-либо позволил себе увлечь женщину или девушку, несмотря на то, что до зрелого возраста обоюдо пола браки не совершались, почему народ был крупный и здоровый. Так называемый обычай увозить девушку явился сравнительно недавно.

Горцы были правдивы и вполне хозяевами своего слова, не имели понятия о письменных обязательствах и ответственности в будущем. В летнее время, когда весь народ занят полевыми работами, скот и лошади ходили в горах без присмотра, замков в дверях не существовало, но воровства почти не было, несмотря на отсутствие уголовного наказания; но если бывали случаи краж в своих пределах и на кого-нибудь падало подозрение, то нелегко было вору оправдаться: невинность его должны были подтвердить под присягой десять человек, вполне добросовестных, по назначению суда или потерпевшего, а именно: один из таубиев, а остальные из родственников обвиняемого по мужской и женской линии и посторонних лиц того сословия, к которому принадлежал обвиняемый. В случае уличения виновного он платил хозяину тройную цену стоимости краденого и штраф в пользу общества.

Редко случались убийства и поранения при трезвой жизни горцев, но если они случались, то правители и старики принимали меры к немедленному примирению сторон, присуждая с виновной стороны в пользу правой или потерпевшей плату за кровь, за поранение, издержки и т. п., согласно установившимся адатам и обычаям, и дело кончалось этим, так что в Балкарии враждующих между собою народов, фамилий и семей бывало очень редко.

Горцам Балкарии, как сказано выше, приходилось иметь дела с другими соседними племенами, и не осуждалось, если молодежи удавалось угонять скот от неприятелей, захватывать другое имущество и увезти даже людей в рабство, но заниматься воровством у себя считалось позором и низостью. К сожалению, нравы горцев теперь изменились и отчасти изменились экономические и жизненные условия.

Несомненно, горцы Нальчикского округа, или, правильнее, таубии, имели понятие еще в древние времена о Русском государстве и силе его, называемом тогда ими «Московией», прежде чем они непосредственно столкнулись с русскими войсками, благодаря своим сношениям с Грузией и Имеретией, откуда вместе с

иностранными товарами приходили и политические вести. Поэтому, а также, принимая в соображение, что Грузинское царство присоединяется к России, как только дошел слух до гор о прибытии русских войск к границам Северного Кавказа, так сейчас же таубии выбрали по одному представителю от каждой таубиевской фамилии и командировали их к главнокомандующему русской армией, которого они, пробравшись через Кабарду, застали на месте, где ныне стоит город Ставрополь-Кавказский, названный ту-земцами «Шет-Кала», что означает на кабардинском языке «шет» – стул, скамейка, «кала» – крепость.

Депутация эта заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть русскому «белому царю» и привести к присяге свои народы, с тем, чтобы за таубиями были сохранены и права их на земли и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты.

Главнокомандующий русской армией охотно принял предложение представителей горских племен, их присягу на верно-подданничество и донес на высочайшее имя, что «старшинь» (по какой-то странной ошибке таубии были названы старшинами) народов Малкар (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий) присягнули на верноподданничество и привели к присяге свои народы... Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы. Таким образом, горские общества Нальчикского округа, т. е. Балкарские, стали частью русской империи, но во внутреннем управлении горских обществ долгое время изменений не было. Они по-прежнему управлялись своими олиями, и народ жил мирно, исполняя требования русского правительства. Только в 40-х годах XIX столетия из территории горских обществ был образован один административный участок и начальником участка был назначен офицер из осетин, некто Хоруев, но и он до смерти старых олиев почти не вмешивался во внутренние общественные порядки.

Название «сельское (аульное) общество» аулы Балкарии получили в 1870 году, по издании бывшим начальником Терской области графом Лорис-Меликовым²⁰ так называемого «Положения об управлении сельскими (аульными) обществами», утвержденного наместником Кавказа в 1870 году 30 декабря, которое и поныне служит руководством. Переписка вначале велась на арабском языке, и поэтому при областном правлении, окружных управлениях и участковом начальнике имелись и письменные переводчики. Должности этих переводчиков, будучи штатными, в областном и окружном управлениях сохранились и до сего времени, хотя в сельских (аульных) правлениях имеются давно русские писари и переписка ведется на русском языке.

По упомянутому положению, аульные суды дела решают до сих пор по обычаям и адатам и по шариаду, в последнем случае – при участии эфенди. Крупные же дела разбирались в так называемых «горских сословных судах», заменивших собой суды – балкарское «тёре» и кабардинское «махкеме», но об этих судах, имевших и имеющих важное значение для народа, необходимо

поговорить подробнее.

По принятии русского подданства молодые таубии охотно начали поступать на военную службу, многие из них принимали участие в рядах русских войск во время Венгерской кампании русско-турецкой войны в 50-х годах и в покорении Западного Кавказа. Детей таубиев в те времена брали для обучения в кадетские корпуса, а юношей – в Конвой Его Величества и вольноопределяющимися в части и войска наравне с русскими дворянами. Для детей же таубиев и кабардинских привилегированных сословий учреждена была так называемая «горская школа», ныне преобразованная в реальное училище.

В 1852 году по высочайшему повелению была послана на казенный счет депутация из таубиев в Петербург к государю императору Николаю Павловичу. Депутация эта, между прочим, просила государя о присвоении им старинного их звания – таубиев, что значит в переводе – князь гор, и относительно прав таубиев на земли. Депутаты были произведены в офицеры с назначением им пенсии от государства. Последствием просьбы депутации, между прочим, был высочайший приказ о присвоении высшему сословию балкарских горских обществ звания «таубий». Относительно же порядка землевладения в горах имеется высочайше утвержденный проект Кавказского комитета, в котором, между прочим, сказано оставить в горских обществах Нальчикского округа тот порядок землевладения, который там застало русское правительство. Поэтому каждый горец и поныне владеет тем же, чем владели его предки и он сам.

Между территорией горских обществ и плоскостными землями, занятыми, с одной стороны, Кабардой, с другой – Осетией (границей с юга служит Главный Кавказский хребет), проведена чинами областного межевого управления при участии депутатов от заинтересованных сторон пограничная межа в 1880 году, так как плоскостные земли в 1860 году были признаны казенными, часть которых отведена в наделы кабардинским и другим селениям, часть пожалована частным лицам, а остальная (горная полоса и лес) часть в 315 000 десятин – в вечное и потомственное владение Большой и Малой Кабарды и 5 горских обществ (Балкарии) Нальчикского округа на общинном праве владения.

Но поземельный вопрос в горах окончательно не решен. Частные владельцы и общества документами не снабжены, и вопрос этот настолько серьезен и своеобразен, что нужно сказать несколько подробнее, как о вопросе, выясняющем, между прочим, и современное экономическое положение горцев...

Освобождение холопов (крестьян) в горских обществах последовало формально в 1867 году, а освобождение дворовых (казак и карабашей) фактически совершилось еще через 6 лет, так как они обязаны были выплатить сами владельцам определенные выкупы или отработать им – мужчинам 5 лет, а женщине 6 лет – после формального освобождения, но платить было нечем. При освобождении крестьян никаких недоразумений не происходило

благодаря тому, что влиятельные из таубиев сами помогали делу, а главным образом играло большую роль умелое действие начальника области Лорис-Меликова, руководимого наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем²¹.

Освобождая своих холопов, таубии пожелали оставить их на тех же местах, где они жили раньше, и оставили в их владении навсегда часть земель, которыми они пользовались до освобождения, и в освободительных свидетельствах, выданных холопам высшей кавказской администрацией, а также в так называемых «холопских» книгах, которые должны храниться в местных административных учреждениях, обозначены участки земель, оставленные крестьянским семьям.

Имея в виду это и вообще заслуги и преданность престолу таубиев, а также принимая в соображение, что они, размножаясь, разделились на отдельные семейства, разделив свои земли на клочки, и средства их истощились в силу отсутствия привычки к черной работе, кавказская администрация возбудила ходатайство о пожаловании таубиям, в виде вознаграждения за уступленные ими холопам земли, участков из свободных земель в Нальчикском округе. Таубиям высочайше пожаловали в 1877 г. землю мерою около 7 тысяч десятин, считая на каждую семью по 50 десятин на высотах, близ границы Кубанской области, в местности «Эшкакон».

Земли эти, представляя из себя летние пастбища, негодные для посевов и поселения, – бесценны, тем более, что они находятся далеко от места жительства таубиев, на расстоянии около 200–300 верст. Таким образом, настоящее положение таубиев в материальном отношении, за частными исключениями, очень и очень незавидное. Это – то плохое экономическое положение в связи с отсутствием местных школ и вообще образования послужило и служит, главным образом, причиною тому, что, начиная с 60-х годов прошлого столетия, во-первых, молодые таубии начали, к сожалению, заниматься конокрадством, заменяя этим занятием прежнее удайство своих предков в борьбе с враждебными племенами, и, во-вторых, по временам у таубиев является желание бросить свою любимую родину и уйти в Турцию, где их никто не знает.

Приступая к описанию порядка землевладения в горских обществах и современного экономического положения народа, необходимо привести историческую справку, взятую из официальных бумаг и верно рисующую картину землевладения и экономического положения Балкарии.

Главкомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич писал военному министру в отзыве своем от 25 июля 1867 г. за № 3569: «Вашему Высокопревосходительству известно, что определение поземельных прав горцев Северного Кавказа всегда составляло предмет особой заботливости Кавказского начальства, но по военному положению края все распоряжения наши по земельным делам горцев, вызванные большей частью

лишь военными соображениями, имели характер временных мер и с окончанием войны не могли уже удовлетворять ни видам правительства, ни потребностям горцев. Чтобы прочно устроить наше управление в крае, положить залог к вещественному улучшению быта горцев, а следовательно, и к нравственному развитию их, необходимо было уяснить в горских обществах поземельные отношения и положительно определить права как целых обществ, так и частных лиц на поземельную собственность. Несмотря, однако, на очевидную необходимость определения такого права, в особенности в тех горских обществах, где случайностями войны разрушился старый порядок владения землями и не установился еще новый, мы вынуждены были поступить в этом деле с особенной осторожностью, ибо в неспокоенном еще и крайне недоверчивом горском населении самые благие намерения правительства могли бы произвести вредные толки и даже мятежные вспышки.

Кроме того, с одной стороны, неустановившееся после войны положение населения, а с другой – недостаток средств для сбора необходимых данных и для производства как хозяйственных съемок в районе горских земель, так и размежевания этих земель были также причинами весьма малого успеха в деле обеспечения горцев в поземельном отношении. По вступлении моем в командование Кавказской армией я обратил особенное внимание на правильное распределение земель, занятых горцами Северного Кавказа, а одновременно сделал по этому предмету нижеследующие распоряжения по Терской области... Сущность результатов, достигнутых по этому делу до настоящего времени в Большой Кабарде и сопредельных с нею горских обществах, заключается в следующем: горские общества Большой Кабарды – Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское, имея единственным источником богатства скотоводство, находились в крайне стесненном положении в хозяйственном отношении по недостатку в районе их земель, удобных для осенних и весенних пастбищ, и, хотя они пользовались означенными пастбищами на плоскости Большой Кабарды, но всегда терпели при этом притеснения со стороны кабардинцев. Поэтому были подробно рассмотрены нужды означенных обществ и определена потребность их в осенних и весенних пастбищах на плоскости Большой Кабарды. Составленным в 1864 г. проектом разграничения горских обществ с Большой Кабардой было предложено отодвинуть от нагорной полосы часть границы кабардинских земель, предоставив, таким образом, горским обществам пастбища в плоскостной части, а кабардинцев вознаградить за имеющие отойти от них земли двумя участками так называемой кордонной земли, находящейся в их пользовании, но окончательно за ними не закрепленной. Главные условия таких предположений, сообщенных мною Вашему Высокопревосходительству в отношении от 13 апреля 1864 г. за № 508, как видно из отзыва Вашего от 29 мая того же года за № 3886, были удостоены Высочайшего утверждения. Поэтому в том же 1864 г.

я предписал начальнику Терской области вменить в обязанность комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев вверенной ему области и приступить при депутатах со стороны кабардинцев и каждого из вышепоименованных горских обществ к проведению в натуре съёмки пограничной линии* между Кабардою и означенными обществами, сообщив при том, что к окончательному укреплению за кабардинцами предназначаются участки по Золке и Етоко и кордонные земли, лежащие между реками Малкой и Кичи-Малкой и Эшкаконом, за исключением так называемого Эшкаконского участка, который должен был оставаться в ведении казны, для будущих видов правительства. Приступив к исполнению вышеизложенного, комиссия по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области приняла в основание своих действий акт, составленный 20 августа 1863 г. депутатами от всех свободных сословий Большой Кабарды, которым они заявили, что земли Кабардинского общества составляют достояние целого народа и что они желают пользоваться ею на общинном праве владения. Хотя фактически земли Большой Кабарды считались разделенными между княжескими фамилиями и по роду существующих в этом племени сословных отношений можно было бы предположить, что на упомянутые земли предъявит свои права как на частную собственность привилегированный класс населения Большой Кабарды, по-видимому, издавна распорядившийся землями по своему усмотрению**, я признал необходимым воспользоваться упомянутыми заявлениями кабардинцев (т. е. он воспользовался актом 20 августа 1863 г.) и установить в этом племени порядок пользования землями преимущественно общинный, предназначив, однако, заблаговременно некоторую часть земель для раздачи по усмотрению правительства в частную собственность кабардинским же уроженцам***».

Все эти распоряжения и предположения кавказского наместника в августе 1867 г. были через Кавказский комитет внесены на Высочайшее утверждение и журнальное постановление по этому делу Кавказского комитета, Высочайше утверждены 12 ноября 1867 года.

Замечательной верностью, беспристрастностью и полным знанием дела отличается взгляд бывшего военного министра генерал-адъютанта Милютина²² на земельный вопрос в горских обществах Нальчикского округа. Так, он 25 октября 1869 года за № 358, представляя в Кавказский комитет проектную карту распределения земель Большой Кабарды, список кабардинских аулов и список частных лиц, представленных к наделению землей, между

* Эта линия проведена только в 1883 году, то есть через двадцать лет.

** Это не совсем верно: дворянские фамилии «тлекотлеш» имели свои земли и аулы, которыми распоряжались сами, а князьям принадлежала как бы верховная власть, по отношению к ним объединяющая всю Кабарду как одну нацию.

*** Но участки были розданы и русским чиновникам.

прочим, по отношению к упомянутым горским обществам, писал следующее: 4) затем по предмету разграничения земель горских обществ с Большой Кабардой, при ближайшем рассмотрении вопроса о том, каким образом могла быть отодвинута по плоскости Кабарды граница земель горских обществ, чтобы, согласно Высочайше одобренным в 1867 году предположениям, отделить этим обществам из кабардинских земель необходимое для них количество земель, удобных для осенней и весенней пастьбы стада, оказалось, что таким изменением границы нельзя удовлетворить потребности горских обществ в осенних и весенних пастбищах, потому что смежные с землями горских обществ кабардинские земли, из которых предполагалось отделить лишь названным обществам необходимое количество пастбищ, служа продолжением ущелий, занятых горскими обществами, во многих местах покрыты сплошным лесом и вообще подвержены сильным холодам, через что неудобны для осенней и весенней пастьбы стад, в чем, главным образом, и нуждаются жители названных обществ, имея достаточное количество летних пастбищ в районе своих земель*. Вследствие этого после самого строгого изучения потребностей горских обществ в пастбищных землях, а также после неоднородных суждений способов удовлетворения таковых потребностей окончательно предположено: а) укрепить за горскими обществами все земли, искони составляющие их собственность и границы которых ныне с достаточностью известны, б) дозволить горцам бесплатно пользоваться для пастьбы стад и устройства зимовников общественными кабардинскими землями, не вошедшими в район аульных наделов, за исключением тех участков, которые будут признаны частной собственностью разных лиц, в) образовавшиеся в горских обществах, преимущественно из освобожденных чагаров и казаков (крестьянские сословия), 400 безземельных семейств выселить в Большую Кабарду и д) воспретить горцам безвозмездное занятие пастбищ в границах кабардинских аульных дач, так как потребности горцев в пастбищах удовлетворяются предоставлением им права свободного занятия пастбищ в районе земель, не вошедших в район аульных наделов и оставленных в нераздельном пользовании кабардинцев. При составлении таковых предположений, между прочим, приняты в соображение нижеследующие данные: занята горскими обществами местность состоит из скалистых и высокоих хребтов, вершины которых покрыты или вечными, или лишь на небольшое время в году стаивающими снегами. Ребра этих гор-хребтов удерживают скалистый и малопродуктивный характер почвы своих вершин, и только самое дно ущелий и прилегающие к нему низменные части скатов представляют удобства для земледелия, но не иначе как при тщательном удобрении земли местами и местами при искусственном

---

* В те времена, по малочисленности населения, быть может, летних пастбищ было достаточно.

орошении.

Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ, или частных лиц. К 1-й категории земель, т. е. к общественной собственности, преимущественно относятся пастбищные и частью сенокосные места*, а ко 2-й категории – весьма ограниченное количество пахотных и покосных земель и земель, находящихся под усадебными местами-оседлостями.

«Родящегося в горах хлебного зерна, исключительно ячменя, в обыкновенные годы достает для горского населения на два месяца. Посевы пшеницы и проса по краткости в горах теплого времени невозможны. Но, несмотря, однако, на такие невыгодные условия жизни в горах, жители, за исключением тех, которые не имеют в горах ровно никакого хозяйства, сочли бы высшей степенью наказания для себя выселение их в более удобную местность, потому что они сроднились со здоровым горным климатом и имеют средства к безбедному существованию в горах**».

«По собранным сведениям, население горских обществ состоит из 1020 дворов, в которых, полагая средним числом, на 6 душ обоего пола на каждое семейство, можно считать всего 6120 душ***...».

«Независимо от вышеизложенных вопросов был обсужден вопрос о правах тех жителей горских обществ и Большой Кабарды, которые приобрели в прежнее время или покупкою у кабардинских князей, или исключительным давним владением незначительной величины участки, находящиеся в нагорной полосе земель кабардинской территории, оставляемых по составленному ныне проекту в нераздельном владении кабардинцев. Хотя кабардинские князья не имели права продавать какие бы то ни было участки из общественных земель (они стали общественными после акта 20 августа 1863 г.), но так как факт продажи по произвольно присвоенному князьями праву тем не менее совершился и так как некоторыми незначительными участками частные лица из кабар-

---

* Сенокосных общественных мест внутри гор нет, а большинство лесных участков общественные, за исключением лесов Баксанского ущелья, которые эксплуатировались фамилией Урусбиевых.

** Но в последнее время горцы готовы бросить свои родные горы. Причина – экономическая.

*** Если даже допустить, что число дворов показано верно, то число душ определено ошибочно, так как до последнего времени горцы избегали семейных разделов и число душ в семействе доходило нередко до 20–30, а иногда до 40 человек. По официальным сведениям (Кавказский календарь за 1910 г.) за 1908 г., в одном собственно Балкарском обществе считается 7017 душ обоего пола, между тем с 60-х годов прошлого столетия из этого общества переселилось с причислением в кабардинские аулы несколько сот дворов. Сейчас в 5 обществах и в новых 4 аулах Кашкатау, Чежок-Кабак, Гунделен и Хабаз образовалось из безземельных жителей старых обществ 25 000 душ обоего пола.

динских уроженцев долгое время распоряжались как родовой своей собственностью, то определено оставить за горцами и кабардинцами, представившими в течение назначенного для сего срока удовлетворяющие народному обычаю документы о праве на владение участками, таковые участки как частную собственность указанных лиц и представленные документы заменить временными свидетельствами областной поземельной комиссии на право владения участками».

Как видно из приведенных выдержек, сообщений бывшего наместника на Кавказе и доклада бывшего военного министра генерал-адъютанта Милютина Кавказскому комитету, русское правительство на основании тщательно собранных и проверенных сведений признало полстолетия тому назад существование в сопредельных с Большой Кабардой горских обществах – Балкарском, Безенгиевском, Хуламском, Чегемском и Урусбиевском – права собственности на земли, как отдельных лиц, так и целых обществ и, кроме того, признав, что у них собственной земли недостаточно, нашло нужным тогда же дать им удобные земли на плоскости Кабарды, причем, как сказано еще в упомянутых докладах, предложено было два кабардинских аула – Мусы Кожокова (Верхне-Кожоковское) и Тохтамышево, расположенных у двух главных входов в горные ущелья, перевести в низовья, чтобы очистить земли для горцев.

Посмотрим, насколько правильны и справедливы были те сведения, которые убедили великого князя и военного министра в необходимости признать за горцами права собственности на их землю, оставить в силе искони существующий там порядок землевладения и, кроме того, прирезать им земли на кабардинской плоскости.

Названные горские общества занимают верховья рр. Черека, Кичи-Черека (главный приток первой и названный «Кичи», т. е. младший), Чегема и Баксана, сливающихся в нижнем течении между собою и с р. Малкой, а затем с р. Тереком, впадающим в Каспийское море, и берущих начало у ледников Главного Кавказского хребта. Эта часть Кавказского хребта самая высокая и составляет как бы центр. Здесь сгруппированы известные снеговые высоты: Эльбрус (по-горски – Минги-Тау), Коштан-Тау, Дых-Тау и малоизвестные для негорцев Рчи-Уашки-баши, Катын-Тау и т. п. Эти великаны, покрытые вечными снегами и окруженные необозримыми пространствами вечных льдов, у подножий обставлены такими не менее высокими скалистыми горами и так близко друг от друга, за исключением Эльбруса, что трудно сразу отличить от окружающих вершин, почему они и малоизвестны публике.

Узкие ущелья, образовавшиеся между этими высотами по течению названных рек и их притоков, тоже настолько высоко стоят от уровня моря, что горские аулы расположены в них на высоте от 3 до 5–6 тысяч футов над уровнем моря. Следовательно, для всякого должно быть ясно, что здесь климат суровый и богатой растительности быть не может, тем более, что ущелья, заня-

тые нашими горцами, от южных теплых ветров закрыты непрерывной цепью главного снегового хребта. Лето, или, правильнее, весна, лето и осень вместе продолжаются на дне ущелий до 4–5 месяцев.

Насколько велики пространства сравнительно низких, годных для обработки и для дворовых, мест в этих горах можно судить по следующим данным*. В этих горах других земельных мер не существует, кроме так называемых «кулач», «аякь-узун», «таш-орун», «черен-орун», «гебен-орун» и т. п.; «кулач» – значит обхват около 2–2¹/₂ аршина; «аякь-узун» – длина ступни ноги; «таш-орун» – место под один камень; «черен-орун» – пахотное место, дающее одну копну хлеба; «гебен-орун» – место, дающее одну копну сена. Цены на земли следующие: квадратный сажень дворового ровного места стоит не менее 50 руб. и дороже, стоимость одной десятины пахотной или покосной земли, требующей удобрения и орошения, доходит от одной до двух тысяч рублей. Почва настолько тощая и каменистая, что без периодического унавоживания, по крайней мере, через 2–3 года, посевы ничего не дают, почему навоз в аулах горских обществ продается корзинами.

От частых сухих ветров, при малейшем нагревании солнца эта тощая почва в ущельях быстро сохнет настолько, что без искусственного орошения не растут ни трава, ни хлеб; орошение стоит немалых трудов и затрат. Маленькие ручьи летом высыхают, поэтому воду надо брать из речек, которые берут начало у ледников, далеко от орошаемых участков, на высоте, в верховьях речек, и так как не везде возможно проводить воду по искусственным каналам на грунте, то приходится проводить по трубам или желобам, установленным по выступам скал и на искусственных столбах. Эти водопроводные сооружения устраиваются или целыми обществами, или группами семейств, а затем каждый хозяин отводит из общей канавы к своему клочку земли отдельную канаву. Во время периода орошения посевов и покосов соблюдается строгая очередь между хозяевами, так как всем одновременно не хватает воды. В этих горах почти нет клочка земли пахотной, покосной и усадебной, на который не был бы положен сравнительно большой труд для того, чтобы можно было извлечь из него какую-либо пользу.

Нетрудно понять, что эти природные условия гор создали в самом начале появления там человека прочную поземельную собственность, ибо каждый человек отвоевывает у природы землю путем культивирования ее неимоверным и систематическим трудом, и кусок этот, натурально, не мог принадлежать другому лицу. Понятие о собственности на землю у горцев настолько сильно

---

* Во избежание недоразумений необходимо заметить, что эти сведения автором были помещены в газете «Каспий» в статье «...Аграрные вопросы...» и послужили материалом для речи депутата Государственной Думы Эльдарханова по аграрному вопросу горцев Терской области, произнесенной во 2-й Думе (Сост.).

развито, что они бы очень удивились, если бы им сказали, что есть в горах удобные земли или места, не составляющие чью-либо частную собственность. Укажем еще на веские данные, доказывающие существование в горских обществах права собственности на землю.

В этом народе с незапамятных времен и поныне существуют и действуют обычные поземельные права под названием «бегенда», «ортак», «эмчеклик» и т. п. Бегендное право заключается в том: собственник земли (джер-иеси), нуждаясь в деньгах или в другом движимом имуществе, отдает свой участок земли другому лицу за известную сумму или предметы на неопределенный срок или, правильнее, бессрочно с тем, чтобы взявший участок в бегенду и его потомки были вправе пользоваться участком до того времени, пока собственник земли или его наследники не возвратят им полученную от них бегендную сумму, т. е. заимодавец получает от должника в виде процентов доход с участка до уплаты ему долга.

Договор на бегендном праве срока не имеет, и бегенда иногда продолжается десятки и даже сотни лет, причем бегендное право переходит от поколения к поколению, но право собственности на участок остается за первоначальным хозяином и его потомками, и они во всякое время могут получить свою землю обратно, заплатив долг деньгами или натурою, или продать ее и подарить другим лицам в собственность, оставляя бегендное право за кредитором*. В случае возникновения спора между собственниками земли и бегендаторами первый должен, согласно обычаю, доказать свой иск или свидетельскими показаниями, или письменными договорами, в случае же отсутствия таких данных ответчик должен принять присягу в том, что ни его предки и ни он спорный участок не получали на бегендном праве.

Ортак заключается в том, что собственник земли, не имеющий почему-либо возможности обрабатывать свои земли, отдает их другим лицам на неограниченное число лет на условиях, чтобы взявшие их лица охраняли границы участков, содержали исправно огороды и водопроводные каналы, удабривали и орошали и половину скошенного сена или снятого хлеба с участков ежегодно натурою отдавали собственнику земель. В некоторых местах собственнику отдают одну треть или две трети дохода с участка, что зависит от качества и местонахождения участка, а также от степени трудности орошения, удобрения и ежегодной уборки камней. Ввиду сохранившегося и поныне в горских обществах родового быта преимущественное право на покупку, на бегендное и ортакское право земель и усадеб принадлежит родственникам по мужской линии собственника недвижимости, а затем смежным владельцам.

Чтобы объяснить сущность эмчекского поземельного права,

---

* Профессор Ковалевский предполагает, что это право перешло в Кавказские горы из Древнего Рима через Армению.

необходимо еще раз более подробно напомнить, что население горских обществ разделяется на несколько сословий: высшее – таубий, среднее – караузденъ или каракиши, третье – чагар и кул (крестьянские сословия) и, наконец, казаки и карабаши (рабы и рабыни).

Таубиям принадлежала верховная власть, и, конечно, они являлись более крупными владельцами – собственниками земель; каракиши находились в известной зависимости от таубиев; название же остальных сословий определяет их социальное положение; но и чагарам (крестьянам) не возбранялось иметь недвижимое; так что не было почти крестьянина, не имевшего собственного двора и какого-нибудь клочка земли, приобретенного тем или другим путем в собственность. Были даже и такие крестьянские семьи, которые имели больше многих каракишей*. После же освобождения их, последовавшего в 1867 г., многие из крестьян приобрели участки земель путем покупки и на бегендном праве от таубиев, и в настоящее время поземельное право таубиев, за малым исключением, не лучше положения некоторых бывших их крестьян.

Эмчекское право создавалось на такой почве: таубии отдавали, преимущественно каракишам, в бессрочное пользование участки своих земель. Получивший такой участок обязан был собственнику – таубию, во-первых, отдавать известную часть калыма при выдаче замуж своих сестер и дочерей за все время пользования полученным участком и, во-вторых, оказывать личные услуги, называясь «эмчком его», таубий же, кроме того, покровительствовал своему эмчеху и всегда являлся его защитником. Каждая таубиевская фамилия имела своих узденей и каракишей, которые несли известные личные и материальные повинности по отношению к своим таубиям. Последние иногда обижали их, поэтому узденъ или каракиши одного таубия считались эмчком другого таубия, чтобы, кроме получения от него земли на эмчекском праве, иметь еще защитника от самоуправства со стороны своего таубия. Но эмчек имел право во всякое время возвратить эмчекский участок земли его собственнику и освободиться от эмчекских обязанностей. Таубий тоже был вправе отобрать свой участок при неисполнении эмчком своих обязанностей. Вот это и называется эмчекскими поземельными правами и отношениями, которые и до сего времени сохранились между некоторыми фамилиями и родами.

Эти народные поземельные права и отношения, установившиеся в незапамятные времена, доказывают существование издавна в горских обществах ясного понятия о праве собственности на землю и самом праве.

Пустопорожние места, негодные для обработки по скудности почвы, по месту расположения и другим причинам и изображающие выгоны со скудной растительностью, а также некоторые летние

---

* Таубии больше заботились об интересах крестьян, считая их самих и имущество их своей собственностью.

пастбища составляют общее достояние или же каждого отдельного поселка, составляющего часть общества. Здесь необходимо некоторое разъяснение. Границы территории горского общества со стороны соседних народов издавна точно установленные, точно так же имеются определенные границы между самими 5 обществами. Мало этого, так как каждое горское общество состоит из отдельных поселков (аулов), отстоящих друг от друга на расстоянии от нескольких до нескольких десятков верст, то каждый поселок владеет собственным выгоном или группа поселков имеет свое пастбище, как, например, группа поселков, называемая «Верхняя Балкария», Балкарского общества, имеет собственное пастбище под названием «Штулу», которым не имеют права пользоваться жители нижних поселков Балкарского общества.

Полагаем, что приведенные данные достаточно подтверждают правильность взгляда и заключения бывших наместника Кавказа и военного министра в отношении землевладения и экономического положения добровольно принявших русское подданство горских обществ, т. е. что в этих обществах земли составляют собственность или частных лиц, или целых обществ, что, в общем, у этих горцев ощущается недостаток в земле для поддержания своего безбедного существования и что (даже в 60-х годах XIX века, когда там было в два раза меньше населения, чем теперь) необходимо им прирезать земли из плоскости кабардинских земель. Посмотрим теперь, приведены ли в исполнение, когда и как, Высочайше утвержденные проекты, основанные на представлениях кавказского наместника полвека тому назад, и в каком положении находятся в настоящее время горцы Нальчикского округа в отношении обеспеченности землей.

В 1863 году «свободными» кабардинскими сословиями заявлено было, как говорится в отзыве кавказского наместника, что в Кабарде не было частной земельной собственности, и на основании этого заявления, выраженного в акте 20 августа 1863 г., все кабардинские земли были признаны государственными. Но в правильности этого заявления сомневался и сам наместник, что усматривается из его же отзыва, выдержки из которого были приведены выше, теперь же достоверно известно, что Кодзоков²³, бывший председатель комиссии по разбору личных и земельных прав туземцев Терской области и «правая рука» начальника области Лорис-Меликова по управлению туземным населением, будучи сам по происхождению кабардинцем, немало работал в деле подачи упомянутого заявления высшими сословиями Кабарды и достиг этой цели через посредство некоторых влиятельных лиц из кабардинских князей и дворян, которые, кажется, впоследствии несколько раскаивались в своем не совсем бескорыстном поступке, хотя нельзя сказать, чтобы особенно были обижены.

Называть этих лиц по имени нет надобности, т. к. некоторые из них умерли сравнительно недавно, и описывать подробности этого дела теперь совершенно не к делу; пусть это делает будущий историк. Но о Кодзокове, игравшем значительную роль в

50–60-е гг. в истории туземного населения Терской и Кубанской областей, пройти молчанием нельзя. Кодзоков, сын простого, бедного кабардинца аула Тамбиевского, маленьким мальчиком был взят кем-то из служивших на Кавказе русских в Россию, где его выкрестили и дали образование, так что он является первым кабардинцем, получившим в России университетское образование. Молодые годы он провел в лучшем литературном кругу 40-х годов прошлого столетия и был вполне интеллигентным лицом и, по-видимому, демократического направления.

Умный и хитрый администратор Лорис-Меликов сразу понял, что этот человек, при умелом пользовании им, будет незаменим в проведении его идей в туземных народностях, и приблизил его к себе. Почву, на которой Кодзоков, развитой и не менее умный, подчинился влиянию Лорис-Меликова и сделался слепым орудием его воли, исполняя поручения, казалось, не вполне соответствующие взглядам и направлению самого Кодзокова, указал пишущему эти строки в 80-х гг. сам Кодзоков незадолго до своей смерти, уже будучи почтенным старцем, в следующих приблизительно словах: «Стремясь быть полезным для государства, а в частности и главным образом для своего народа, но, попав на ложную дорогу, я сделал много дурного, и это меня мучает, но ничего теперь не могу исправить... Так, например, принимая все чистые и нечистые меры к тому, чтобы заставить кабардинских князей и дворян добровольно отказаться от права собственности на некоторые родовые их земли, я думал, что все земли перейдут в собственность всего кабардинского народа, и Лорис-Меликов убеждал меня, что он преследует исключительно эту цель, но я ошибся: значительная часть земель роздана офицерам и чиновникам в собственность...».

Надо полагать, что тот же Кодзоков, преследуя ту же цель, какую преследовал в Кабарде, склонял и таубиев к подаче подобного же заявления об отсутствии в горах поземельной собственности, но они отказались от такой лжи, поэтому Кодзоков в роли председателя поземельной комиссии принимал все меры к тому, чтобы, вопреки проекту наместника, границы территории горских обществ отодвинуть как можно дальше в горы, и с этой целью возбудил кабардинцев с помощью своих соучастников против горцев, и они начали пограничные споры, благодаря чему фактическое размежевание пограничной линии совершилось через 20 лет, т. е. в 1883 г.

При этом горцы вынуждены были, дабы прекратить эти интриги и споры, отступить во многих местах дальше, чем следует, и отказаться от части земель, которыми они владели искони. Кодзокову же обязаны горцы тем, что осталось не приведенным в исполнение и предположение о перенесении некоторых кабардинских аулов, расположенных у самых выходов из горных ущелий, где горский скот мог бы иметь осеннее и весеннее пастбище, на низовья, об этом предположении упомянуто также в докладе военного министра. Таким образом, к горской территории земли не

прибавилось, а, скорее, убавилось при межевании границ.

За горцами осталось только право пользования наравне с кабардинцами так называемыми запасными пастбищами и лесами, расположенными между территорией горских обществ, с одной стороны, и кабардинских сельских наделов и пожалованных частным лицам участков — с другой, и оставленными во владении, с Высочайшего соизволения, Большой и Малой Кабарды и Горских обществ, но зато с учреждением общественного лесничества в этих лесах горцы лишились права свободной и бесплатной пастбы стад под лесами, без этих же лесных пастбищ, по неимению других, они не могут содержать скот, почему ежегодно они вносят в лесничество значительную плату за лесное пастбище. Кроме скотоводства, другой отрасли хозяйства у горцев нет и не может быть. Давно нет и той ничтожной побочной выручки, о которой говорилось в докладе военного министра, т. е. сбыта лучины²⁴ путем мены ее на зерно, так как нет потребности в ней со времени распространения керосина, да, кроме того, почти истреблены рощи сосен и елей, растущих на скалистых склонах гор.

Из сказанного ясно, что незавидное положение балкарцев, на что было обращено внимание бывшего наместника на Кавказе, в настоящее время с увеличением населения в 4 раза еще более ухудшилось, а значительная часть совсем обеднела; если же принять во внимание то, что горцы теперь несут такие общественные и казенные повинности, которых не было 50—60 лет тому назад, то это станет еще чувствительнее. Раньше каждый дом ежегодно платил повинности всего от 5 до 6 р. в год, в настоящее время приходится платить от 15 до 25 р. Те хозяева, которые еще стараются сохранить свое скотоводческое хозяйство, вынуждены арендовать земли у кабардинцев и казаков, а жители собственно Балкарского общества арендуют летнее пастбище на горном склоне Кавказского хребта в пределах Кутаисской губернии у казны и частных лиц.

Для того, чтобы иметь правильное понятие о положении и жизненных условиях горцев, надо побывать в жилищах обыкновенных тружеников, а не у сельских старшин, назначенных администрацией, и у единичных лиц, сравнительно зажиточных, как это делают чины различных ведомств и туристы, и надо видеть ежедневную пищу и одежду горцев. Трудно представить себе худшие условия жизни. Изба среднего русского крестьянина в сравнении с саклей горца — дворец. Постоянная пища горца состоит из печенного в золе чурека, сделанного из ячменя или кукурузной, плохо просеянной муки. При этом горец работает круглый год, так как у горцев в году только два праздника по 2—3 дня каждый, а по пятницам они работу прекращают только на время полуденной молитвы (джума) часа на два. Горцы ведут трезвую жизнь, и питейных домов у них нет. Чиновники, туристы и люди науки обыкновенно посещают горские общества летом, когда скалы, камни, даже земляные крыши домов покрыты зеленью и люди выглядят бодрыми, и по этому составляют понятие о земле и людях.

Надо бывать в горах поздней осенью и зимой, чтобы составить правильное понятие о земле и условиях жизни горцев. Такое безвыходное положение горцев является главной причиной заметного в последнее время стремления массы к переселению в Турцию, несмотря на отмеченную в упомянутом выше докладе бывшего министра Милютиня сильную привязанность к родине своей.

У горцев могла быть одна надежда на улучшение своего материального положения, а именно: на развитие в горах горно-промышленности, так как признаков нахождения в этих горах полезных металлов и минералов много, но предприниматели и капиталисты избегают наших гор ввиду неопределенности поземельных прав горцев, затянувшейся несмотря на то, что подробные сведения по этому вопросу были собраны, как это видно из приведенных выше выдержек, из представлений и докладов бывшего наместника Кавказа и военного министра еще в 60-х годах прошлого века, на основании которых было почти решено правительством признать за горцами право собственности на всю их территорию.

Только нынешний наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков недавно обратил внимание на это ненормальное положение и вновь назначил комиссию под председательством г. Абрамова для разработки поземельного вопроса, но и эта комиссия закончила свои работы, к сожалению, возбуждением массы недоразумений и жалоб.

Чтобы закончить настоящий очерк о балкарском племени, могущий дать хоть маленькое понятие об одном, затерявшемся в горных тущобах, из многочисленных кавказских племен, остается поговорить еще о горском словесном суде – учреждении, заменившем собою очень удачно, почти в самом начале присоединения к России Балкарии и Кабарды, древние судебные-законодательные народные учреждения «тёре» и «махкеме».

На первых же порах по присоединении Кабарды и горских обществ к России нужно было, кроме чисто административных учреждений, создать еще такое судебное учреждение, которое могло бы разбирать дела туземцев между собою по обычаям народа и шариату. Организовано было очень разумно такое учреждение под названием окружного народного суда, впоследствии переименованного в Нальчикский горский словесный суд. Суд этот изображал тогда из себя, даже и теперь, не чисто судебное, а административно-судебное учреждение, и в первое время оно как бы служило и посредником между представителями правительства и народом, проводившим правительственные начинания в народе.

Суд состоял из членов – депутатов народностей всего района, правильнее, пожалуй, представителей сословий, духовного судьи кадия и чиновника от администрации в роли председателя, хотя вначале фактически исполнявшего скорее обязанность секретаря, так как дела разбирались словесно и по обычаям, в которых чиновник не был сведущ, и роль председателя принадлежала стар-

шему по происхождению и возрасту депутату, в котором жители продолжали воображать себе олия.

Кроме этого суда, были учреждены еще так называемые участковые передвижные суды, в которых председательствовали участковые начальники, а членами были участковые кадии и депутаты от сословий. Участковые суды, разъезжая по аулам, разбирали на местах сравнительно маловажные дела и существовали до начала 70-х годов прошлого века, до организации аульных (сельских) правлений и сельских судов.

В окружной народный суд кадием и депутатами назначались самые лучшие и влиятельнейшие люди, которые и раньше управляли народом, заседали в «махкеме» и «тёре», и в народной жизни они продолжали играть значительную роль, поэтому их посредничеством пользовалась администрация в более или менее серьезных правительственных начинаниях.

Кадий и депутаты первого времени знали хорошо народные адаты и обычаи, были опытны, серьезно и бескорыстно относились к делу и пользовались полным доверием населения, кроме того, они и вне суда знали людей своих и их дела. Председателем администрации в суде тоже назначались самые развитые и часто получившие военно-юридическое образование офицеры и чиновники, как, например, г. Чернявский²⁵, впоследствии председатель в отставке, присяжный поверенный, и г. Грабовский²⁶, впоследствии председатель съезда мировых судей Владикавказского мирового округа. Поэтому окружной народный суд был на высоте своего положения.

Это симпатичное учреждение оказалось настолько соответствующим своему назначению и нужным для населения, что на основании Высочайше утвержденного указа 30 декабря 1869 г. о преобразовании судебной части и Высочайшего указа того же числа об устройстве Терской и Кубанской областей оно было оставлено с наименованием «Горский словесный суд», и изданы были для этого суда так называемые «Временные правила для горских словесных судов Терской и Кубанской областей», утвержденные наместником Кавказа 18 декабря 1870 г., и суды эти существуют до сего времени. Компетенция горского суда солидная, ему подсудны, кроме всех дел, подсудных мировому судье, гражданские иски на сумму до 2000 р., а Нальчикскому горскому суду до 4000 руб., и бракоразводные дела, а также уголовные дела, по которым виновные могут подвергаться наказанию в арестантских отделениях с лишением некоторых прав.

В горском суде все дела должны разбираться и решаться на основании народных обычаев, а брачные и из брака вытекающие дела – согласно шариату. Апелляционную и кассационную инстанцию горских судов составляют начальники областей. Но, к сожалению, в последнее время эти суды похожи на прежний суд, суд народный и по идее – суд совести, только лишь своим названием и составом. Депутаты судов последнего периода мало того, что неграмотные и не знают русского языка, но они не знают своих

народных обычаев и малоразвитые. Председательствующими назначаются чиновники или офицеры, не знающие языка народов и не имеющие ни малейшего понятия об обычаях и шариае и о самом народе.

Если к этому прибавить, что апелляционную и кассационную инстанцию для горских судов фактически составляют не начальник области, не помощники его, не правитель его канцелярии или советник областного правления, а чиновник в звании помощника правителя канцелярии и т. п., который между прочими делами читает дело суда и пишет доклады, рассматривать которые физически нет возможности ни начальнику области, ни другим упомянутым чиновникам по разнообразию и многочисленности лежащих на них обязанностей, то легко понять ненормальность положения дела. Этого не отрицает и само кавказское начальство, но оно добавляет, что будто бы горские суды отжили свой век и надо их упразднить. Мы не знаем о том, какими учреждениями предполагает начальство заменить горские суды, но не подлежит никакому сомнению, что взгляд этот ошибочен: горские суды нужны горским племенам, и будут они необходимы еще долго...

Следовательно, суды эти надо оставить, устранить недостатки их, а именно: надо улучшить материальное положение депутатов и кадия суда, чтобы лучшие и развитые люди из горцев шли на эти должности, надо улучшить также положение председательствующего и назначать на эту должность соответствующих людей и, кроме того, необходимо создать областные коллегияльные апелляционно-кассационные суды, которые периодически открывали бы свои заседания.

Вопрос о горских судах довольно серьезен, и всестороннее освещение современного положения этих судов требует много места, поэтому в этом очерке ограничиваемся изложенным, дающим общее понятие о горских судах.

Также приходится откладывать до более удобного времени описание домашнего и семейного быта балкарцев и положение женщины в этом народе.

В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ И ПЯТАЧКОМ

В редакцию газеты «Русское Слово».

В статье «Преддверье в Египет», помещенной в № 130 от 9 июня с. г. «Р. С.», г. К. Бальмонт пишет, между прочим: «...И во имя Корана, — книги, представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинических, — во имя книги, созданной из чужих лохмотьев...».

Хотя мое мнение гг. Бальмонтов о великом Магомете и его учении, которое, несмотря на всевозможные нападки и извращения в средних веках со стороны христианского духовенства и даже

лучших ученых людей (не Бальмонтов, конечно), распространилось по всему миру и имеет сотни миллионов последователей, неважно и, едва ли гг. Бальмонты обратят на себя внимание людей, действительно понимающих мусульманское ученье.

Но более чем странно появление на страницах серьезного органа печати, органа, который читается интеллигенцией 20-миллионного мусульманского населения России, кощунственных слов г. Бальмонта по отношению к святине всего мусульманского мира, и я как мусульманин и как подписчик «Р. С.» не могу не выразить своего неудовлетворения редакции этой газеты. Что же касается г. Бальмонта, то он, по меньшей мере, заслуживает презрения к себе всех мусульман России.

Невольно возникает вопрос: поместило бы «Русское Слово» на своих страницах выражение: Евангелие – книга, созданная из чужих лохмотьев, взятых из буддизма и иудаизма, если бы кто-либо вывел такое заключение на основании того, что в христианском учении встречается много общего с этими учениями. Надеюсь, редакция не откажет в помещении этой заметки в одном из ближайших номеров «Русского Слова».

М. Абаев

Многоуважаемый Магомет-Бек!

М. Абаев

Посылаю Вам, как редактору-издателю специального мусульманского органа и как мусульманину, настоящую копию моего письма для помещения в МУСУЛЬМАНИН, который, быть может, найдет нужным более серьезнее отозваться по этому поводу.

Уважающий единоведец

17-го июня 1910 г.

О КАЛЫМЕ

(Из пережитков старины)

Прошло со дня присоединения центральной части Северного Кавказа – Кабарды, Осетии и др. – столетие¹ и со дня покорения западной – Закубанской полосы² – полвека, а вредные обычаи горцев не искоренились, «обычай» же увоза девушек принял худшие формы. Это лишний раз доказывает, что исправить нравы – уничтожить кражи, разбои, увозы девушек и т. п. – административными мерами и вообще репрессиями невозможно и что умиротворить край и исправить нравы может только одно образование и воспитание...

Но тем не менее местные деятели и поныне не хотят отстать от старых приемов, говоря, что прежде надо искоренить зло, а

потом приняться за образование: «На образование и воспитание надо много времени и много денег, а до того времени надо же что-нибудь делать!» Но разве столетие – мало времени, разве денег, убитых на репрессивные меры в течение столетия, не хватило бы на открытие массы школ – низших и средних? За это время и на эти деньги, по крайней мере, теперешнее взрослое поколение горцев поголовно стало бы грамотным по-русски, а значительная часть успела бы получить среднее и высшее образование... Это все азбучные истины...

В настоящей заметке я имею в виду поговорить о так называемом «обычае» увоза девушек. Все, что делали до сих пор и делают для искоренения этого «обычая», никаких полезных результатов не имело и не будет иметь, прежде всего потому, что это явление никем серьезно не исследовано. Выставляют главной причиной калым, забывая, во-первых, что при увозах калым увеличивается и, во-вторых, что калым, или накях, существует и у других мусульман, стоящих в культурном отношении ниже и выше горцев, но не имеющих обычая увозить девушек.

Прежде чем говорить о вреде калыма и о желательности уничтожения его, надо выяснить, что такое калым, на чем и когда и кем он основан, действительно ли он является главной причиной увозов, с устранением которого могут прекратиться эти увозы; наконец, возможно ли уничтожить калым постановлениями и пожеланиями совещаний, сборов и т. п.

Начиная с 70-х годов прошлого века на наших глазах в Терской области создавались разные меры борьбы с «обычаем» увоза девиц; так, например, в Кабарде постановлением представителей народа и уполномоченных от аулов, утвержденным областным начальством, установлены были большие денежные штрафы за увозы девушек, и эти штрафы взыскивались с виновных административным порядком в течение ряда лет, причем за увозы засватанных девушек их женихами взыскивались штрафы с жениха и его товарищей, а за насильственные увозы и увозы с согласия самих девушек, но против воли родителей, виновные подвергались штрафу и еще уголовному преследованию (хотя кончавшемуся в большинстве случаев предварительным следствием за примирением сторон), но увозы не прекращались, виновные платили штрафы и калымы, а за увозы незасватанных девушек платили даже двойной калым.

В Осетии таким постановлением была установлена норма калыма с наложением штрафа на тех, кто даст или получит калым выше установленной нормы, но, по утверждении этого постановления начальством, несколько лиц демонстративно заплатили крупные калымы и от уплаты штрафа отказались, на суде же заявили, что никто не вправе запретить им ни по закону, ни по шариату дарить своей невесте, ее родным или своей жене хотя бы и все свое имущество, и суд не признал их виновными. Это все ясно доказывает, что, во-первых, не калым играет главную роль в существовании зла и, во-вторых, все административные меры борь-

бы с этим злом нецелесообразны, и пока не явится сознание массы о вреде и дикости обычая увозов, они не прекратятся, сознание же это может быть вызвано образованием и воспитанием молодого поколения.

Возникает вопрос: будет ли полезно уничтожение калыма вообще? Калым установлен законом пророка одновременно с созданием закона о браке и расторжении его; причем определена минимальная норма калыма с предоставлением права жениху или мужу увеличить эту норму неограниченно по своему желанию и средствам, и щедрость жениха одобряется, даже восхваляется. По закону этот калым составляет собственность жены, и если вначале калым был получен родителями невесты, но она во всякое время может взять его себе от родителей и от их наследников, и давность не допускается.

Таким образом, значение калыма — не выкуп за девушку, а обеспечение женщины на случай развода. По закону Магомета, расторжение брака допускается по взаимному соглашению супругов, следовательно, Магомет, предоставляя преимущественное право мужу на развод, по каким-либо видам нашел нужным подвергнуть его материальной ответственности перед женой для обеспечения последней.

Несмотря на то, что Магомет советует серьезно относиться к делу расторжения брака и необдуманно не давать развода жене, но раз мужья пользуются преимущественным правом во всякое время и без объяснения причин давать развод своим женам, то на практике советами пророка невежественные люди редко руководствуются и легко прогоняют своих жен, женясь на других, или берут вторую или третью жену.

Противовесом или удерживающим от дурного и легкомысленного поступка элементом со стороны мужей поставлен калым, который действительно в настоящее время играет видную роль. Калым этот удерживает и жен от легкомысленных поступков, так как если развод совершается по их вине, то они должны возвратить обратно весь полученный калым. Слово «обычай» я поставил между кавычками, потому что древнего обычая насильственного увоза девушек у горцев не было, а бывали случаи, когда родители жениха и невесты хотели избежать торжества свадеб, сопряженного с расходами и хлопотами, и жениху предоставляли потихоньку увезти невесту, и, чтобы оправдать себя перед общественным мнением, говорили, что молодой увез девушку насильно; или же в таких случаях, когда молодые влюблялись друг в друга, а родные или кто из них не соглашался на брак, то жених с согласия девушки похищал ее, и в этом случае, кроме калыма, он делал еще подарки родным девушки якобы за оскорбление дома...

В последнее время похищения девушек участились и приняли преступный характер благодаря порче нравов и отчасти первому

проводнику цивилизации – водке, напившись которой, часто молодые люди совершают насильственный увоз девушки, которой никогда и в голову не приходило выйти замуж за насильника. Значит, причиной увозов является не калым и не обычай, а невежество и дикость, против которых должны бороться администрация и сами горцы не репрессиями, а распространением образования.

Господам доверенным Большой и Малой Кабарды и Горских обществ Нальчикского округа Терской области жителя Балкарского общества таубия корнета Мисоста Абаева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имея в виду, что наше общество постоянно сочувственно относится к делу просвещения и всегда охотно оказывает материальную помощь в деле образования детей не только недостаточным родителям¹, но даже имеющим вполне достаточные средства и возможности воспитывать своих детей на собственный счет, я обращаюсь с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным назначить из общественных средств стипендию в размере 300 рублей в год дочери моей Сафьят² с 1 января будущего 1894 года, которую я рассчитываю воспитывать в здешней (Екатеринодарской) городской женской гимназии приходящей воспитанницей.

Смею уверить, что если бы я имел возможность воспитывать эту и других подрастающих своих детей собственными средствами, то не позволил бы себе утруждать Вас настоящей просьбой. При этом я надеюсь, господа, что Вы, сознавая необходимость учить девочек, так же как и мальчиков, хоть ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных подруг жизни, не то что сделаете исключение, но особенно сочувственно отнесетесь к моему желанию, и я со своей стороны постараюсь и буду принимать все меры, насколько это будет зависеть от меня, чтобы дочь моя, получивши образование, все-таки была бы скромной горянкой-мусульманкой.

О результате прошу не оставить уведомить меня по адресу: г. Екатеринодар, участковому начальнику корнету Абаеву.

1893 г., 14 окт.
г. Екатеринодар

Корнет **Мисост Абаев**

г. Начальнику Нальчикского округа корнета М. К. Абаева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дочь моя Фатимат¹ изъявила желание приобрести права на звание акушера-фельдшера для того, чтобы по окончании курса служить при Кабардинской общественной больнице в Нальчике.

Ради пользы своих родичей я охотно соглашаюсь исполнить благое желание дочери, но сам я не имею средств для удовлетворения этого желания. Поэтому прошу не отказать предложить предстоящему сбору доверенных Кабарды и Горских обществ отпустить моей дочери из общественного капитала необходимую сумму на поступление в подходящее учебное заведение и окончания в нем курса, отобрав от нее обязательство служить после окончания курса при общественной больнице.

О последующем прошу мне сообщить.

Корнет **М. Абаев**

*29 августа 1911 г., Георгиевско-Осетинское,
Баталпашинского отдела Кубанской области*

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Мне рассказал эту легенду старый горец.

Давно это было, говорил он мне. Еще тогда, когда великий Аллах только что сотворил мир этот и человека.

Люди не были такими, какими мы видим их теперь. Не было злобы между ними тогда, не было вражды. Все жили, как братья, и все любили друг друга. И великий Аллах с высоты небесной созерцал эту жизнь человеческую, и была она ему очень угодна. И он благословлял мир, благословлял человека. И от этого еще лучше делалась жизнь на земле.

Ласковое солнце смотрело с голубого неба, прогоняя далеко от земли дух стужи и холодных ветров. По ночам любовался мирно и безмятежно спавшей землей месяц золотой. И звезды изумрудные тоже глядели на землю и тоже любовались разлитым вокруг счастьем и добром. По ночам из тех мест, где находился рай, прилетал тихий ночной ветерок и убаюкивал безгрешную землю чудными райскими песнями, песнями о правде.

Тогда и звери не питались мясом и не пожирали друг друга. Для всех были пищей чудные плоды и роскошная трава. Так было тогда все хорошо и прекрасно на земле.

И позавидовал этому Дух тьмы. Злобой великой вскипел он.

– Я должен разрушить это счастье, – сказал он. – Я должен посмеяться над добром и поработить правду. Да здравствует же тьма и злоба и да царит в мире насилие!

И Дух тьмы сделал это. Сделал так ловко и хитро, что сам

великий Аллах еще не заметил этого. Он воздвиг везде жертвенники и храмы.

– Что это такое? – спрашивали люди.

– Это – храм Правды! – отвечал Дух тьмы, прикинувшись добрым гением. – Дух злобы силен и могуч. Он борется с правдой и добром. Он может внести разлад в этот мир счастья и порядка. Люди начнут тогда творить беззакония и совершать всякие преступления. И вот тогда храмы эти окажут народу великую услугу. Здесь будут жрецы. И жрецы эти будут бороться со всем, что дурно, и жечь неправду на жертвенниках этих.

И были построены храмы, а в них назначены жрецы-прислужники. Жрецам принадлежало общее наблюдение. Прислужники же должны были блуждать по всем местам, где жили люди, и наблюдать за тем, что происходит.

И сказали люди:

– Благодарение тому, кто подумал о нас и оградил нас от всякой неправды. Теперь мы вне опасности. Теперь мы не боимся ничего. Да здравствует правда! Ура!

И прислужники тоже кричали ура, а жрецы смиренно воздвигали руки к небу.

В это время на крыльях воздушных слетела Правда и сказала:

– Люди! Не верьте тому, что вам говорят. Вас обманывают. Я – Правда. И я уверяю вас: это не мои храмы. Мне не нужно храмов. Вас хотят окупать тьмой.

– Кто здесь шумит? Кто нарушает порядок и радость всеобщую?

И Правду схватили и повели в храм.

– Вот этот человек вносит злобу везде и хочет уничтожить счастье на земле. Побить его и посадить в подземелье.

И Правду посадили.

И она с тех пор сидит там, в этих подземельях, закованная в кандалы.

Но учения Правды еще живут среди людей. Многие помнят их и передают другим. Это не может нравиться жрецам, и они стараются всеми мерами искоренить таких людей.

А из храмов раздается немолчный и злорадный гимн этих жрецов. Только недолго это будет. Правда выйдет из подземелий. Стряхнет оковы свои и рассеет тьму и злобу. Тогда опять наступят хорошие времена.

Это будет, должно быть.

Аллах не может забыть Правды и когда-нибудь вспомнит о ней.

У МОГИЛЫ ИСЛАМА*

...Последние новые домики небольшого поселения остались

---

* Автограф рассказа М. Абаева хранится у З. Боташевой – исследовательницы жизни и творчества Ислама Крымшамхалова, которому посвящены эти раздумья М. Абаева. (Сост.)

позади. Теперь только деревья чернеют под снегом, близко подступили великаны-горы под чистым своим белоснежным покрывалом.

Было все тихо, мертво. Только солнце с далекого синего неба говорило о жизни, заставляя своими лучами искриться снежинки.

По дороге медленно движется печальная процессия. Впереди на санях везут тело, за ним верхами едут родные, друзья, односельчане того, кто кончил с этим миром, с его случайными радостями и горем.

Вот там, впереди, за поворотом, на поляне, на старом кладбище, рядом с «шиихами», могилы которых и теперь свято чтит народ, похоронят Ислама.

Там, под высокими соснами, будет покоиться прах его. И долгие годы будет приходить еще народ к его могиле, долго будут помнить, что здесь лежит тот, кто в земной своей жизни работал на счастье народа, кто так умел любить родные суровые горы, бедный, темный народ свой с его своеобразными обычаями, с его преданиями, песнями, со славным прошлым и темным, грустным настоящим.

Вот и кладбище, вокруг готовой могилы стоят несколько человек, они работали здесь. Тихо приблизилась похоронная процессия. С молитвой опустили тело в могилу. Вот и могила засыпана, молитва окончена.

Нет больше Ислама, навсегда закрыты его глаза, такие скорбные в последнее время. Каким светлым умом блестели они еще совсем недавно!

Не прозвучит его смелое горячее слово в защиту правды и справедливости на народном сборе. Не звучать его тихой задумчивой речи о вечной правде, о цели жизни, о призвании человека в жизни, не защемит тоской его сердце при виде зла, неправды, творимым... Отдохнет Ислам...

Солнце уже зашло за горы, его косые лучи последний раз осветили могилу и группу людей возле и исчезли. Снег уже не сверкал, и горы стали как-то выше, суровее, будто ближе подступили и думают свою вечную думу. А люди все еще стоят в глубокой задумчивости.

По лицу старого Ахмата – друга покойного – катились слезы, но он не замечал их, он переводил глаза с могилы на живых и думал: «К чему люди мечутся, топча друг друга из-за пустяков, хлопчут весь век о наживе, когда все кончится вот этой могилой?» Он всматривался в лицо поодаль стоящего старика – врага его... Этот старик при жизни Ислама старался во всем вредить ему, а теперь смерть всех примирила, и он вместе с другими сельчанами работал над могилой.

Магомет не сомневался, что завтра он уже примется за свои прежние дела, и не раз, может быть, со злорадным чувством вспомнит, что Ислама нет уже, но сейчас лицо его задумчиво и грустно.

К чему ссора, вражда и ненависть? Не одно ли нужно и важно в этой короткой жизни: доброе отношение друг к другу, общая работа во имя любви.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Наши миротворцы

Данная корреспонденция – одна из первых публикаций М. Абаева. Она была напечатана в газете «Терские ведомости», 1894, 16 ноября. Подписана псевдонимом «Житель».

¹ По современной орфографии – Сарбашев.

Калым и его последствия

Статья опубликована в «Терских ведомостях» (1894, № 147, 16 декабря) под псевдонимом «Горец».

Интересный документ

Сообщение Мисоста Абаева опубликовано в газете «Кавказ» (1895, № 230, 31 августа) с редакторской припиской – «Мы получили из Нальчика от г. Абаева следующее письмо» и «Нельзя не пожалеть, что г. Абаев, сообщая об интересном документе, не упоминает, какая его постигла участь и в чьих он находится руках».

¹ Этот камень – один из первых известных письменных памятников карачаево-балкарского языка – вызывает большой интерес ученых разных специальностей. Как видно из этой публикации, утверждения некоторых историков (см., например: *Байчоров С. Карачаево-балкарский арабско-письменный памятник и его отношение к карачаево-балкарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982*) о том, что памятник открыт Н. П. Тульчинским в 1903 году, неверны. Сообщение М. К. Абаева отодвигает время открытия памятника и введения его в научный оборот почти на 10 лет. М. Абаев также первым дал краткую палеографическую характеристику памятнику.

Арабско-письменный памятник заинтересовал Н. П. Тульчинского, впоследствии члена Абрамовской комиссии, который в статье «Пять горских обществ Кабарды», писал: «...в Хуламском ущелье, выше сел. Схуру, в развалинах башни нашли два плитовых камня, один большего размера, другой – малого; на большом камне вырезаны арабскими буквами на горском языке слова, которые гласят, что собрались почетные люди (имярек) от крымского хана, из Кабарды и от горцев, установили границы горских владений от крымских и русских владений. На другом камне тем же шрифтом и языком начертано, что вследствие спора каракеша

Бекмурзы Гиркокова (Гергокова. – Т. Б.) с кем-то (не указано, с кем) свидетели из Баксана Исмайл Урусбиев, из Балкарии Муртазали Биев, из Хулама Султан Шакманов и др. – установили границы владения Бекмурзы Гиркокова: судя по этим границам, у него оказываются обширные владения. Все это происходит по магометанскому исчислению в 1127 г., а по нашей эре в 1711 г.» (Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 169).

Арабописьменный текст памятника был издан в прорисовке Л. И. Лаврова в книге «Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках» (Ч. 2. М., 1968). В последующие годы памятник широко привлекался в качестве документального источника начала XVIII века историками, этнографами, языковедами.

² В начале 80-х годов XIX века была сделана попытка разрешить земельный кризис в Балкарии. Она имела неожиданные последствия – интересы балкарцев были еще более ущемлены, большинство спорных и пограничных земель были переданы во владение кабардинским феодалам.

Горские школы

Статья напечатана в газете «Кубанские областные ведомости» в 1895 году, № 95. Подписана литером «А». На принадлежность статьи М. Абаеву указывает сам автор в следующей статье «Открытие Панежукаевского училища».

Открытие Панежукаевского училища

Напечатана корреспонденция в газете «Кубанские областные ведомости» 10 ноября 1895 года. Подписано: «М. Абаев. г. Екатеринодар».

¹ Малама Я. Д. – начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант.

² Так в тексте; верно: сервирован.

³ Лепс – мясной борщ. Здесь и далее описываются, в основном, блюда адыгской кухни.

⁴ Шха-тура – смысл неясен, видимо, термин искажен при наборе.

⁵ Лли-гажа – жареное мясо, шашлык.

⁶ Гедлибже – курятина с подливкой.

⁷ Халива – пирожки.

⁸ Бореч – видимо, искаженное от карачаево-балкарского «бёрек» – пирожок.

⁹ Прунш со шху – рисовая каша с кислым молоком.

¹⁰ Тхурумбей – сладкое блюдо в виде печенья.

¹¹ Мазан И. И. – генерал-майор, атаман Екатеринодарского отдела Кубанской области.

¹² «Берекет берсин» (тюрк.) – приветствие: «Да будет изобилие!»

¹³ Шарданов – имеется в виду кабардинский инженер и публицист Бекмурза Шарданов.

¹⁴ Шкиль Г. М. – инспектор народных училищ Кубанской области.

О горских школах

Статья напечатана в газете «Кубанские областные ведомости» 19 июня 1896 года, подписана «М. Абаев».

¹ *Бжедуги-химишейцы* (искаженное от *хамышевцы*) – подразделение адыгов-бжедугов, проживающих между реками Афиписом и Псекупсом. Они говорят на особом диалекте. (См.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С.152.)

² *Шепгенеевцы* – видимо, искаженное название жителей аула Шабанхаль, основанного в 1800 году. Сейчас находится на территории Теучежского района Республики Адыгея.

³ *Шапсуги* – наиболее многочисленное адыгское племя, проживавшее на территории Кубанской области. Места нынешнего расселения – Краснодарский край и Республика Адыгея.

Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области

Статья напечатана в газете «Каспий» (1898, № 247), подписана псевдонимом «Горец».

Письмо в редакцию газеты «Каспий»

Напечатано под псевдонимом «Горец» в газете «Каспий» (1902, № 20). Поводом для выступления в печати М. Абаеву послужило напечатанное в той же газете за № 14 следующее сообщение:

«Нальчик. В чеченском обществе, Нальчикского округа, Терской области, в безлесных горах в верховьях реки Терека, на утесе гребня, вдающегося в ущелье, стоят две полуразвалившиеся четырехугольные башни. У подножия их – аул Хулам. Башни эти имеют характерный вид сторожевых башен. И вот, оказывается, здесь к этим башням устроен подземный водопровод гончарными трубами. Помимо исторической давности, этот водопровод интересен еще тем, что он подавал воду по закону сифона, т. е. оконечность водопровода у башен выше его середины, проложенной через балку. Устроен водопровод обычную смычкою труб, заложен на глубине 1–2 аршин. Нашли его, по словам «Т. В.», горцы случайно при постройке саклей. Водопровод около версты протяжением. Началом его и теперь пользуются жители».

Аул Шенжий

Корреспонденция подписана псевдонимом «Горец» и напечатана в газете «Свобода печати» (1907, № 20).

Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»

Напечатано в журнале «Мусульманин» в 1910 году, № 4. Подписано «М. Абаев». Письмо написано по поводу статьи М. Хаджетлаше,

редактора журнала «Мусульманин», напечатанной в мусульманском отделе журнала «Братская помощь», за подписью «Ахмет-бек Алпаев», в которой автор анализирует ряд статей о Кабарде, утверждающих об отсталости Кабарды от других народов Кавказа. М. Абаев солидарен с М. Хаджетлаше и в свою очередь несколько идеализирует положение дел в Кабарде и Балкарии, хотя и вполне законно возмущается поверхностным подходом к характеристике уровня культуры и национального сознания кабардинцев и балкарцев.

Горцам Северного Кавказа

Напечатана статья в журнале «Мусульманин» (1910, № 8). Подпись: «М. Абаев».

Большой вопрос

Статья напечатана в «Мусульманине» (1910, № 10). Подписана «М. А.».

¹ *Дондуко-Корсаков М. А.* – в 80-е годы XIX века – главноначальствующий на Кавказе.

² Процесс переселения был болезненным и антинародным. Лицемерие царского правительства в этом вопросе раскрывали в своих публикациях как представители горской интеллигенции, так и передовые общественные деятели России. Так, например, в 1887 году в своих «Очерках Кавказа», обсуждая действия правительства, Е. Марков писал: «Поселить в туземных племенах неудовольствие, волнения, беспорядки, бросить их намеренно в объятия Турции, убедить правительство, что цивилизация и русское владычество несовместимы с их разбойничьими вкусами, и потом, в виде мудрой государственной меры, выкинуть их из их собственной страны, чтобы вознаградить самих себя за свои государственные заслуги садами и полями, терпеливо, в течение столетий, возделываемыми этими мнимыми разбойниками, – вот та система, которая смело поднимает голову...» (с. 303).

Кабарда проснулась

Статья напечатана в журнале «Мусульманин» (1911, № 3). Подписана «М. Абаев».

¹ *Далгат* – Мисост Абаев имеет в виду дагестанца Магомеда Далгата, работавшего в Нальчике. Он лечил известную украинскую писательницу Марко Вовчок во время ее пребывания в Нальчике. Впоследствии М. Далгат – городской врач г. Владикавказа. Вместе с Абаем Шахановым и его однокурсником Киселевым М. Далгат участвовал в ликвидации эпидемии дифтерита в Терской области. Магомед Далгат принимал активное участие в общественной жизни старого Владикавказа. Он – один из инициаторов создания «Общества распространения грамотности и технических сведений...» и газеты «Казбек».

² *Врач Шогенов* – Бекмурза Муссович Шогенов (1874–1928) – первый кабардинец с высшим медицинским образованием, окончил медицинский факультет Киевского университета. См. о нем: *Нахушев Х. Т.* К истории развития здравоохранения Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1967.

³ *Шаханов* – Басият Абаевич Шаханов (1879–1919) – известный юрист и талантливый публицист, один из основоположников дореволюционной карачаево-балкарской литературы.

⁴ *Чежоков* – имеется в виду Хамид Исмаилович Чижоков (1881–1935) – юрист, судебный следователь Владикавказского округа. После Февральской революции – комиссар Нальчикского округа, назначенный Временным Правительством. В период гражданской войны – начальник Нальчикского округа.

Балкария

Исследование напечатано в журнале «Мусульманин» (1911, № 14–17, с. 586–627). Подпись – «М. К. Абаев».

¹ *Ковалевский М. М.* (1851–1916) – известный русский ученый-историк, этнограф, социолог, академик Петербургской Академии наук. Особое внимание уделил в своих трудах исследованию общественного строя горских народов Кавказа – карачаевцев, балкарцев, осетин, сванов, пшавов, народностей Дагестана.

² *Миллер В. Ф.* (1848–1913) – выдающийся русский ученый, ориенталист, фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской АН. Был профессором Московского университета, с 1897-го по 1911 год возглавлял Лазаревский институт восточных языков.

³ М. Абаев имеет в виду совместные работы В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского:

1. Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. // ИКОРГО. 1883. Т. 8. Вып. 1.

2. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4.

3. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Т. 1. Кн. 1, 2.

⁴ *Сра* – национальный вид пива, приготовленный из проса или ячменя. Упоминание о сра (в форме «сыра») встречается в письменном памятнике западно-кыпчакских тюркских народов XIV века «Кодекс Куманикус». В современном карачаево-балкарском языке произошла семантическая трансформация слова, и оно обозначает вино.

⁵ *Баксануко Суншев* – Баксанук Суюнчев. В карачаево-балкарском фольклоре существует несколько вариантов песни о легендарном князе из Безенги Баксануке Суюнчеве. Еще до революции Н. П. Тульчинским была опубликована песня «Баксануко», записанная Наурузом Урусбиевым (См.: *Тульчинский Н. П.* Поэмы, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1904. С. 289–291.).

Оригинал песни сохранился фрагментарно и опубликован в книге «Къарачай халкъ жырла» (М., 1969. С. 73):

---

* Крепость Баксанука до сих пор сохранилась у развалин старого Безенги.

** В тетрадах Н. Урусбиева – князь Шаулох Таусултанов.

Поэтому мое мнение: Быллым как владение древнего Баксана отдать Урусбиевым, а Гестенти оставить Малкаруковым, как и водилось до сих пор».

Тёре вынесло решение, как сказал Жабаги, и спорящие не возражали. Свое согласие они выразили и перед членами Тёре. Но вскоре, пожалев о данном согласии, они начали между собой ожесточенное сражение. Тогда случились и человеческие жертвы. Говорят, что это был первый случай, когда решение Тёре было нарушено» (*Подстрочный перевод*). (Фольклорный фонд КБИГИ, паспорт 3, 1985 кассета, запись 1982 г.)

¹⁰ *Течей, течейли* — опечатка; правильно: *тегей, тегейли* — карачаево-балкарское название осетин-иронцев.

¹² См. о памятнике в комментариях к статье М. Абаева «Интересный документ».

¹³ «*Кърым семенле*» — существует предположение, что в карачаево-балкарском фольклоре бытовала эпическая поэма «Кърым семенле». Полностью она не сохранилась. Сегодня нам доступны два варианта поэмы с инвариациями под названием «Ачей улу Ачез». Интересные наблюдения о бытовании и трансформации поэмы содержатся в статье фольклориста М. Джуртубаева «Песня об Ачее» (Кабардино-Балкарская правда. 1988. № 219).

¹⁴ *Асланбек Кайтукин* — кабардинский князь, жил в XVIII веке. Къайтукъ улу Сары Асланбек — персонаж множества легенд и преданий, а также песен карачаево-балкарского фольклора, известен как предводитель карательных экспедиций в балкарские ущелья. Такие же характеристики содержатся в отношении Кайтукина и в осетинском фольклоре.

¹⁵ *Жабаги Казанок* — общественный деятель Кабарды (1685–1750). Легенды и предания донесли до наших дней образ народного заступника и мудреца. Жабаги Казанок считают своим и кабардинцы, и балкарцы. Споры о национальной принадлежности Жабаги нашли отражение в сборнике «Жабаги Казанок. К 300-летию» (Нальчик, 1987). Деятельность Жабаги Казанок имела ярко выраженную гуманистическую направленность, система его взглядов оказала большое влияние на выработку морально-этических установок кабардинцев и балкарцев.

¹⁶ В тексте искажены слова. Правильное написание текста на кабардинском языке: «Клы леймы дэсго (тесгуэ) Басиятыпщ(э) Кушыку и къуэ Алшагъыр пцы(р) къаклуэм. Жэуап иритыркъэм, уэркъ къаклуэж флэхъус ирихыркъым». Перевод: «На нехорошей земле живущий басиятский князь Кучука сын Алшагир, князь придет когда, ответа ему не дает, уорк придет когда, не приветствует его».

¹⁷ *Хизни-башы* — верховья реки Хызны-су. Территория современного села Ташлы-Тала Лескенского района.

¹⁸ *Баранта* (тюрк.) — разбойничий набег, самовольный захват скота или какого-либо другого имущества исключительно с целью принудить их владельца или его родичей дать удовлетворение за ранее понесенную обиду или возместить ранее причиненный имущественный ущерб.

¹⁹ *Гыпы* — 1) грибок, закваска для кефира; 2) кисломолочный продукт, вырабатываемый тюркскими народами с древнейших времен. См. об этом подробнее в книгах: *Игнатъев В. Кефир // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895. Т. 15. С. 36–39; Тарасов А.*

Карачаевские очерки // Северокавказский край. Ростов н/Д., 1925. № 9; *Атманских А. А.* Карачаевский айран. Баталпашинск, 1915; и др.

²⁰ *Лорис-Меликов Михаил Тариелович* (1825–1888) — русский государственный деятель. Фактический руководитель военных действий на Кавказе в 1877–1878 гг. во время русско-турецкой войны. В 1880 г. — начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880–1881 гг. — министр внутренних дел. В своей деятельности сочетал репрессии против революционеров с уступками либералам.

²¹ *Великий князь Михаил Николаевич* (1832–1909) — в 1863–1881 гг. — наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией военного округа. В период его наместничества были окончательно покорены народы Западного Кавказа, Предкавказья, Чечни, Дагестана и учреждены в этих областях административно-судебные органы.

²² *Милютин Дм. Ал.* (1816–1912) — граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургского АН (с 1866 г.), профессор Военной Академии. В 1861–1881 гг. — военный министр, умеренный либерал, провел буржуазные военные реформы 1860–1870-х гг.

²³ *Кодзоков Дмитрий (Лукман) Степанович* (1818–1893) — общественный деятель Кабарды XIX века, воспитывался в семье известных политических деятелей России, славянофилов Хомяковых. Автор проекта по земельному устройству Кабарды. Некоторые положения его проекта были приняты кавказской администрацией в период аграрно-крестьянской реформы в 60-е годы XIX века.

²⁴ *Сбыт лучины* — традиционный промысел карачаевцев и балкарцев. Промысел потерял свое значение с широким распространением керосиновых светильников в конце XIX века.

²⁵ *Чернявский А. И.* — в 60-е годы XIX века — председатель администрации в суде Нальчикского округа, впоследствии секретарь съезда, канцелярский служащий Екатеринодарского судебно-мирового округа.

²⁶ *Грабовский В. В.* — присяжный поверенный, позднее председатель съезда мировых судей Владикавказского судебно-мирового округа, в 1894 году — участковый мировой судья 2-го участка (Баталпашинск).

В погоне за славой и пятачком

Отклик Мисоста Абаева на статью К. Бальмонта напечатан в журнале «Мусульманин» (1910, № 17, № 18, с. 380–381).

Статья К. Бальмонта «Преддверье в Египет», вызвавшая гнев и возмущение Мисоста Абаева, была напечатана в газете «Русское Слово» в 1910 году, № 130. Она предвляла цикл очерков — «Письма из Египта». В этой публикации известный поэт анализирует литературу о путешествиях в арабские страны, в дневниковом жанре повествует о своем походе в Аравию, рассказывает о древностях Египта, его богатой мифологии, особо отмечает «два центральных места — библиотеку и музей» Александрии. К. Бальмонт, останавливаясь на трагической судьбе александрийской библиотеки, замечает: «Арабы же, народ хищников, несущих разрушение для разрушения, имеют нищенскую долю творческой

способности, и что дали доброго, то взяли у других, а сколько уничтожили и как уничтожили?» «И во имя Корана, — книги, представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинских, — во имя книги, созданной из чужих лохмотьев, сокровища египетского и европейского гения 6 месяцев служили, чтобы топить публичные бани», — пишет К. Бальмонт в путевых записках. Эти и другие сентенции К. Бальмонта, оскорбительно трактующие святыню мусульман — Коран и уничижительно характеризующие арабскую культуру, не могли не вызвать протеста среди мусульман России. Возмущенный выходкой К. Бальмонта, М. Абаев написал в редакцию «Русского Слова». Однако газета не посчитала нужным опубликовать его письмо, и поэтому М. Абаев напечатал его в «Мусульманине».

О калыме

Напечатано в журнале «Мусульманин» (1911, № 18–21). Подписано «М. Абаев».

¹ Фактическое и окончательное присоединение народов Центрального Северного Кавказа к России произошло в конце 20-х годов XIX века после военной экспедиции генерала Эмануэля.

² Так называемая Закубанская полоса Кавказа была формально присоединена к России в конце XVIII века в результате включения Крыма в состав России в 1783 году после Кючук-Кайнарджийского мира. Завоевание и покорение горских народов Закубанья продолжалось до 1864 года. В 1860 году была образована Кубанская область, в состав которой вошли все горские участки. См. об этом: Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917 гг.) / Сборник документов. Ростов н/Д., 1985.

Заявление

(Господам доверенным Большой и Малой Кабарды и Горских обществ Нальчикского округа)

¹ Недостаточные — малообеспеченные.

² Сафият — старшая дочь М. К. Абаева, родилась в 1884 году. Одна из первых горянок — общественных деятелей. Образование получила домашнее. После установления Советской власти работала учительницей. В 1924 году переехала с семьей в Дагестан, где принимала активное участие в организации артелей народных промыслов, детских садов и учительских курсов для горянок. Муж Сафият — Ибрагим Хамзатович Урусбиев, племянник известного Исмаила Урусбиева, принимал активное участие в деятельности Нальчикского окружного совета. Был незаконно репрессирован в 1927 году вместе с видными революционерами Кабардино-Балкарии Назиром Катхановым, Мажидом Фанзиевым и др. Реабилитирован посмертно. После смерти Ибрагима трое его младших детей были усыновлены братом Сафият — Исмаилом Абаевым. До самых

последних дней своей жизни Исмаил заботился о племянниках. Благодаря его стараниям старший сын Сафият — Умар поступил в Московскую консерваторию. Он был талантливым скрипачом, но умер от скоротечной чахотки в 1934 году. Дочери Фатима и Мадина окончили Новочеркасский геологоразведочный институт. Впоследствии Фатима участвовала в строительстве Братской ГЭС, младший сын Долгат погиб в Великую Отечественную войну. Младшая из детей Сафият — Даута — первая балкарка, защитившая кандидатскую диссертацию.

Заявление

(г. Начальнику Нальчикского округа)

Написано 29 августа 1911 года.

¹ Фатимат — третья дочь М. К. Абаева, родилась в 1892 году. Образование получила домашнее. Первая женщина-балкарка, выступившая в печати еще до революции. Подробнее о ней см. в журнале «Минги Тау» (1990, № 2).

Горская легенда

Напечатана под псевдонимом «Горец» в газете «Казбек» (1903, № 1614, 10 июня).

У могилы Ислама

Рукопись эссе обнаружена карачаевской исследовательницей З. Хабичевой-Боташевой и опубликована ею в книге «Очарованная душа».

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ ПОТОМКОВ МИСОСТА АБАЕВА

Мисост Кучукович Абаев — историк, публицист, просветитель, общественный деятель Северного Кавказа последней четверти XIX — начала XX века. Родился в пос. Шканти Черекского ущелья в семье князя Кучука Абаева. Был женат на дочери богатого и влиятельного балкарского князя Джанхот-хаджи Джанхотова Гошаях. Социальное происхождение Мисоста Абаева трагически отозвалось на судьбе его детей и внуков. В конце 20-х годов XX в. некоторые из них были репрессированы, многие вынуждены были покинуть Родину навсегда.

Представляет большой интерес судьба потомков Мисоста Абаева, внесших большой вклад в развитие культуры, медицины, образования Северного Кавказа. Прежде всего, это относится к его детям — дочерям *Сафият*, *Гошаях*, *Фатимат*, *Жаннет* и сыну *Исмаилу*.

1. **Сафият** (24 ноября 1884, Нальчик — 1953, Москва) по окончании учительских курсов работала в одной из школ Нальчика. После переезда в Дагестан вела там большую просветительскую работу среди женщин. После расстрела мужа Урусбиева Ибрагима Хамзатовича по обвинению

в «буржуазном национализме» была вынуждена переехать в Москву вместе с детьми – Умаром, Исмаилом, Далгатом, Фатимой, Мадинай и Даутой. В связи с репрессиями младшие дети Урусбиевых были усыновлены братом Сафият – Исмаилом Мисостовичем Абаевым.

Потомки Сафият:

Умар (1912–1970), сын его Исмаил (1931), внук Виктор (1956–1999); Фатима (1910–1974); Мадина (1915–1979); Далгат (1917–1943) – погиб в ВОВ; Исмаил (1920–1942) – пропал без вести;

Даута (1926, живет в Москве), муж – Лев Алмазов, дочь Соня, сын дочери – Константин; сын Евгений, его дети – Володя, Вера, Соня.

2. **Гошаях** (Ляля) (1897, Нальчик – 1972, Нальчик), муж – Крымшамхалов Баксанук Пашаевич. Гошаях с 1907-го по 1936 год вела большую педагогическую работу в Карачае и Дагестане, часто выступала в газете «Красный Карачай» со статьями, в которых освещала вопросы женского образования, борьбы с беспризорностью детей. У нее было четверо детей. Все три сына Гошаях – участники Великой Отечественной войны. Бекмурза и Мисост погибли на фронте. Дочь Фаризат получила высшее образование и работала в школах республики. Сын Хамзат – талантливый скульптор, заслуженный художник РСФСР, жил и работал в Нальчике. Похоронен на родовом кладбище Крымшамхаловых в Теберде.

Потомки Гошаях:

Мисост (Алик) (1917–1941) – пропал без вести; Бекмырза (1918–1942) – погиб в ВОВ; Хамзат (1920–1985); Фаризат (1921–1987), сын – Крымшамхалов Тимур.

3. **Фатима** (1892, Нальчик – 1973, Москва) – **Абаева Фатима Мисостовна** – карачаево-балкарская просветительница, представительница второго этапа развития культурного движения в Балкарии. Она – первая женщина из среды карачаево-балкарцев, опубликовавшая свои произведения еще до зарождения национальной письменности. Училась в Нальчикской женской гимназии, высшее образование получила после установления Советской власти. В 20-е годы Ф. Абаева непродолжительное время работает в советских учреждениях – регистратором суда, инспектором школ грамотности облполитпросвета. В 1922 году по направлению партийных органов командировается на учебу в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), где учится на отделении партийной работы и политического просвещения. После окончания университета была направлена на партийную и преподавательскую работу в Баку. Здесь она вместе с Ханифой Абаевой-Зардаби вела большую работу по просвещению и образованию женщин Азербайджана.

Судьба Ф. Абаевой была тесно связана с коммунистической партией. В круг ее друзей входили Б. П. Шеболдаев, один из руководителей борьбы за установление Советской власти на Северном Кавказе, писательница Л. Аргутинская, профессор Я. А. Берман, революционерка Л. С. Смирнова и мн. др. Первые большевики Кабардино-Балкарии, с которыми Ф. Абаева познакомилась в период гражданской войны, были ей близки по духу, т. к. являлись носителями передовых идей своего времени, верили в справедливость борьбы за народное дело. Однако пребывание в партии принесло Ф. Абаевой много горя и разочарований. Близкие родственники и друзья были репрессированы в 20–30-е годы. Ее дважды исклю-

чали из рядов ВКП(б). В первый раз – «за связи с чуждыми социальными элементами», т.е. за оказание материальной помощи сестрам и племянникам, второй – «за связь с троцкистами». А таковыми были объявлены почти все ее московские друзья и муж – проректор КУТВа С. Арешев.

С 1930 г. до начала Великой Отечественной войны Ф. Абаева находилась на партийной работе в Баку, Ижевске, Москве, Нижнем Новгороде. В дни войны работала начальником клуба при военном госпитале. Последние годы жизни провела в Москве.

Дошедшие до нас литературные опыты Ф. Абаевой свидетельствуют о ее незаурядных творческих способностях. Она была одарена и как математик. Об этом пишется в предисловии к публикации легенды «Как ференки покинули Кавказ» в журнале «Мусульманин». В этом журнале была опубликована также этнографическая зарисовка Ф. Абаевой «Свадьба крымских татар».

Потомки Фатимы: сын Сталь (1931–1994), его сын Дмитрий; дочь Майя (1926 г.р., живет в Подмосковье).

4. **Жаннет** (1900, Нальчик – 1960, Москва), первый муж – Лафишев, второй муж – Островский Владимир Георгиевич. У Жаннет Абаевой было пятеро детей – *Измаил, Руслан, Лиля, Элдар, Элмур*.

Измаил Лафишев (1920 – 1941) – погиб в ВОВ; Руслан Островский (1926–2001), сын, внук; Лиля (1930–1993), сыновья Андрей (1959 г.р.), Сергей (1959 г.р.), Элдар (1933 г.р., живет в Москве), дочь Вера; Элмур (1937–2003), сын Володя.

5. **Исмаил** (3 августа 1888 – 1928, г. Буйнакск) – один из первых врачей на Северном Кавказе. Учился в Киевском медицинском институте, участник Первой мировой войны. Первым возглавил здравоохранение в Кабардино-Балкарии после установления Советской власти, работал заместителем Н. Катханова в представительстве Кабардино-Балкарии в Москве.

Перу И. Абаева принадлежит серия статей, посвященных вопросам медицинского просвещения. Первые его студенческие статьи были опубликованы в газете «Кубанские областные ведомости» и журнале «Мусульманин» в начале XX века. Они были посвящены поиску путей искоренения различных болезней среди горцев Северного Кавказа.

Наряду с вопросами гигиены, санитарного просвещения автор затрагивает в статьях и такие социальные проблемы, как плохие бытовые условия горцев, отсутствие медицинского обслуживания, бесправное положение горянки и т.д.

В 20-х годах И. Абаев принимал активное участие в становлении школьного образования и медицинского просвещения в Кабардино-Балкарии. Статьи Исмаила этого периода посвящены различным аспектам материальной культуры балкарцев.

Исмаил Абаев и Исмаил Акбаев – соавторы одного из первых учебников советского периода («Бизни кючюбюз – бизни жерибиздеди» – «Наша сила – в нашей земле»), предназначенных для ликвидации безграмотности среди взрослого населения.

И. Абаев – один из первых научных сотрудников КБНИИ в период его становления.

Жизнь его оборвалась рано. Детей не имел.

Внуки и правн
предка. Среди по
предприниматели,
ста – Измаил Умарович Урусбиев – известный физик.

его знаменитого
юристы, педагоги,
к, правнук Мисос
та – Даута Урусбиева (по документам – Абаева, по-
скольку была удочерена своим дядей Исмаилом Абаевым) – первая жен-
щина-кандидат наук среди балкароков. Сын ее – Евгений Алмазов – из-
вестный музыкант и дирижер.

БАСИЯТ ШАХАНОВ

Общественная деятельность и творчество Басията Шаханова составляют одну из значимых страниц истории и культуры балкарского народа. Вклад его в развитие общественного сознания всего Северного Кавказа с появлением новых исследований и выявлением неизвестных прежде фактов его жизни и творчества становится все более очевидным. Следует отметить, что творчество Басията Шаханова было по достоинству оценено и его современниками. Но с установлением Советской власти на Северном Кавказе он, как и многие другие представители первой светской интеллигенции Северного Кавказа, был исключен из прошлого. Творческое наследие известного северокавказского публициста начала XX века было предано забвению на многие десятилетия, поскольку в исследованиях советских историков имя его возглавляло списки контрреволюционеров. Однако, мало найдется среди современников публициста тех, кто смог с такой беспощадностью раскрыть социальные корни противоречий северокавказской действительности рубежа веков, как сделал это Б. Шаханов в своих статьях и очерках.

Басият Шаханов родился 17 января 1879 г. в г. Владикавказе в семье врача. Его отец – Абай Шаулухович был в числе первых северокавказцев, получивших высшее медицинское образование. Яркая личность Абая Шаханова, его деятельность в области санитарного просвещения оставили заметный след в истории культуры Балкарии¹.

Во время прохождения научной стажировки в медико-хирургической академии в октябре 1889 г. Абай определяет своего сына Бориса Александровича в Александровский кадетский корпус, наиболее доступный для детей разночинцев. Состав учащихся был очень разнороден. «Рядом с сыном командира блестящего армейского полка сидел сын полкового барабанщика»². В этом учебном

заведении был установлен семилетний срок обучения. По окончании кадетского корпуса в сентябре 1896 г. Б. Шаханова зачисляют в Константиновское артиллерийское училище рядовым юнкером. Затем он переводится в Михайловское артиллерийское училище. В артиллерийские училища принимались лица, окончившие с успехом полный курс кадетского корпуса. По окончании училища в июле 1898 года Б. А. Шаханову присваивается звание подпоручика «со старшинством» и его назначают в 4-ю батарею 21-й артиллерийской бригады в слободе Воздвиженская Грозненского округа³.

Бориса Шаханова увезли с Кавказа во младенчестве, и долгое время он ничего не знал о народе, из которого вышел его отец. Но, будучи юнкером Александровского кадетского корпуса, Борис дважды приезжает на Кавказ и живет в семье Мисоста Абаева, который доводился родственником Абаю Шаханову со стороны матери. Во время своих отпусков в Балкарии он знакомится с жизнью и бытом родного народа, путешествует по горным ущельям, совершенствует свои знания по балкарскому языку. В этом ему помогала дочь Хамзата Урусбиева – Мадина. Последний свой отпуск перед окончанием Михайловского артиллерийского училища Борис Шаханов провел на Баксане у Науруза Урусбиева. В этот свой проезд Б. Шаханов сильно ушибся, упав с лошади⁴.

Попав на постоянную службу на Кавказ, Борис с пристальным вниманием вглядывается в окружающую действительность. Она резко контрастировала с той романтизированной экзотикой, которой была переполнена беллетристика о Кавказе, высмеянная впоследствии Б. Шахановым.

Слобода Воздвиженская – место службы молодого офицера – находилась недалеко от административного центра Терской области Владикавказа. Благодаря этому, Б. Шаханов часто бывает в различных государственных учреждениях Терской области: на заседаниях думы, окружного суда, в госпиталях и больницах, в редакциях местных изданий; посещает учебные заведения, театральные представления, церковные службы, занятия музыкально-хорового общества...

Еще воспитанником Михайловского артиллерийского училища Борис увлекся фотографией. Здесь, в сл. Воздвиженской, это увлечение переросло в каждодневную потребность. И он делает сюжетные фотографии из казарменной жизни, снимает горцев на улицах Владикавказа, своих друзей и родственников. Альбомы с фотографиями Б. Шаханова, к сожалению, были утеряны в ходе многочисленных переездов его семьи.

Период жизни Б. Шаханова в качестве артиллерийского офицера, охватывающий 1898–1904 гг., был самым значительным в его творческой биографии. Именно в эти шесть лет его глубоко заинтересовали проблемы, порожденные социально-экономической нестабильностью жизни народов Северного Кавказа. Он начинает искать причины такого положения и находит их в противоречии существующих сословно-поземельных отношений и требований нового века, нежелании правящей царской администрации решать

эти проблемы не репрессивными методами, а на уровне взвешенной государственной политики. Глубокие раздумья и боль двадцатилетнего юноши за судьбу своего народа нашли отражение в статьях, написанных им на рубеже XIX–XX вв.

Прослужив около шести лет (с 1898-го по 1904 г.) в 21-й артиллерийской бригаде, Б. А. Шаханов решает поступить в Военно-юридическую академию. Выбор профессии для него был не случаен. Еще в 1899 г. в одной из своих работ он с горечью писал о балкарцах: «Лишь маленькая горсть в 20–30 человек знает порусски, а все остальное жалуется, просит, судится, подает бумаги, прикладывает мухуры к общественным приговорам на родном языке и, как дите, недоумевают потом, когда оказывается, что вышло совсем не то, что оно желало!»⁵. Оказание посильной помощи своему народу через разъяснение непонятных ему законов, защита попавших в беду неграмотных крестьян – эти идеи проходят через все его работы, написанные перед поступлением в Военно-юридическую академию в Петербурге.

В характеристике, изложенной в аттестационном списке, который был представлен Б. Шахановым в Военно-юридическую академию в 1903 г., командир дивизиона 21-й артиллерийской бригады полковник Григорович отмечал, что Б. Шаханов: «...честен, беспристрастен, настойчив в достижении цели, не жалеет собственных средств для достижения результатов работы. Добродушен, немножко горяч, немного застенчив, **обладает даром слова**»⁶.

Но первая попытка Б. Шаханова поступить в Военно-юридическую академию в Петербурге в 1903 г. окончилась неудачей. Успешно выдержав предварительные испытания в Тифлисе, он едет в Петербург. Однако тяжелая болезнь, неожиданно приковавшая его к постели, вносит свои коррективы в судьбу Шаханова – время для поступления в академию было упущено. Пролежав в госпитале несколько месяцев, Б. Шаханов возвращается в артиллерийскую бригаду. Через год он повторяет попытку. По большинству вступительных экзаменов Б. Шаханов получил высшую оценку – 12 баллов, и при зачислении в академию его фамилия стояла первой в «Списке офицеров в порядке старшинства баллов, выдержавших приемные экзамены в младший класс Александровской военно-юридической академии в 1904 г.»⁷.

В академии был трехлетний срок обучения, и поэтому учебная программа была очень насыщенной и немногим отличалась от университетской. В программе отсутствовали лишь римское право, статистика и торговое право. Годы учебы в академии для Шаханова были очень сложными, так как он часто болел. По воспоминаниям современников, на выпускные экзамены его внесли на носилках. Тем не менее Б. Шаханов хорошо учился, успешно давал экзамены и закончил академию по 1-му разряду*. Это давало ему, кроме повышения чина до капитана, возможность

* К 1-му разряду относились офицеры, получившие на выпускных экзаменах по каждому из основных предметов не менее 10 баллов.

вернуться на Кавказ, т. е. выбрать место несения воинской службы. Годы учебы Б. Шаханова в академии совпали с первой русской революцией. Он был свидетелем борьбы рабочих Петербурга с самодержавием, жестокого подавления царским правительством революции 1905–1907 гг. Эти обстоятельства имели немаловажное значение в формировании мировоззрения публициста и в его последующей юридической практике.

К сожалению, сегодня мы не располагаем данными о творчестве Басията Шаханова в годы обучения в Военно-юридической академии. Трудно поверить, что с поступлением в Академию Б. Шаханов прекращает писать о беспокоивших его «туземных» вопросах. Скорее всего, он публиковал свои произведения под псевдонимом, и возможно, что некролог о Коста Хетагурове, напечатанный в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 28 марта 1906 г., впоследствии перепечатанный владикавказской газетой «Терские ведомости» и подписанный «Ом», принадлежит перу Б. Шаханова. Кроме особенностей стиля, сделать такое предположение дает основание и тот факт, что, по воспоминаниям проф. Б. Алборова, современника публициста, близко знавшего его, Б. Шаханов на похоронах Коста Хетагурова возглавлял мусульманскую делегацию⁸. Хотя здесь и есть противоречие: до 1909 г. Б. Шаханов официально был православного вероисповедания, – нет оснований не верить свидетельству проф. Алборова, очевидца и участника похорон К. Хетагурова. (Б. Шаханов принял мусульманскую веру в 1909 г., взял себе имя Басият и восстановил отчество Абаевич.)

По окончании учебы Б. А. Шаханов был направлен помощником товарища прокурора в Тифлис для усиления военно-прокурорского надзора. Это было время реакции после поражения первой русской революции, нашедшей широкий отклик на Кавказе. Революционное движение объединило в своих рядах рабочий класс Кавказа и безземельных крестьян, передовую интеллигенцию и нижние чины русской армии⁹. Б. А. Шаханов проработал здесь недолго, так как по большинству рассмотренных им дел солдаты, привлекавшиеся к суду за участие в революционных событиях, были оправданы. В аттестационном списке за этот период его службы написано, что «начальство не удовлетворено» его деятельностью¹⁰. Все это способствовало тому, что Шаханов через месяц после назначения подал в отставку. В дальнейшем его деятельность была связана с адвокатурой.

Институт присяжных поверенных (учрежден на Кавказе только в 1910 г., с этого года начинает работать там и Б. А. Шаханов¹¹) отличался относительной самостоятельностью. Поэтому переход Басията Шаханова из военного ведомства в присяжные поверенные был закономерным, если учесть его взгляды на состояние юридического обеспечения округа и общедемократическую направленность его мировоззрения. В своих статьях, еще до поступления в Военно-юридическую академию, он неоднократно писал о том, что большинство населения беззащитно перед произволом

царской администрации из-за незнания российских законов и своих прав.

Имя присяжного поверенного Басията Шаханова быстро стало популярным среди народа благодаря тому что в крупных судебных процессах он защищал интересы простых людей. Так, он сумел добиться оправдания организаторов и участников Черекского восстания 1913 г., защищал анархистов-социалистов во главе с Малхазьяном, он, будучи адвокатом инженера Бейбутова, выиграл в нашумевшем деле бакинского миллионера Тагиева.

В начале XX в. страсти разгорелись вокруг земельного вопроса. Царской администрации его решение было необходимо для облегчения управления областью. Социальные верхи, воспользовавшись сложившейся ситуацией, ставили своей целью доказать исключительное право собственности высших сословий. А зарождавшаяся буржуазия пыталась укрепить свои позиции, отрицая наличие частной земельной собственности, с одной стороны, утверждая общинный характер землепользования, а с другой – утверждая, что все земли Нагорной полосы должны принадлежать казне, которая, естественно, даст их на откуп «денежному мешку». Положение усугублялось еще и тем, что земельная собственность в Нагорной полосе была юридически (относительно русской юриспруденции) слабо оформлена, хотя обычное право горцев, складывавшееся веками, имело довольно стройную систему земельных отношений.

«На протяжении всего пореформенного периода вопрос земельного устройства в Балкарии сохранял особую остроту и злободневность. Вокруг него шла борьба различных общественных направлений», – пишет Х.-М. Сабанчиев. Б. Шаханов, как и М. Абаев, при таком положении дел не мог «оставаться в стороне и не высказать своего мнения»¹². В отличие от М. Абаева, выступившего в печати со статьями о бедственном положении балкарцев, Б. Шаханов развернул активную деятельность по защите их прав. В первую очередь он принялся за правовое обоснование владения землей, для чего сконцентрировал в своих «Возражениях Абрамовской комиссии» большой фактический материал по обычному праву и истории балкарцев.

Публицистика и общественная деятельность Б. Шаханова пришлись именно на те годы, когда буржуазия (в основном русская и иностранная) постепенно брала верх над феодалами и всеми силами старалась прибрать к рукам недра Нагорной области. Буржуазия использовала свои связи, практиковала подкупы, а иногда и подлог, чтобы добиться своей цели. Ведь если доказать, что Нагорная полоса не принадлежит горцам, естественно, ее хозяином объявляется царская казна. А у той земли может приобрести любой имеющий средства, т. е. сама буржуазия. Поэтому и стало возможно появление различного рода проектов переселения и выселения горцев, которые были основаны формально на том, что у горцев не было права собственности, закрепленного документами. Хозяевами земель в Балкарии, как и в других местах

Нагорной полосы, были в основном князья и уздени. Но ведь часть ее принадлежала и простым горцам, крестьянам, добывавшим свой хлеб тяжким трудом. Изъятие их наделов привело бы к зависимости балкарцев от соседних народов, а зависимость экономическая в тех условиях для горной Балкарии означала бы ее политическую обреченность.

Проект Абрамовской комиссии, занимавшейся изучением состояния землевладения и землепользования в Нагорной полосе, предполагал отчуждение казне всех земель горцев. Б. А. Шаханов за несколько лет до создания Абрамовской комиссии считал, что «для правильного разрешения характера и пространства землевладения в горах является необходимость учредить специальную комиссию из юристов и знатоков края и подробно исследовать этот вопрос на месте, только тогда можно будет правильно решить, кому по справедливости и какая земля принадлежит в горах и у кого, как захватчика, можно отобрать землю для надления ею народа». В этой же статье («О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области») Б. Шаханов с тревогой писал: «...местное управление государственных имуществ отобрало фактически все леса в горах в казну и считает казенною и безлесную часть горной полосы»¹³.

В такой обстановке начиналась деятельность Басията Шаханова – юриста, присяжного поверенного Владикавказского окружного суда.

Из сохранившихся архивных документов видно, что к Б. А. Шаханову обращались за помощью в тяжёбных делах неимущие крестьяне, а также люди, преследуемые царской администрацией. Документы по одному из таких дел обнаружены в Центральном государственном историческом архиве Грузии и в ЦГА КБАССР. Это дело по обвинению сельского судьи Азаматгерия Чипчикова «в оскорблении Его Императорского Величества»¹⁴. В протоколе аульного правления зафиксировано: Чипчиков поспорил со своим односельчанином Татау Булатовым из-за земли. Помощник старшины аула Хасаут в своем рапорте начальнику округа писал: «Я предложил Чипчикову прекратить брань, при этом напомнил ему, что он находится в правлении, которое считается учреждением, где имеется портрет Его Императорского Высочества наследника цесаревича Великого князя Алексея Николаевича, и что каждый из нас обязан благопристойно держать себя в присутствии портретов царствующих императорских особ, но Чипчиков за (так в подлиннике. – Т. Б.) замечание ответил выражением, которое переводчик не мог перевести в точности по-русски...»¹⁵.

Рапортуя временному генерал-губернатору об этом случае, помощник старшины «покорнейше просил устранить Чипчикова от должности сельского судьи и исключить из состава выборных представителей, как клязника и подстрекателя»¹⁶.

Мера наказания, предложенная помощником старшины, оказалась администрации слишком незначительной, и она, сообразуясь с принципами военного положения, объявленного на Кавказе,

приказала жандармскому управлению «потребовать Чипчикова за караулом и заключить в тюрьму» до «надлежащего дознания».

Тифлисская судебная палата, где оказалось в конечном счете дело по обвинению А. Чипчикова, вынесла решение о привлечении его к ответственности. Несмотря на преклонный возраст обвиняемого (ко времени суда А. Чипчикову исполнилось 70 лет), назначили судебное разбирательство.

Анализ судебных документов позволяет сделать вывод, что Б. А. Шаханову пришлось много работать в качестве защитника А. Чипчикова. В первую очередь необходимо было изменить статью первоначального приговора (т. е. обвинительного заключения), а затем снять обвинение. Речь Шаханова на суде еще не найдена (суд состоялся 23 января 1916 г. в г. Пятигорске), но в делах Тифлисской судебной палаты сохранились документы, заполненные рукой самого Б. А. Шаханова. Прошения А. Чипчикова и его сына Сафарбия также составлены были Б. А. Шахановым. Эти документы имели немаловажное значение при вынесении судом оправдательного решения.

Защита А. Чипчикова – один эпизод из деятельности присяжного поверенного Б. А. Шаханова. Сам по себе факт этот заурядный, но все же он знаменателен тем, что характеризует Шаханова как человека большого личного мужества. Защищая горца, оскорбившего «августейших особ», он шел на большой риск (Тифлисская судебная палата в эти годы рассмотрела десятки дел, подобных делу Чипчикова, и по значительному большинству из них были приняты репрессивные меры). Но твердая убежденность Б. А. Шаханова в правоте подзащитных крестьян, сочувствие обездоленным горцам сделали его заступником попавших в беду соплеменников. Об этом свидетельствует и статья «Еще переселение», в которой он страстно призывал понять нужды простых горцев: «...нелегко живется нашему туземцу. Борьба с суровой природой, отсутствие удобных дорог, медицинской помощи, школы, незнание государственного языка – вот условия, в которые он поставлен. Ежедневно приходится читать известия о возникновении комиссий для выяснения причин упадка благосостояния жителей то тех, то других углов Российской империи, газеты заполнены сочувственными статьями, посвященными не только русскому мужичку, но и чухнам, латышам, зырянам. Но много ли до сих пор занималась печать кавказским горцем? Какие известия, кроме требований строгих кар для обуздания «головорезов», помещаются в большей части печати по так называемому «туземному вопросу»? А как живется этому «головорезу», дурно ли, хорошо ли, что толкает его порой на преступление, чем облегчить его положение, – до этого им дела нет! «Лишь бы нас не трогали, а там живи как знаешь: хоть умирай с голоду, я пальцем не пошевелю!» И это рядом с толками о культуре, цивилизации, гуманности и любви к ближнему, рядом с бесчисленным множеством всякого рода принципов и идей»¹⁷.

В течение шести лет Басият Шаханов исполнял обязанности

помощника присяжного поверенного, а в последний предреволюционный год – присяжного поверенного. По свидетельству коллеги, «блестяще образованный юрист, он стал в ряды народной бедноты и смело боролся за нужды угнетенных и обиженных, вызывая тем к себе враждебное отношение...»¹⁸.

В течение нескольких лет (1910–1916) Басият Шаханов был юрисконсультом Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ. В его обязанности входило как юридическое обеспечение различных сделок между жителями Кабарды, Балкарии, так и представление их интересов в областных и столичных учреждениях. Большую работу в качестве юрисконсульта Б. А. Шаханов проводил при проектировании и учреждении первых курортных заведений, устройстве общественного лесничества.

Необходимо отметить также его заслуги в деле преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище. Начиная с 80-х гг. XIX в. неоднократно предпринимались безуспешные попытки к этому и лишь в 1911 г. при активном содействии Б. Шаханова цель была достигнута. Незадолго до открытия училища в докладной записке, поданной начальнику Терской области, Б. Шаханов просил, чтобы из числа 50 стипендиатов, учрежденных в пансионе при Нальчикском реальном училище, часть этих стипендий «предоставить детям Кабардинского и Горского уроженцев без различия сословий»¹⁹. Выступая на торжествах по случаю закладки здания реального училища 13 июня 1911 г. *, Б. Шаханов отмечал благотворное значение добровольного присоединения Кабарды и Балкарии к России, прежде всего, для культуры и просвещения народа²⁰.

Особенно примечательным фактом юридической практики Б. Шаханова следует считать его участие в судебном процессе над участниками Черектского (именуемого иногда в литературе Карасуйско-Жанхотовским) восстания 1913 г. Во время восстания крестьяне – жители более 20 поселков Верхней Балкарии – захватили и срубили княжеский лес, снесли ограду вокруг сенокосных угодий, разрушили строения таубиев Жанхотовых.

Тогда впервые в горах Балкарии зазвучали революционные лозунги, были сформулированы и предъявлены экономические требования. Балкарские крестьяне выступили с символами революционной борьбы – красными флагами и значками. «...Были, помимо всего этого, в толпе и значки, красные флаги, как о том засвидетельствовал Эльбуздуко Жанхотов, который заметил у Шавая Итиева красный значок. Ниже подтвердили свидетели Итлуг Мокаев, показавший, что впереди шел Шавай Итиев, держа небольшой красный флаг, и Константин Желягин: «в толпе были два балкарца, имевшие в руках красные флажки»²¹, – сообщается в документах дознания, представленных владикавказским прокурором в Тифлисскую судебную палату.

* В этом здании в настоящее время находится медицинский факультет КБГУ.

В восстании приняли участие более 950 человек, т. е. практически все трудоспособное мужское население Верхней Балкаррии, в основной своей массе – беднейшие крестьяне²².

После усмирения крестьян Тифлисской судебной палатой был проведен процесс над участниками восстания. Следственные мероприятия длились более трех лет. Суд над восставшими состоялся в марте 1916 г. К суду были привлечены 70 наиболее активных участников восстания. Все они избрали своим адвокатом помощника присяжного поверенного Владикавказского окружного суда Басията Абаевича Шаханова. Ему дважды пришлось защищать восставших, второй раз – после обжалования прокурором Владикавказского окружного суда Фалевичем решения суда об оправдании крестьян. Но и второй раз защита прошла успешно.

Как было установлено по ходу следствия, крестьянские волнения имели не только экономический, но и политический характер: восставшие требовали возврата общинных земель, незаконно захваченных таубиями Жанхотовыми, и это усугубляло положение подсудимых, делало их защиту уязвимой по нескольким статьям Свода (собрания действовавшего законодательства царской России с 1835 г. вплоть до Октябрьской революции 1917-го). По отзывам современников, защитительное слово Басията Шаханова прозвучало так ярко и убедительно, что владикавказская публика многие годы цитировала отрывки из его речи. К сожалению, этот ценный документ пока не обнаружен в делах процесса. Можно предположить, что главным аргументом защиты было тяжелое экономическое положение балкарской бедноты. Судя по сохранившимся следственным и процессуальным документам, чтобы облегчить участь обвиняемых, Б. Шаханову необходимо было доказать, что восстание носило характер стихийного экономического бунта и не имело политической основы. В противном случае организаторов и активных участников восстания ожидало суровое наказание. Доверенные Жанхотовых и начальник округа С. Клишбиев старались доказать, что выступление готовилось заранее, и ему предшествовала определенная деятельность организаторов восстания.

Жизнь и деятельность Б. Шаханова в период между двух революций 1917 года и гражданской войны была достаточно сложной и не нашла в свое время объективного научного осмысления. Искренне приняв февральскую буржуазно-демократическую революцию, он входил в органы Временного правительства Терской области, являлся одним из инициаторов создания Союза объединенных горцев, был избран председателем Первого съезда горцев Северного Кавказа и Дагестана.

Самые значительные страницы в политической биографии Б. Шаханова этого периода связаны с его деятельностью по консолидации демократических сил Северного Кавказа и Дагестана. В мае 1917 года состоялся исторический Первый съезд горцев Кавказа, его председателем был избран Б. Шаханов. «В России, – говорил он в своем выступлении на этом съезде, – несомненно, будет установле-

на республика, т.е. народоправство, с выборным парламентом и выборным и ответственным перед народом правительством во главе с выборным же президентом». В этих словах выражены мечты многих его соратников об устройстве демократического государства, в котором и народы Кавказа должны «строить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии».

Деятельность Б. Шаханова как организатора и первого председателя Союза объединенных горцев Кавказа свидетельствует о его незаурядном таланте политика. В тяжелейших условиях революционных потрясений он ни разу не отступил от своих позиций демократа и не расстался с идеей объединения всех народов Кавказа с новой Россией на федеративных началах «при самом широком самоопределении народов». Его идеи о таком государственном устройстве не раз находили поддержку в последующем, они не утратили актуальности и сегодня, когда государственное устройство претерпело кардинальные изменения.

В конце 1917 года Б. Шаханов по рекомендации Дагестанско-го социалистического блока был избран комиссаром Дагестана. В феврале-марте 1918 года он – участник 2 съезда народов Терек-ка. Б. Шаханов входил в коллегию правозащиты при Нальчикском окружном совете.

О последних месяцах жизни Б. Шаханова в некрологе, напечатанном в газете «Вольная Кубань», говорится: «В последних числах февраля (1919 г.) в городе Екатеринодаре скончался от тифа крупный общественно-политический деятель, популярный среди горцев Терек-ка, Дагестана и Кубани, присяжный поверенный, подполковник артиллерии в отставке Б. Шаханов. В лице его как человека, ставившего интересы общественные, народные выше личных, горцы понесли невозвратимую утрату... В момент составления кабинета (Кубанской Рады. – Т.Б.) горцы, уже ознакомившиеся с его работой в горской фракции, предлагают ему занять пост управляющего ведомством Юстиции, но скромный труженик предпочитает должность Правителя канцелярии Законодательной Рады»²³.

Горская фракция Кубанской Рады помогла перевезти тело Басията Шаханова в Нальчик и организовала похороны его на кладбище Вольного Аула.

* * *

Творчество Б. Шаханова, отмеченное литературным талантом и мастерством, особым взглядом на решение общественно значимых проблем, значительное явление в истории духовной культуры народов Северного Кавказа. Многие годы общественная деятельность Б. Шаханова, негативно оцененная с позиций классовой борьбы, заслоняла его творчество и оно не нашло адекватного отражения в научной литературе и до недавнего времени было известно только узкому кругу специалистов.

Получив блестящее образование в лучших учебных заведениях России, Б. Шаханов защищал интересы горцев и как публицист, и в качестве присяжного поверенного Владикавказского окружного суда.

Значительное большинство найденных на сегодняшний день работ Б. Шаханова, подписанных оригинальным именем, созданы в довольно короткий отрезок времени – в 1899–1901 гг. За неполных три года Б. Шахановым опубликовано три цикла художественных очерков – «Этюды из туземной жизни», «Терские письма», «Терские дела», четыре статьи, большое количество корреспонденций и заметок.

Основные статьи и очерки Б. Шаханов подписывал двойной фамилией «Шаханов-Джанхотов». Подписывать свои публикации точным именем и фамилией у Б. Шаханова не было возможности, т.к. военная инструкция еще со времен Бенкендорфа запрещала офицерам выступления в печати²⁴.

Первыми его публикациями следует считать несколько маленьких заметок, подписанных «Джанхот из слоб. Воздвиженская». Эти небольшие публикации были пробой пера начинающего публициста во владикавказской прессе. В своих небольших заметках «на злобу дня» он высмеивал пошлость и мещанскую мораль. К ним же можно отнести полемические заметки, подписанные псевдонимом «П. д'Аржан»²⁵.

Первая статья Б. Шаханова, подписанная «Шаханов-Джанхотов», – «По поводу одного удивительного проекта», – напечатана в газете «Казбек» 8 января 1899 г. Поводом для выступления в печати для Б. Шаханова послужили статьи некоего Карцова в «Санкт-Петербургских ведомостях» о причинах разбоев на Кавказе, где автор для искоренения абречества предлагал выселить горцев с Кавказа. Б. Шаханов, с негодованием отвергая «проект» Карцова, ищет истоки абречества в историческом прошлом народов Северного Кавказа. Эта небольшая статья, наполненная большой экспрессией, отличалась аргументированностью и четкостью авторской позиции. В ней проявилась присущая публицистике Б. Шаханова язвительная ирония. Характеристика, данная Б. Шахановым проектам Карцова, полна сарказма: «До сих пор мы слышали немало всякого рода проектов борьбы с этим злом (абречеством. – Т.Б.): были тут и хорошие, и дурные, и постепенные, и энергичные, но из всех них проект г. Карцова является, без сомнения, самым... удивительным!»²⁶

Основное содержание художественно-публицистических очерков и статей Б. Шаханова – защита интересов горцев от произвола царских чиновников. Защита прав горцев стало главным делом его жизни. С особой наглядностью это видно из статей, посвященных проблемам разбойничества и абречества на Кавказе²⁷. И слово «туземец», часто служившее «Карцовым» для полупрезрительного обозначения горцев Кавказа, под пером Б. Шаханова приобрело позитивное содержание. Главную свою работу этого периода Б. Шаханов так и назвал «Этюды из туземной жизни».

В статье «Еще переселение» Б. Шаханов продолжает полемику с теми, кто выдвигает в кавказской печати проекты для обуздания «головорезов» – горцев. Статья посвящена проектам заселения Кавказа русскими малоземельными крестьянами. Здесь публицист упрекает «прожектеров» в поверхностном подходе к условиям жизни горцев Кавказа, в частности малоземельной бедноты, разоблачает лицемерие официальной пропаганды, утверждающей, что у кавказских горцев излишек земель. Приводя данные официальной статистики, Б. Шаханов убедительно показывает, насколько беспросветна и тяжела жизнь беднейших горских масс. Сравнимая проект Карцова и новый проект заселения Кавказа малоземельными русскими крестьянами, Б. Шаханов показывает их абсурдность: «который из этих проектов лучше – дело вкуса. По моему – так оба лучше».

Проблемы, порождаемые аграрной политикой царизма, были в центре внимания передовых общественных деятелей Северного Кавказа. Не было среди них публициста, который в той или иной мере не коснулся бы этих вопросов в своих выступлениях. Башир Далгат, Мисост Абаев, Талиб Кашежев, Саид Габиев, Георгий Цаголов, Коста Хетагуров, Ислам Хубиев, Чах Ахриев и другие написали яркие публицистические статьи, в которых отразили всю тяжесть экономического положения горцев, предлагали свои проекты повышения уровня их жизни. Они придавали исключительное значение просвещению горцев, приобщению их к передовой европейской культуре. Они видели путь к благосостоянию своих народов через просвещение. Северокавказские просветители старались ознакомить свои народы, занятые крестьянским трудом, с передовыми методами ведения сельскохозяйственных работ. Они писали о многовековой истории сложившегося хозяйственного уклада горцев и о разрушении его кавказской войной, о традиционных формах ведения хозяйства и необходимости их усовершенствования, о нехватке земли в Нагорной полосе и порождаемых этими обстоятельствами драматических событиях...

Об этом же писали и осетинские публицисты А. Ардасенов и А. Гассиев, которые «хорошо понимали, что переселение безземельных русских крестьян в Терскую и Дагестанскую области ущемляет интересы коренных малоземельных крестьян и вызывает между ними вражду, ссоры, доходящие до кровопролития»²⁸.

Царское правительство переселением безземельных и малоземельных крестьян центральной России на окраины страны преследовало одновременно две цели: разрядить революционную обстановку центра и ослабить революционное движение на Кавказе, противопоставив интересы переселенцев и коренных жителей. Об этом Б. Шаханов напомнил в своей речи на объединенном собрании казаков и горцев уже после свержения самодержавия: «Старое правительство, раздавив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все

изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино, если общие лозунги объединят нас, этот лозунг даст нам тот, кто освободил нас от оков и кто дал нам революцию – это пролетариат. Теперь прежнее деспотическое правительство рухнуло, будет правдивая власть. От имени всех горцев я призываю вас, казаки, к жизни на демократических началах и призываю за наше объединение провозгласить «ура!»²⁹.

К опытам объективного анализа горской действительности могут быть отнесены и две небольшие статьи Шаханова – «Памяти В. Н. Грамматикова» и «Два слова к туземной интеллигенции». В первой автор, отдавая дань памяти Нальчикскому окружному врачу, показывает его образцом самоотверженности и преданности своему делу. Вторая статья содержит призыв к малочисленной горской интеллигенции заняться собиранием фольклора – незаменимого свидетеля истории, заостряет внимание исследователей на необходимости фиксации образцов героического эпоса народов Северного Кавказа. Статьи Б. Шаханова, по признанию самого публициста, были вызваны «искренним желанием помочь в борьбе с мраком и невежеством аульной жизни». Если в первых своих статьях публицист протестует против огульного неприятия горской действительности, то в последующих анализируются причины возникновения этих настроений и объективность появления абречества на Кавказе.

Возникновение абречества Б. Шаханов объясняет сложившейся исторической ситуацией: «Когда-то очень давно наш туземец, доведенный до отчаяния неравной и непосильной для него борьбой с непрошеными пришельцами, отодвинувшими его в глубь бесплодных суровых гор, пустил в ход против своего врага единственное, оставшееся в его руках оружие – партизанские набеги. Это называли разбоем... А сейчас возьмите статистику разбоев внутри России и сравните со статистикой тех же разбоев на Кавказе и от вашего предубеждения, что Кавказ – гнездо разбоев, не останется и следа».

Творчество Б. Шаханова было глубоко интернациональным. Он был интернационалистом по складу души. Рассказывая о нуждах родного народа, он не упускает случая напомнить, что такие же общественные неурядицы переживают и адыги, и осетины, и чеченцы, и народы Дагестана и Кубани.

«Этюды из туземной жизни» особенно значимы в творчестве Б. Шаханова как по актуальности выдвигаемых проблем, так и по художественному уровню. В них сконцентрированы боль и отчаяние, надежды и мечты автора. В этой серии очерков Б. Шаханов смело выступил против колониальной политики царизма на Кавказе, за улучшение условий жизни горцев, за их просвещение и культуру.

Идеи дружбы и братства легли в основу «Этюд из туземной жизни». Эта работа широко освещала различные стороны жизни горских народов. Наряду с социальными проблемами, автор под-

нимает и вопросы, касающиеся духовной жизни горцев, их культурного наследия. В одном из «Этюд...» Б. Шаханов рассматривает «Алгузиани» как поэму, «значение и ценность которой не только для осетин, но и для туземцев всего Северного Кавказа вообще не подлежит сомнению». Он протестует против уничтожения Нузальского памятника, выступает за возвращение национальной реликвии осетинского народа. Профессор Б. А. Альборов, хорошо знавший Б. Шаханова и его творчество, писал в своих воспоминаниях: «...ему близки были интересы всех горских народов, без различия национальностей. В своих статьях он призывал к собиранию памятников устного народно-поэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении из Нузальского склепа-молельни драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» священником Русишвили и соскоблении надписи о 9 братьях осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым».

В «Этюдах...» Б. Шаханов также писал о недопустимости искажения канонического текста при переиздании работы Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», о школьном вопросе в Гизели и т.д. В «Этюдах...» публицист прямо обращается к северокавказской интеллигенции: «Нас мало, мы сильно разрознены, некоторых судьба закинула за многие тысячи верст от родины. Видеться, поговорить мы не имеем возможности, а поговорить есть о чем. Пробел этот может заполнить одна лишь печать. Что может сделать каждый из нас в отдельности? Силы наши так малы, а задача так велика! И между тем, сколько хорошего, доброго, полезного могли бы мы сделать, если бы не жили так врозь, не рвали между собой связи, да и не забывали, что только мы одни и можем вывести нашего детского беспомощного туземца из того мрака и невежества, которым он сейчас окружен».

Просвещению, работе интеллигенции среди народа он придавал исключительное значение, полагая, что просвещением можно искоренить социальное неравенство.

«Этюды...» имеют своей главной целью, – признавался Б. Шаханов, – убедить туземную интеллигенцию в том, что ее сотрудничество в этом деле (просвещения горцев. – Т. Б.) более чем необходимо и является той посильной пользой, которую она может принести родному народу и к которой обязывается уже исключительным положением, занимаемым ею среди туземной массы».

Данный цикл статей Б. Шаханова построен в форме полемики и обращен к читателю. Полемический очерк как жанр предоставлял автору возможность обобщения и сопоставления фактов. Композиционно почти все «этюды» состоят из двух частей: краткий экономический анализ или политический очерк и иллюстрация первой части зарисовкой с натуры, несущей в себе определенную художественно-эстетическую задачу. Художественное мастерство Б. Шаханова проявилось более всего в изображении существовавшего социального неравенства, в создании бытовых картин,

неизменно вызывающих у читателя сильный эмоциональный отклик. От очерка к очерку растет сила социального анализа, и в конце концов читатель приходит к мысли о необходимости преобразования жизни.

Как видно из самих «Этюд...», для Б. Шаханова было важно быть услышанным интеллигенцией и чтобы его доводы о бедственном положении горцев были приняты царской администрацией. Однако чиновники по-своему реагировали на выступления демократической печати. Подобные статьи обычно изымались цензурой до публикации, преследовались администрацией округа и случайное их появление в печати вызывало бурю негодования с ее стороны. Под особым контролем цензуры и администрации находилась газета «Казбек», несмотря на то, что издателем ее долгое время был человек более чем лояльный к властям – С. Казаров. «Запрет на печатание туземцами статей на определенные темы остается в силе», – грозно предупреждали редактора «Казбека» из канцелярии генерал-губернатора за публикацию некоторых статей, имевших обличительный характер и раскрывавших неблагоприятную деятельность некоторых представителей царской администрации Терской области³⁰.

«Этюды из туземной жизни» Б. Шаханова вызвали большой резонанс в северокавказской прессе. Об этом свидетельствуют отклики – письма и статьи, появившиеся в печати. Серию статей под названием «Мой ответ г. Шаханову-Джанхотову» опубликовал чиновник межевого управления области Н. Тульчинский, входивший впоследствии в состав так называемой Абрамовской комиссии.

В «Этюдах...» раскрылся и писательский дар Б. Шаханова. Как уже отмечалось, каждый этюд композиционно состоит из двух частей. Первая часть – это публицистический очерк (тематически этюды существенно отличаются), вторая – рассказ-картинка из горского быта. Причем рассказ, являясь как бы зарисовкой с натуры, художественными средствами иллюстрирует выдвинутые автором в первой части социально-экономические и просветительские задачи.

В «Этюдах...» и «Терских делах» Б. Шаханов создает собирательный образ горца Кучука. Кучук – персонаж необычный. Это – «богатый и влиятельный горец» (III этюд), желающий угодить своим важным гостям из города. Гости Кучука так и не поняли его душевных переживаний, посмеялись над песнями его соплеменников, в которых «выливалась вся горечь тяжелой, безотрадной жизни без надежды, без малейшего просвета в будущем». Это и мальчик Кучук. «Порванная черкеска, дырявая папаха, отсутствие пояса – все обнаруживало в нем бедняка», – таков портрет, нарисованный Б. Шахановым. Публицист с беспощадным реализмом довершает его образ: «Я посмотрел на его лицо. Оно было не только печально, а грустно. Глаза полузакрыты, палочка выскользнула из рук, и сам он весь как-то застыл. Казалось, он и себя видел офицером, как и его встречали с почетом старики, как плакала от радости мать. Но не для него все это!»

В «Этюдах из туземной жизни» публицист раскрывает характер горца, с его мудростью и простотой, юмором и суровостью. С большим человеческим участием и теплом выписаны образы простых людей – пастухов и земледельцев. Публицист понимает и раскрывает причину их настороженного отношения к зарождающимся капиталистическим формам хозяйствования, к «деловым людям», приходящим в горы с различными проектами переустройства аульной жизни, маскирующих при этом свою главную цель – личную наживу. Защищая интересы горцев, автор в то же время считает нужным напомнить, что старые, основанные на феодальном характере, отношения тормозят общественное развитие, что время требует новых, более современных экономических и политических отношений.

Публикация «Этюд...» имеет свою историю. Этот цикл статей под общим названием, со сквозной нумерацией, опубликован в газете «Казбек». Из шестнадцати этюдов найдено на сегодня двенадцать. Последний, семнадцатый, этюд опубликован в «Терских ведомостях». Судьба тринадцатого этюда известна из короткого редакционного сообщения, что «они не прошли»³¹. Вероятно, тринадцатый этюд, как и остальные три из шестнадцати очерков, не был пропущен цензурой – в подшивке «Казбека» за 1899 г. недостающие этюды не обнаружены. Можно предположить, что редакция «Казбека» предоставляла Б. Шаханову возможность изложить свои взгляды на положение коренного населения Терской области для того, чтобы иметь еще один источник информации, необходимый для администрации Северного Кавказа в решении «сословно-поземельного вопроса». Но когда Б. Шаханов стал сопровождать свои политико-экономические тезисы зарисовками горской действительности, идущими вразрез с официальными установками, газета прекратила публикацию «Этюд...». Резко обличительный характер их не мог устроить ни цензуру, ни администрацию Терской области.

Немного проясняет историю публикации «Этюд...» и ее прекращения «Маленькая сказка для больших детей», опубликованная в газете «Приазовский край» в 1900 г. В мастерски написанной остроумной сказке изложена история взаимоотношений сотрудника «Казбека» Шэн-Джэна и ее издателя На-фу-фу. О том, что образ На-фу-фу списан с издателя «Казбека» Сергея Казарова, корреспондент газеты, скрывшийся под псевдонимом «П. д'Аржан», заявляет в «Расписке о получении»³². Попутно заметим, что имя Шэн-Джэн легко соотносится с подписью Б. Шаханова под «Этюдами...» – «Шаханов-Джанхотов», а также с псевдонимом «П. д'Аржан», которым подписана «Маленькая сказка...» и другие публикации в «Приазовском крае».

Из содержания сказки становится очевидным, что Б. Шаханов прекращает сотрудничество с газетой по этическим соображениям, а не из-за гонорара: его публицист перечисляет на счет Благотворительного общества по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области. Это под-

тверждается и в воспоминаниях известного осетинского публициста Г. А. Цаголова³³.

В конце 1899 года в газете «Каспий» Б. Шаханов начинает публиковать серию статей под названием «Терские дела»³⁴. Под этим названием вышло восемь самостоятельных статей. По своей тематике они были близки «Этюдам из туземной жизни». В то же время по сравнению с «Этюдами» они носят более обобщенный характер. Это объясняется тем, что «Терские дела» печатались на страницах «Каспия», газеты, выходявшей в Баку, и для большинства ее читателей поставленные публицистом проблемы были известны лишь в общих чертах. По своему стилю и интонационному строю «Терские дела» экспрессивны, что свидетельствует о напряженной духовной жизни автора. В первом же разделе статьи Б. Шаханов проявляет озабоченность тем, что многие органы печати пишут о горцах или злобно, или «сентиментально нелепо». Он пробует восполнить пробел в знаниях читателей «Каспия» о жизни горцев Северного Кавказа и, в частности, о балкарцах, призывает интеллигенцию оказать содействие либеральным газетам, «которые желали бы сделать что-либо в этом направлении».

Публицист возлагал большие надежды на просветительскую деятельность национальной интеллигенции. Почти в каждой своей статье он призывает ее к активности, горюет, видя ее равнодушные, делится с ней своей болью и мечтами и даже негодует: «связь с ней (родной средой. – Т.Б.) сохранилась лишь в их послужных списках, а все остальное давно оставлено и предано забвению». В «Терских делах» Б. Шаханов ставит вопрос об открытии начальных школ для обучения малолетних горцев. Он считает, что горские школы как таковые выполнили свои функции, и для дальнейшего развития дела просвещения Б. Шаханов предлагает преобразовать три горские школы Терской области в учительские семинарии, а затем открыть начальные школы, которые охватили бы больше детей и таким образом «подвинуть дело народного образования». Здесь же просветитель обосновывает необходимость подготовки аульных учителей из «единоплеменников», т. к. «всякий учитель не единоплеменник будет иностранцем для своей школы и пройдет, по крайней мере, год, прежде чем они начнут понимать друг друга». Но вслед за своими проектами Б. Шаханов восклицает в безысходности: «Только мечты все это!»

К концу XIX – началу XX в. возникла настоятельная необходимость усовершенствования системы образования, расширения ее сфер влияния. Публицисты и передовые общественные деятели Северного Кавказа выражали свою озабоченность по поводу образования детей горцев. Они добивались у местной администрации открытия начальных школ, библиотек, училищ, писали первые азбуки и книги на своих родных языках. К этому периоду передовая интеллигенция северокавказских народов приходит к выводу о необходимости создания национальных алфавитов: в Чечено-Ингушетии – К. Досов и Т. Эльдарханов, в Балкарии – С.-А. Урусбиев, у адыгов – С. Сиюхов и др. Ученые-арабисты Дагестана во

главе с С. Гойсумовым для облегчения обучения «приспособили арабский алфавит, на основе которого создали графику для родных языков – аджамский алфавит»³⁵. Этим алфавитом народы Дагестана, а также определенная часть других народов Северного Кавказа пользовались вплоть до языковой реформы 1928 г.

Официальный орган – «Журнал министерства просвещения» в 1890 г. сетовал: «Из горцев, окончивших курс, только очень немногие поступают для продолжения образования в средние учебные заведения, военные и гражданские, хотя для облегчения их поступления в такие училища в Нальчикской школе введено даже преподавание французского языка; большинство же возвращаются в свои аулы...»³⁶. Такое положение дел и раскрывает в «Терских делах» публицист.

Б. Шаханов прослеживает путь горцев, окончивших горские школы: «Школу кончают в 14–16 лет. Что же дальше? А дальше приходится остаться при том, что имеешь. В гимназию и реальное училище не попадешь: для первого и второго класса велик, в 4–5 не выдержишь. Один выход: вернуться в аул и постараться позабыть все, чему выучился». Но есть выход «еще худший», – пишет Б. Шаханов, – постараться устроиться вдали от скучной, стеснительной аульной обстановки, в городке или местечке переводчиком, милиционером, а в общем – туенядцем, измышляющим предлоги сорвать что-нибудь с «дикаря». Б. Шаханов создает реалистический портрет горца, оторванного от родной стихии и не нашедшего себе применения в местных «очагах цивилизации»: «сами они вечно около курсовых, часто их можно видеть в клубе, еще чаще – верхом, сопровождающими кавалькады и готовыми каждую секунду «джигитнуть», вызывая восхищение российских барышень. Через год, много два, из их голов испарится и тот сумбур отрывков, которым снабдила их горская школа. Познания их... высококоomicны, а посмотрели бы вы, какой тон беретя ими в ауле, среди серых замызганных черкесок, с грустью и глухою надеждою взирающих на просвещенных гостей!».

«Серые замызганные черкески» – все время в центре внимания автора «Терских дел». Как и в «Этюдах из туземной жизни», в первую очередь это горец Кучук, недоверчиво относящийся к рудоразработчикам. Защищая интересы Кучука, Б. Шаханов восклицает: «поставьте себя на его месте и скажите, что бы вы делали, если бы, пользуясь вашей неграмотностью, незнакомством с русской жизнью и русским языком, вами стали бы вертеть как флюгаркой и вовлекать в договоры, нарушать которые столь же трудно, как невыгодно исполнить!».

Еще одна большая тема «Терских дел» – абречество на Кавказе. Как пишет Б. Шаханов, «до каких только абсурдов не доходили некоторые «бытописатели», чтобы представить народы Северного Кавказа разбойниками и абреками. Особенно в этом отношении досталось чеченцам и ингушам». «Чечня... долго еще будет служить пугалом малых ребят», «к несчастью, приходится иногда доказывать, что ингуш и разбойник не одно и то же», – с болью в

сердце говорит автор. Б. Шаханов не ограничивается констатацией сложившегося положения вещей, он ищет истоки возникновения существующего общественного мнения, а шире – и причины абречества. Он спорит с теми, «кто в разбое видит профессию ингушей», печалится, что «до сих пор ни один чеченец ни словом не ответил на эту почти печатную брань, ни один голос не раздавался из их среды в защиту семьи, очага и не просит хоть капли сдержанности и приличия по отношению их отцов, матерей и сестер! Тут и апатия, и беспомощность, и какая-то фанатическая замкнутость». Наблюдая сцену в ресторане, где немец всюю «пушил» чеченцев, а чеченец «сидел тут же рядом и ни один мускул не дрогнул на его лице», не смея прервать речь немца, ругавшего чуть ли не площадными словами отца, братьев и его самого», Б. Шаханов, возмущаясь поведением горца, восклицает: «казалось, что в конце концов и черкеска проявит признаки жизни».

Глубиной социального анализа отличаются и «Терские письма», где мнимым оппонентом Шаханова выступает П. Адатов. При этом следует отметить, что Б. Шаханов не стал создавать для него ни специфического образа, ни особой стилистической манеры. «П. Адатов» нужен был ему для преодоления цензурных препон. Это предположение подтверждается и тем обстоятельством, что наиболее острые разделы «Терских писем» подписаны названным псевдонимом. Б. Шаханов создает видимость полемики с П. Адатовым, чтобы изложить собственное мнение по волнующим его проблемам. Poleмики, как таковой, между П. Адатовым и Б. Шахановым нет.

В манере письма Б. Шаханова, прежде всего, привлекает способность реалистически передавать драматические жизненные коллизии как бы от лица униженного и «маленького» человека. И при этом не нарушается объективность повествования. Унижение несовместимо со сложившимся в классической литературе о Кавказе независимым и гордым обликом горца. Это обстоятельство не раз используется публицистом в статьях. Он выявляет социальные условия, вынуждающие горца вопреки своему достоинству, быть подозрительным и нерешительным, жестоким и мстительным.

В «Терских письмах» со всей полнотой выражены демократические взгляды автора на «туземный вопрос». В них особенно четко нашли отражение общественно-политические взгляды публициста на проблему абречества на Кавказе. Как и К. Хетагуров в своих «Владикавказских письмах» (1896–1897 гг.), Б. Шаханов в «Терских письмах» ставит перед собой цель – разоблачить замаскированную политическую цель буржуазной прессы – дискредитировать горцев и оправдать репрессивную политику кавказской администрации.

Используя большой фактический материал и статистические методы анализа, Б. Шаханов, продолжая свою мысль, что «разбой – явление интернациональное», идет дальше – «никакие репрессии не действительны там, где прежде всего требуется кусок хлеба». Для ликвидации общественной нестабильности автор пред-

лагает свои меры, диаметрально противоположные проектам Карцова и ему подобных. Во-первых, он считает, что «необходимо позаботиться об устройстве туземца, о наделении его землей настолько, чтобы он не голодал, и, движимый этим голодом, не выходил на разбой и грабеж». Во-вторых, «нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительские учреждения... И отойдут тогда в область далеких преданий все эти грабежи и разбои – продукт тяжелого экономического положения...» В «Терских письмах» Б. Шаханов разоблачает антинародный характер действий царской администрации: «туда, где требуются самые обычные меры подъема благосостояния, к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевающим колом в голове – предрассудком, приходят с репрессиями...»

Подвергая резкой критике общество, и прежде всего свой, господствующий, класс за глухоту к нуждам бедняков, Б. Шаханов дает ему в «Терских письмах» нелестную характеристику: «Избалованные судьбой, сытые и напоенные, мы даже представить себе не можем, что такое муки настоящего, неподдельного голода, голода физического и духовного, и к ним, этим физически и духовно вечно голодным туземцам, с легким сердцем и чисто кисейным легкомыслием применяем ту же мерку сурового порицания за проступки со стороны лиц, физически и духовно одинаково с ними насыщенных...»

Проблема женского равноправия занимает в творчестве Б. Шаханова особое место. В статье «Эмансипация мусульманской женщины», отвечая на вопросы газеты «Терская жизнь», которая пыталась выяснить, каким путем можно приобрести к общественной жизни женщину-горянку, Б. Шаханов связывает вопросы женской эмансипации с горским этикетом. «По общему этикету у нас женщина считается старше мужчин, независимо от ее возраста и положения», – утверждает Б. Шаханов. Он подчеркивает, что женщина в Кабарде и Балкарии никогда не занимала униженного положения, что «в семье, например, наша женщина занимает куда почетнее место, нежели христианка». Это утверждение идет вразрез с привычными сентенциями о забитости и социальной индифферентности горянки. Необходимо уточнить, что, отвечая на анкету газеты, Б. Шаханов, ссылаясь на обычаи кабардинцев, имеет в виду и балкарцев, т. к. в этом вопросе у них не было существенных расхождений и когда он пишет о месте кабардинки в этикетных отношениях, он подразумевает и балкарку.

Однако Б. Шаханов несколько идеализирует положение горянки, высказывая мнение, что участие ее во внедомашних работах охраняется этикетом. Невозможно пройти и мимо утверждения Б. Шаханова: «Теперь столкнулись два мира: старый, отживающий мир понятий, регламентирующийся обычаями, и новое культурное течение». Б. Шаханов считает, что просвещение женщины-горянки возможно через открытие школ в аулах, «в города же посылать дочерей для образования подавляющее большин-

ство не согласится, придерживаясь опять-таки обычаев».

Художественная публицистика Б. Шаханова была ориентирована на образованных горцев, на тех, кто был не равнодушен к современному состоянию и будущему горских народов Северного Кавказа. Б. Шаханов рисует картины социальной несправедливости, призывает прогрессивную интеллигенцию сделать все возможное для улучшения жизни горцев, для их просвещения.

В художественной публицистике Б. Шаханова четко прослеживается позиция автора, она – в объективной оценке феодально-сословных отношений. Представляя картину взаимоотношений сословий, приводя примеры из народной жизни, он не всегда открыто осуждает социальную несправедливость, оставляет возможность для внимательного читателя самому оценить характер и перспективу развития этих отношений.

В его очерках и статьях нет рецептов будущего общественно-политического устройства, хотя он постоянно размышляет о справедливом обществе – обществе равенства, братства, свободы. Для современного читателя важно, что он критически оценивает современную ему действительность, представляя ее реалистическую панораму.

Все статьи Б. Шаханова написаны на высоком художественном уровне. Удивляет зрелость письма молодого автора. Все, что он написал – художественно совершенно, хотя значительное большинство статей было опубликовано им в двадцатилетнем возрасте. Его творчество зрело в первую очередь своей гражданской позицией, отношением к реалиям горской действительности, глубиной ее постижения, художественной цельностью.

Публицистика Б. Шаханова поднимается до уровня передовых идей своего времени, отличается глубоким анализом северокавказской действительности начала века. Его статьи и очерки охватили тематически большой круг проблем и вопросов, стоявших перед горцами Северного Кавказа: просвещение и развитие культуры, объективное освещение жизни горцев в печати, сословно-поземельные отношения (термин официальной предреволюционной печати) и самая главная проблема – социальное неравенство различных слоев общества. Именно мастерство социального анализа ставит Б. Шаханова в ряд известных публицистов и литераторов, представителей передовой общественно-политической и эстетической мысли Северного Кавказа. Статьи и очерки Б. Шаханова по своим идейно-эстетическим позициям близки публицистике Коста Хетагурова, историко-этнографическим работам Башира Далгата, очеркам «Край беспросветной нужды» Георгия Цаголова; «Лаки, их прошлое и быт» Саида Габиева, «Горцы – переселенцы», « В «Осетинском ауле» Инала Канукова и одновременно сохраняют неповторимый колорит балкарского аула рубежа веков. Проблемы, поднятые Б. Шахановым, были весьма актуальны для начала XX века, но такова закономерная сила таланта, что боль и отчаяние, тяжкие сомнения и светлые надежды, выраженные в его художественной публицистике не могут оставить равнодуш-

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

¹ Абай Шаулухович Шаханов родился 27 марта 1850 г. Мальчиком его определили в одну из первых светских школ, открытых для детей горцев в Нальчике. Из рапорта инспектора этой школы Келчевского, поданного начальнику Кабардинского округа кн. Орбелиани от 9 января 1859 г., следует, что девятилетний воспитанник школы Абай Шаханов вместе с другими учениками направляется на лечение в Пятигорск. По всей вероятности, Абай после лечения в Георгиевском военном госпитале, куда его перевели из Пятигорска, поступает в Ставропольскую гимназию, что выясняется из сопоставления смежного документа: в 1869 г. Абай Шаханов оканчивает Ставропольскую гимназию и поступает в медико-хирургическую академию. Для этого Абай должен был проучиться в гимназии не менее девяти лет.

В те годы директором училищ Ставропольской губернии служил Я. М. Неверов – неутомимый поборник образования и просвещения горцев, близкий друг Т. Н. Грановского и Н. В. Станкевича. Благодаря стараниям Неверова Ставропольская гимназия была одной из самых образцовых гимназий России. Здесь царил живая, творческая атмосфера учебного процесса, проводились различные мероприятия: выпускались номера рукописного литературного журнала, организовывались конкурсы, вечера.

Одновременно с Абаем Шахановым в Ставропольской гимназии учились будущие известные деятели культуры и просвещения Северного Кавказа – Асламбек Базоркин, Чах Ахриев, Султанбек Абаев, братья Шанаевы – Джантемир, Ибрагим, Идрис, а Ефим Газданов, Исмаил Тхостов и Далхат Халилов были однокашниками Абая.

Ставропольскую гимназию Абай окончил успешно и был определением педагогического совета удостоен аттестата с правом поступления в университет, но, «не имея собственных средств для продолжения образования», он обратился с просьбой об определении его в Петербургскую медико-хирургическую академию к его императорскому высокочеству главнокомандующему кавказской армией великому князю Михаилу. Просьба А. Шаханова была удовлетворена. Содержание ему назначили из Кабардинской общественной суммы «с тем, чтобы Шаханов был обязан по окончании курса медицинских наук отслужить кабардинскому обществу в должности медика шесть лет» (ЦГВИА, ф. 316, оп. 63, д. 6793, л. 5).

Однако в последние два года обучения обещанную стипендию Абаю перестали выплачивать, что обязывало его «прослужить в военно-медицинском ведомстве за бесплатное слушание лекций три года».

Незадолго до окончания академии, 3 октября 1875 г., Абай женится на «дочери коллежского асессора девице Елизавете Павловне Матвеевой». За четыре дня до женитьбы Абай переходит в православие. Этот факт его биографии подтверждает свидетельство, подписанное прото-

иереем императорской медико-хирургической академии Д. Тихомировым. При крещении Абая нарекли Александром Дмитриевичем. Согласно семейным легендам, Александром его окрестили в честь царя Александра II, якобы благословившего его на учебу. Из этого же свидетельства можно предположить и происхождение отчества новокрещенного: крестным отцом стал его однокурсник Дмитрий Гиммер.

Абай Шаханов оканчивает академию в 1876 г. по специальности «внутренние болезни». Именно в этом году царское правительство, после безуспешных дипломатических попыток добиться освобождения Болгарии и других славянских народов Балкан от турецкого ига, начинает усиленно готовиться к войне с Турцией.

Почти весь выпуск медико-хирургической академии 1876 г. был направлен в районы дислокации русских войск. В числе 25 выпускников А. Шаханов попадает на Кавказ, в местечко Царский Колодец. Службу он начал младшим ординатором Царскоколодского полугоспиталя. Абай Шаханов участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе Рионского полка.

После войны он прослужил несколько лет лекарем Владикавказского военного госпиталя. Вместе со своим однокурсником Киселевым принимал участие в борьбе с эпидемией дифтерита. В 1880 г. Абай подает в отставку и едет в Балкарию, чтобы распространять среди своих соплеменников основы медицинских знаний. Он лечит горцев от различных болезней, проводит профилактические мероприятия, собирает и записывает рекомендации народной медицины. Но несколько лет упорного труда не дали желаемых результатов. Его рассказы об основах микробиологии, о причинах заболеваний не находили понимания в среде горцев. К тому же переход Шаханова в православие был встречен жителями Балкарии настороженно. И тем не менее жители Балкарии долго еще помнили Абая Шаханова и его добрые дела.

С 1882 г. начинается служба Абая Шаханова на Дальнем Востоке.

Почему Абай Шаханов оказался так далеко от Балкарии? На этот вопрос позволяют ответить сохранившиеся архивные документы. Так, из переписки мобилизационной части главного медицинского управления выясняется, что ввиду осложнившихся политических обстоятельств на восточной границе России в Приамурском военном округе в 1881 г. в спешном порядке были сформированы дополнительно запасы для 5 военных госпиталей и 2 лазаретов – во Владивостоке (1 госпиталь), Хабаровске (1 лазарет), Никольском (2 госпиталя, 1 лазарет), Раздольном (1 госпиталь), Новокиевском (1 госпиталь).

В эти формирования начали мобилизовать медиков, и Абай Шаханов был назначен старшим врачом 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, а впоследствии переведен старшим врачом в Никольское (ныне г. Уссурийск). По стратегическим соображениям, в этом, тогда еще небольшом, поселке находилась основная масса войск, «содержимых в мирное время в Приамурском военном округе, в Южно-Уссурийском отделе, здесь имеется 10 стрелковых и 5 линейных батальонов...»

Аттестационный список А. Шаханова, представленный при повышении по службе, содержит примечательную характеристику: «Характер мяг-

кий, ровный, спокойный, настойчивый по службе, нравственные качества безукоризненные, энергичен. Научно образован превосходно и практическая опытность по специальности высказывается на деле по успешным результатам при пользовании больных». И общее заключение о личности А. Шаханова – «выдающийся» (ЦГА СОАССР, ф. 446, оп. 2, д. 6375, л. 1228).

О периоде жизни Абая Шаханова в Сибири сведения почти отсутствуют. Насколько можно судить по дошедшим до нас воспоминаниям родственников и подтверждающим их архивным источникам, Абай до конца жизни проработал в военно-медицинских учреждениях Дальнего Востока. Лишь с осени 1888 г. по 1 июня 1890 г. он был прикомандирован в Медико-хирургическую академию «для усовершенствования в науках». После успешного окончания курса был назначен старшим врачом лазарета в Никольском Южно-Уссурийского отдела Хабаровского края. Семейные предания утверждают, что Абай Шаханов участвовал в противочумной экспедиции в Китай и якобы читал лекции в университете японского города Нагасаки. Но эти факты требуют документального подтверждения.

Сестра Басията Шаханова Лидия умерла в 1921 г., была замужем за известным в 20-е годы киносценаристом Измаилом Абаевым. И. Абаев – автор сценариев таких фильмов, как «Абрек Заур», «Под властью адата», «Закон гор». «Абрек Заур» (1921) – один из первых советских приключенческих фильмов. Это история простого горца Заура, вынужденного стать абреком из-за произвола царского офицера.

Елизавета Павловна Матвеева, жена Абая, окончила курсы повивальных бабок при Военно-медицинской академии и «имела опыт практической работы», однако дети Абая – Борис и Лидия – воспитывались бабушкой со стороны матери. Елизавета Павловна пережила своих детей и умерла в 1925 г. в Ташкенте.

В конце 1895 г. врачом Южно-Уссурийского отдела (куда относился возглавляемый А. Шахановым лазарет) статским советником Маршандиным А. Д. Шаханов был представлен к повышению «по службе, на должность IV разряда вне очереди во внимание отлично усердной службы при знании в высшей степени своей специальности, применяемой на деле»*.

В № 39 журнала «Врач» за 1897 г. сообщалось, что «28 августа от хронического воспаления почек умер старший врач Никольского местного лазарета Александр Дмитриевич Шаханов». В этом же некрологе сообщалось, что сведения об А. Д. Шаханове доставлены доктором Шлипсом. Близкие родственники Абая Шаханова, однако, утверждают, что он умер во время противочумной экспедиции в Китай. Из специальной литературы известно, что в XIX в. последняя эпидемия чумы началась в 1894 г. в Южном Китае и сразу охватила целый ряд портовых городов, откуда добралась в 1896 г. до Бомбея.

* Ко времени представления А. Шаханов имел чин коллежского советника, что соответствовало в табели о рангах шестому военному чину – полковнику, а разряд 4-й соответствовал генеральскому.

² Военная энциклопедия. М., 1974. Т. 1. С. 265.

³ Крепость Воздвиженская заложена 3 июля 1844 г. генерал-лейтенантом Гурко на передовой Чеченской линии.

⁴ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 52.

⁵ Терские дела // Каспий. 1899. № 267.

⁶ ЦГВИА, ф. 248, оп. 1, д. 524, л. 190–191.

⁷ Там же, оп. 4, д. 134, л. 189–190.

⁸ Воспоминания проф. Б. А. Алборова, хранятся в личном архиве Т. Б. Шаханова.

⁹ ЦГВИА СССР, ф. 1309 – фонд «Временного окружного суда»: здесь в 1907–1908 гг. было рассмотрено около 1800 дел, расследующих революционное движение на Кавказе. Обвинялись солдаты за пение революционных песен, мастеровые и служащие за распространение и хранение литературы.

¹⁰ Там же, ф. 229, оп. 1, д. 336, л. 26.

¹¹ ЦГАИ ГССР, ф. 13, оп. 15, д. 1749, л. 2.

¹² В кн.: Торжество ленинской национальной политики КПСС. Нальчик, 1983. 179 с.

¹³ Казбек. 1901. 22 апр. № 1028.

¹⁴ ЦГИА ГССР, ф. 114, оп. 1, д. 2059; ф. 113, оп. 24, д. 635.

¹⁵ ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 883, ч. 2, л. 52.

¹⁶ Там же, л. 51.

¹⁷ Шаханов-Джанхотов. Еще переселение // Казбек. 1899. № 431.

¹⁸ Терский вестник. 1917. 3 сент.

¹⁹ ЦГА КБАССР, И-6, оп. 1, д. 826, т. II, л. 71.

²⁰ Там же, И-46, оп. 1, д. 4, л. 3.

²¹ ЦГИА ГССР, ф. 113, оп. 1, д. 5421, с. 4 об. Написание личных имен и фамилий, а также стиль документа даются без изменений.

²² См. там же сообщение начальника участка Карачаева.

²³ См. также: Вестник Горской республики, 1919. 27 апр.

²⁴ Это было обычным явлением в северокавказской публицистике рубежа веков. Вспомним хотя бы историю публикации Мисостом Абаевым статьи «Наделы осетин». Она целиком посвящена бедственному положению малоземельных балкарских крестьян, и статья никакого отношения к проблемам малоземелья в Осетии не имела и была так озглавлена, чтобы ввести в заблуждение владикавказскую цензуру, так как после статьи М. Абаева «Горские аграрные вопросы» в газете «Каспий» публикации на эту тему газете были запрещены. По всей вероятности, и Басияту Шаханову было запрещено освещать горские аграрные вопросы, имевшие остросоциальный характер, и последующие свои публикации он был вынужден подписывать псевдонимами – «П. д'Аржан», «Кавказец», «П. Адатов», литерами «Б», «Ш» и др. Первые известные нам публикации Б. Шаханова, как бы «внезапность» их появления, позволяют предположить, что и до публикации в «Казбеке» от 31 января 1899 г. (тогда появилась первая подписанная своей фамилией статья Б. Шаханова «По поводу одного удивительного проекта») он уже имел опыт литературного творчества и журналистской работы. Сам Б. А. Шаханов в третьем «Этюде из туземной жизни» пишет: «...во всех моих статьях проходит

красной чертой указание на крайние трудности жизни в горной полосе...» Этот напечатан 12 октября 1899 г. Из опубликованных к этому времени четырех статей только две соответствуют названной теме. Очевидно, что это не послужило бы Басияту Шаханову основанием для такого заявления. Следовательно, существуют ненайденные до сих пор статьи. Они, скорее всего были напечатаны под нерасшифрованным до сих пор псевдонимом. Однако атрибуция псевдонимных работ Б. Шаханова требует специального исследования.

²⁵ *Джанхот*. Картинка // Казбек. 1899. 16 апр. № 436. Заметка из сл. Воздвиженской. Там же. № 446. Звериное остроумие. Там же. № 464, и др.

²⁶ Казбек. 1899. № 436.

²⁷ *Карцов*. Причины разбоев на Кавказе // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 31 дек. № 358.

²⁸ *Ардасенов И. М.* Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1976. С. 109.

²⁹ Терский вестник. 1917. 7 мая. № 6.

³⁰ ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 7, дела 2358, 2853, 3751 и др.

³¹ Казбек. 1899. № 610.

³² *П. д'Аржан*. Расписка в получении // Приазовский край. 1900. № 49.

³³ *Г. А. Цаголов*, рукописный фонд СОНИИ.

³⁴ Деятельным сотрудником «Каспия» в это время был известный общественный деятель и просветитель Азербайджана Гасанбек Зардаби.

Публикации статей
мо, Г. Зардаби и €
получившая свет

:обствовали, види-
енщина-балкарка,
а Абаева и Басият

Шаханов поддерживали дружеские связи, свидетельствует и тот факт, что после смерти Басията Шаханова его жену и детей приютила семья Ханифы Абаевой.

³⁵ Мусаханова Г. Очерк истории дореволюционной кумыкской литературы. Махачкала, 1958. С. 8.

³⁶ Журнал министерства просвещения. СПб., 1890. № 8. С. 75.

БАСИЯТ ШАХАНОВ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО УДИВИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

В № 358 «С.-Петербургских Ведомостей» за минувший год была помещена статья некоего г. Карцова: «Причины разбоев на Кавказе». Оставив в стороне критику г. Карцовым статьи г. Шошина по тому же вопросу, напечатанной в № 320 «С.-Петербургских Ведомостей», остановимся на том способе прекращения разбоев, который рекомендуется самим г. Карцовым¹.

Г. Карцов предлагает не более не менее как переселить всех туземцев Северного Кавказа, — куда бы вы думали, читатель? — в Туркестан, «в обширные среднеазиатские пустыни»! Вот уж подлинно благодарю, — не ожидал! До сих пор мы слышали немало всякого рода проектов борьбы с этим злом: были тут и хорошие, и дурные, и постепенные, и энергичные, но из всех их, проект г. Карцова является, без сомнения, самым... удивительным!

Подумал ли г. Карцов, как будет себя чувствовать Кавказский туземец, выросший среди родных гор, где каждый клочок земли, каждый камень связан с памятью его предков, будучи выброшенным, по собственному признанию г. Карцова, в пустыню? Знает ли г. Карцов, как привязан туземец к своей родине? Известно ли автору этого остроумного проекта, что десятина земли в горах ценится в 2–3 тысячи рублей и, что горцы все-таки предпочитают свои жалкие клочки десяткам десятин удобной земли, которые они могли бы получить, выселившись всего за 30–40 верст от родных аулов на плоскость? А г. Карцов предлагает им переселиться в среднеазиатские пустыни!

Забавные соображения высказываются далее г. Карцовым. Упомянув вскользь о каких-то «различных пособиях (?) и агрономических улучшениях (?) со стороны правительства», в случае подобного переселения, автор говорит, что «туземцам, ПРИ ПОСЕ-

ЛЕНИИ ИХ СПЛОШЬ, могла быть предоставлена свобода самоуправления, согласная с их бытом, без слишком близкого соприкосновения с русской полицией». Что хочет сказать г. Карцов этой туманной фразой о «свободе самоуправления, согласной с бытом»? Не значит ли это, иными словами, «взять вас всех гуртом, зарыть в пески, и живите вы там, как знаете! Хотите резаться – режьтесь, желаете воровать – воруйте! Лишь бы нас, русских, не трогали!».

Словом, по логике г. Карцова выходит, что зарежет чеченец русского – это разбой, а зарежет чеченец чеченца – это «самоуправление, согласное с бытом».

Поистине удивительная мера борьбы с разбоем.

Не менее забавен и еще один аргумент, которым г. Карцов пытается поддержать досужий плод своей фантазии. По его мнению, переселение это должно состояться тем легче, что, «по словам историков, из Средней же Азии и вышли Кавказские горцы!». Это уже настолько наивно, что и возражений не требуется.

Но что всего оригинальнее в этой сплошь, впрочем, оригинальной статье, так это то, что автор проекта выселения горцев в пустыню причисляет себя к числу «истинных друзей» этих последних! «Об этом» (т. е. о переселении) «туземцам следовало бы серьезно подумать и послушать совета своих истинных друзей, вместо тех софистов², которые льстят их чувствам и незаметно увлекают их в бездну». «Истинный друг» намекает здесь на г. Шошина: с точки зрения г. Карцова, г. Шошин действительно сильно провинился! Сей злонамеренный муж мало того что решил проводить на столбцах «столичной газеты» «ложный взгляд», будто с разбоями следует бороться путем школы, но еще пытается всех их коварным образом «увлечь в бездну»... просвещения и улучшенного материального благосостояния!!! Поистине ужасный человек! Спасибо вам, г. Карцов, что предостерегли нас от этого «софиста», а то мы могли бы, по простоте душевной, попасть к нему в когти!

Не могу обойти молчанием и еще одно великолепное место в статье г. Карцова. Высказав взгляд, что каждый, даже «служащий на русской службе» туземец «по обычаям страны» не откажется держать у себя притон для разбойников, г. Карцов пишет: «Разбои также встречают сочувствие среди интеллигенции городов (!). Прежде всего адвокаты, которые являются защитниками ex officio³ – они, конечно, влияют на суды, затем представители вольных профессий (!!), и в результате ложный взгляд, проводником которого явился г. Шошин даже в столичной газете!».

Здесь все одинаково хороши: и интеллигенция, сочувствующая разбоям, и адвокаты, влияющие на суды и тем делающие занятия разбоем вполне безнаказанным, и затем... затем «представители вольных профессий» (!!!). Что это за зверь такой, эти «представители вольных профессий» – одному Аллаху, да разве еще г. Карцову, известно! Уж не журналистов ли имеет в виду

великолепный прожектор? Или, быть может, отставных трагиков и вообще лиц, подававших некогда блестящие надежды, но повпавших волею судьбы в бедственное положение и тем поставленных в необходимость избрать «вольные профессии»?! Очевидно, СТОЛИЧНЫЙ сотрудник СТОЛИЧНОЙ газеты и этих представителей вольных профессий не прочь причислить к провинциальной интеллигенции. Что ж! De qustibus non disputant uni est!⁴

ЕЩЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Положительно наша Терская область стала каким-то козлом отпущения! Давно ли некий писатель предлагал выселить туземную часть ее населения в Средне-Азиатские пустыни?¹ Теперь возникает уже другой вопрос: не следовало ли бы переселить в Терскую область русских из малоземельных губерний? Первый прожектор, г. Карцов, поддерживал свой план стремлением избавить «овец» (русских) от «стаи голодных волков» (туземцев), а вторые (имя же им легион) мотивируют свои проекты излишком земель и соображениями культурного характера. Вот и разбирайся тут как знаешь! Который из этих проектов лучше – дело вкуса. По-моему, так оба лучше!

В общем, пальма оригинальности принадлежит, несомненно, г. Карцову: в самом деле, что может быть оригинальнее выселения горцев в пустыню?! Но и его коллегам в деле устройства судеб Терской области нельзя отказать в нескольких перлах, перед которыми преклонит голову, пожалуй, и сам г. Карцов! Что, например, скажете вы о следующей фразе: «Землевладение в Терской области близко к положению мелких помещиков и совершенно незнакомо остальным крестьянам Российской империи»?² Воля ваша, а я перед ней положительно пасую. Изреки ее какой-нибудь «столичный сотрудник» в «столичной газете», – я бы еще знал, что это обозначает: там в моде подобные, а'la Карцов, истины о Кавказе! Но как прикажете ее понимать, если она принадлежит нашей, кавказской прессе? Думаю, что самое верное и безобидное будет предположить, что автору ее просто захотелось пошутить. Что ж, отчего и не пошутить, коли хочется? Неловко только, если кто-нибудь примет шутку всерьез: выйдет и неостроумно, и ни с чем несообразно!

Итак, «во имя культуры и цивилизации» предлагают отнять землю у одних и отдать другим. Как хорошо, право, что существует и культура, и цивилизация, и прочие звучные слова! С какой легкостью, благодаря им, золотятся самые горькие пилюли! Например: проповедовать отобрание земли у «гололобой братии», мотивируя это ее разбойничьим нравом, хотя, пожалуй, и можно, но для деятеля печати как будто немного и неудобно. Но стоит только приплести сюда культуру или цивилизацию, а будет возможно – то и оба вместе, и поставить вопрос хотя бы так: «Сле-

довало бы часть земель туземцев предоставить переселенцам из России, ибо это внесет струю цивилизации» – и картина совершенно изменится! В случае, если бы «культуры» и «цивилизации» оказалось недостаточно, можно вернуть еще и «справедливость»! Для этого следует только заикнуться об излишке земель в Терской области. В самом деле, разве не справедливо было бы заставить крестьян-помещиков поделиться избытком с крестьянами-бедняками? Если от этого кто и пострадает, то что за беда! Ведь это лишь маленькие жертвы на алтарь прогресса. И при том, кто же обращает внимание на подобные пустяки, когда речь идет о «культуре», «прогессе» и «цивилизации»?!

Прогресс! Культура! Цивилизация! Какие звучные, какие красивые слова и как высока идея, ими выражаемая! Высоки настолько, что для проведения ее в жизнь можно и отобрать кое-что у своего ближнего! Жаль только, что на этот раз отбирать не из чего!

Всякий, знакомый хоть сколько-нибудь с положением земельного вопроса в крестьянской части туземной среды, знает, какую печальную картину он представляет. Положительно, надо быть или слепым, или фанатично предубежденным против «азиатов» для того, чтобы написать цитированную фразу о «помещиках».

Треть области занята горной полосой. Полоса эта не вполне обмежевана, земельный вопрос в ней считается еще не решенным, но, по правде сказать, он и не может быть решен. Земли пахотной, удобной земли, земли в том смысле, в каком понимают ее все, а в том числе и беднейший русский мужичок, – там нет вовсе. Есть какие-то клочки, площадки, терраски, в несколько десятков, много сотен кв. саженей, старательно обложенные камнями и загороженные. Каждый такой клочок имеет свое название, свою историю. Над созданием его в течение нескольких веков трудился ряд поколений, очищая от камней, а порой и нанося землю в корзинах на высоту несколько сот футов. И в настоящее время его удобряют, орошают, обрабатывают, за ним ухаживают, но наивно было бы предполагать, что эта игрушечная пашня в состоянии прокормить своих владельцев. Хлеба хватает едва на 2 или 3 месяца, а дальше... дальше начинается та полная лишений и неопределенности заработка жизнь, которой вряд ли и позавидовал бы и неимущий крестьянин России. И не будь поддержки в скотоводстве, туземцы были бы принуждены покинуть свои родные горы, несмотря на болезненную любовь к ним.

На плоскости положение много лучше, но похоже ли оно на земной рай и действительно ли там нет крестьян, а есть только помещики, – это мы сейчас увидим.

«По количеству надела земли, – читаем в одной книге по статистике Терской области, – чеченцы Грозненского округа стоят

---

* Военно-статистическое описание Терской области. Г. Н. Казбек. Издание отдела ген. штаба Кавказ, воен. округа, 1888, г. Тифлис. (Здесь и далее постраничные сноски в статьях принадлежат автору, Б. Шаханову.)

ниже беднейших крестьян Европейской России, где средний **минимальный надел** на ревизскую душу считается **одной удобной** земли 3,43 д.»*. Надел чеченцев (4,5 д.) автор цитируемой книги считает **малым**, признавая **достаточными** (4,5–6,3 дес.) наделы плоскостных осетин и кумыков и **более чем достаточными** наделы одних лишь кабардинцев (6,3 дес. на душу). Вот в каких условиях находится землевладение на плоскости. Приведенные цифры взяты из сочинения, изданного официально, а потому и стоящего вне всяких подозрений и пристрастий к туземцам и красноречиво говорят за себя сами, что не нуждаются в каких-либо комментариях. Остается только обратить внимание на то обстоятельство, что «Военно-статистическое описание Терской области» издано в 1888 г., т. е. более 19 лет тому назад. За это время положение крестьянского землевладения сделалось еще тяжелее: «более чем достаточные» наделы стали «только достаточными», то, что было «до-статочно» в 88-м году, **«граничит теперь с нуждой»**. В горах и Чечне положение тоже ухудшилось (если только вообще была возможность ухудшений). За 10 лет народонаселение области увеличилось в 200 000 душ, а что же будет лет через 20–30?

Да, нелегко живется нашему туземцу. Борьба с суровой природой, отсутствие удобных дорог, медицинской помощи, школы, незнание государственного языка – вот условия, в которые он поставлен. Ежедневно приходится читать известия о возникновении комиссий для выяснения причин упадка благосостояния жителей то тех, то других углов Российской империи, газеты заполнены сочувственными статьями, посвященными не только русскому мужичку, но и чухнам³, латышам, зырянам⁴. Но много ли до сих пор занималась печать кавказским горцем? Какие известия, кроме разбоев, какие статьи, кроме требований строгих кар для обуздания «головорезов», помещаются в большей части печати, по так называемому «туземному вопросу»? А как живется этому «головорезу», дурно ли, хорошо ли, что толкает его порой на преступление, чем облегчить его положение, – до этого им нет дела! Лишь бы нас не трогали, а там живи как знаешь, – хоть умирай с голоду, я пальцем не пошевелю! И это рядом с толками о культуре, цивилизации, гуманности и любви к ближнему, рядом с бесчисленным множеством всякого рода принципов и идей.

О культурные люди!

ДВА СЛОВА К ТУЗЕМНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вряд ли где на земном шаре найдется другой [край], столь интересный в историческом и этнографическом отношении, как наш Кавказ.

На узком перешейке площадью всего каких-нибудь 8000 кв. миль, загроможденном к тому же высочайшими в свете горами, ютятся десятки народцев, чуждых друг другу по вере, языку и про-

исхождению. Когда-то много столетий тому назад, в эпоху великих переселений, заброшены они были в дикие ущелья Кавказа и остались здесь отрезанными на долгий ряд веков от остального мира и остального человечества. Мир жил, мир совершенствовался, народы, частицу которых они некогда составляли, играли свою роль на сцене истории и отживали, а Кавказ все оставался той сказочной страной, той легендарной Колхидой¹, богатство которой порождало мифы, но о которой никто не знал ничего положительного.

Так длилось долго. Каким-то заколдованным казался этот край. Интерес к нему делался все сильнее и сильнее, и вот, когда, наконец, завеса спала и «гора языков» со своею дивною природой, со своими племенами, не имеющими родни в остальном населении земного шара, стала доступна каждому – в недра ее ринулась толпа историков, географов, и начались раскопки, изыскания, исследования, а вслед за ними – ряд догадок, теорий, гипотез. Но интерес пропал так же скоро, как и возник, и вот перед нами все та же Колхида, все та же загадка, ждущая своего разрешения.

Наше прошлое темно. Кавказ, особенно северная его часть, не имеет не только истории, но и каких-либо намеков на нее. Что привлекло сюда такую массу народностей? Откуда пришли они? Какие отношения существовали между кавказскими племенами до прихода русских? Какова была их внутренняя жизнь? Что можно ответить на эти вопросы, столь естественные для каждого туземца? А между тем ответы есть, и отцы наши умели ответить на многое, что для нас теперь стало и темным, и непонятным. Стало темным и непонятным потому, что хотя наш горец любит старину и все, что с ней связано, но жизнь усложняется, кусок хлеба требует все больше и больше труда и времени, и в наши дни некому уже научить ребят тем сказаниям, песням, преданиям, в которых так полно отражается жизнь их отцов.

Так замирает, исчезает эпос Кавказа.

Не будучи записан, он погибнет окончательно, как погибли эпосы других народов. И что же тогда скажем мы последующим поколениям на их мучительный вопрос: «кто же мы такие?!»

Ждать помощи в нашем стремлении воскресить былое нам неоткуда. То время, когда мы были «интересными черкесами», прошло безвозвратно, и нам остается полагаться только на свои собственные силы.

До последнего времени нельзя было указать ни на один орган печати, который задался бы целью помочь нам в этом направлении. С выходом первого литературного № «Казбека» пробел этот заполнен!² Пусть же туземная интеллигенция, пусть все те, которые не желали бы увидеть свой народец обезличенным вконец, откликнутся на мой призыв и вложат и свою лепту в дело собирания материала для истории родного края, потребность в которой так настоятельно чувствуется и в наше время всеми кавказцами.

Я уверен, что мой призыв найдет отклик.

---

* См. «Казбек», № 475.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

I

Когда месяца полтора тому назад я писал статью «Два слова к туземной интеллигенции»*, я не думал, что она окажется голосом вопиющего в пустыне. Говорил я в ней о том, что Кавказ, не как объект войны, а как страна, населенная людьми, которые жили, волновались и думали, имели свои обычаи, свой строй и зачатки самобытной государственности, — этот Кавказ лишен не только истории, но и каких-либо намеков на нее. Сотни томов написаны, например, о покорении одной только Чечни или Дагестана. В них изо дня в день проходит жизнь дивизий, полков и батальонов. Порывшись, можно найти даже указания на то, где в тот или другой момент находилась любая рота, какой аульчик она брала, сколько было убитых и раненых и какие кто получил отличия. В этих описаниях, правда, то и дело мелькают слова: «кабардинцы», «чеченцы», «ичкеринцы», но из содержания книги не видно, чтобы они занимались чем-либо, кроме драки. И, прочитав с сотню страниц, привыкаешь смотреть на этих чеченцев, кабардинцев и пр. как на какие-то дерущиеся машины, для которых безразлично, что ни колоть, лишь бы была возможность подраться. Сейчас они дерутся с русскими, потому что поблизости случились русские. Если же вам интересно знать, что они делали, когда русских не было, — ответить нетрудно: дрались, должно быть, друг с другом. Таковая в двух словах история Кавказа, как она представляется в наши дни!

Не знаю, как вас, а меня подобная «история» мало удовлетворяет. Думал я, когда предлагал нашей интеллигенции заняться своей народной поэзией и поискать в ней ответов на многие жгучие вопросы прошлого, что и других туземцев она тоже не удовлетворит. Но оказалось, что я ошибся: вот уже почти 2 месяца, как статья напечатана, а в «Казбеке» не появилось ни одной сказки, ни одной песни. Отчего же это?

Происходит это — я так думаю — оттого, что в наш практический век занятие собиранием и переводом песен и сказок может показаться совсем пустым делом. Как это я, учитель, врач или офицер, стану вдруг собирать, записывать и переводить песни, стану тратить на сказки время, которое, говорят, стоит денег? И из-за чего все это? Чтобы потом напечатать и тем способствовать собиранию материалов для какого-то там историка Кавказа, который неизвестно когда явится, да и явится ли еще когда-нибудь вообще? А между тем... пока туземцы о себе молчат, не-туземцы о них пописывают. И как пописывают! Недавно мне попала в руки одна книжонка, трактующая о чеченцах¹. Удивительные сведения сообщает нам автор названной книжонки об этом народе.

Оказывается, что чеченец – это совершенно особенное существо, на человека вовсе не похожее. У него нет совершенно нервов, он не знает, что дурно и что хорошо, ему незнакомы ни дружба, ни любовь, даже к своим собственным детям. Прочел я эти строки и призадумался. По-видимому, для автора что чеченец, что кабардинец, что еще кто-нибудь другой в том же роде – все равно. Сегодня он пишет о чеченцах, завтра возьмет да и напишет о кабардинцах...

Не знаю, может, против чеченцев у автора книжонки и есть какой-нибудь особенный зуб, но вряд ли много лучше думает он и о других «басурманах»². Книга находится в обращении уже несколько лет, и никто из чеченцев еще на нее не ответил, следовательно, косвенно с ней согласились. Может быть, скажут, что на всякое чиханье не наздравствуешься, что перлы, рассыпанные автором, безвредны уже по своей очевидной предубежденности и озлобленности. Совершенно верно. Кто знает Кавказ хоть немного, тот разберет легко, что в ней правда, а что нет. Но много ли таких? А для массы прочитавших эту книжонку так и останется в памяти, что чеченца нельзя даже назвать животным, потому что и животному не чужда любовь к своим детенышам, а есть он какое-то исчадие ада, обитающее в С. Восточном углу Кавказа, которое самое лучшее было бы истребить, а не баловать, – как это иногда теперь делается, – именем человека!

О книге этой я вспомнил недавно, когда мне рассказали об одном случае, бывшем этим летом в горах Баксана, в Урусбиевском обществе. Молодой горец, таубий Измаил Урусбиев³, застрелил нечаянно из ружья своего двоюродного брата и так был поражен этой смертью, что тут же покончил с собой. Обстоятельства этой грустной истории таковы, что ее следует рассказать поподробнее.

Муса и Измаил Урусбиевы были не только братьями по крови, но еще и молочными братьями⁴: одна грудь их выкормила. До 13 лет они прожили вместе в одной семье и за это время так привыкли и полюбили друг друга, что дружба и близость не прервались и после возвращения под отчий кров. Это лето они проводили вместе на горных пастбищах под Эльбрусом. В тот день, когда произошла драма, о которой я хочу рассказать, Измаил охотился с утра на туров. Под вечер, когда он спускался уже к хутору, ему встретился Муса, и между братьями, как это часто бывает у горцев, возник шуточный спор о меткости глаза. Измаил просил Мусу положить шапку, а Муса предлагал попасть сначала в камень, а потом уже требовать папаху. Измаил согласился, но в то время, как он снимал ружье с плеча, раздался выстрел, крик и... Муса лежал мертвым. Что сделалось с Измаилом – передать трудно. Мальчишка пастух, бывший свидетелем всей сцены, говорил, что он был похож на помешанного. Когда он убедился, что брат убит им и надежды на спасение нет, он отошел на несколько шагов, зарядил ружье, но прошло более 10 минут, прежде чем ему удалось изловчиться и выстрелить в себя. Пуля попала в грудь, но, несмотря на рану, Измаил подошел к брату и со словами: «Ну, Муса, теперь

уже недолго, скоро я буду с тобой!» – лег около него. Между тем на выстрелы и на крики мальчика начал сбегаться народ с соседних кошей. Измаил все время находился в памяти и сохранил присутствие духа до того, что вспомнил о своих мелких долгах и просил передать часы брату. Мысль, что он, убийца, еще жив, тогда как брат уже умер, терзала его невыразимо. Он просил окружающих, из любви к нему, дать револьвер или кинжал, говоря, что если бы теперь он и остался жить, то все равно позора ему не снести и при первом же случае он покончит с собою. Несколько часов длилась эта ужасная агония. Но вот раненый узнает, что послали в аул за родными. «Как, – говорит он, – придут еще из аула смотреть на мой позор? Будут говорить: вон лежит Урусбиев, убивший своего брата. Неужели Бог меня не услышит и не даст мне умереть спокойно?!» И здесь начинается сцена, при одной мысли о которой кровь стынет в жилах. Повторив о пистолете и по-лучив отказ, Измаил начал собственными руками раздирать рану и рвать на куски внутренности и, спустя полчаса, истекая кровью, умер.

Пусть этот случай послужит маленькой иллюстрацией к словам упомянутого нами автора, что чеченцу (туземцу?) недоступны какие-либо порывы бескорыстной дружбы или любви и что под каждым его поступком скрывается пружина корыстолюбия или личных выгод. Измаилу Урусбиеву нечего было бояться. Речи о преднамеренном убийстве быть не могло, тем более, что был свидетель смерти Мусы. Но мысль, что он, братоубийца, будет жить, тогда как брата уже не будет, что ему придется видеть горе матери убитого и чувствовать себя причиной ее слез, – так на него повлияла, что он не выдержал и последовал за братом.

А сколько еще других таких же безвестных Измаилов скрывается в аулах по горам и ущельям, сколько еще примеров того, что и под черкеской бьется горячее, преданное и благородное сердце! Но все это покрыто пеленой! Мы молчим, и жизнь наша иллюстрируется лишь теми небольшими объявлениями, которые десятками попадают на последних страницах официальных газет: «Пропал мерин гнедой масти, грива налево, без тавра и пр.».

До каких же пор будет длиться это молчание и почему молчим мы? Неужели нам нечего сказать о себе и живется нам так хорошо, что лучше и не надо? Или, быть может, затрудняет литературная обработка, недостаток времени для того, чтобы ею заняться? Но в этом случае весь материал может быть присылать на мое имя в редакцию «Казбека», и пусть автор будет уверен, что встретит во мне участие и самое горячее желание помочь нашему темному брату. Наши интересы общие, и делу мы служим одному. Быть может, вместе нам удастся сделать что-нибудь и пролить луч света на туземца и его жизнь, о которой пока писали и пишут лишь в духе мерзенькой книжонки.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

После 2-месячного перерыва вновь стали выходить «Материалы для изучения и решения поземельного вопроса в Нагорной полосе Терской области» Н. П. Тульчинского⁵. Вновь замелькали строчки с малопонятными для большинства публики словами: «бегенда»⁶, «ортакъ»⁷, «эмчек»⁸ и с рядами «скучных» цифр. Но для нас появление «Материалов» составляет эпоху. При маломальском знакомстве с условиями жизни туземца, невольно поражаешься обилием в ней всякого рода «вопросов» – вопрос поземельный, вопрос сословный, школьный, – (ведь тоже вопрос, хоть он и не звучит так складно, как первые два) и масса других мелких. Объединяет всю эту толпу вопросительных знаков один общий, который и выражает собой неопределенность самого существования туземца – «вопрос туземный»⁹. Со стороны смотреть, эти вопросы явление очень любопытное и созданы они, по-видимому, для того, чтобы людям с «независимым положением» и серьезным складом мыслей было о чем потолковать на досуге. Но поставьте себя на место туземцев, и вы получите, что сумма решений современных вопросов сконцентрируется у вас в один – вопрос будущего: «быть или не быть?».

Остановимся хотя бы на поземельных делах. И скотовод, и хлебопашец живут землей. Она для них все и является главным объектом и их интересов, и их споров. Но ни одну секунду не должен он забывать, что над ней тяготеет знак вопроса! Ни купить, ни продать, ни заложить! Возникли недоразумения – обратиться в горский суд. Но что делать, если и его решение не удовлетворило? Знак вопросительный! Предположим, что я живу своим клочком. Я не желаю ни продавать его, ни закладывать, покупать новых – тоже. Казалось бы, чего тут еще? Увы, и я тут не избавлен от гнета вопросительного знака! Я буду вечно жить под кошмаром грядущего «решения», и вечно меня будет преследовать мысль, что по этому решению мой участок попадет в чужие руки, а мне отведут другой. И вот я начинаю каждому приезжему в аул задавать один и тот же неизменный вопрос: нет ли хапаров?*

Увы, хапаров нет!

Правда, с другой стороны, какой египетский труд разобраться во всей этой путанице земельных отношений, столь не похожих на те, которые установлены правом культурных народов. Заклад пе-

* Новостей.

** Автор, насколько нам известно, имеет в виду частную собственность некоторых привилегированных фамилий, но мы этой «односторонности» в труде г. Тульчинского не видим, хотя охотно дадим место всякому возражению в интересах полного разъяснения этого, в высшей степени важного, вопроса.

К сожалению, г. Шаханов на этот раз очень лаконичен, что, впрочем, объясняется тем, что он еще не получил окончания первой части «Материалов». (Примечание редакции газ. «Казбек». – Сост.)

ремешан с арендой и длится десятки лет, фамильные земли, проданные много лет тому назад, могут быть выкуплены старыми владельцами у новых за ту же цену, даже помимо желания этих последних. Всюду обычай и ни клочка документов! И в этом хаосе мелькнули вдруг «Материаль» г. Тульчинского! Вот в этом смысле появление их и составляет эпоху.

До сих пор земельным вопросом если и занимались, то под сурдинку, и труд г. Тульчинского является первым опытом обсуждения его в печати. Собственно говоря, название «Материалов» мало к нему подходит. Это не «Материалы для решения вопроса», а самое его решение. Правда, решение это, на мой личный взгляд, страдает некоторой «односторонностью»^{**}: незаметно для самого себя автор впал в роль прокурора одной из заинтересованных сторон, и это-то отсутствие объективности и составляет главный недостаток его труда¹⁰.

Нельзя согласиться и еще кой с чем в «Материалах». Сюда относится, между прочим, теория образования частной собственности в горах, а также высказанный в них взгляд на горские суды. Впрочем, касаться всего этого мимоходом в «Этюдах» не место. Труд г. Тульчинского серьезный, и отвечать ему надо серьезно же, а для этого следует подождать окончания выхода если не всех «Материалов», то, по крайней мере, той их части, которая касается горских обществ Кабарды¹¹.

Но во всяком случае, нельзя не сказать г. Тульчинскому спасибо. Много труда и времени поглотили его «Материаль», и в каждой их строчке звучит любовь к делу и искреннее желание пролить свет на этот запутанный вопрос. Заслуга г. Тульчинского велика и в том еще отношении, что труд его не остался под спудом и его живое слово, надо надеяться, заставит высказаться по этому же предмету и кой-кого из туземцев, интересы которых так или иначе «Материалами» затронуты, а это единственный способ разобраться в этом наиболее хаотичном и наиболее жгучем вопросе будущего наших гор.

* * *

Недавно мне случилось присутствовать на одной туземной свадьбе в ауле.

Большой двор был почти вплотную заполнен народом. Вдоль стен, на камнях, сидели старики, молодежь стояла группами, переговариваясь с толпой девушек, как-то робко забившихся в один из углов. Под мерные удары ладошей, под звуки гармонии, выводящей однообразно-печальный мотив старинного танца, по свободной площадке двора двигалась девушка. Чем-то грустным, какой-то затаенной заботой веяло от этой худенькой, почти детской фигурки. С полуопущенными руками, с наклоненной головой, почти машинально выделявала она знакомые с детства фигуры и так же машинально вернулась на место. Ее сменила другая. Эта улыбалась, но ее глаза, устремленные куда-то вдаль, говори-

ли о том, что мысли ее далеко. О чем она думала? Что таилось у нее там, глубоко, на душе? Скажет ли она кому-нибудь это?!

А гармоника играла, ладоши хлопали, и девушки все танцевали, танцевали и танцевали...

– Надинь! Нравится вам? – слышалось с балкона по-русски.

– Нет, я ожидала большего. Слишком однообразно: и музыка и танцы! – ответил женский голос.

Но вот музыка смолкла. Гостям, русским из соседней Калы, хозяин вынес стаканы с чаем. Это был богатый и влиятельный горец, и желание угодить важным гостям было написано на его лице.

– Кчук! – обратился к нему один из гостей. – Отчего же они не поют? Разве у них нет своих песен?

– Нет, песни у нас есть. Если хотите, можно сказать. В группе стариков задвигались. Подошла молодежь, круг сомкнулся и один из старцев запел. Протяжно и заунывно пел он об отдаленных временах богатырей-нарттов, об их громких делах, о жизни, чуждой лжи и измене. Ему вторил хор так же заунывно, так же гнусаво. Все приутихло. Девушки забились еще глубже в угол и, робко прижавшись друг к другу, впились глазами в певца.

А вдали могучий горный хребет, залитый пурпурными лучами заходящего солнца, смотрел на эту горсть своих сынов, такую бедную и жалкую, и, как бы вторя унылой песне, шептал: «Все это было, было, прошло и не вернешь тех людей!».

– Послушайте! Да ведь это Бог знает что! Ни мотива, ни...

– Гнусавят!

– Нет, ха, ха, вот так пение!

– Вы только послушайте, хор, хор-то каков!..

Увы, они не поняли! Здесь все было им чуждо. В танцах мало огня, в мелодии мало жизни. Они ожидали большего, – оказалось неинтересно. Да, они не поняли, что здесь выливалась вся горечь тяжелой, безотрадной жизни без надежды, без малейшего просвета в будущем. Но не мы ли виноваты в этом?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

IV

Помнится, в первом этюде я говорил о том, что туземцы упорно молчат, и убеждал их писать о себе. Но вот на днях мне попала статья туземца, и я вижу, что надо сказать еще несколько слов о том, как туземцы писать не следуют.

Статья озаглавлена «Последствия калыма»¹². Содержание ее в 2-х словах, следующее: в 1895 году владикавказская консистория¹³ сделала распоряжение об уничтожении калыма среди православных осетин, и осетинский народ был очень доволен. «Но, к сожалению, в непродолжительном времени требование калыма возобновилось с прежней силой 300 600 р.». Автор удивлен и

негодует. Калым вреден, его уничтожили, осетинский народ был весьма доволен, и вдруг такой пассаж: «требование калыма возобновилось с прежней силой!» «Нельзя ли, – говорит он, – найти меры на такое прочное уничтожение калыма, чтобы никакими поворотами невозможно было возобновить его».

Что калым вреден – с этим никто не спорит. Что для большинства трудно его выплатить, что за неимением денег приходится умыкать невесту, а это поддерживает у осетин нежелательный взгляд на женщину; что осетинки невежественны, а пока невежественны они, будут невежественными и их дети, т. е. все тот же осетинский народ – со всем этим я согласен. Готов согласиться даже и с тем, что, говоря словами автора-туземца, «поучительная жизнь образованных матерей, отражаясь в привязанных к ним детях, могла бы выработать в них более благовоспитанных и полезных людей». Но вот с тем путем уничтожения калыма и увеличения в Осетии благовоспитанных людей, который он предлагает в своей статье, согласиться «решительно невозможно». Консистерия уничтожила его бумагой, а он оказался учрежденным не бумагой, а обычаем и потому вышло конфузное *qui pro quo*¹⁴: все были довольны, а калым продолжали платить по-прежнему. По-видимому, автор думает, что если бы написать еще одну бумагу, то эта уже его добила бы окончательно. Я же, увы, полагаю, что ему пришлось бы вновь удивиться: требования калыма возобновились бы с прежней силой.

Как это ни странно, а автор туземец, плачась на вредные последствия калыма и выражая надежду, что на «статью сию будет обращено внимание», – забыл обратить внимание на то, что делается вокруг него и что делает он сам. Перед своей фамилией он машинально подмахнул слово «учитель», наивно думая, что оно выражает нечто вроде «коллежского секретаря»¹⁵ или «титлярного советника»¹⁶, иначе он не просил бы других придумать способ прочного уничтожения этого зла, а сказал он его сам.

Ведь автор – учитель. У него есть школа. Десятки детишек, мальчиков и девочек, проходят ежегодно через его руки и от него впервые узнают о том, что дурно и что хорошо. Он рассказывает им, быть может, иногда, что их народец и беден и дик, что они будут если не из числа первых, то из числа немногих, просвещенных грамотой и умеющих отличать правую руку от левой, и что это налагает на них обязанность принести посильную пользу своему народу, как приносит ее он, учитель. Вот тогда бы его ученики, эти черные и белые головки, выросши, став на ноги и расселившись по своей Осетии, повторили бы по всем ее углам заветы своего учителя и уничтожили бы и калым, и другие вредные обычаи, да так, что «никакими поворотами они уже больше бы не возобновились».

Вот что я хотел сказать учителю-автору. Еще 2 слова о языке, которым написана его статья. Ведь слог тоже великое дело. Как бы хороша сама по себе ни была мысль, но раз она изложена в

смешной форме, результат ее будет совсем не тот, которого добивается автор. Статью, подписанную туземцем, читают уже с маленьким предубеждением и надеждой встретить в ней каких-нибудь «мая», «твая». А когда еще эта «мая», «твая» написаны в семинарском стиле, то выходит совсем карикатурно, и если обращает на себя внимание, то вовсе не в том духе, как этого желал бы сам учитель-автор.

Мне лично было вдвойне досадно читать «последствия калы-ма». Досадно, во-первых, потому, что они принадлежат к числу тех немногих строчек, которые пишет туземец о туземцах же, а во-вторых, потому, что туземец этот – учитель. Но может быть, теперь и сам автор желал бы взять их обратно?

* * *

Не поможет ли мне читатель разобраться в одном эпизоде, свидетелем которого я был недавно?

Дело происходило в ресторане. К одному господину, по-видимому немцу, ужинавшему за общим столом, подошли двое – русский и туземец. Русский поздоровался с немцем и почти сейчас же предложил выпить за чеченцев. Туземец принял тост и чокнулся, но немец запротестовал и начал пушить чеченцев вдоль и поперек. И такие-то они, и сякие-то, воры, мошенники, фанатики. Об истине, вроде той, что все они поголовно разбойники, не стоит и упоминать, но в этой филиппики¹⁷ были и такие выражения, которые в печати звучали бы несколько неудобно. Русский защищал, но противник его очень уж разошелся и потому защита хромала. А туземец? Он сидел тут же рядом, и ни один мускул не дрогнул на его лице! Оно, казалось, говорило: «хорошо, что я глух и ничего не слышу!»

Я долго следил за этой сценой. Мне все казалось, что в конце концов и черкеска проявит признаки жизни и скажет немцу два слова, хоть бы таких: «вы знаете, что я чеченец. Думайте о нас все, что вам угодно, но будьте несколько деликатны, не говорите этого так громко и в моем присутствии». И я ждал. Но немец говорил, русский подавал ему протестующие реплики, а туземец рассматривал букет запыленных бумажных цветов, канделябры и фигуру узора на скатерти!..

– «Скажите, пожалуйста, вы туземец?»

– «Да».

– «Чеченец?»

– «Да».

– «Неужели же вы могли так спокойно слушать все то, что говорил этот господин, и не считали нужным сказать хоть слово в защиту своего народа?!»

Знаете ли, что он ответил? Полушепотом, как бы извиняясь и боясь потревожить и прервать речь «его», ту речь, в которой ругали чуть ни площадными словами отца, братьев и его самого, он сказал:

– «Это, знаете, так, промеж себя, дружеская беседа»!!

Что же это такое? Кто мне даст ключ к этому эпизоду? Очевидно, к безответственности в печати надо прибавить еще и сло-

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

V

Я получил 2 письма от туземцев. Одно от осетина, подписавшегося «Авхард»¹⁸. Он просит обратить внимание общества и православных осетин в особенности на ардонскую семинарию. Другое от чеченца Н. Н. Этот ничего не просит и ни на что не обращает внимания. Но сначала несколько слов о самих письмах.

Чем-то хорошим и свежим пахнуло на меня от строк г. Н. Н. Мне показалось, что я читал их уже где-то, что они знакомы мне давно. В каждом слове этого письма чувствуется такая страстная жажда деятельности, такое искреннее желание помочь чем-нибудь своему темному собрату, что, читая его, невольно прощаешь автору все те странности и преувеличенности, которые при других условиях звучали бы ходульно и фальшиво. Видимо, автор принадлежит к числу тех людей, которые говорят то, что думают, и пишут, что говорят. И в этой-то черте, быть может, и кроется причина того светлого впечатления, которое производят на читателя его строки.

Г. Н. Н. спрашивает меня, между прочим, что ему делать, как применить свои знания с наибольшей пользой для народа. Он готов пожертвовать собой. Жертвовать собой, конечно, не надо, но фраза моего корреспондента вовсе не так наивна и бессодержательна, как то может показаться с первого взгляда. Просидеть 10–12 лет на школьной скамье, получить высшее образование, добиться положения, денег, а затем бросить все, зарыться в аул на жалкое жалование сельского учителя и жить там в глуши, без поддержки и общества, с одним лишь сознанием святого дела, которому служишь, — не значило ли бы это пожертвовать собой? Эта жертва настолько велика, требует столько душевных сил и самоотвержения, что и я не решаюсь даже о ней говорить. Но ведь наш туземец так беден, так беспомощен, что есть тысячи способов быть ему полезным и не жертвуя собой.

Выйдите часов в 7 утра на бульвар. Город еще не проснулся, магазины заперты, но бульвар не пуст. То на одном, то на другом конце его вы заметите группу рваных черкесок, как-то беспомощно озирающихся по сторонам и не знающих, как себя держать среди чуждой им обстановки. А между тем не простое любопытство привлекло их сюда: у всех их есть какое-нибудь дело. Вон проходит мимо них офицер. Черкесы зашевелились и почти набросились на него. Послышались гортанные звуки нерусской речи: офицер — туземец. Но посмотрите, как ему хочется поскорее отделаться от незваных земляков! Здесь ведь не аул! Да и какая тоска с ними возиться! Не прошло и двух минут, как офицер зашагал уже дальше, оставив черкесов все так же беспомощно озирающимися по сторонам.

Отчего он их оттолкнул? Он думал: «помоги я этим, они вернутся в аул и расскажут всем, что я устроил их дела. Через месяц моя квартира превратится в базар, а я сам не буду знать ни минуты покоя. Обойдутся и так как-нибудь».

Конечно обойдутся, но только как? Объясняясь знаками и кой-какими словами, расскажут они одному из тех ходатаев, которые давно уже поджидают их у дверей суда и конторы нотариуса, кого и о чем хотят просить. Привычной рукой ходатай настроичит на двух листах прошение, получит двугривенный, и счета кончены. Черкес сложит бережно «бумагу», завернет ее в платок, положит за пазуху и отнесет в суд или канцелярию. Но знает ли он, о чем хлопочет? Открыть двери своей квартиры для толпы, ходить с ней по судам и конторам конечно трудно. Это значило бы пожертвовать если не собой, то своим покоем. Но не надо и этого. Не нянчиться, не отречься от себя для дикаря-туземца нужно, требуется лишь не гнушаться им, не отталкивать, стараться принести ему посильную помощь – вот о чем говорю я. Это не трудно, по силам каждому, а многие ли из нас это делают?

Но я увлекся. Думаю все-таки, что г. Н. Н. понял, что я хотел ему сказать. Быть полезным можно во всем и при всяких условиях, даже на школьной скамье. Помните, что я говорил о наших сказках, песнях, преданиях, о нашем эпосе? Ведь он гибнет, а в нем вся наша связь с прошлым. Если мы его не ценим теперь, то когда-нибудь да оценим, а что если будет поздно, если к тому времени и ценить-то уже будет нечего? Не обезличиваем ли мы себя сознательно сами?

Лично я считал бы, что труды мои не пропадают даром, если бы результатом этих этюдов явилась хоть одна напечатанная легенда, если бы среди ежедневных корреспонденций из станицы стали мелькать корреспонденции из аулов. Для большинства ведь мы все еще загадка, разгадывая которую, одни говорят «черкесы», а другие – «разбойники». А мы просим только одного: «не создавайте особого масштаба для оценки наших дел и поступков, смотрите на нас без злобы и ожесточения, так просто и человечно, как смотрите вы на остальных людей».

Совершенно иначе пишет г. Авхард. В его письме нет и тени той экзальтированности и восторженности, которая бросается в глаза при первом взгляде на письмо г. Н. Н., хотя несомненно, что и г. Авхард очень еще молод. В этих двух письмах сказалась вся разница между чеченцем и осетином. В то время как первый чего-то жаждет, ищет, к чему-то стремится, второй деловым, почти сухим тоном говорит, что называется, по существу.

Г. Авхарда поразил следующий факт. Несколько лет тому назад многие, окончив ардонскую семинарию, не довольствовались образованием, в ней полученном, и искали высшего. С некоторых же пор явление это стало наблюдаться все реже и реже и в этом году в академию поехало всего 2-е. Г. Авхард спрашивает, чем все это может быть объяснено, тем более что окончившим курс в семинарии предоставлены права на получение дальнейшего образования, на что есть несколько циркуляров свыше.

Г. Авхард обратился с этим вопросом ко мне, но я, к сожалению, в этой области совершенно некомпетентен.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VI¹⁹

Неделю тому назад в «Казбеке» была помещена статья г. Гаппо²⁰ «Слава Нузала», посвященная отчасти древнеосетинской поэме «Алгузиани»²¹. Оставив в стороне «Алгузиани» – как поэму, значение и ценность которой не только для осетин, но и для туземцев всего Северного Кавказа вообще не подлежат сомнению, остановлюсь на истории самой рукописи.

Меня в ней больше всего поразил следующий факт: до 1840 года рукопись «Алгузиани» хранилась в сел. Нузал в часовне. Осетины ее берегли в продолжение многих веков, но заговорили о ней только тогда, когда она пропала²². «История наша пропала навеки», – говорил народ. К счастью, пропала она не навеки, и не бесследно, но вот что прискорбно и горько: «нузальский оригинал был с портретами царей Осетии и в заголовке рукопись имела раскрашенное изображение самого Алгуза», – а ее-то, как можно видеть из приведенных строк М. Г. Джанашвили, и нет. Но где же она?! «Поэма Алгузиани» – маленькая страничка из скорбного листа наших святынь и драгоценностей. Кавказ богат в археологическом отношении. Лет 30 тому назад на него налетела толпа ученых, рыли, сверлили, терзали недра «колыбели народов», наклеили свою добычу на папки и исчезли так же внезапно, как и появились. Я далек от мысли обвинять их в расхищении, – сохрани меня от этого Бог: среди них есть такие имена, перед которыми я, как туземец, преклоняюсь, да и всем остальным были чужды какие-либо меркантильные побуждения. Но беда вся в том, что они работали не только для науки, но и для какого-нибудь археологического общества. Бусы, позументы, черепки, монеты уложены в картонки, увезены за тысячи верст, принесены в дар музею, занумерованы, поставлены в шкаф под стекло и преданы забвению. И долго потом новгородец, москвич или петербуржец будет скользить по ним рассеянным взором, недоумевая в душе, зачем это набили шкаф подобной дрянью? Каталог говорит: «Монета времен царя Оса-Багатара». – «Что за Ос-Багатар такой? И имя какое странное! Должно быть, какой-нибудь скифский царек!» А между тем, какую ценность приобрела бы та же монета в глазах осетина, не совсем еще захваченного «кукурузой» и «рудой»!

Москвичи, петербуржцы, новгородцы, даже парижане смотрят на наши древности, исследуют, изучают и забрасывают их, но что же остается нам? Ведь нас они касаются гораздо ближе, чем их!

А мы в лучшем случае можем лишь утешить себя мыслью, что об «Алгузиани», например, нам известно следующее: Ну-

зальский оригинал, с портретами царей Осетии и раскрашенным изображением самого Алгуза, в 1840 году похищен священником И. Руссишвили!

Несколько лет тому назад у нас во Владикавказе устроился Терский музей. Я в нем не был, но о содержимом могу судить по тем кратким заметкам, которые попадают о нем в печати: «пожертвована гривна времен царя Алексея Михайловича», «пожертвован пятак 1798 года». Что же, интересно, конечно, и это. Как интересны москвичу монеты Оса-Багатара. Но где же нузальская-то святыня, где поэма «Алгузиани», эта единственная историческая рукопись Осетии?! Исчезла ли она окончательно с лица земли или приютилась в одном из тех музеев, где новгородская гривна говорит несравненно больше сердцу, нежели десятки подобных рукописей, будь они хоть разъединственные в своем роде. Кто разрешит эту загадку? Где искать для нее Эдипа?²³

Археологи не оставили и до сих пор Кавказа. Приезжают даже иностранцы. (Как барон де Бай.) Они не жалеют денег, скупают старые монетки и битые черепки, завалившиеся среди хлама в сундуках осетин, чеченцев, кабардинцев, и увозят их для своих частных и общественных коллекций. Наш терский музей не располагает денежными средствами и существует, насколько мне известно, почти исключительно добродетельными пожертвованиями. Ну а раскопки производить он тоже не имеет права? В летнее время нашлось бы наверное немало охотников прийти ему на помощь в этом деле вполне безвозмездно. А сколько бы других святынь и гордостей, теперь никому неведомых, было бы сохранено и какое бы значение он приобрел, если бы он стал «Терским» ни по одному только названию, но и по содержанию!

А, впрочем, чего это я так раскипятился!

Не новый ли это вопль в пустыне?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VII

Г. Ешевский поместил в «Казбеке» по моему адресу маленькую отповедь, в которой уличает меня в каких-то тайных помыслах и ядовитых ухищрениях²⁴. На отповедь эту я не хотел сначала отвечать вовсе, да и мудро, признаться, на нее ответить! С одной стороны, просьба редакции не переносить полемики на личную почву и полнейшее нежелание полемизировать с кем бы то ни было в этом направлении, а с другой – отвечать «по существу» столь же затруднительно, как и вести полемику о «личности» г. Ешевского. В статье его я мог изыскать всего два «факта»: первый – «Я живу в Нальчикском округе уже 13 лет», второй – «Горский быт известен мне не хуже г. Шаханова».

Что я могу сказать на это? – Выразить лишь свое полнейшее удовольствие, да и пожелать еще раз автору дожить там же до

Мефусаиловых лет²⁵, – а чтобы спорить – да сохрани меня Бог! И так «по существу» мы согласны, лучше всего было бы молчать, и если я теперь не молчу, то лишь потому, что г. Ешевский нашел в моем «Этюде» нечто такое, что является сюрпризом не только для читателей, но и для меня самого, – враждебное отношение к г. Тульчинскому и желание умалить значение его «Материалов».

Прочитав мой III «Этюд», г. Ешевский сказал себе: «г. Шаханов говорит, что появление труда г. Тульчинского составляет эпоху. Но это – лукавство. Настоящая цель этюда – «умалить его значение», и, придя к такому оригинальному умозаключению, сел и написал статью на тему: «Да не безызвестно будет публике, что г. Шаханов-Джанхотов старается бросить тень на ценность самого труда г. Тульчинского и ослабить впечатление, производимое этими любопытными «Материалами». Причем не из числа обычных, и, следуя ему, я должен был бы решить, что г. Ешевский недоволен моим «Этюдом» лишь «по-видимому», и, исходя из этого соображения, принести ему благодарность за сочувственный отклик. Но я боюсь упрека в плагиате.

Г. Тульчинского я не только не «критиковал осторожно», но и не критиковал вовсе. Не критиковал потому, что считал скороспелые ответы на «Материаль» неуместными, сам же я в Нальчике не живу, следовательно, для того, чтобы ответить, должен или поехать туда и собрать кое-что на месте, или же ждать, пока мне вышлют материалы для ответа. В «Этюдах» же говорить о труде г. Тульчинского я считал неудобным еще и потому, что это было бы отступлением от той программы «Этюд»», которой я держусь. Моя обязанность отметить появление «Материалов» и указать их значение, что я и сделал. Здесь же мною был высказан и мой **личный** взгляд на них, причем с выводами г. Тульчинского я не согласился. Но где же тут «умаление значения» «Материалов» и почему это мне непозволительно «свое суждение иметь»?

Отчего г. Ешевский мне не поверил и написал ответ на мои «помыслы» – это для меня тоже ясно: зная, что я таубий, он не мог допустить, что я признаю какое-нибудь иное разрешение земельного вопроса, кроме сохранения существующего status quo²⁶, и здесь-то вот, неожиданно для себя, потерпел маленькое фиаско – ясновидение на этот раз ему немного изменило!

На этом я и полагаю окончить «полемику» с г. Ешевским. К прискорбию, должен сознаться, что г. Ешевский, как оппонент, мне решительно не по плечу. В печатных строках я вижу лишь то, что напечатано, и поэтому никогда с г. Ешевским не только что не сговорился бы, но и не добился бы толку. А потому почел за лучшее сдать г. Ешевскому на капитуляцию, признать себя вполне побежденным, заранее согласиться со всем тем, что и впредь ему будет угодно приписать мне и наложить «перст молчания на уста».

Теперь, конечно, мне ничего больше не остается, как высказать свой взгляд на поземельный вопрос в горах Нальчикского округа и объяснить, почему с выводами г. Тульчинского я не согласился. Но прежде всего спешу оговориться: то, что я изложу ниже, никоим образом статьи г. Ешевского не касается, и с первой частью «Этюда» имеет лишь ту связь, что ею вызвано. Говорю это из страха перед могущей возникнуть «полемикой».

Из «Материалов» г. Тульчинского вытекает следующее разрешение поземельного вопроса в горах Нальчика: земли, находящиеся в настоящее время в фактическом владении высшего сословия горцев – таубиев, следует конфисковать и предоставить в общее пользование. Сделать это надлежит, во-первых, потому, что большая часть их захвачена, а во-вторых, и потому, что таубии за потерю своих владыческих прав вполне уже вознаграждены при освобождении холопов. В подтверждение этого последнего положения г. Тульчинский в статье «Кабарда»* проводит параллель между вознаграждением, полученным князьями и узденями Кабарды, с выкупной суммой, взятой таубиями, и причем оказывается, что 300 000 руб. больше первых. Здесь извинюсь перед читателями и вдаюсь в некоторые подробности.

Кабардинские князья и уздени получили 1 175 747 руб.** деньгами и на 30 000 вещей и движимости. Балкарские таубии деньгами взяли 231 926 руб. и вещей на 200 000 и остальные 1 100 000 исключительно землей (пахотные и покосные участки). Обратив внимание читателя на тот факт, что в горах почти весь выкуп составляет земля, по оценке на деньги, спрошу: что же бы вышло, если бы теперь эти земли признать за общественные? Не явились ли бы это равносильным принудительному освобождению зависимых классов почти без вознаграждения их владельцев? Интересно знать, считает ли эту меру г. Тульчинский отвечающей требованиям справедливости.

Во-вторых, материальное положение таубиев нельзя и сравнивать с положением привилегированных классов Кабарды. Странно, каким образом г. Тульчинский совершенно игнорировал такой крупный факт, как пожалование им свыше 90 000 десятин земли? Считая круглым счетом десятину по 60 руб., что недорого, ибо земля удобная сплошь, выйдет, что за потерю права над холопами они получили, кроме тех 1 200 000 еще 5 000 000, что в общем составит сумму в 6 200 000 руб. Что же касается земель, полученных таубиями, которые при освобождении оценены в миллион с лишком рублей – то ценность их лишь относительная. Десятин пахотной земли в горах ценится в 2–3 000 руб., но очевидно, что это не абсолютная стоимость, а чисто местная стоимость, вытекающая из привязанности горцев к родной земле. Для русского же или для земельного банка она вряд ли пошла бы и за 15 руб. с десятины. Несомненно, что впоследствии ценность всех

* См. «Казбек», № 456.

** Цифровые данные взяты из той же статьи г. Тульчинского.

этих «биченликов» и «сабанов» падет и в глазах горцев.

Остаются еще те земли, которые г. Тульчинский считает захваченными. Между ними есть большие пространства, но в этих пространствах немало и камней, да вопрос не в том, каковы они и сколько их, а в законности владения ими теперешними хозяевами. Относительно «захвата» говорить трудно. Спор, собственно говоря, может идти не о нем, а о времени, в которое он произошел. В эпоху господства исключительно права сильного иного основания для собственности не могло и быть. Захваты произошли, но никоим образом не раньше конца прошлого столетия, а для большинства земель момент этот отодвигается в глубь веков. Г. Ешевский говорит, что «многие весьма крупные захваты произошли, так сказать (!), у него на глазах». На подобные обвинения отвечать невозможно, ибо они и глухи, и голословны. Поэтому желательно было бы, чтобы г. Тульчинский указал несколько недавних захватчиков.

Положение массы в горах я никогда не называл легким. Напротив, во всех моих статьях проходит красной чертой указание на крайнюю трудность жизни в горной полосе и в горах Кабарды едва ли не больше, чем где-либо. Единственный выход – это обращение части земли, находящейся в настоящее время в частной собственности – в собственность общественную, но с другой стороны, отчуждение это явится актом крайней несправедливости, если произойдет без всякого вознаграждения ее теперешних владельцев.

Поземельный вопрос – нешуточный и выяснение его – не игра в бирюльки²⁷. Судьба многих тысяч зависит от того, каким образом он будет решен, а потому всякое оружие в полемике о нем, кроме фактов, должно быть оставлено в стороне. Возражения же вроде: «Да небезызвестно будет г. Шаханову, что правда всегда односторонняя (!!)» – быть может, очень глубокомысленны, но, к несчастью, в данном случае вовсе неуместны, и я слишком уважаю себя и печатное слово для того, чтобы на них отвечать.

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

VIII

Недавно мне попался на глаза странный поезд.

По улицам одного из местечек восточной части области двигался выючный караван. Маленькие, лохматые лошаденки, похожие больше на ослов, чем на лошадей, шли одна за другой, понурю опустив головы и едва переставляя ноги. На спине у каждой из них болталось по паре плетеных корзинок, кое-как привязанных к самодельному седлу, с боков шли погонщики, завернутые в войлок, в войлочных же шляпах и с большими палками в руках. Караван двигался медленно и почти без шума. Изредка лишь раздава-

лось гортанное покрикивание, да глухой удар палки по крупу несчастного животного. «Тавлинцы»²⁸, пронеслось у меня в уме, и тотчас же больно сжалось сердце. Нищенский, жалкий, глубоко несчастный вид этих дагестанцев-погонщиков вызвал у меня в памяти поэтический образ гордого, смелого, храброго кавказского горца, созданного гениальными русскими поэтами и столько варьированного потом на все лады. «Черкес оружием обвешан, он им гордится, им утешен...» – звучит в ушах пушкинский стих, а перед глазами исхудалая, тощая фигура, с блуждающими глазами, в рубище, не подпоясанная, почти босая, и палка, которая так нещадно бьет эту крохотную лошаденку, столь же жалкую, как и ее хозяин.

Я остановил одну из кляч. Тотчас же ко мне подбежал один из погонщиков – ее хозяин. В корзинках оказался виноград. Они везли его горной тропой, через перевал, из Дагестана и находились уже около 7 дней в дороге. В каждой корзине было около 30 фунт., а фунт они рассчитывали продать по 6 коп.

Я видел потом, как какая-то русская баба торговала виноград у моего тавлинца. Шел дождик, было холодно, и торговец совсем окоченел и съежился. «Один фунт – один шаур один копейка», – говорил он ломаным русским языком, переминаясь с ноги на ногу и засунув руки в рукава. «Один фунт – один шаур», – упорно твердила баба, вертя ладони и растопыривая для наглядности пальцы. «Зачем так говорить!» – слышался озлобленный голос, – «моя хлеба нету! моя хлеб купить, гора тацил!» Но какое было дело бабе до того, есть у него в горах хлеб или нет?! Она решила купить виноград на копейку дешевле и настояла на своем: голодный, оборванный тавлинец уступил. Бегом, таща за узду лошадь, догнал он своих товарищей, и долго потом, следя за ним глазами, я видел, как жаловался он им, размахивая руками, да колотя нещадно свою лошаденку. Лошаденка качалась от ударов и опускала еще ниже голову, но трудно сказать, кого мне было больше жалко: ее или ее хозяина!

Тысячи подобных караванов перешли в течение 2-х осенних месяцев через горы к нам в область. Но что дадут они своим хозяевам? На лошадь грузится около 60–70 ф. винограда. Считая по 6 коп. за фунт, это составит около 3-х с половиной рублей на лошадь. Через 3 недели после отбытия тот же караван вернется в родной аул и привезет вместо винограда и фруктов – муку. Надолго ли ее хватит, и что с ними будет, когда выпадет снег и возить станет нечего?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

IX

Мой V «Этюд» вызвал статью г. Аслан-Бека «По поводу высшего образования ардонских семинаристов»²⁹. В этой статье г. Аслан-Бек дает ответ на тот вопрос, который через меня месяц

тому назад задал г. Авхард – почему в этом году поехало из семинарии в академию меньше лиц, чем в прошлом?

Прежде всего, я должен извиниться перед г. Авхардом за то, что поставил его в несколько неловкое положение. Все, что разъяснил в своей заметке г. Аслан-Бек, было мне известно уже из письма г. Авхарда, но по некоторым обстоятельствам написать его целиком, в том виде, в каком получил, – я не мог. Впрочем, ни я, ни г. Авхард и не думали приписывать малое число семинаристов, поехавших в академию, их собственному нежеланию, и теперь мне остается лишь заглядеть свою вину и попросить г. Аслан-Бека ответить еще на один вопрос: почему же в этом году не могли удовлетворить своему стремлению к высшему образованию все искавшие его, если это было возможно в прошлом? Не отказавшись ответить, г. Аслан-Бек выяснил бы этим один из самых насущнейших вопросов в этом деле. Статью г. Аслан-Бека, точно так же, как и еще 2 статейки*, написанные туземцами, я прочел более чем с интересом. Повторю еще раз: работать на такой обширной и почти нетронутой почве, как туземная жизнь, мне одному не по силам. Г. Аслан-Бек в писательстве, по видимому, не новичок и мог бы вполне взять на себя труд быть проводником в печати вопросов, вызываемых жизнью Осетии.

Из двух других статей особенного внимания заслуживает корреспонденция из Базоркинского селения. Собственно говоря, статья могла бы быть помечена с успехом не только Базоркиным, но и любым селением области, так как в настоящее время едва ли найдется хоть один аул, который не желал бы иметь школы. Но условия для нее различны: одни богаче, другие беднее и соответственно с этим одни более, другие менее могут обеспечить возникновение и содержание школы своими средствами. В Базоркине, например, обстоятельства сложились исключительно благоприятно, так как аул должен получить тысячу рублей от Владикавказской жел. дороги за отчужденную под полотно землю, которых хватит вполне на возведение школьных построек. Г. Г. Б. просит, кроме того, «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области»³⁰ не отказать в нравственной поддержке, исходатайствовать у кого следует разрешение на открытие школы. Я думаю, что «Общество», если бы к нему действительно обратились с этой просьбой, приложило бы все старания к ее осуществлению, так как желание базоркинцев идет навстречу его задачам. Я считаю эту коротенькую корреспонденцию г. Г. Б. большим шагом вперед в деле поднятия завесы, которая вот уже много лет покрывает все, что касается туземца и его нужд. До сих пор если в печати и попадались изредка строки, подписанные туземцем, то они касались исключительно осетин, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что статья г. Г. Б. является первой

---

* «Военно-Осетинская дорога» Б. Г. «Казбек», № 575. Корреспонденция из сел. Базоркинского. Г. В. «Казбек», № 577.

статьей об ингушах. Быть может, это начало, и скоро заговорят и кабардинцы, и горцы, и кумыки. Я далек от мысли желать, чтобы это случилось сразу, все идет своим чередом и на все нужно время. Но я убежден глубоко, что недалек уже тот час, когда и туземец перестанет быть неодушевленным предметом, когда и с ним придется считаться, как с человеком, знающим, чего он ищет и чего желает.

* * *

Хочу передать разговор, который подслушал нечаянно в одну из своих поездок в аул.

На камнях, возле мечети, сидели два мальчика. Старшего я узнал сейчас же. Это был высокий, худощавый юноша, лет 15, сын одного из самых зажиточных жителей аула. Он уже 4-й год как учился в гимназии, и аккуратно каждые каникулы приезжал к своим в аул. Звали его Ибрагимом.

Другой был года на два моложе своего товарища. Порванная черкеска, дырявая папаха, отсутствие пояса – все обнаруживало в нем бедняка. И действительно, нелегко жилось маленькому Кучуку! Но он не унывал, и теперь вот сидел как ни в чем не бывало на камне и постругивал ножичком Ибрагима палку, хотя и знал, что дома его, наверно, уже ищут.

– Ну и что же, долго ты у нее жил? – услышал я его голос.

– Нет, – отвечал Ибрагим. – У этой русской женщины я жил недолго – месяца 3. Отец привез меня к ней и говорит по-русски: «Ну, Ибрагим, я уйду, а ты слушайся ее, что велит, то делай». А сам по-нашему прибавляет: «Смотри, не научись только есть свинины».

Мальчики засмеялись.

– Да, хорошо тебе, – заговорил быстро Кучук. – Отец у тебя есть, всего у вас много. Вот теперь ты учишься там, где-то, потом через три года приедешь к нам офицером, все будут за тобой ходить, старики посадят вместе с собой. А я все останусь таким же байгушем³¹, пастухом, как и теперь. А что, в школу берут одних богатых?

– Зачем богатых? Всех берут!

– Нет, – печально покачал головой Кучук, – меня бы не взяли. Видишь, у меня и черкески нет, бешмет порван, папаха тоже, чуваки давно уже без подошв. Да, пожалуй, и учиться там трудно, говорят все по-русски. Я бы не смог. Где мне!

Мальчик замолк. Я посмотрел на его лицо. Оно было не то что печально, а грустно. Глаза полузакрыты, палочка выскользнула из рук и сам он весь как-то застыл. Казалось, и он видел себя офицером, видел, как и его встречали с почетом старики, как плакала от радости мать. Но не для него все это!

– Ибрагим! – проговорил он вдруг, и такой тоскою прозвучало это слово, что товарищ его вздрогнул.

– Что, Кучук?

– А ведь ты нас забудешь.

– Как забуду?

– Так, забудешь, как забыли Али Тусуев, Ахмат Касоев. Ты станешь офицером или там доктором. Будешь получать много денег, дослужишься, почем знать, до полковника. Зачем же ты приедешь к нам? Мы бедны, живем грязно. Зимой у нас холодно, дождь пойдет, в очаг вода льется. Вон твой отец богатый и с русскими знаком, а живет так же, как мы. Разве ты так можешь жить? Я ведь был много раз в русском доме и видел, как они живут. У них хорошо, пол есть, печка, тепло, чисто. Нет, тебе у нас жить нельзя, – уверенно прибавил он. – А все же ты нас совсем не бросай. Место хорошее можно и здесь где-нибудь достать. Родные будут к тебе ездить, может, и я бы приехал посмотреть, как ты живешь. Темирбулат говорил, что там, в городе, есть такие дома, что и наверху ходят и внизу. Вот бы мне взглянуть...

– Кучу-у-ук! О-о, Кучу-ук! – раздался где-то поблизости звонкий голос. Мальчик вскочил.

– О-о-о, – прокричал он в ответ с такою силой, как будто звавший его был за версту.

– Иди скорее, отец вернулся, тебя спрашивает, – кричал все тот же голос. – Говорит, почему корову не загнал.

– Иду-у, – ответил Кучук. – Прощай, увидимся вечером после намаза, – прибавил он уже на ходу Ибрагиму и скрылся в боковой улице.

«Бедный мальчик, – подумал я, идя домой. – Как-то примет его этот Ибрагим, когда он лет через 10 приедет к нему в город посмотреть на двухэтажный дом. Или, быть может, город будет так далеко, что не доехать до него Кучуку. Не отвернется ли от него и этот Ибрагим, как отвернулись уже десятки таких докторов и офицеров?»

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XI

– «Читал ваши «Этюды», говорил мне на днях один русский, «и, сказать по правде, кое в чем с вами не согласен. Я не понимаю, каким образом можете вы закрывать глаза на все отрицательные стороны жизни, осветить которую взялись. Ведь факты всегда останутся фактами. Возьмите любой номер хотя бы того же самого «Казбека», и вряд ли вы не натолкнетесь в нем на сообщение о разбойничьих деяниях, столь любезных сердцу вашему, чеченцев и ингушей. Что вы мне на это скажете?»

Очень грустно, если мнение это не единичное и на многих «Этюды» производят такое впечатление. Больше чем чего-либо стараюсь я избежать односторонности и предвзятости, ибо считаю, что нет ничего бессмысленнее и вреднее системы обеления. Убаюкивать себя и других стереотипной фразой – «все обстоит

благополучно» и «мы не только не хуже, но и лучше других» – было бы заслугой весьма сомнительного качества. Что туземец дик, что чувство законности привилось к нему еще очень мало, что среди них находятся охотники до того, что плохо лежит, – все это, к несчастью, правда. Но ведь об этом никогда и не заходит речь; вся соль в тех причинах, которыми эти явления обуславливаются. Разбой делают нашей профессией, на нас самих хотят смотреть, как на людей с атрофированным нравственным чувством, с которыми ничего уже поделать нельзя, кроме разве попытки «обезвредить». Исходя из этого соображения, и школа является лишней, ибо что она может дать психически ненормальным нравственным уродам? Быть может, и на этот раз по моему адресу готов уже сорваться упрек в пристрастии и сгущении красок. Но, к несчастью, я имею неопровержимые доказательства того, что приведенный взгляд не есть плод моей фантазии, и в подтверждение его указать на целую книгу о туземцах, из которой приведенные строки почти целиком и процитированы. Где уж тут, следовательно, говорить о достоинствах и высоких качествах туземца! Сначала надо похлопотать о признании за ним права называться человеком, а что дальше – там уже будет видно! Это первое.

А второе – и самая цель «Этюд» выражена мною, очевидно, так туманно, что заставляет о себе догадываться. Задачу – осветить туземную жизнь – я на себя взять не могу, хорошо сознавая, что мне одному она не по силам. Быть в курсе жизни всех 5 народностей, составляющих туземный контингент области, – является делом очень трудным для меня и весьма легким для интеллигенции каждого из этих народов в отдельности. Отсюда и «Этюды» имеют главной целью убедить туземную интеллигенцию в том, что ее сотрудничество в этом деле более чем необходимо и является той посильной пользой, которую она может принести родному народу и к которой обязывается уже исключительным положением, занимаемым ею среди туземной массы.

И потом – неужели же нам нечего сказать друг другу. Нас мало, мы сильно разрознены, некоторых судьба закинула за многие тысячи верст от родины³². Видеться, поговорить мы не имеем возможности, а поговорить есть о чем. Пробел этот может заполнить одна лишь печать. Я не могу понять, что заставляет туземную интеллигенцию так фанатично молчать? Ведь не красноречие, не блеск, не талант здесь нужны, а нужен тот обмен мысли, без которого невозможно ни одно живое дело, а наше тем более. Что может сделать каждый из нас в отдельности? Силы наши так малы, а задача так велика! И между тем, сколько хорошего, доброго, полезного могли бы мы сделать, если бы не жили так врозь, не рвали между собой связи, да не забывали, что только мы одни и можем вывести нашего, детски беспомощного туземца из того мрака и невежества, которым он сейчас окружен.

Неужели и это – мечта и должна оставаться таковою?!

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XII

Группа татар-оборванцев³³ пришла одним утром на пастеровскую прививочную станцию в Тифлис³⁴. Их загорелые лица, головы с пробритой по середине полосой, их одежда, наконец, та стремительность, с которой они вскакивали при входе каждого прилично одетого русского, – все обнаруживало в них жителей какого-нибудь затерянного аула, попавших впервые в столь непривычную для них обстановку большого русского города. Старший, почти старик, поглядывал сурово и мало говорил. Судя по его бесстрастному лицу, трудно было сказать, о чем он думал, да и думал ли вообще о чем. Рядом с ним сидел мальчуган, почти ребенок. Этот поглядывал с любопытством вокруг: на лавки, столы, стулья, под потолок, на самих урусов³⁵, которых видел впервые так близко и в таком количестве, и которые оказались вовсе не такими страшными, какими он их себе рисовал. Кроме этих двух было еще трое татар, лет 15–20. В них я не всматривался, они сидели в уголке, говорили вполголоса и старались как можно меньше обращать на себя внимание. Но я хорошо запомнил, что всех их было 5.

На следующее утро я застал приемную в каком-то возбуждении. Стоял гул и слышались отдельные голоса: «разве так можно!», «зачем было прямо говорить!». Беглый взгляд, брошенный на татар, сидевших на прежнем месте в углу, сказал мне, что причиной всему они и что с ними что-то случилось. Что именно – я еще не мог себе отдать отчета, но было несомненно, что беда стряслась.

Но что же такое?

– «Знаете ли, какой случай», – как бы в ответ на свои мысли услышал я около себя голос, – «товарищ-то вот этих, помните, вчера еще все улыбался? Черный такой, в шубе?»

Я посмотрел: их четверо. Одного недоставало.

– «Ну?»

– «Заболел, в больнице остался. Фельдшер ему так и сказал сегодня: «Ну, говорит, тебе брат теперь и ходить не стоит на станцию, потому что ничем там тебе не помогут. Ты уж лучше прости с братом, да с белым светом. Песня твоя спета!»

– «Да про что вы говорите, не пойму вас! Чем заболел? Почему песня спета?»

– «Бешенством заболел, водобоязнью...»

Так вот оно что! Я почувствовал, как и меня стала брать дрожь.

– «Господин, зачем фельдшер так сказал? – обратился ко мне персиянин, исполнявший при бессловесных татарах роль поводыря, – ему брат здесь есть. Брат ночью вовсе не спит, все плакит, плакит. Сегодня утром моя пошел с братом к нему. Он говорит: «давай мне воды!» Немножко вода на ложке положил – нет, нельзя пить! Вода рот близко пошел, голова назад пошел! Пропал теперь совсем! Только разве так можно? Зачем фельдшер брату сказал,

что он пропадет? Брат теперь все плакит. Они далеко прошел, ему здесь никому нету! Их волк кусил...» И слово за слово он рассказал мне их историю. Почти месяц тому назад на кош татар одного из кишлаков Бакинской губернии ворвался волк. Была ночь, пастухи спали. Среди баранов поднялась суматоха, на которую выскочил первым юноша лет 17, тот, что теперь заболел. Волк в это время уже сцепился с собакой, но, увидя нового врага, бросил ее и накинулся на пастуха. Четверть часа длилась эта борьба человека со зверем. Когда пастухи проснулись и помошь подошла, мальчик был уже искусан в нескольких местах. Покусав еще четырех, волк кинулся в соседний кош, где его и пристрелили.

Внешний вид волка, та ожесточенность, с которой он кидался на всех, заставили предположить в нем бешенство, но потерпевшие большого значения этому не придали. Когда же они узнали, что их могут отправить в Тифлис, то даже стали прятаться. Так прошло 10 дней, пока, наконец, весть о происшедшем не дошла до пристава, и тогда приказал старшина отправить их немедленно на прививочную станцию. Старшина собирал в это время подать. Сегодня, завтра, послезавтра, день за днем прошло еще 2 недели и только на 28-й день после укуса попали они в Тифлис. Но было уже поздно!

Пока все это, пугаясь, останавливаясь и подбирая выражения, рассказывал мне персиянин, думы, одна тяжелее другой, проходили в моей голове. Гибнет молодая жизнь. Семнадцать лет – почти мальчик! Где-нибудь в кишлаке, за сотни верст отсюда, старая, в лохмотьях, татарка ждет не дожидается его возвращения. Она не знает, зачем ушли два ее сына и когда они вернуться. Она спрашивает других, но никто не знает больше ее. Пройдут три недели, прививка кончится, больные вернуться в родной аул, но между ними будет только один из сыновей. Какую весть принесет он своей матери?!

А как легко и возможно было спасение! Какой-нибудь неделей раньше – и не было бы этих мук, страшнее которых нет на свете, не было бы и этого безысходного горя матери. Найдись лишь один человек, способный сказать им и их старшине, какой яд в себе они носят и как надо торопиться! Но где взять таких людей? Разве станет такой человек жить или приезжать в их аул? Где-нибудь в городе, в обществе себя достойных, проводит он свои дни. Жалованье, театр, винт³⁶ – вот его интересы и жизнь. А с теми, бреющими себе полосой голову, он давно уже порвал и научился стыдиться их!

Копя гроши, давали ему образование родные. Сколько раз, сидя по вечерам зимой у очага, среди копоти, грязи и умственно-го убожества, мечтали они о том, как вернется он в их среду, или получит чин, станет наезжать к ним в кишлак! Сколько планов о том, как он будет учен, будет знать законы. Как станет помогать, защищать их! Народ, правительство смотрело на него тоже как на носителя света и культуры. – Но он не захотел понять всего этого!

Так мимо же, мимо! Напрасна будет борьба с этим бессердечием и эгоизмом, тщетны попытки пробудить в этом сердце раскаяние! Они не поймут, в чем их вина. Они так сытно едят и

спят так мягко! Их покой не нарушим, не нарушит его и труп этого мальчишки-пастуха и слезы его матери, и многое, многое другое, горькое и безотрадное, что творится по кишлакам и аулам!

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XIV

Не знаю, обратили ли вы внимание на один факт, сообщенный не так давно корреспонденцией из Гизели³⁷.

Сходу был предложен вопрос: не желает ли он содержать на свой счет родителей 2-х молодых людей, сосланных за конокрадство в Сибирь. Сход, как это почти всегда бывает в подобных случаях, долго не мог высказаться определенно, пока не нашелся один старик, который и сказал следующее: «Вот этот старик, который стоит сейчас с непокрытой головой перед нами, в надежде на помощь, сам был в молодости отъявленным вором и детей научил тому же постыдному ремеслу. Я думаю, надо и его самого послать по тому пути, по которому посланы его дети, получившие вознаграждение по делам, потому что он плохой отец детей – скорее он сам виноват, а не его дети! Разве не известно, что у плохого учителя и ученики плохи? Отец же есть первый учитель своих детей». – После этого сход постановил – в просьбе отказать.

Меня поразил озлобленный тон речи этого старика: «Скорее и его самого надо послать туда, а не помогать ему», – говорит он. Отец есть первый учитель своих детей. Каков учитель, таковы и ученики, и обратно: ученики оказались плохи, – значит, плох был и учитель. А отсюда – не стоишь ты того, чтобы подать тебе кусок хлеба, и хоть помирай с голоду, я скажу: поделом, зачем дети вышли плохими.

Что же это такое? Как называется эта логика и эта мораль? Я бы еще понял, если бы вопрос ставился так: о пособии просит человек, который его совершенно не заслуживает. Он сам ворует и приносит нам один вред. Но старик лишь упомянул вскользь о том, что проситель воровал в молодости, а главным образом напирал на испорченность его детей. Сход нашел его рассуждения вполне правильными и отказал. И вот теперь перед ними загадка: что же будет делать старик-проситель и его жена? Автора корреспонденции это совершенно не интересовало, и он сообщил лишь о факте.

Было очень трудно найти ключ к этому эпизоду, если бы некоторые разъяснения не давала та же корреспонденция из Гизели. Гизельцы, и, как поясняет автор, по преимуществу молодые, решили упразднить школу грамоты, указывая на платежи и без того слишком большие. Но, старики нашли, что это не так и что школа полезна, и отстояли ее. Вслед за тем на сцену был выдвинут еще один расход: содержание 2 стариков, родителей ссыльных. Сход долго думал. Думал собственно не о том, какой ответ дать, а о том – как ответить. И вот нашелся опять-таки старик, который и указал выход: «Их самих, – говорит, – надо туда сослать, а не помогать

им». И все нашли, что это так, и что правильнее будет отказать.

Обстоятельства этого дела для меня темны. Возможно, что просители действительно помощи не заслуживали, что у общества средств на содержание их нет. Но несомненно, что положение стариков трудное, так как иначе они бы не обратились за помощью к сходу, да и сход, раз она не была бы необходима, над отказом бы не задумался. Но оставляя в стороне мотивировку отказа, спрошу: каково их положение сейчас? Ведь надо же чем-нибудь жить? К сожалению, корреспонденция ничего об этом не сообщает, а ограничивается голым фактом, нисколько его не освещая. Интересно бы знать, считает ли г. корреспондент сообщенный факт светлым явлением в жизни Гизели, а решение схода, в той редакции, которая ему была передана речью старика, логичным и гуманным?

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

XVI

Книга, о которой я хочу поговорить в этом этюде, вышла давно уже 2-м изданием. Название и тема ее таковы, что она не может не интересовать каждого грамотного туземца, а между тем — о ней не слышно, ее забыли, а многие и не подозревают даже о ее существовании. Я говорю об «Истории адыгейского народа» Шоры-Бекмурзина Ногмова*³⁸.

С лишком полвека назад, в трудную эпоху перехода от старых порядков к русскому режиму, когда всюду на Кавказе кипела война, когда большинство туземцев бежало от всего русского, а меньшинство думало только о чинах и наградах, нашелся среди них человек, отдавший всю свою жизнь делу, которое не принесло ему ни денег, ни почета и важность которого вряд ли признавал хоть один из его современников. В течение 20 с лишним лет собирал и записывал Шора Ногмов песни, легенды, сказания, рылся во всевозможных книгах русских и иностранных авторов, ища всюду хоть малейшие черточки, малейшего указания на прошлое родной ему Кабарды.

Сколько здесь надо было труда, энергии, усидчивости и любви к делу! Творить приходилось из ничего, так как никаких письменных источников не существовало — оставался устный эпос, но и он требовал проверки, и в нем надо было суметь отличить правду от вымысла. Этого труда хватило на всю жизнь Шоры Ногмова, и лишь за год до смерти закончил он свою историю адыгейцев.

«Если я решился на этот труд», говорит он в предисловии, «то единственно из искреннего желания приохотить моих соотечествен-

---

* Вот полное заглавие последнего издания: «История адыгейского народа (о кабардинцах), составленная по преданиям кабардинцев, Шоры-Бекмурзина Ногмова, дополненная предисловием и исправленная сыном его Еруст. Шор-Бекмур. Ногмовым». Пятигорск, 1893 г.

ников к умственным занятиям на поприще науки, которая одна в состоянии показать им все выгоды просвещения и образования». Сколько лет пройдет, прежде чем его соотечественники поймут эти слова!

Полвека, – забыт и Шора Ногмов, и его книги! Прошлым мы не богаты, – сказать вернее, нет его у нас. Начни говорить на эту тему, и тотчас услышишь, что каждая попытка, хотя бы самая неудачная, осветить минувшую жизнь и минувшие судьбы Кавказа, – должна быть встречена с благодарностью и сочувствием. А чуть коснется дела – выходит, что вовсе нас это не интересует и что прожить прекрасно можно и без «Историй»!

Книга «о кабардинцах» имеет тоже свою печальную историю. До сих пор она вышла двумя изданиями, если не считать первого ее появления на страницах «Закавказского Вестника». Издание последнее, 1893 года, предпринято сыном Шоры, Ерустаном Ногмовым, «дополнившим и исправившим» труд своего отца. Как это, право, просто делается! Труды целой жизни, сотня страниц, писавшихся несколько десятков лет, в какой-нибудь месяц не только «дополняются», но и «исправляются»! С мертвыми не церемонятся, а с их письменным наследством и подавно. О том же, что с Ногмовым-отцом действительно не церемонились, – говорит одна мелочь, характеризующая до некоторой степени самый род «поправок» Ногмова-сына. В тексте попадаются часто песни, говорящие о том или ином событии, песни испещрены именами и фамилиями героев, дела которых остались в памяти народа. И вот, в этой массе собственных имен, одна из фамилий отпечатана жирным шрифтом и бросается в глаза чуть не за версту. Для чего это надобно и почему на доблести именно этой фамилии следует обратить внимание – об этом мы не знаем, да и вряд ли когда-либо узнаем. Но во всяком случае, выходка эта – факт, очень печальный и тем более нежелательный, что имеет место в такой книге, как «История адыгейского народа».

ЭТЮДЫ ИЗ ТУЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Вот уже несколько недель меня занимает вопрос, при каких условиях попадают туземцы в среднюю школу. Я знаю, как не правы те, которые говорят: они не хотят учиться. Спросите любого «фанатика», желал ли бы он увидеть сына офицером, врачом, инженером, и, верно, он засмеется вам в ответ, до того нелепым покажется ему вопрос. Ну да, хотел бы, но что толку в разговорах?

Когда я кончил учиться и стал на ноги, у меня была одна мечта, один план, казавшийся в то время очень легко исполнимым. Я иду в аул, беру одного из своих братишек, маленькое, серенькое существо, не знавшее до той поры ничего, кроме гор, лошадей и баранты, привожу к себе, вожусь, ухаживаю, учу его так, как это был бы мой собственный сын, и к десяти годам он сидит уже за

партой реального училища. Дальше университет, институт, академия, та деятельность, которую он изберет себе сам и которая даст ему возможность указать дорогу к свету тоже хоть одному такому же пастушенку, каким он был сам столько лет тому назад. Если бы это не было мечтою!

Я принялся за дело с юношеской горячностью и чисто по-юношески обескуражился первой же неудачей. В свой приезд я не застал мальчугана дома; он был у аталыков и, прослышав, что я хочу его взять, уцепился за юбку молочной матери и принялся реветь, как будто, по меньшей мере, я собирался его зарезать. Так прошел день, а на следующий я должен был уехать, и уехал я, увозя с собой тяжелое чувство разочарования и сознание, что моя красивая мечта погибла и вряд ли воскреснет вновь.

Когда я вспоминаю этот эпизод теперь, мною всегда овладевает какой-то безотчетный страх. Думал ли я тогда, какую ответственность беру на себя? Ну хорошо, все сложилось бы так, как я думал. Я приехал, мне его отдали, и вот он у меня в доме. Каждый день я ухожу на службу, он остается один, со слугою, в чуждой обстановке, среди чужих людей, ничего не понимая, что делается вокруг и для чего оторвали его от родины, родных и близких. Между делом, обедом и сном я учу его русскому языку, говорю, как называются по-русски разные предметы, огорчаюсь, сержусь, когда он отказывается повторить их за мной. Рисую картину будущего, радости его матери, когда он вернется в аул инженером. Впереди азбука чужого языка, долгие годы упорной работы... Сколько терпения, такта, умения и, увы, средств надо было иметь для того, чтобы мечта осуществилась и к 10 годам он действительно сидел за школьной скамьей! Были они у меня?

Нет. Мне одному эта задача не по силам. Но ведь и не один же я! Кроме меня, есть десятки, прошедшие через эту трудную для туземца дверь. Пусть припомнят, при каких обстоятельствах они попали в нее, одним помог случай, другим – ... всем – хоть один... иногда свой... чужой³⁹. Ну а мы что же?

Не вспомним ли мы об этих Кучуках и Ахматах, когда через три дня соберемся и будем говорить об общечитии для детей горцев? Не их ли судьба решается с этим вопросом?

ТЕРСКИЕ ДЕЛА

I

Открывая в «Каспий» этой статье ряд корреспонденций о туземцах Терской области, мне хотелось бы сказать сначала несколько слов о том, как мало еще пока занимается печать жизнью и нуждами кавказского горца!

Возьмите № любой из наших газет и посмотрите, какое место отведено в нем кавказцу. Я не говорю о тех изданиях, которые,

понимая под патриотизмом ругань всего нерусского, молчат о туземцах потому, что совершенно игнорируют его существование, но и органы, которые желали бы сделать что-либо в этом направлении, делают не многим больше, так как и сами почти ничего не знают. Кто пишет о туземцах? Нетуземцу все это так чуждо и непонятно, а среди наших интеллигентов сколько таких, которые превратились давно в чиновников и офицеров и погрузились в жизнь, «как все»! Станут ли писать о нуждах среды, с которой порвали, которой стыдятся и чуждаются? Связь с ней сохранилась лишь в их послужных списках, а все остальное давно оставлено и предано забвению! Беря, в частности, туземцев Терской области, скажу, что положение далеко не одинаково. Есть среди них один народец, о котором написано сотни томов, язык которого исследован, вновь записан. У него есть письменность, а в последнее время началась даже создаваться литература на родном языке. Народец этот – осетины. Но Осетия – исключение. Ее теперешнее состояние сложилось историческим путем, и долго еще ни о чем подобном не будет сметь мечтать ни один из ее соседей.

Аристократическая Кабарда, как руина прошлого, стоит на перепутье, сознавая, что, то, что она выработала, надо оставить, что так жить, как жили раньше, нельзя, а как жить иначе – указать ей некому. Пробуждение началось: в прошлом году открыто несколько школ, но результаты их скажутся еще не скоро, а пока – тот же мрак, то же невежество и та же беспомощность во всем, что выходит из круга их старосветских занятий.

Чечня, классическая страна разбоев и абреков, долго еще будет служить пугалом малых ребят. Нет на Кавказе народа с более кровавым прошлым и темным настоящим. О ней написано тоже немало, но вряд ли в написанном найдется хоть слово правды. До каких только абсурдов не доходили в своем стремлении замарать этот народ его «бытописатели»! И до сих пор ни один чеченец ни словом не ответил на эту почти печатную брань, ни один голос не раздался из их среды в защиту семьи, очага, и не попросит хоть капли сдержанности и приличия по отношению их отцов, матерей и сестер! Тут и апатия, и беспомощность, и какая-то фанатичная замкнутость.

Вот уже несколько лет, как ни единым словом не заявляют о своем существовании кумыки. Как они живут, что делают, в чем нуждаются? Или они ничего не просят, потому что не желают ничего дать? Они молчат, а между тем в их руках все данные для того, чтобы скинуть с себя эту косность. Земли, сравнительно, достаточно, и она хороша, аулы велики и богаты, и есть у них те, которые бы могли за других сказать, что нужно и отчего следовало бы избавиться. Но и здесь молчат!

Наконец, народец, представляющий из себя, быть может,

---

* Балкарец сам себя называет – таулу, что в буквальном переводе означает – горец.

большой интерес и большую загадку, чем все предыдущие. У него нет даже имени: одни называют его кабардинцами, другие – осетинами и мало кто знает балкарцев. Степняки, живущие в страшных горных тущобах, забывшие свою первоначальную родину и до того сроднившиеся с пропастями и скалами Кавказа, что ими стали определять свою национальность... * Условия местности, отсутствие дорог заставляли их отстать даже от их соседей кабардинцев: на 20 000 населения всего одна школа, в которой едва ли учится десяток горцев, из 20 000 лишь маленькая горсть в 20–30 человек знает по-русски, а все остальное жалуется, просит, судится, подает бумаги, прикладывает мухуры к общественным приговорам на родном языке и, как дите, недоумевают потом, когда оказывается, что вышло совсем не то, что оно желало!¹

Вот в немногих словах положение туземных народов Терской области. Картина не веселая, и больно об этом писать. Но все же лучше говорить правду, как бы горька она ни была, чем молчать и позволить давать веру всей той ерунде, или явно озлобленной, или сентиментальной нелепой, которую пишут о горцах.

II

Вот уже несколько лет, как область наша охвачена какой-то лихорадкой.

Слова: «заявка», «медь», «цинк», «нефть» не сходят с языка, приводятся примеры Баку, Грозного, страшные цифры звучат в ушах, возможность быстрой, шальной наживы кружит головы. Невозмутимым среди этой сутолоки остается лишь тот, кого бы, казалось, все это должно было касаться ближе всех. Но ему чужды подобные страсти: по примеру отцов возится он со своей барантой, продает дрянной овечий сыр и об одном только беспокоится: как бы не потерять того, что теперь у него в руках.

На плоскости вопрос о «недрах» почти разрешен. В Грозном оперируют несколько акционерных компаний, одни более, другие менее удачно. Район нефтеносной земли мало-помалу расширяется: кроме Грозного нефть найдена в Карабучаге, Слепцовской, а недавно и в ст. Вознесенской, близ Моздока. Помимо начинающихся дел и дел уже в ходу, много таких, которые чают движения капитала. Можно сказать с уверенностью, что нет вот в этой полосе пяди земли без «знака» или «камешка», хотя бы на всякий случай. Большинство так именно и смотрит на свои заявочные аферы: «По всей вероятности, ничего не выйдет. Но ведь бывали же случаи – чем черт не шутит!» – А сорвать десяток, другой тысконок с «бельгийца» – кому не заманчиво!

Другое дело в горах. Там, так или иначе, приходится считаться еще с одной стороной, которая, если пока особенно и не волнуется, то все же заявлять о своем существовании начала. Но какая это грустная картина. Полнейшее невежество отдельных землевладельцев и целых обществ относительно ценности их рудонос-

ных земель сделало то, что почти все они связаны договорами, столь же смешными, сколь и грустными. Мало того, земельный вопрос, как это принято говорить, в горах разрешением еще не окончен. Это значит, иными словами, что документов нет, и первый попавшийся односельчанин может представить иск к любому участку. Предположим, претензия окажется вздорной, но ведь дело все-таки станет и земля попадет в категорию «спорных», пока суд не очистит ее. А в каком положении нераздельные земли, которых в горах большинство? Эксплуатация одного и того же участка запродана совладельцами несколькими предпринимателям, и откажись лишь от заключения окончательного договора, как сейчас же на сцену выступит пунктик о неустойке в несколько сот тысяч рублей. Какую путаницу все это создаст и как затормозит дело, когда оно начнется не шутя.

В высшей степени поучительны договоры туземцев с теми посредниками, которые так размножились за последнее время в Терской области. История их почти одинакова. Является делец, по большей части знакомый уже раньше, и начинает петь велеречиво и сладко... Не желаешь ли, мол, Кучук, получить так себе ни за что, ни про что сотню, другую рублей? – Кучук, понятно, не прочь, но не знает, как это сделать. А дело оказывается проще простого, стоит только подписать вот эту бумагу, по которой он позволяет произвести на своем участке в течение 3-х лет разведку. Если она даст благоприятные результаты, то заключается новый договор на таких-то и таких условиях.

Во всем этом Кучук понимает лишь то, что ему предлагают сотню рублей даром и без отдачи. «А траву я буду иметь право косить?» – «Конечно, будешь». – «А баранов пасти?» – «И баранов тоже». – «Что ж, если так, – я согласен». Где было разобрать ему среди массы мудреных слов и цифр одну маленькую фразу: «Задаток должен быть возвращен, если разведка не будет произведена по независящим от арендатора условиям». Не правда ли, хорошо?

Посредники, за свой труд поехать во Владикавказ и показать образчик руды инженерам, берут снисходительно всего половину могущих возникнуть впоследствии доходов. Но есть случаи, когда предприниматели и не столь гуманны. Так, один из них, и к стыду нашему, туземец (осетин), взял под разведку у своего родственника балкарца участок мерою около 300 десятин с тем, чтобы в случае, если земля окажется рудоносною, продлить аренду еще на 36 лет с одновременной платой в 4000 руб. Это все – дальнейшие счета землевладельца с недрами земли покончены раз навсегда. А за то – право пастьбы за ним и сто рублей, без хлопот, – в руки.

И после этого говорят, что туземец недоверчив, что с ним трудно иметь дело, что на один и тот же вопрос у него несколько ответов, которые и меняются им чуть не ежедневно; поставьте

себя на его место и скажите, что бы вы делали, если бы, пользуясь нашей неграмотностью, незнакомством с русской жизнью и русским языком, вами стали бы вертеть, как флюгаркой², и вовлекать в договоры, нарушить которые столь же трудно, как невыгодно исполнить? Раньше были наивны, верили каждому слову – результат вышел печальный, потому что «на то и щука в море, чтобы карась не дремал». Теперь кричат, ежатся, хитрят и думают: «подождем». Если земля действительно выгодная и много стоит, то от того, что год, другой побудет в наших руках, ценности своей не потеряет. Авось за два года успеем узнать, сколько она стоит! А время идет, дело, которое теперь уже могло бы быть в ходу и давать доход, стоит, а на цинке, меди и свинце пасут по-прежнему лошадей, коров да баранов!

Но можно ли винить их за это?

III

Прошло уже почти полвека, как замерли последние вспышки борьбы Кавказа с Россией. Тридцатилетие, отделяющее наши дни от падения последнего оплота Шамиля – Гуниба, долго будет памятно в летописях Кавказа. Это было трудное время перехода от дикой, ничем не стесненной жизни кавказской вольницы к жизни в составе государства, где каждый шаг ограничен законом и каждый промах карается им же. Старое надлежало оставить, но с ним сжились, на нем выросли и воспитались. Порядки дорусские были дурны, жить в них было трудно, но ведь никто их не выдумывал, они сложились веками и были освящены обычаем. Чтобы бороться с ними, требовалось прежде всего убедить дикаря, плоть и кровь которого они составляли, что можно и следует жить иначе, а для этого узнать его сначала поближе и в знакомство с ним вложить немало знаний, черного, ежедневного, незаметного труда, а главное времени. Надо ли говорить, что не всегда и не везде находились люди, способные понять, насколько серьезна совершающаяся перемена, и дававшие себе труд войти в положение того, кого, цивилизуя, переделывали. В результате – ломка, обоюдное непонимание и неприязнь, создавшие новые и подчас непреодолимые препятствия на пути осуществления общего дела.

Вы слышали, разумеется, о туземном вопросе, хотя вряд ли сумели бы объяснить, в чем он, собственно, заключается. Это одно из тех ходячих выражений, ловких словечек, о которых принято говорить, но вдумываться в которые не принято. Но кроме этого большого, общего вопроса есть еще несколько поменьше: сословный, поземельный и многие другие, создающие в совокупности ту сеть неопределенностей и недосказок, которой опутана жизнь нашего туземца. Материалы собраны, вопросы «стоят на очереди» и «ждут своего разрешения», а пока они ждут – жизнь не ждет, и на каждом шагу дает новые и новые доказательства

---

* В Чечне сословий не было.

ненормальности современного положения.

Вопрос сословный – один из наиболее наболевших. В некоторых местах, как например в Осетии, он принял весьма острый и страстный характер, благодаря разногласию в среде самих осетин: в то время как одна сторона упорно доказывает свое исконно привилегированное положение в народной массе, другая столь же настойчиво отказывается признать за ней эту привилегию. У других народцев, как то: кабардинцев, балкарцев и кумыков* – все шито-крыто и, по-видимому, спокойно, но и здесь, если нет спора о самом факте существования дворянства, то есть та же ложность и фальшь во взаимных отношениях как туземцев между собой, так и особенно в их соприкосновениях с русской средой.

Так же, если еще не более, назрел вопрос о земле. На плоскости земли размежеваны, участки частных лиц и аульные наделы точно разграничены и составляют неотъемлемую и неоспоримую собственность владельцев. В горной же полосе все продолжает находиться в том положении, в каком застал ее приход русских. Споры об отдельных участках между частными лицами, собственно говоря, возникает немного, но зато нередки процессы между частновладельцами и обществами, а также – с казной. В общем состояние напряжено до последней степени, и разрешение этого насущного вопроса ждется с нетерпением всеми, чьи интересы хоть сколько-нибудь им затронуты. Что же такое туземные сословия и в чем заключается поземельный вопрос – об этом до следующего раза.

IV

Нам приходилось слышать не раз, что сословный вопрос – вопрос неважный и что нет особенного резона о нем беспокоиться. Не подлежит сомнению, что это вопрос отживший и что отсутствие школ и поземельные затруднения отзываются серьезнее на жизни туземца и большие круги лиц собой затрагивают, но отсюда отнюдь не следует, что сословные неурядицы – пустяки, и заниматься ими не стоит³.

Почти у всех народцев Терской области понятие о привилегированности некоторых фамилий ведется искони и вошло в плоть и кровь*. Вследствие отсутствия в районе Терека до прихода русских каких-либо зачатков государственности, некоторые дворянские роды были полными хозяевами своего положения, никому не подчинялись и за своих подвластных и холопов были в ответе перед одним разве Богом; с утверждением в крае русских порядки, конечно, переменились, власть перешла к приставам, и пристав, поручик или капитан, стал значить больше, чем десяток князей, как бы богаты и родовиты они ни были. Но это было потерей прав политических, влияние же внутреннее, хоть и ослабло,

---

* Исключение составляет Чечня, где сословий нет.

но не уничтожилось – забыть свое бывшее значение привилегированные классы Кабарды, горских обществ и кумыков не могут, да и теперешняя обстановка не дает им на то никаких оснований. Прошлое народа, его история, столь ярко отразившаяся в эпосе, есть в то же время история нескольких фамилий, и каждая песня, каждый камень аула говорят этим фамилиям об исключительности их положения. Быть может, беглый взгляд, брошенный на организацию сословий в том виде, в каком застала их середина 19 столетия, скажет нам, почему даже 30-летнее существование на юридически равных со всеми правах не могли сломить традиции туземного дворянства и заставить его раствориться в народе.

Кабардинские князья были владельцами в полном смысле этого слова. Они брали ясак не только с кабардинцев, но и со всех почти соседей. В мирное время они управляли народом, были председателями народных судов, в военное – являлись наследственными военачальниками. Особа их священна и неприкосновенна, и покушение на нее влечет за собой уничтожение всего рода виновного. Князей окружает целый штат узденей второй степени, вся обязанность которых – составлять свиту владельца и играть роль его телохранителей на войне. Не многим отличаются от князей и уздени первой степени – тлекотлеши. Это такие же владельцы, и князьям ничем, кроме уважения, не обязаны.

У них также свои аулы и своя свита из третьестепенных узденей, и лишь название да обязанность стоять под княжьем началом в набегах говорят о разнице в их положении.

В пяти горских обществах сословные подразделения подходили довольно близко к кабардинским. Некоторые фамилии таубиев (как, например, балкарские)⁴ были совершенно независимыми и управлялись выборным из своей среды валием, другие должны были признать над собой власть кабардинских князей и попали в положение тлекотлешей. Подобно двум высшим сословиям Кабарды, они владели холопами, имели в своем расположении узденские фамилии и пользовались целым рядом натуральных и личных повинностей со стороны своих подвластных.

Кумыкские сословия отличались тоже немногим от кабардинских. Те же князья, те же три степени узденей, разница лишь в более вотчинном характере зависимости низших сословий от высших, но главные черты несомненно одни.

Совершенно иначе обстоит дело в Осетии. Вот уже несколько десятков лет, как ведется спор о том, существовал ли в Осетии привилегированный класс или нет. Спор этот, не выяснив ничего, запутал дело совершенно, и теперь стало еще труднее разобраться в правах тагаурских алдар и в той роли, которая принадлежала им в прошлом осетинского народа. Одно несомненно: сословия Осетии не носят того определенного, законченного характера, как это мы видим у кабардинцев, горцев и кумыков. Там

* Часть Северной Осетии по реке Уруху.

** Исключение составляют алдарские фамилии Дударовых и Кануковых.

кроме князей, таубиев да тлекотлешей, бывших независимыми, сословий свободных, в полном смысле этого слова, не было: уздени второй и третьей степени обязаны уже были иметь сюзерена, и все, что им дозволялось обычаем, — это переход от одного князя к другому. В Осетии же огромное большинство составляли фарсаллаги — вольные люди, становившиеся в зависимость от алдар лишь в случае пользования их земель. Но так или иначе, отрицать совершенно привилегированность алдар, как это делают представители крайне демократической партии Осетии, — вряд ли возможно.

Шеркесяты и бадиляты Дигории* занимают сравнительно с алдарами более выдающееся положение, и народные предания ставят их выше тагаурцев, доказательством чему тот факт, что еще в начале этого столетия браки бадилят с алдарами считались неравными**. В общем сословный строй Дигории более тагаурского подходит к Кабарде, которая и является представительницей народа с ясно выраженной сословной организацией.

Вот краткий очерк сословий Терской области. Вопрос о них давно уже созрел и потому неудивительно, что дебатировается нередко в печати и кружках интересующихся туземной жизнью. «Сословная рознь, — говорят демократы, — одно из печальных наследий исторической жизни народа, и борьба с ней стоит немалых трудов и усилий. С какой же стати теперь, когда так удобно поставить всех на одну доску, признаем мы в своей среде черных и белых и тем создаем почву для вечных изречаний и неприятностей? Сохрани нас от этого Бог, и да не знаем мы иной аристократии, кроме аристократии ума, таланта и личных заслуг!» — Взгляд правильный, но дело в том, что речь идет не о желательности или нежелательности дворянства, а о фактах существования его у туземцев, и раз факт этот установлен — вопрос исчерпается и должен будет сняться с очереди.

А пока положение обострилось и стало в высшей степени ненормальным. С одной стороны, по-видимому, ничего не изменилось: туземцы, за исключением Осетии, привилегированности некоторых фамилий не оспаривают, аталычество не уничтожилось, неравенство в браках осуждается по-прежнему обычаем, а с другой — полнейшее отсутствие каких-либо юридических прав и запрещение напоминать даже о том, чего оспаривать даже совсем нельзя, — о принадлежности к известному туземному сословию.

Сотни дворянских фамилий Грузии, не пользовавшихся и десятой долей влияния и прав князей, таубиев, первостепенных узденей и бадилят, признаны русскими дворянами. Они не знают, что такое натуральная повинность, поступление на службу им облегчено, и правительство не делает никакой разницы между ними и коренным русским дворянством. А в то же время владельцы Большой Кабарды все еще в положении каких-то запрещенных, а их дворянские права под сукном и знаком вопроса! Если другим дано, отчего отказывать до сих пор туземцам, и если откажут им, будет ли это справедливо?

Среди школ Терской области есть три, специально предназначенные для туземцев. Это нальчикская, назрановская, грозненская горские школы.

В настоящее время они – анахронизм, и вряд ли где-нибудь в России найдутся другие школы с подобной программой. Учрежденные в 60–70-х годах, они были первыми учебными заведениями, открытыми для туземца. Первое десятилетие – самое блестящее в истории горской школы: и учителя, и администрация их смотрели на свое дело как на лучшее средство приручить туземца и познакомить его с русской жизнью, правительство относилось тоже отзывчиво, отсылая лучших учеников на казенный счет в Ставропольскую гимназию⁵. Но с тех пор прошло уже более 25 лет. Четверть века для такого живого дела, как учебное, – срок очень большой, и в наши дни цель горской школы – давать толчок образованию туземцев – редко когда достигается. Суть вот в чем.

В горскую школу поступают мальчики 8–10 лет, неграмотные и в огромном большинстве случаев не знающие ни звука по-русски. Там их учат всему, чему учат в начальных школах, да плюс еще истории, географии и французскому языку. Школу кончают в 14–16 лет. Что же дальше? А приходится остаться при том, что имеешь. В гимназию и реальное училище не попадешь: для первого и второго класса велик, в 4–5 не выдержишь. Один выход: вернуться в аул и постараться позабыть все, чему выучили. Но, к несчастью, есть исход еще худший – постараться устроиться вдали от скучной, стеснительной аульной обстановки, в городке или местечке переводчиком, милиционером, а в общем – тунеядцем, измышляющим предлоги сорвать что-нибудь с «дикаря». Летом в Нальчике можно видеть несколько экземпляров подобных «образованных» туземцев. Черкеска, оружие не заставляют почти всегда желать ничего лучшего. Сами они вечно около курсовых, часто их можно видеть в клубе, еще чаще – верхом, сопровождающими кавалькады и готовыми каждую секунду «джигитнуть», вызывая восхищение российских барышень. Через год, много два, из их голов испарится тот сумбур отрывков, которым снабдила его горская школа. Познания их по истории, географии и французскому языку – высоко комичны, а посмотрели бы вы, какой тон берется ими в ауле, среди серых замызганных черкесок, с грустью и глухой надеждой вззирающих на просвещенных гостей! – «Ты по-русски умеешь, – говорят им, – законы знаешь. Я же человек темный, пастух: меня всякий русский писарь обмануть может...» «Знаток законов» принимает эти слова как должное и, сгибая и разгибая пальцы, расписывает пастуху «законь». Совет редко бывает бесплатным: в той или другой форме «юрист» сумеет получить гонорар. Да как же и отказать такому важному

«образованному» родственнику! Ведь это не свой брат – «дикарь». Человек нужный, не в первый и не в последний раз, пригодится и на будущее время! А тому этого только и надо!

Но не у всех туземных народцев начальное образование стоит так плохо. В Осетии редкое селение в 200–300 дворов не имеет школы, аулы побольше насчитывают их по две, и можно сказать с уверенностью, что лет через 15 неграмотный осетин станет редкостью. И это в то время, как у других туземцев школа приходится на 20–30 тысяч. Причина столь резкой разницы кроется в беспечности Осетии учителями. Ардонская учительская семинария дает ежегодно осетинам несколько десятков учителей, осетин же. Насколько последнее обстоятельство важно, нам кажется, и говорить нечего. Всякий учитель не единоплеменник, будет иностранцем для учеников своей школы, и пройдет, по крайней мере, год, прежде чем они начнут понимать друг друга. Удивительно ли после этого, что в учителя попадают курсовые кавалеры, за которыми одно лишь достоинство – они кабардинцы и будут учить кабардинцев же.

В последнее время поговаривают о переработке программы горских школ. Одни желали бы видеть на месте их сельскохозяйственные. Сельскохозяйственное образование, при современном хозяйничанье туземцев, вещь, конечно, нужная, но не нужнее ли грамотный туземец туземца-хозяина? Умеющий читать всякую книжку может прочесть и популярную по скотоводству, рассчитывать же на то, что горсть молодых людей, как бы умны и рассудительны они ни были, переделает в несколько лет дедовские порядки и заставит стариков жить по-новому – значило бы не звать совершенно туземца.

Почти то же следует сказать о прогимназии, о которой мечтает другая часть туземной интеллигенции. И сельскохозяйственная школа и прогимназия – пока роскошь. О них возможно будет подумать, когда вопрос о начальном образовании исчерпается. А пока он стоит на теперешней ступени развития. Было бы крайне наивно рассчитывать хоть на какой-нибудь прогресс в этой области.

Прежде всего – недостаток в учителях. Три горские школы, преобразованные в учительские семинарии, были бы в состоянии дать контингент учителей, достаточной не только на нашу область, но и на весь Северный Кавказ. Если уж так желательно иметь сельскохозяйственную школу, то из 3-х горских школ одной можно было бы пожертвовать для этой цели. 2 семинарии, одна в Нальчике, для кабардинцев, балкарцев и части чеченцев, другая в Грозном или Хасав-юрте, для чеченцев или кумыков, могла бы лет в 20 подвинуть дело народного образования сильно вперед⁶. Первых учащихся дали бы те же горские школы, дальнейших – школы начальные, в которых учителями были бы уже вышедшие из своей семинарии туземцы. Вот единственное, на наш взгляд, разрешение вопроса о горских школах.

Только, – мечты ведь все это!

Недавно мне случилось говорить с одним туземцем о нашей интеллигенции. Отрывается ли она от своего серого собрата? Дичится ли последний ее? Каковы их взаимные чувства и отношения? Вопрос остался открытым, но разговор напомнил мне факт из недавнего прошлого, характеризующий до известной степени, насколько они понимают друг друга.

После долгого, почти десятилетнего, отсутствия в ауле приехал молодой туземец, студент лесного института⁷. Все селение сбегалось посмотреть на него, его окружили, ему удивлялись, над ним потешались и, не дав опомниться, представили перед собранием старцев, ожидавших у мечети его прибытия. Так, призывая на память все фразы горского этикета, он благодарил за пожелания и поздравления, справился о здоровье присутствующих, моля в душе Бога, чтобы вся эта процедура поскорее окончилась. И вот, наконец, его усадили и перевели разговор на интересовавшую всех тему, где жил все это время? Что видел? Чему научился?

Юноша увлекся, к тому же полюбил дело, которому себя посвятил. Раскрасневшись, забыв об аудитории, с которой имел дело, рисовал он одну за другой картины жизни природы. Говорил о лесе, так беспощадно истребляемом, о цветах, травах, рассказывал, что и они живут, дышат, чувствуют, перешел затем на животных, человека, землю, мир, наконец... Те всё слушали, и когда оратор опомнился и умолк — на несколько минут воцарилось молчание: отвечать должны были старики.

— «Мы видим, — заговорил самый древний из них, — что не даром провел ты столько времени в неволе. Чему бы ты научился, живя в ауле? Из тебя вышел бы такой же пастух, как и все мы! Я стар, отец твой был еще мальчишкой, когда у меня поседел волосы. Много я жил, много видел, но нигде бы не дошел своим умом до того, что ты сейчас открыл передо мной. Такого человека, как ты, в горах нет и не было. Если ты не постоишь за нас, то кто же постоит? Старшина — такой же пастух, как и мы, только и делает, что прикладывает мухур (печать) ко всему, что ему дадут. Во всем ауле один лишь писарь понимает дела, но и тот чужой нам, русский, думающий больше о жаловании, чем о нас. Поэтому я и все они теперь, когда узнали тебя поближе и увидели, как ты учен и умен, решили просить тебя остаться у нас писарем, учить законам — когда что надо делать, как учили предыдущие. Ты — свой, не станешь понукать, не будешь сердиться, если мы чего не поймем сразу. А того мы прогоним, и станем жить хорошо, по-новому. Так ли я говорю?»

— Так, так, правда, — заговорили кругом...

Не сочтите слова старика за иронию: их диктовало искреннее убеждение в могущество писаря.

Молодой был искренен тоже. Теперь уже не предложат ин-

женеру место писца, но студенты перестали ездить в аул и через десятки лет. Лучше ли они понимают друг друга в наши дни!

VII

В феврале месяце сформирована новая сотня терской милиции, со специальной целью держать ряд постов от Владикавказа до Беслана по границе ингушских селений. Сотня составлена из осетин, осетины о ней хлопотали, осетины же будут содержать часть милиционеров за свой счет. Новый, значит, налог, положим незначительный, но все же это плюс к уже существующим и без того для многих домов весьма чувствительным повинностям.

Осень и конец прошлого года ознаменовались в области целым рядом происшествий на почве смертоубийства и грабежа. Все поиски виновных не привели ни к чему: следы доходили до околиц ингушских селений и там терялись. Пострадавшими являлись или владикавказцы или осетины соседних, по преимуществу с ингушами, аулов. Но были случаи грабежа и в аулах самих ингушей. Параллельно с происшествиями шел ряд облав на беглых с каторги и поселений, или на «абреков», как их стали теперь называть. До января настоящего года было поймано несколько беглых в грозненском, хасавюртовском и владикавказском округах, с приездом же нового начальника области беглые (особенно с поселений) стали являться с повинной сами, и вот в настоящее время область почти избавлена от их присутствия, а вместе с ними — и от разбойников.

Не знаю, как объяснят этот факт те, которые в разбое видят профессию ингушей, для меня же, имеющего смелость думать, что разбой занятие интернациональное, перемена на этот раз, точно так же как и самый характер кавказских разбоев — не непрерывно, а вспышками, загадки не составляет. Не грабят потому, что грабить и учить грабежу стало некому, и если бы «абреки» пореже появлялись, или возвращение их на родину было поставлено в иные условия, то и разбои стали бы более редки, если бы не прекратились вовсе. Доказательство — пример этого года.

К несчастью, все еще приходится иногда доказывать, что ингуш и разбойник — не одно и то же. Я мог бы привести несколько эпизодов, где разбойниками являлись осетины, кабардинцы, казаки. Конечно, не у всех народцев разбой одинаково частое явление: в Кабарде и Осетии, особенно в первой, случаи его несравненно реже, нежели у чеченцев и кумыков. Но следует ли отсюда: что ингуш, то разбойник? Отчего же такое исключение для него, почему не распространить этого лестного эпитета на чеченца вообще, да и на кумыка тоже? И потом рациональная ли это мера — кордонная линия? Она возникла как результат недоверия к соседу. Следуя ей, можно было бы сформировать еще несколько сотен милиции: балкарцы отделялись бы от кабардинцев, потому что кабардинцы протягивают иногда длань к горским барашкам, кабардин-

цы и балкарцы – от Осетии, ибо там более беспокойно. Кумыки загородятся от чеченцев, чеченцы – от кумыков и кабардинцев, и одни лишь ингуши могут ни от кого не загораживаться, ибо, само собой, все загородятся от них. Станет вполне безопасно, только прибавится ежегодно к подати несколько гривенников. Зато – какое трогательное единодушие и какие добрые, соседские отношения!

Осетин-милиционеров разобьют по постам и внушат смотреть зорко за той, не «мирной» стороной. Ночью разъезды будут наталкиваться на бредущих в темноте всадников. – «Стой, кто идет?» – «Ингуш». – «Ингуш?! Куда идешь, зачем идешь?» – «Во Владикавказ на базар». – «На базар? Ну, да ступай на пост, утром разберем». – «Нам ждать нельзя, до утра здесь останемся, в город когда попадем?!» – «Не разговаривай, сказано тебе, на пост ступай...» – А что если задержанные задумают улизнуть. Не будет ли это доказательство их виновности, и не значит ли это, что «в ночь на такое-то, пикет № такой-то наткнулся на группу злоумышленников – ингушей, направляющуюся в город. На требование идти на пост ингуши ответили отказом, когда же разъезд попробовал их задержать, они повернули лошадей и скрылись по направлению к ингушскому селению №№. По ним было сделано несколько выстрелов, из разъезда не пострадал никто...».

VIII

В «Каспии» не так давно была помещена заметка о том, что в Нальчикском округе, Тер. обл., открыты залежи меди, цинка и киновари⁸. Многие, прочитав ее, подумали, должно быть, что десятком богачей стало больше. К несчастью, не совсем так, цинк, медь и киноварь не осчастливили там никого и если осчастливят в будущем, то, по всей вероятности, не своих теперешних владельцев. Дело вот в чем.

Руда найдена на землях еще не обмежеванных. Не знаю, какие именно участки подразумевались в заметке, так как нет ни одного ущелья близ Нальчика, где бы рудоносной земли не было. Но, впрочем, положение везде одинаково. Туземцы-землевладельцы еще недавно недрами не интересовались вовсе, довольствуясь, с одной стороны, правом пастьбы, а с другой – боясь тяжбы с казной. В последнее время, однако, взгляд несколько переменялся: они стараются за сколько-нибудь, хоть за сотню, другую рублей, запродать нутро, обеспечив себе пользование поверхностью, и раз им это удалось, считают, что устроились недурно: ничего не потеряли, получили немного наличными, да еще выговорили себе кой-какой доход в будущем. Итак, богатство, пожалуй, улыбается, но горсти гешеф, махеров, скупивших за бесценок нотариальные договоры с владельцами. Впрочем, от договора до дела – еще целая пропасть хлопот, затруднений, и во всяком случае – сюрпризов.

Первое – как посмотрит на дело казна и не попросит ли подожд-

дать разрешения поземельного вопроса. Второе – почти все рудодобывающие участки представляют собственность неразделенную, имеют по нескольку хозяев. Есть случаи запродажи одного и того же участка двум и более предпринимателям. На вопрос: как же разрабатывать такую руду? – отвечают: «придут инженеры, разделят».

Делить землю, где десятины рядом, – одна стоит десятки тысяч, а другая не стоит и рубля, – вещь довольно хитрая. И потом – возможно ли несколько заводов на одной жиле? Вышли бы конкуренция и кутерьма, если бы что-нибудь подобное случилось. К счастью, или несчастью, пока от этого гарантированы: до предпринимателей должны прийти к какому-нибудь соглашению землевладельцы, а они рвут, каждый в свою сторону, и «воз» и ныне все на одном и том же месте.

С землями общественными еще того хуже. Если спеться не могут однофамильцы, близкие родственники, то что же сказать о толпе в тысячу человек?

Ждут, ждут и ждут, всех обнадеживают, всем обещают и все боятся, как бы не продешевить. Конечно, не без исключений, но их немного, и так или иначе – заводская труба для нальчикских гор – вопрос еще не завтрашнего дня.

Как видите, на этот раз медь, цинк и киноварь не синоним скородского обогащения.

ТЕРСКИЕ ПИСЬМА

I

Тяжелое наследство и наши упования

В управление Терской областью вступил новый начальник – генерал-майор Толстов. Едва ли нужно говорить, что для каждого терца это событие первостепенной важности.

Тяжелое наследство досталось на долю нашего нового начальника области. Куда ни взглянешь, к чему ни притронешься – везде навис какой-нибудь зело¹ назревший и зело же напутанный вопрос, в котором, однако, рано или поздно, надо же разобраться. Взять хотя бы пресловутый «туземный» вопрос, вопрос, висящий над нами многие и многие годы. Сколько стоп бумаги, сколько grossов² перьев извели на него! И все же вопрос этот едва ли не стоит сейчас в той же фазе развития, как стоял три – пять – десять лет тому назад. Больше: теперь он еще сильнее запутан и осложнен, чем был десять лет назад. Одно, впрочем, преимущественно теперешнего положения туземного вопроса несомненно: теперь каждый уже знает, что те меры, которые применялись к туземцу до сего времени, непригодны, нецелесообразны. В воздухе повеяло «новым курсом», пробудились среди населения надежды и упования. «А ведь, пожалуй, и землей наделят!» – мель-

кает в уме одних. И отойдут тогда в область далеких преданий все эти грабежи и разбои – продукты тяжелого экономического положения, с которыми до сих пор приходится считаться на каждом шагу. «А ведь, пожалуй, и земство введут и суд присяжных подарят³, – мечтают другие, – и не будет тех неурядиц и неустойств, которые мозолят глаза теперь...» – «А ведь, пожалуй, и на низшую администрацию внимание обратят!» – уповают третьи.

Начинает надеяться туземец, уповает сельчанин, уповает и надеется казак-станичник.

Нетрудно предвидеть, что многим из этих надежд и упований не осуществиться еще очень долго: слишком уже много накопилось у нас назревших нужд и нуждишек, чтобы и при самом добром желании, при сугубой энергии, можно было скоро разобраться в них, а следовательно, и разрешить. Есть, однако, и среди этих нужд и такие, разрешение которых хотя и представляет немалые трудности, но к которым все же подступить можно и должно сейчас же. Таким, между прочим, является земельный вопрос. Еще очень недавно мы серьезно спорили о том, малоземелье ли у нас или многоземелье; нужно ли и можно ли переселять в Терскую область крестьян из России или нельзя и не следует. Теперь никто уже не сомневается, что, по крайней мере, среди туземного населения области ощущается крайнее малоземелье, зачастую граничащее с полным отсутствием земли. Теперь каждому ясно, что прежде чем говорить о каком-то «переселении и заселении», необходимо позаботиться об устройстве туземца, о наделении его землей настолько, чтобы он не голодал и, движимый этим голодом, не выходил на разбой и грабеж (разрядка ред. – Т. Б.). По счастью, в данном отношении в распоряжении наших властей имеется обширный материал, делающий эту задачу легко осуществимой. Понятно, что и в этом материале нужно разобраться, но это во всяком случае уже гораздо легче, чем если бы пришлось еще собирать материалы, как во многих других вопросах. Подготовленным к разрешению может считаться и другой существенный вопрос – так называемый «алдарский». Правда, и теперь еще делаются попытки доказать, что часть осетин имеет право на дворянство (алдарство), но все собранные по этому поводу данные самым категорическим образом устанавливают, что никогда в Осетии высшего сословия не было и создавать это теперь – значит ввести в Осетию новый, крайне нежелательный строй и породить новые опасные осложнения и недовольства. Первоочередным является далее вопрос о народном образовании. Что дело народного образования в Терской области стоит на очень низком уровне – это факт общепризнанный. Общепризнано также, что в населении (не исключая и туземного) давно уже пробудилось сознание крайней необходимости в образовании, и оно ждет не дождется того момента, когда сможет широко открыть двери свету, знанию. Но сделать это самостоятельно оно не может. Необходимо прийти ему на помощь, и, за отсутствием земства, миссию эту должно

взять на себя правительство в лице соответственных органов своих.

Размеры газетной корреспонденции не дают нам возможности теперь же заняться более детальным обсуждением намеченных вопросов, и мы отлагаем это до другого раза. Теперь же пожелаем только, чтобы надежды и упования, порожденные «новым курсом», не разлетелись, аки дым.

Жизнь не ждет!

II

Оборотная сторона медали

Туземец, туземца, о туземце...

Где бы и что бы ни случилось, увели ли у кого лошадь, совершено ли было вооруженное нападение, грабеж или просто воровство – во всем и всегда виноват туземец, и преимущественно ингуш.

– Слышали? Вчера совершено было нападение на арбу. Увели лошадей и скрылись.

– Ах, эти ингуши!

– Опять кража: обобрали магазин. Все до нитки унесли и неизвестно – кто.

– Ну, конечно, ингуши!

– Какой ужас! На хуторе убит сторож. Говорят, «работали» несколько человек...

– Ингуши, конечно?

– Ну, само собой разумеется!

И до того все и вся убеждены в сугубой преступности туземца, что никому и в голову не приходит заявить подозренье на кого-либо другого. Точно все остальное население нашей области – ангелы невинности и добродетели, решительно неспособные на какое бы то ни было преступление.

Между тем... между тем мы будем, вероятно, недалеко от истины, если скажем, что добрая половина тех преступлений, которыми так пугают на Кавказе всякого свежего, незнакомого с местными условиями россиянина, совершаются отнюдь не туземцами, а обыкновенными смертными, российскими гражданами именуемыми. И мы будем также недалеко от истины, если прибавим к этому, что именно в силу указанной предубежденности нашей большинство преступлений остаются нераскрытыми и неразгаданными. Да и как могло быть иначе, раз все поиски преступлений направляются исключительно на туземца, ни сном ни духом не причастного к нему?

Нужен какой-либо экстравагантный случай, чтоб мы (т. е. администрация и простой обыватель) на время отказались от предубеждения и сказали себе: «а ведь того... не одни только туземцы пошаливать любят; грешным делом и наш брат, не туземец, хорошенькую штуку отпалить может...».

Именно такой экстравагантный случай хочу я отметить сегодня.

Дело было в ночь на 24 ноября. В эту ночь на усадьбу полк. Семенова в Немецкой колонии (в 6–7 верстах от Владикавказа) было совершено вооруженное нападение, во время которого 4-мя злоумышленниками были увезены 4 куля хлебного зерна. Всадников-злоумышленников заметил сторож Семенова, который дал по ним выстрел. Всадники ответили тем же и ускакали по направлению к Владикавказу. Было дано знать об этом ближайшему милиционерскому посту, и за злоумышленниками послана была погоня. Последней, благодаря свежим следам, удалось проследить за злоумышленниками вплоть до Марьинской улицы. Здесь следы, однако, исчезли. Исчезли бы, вероятно, навсегда и сами злоумышленники, если бы не счастливая случайность: на следующий день недалеко от места преступления была найдена утерянная одним из злоумышленников папаха, на красной подкладке которой оказалась написанная фамилия ее владельца, казака С. М. Дальнейшие розыски, само собой, не представили уже никаких затруднений.

Разумеется, случай этот должен значительно повлиять на наши предубежденные умы и значительно же поколебать нашу уверенность, что во всем и везде нужно «искать туземца». Но, увы, мы ни на минуту не сомневаемся, что это будет лишь временно: пройдет неделя, другая, и мы снова с диким упрямством будем твердить на каждом шагу:

– Ну, конечно, это дело рук ингушей!
Такова уж сила традиции!

III

Нечто о кавказских разбоях

В прошлом письме я мимоходом упомянул о традиционной замашке нашей во всем и всегда винить туземца, хотя в 50 случаях на сто он и сном и духом не повинен в тех преступлениях, которые мы ему навязываем. Теперь я позволю себе сказать несколько слов (полной обстоятельности не разрешают размеры газетной статьи) о другом предрассудке, или, вернее, предубеждении: о том взгляде на Кавказ, как на нарочитое гнездо разбоя, который (взгляд) давно уже живет в нашем обществе и от которого мы, по-видимому, не скоро отделаемся.

Обращали ли вы когда-либо внимание на то, каким тоном наши газеты оповещают о каком-либо разбое на Кавказе? Произошли, допустим, разбойные нападения где-нибудь внутри России (в Ананьевском уезде, Донецком бассейне, Киеве), и вы читаете: «На днях там-то имело место разбойное нападение. Напали на дом и т. д.». Но вот речь зашла о разбое на Кавказе, – тон сразу изменяется и получается приблизительно следующее: «Разбои на Кавказе продолжают. Снова дерзкое нападение среди бела дня с берданками наперевес и т. д.».

Почему же это так? Или действительно Кавказ уже так изоби-

лует разбойниками? Ничуть не бывало. Закавказье, пожалуй, да, но собственно Кавказ – нет. Возьмите статистику разбоев внутри России и сравните ее со статистикой тех же разбоев на Кавказе, и от вашего предубеждения, что Кавказ – гнездо разбоев, не останется и следа: оно рассеется, как дым от слабого дуновения ветерка. Возьмите хотя бы Ананьевский уезд (Херсонской губернии) и нашу Терскую область. В первом конокрадство ровно в два раза превышает конокрадство Терской области, и тем не менее о нем никогда и никто не говорит так много, как о нашей области.

И объясняется это чрезвычайно просто: в то время как по отношению Ананьевского уезда мы выдвигаем на первый план всяческие экономические и иные факторы, в нашей Терской области те же конокрадства относятся исключительно за счет сугубой и нарочитой преступности; но, а понятно: раз дело в преступности, а не в экономических неурядицах и неурействах, то и покрывать можно и должно больше.

Словом, повторяется старая-престарая история. Повторяется тысячелетняя история наших предрассудков и предубеждений, которые бог весть как сложились, но которых мы никак изгнать не можем или на изгнание и искоренение которых нам нужны, по крайней мере, столетия...

«Евреи употребляют христианскую кровь». Откуда и как возник этот тупейший предрассудок, повторяемый в течение нескольких столетий? Мне лично возникновение его представляется чрезвычайно простым: какой-то еврей много сотен лет тому назад из мести или звериного остервенения покусился на жизнь или, быть может, лишил жизни ребенка своего личного врага – христианина. Последний поднял крик на весь околоток, а околоток в свою очередь поспешил оповестить об этом событии *urbi et orbi*⁴. А как передаются такие события обывателями достаточно известно: муха превращается в курицу, курица вырастает до размеров вола, а вол, в свою очередь, очень спокойно становится слоном. Один зарезанный или убитый мальчик превратился в десяток, из десятка выросла сотня, а там и до обычая употреблять в пищу христианскую кровь – рукой подать. И вот в результате единичный случай омерзительного преступления вменяется в вину целой народности и делается поводом для ожесточенного и бессмысленного гонения против нее в течение многих и многих веков. Вырастает чудовищно нелепый предрассудок, для искоренения которого требуются сотни, тысячи лет. Да и полно: искоренен ли он даже теперь? Разве и теперь не найдете вы тупоголовых субъектов, упрямо повторяющих эту нелепость и бессмысленно верующих в нее?

Та же глупая история повторяется, говорю я, и с кавказскими разбоями. Когда-то, очень давно, наш туземец, доведенный до отчаяния неравной и непосильной для него борьбой с непрошенными пришельцами, отодвинувшими его в глубь бесплодных суровых гор, пустил в ход против своего врага единственно оставшееся в его руках оружие – партизанские набеги. Это называли разбоем. Прошло много лет – туземец мало-помалу начал успо-

каиваться и, видя, что черт совсем не так страшен, как его малюют, в конце концов стих окончательно. Партизанские набеги прекратились, и жизнь вступила в естественную колею, когда главными и единственными почти факторами противозаконных и противообщественных поступков являются не нарочитая преступность, а чисто экономические или социальные условия, требующие и иного к себе отношения и иного воздействия. Но стоустая молва сделала уже к этому времени свое дело – она успела уже оповестить *urbi et orbi*, что Кавказ – гнездо разбоев, и мы бессмысленно повторяем этот предрассудок изо дня в день, не давая себе труда поразмышлять над ним, проанализировать его. Вот туда, где требуются самые обычные меры подъема материального благосостояния к устранению социальных неурядиц, идут с твердо выраженным и засевшим колом в голове – предрассудком, приходят с репрессиями, в которых давно лишь и без того безотрадное *status quo*⁵. Приходят и орудут по отжившей свой век традиции, по устаревшему шаблону. А на помощь предрассудку и предупреждению являются тысячи добровольцев, действующих отчасти «выгоды и корысти ради», отчасти же по свойственному россиянину легкомыслию, побуждающему его не над чем серьезно не думать, все принимать на веру и беспечно повторять всякую нелепость и глупость, не задумываясь ни на минуту, не останавливаясь над ней и получается...

Ах, какая колоссальная, какая ужасная несправедливость получается здесь!

И самое скверное, что этой несправедливости не видно конца, что она живет уже давно и что – не трудно предвидеть – проживет она еще много, очень много лет. Самое скверное, что кричи об этом до хрипоты, распинайся до изнеможения, – мы все же еще долго, долго с легкомыслием кисейного существа будем бессмысленно и тупо повторять: «Ах, Кавказ... ах, это – гнездо разбойников!» И повторяя это, будем применять к этому «гнезду» одни только репрессии, твердо уверенные и убежденные, что иных мер по отношению к нему и быть не может... Старая это история, старая и скверная!

IV

И прежде, и теперь...

Вот уже несколько десятков лет как Кавказ стал страной курьезов, анекдотов и – абреков. С легкой руки Марлинского,⁶ открывшего Аммалат-бека. Народилась литература так называемых «кавказских» рассказов, в которых воспеваются доблести черкесов, где герои статны, высоки, красивы, безумно храбры и отчаянно великодушны, где есть и слава, и жгучесть, и страсть, и... нет, разве, одной лишь правды. Эти рассказы, литературная цена которым грош, истопили в своей массе все, что было написано

правдивого о Кавказе, воспитали несколько поколений россиян на мысли, что Кавказ прежде всего «интересен», и подготовили собой почву для той реакции, которая выразилась в современном взгляде большинства русских на Кавказ и его обитателей. «Черкесы» вдруг исчезли, и ничего о них не слышать. Их заменили «ингуши», «осетины», «чеченцы» и появилась новая национальность – «татарва». «Черкес» был великодушен и храбр, «ингуш» стал разбойником, и не разбойником-джентльменом (что было бы опять-таки «благогородно»), а разбойником-промышленником, заурядным воришкой. Как трудно было раньше понять, что за создание черкес, так непонятен стал и ингуш, вся цель существования которого – грабеж, убийство. Впрочем, есть одна попытка аргументировать «ингуша». Автор, из числа проживающих в туземной среде десятки лет, облив помоями один из народцев Терской области, говорит: «Они ненормальны. Они не знают, что такое добро и зло. Чувства эти (добро и пр.) в своей абстракции им не известны». Не правда ли, хорошо?

Целые тома написаны о причинах разбоев на Кавказе. Те, которые их пишут, живут обыкновенно в Петербурге, и из кабинетов все кажется им так просто и так легко. «Время сентиментальности, – говорят они, – прошло. Нужны меры строгости». Строгость же понимается различно: одни советуют не препятствовать и даже до известной степени способствовать туземцам в эмиграции в Турцию⁷; по мнению других, необходимо перевешать сотню-другую головорезов; а один дошел даже до того, что серьезно рекомендует переселить всех туземцев огулом в среднеазиатские пустыни: «там они скорее вымрут»⁸.

Во всех этих проектах туземец играет роль какого-то не то неодушевленного предмета, не то ядовитого животного, с которым всякий может поступить по своему усмотрению. Человеческие чувства в нем и применительно к нему не существуют. Отец, семья и дети – для него пустые слова, «добро и зло в своей абстракции ему неизвестны». Он режет, грабит, ворует, и в грабеже – его жизнь, и нет конца его кровожадности и необузданности.

А где-то там, далеко в горах, в ущельях, тущобах, копошатся те, «абреки», обезвредить которых столь необходимо. Они рождаются на своих клочках, носят в корзинах на высоту нескольких сот, нередко тысяч, футов землю, перебирают ее руками, орошают водой, проведенной за несколько верст, и все для того, чтобы посеять хлеб, которого хватит им едва на 3 месяца. Их жизнь примитивна, обстановка грязна, сами они забиты, запуганы и недоверчивы. Слово «школа» почти не существует на их языках, да и боятся они ее. Немногие из них доверили ей своих сыновей и – потеряли их; одни носят теперь с гордостью погоны где-то далеко, в «России», другие – вернулись, но... лучше бы они не возвращались совсем. Зачем аулу отбросы города с их культурой водки, праздности и разгула?

Кучка ребят подрастает у них на глазах. Но что ждет их? Жизнь дикаря, бессловесного, как их отцов, то же прозябание, тот же мрак, то же невежество и еще большая нужда?!

Вот маленький уголок того, что называется у нас «туземным вопросом». Ближе всего касается он, конечно, Кавказа, но и русским, быть может, не безынтересно будет узнать кое-что о жизни того жупела-чеченца, которым чуть ли не с детства его пугали и в котором за маской «черкеса» и «ингуша» отучили видеть человека.

V

Какое нам дело?

Мой коллега г. Шаханов-Джанхотов совершенно прав: за «ингушем», «чеченцем», за жупелом-туземцем вообще, мы не можем разглядеть человека, которому присущи те же потребности, те же страсти, недостатки и достоинства, в котором сидит тот же зверь-человек и тот же душа-человек, что и в нас, благодушных россиянах. Мы не могли разглядеть всего этого тогда, когда идеализировали туземца, окружая его ореолом героя, — не можем разглядеть его и теперь, когда превратили того же туземца в сплошного разбойника с сугубо преступными — и только преступными — задатками и склонностями. Сказав себе раз и навсегда, что «туземец — разбойник и только разбойник» мы уже решительно на все остальное закрываем глаза. Какое, например, нам дело до того, что этот туземец загнан куда-то в суровые горы, где каждый кусок черствого хлеба достается ему во сто раз тяжелее и труднее, чем даже нашему горемычному крестьянину? Какое нам дело до того, что и этих черствых кусков у него еле-еле хватает на полгода? Какое нам дело, что до сих пор он не наделен землей даже в таком количестве, которого хватало бы на собственное только пропитание, не говоря уже о семье? Какое нам дело, что взамен этой земли мы наделяем его постоянно, натуральными повинностями, караулами и т. п., вконец подрывающими его маленькое-маленькое благосостояние, созданное и создаваемое трудами собственных рук и в течение многих лет? Какое нам дело до того, что лишенный всяких просветительных учреждений, он коснеет в полнейшем невежестве, окружен беспросветным мраком всяческих суеверий; что он никогда не слышал о любви, а главное, никогда не видел ее со стороны тех, кто пришел к нему, непрощенный и незваный, уверяя, что единственная цель этого прихода — научить его, темного туземца, как нужно жить? Какое нам дело до того, что, напротив, до сих пор он, этот загнанный и голодающий туземец, вместо обещанной любви встречает в нас одно лишь презрение и даже — что греха таить! — неприязнь и озлобление? Какое нам дело и до того, что все эти «нам дела нет», по существу, и являются главнейшими факторами, важнейшими побудительными причинами того отчуждения и той неприязни к нам со стороны туземца, на которые мы так склонны жаловаться и сетовать? Нам нет и не было до всего этого никакого дела. Избалованные судьбой, сытые и напоенные, мы

даже и представить себе не можем надлежащим образом, что такое муки настоящего неподдельного голода, голода физического и духовного, и к ним, этим физически и духовно вечно голодным туземцам, с легким сердцем и чисто кисейным легкомыслием применяем ту же мерку сурового порицания за проступки против общественной морали, какою мы привыкли мерить такие же проступки со стороны лиц, физически и духовно одинаково с нами насыщенных и напоенных.

«Ах, туземец – вор. Какой ужас, какое безобразие! Надо во что бы то ни стало положить этому конец». И мы начинаем класть «конец» рядом самых суровых репрессий, совершенно упуская из виду, что *никакие репрессии не действительны там, где прежде всего требуется кусок хлеба*. «Ах, туземец – разбойник. Какой ужас, какое безобразие! И это накануне двадцатого века, когда... и т. д. Нет, надо во что бы то ни стало положить этому конец!» И снова на сцену появляются сугубо суровые репрессии, и мы снова забываем, что эти репрессии ни к чему хорошему привести не могут, так как нужны здесь не они, а нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительные учреждения. «Ах, туземец питает к нам ненависть, озлобление. Какой ужас, какое безобразие! Надо во что бы то ни стало положить этому конец!» И в третий, девятый, в сотый раз выдвигаем на первый план все те же репрессии, все тот же мощный кулак, искренне убежденные и уверенные, что в нем-то и спасение от всех этих «бед». И мы в третий, в десятый, в сотый раз забываем, что сами-то мы и виноваты в том, что туземец питает к нам ненависть и озлобление, ибо всегда приходили и приходим к нему не с любовью, с миром, а с той же, так озлобляющей нас, ненавистью.

И странное, право, дело: почему-то мы очень легко понимаем, что, дразня собак, мы неминуемо добьемся того, что они кинутся на нас и отомстят за себя. Тут же, когда дело идет о человеке, мы окончательно слепнем, теряем всякую способность мыслить и рассуждать и искренне изумляемся, что систематически затравливаемый нами субъект почему-то не считает нужным лизать бьющую его руку.

Да, должно сознаться, мы умеем быть «логичными»!

VI

Две свадьбы

Я помню один рассказ, слышанный мною много лет тому назад. Когда-то давным-давно в ауле в горах был большой праздник.

* Буза – род браги из проса.

** Кобуз – музыкальный инструмент.

*** Къанлы – кровная месть.

Сотни джигитов съехались на него, буза* лилась рекой, танцы не прекращались с утра до вечера. Девушки в шелковых платьях, в серебре и золоте сменяли одна другую, джигиты состязались в ловкости и удали, плясали без усталости свой старый, заветный танец. И целый день звучал кобуз** и раздавалось дружное хлопанье в ладоши.

Девушки жались робко к стене, не смея поднять глаз и, изредка только шепчась с соседкой. Джигиты толпились в кучке, весело болтая и рассеянно следя за танцами. Вдруг они вздрогнули и смолкли: все видели, как высокий черный горец в белой папахе подмигнул танцевавшей с ним девушке, как та смутилась, на секунду остановилась, а затем почти бегом бросилась к подругам. Только момент длилось молчание. Затем раздался чей-то крик, и из толпы ринулся брат оскорбленной. Еще момент – и два тела барахтались на земле в крови. И возникла канлы***, и много лет два рода враждовали друг с другом, и лилась кровь, и гибли жизни, смывая позор всеми забытой девушки.

Время прошло – и многое дикое, необузданное, бесчеловечное исчезло, уступая место гуманности. Нет больше кровной вражды, «канлы» стала встречаться все реже, и поняли люди, что убийство – всегда преступление...

Снова свадьба в ауле, много молодежи съехалось на нее. Аул велик, лежит в полуверсте от русского местечка, есть в нем лавки, русские дома и слышится порой русская речь. Хозяин ни на секунду не может посидеть на месте, поминутно выбегает за ворота и смотрит на дорогу: уже 6 часов, а их все нет и нет.

Наконец, они приехали: два офицера, молоденькие, безусые, только что выпущенные со школьной скамьи «на Кавказ», три дамы и полковник. Хозяин не знает, как их занять, чем угостить, и бегаёт от одного к другому. Их устроили на балконе, появился самовар, сыр, масло и даже печенье. Два сына хозяина, не отступая, угощали, и скоро все приняло обычную физиономию в ауле. Полковник, видимо, скучал, дамы занялись собой, юнцы, забыв все на свете, следили за лихой лезгинкой и топали в такт ногой.

...Снова играет кобуз и слышатся дружные удары ладоней. Смеются девушки; шум, крики, смеются джигиты. Некоторые из них подходят перекинуться словечком с офицерами и, пока они говорят, видно, что обе стороны довольны друг другом: одна знакомством со столь важными лицами, другая – своею близостью к «настоящим черкесам».

– Тебе какая нравится? – спрашивают одного из подпоручиков, чрезвычайно усердно поглядывающего на толпу девушек, откуда слышится поминутно шепот и хихиканье.

– Вот эта, – говорит тот, кивая головой на одну из них, – в красном бешмете.

– А! Это моя сестра!.. – говорит один из джигитов и, вернувшись спустя некоторое время, добавляет: – Я спросил ее. Ты ей тоже нравишься!

Офицер краснеет: «А я слышал, что они строги, что женщин держат взаперти! Ничуть не бывало, даже, пожалуй, слишком

вольно. Брат – и вдруг...» – думает он.

Вечерняя темнота окутывает небо, синие горы подернулись дымкой и тонут в мраке тихой южной ночи. Кобуз, то замирая, то с новой силой выводя свою старинную мелодию, говорит о чем-то далеком, прошлом и невозвратном. Танцы прекратились, девушки притихли, все смолкли и жадно впились в эти грустные, заунывные звуки.

О чем они говорят?

VII

Новые веяния крепнут...

Помнится, в одном из первых своих писем мы отмечали, что со вступлением в управление Терской областью нового начальника ген.-майора Толстова здесь на первых же порах потянуло «новым курсом», почувствовались «новые веяния».

Однако в то время новый курс и новые веяния лишь намечались – их можно было лишь **чувствовать**, вернее, предугадывать по некоторым случайным признакам.

Теперь в них уже нельзя сомневаться: теперь мы можем с удовольствием констатировать, что «новый курс» вошел уже в нашу жизнь и из области предположений перешел в область реальных фактов.

Население Терской области как бы проснулось от тяжелого десятилетнего сна, полного давящих и пугающих кошмаров, и бодро заглядывает вперед, где неожиданно появились новые светлые перспективы, зажглась новая заря.

«Новый курс» виден везде, заметен на каждом шагу. Загляните в любое бюрократическое учреждение, и вас поразит резкая перемена в обращении с вами. Кто бы вы ни были, вы почувствуете себя человеком с известными правами, вы поймете, что с вами считаются, вас признают; вчерашний Юпитер⁹, к которому вы не смели приблизиться, сегодня любезен с вами, выслушивает вас, входит даже в ваши нужды.

«Новый курс» резко сказался даже на нашем официальном органе – «Терских областных ведомостях». Проповедь нетерпимости и крайнего шовинизма, травля туземца и инородца, вообще, незаметно исчезли куда-то, и вы с удивлением на тех же столбцах, где встречали раньше призыв к ненависти и вражде, теперь читаете откровенные признания в прошлых ошибках и увлечениях, призыв к изучению туземной жизни, «совершенно в сущности нам не известной» и т. д. (Терские ведомости, 1900, № 1).

Словом, новый курс, новые веяния крепнут и все более приучают население к тому, о чем оно даже помышлять не могло.

Еще лишь вчера могли ли вы представить себе туземца, смело направляющегося «во дворец» (дом начальника области) «за правдой»? А между тем теперь вы видите сотни таких туземцев, без страха и почти с полной уверенностью стучащихся в эти двери.

И они не обманываются в своих ожиданиях: их принимают, их выслушивают и, по их словам, они находят ту «правду», которую ищут там.

Особенно резко заметен «новый курс» по отношению к административно-высланным по закону 1893 года¹⁰. Высылались они по произволу старшин, мелких административных единиц. По первому заявлению любого старшины об их неблагонадежности, по первой прихоти мелкого администратора, им приходилось оставлять насиженные места, бросать хозяйства и перебираться в соседние – Кубанскую область, Ставропольскую губ. и пр. С появлением нового курса все они теперь потянулись назад – на родину. Чуть ли не ежедневно являются они к ген.-майору Толстову, который выслушивает их, приказывает запастись приговорами обществ и обнадеживает, что при отсутствии каких-либо препятствий с этой стороны, они получат возможность возвратиться в свою среду на родные пепелища.

И послушайте, с каким захлебывающим восторгом рассказывают они об этом своим кунакам-односельчанам и с каким жадным вниманием последние слушают их!

Загляните в любой аул, в любое селение – и везде вы услышите одни и те же речи, одни и те же рассказы. Везде вы увидите одни и те же радостные, даже несколько торжественные лица, без слов говорящие о той радости, которую принес с собой населению «новый курс». На всех устах одно и то же имя, которое произносится с уважением, любовью и благодарностью.

Мы никогда не пели никому дифирамбов, мы никогда не вскуривали никому фимиама, но теперь, выслушивая сотни рассказов о новом курсе, наблюдая сотни радостных, восторженных лиц, мы, невольно как-то, поддаемся общему настроению...

Чувствуешь, что в застоявшуюся жизнь влилась свежая струя, видишь, что струя эта растет и ширится...

Пожелаем же от души, чтоб она выросла и расширилась в реку, в море, которые захватили бы всю нашу область, в которых нашли бы успокоение и исцеление все наши язвы.

ПАМЯТИ В. Н. ГРАММАТИКОВА

23 ноября в Нальчике скончался от чахотки врач Василий Николаевич Грамматиков.

Долго не изгладится память о покойном в Нальчикском округе. Это была какая-то кипучая натура, вечно чем-нибудь занятая, над чем-нибудь бьющаяся. В 40 с лишком лет В. Н. увлекался так, как в наши дни увлекаются редко 20-летние юноши. То он носился со своей фотографией, делая снимки Кабарды и гор, и на снимках читая чуть ли не целые лекции, то говорил о своем сочинении «Горские общества Кабарды», которое думал представить в обширных размерах, вроде знаменитого исследования Букеевской орды¹.

Последнее время В. Н. заинтересовала разница между типом горцев-таубиев² и простых горцев, и он усиленно занялся антропологическими исследованиями, думая найти таким путем ключ к загадке происхождения таубиев, как элемента прошлого. В медицине Вас. Ник. был таким же, как и во всем остальном, нередко скитался неделями по горам, из общества в общество, укоряя фельдшеров и старшин в бездействии, убеждая население не скрывать болезней и относиться с большим доверием к нему и его науке. Страстность, горячность, вносимые им в каждое дело, порождали о нем в туземной среде немало курьезных рассказов, но вместе с тем туземец-дикарь чувствовал инстинктом, что это человек действительно к нему расположенный, и шел охотно со своими болезнями и недугами в знакомую всей Кабарде квартиру «дохтура» в Нальчике.

Вечная тебе память, добрый человек, за твою отзывчивость, за сердечность, с которой относился к нам, и за искреннее желание помочь в борьбе с мраком и невежеством аульной жизни.

ЭМАНСИПАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Наша анкета

Беседа с Шахановым.

По существу «анкетных вопросов» в беседе с нашим сотрудником Б. А. Шаханов сказал:

— Я не могу вам сказать, какое положение женщина занимает в мусульманском мире вообще. Не считаю себя также вправе говорить и о мусульманской женщине в Терской области. Я знаю лишь быт кабардинской женщины.

Всматриваясь в настоящее положение кабардинской женщины, я не решился бы сказать, что наша женщина занимает положение рабыни, или приниженной в обществе и в семье. В семье, например, наша женщина занимает куда почетнее место, нежели христианка, что можно подтвердить фактами. Жизнь кабардинцев регламентируется целым кодексом дедовских обычаев. По общему этикету, у нас женщина считается старше мужчин, независимо от ее возраста и положения.

Все же я бы не назвал кабардинцев противниками женского образования, если бы школы устраивались на местах. В города же посылать дочерей для образования подавляющее большинство кабардинцев не согласится, придерживаясь опять-таки обычаев. Кабардинцы переживают переходное время. Теперь столкнулись два мира: старый, отживающий мир понятий, регламентирующийся обычаями, и новое культурное течение. И кабардинцы пока еще не разобрались — стоит ли давать дочерям образование.

— Скажите, а возможна ли деятельность членов общества женщин-мусульманок в аулах, в виде чтения лекций. И вообще деятельность просветительного характера среди женщин?

— Нет, немислима, — ответил нам собеседник. — И немислима

такая деятельность из-за церемоний. Обычай у нас так чтутся, что их изменить не так-то легко. Допустим, что в аул явился бы лектор. Его, конечно, угостили бы в кунацкой, если угодно, созвали бы девушек, устроили веселье: пение, пляски. Даже представили бы хозяйке. Но лекция... Лекция прямо-таки не вяжется с представлением о церемониальности. Ну, пришли бы женщины в аудиторию, начали бы распределять места по положению и т. д.

Да и вообще я не могу никак себе представить в нашем ауле лекцию для женщин. Я не сомневаюсь, что всякая малограмотная кабардинка пошла бы навстречу начинаниям общества мусульманских женщин, но общая работа едва ли бы удалась. У нас иные люди и иные взгляды на все. Вот вы возьмите хотя бы такое явление: у многих народностей Кавказа обычным явлением считается участие девушек в торговле на базарах и в других внедомашних работах. У нас этого нет.

– А чем это объясняется? – поинтересовались мы. – Не экономическими ли причинами?

– Отчасти да, – ответил г. Шаханов. – Кабардинцы живут в относительном достатке, а затем, просто, согласно обычаям, женщина не допускается к исполнению физически трудных работ.

– А играет ли кабардинская женщина какую-либо роль при решении общественных вопросов?

– Все общественные дела у нас решаются мужчинами на сходах. Причем доминирующая роль принадлежит наипочтеннейшему и наистарейшему. Усмотрением наипочтеннейшего решаются вопросы даже в том случае, если бы он высказался против большинства, – в заключение беседы сказал Шаханов. (Продол. след.)¹.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГОРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Можно сказать с уверенностью, что среди народов, населяющих Российскую империю, в настоящее время наихудшее положение во всех отношениях занимают Горцы Кавказа. Всякому, кому приходилось ездить по аулам и знакомиться с условиями, в которых протекает жизнь Горцев, известно, что Горцы лишены всех тех благ, без которых в наше время немыслима даже мало-мальски нормальная человеческая жизнь. Так, например, фактически все Горцы Кавказа – Терской и Дагестанской, Кубанской областей – лишены помощи медицинской, агрономической, юридической; народное образование или отсутствует совершенно, или там, где оно есть, поставлено отвратительно; пути сообщения находятся почти в таком же состоянии, в каком они находились полстолетия тому назад, во времена покорения Кавказа. Народное невежество, темнота и бедность не убывают... О фабрично-заводской промышленности не приходится и говорить, так как ее здесь нет совершенно; даже известные всему миру кустари Дагестана и Кабарды (бурки, седла) еще и теперь находятся в первобытных условиях.

Между тем вопрос о малоземелье уже надвигается со своими

грозными последствиями, и нет никакого сомнения, что в силу особых местных условий ему суждено здесь принять одну из наиболее острых форм, какие только нам известны из истории народов. Такова в кратких чертах общая картина современного положения Кавказских Горских племен.

А что же делает Горская интеллигенция и есть ли вообще таковая? Отвечая на этот вопрос, по справедливости, мы должны сказать: «К сожалению, теперь она есть... но она у нас отличается от интеллигенции, какие только существуют на земном шаре...»

Всем и каждому известно, что чем интеллигентнее и культурнее (в лучшем смысле) человек, тем сильнее развита у него чуткость, тем сильнее и острее он чувствует всякого рода несправедливость и насилие, тем сильнее и энергичнее он протестует против обидного для себя отношения. Только животное или человек, рожденный с рабской душой, не разборчив и легко мирится со всяким положением.

С другой стороны, известно также, что все крупные народы стремятся поглотить мелкие, а последние, как и всякое живое существо в природе, имея Богом данное ему право на существование и на самозащиту, борются за свое сохранение. Чем культурнее маленький народ, тем интеллигентнее каждый член его в отдельности, чем сильнее развито у него чувство справедливости, любовь к свободе и презрение к насилию, тем сильнее вооружается и борется он за свое существование и за свои права.

Между национализмом народов крупных, господствующих, и мелких, подчиненных, разница огромная и разница эта заключается прежде всего в том, что для господствующих народов не существует со стороны мелких подчиненных народов опасности быть поглощенным; затем господствующий народ пользуется в государстве, сравнительно с подчиненными народами, наибольшими правами, следовательно, и наилучшим положением. Пусть прежде откажется от национализма большой господствующий народ, — потом откажется от своего национализма и маленький народ.

Вот основания и причины, которые заставляют интеллигенцию мелких, поработанных народов быть узкими националистами и становиться на защиту интересов своего родного слабого маленького народа (да оно и естественно: человеку свойственно становиться всегда на сторону слабейшего и обиженного). Примерами для нас являются интеллигентные поляки, финляндцы, армяне, австрийские и балканские славяне. Интеллигенция перечисленных народов, работая не покладая рук, создавая для народа целый ряд всевозможных полезных культурных обществ, как то: просветительных, сельскохозяйственных, экономических, кредитных и прочих кооперативов, объединяя и сплачивая между собою под флагами перечисленных обществ всех способных членов общества, успела завоевать себе мировую симпатию и уважение.

Наша же Горская интеллигенция вышла какая-то неудачная, ее никчемная отличительная черта — это беспомощность ее, абсолютная неспособность заниматься народной общественной твор-

ческой деятельностью. Она производит впечатление чего-то недоконченного, недоразвившегося. На днях один из молодых наших юристов из горцев с университетским образованием жаловался мне: «У моей кабардинской кобылы ингуши стащили хвост! Один из чиновников областного правления мне сказал, что следует подать в областное Правление прошение, просить собрать всех ингушских кобыл и осмотреть у них хвосты. Конечно, таким образом можно было бы найти хвост моей кобылы, но ведь у меня на это нет времени... Я никогда не вступлю ни в какое культурное общество, где будут состоять членами ингуш или чеченец». Другой подобный же адвокат на одном из собраний воскликнул: «Мы с оружием в руках будем защищать хвосты наших кабардинских кобыл!» Сказал и тут же, говорят, раскаялся, так как ему другие объяснили, что фраза эта носит в себе элементы провокации.

Подождем еще, авось освободимся от мелочности и, не делая различия между отдельными племенами, примемся, наконец, за общее дело – за общую культурную работу.

ГОРСКИЙ СЛОВЕСНЫЙ СУД¹

Как известно, в Терской, Дагестанской и Кубанской областях уже 30 лет действует положение о горских словесных судах, составленное применительно к обычному праву туземцев – адату. Однако практика этих судебных учреждений не оправдала возлагавшихся на них надежд, и за этот период времени было обнаружено столько вопиющих недостатков, что в высших сферах поднят наконец вопрос об упразднении горских судов и о передаче подсудных им дел компетенции мировых судей.

На этот важный вопрос откликнулась и кавказская печать. «Северный Кавказ» в передовой статье 22 мая, признавая, что горские суды оказались далеко не безупречны, находит, что самое лучшее – предоставить туземцам Кавказа право вести свои дела в общесудебных учреждениях Императора Александра II, включительно до суда присяжных. Никто, конечно, не станет спорить, что русские суды стоят бесконечно выше туземных народных судов, но вопрос в том, будут ли они также пригодны для туземцев, как оказались пригодны для русских. От учреждения мало требовать, чтобы оно было само по себе хорошо: необходимо еще, чтобы оно находилось в согласии с духом и привычками народа; необходимо, чтобы народ сроднился с известными правовыми понятиями, а только в этом случае и можно ожидать от нового суда благих результатов.

Мы не ошибемся, если скажем, что главная язва горского суда – это лжесвидетельство, глубоко укоренившееся в нем и дающее то, что сам народ теряет доверие к своему суду. Вот, например, один из недавних случаев, сам по себе не выходящий из ряда, но очень типичный для данного вопроса. В одном из участков Грозненского округа предстоял разбор дела о краже чеченцем лошади. Согласно адату этот чеченец должен представить пять при-

сязников, которые приняли бы присягу в том, что он не совершал кражи. Известно, что если хотя один из присяжников откажется присягнуть в пользу подсудимого, то это уже считается достаточным основанием для его осуждения. И вот как раз случилось, что один из этих свидетелей отказался присягнуть; тогда подсудимый в виде мести заявил суду, что этот самый свидетель был его соучастником в краже. Дело было отложено, а при новом разбирательстве подсудимый выставил новых присяжников, подтвердивших соучастие отказавшегося свидетеля, и последний был приговорен к тюремному заключению на 8 месяцев. На беду он еще пропустил срок подачи апелляционной жалобы, потому что представил ее не в ту инстанцию, куда следовало, и ему пришлось отбывать наказание. Вероятно, таких примеров можно привести не один, но для нас не важно их количество: важна самая возможность их, доказывающая, насколько малое уважение питают туземцы к их суду совести.

Однако было бы ошибочно винить в этом самую идею горского суда. Нам кажется, что эти суды лишь наполовину выполняют свое назначение – быть судами народными, и в этом их недостаток. Судьи в них назначаются администрацией. Назначаются, конечно, лучшие люди, цвет общества, но возможны и ошибки, неизбежные во всяком человеческом деле; а всякое неудачное назначение, естественно, дает повод судящимся критически относиться к самому учреждению. Теряется самое драгоценное свойство суда – вера в него, а отсюда недалеко и до лжеприсяги и до взятничества.

Из настоящего положения возможны только два выхода: или заменить горские суды общими для государства судебными установлениями, или дать им прежнюю чисто народную организацию. Но не забудем, что для всяких юридических нововведений должна быть готова почва в душе народа, а этого-то и не имеется: наши понятия о праве также чужды туземцу, как нам – адат или шариат. Если мы видим, что население Кавказа быстро ассимилируется с русскими, воспринимает их язык, заводит школы, обращается к мирному труду, то не объясняется ли это тем, что русские в завоеванных областях всегда воздерживались от ломки туземных обычаев, относясь с уважением к их понятиям и привычкам?

Хороший отрицательный пример того, как не следует вести себя в покоренных областях, дают англичане. Нужно сознаться, что нет на свете народа, который вышекомернее держал бы себя с покоренными племенами. Гордые своею цивилизацией, англичане везде, где только чувствуют себя хозяевами, силою навязывают английский строй и переделывают учреждения по своему образцу. И вот что мы видим в Индии. Там уголовный кодекс был составлен по поручению правительства, историком Маколеем. Пренебрегши местным обычным правом, Маколей ввел в этот

---

* «Сев. Вестн.», 1898, 4. «Индия и ее крестьянин».

** Юм. «О земельных реформах Индии».

кодекс все принципы английского уголовного законодательства. Началось полное царство ужаса, говорит он сам, усиленного еще окружавшею их тайною. Все несправедливости прежних угнетателей, как азиатских, так и европейских, казались милостью по сравнению с правосудием верховного суда*.

С тех пор много воды утекло, но царство ужаса в Индии и теперь в силе. Бывший секретарь индийского генерал-губернатора Юм делает следующее красноречивое признание: «Каждому знакомому со страной хорошо известно, что ни один из свидетелей, вызванных в правительственный суд, по-видимому, не в состоянии сказать правды, между тем как в присутствии своего сельского трибунала, окруженный своими соседями, он обнаруживает такую же неспособность к лжи. Здесь все знают друг друга, и только что свидетель в своих показаниях сколько-нибудь отклонится от истины, все присутствующие останавливают его и поднимают на смех, напоминая ему, что он не в коронном суде и что здесь это не сойдет»**.

Результат такого пренебрежения обычным правом страны налицо. В то время как Кавказ неизменно идет по пути слияния со своей метрополией (недавно даже турецкие газеты, по словам «Спб. Вед.»², констатировали прогрессивное обрусение Кавказа), англичане чувствуют себя в Индии такими же чуждыми пришельцами, как и сто лет назад, во время господства Ост-Индийской компании. И в то время как под власть России добровольно отдаются целые народы и племена, англичане всюду поддерживают свой престиж только силою оружия. Этот пример очень поучителен.

О ПОЗЕМЕЛЬНОМ ВОПРОСЕ В НАГОРНОЙ ПОЛОСЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

(Заметка по поводу статей Н. Тульчинского*)

В то время, когда такие учреждения, как местное юридическое общество и статистический комитет, призванные исследовать нужды населения области, и вообще местные юристы и интеллигентные туземцы очень мало интересуются таким важным вопросом, как исследование и урегулирование поземельного вопроса в горной полосе Терской области, весьма отрадно видеть со стороны г. Н. Тульчинского добросовестную попытку посылить осветить этот трудный, важный и неотложный вопрос в жизни горцев.

Наблюдения и выводы г. Тульчинского чрезвычайно интересны и для этнографа, и для юриста, и для администратора. Во всех его статьях, как настоящих, так и ранее печатавшихся, красной нитью проходит одна общая идея автора — сочувствие его интересам народной массы как таковой, и желание не дать народ в обиду

---

* См. «Терские ведомости», 1901, № 41–42, 46.

немногочисленной группе высшего сословия горцев. Автор доказывает, что почти половина земли в горах находится во владении горсти привилегированного сословия, тогда как среди народа масса безземельных; он советует отобрать земли у первых и наделить ими народ; нравственным основанием к этому служит наличность захвата общественной земли со стороны отдельных лиц. Тут г. Тульчинский даже несколько увлекается и утверждает, что чуть ли не все крупные землевладельцы в горах обманом и насильем захватили и присвоили земли. Но нам лично известны в горах такие землевладельцы, которые сотни лет владеют землею как родовою: этот вопрос не может быть разрешен наблюдениями одного человека. По поводу всех подобных утверждений г. Тульчинского нам хотелось бы лишь указать на то, что для правильного разрешения характера и пространства землевладения в горах является необходимость учредить специальную комиссию из юристов и знатоков края и подробно исследовать этот вопрос на месте, только тогда можно будет правильно решить, кому по справедливости и какая земля принадлежит в горах и у кого, как у захватчика, можно отобрать землю для наделения ею народа. Таково было, насколько мне известно, мнение по этому вопросу и у так неожиданно, к общему прискорбию, и безвременно умершего компетентного лица – управляющего областной чертежной князя Сидонова-Эристового. Он считал наиболее справедливым разрешением поземельного вопроса – предварительное изучение его через такую комиссию; затем, выработав известные основания для размежевания в законодательном порядке, – приступить к размежеванию.

Тут, к сожалению, возникает новое затруднение, созданное благодаря затяжке разрешения поземельного вопроса в горах. Г. Тульчинский полагает возможным отбирать путем насилия земли у всех владельцев, приобретавших таковые путем захвата. А между тем это нелегко сделать. Дело в том, что большинство этих захватчиков владеют землею в течение нескольких земских давностей, а по нашему закону, давностное владение есть такой могучий фактор, что в силу простого истечения десятилетней давности всякое, даже насильственное, путем преступления приобретенное владение превращается в право собственности при наличности известных признаков владения. Не требуется для этого, по нашему закону, как во Франции или Германии, ни законного основания владения, ни добросовестного владения.

Как же поступать при решении земельного вопроса в горах в тех случаях, когда захватчики опираются на две, три и более земские давности? Можно ли у них отобрать насильственно эти земли, хотя бы и для блага народа?

С точки зрения закона, а стало быть, и справедливости, подобное насилие немыслимо, потому что внесло бы целую революцию в жизнь горцев и явилось бы отрицанием признанных ранее законом прав горцев; а признаны эти права именно законом с тех пор, когда на горцев распространили действие общеграждан-

ских законов империи вместе с введением общих судебных учреждений в области в 1871 году. Поэтому в тех случаях, когда налицо окажется бесспорное владение в течение срока давности, простое отобраение земли немислимо.

А если интересы населения требуют такого отобраения, то пришлось бы вознаграждать владельца (как это делалось не раз на плоскости в отношении Бековичей и др.). Вообще этот вопрос очень сложный и для правильного его разрешения нужно подробно исследовать землевладение в горах; одно несомненно, что без наделения горцев землею на плоскости нельзя их обеспечить, так как в горах земли мало и она плохого качества.

Поземельный вопрос в горах не разрешен, разрешение его отложено на неопределенное время. Это так, но вместе с тем жизнь не стоит на одном месте, и законодатель не мог лишиться горцев права на защиту своих личных и имущественных прав в судебных учреждениях, приостановив всякие земельные дела в судах. Попытка кавказской администрации в этом смысле потерпела неудачу, и с постановлением соединенных департаментов гражданских и духовных дел, государственной экономики и государственного совета, состоявшемся 3 мая 1879 года, вопрос об изъятии из ведомства судебных установлений Терской области дел о поземельных спорах в горной полосе решен в отрицательном смысле.

А вот что говорит правит[ельствующий] сенат по делу Гапца: «Если во вновь присоединенной области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы лишь на основании обычая, находилась в неограниченном владении частных лиц, то администрация, не касаясь **надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса, может ли земля быть признана собственностью владельцев**, обязана охранять существующее положение вещей».

Иного решения и не могло быть и было бы нежелательно, так как зло, могущее произойти вследствие отказа в правосудии, много хуже тех захватов, о которых говорит г. Тульчинский. Да, кроме того, возникшие дела в суде по поземельным спорам за тридцать лет можно пересчитать по пальцам; их немного, и большею частью эти споры – с казною, а не с обществами и не между горцами. Единственное исключение составляет урусбиевское дело, где сильно заинтересовано именно общество.

Этих дел, может быть, и вовсе не возникло бы, если бы казна сама ждала до разрешения поземельного вопроса в горах и не объявляла всей горной полосы казенным, населенным и ненаселенным имением. Местное управление государственных имуществ отобрало фактически все леса в горах в казну и считает казенною и безлесную часть горной полосы; горнопромышленники отвод за отводом вырывают у горца лучшие куски земли его, частной и общественной, как казенную землю, а бедного горца г. Тульчинский хочет лишиться и последней защиты перед законом на суде, советует сидеть в ожидании, когда уже поздно будет, разрешения земельного вопроса.

Вот уж подлинно, пока солнце взойдет, роса очи выест!

Нет, не то нужно горцам теперь: не лишить их следует права на защиту своих прав в суде, а облегчить им это право. Тут нечего бояться, что крупные захватчики возьмут путем хитрости и при помощи подложных свидетелей верх над сельскими обществами; если кто-либо явно вздумает присвоить и укрепить за собою путем давности общественную землю, то общество этого не допустит, имея возможность доказать на суде, что оно не было лишено владения той или другой спорной землею, да казна и не допускает вовсе в охранительном порядке, втихомолку укреплять земли по давности владения, и в таких случаях предъявляет иски.

Поэтому путем давности может надеяться укрепить за собою землю лишь тот, кто действительно владел ею на праве собственности. Но, повторяю, большинство горцев не стремится в суды и не возбуждает дел о праве собственности, зная трудность разрешения, вопреки утверждениям г. Тульчинского, а терпеливо ждет решения земельного вопроса в законодательном порядке.

Это насущнейший и важнейший вопрос в жизни горцев. Правильное и скорое его разрешение явилось бы чистейшим благодеянием для народа; того же требуют и интересы государства и общества.

Как экономическое благосостояние населения, так и интересы спокойствия края, интересы нравственности и правосудия, равно интересы промышленности и горного дела, а теперь, с введением поземельной подати, — и интересы фиска требуют скорого разрешения поземельного вопроса в горах. Местные газеты переполнены статьями о таком ничтожном для интересов как государства, так и населения вопросе — пустого тщеславия одних и зависти других — как вопрос об алдарстве, а таким серьезным вопросом, как поземельный, никто из туземцев не интересуется, не пишет ни строчки. Это весьма печальное явление, и пора заняться всем горцам всесторонним выяснением этого вопроса и помочь правительству в скором и правильном его разрешении.

Свои мысли и наблюдения о характере землевладения в горах и об основаниях правильного его разрешения согласно с историей и по справедливости, может быть, мне удастся высказать печатно в другой раз. Теперь, после сказанного по поводу статей г. Тульчинского, считаю не лишним добавить лишь, что в горах издавна существует право собственности на земли, земля ценится чуть ли не на вес золота; продажная цена доходит до нескольких тысяч рублей за десятину; удобные земли составляют собственность целого рода или семьи, лишь часть пастбищ и отчасти леса составляют достояние целого общества. Не признавать за нынешними владельцами права собственности на их земли, как пахотные, так и покосные и пастбищные, невозможно, потому что это явилось бы насилием и противоречило бы взглядам и обещаниям правительства, почему и вызвало бы в умах горцев недовольство.

В знаменитых прокламациях своих к горским народам наместники Воронцов и Барятинский не раз обещали горцам утвердить

за ними на вечность занимаемые ими земли, и эти обещания, сделанные от имени государя императора, были причиной успокоения горцев, добровольного присоединения к России, и они же являются надеждой на их будущее. Народ хорошо помнит эти обещания и хранит прокламации, как святыню в мечетях. «Верьте мне, что все обещанное вам есть истина, основанная на воле моего государя императора. Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения». Так говорится в прокламации Воронцова.

Прокламация же Бярятинского от 1869 г. гласит:

«Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и тиганами в неотъемлемое владение ваше». Вся история гражданского управления Кавказа также подтверждает признание за горцами правительством права собственности на занимаемые ими земли. Так, в народных судах с ведома начальства совершались сделки купли-продажи земель. Наконец, сам «отец Кавказа», великий князь Михаил Николаевич, открыто признавал в горах право собственности и во всеподданнейшем отчете 1869 г. говорит: «Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ или частных лиц».

Все это вполне согласно с политикой России вообще в отношении вновь присоединенных, даже путем завоевания, областей империи (см. решение сената по д. Гапца и кассац. департамента правит. сената за 1895 г. № 27).

Не далее как в 1900 году правительство наше этот вековой принцип осуществило и в отношении отдаленной окраины – Туркестана, где постановлено утвердить за населением на праве собственности все земли, находящиеся в потомственном владении его согласно народному обычаю. Туркестан оказался счастливее Кавказа, и хотя присоединен позднее, но удостоился скорого и правильного разрешения поземельного вопроса.

Скорое разрешение поземельного вопроса и у нас в горах явилось бы, как мы сказали, чистым благодеянием для населения; нужно лишь при этом отрешиться от всяких добрых и худых предвзятых идей и во избежание ошибки всесторонне исследовать вопрос этот на месте. Тогда лишь будут удовлетворены требования справедливости, интересы населения и задачи мирного управления.

ВОЗРАЖЕНИЯ АБРАМОВСКОЙ КОМИССИИ

В комиссию по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области земледельцев пяти Горских обществ Нальчикского округа Терской области¹

Объяснение

22 октября с. г. населению горной полосы Нальчикского округа Терской области были объявлены составленные поземельной комиссией проекты:

1) о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежащих к этим обществам;

2) о направлении поземельных споров, существующих и могущих возникнуть при размежевании Нагорной полосы, и

3) проект этого размежевания.

Вместе с тем землевладельцам этой полосы, в числе других заинтересованных лиц, было объявлено, что в месячный от 22 октября срок они могут дать свои объяснения на объявленные им комиссией проекты разрешения поземельного вопроса в горах Нальчикского округа. Настоящее объяснение и является тем объяснением, о праве на подачу которого в месячный срок от 22 октября с. г. мы были поставлены в известность комиссией.

Называясь объяснением, этот документ по характеру и по сути тех проектов, которыми он вызван, должен быть и неизбежно будет скорее **возражением**, чем объяснением.

Комиссия отрицает за нами права, которые мы привыкли считать нашими неотъемлемыми, у нас проектируют отнять то имущество, которое прошло через длинный ряд наших предков, прежде чем попало в наши руки, — имущество, в которое мы и отцы наши вложили столько материальных средств и личного труда. Но, возражая, мы постараемся, поскольку это окажется возможным, не полемизировать.

Мы верим, что и комиссия, раз убедившись, если бы нам удалось ее в этом убедить, что данные, собранные ею, недостаточно полны или что выводы ее неправильны, не откажется принять те действия и решения, которые будут продиктованы ей стремлением к обнаружению объективной истины и сознанием необходимости того, чтобы в таком крупном государственной важности деле не было бы сделано ошибки, могущей повлечь за собой несчастье и разорение многих тысяч людей.

Наши объяснения будут касаться только первого из объявленных нам проектов — проекта о земельных правах, причем, давая объяснения, мы будем пользоваться опубликованными уже ныне трудами комиссии, позволяющими судить о тех соображениях и доводах, которые были положены в основу принятых ею решений.

Комиссия на 328 странице своих трудов, подводя итог всему тому, что было высказано ею выше по поводу прав землевладельцев Горной полосы Нальчикского округа на находящуюся в их обладании землю, говорила следующее: из всего вышесказанного усматривается, что ни исторические данные, ни юридические доводы, ни обычно правовые нормы горцев, ни правительственные мероприятия по отношению таубиев не дают никаких данных

признавать права собственности за таубиями на владеемые ими земли, наоборот, все данные в совокупности категорически отрицают это право.

Единственно, что могли бы привести в свою пользу таубии, так это то, что сам по себе факт владения землею есть, по выражению юристов, презумпция (предположение) права собственности, но такое предположение после приведенных данных само собою отпадает. Те же исторические данные свидетельствуют, что горские таубии, по сравнению со всем высшим сословием туземного населения Терской области, свыше меры вознаграждены, как сословие, выкупной операцией за счет народа и длительным владением обширными землями; поэтому оставлять им и впредь эти земли уже на правах собственности было бы в высшей степени несправедливо.

И так вот доводы, на которые нам предстоит ответить. Но прежде чем разобрать их детально, мы остановимся на выяснении как соотношения их между собой, так и определения сравнительной важности их в деле решения вопроса о том, должны ли мы быть признаны собственниками земель, которыми до настоящего времени владеем.

Значение этих доводов неодинаково. Прежде всего следует остановиться на том аргументе, который сформулирован в приведенном резюме комиссии следующим образом: «юридические доводы» и «обычно правовые нормы горцев» говорят против признания за нами права собственности на земли.

Полагаем, что это один аргумент, а не два. Говоря, что «ни юридические доводы», «ни обычно правовые нормы горцев» не дают данных признавать за нами право собственности на земли, — комиссия хотела сказать: то отношение к земле, которое существовало и существует у нас, не есть то, которое по русским законам именуется правом собственности. И вот первый довод, и довод важнейший, заключается в том, что комиссия утверждает, будто бы права собственности на землю, как юридического института, у нас не существовало и не существует.

Как мы покажем ниже, утвердительный ответ на вопрос: должно ли быть характеризуемо юридически наше отношение к земле как право собственности, — раз нет ни в настоящем, ни в прошлом особых, порождающих права наши обстоятельств (напр., конфискация), сделал бы излишним разбор других, комиссией приведенных доводов, и все они имеют значение лишь постольку, поскольку на вопрос о существовании у нас права собственности на земли дан отрицательный ответ. Таким образом, приведенное резюме трудовой комиссии по исследованию земельного вопроса в горах Нальчикского округа должно быть понимаемо так: I. Частной земельной собственности, как юридического института, в горах Нальчикского округа не существовало и не существует. II. Русским правительством земли в частную собственность таубиям и узденям отведены не были. III. Было бы несправедливо, если бы земли эти были им отведены в собственность и ныне. Устано-

вим же с самого начала нашу точку зрения на вопрос. Что хотим мы объяснить в этой нашей записке комиссии, что утверждаем мы, возражая на ее выводы?

Мы утверждаем, что все земельные участки, перечисленные в ведомости, находящейся на 61–66 страницах трудов комиссии, и многие другие, комиссией пропущенные, на протяжении нескольких человеческих жизней находились в частном обладании лиц, ими владевших, ими пользовавшихся и ими распоряжавшихся, — что участки эти, в согласии с нормами обычного права горцев, дошли до теперешних их владельцев законными (и не только с точки зрения устного обычного права горцев, но и с точки зрения положительного русского права) способами и потому все они — по силе 533 ст. I ч. X тома св. зак. гр. — суть собственность их теперешних владельцев. Никто нам их не отводил и не жаловал. Этого мы никогда не утверждали, и не в этом ищем мы подтверждения домогательств наших о признании за нами прав собственности на них. Главным образом, далеки мы и от того, чтобы просить кого-либо в силу тех или иных соображений и оснований отдать их нам ныне на праве собственности.

Мы говорим: земля должна быть признана нашей собственностью, потому что она есть наша собственность. И, подавая эту записку в поземельную комиссию, мы, если и просим о чем, так это лишь об объективном отношении к тому, что будет услышано комиссией от нас в этой записке и что будет, быть может, в части, касающейся фактов, неизвестных комиссии во время составления ею ее трудов и проектов, — может повлиять и на изменение в той или иной форме ее выводов.

1. Одно из основных положений русского права говорит: «никто не может быть без суда лишен прав, ему принадлежащих» (ст. 574. I ч. X т.). Правительствующий сенат, развивая это положение (р. гр. касс. деп. 1883 г. № 32 и др.), высказался в том смысле, что закон, содержащийся в 574 ст., есть закон, основанный на праве и справедливости. Следовательно, раз будет установлено, что те или другие права являются принадлежащими кому-либо из подданных русского царя, отняты эти права от него или от них, иначе как по суду, быть не могут. Положение это так ясно, что спора возбудить не может. Мы считаем, что коль скоро известное право является дарованным всем русскоподданным общим законом для того, чтобы можно было утверждать, что на известную часть их оно не распространяется, надо с положительностью это доказать. Не мы должны доказывать, что никакое имущество не может быть у нас отобрано без суда, а те, кто говорят, что оно должно быть отобрано, должны доказать, что по исключению оно у нас может быть отобрано. Мы знаем, что те или другие представители русской власти на Кавказе в разное время утверждали, что «со времени умиротворения Кавказа все земли были признаны состоящими в распоряжении правительства» (рапорт управляющего межевой частью Терской области межевому члену Тифлисской судебной палаты от 18 мая 1892 г. за № 727).

Но ведь для того, чтобы класть подобное утверждение в разрешение земельного вопроса у нас на Кавказе, необходимо указать сначала тот акт верховной власти, которым бы это утверждение доказывалось. Надо ли говорить, что акта такого не было, потому что если бы таковой акт был, то какая была бы надобность в комиссиях, имевших целью выяснять перед разрешением земельного вопроса у того или иного племени существующие у этого племени формы землепользования и землевладения. В этом случае, решая земельный вопрос в той или другой части Кавказа, надо было бы лишь выяснить вопросы землеустройства — и только.

Между тем везде на Кавказе, до горной полосы Терской области включительно, перед разрешением земельного вопроса собирают фактические данные для установления начал, на которых население пользовалось землей до водворения в крае русской власти для того, чтобы в зависимости от того, что будет при этом найдено, решить прежде всего — не возможно ли санкционирование русским законом существующего уже порядка, и только после того, как это оказывалось возможным, существующий порядок, не укладывавшийся в рамки русского закона, изменялся. Надо ли подкреплять сказанное ссылками на факты и авторитеты? Не достаточно ли ясен приведенный выше закон и недостаточно ли бесспорна всеобщая его применимость в России — всегда и везде?

Если факты для подтверждения правильности сказанного все же нужны, мы, придерживаясь данных, даваемых историей Кавказа, укажем на то, что так именно был решен земельный вопрос у всех без исключения народов Кавказа; везде, где русское правительство нашло, что право собственности на землю, как юридический институт, существовало, — оно признало его, взяв часть земли для устройства населения у собственников ее с их согласия (бесплатно или за известное вознаграждение) и избавив население от необходимости вести дорогостоящие и длящиеся десятки лет судебные процессы для доказательства своих прав на землю, и только там, где его не существовало (причем для признания наличности этого факта всегда требовалась неоспариваемость его заинтересованными лицами), правительство считало себя вправе распорядиться землею так, как оно находило это нужным сделать.

Нужны ли ссылки на авторитеты? Мы найдем их, и это будут лица, по своему положению могущие говорить так, что никакое сомнение в правильности всего ими высказанного будет невозможно. Приведем для примера слова наместника его императорского величества на Кавказе гр. Воронцова-Дашкова², сказанные им по этому поводу в записке его по управлению Кавказским краем 1907 г. и помещенные на 57 странице их: «Во всей тысячелетней истории России, — говорит наместник кавказский, — едва ли можно найти пример, когда бы ею были нарушены имущественные права покоренных народов». А присоединившихся добровольно, к числу которых принадлежат и горцы Нальчикского

округа, прибавим мы от себя, – подавно! А вот что сказано было нам, в числе других горских народов Кавказа, главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом, генерал-адъютантом князем Воронцовым³ в прокламации его, относящейся к сороковым годам минувшего столетия: «Верьте мне, что все обещанное мною вам есть истина, основанная на воле моего государя императора. Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения... Еще раз повторяю, что обещания мои есть священные, и они как бы собственные слова моего великого государя, которые никогда не могут подлежать сомнению».

Это прокламация, в которой с отцами нашими устами главнокомандующего говорил сам государь император, в которой отцам и дедам нашим были даны их царем священные обещания, позволяют нам думать, что какие бы рапорты и распоряжения последующих местных начальников нам не указывались, хотя бы из рапортов этих следовало, что они, эти начальники, не зная тех начал, на которых мы владеем нашими землями, признавали бы в нас не собственников, а только пользователей этой земли, – каких бы отрицающих наши права взглядов эти начальники ни придерживались, изменить что-либо в сфере наших имущественных прав они были бессильны и значение всего этого для того или иного разрешения поземельного вопроса у нас равно нулю.

Единственно, что нам могут сказать и чего вправе от нас потребовать, это доказательство, что то право, на котором мы владели и владеем нашими землями, есть именно то сложное юридическое отношение, которое понимается русским законом под правом собственности. К изложению наших доказательств, правильности этого утверждения мы и перейдем теперь.

Прежде всего, необходимо остановиться на вопросе о том, известно ли было право собственности на землю, как юридический институт, горцам Нальчикского округа. Поземельная комиссия на этот вопрос ответила так: право собственности на землю, как юридический институт, было известно горцам лишь в отношении усадебных мест, культурных пахотных (сабанов) и покосных (биченликов) участков и неизвестно в отношении больших покосных и пастбищных мест. Это проведение разницы между землею, измеряющеюся десятками, много сотнями квадратных саженьей, и землей, измеряющеюся сотнями, а иногда и тысячами десятин, проходит красной нитью через все труды комиссии и способно воистину поставить каждого незаинтересованного в том или ином исходе дела, о котором трактуется в трудах комиссии, в тупик.

Спрашивается, в чем разница между теми и другими участками? Почему, выработав строго юридическое, поражающее своей детальной разработкой, право собственности на землю населения, прилагает его к одному роду угодий и не применяет к другому, столь же, если еще не более, ему необходимому?

«Горцам – первым поселенцам, – читаем на 309 стр. трудов, – не было присуще понятие об индивидуальной собственности на землю, не подвергшиеся обработке трудом человека. Под влиянием горной суровой природы и чрезвычайной скудности земли, годной для хлебопашества, выработалось 2 типа землевладения: каменистая почва, превращенная в культурную землю упорным трудом человека, становилась собственностью лица, производившего очистку от камней, а равно расчистку из-под леса, удобрение и орошение. Такая собственность, по воззрениям горцев, считается неотъемлемою обычною собственностью (подворною). Все же прочие земли, как то: обыкновенные покосы, пастбища и леса, также по сложившемуся обычаю, считаются общественной собственностью».

Неужели все это будет и в том случае, если горцы, о которых идет речь, народ, с ясно выраженным аристократическим складом, в котором есть сильные, слабые и совершенно бесправные, и к тому же, если горцы эти занимаются «единственно возможным в данной местности хозяйством – скотоовцеводством (см. стр. 42 трудов), притом в размере, не известном никому из их соседей»? Скотоводами ведь мы стали не со вчерашнего дня, свои стада мы унаследовали от предков, ведь всегда на наших пастбищах и зимовниках содержалось столько стад, что и пастбища эти не могли всего нашего скота прокормить? Но можно ли содержать стада теми пахотными и покосными участками, о существовании на которых у нас института права собственности комиссия не спорит? Значение этих культурных участков в хозяйстве нашем и наших предков – ничтожно. Пахота дает нам хлеба в лучшем случае на месяц-два, покосы (биченлики) имеют целью дать хоть сколько-нибудь корма для той скотины, которую мы, горцы, держим при себе в ауле. Если же мы существовали и существуем ныне как не бедный в массе народ, то только благодаря нашим стадам скота и овец, а скот и овец мы держать можем лишь благодаря тому, что у нас покосные и пастбищные земли. Неужели же при таких условиях можно серьезно утверждать, что при том недостатке в земле, могущей служить пастбищными и покосными местами, который постоянно в горах, более сильные согласились бы терпеть какие-либо стеснения от необходимости делиться землей, им нужной, со слабыми и бесправными?

В этих условиях страшной нужды в земле для скотоводства неужели надо было ждать знакомства с русскими для того, чтобы приложить готовые уже нормы обычного права, выработанного горцами, если верить комиссии, специально для гарантирования их владельцам права исключительного и спокойного пользования землями, не имеющими для них никакого серьезного хозяйственного значения и неприложимые к тем землям, благодаря которым они только и могли существовать в горах? Полагаем, что обосновать логически подобное утверждение в применении его к условиям быта горцев Нальчикского округа – представляется совершенно невозможным.

В нашем последующем изложении в части, касающейся земельного быта, мы по необходимости должны будем повторить доводы и соображения, высказанные уже нами однажды в поданной нами в марте текущего года его превосходительству начальнику Терской области докладной записке.

Как и в этой записке, приступая к выяснению нашего земельного быта, мы не можем, прежде всего, не высказать того мнения, что всякий беспристрастный исследователь, познакомившись с ним, невольно поразился бы, как мог создаться юридически разработанный и законченный земельный быт у такого культурно-слабого, не обладающего даже письменностью народа, как горцы Нальчикского округа. Причина этого кроется, конечно, в том, что по условиям жизни вопрос о земле для горца – вопрос жизни и смерти. Жить хлебопашеством нельзя, единственный источник жизни теперь и искони – скотоводство. Для скотоводства же нужна земля и много земли: нужны пастбища, покосы, зимовники. Скотовод-степняк, имея всегда землю в избытке, не заинтересован в том, чтобы провести межу и сказать соседу: «не ходи сюда, это мое», скотовод-горец должен был это сделать. Мало того, он должен предусмотреть все возможные отношения, в которые может поставить его стремление соседа тем или иным путем, легальным или нелегальным, получить возможность пользования землей, которую он считает своей. Вот обстановка, в которой даже народ-дикарь делается юристом, вот обстановка, в которой создаются юридические отношения и юридические институты, общая цель которых – сделать земельные отношения настолько ясными, чтобы жизнь, при всем многообразии ее, никогда не создавала бы безвыходного, не поддающегося правовому разрешению, положения. В этом причина, почему горцы Нальчикского округа создали и сохранили в неприкосновенности свой земельный быт, столь отличный от земельных отношений, существовавших в Кабарде до прихода русских.

В нашем последующем изложении для иллюстрации тех или иных отношений по земле мы будем брать только те примеры, в которых объектом отношений являются наши пастбищные, покосные и лесные участки, всегда более или менее значительные по размерам. Что же касается до так называемых «сабанов» и «биченликов», пахотных и покосных участков около аулов, площадью в несколько десятков и сотен кв. сажень, то даже комиссия признает необходимым оставить за их теперешними владельцами. Но ведь тогда все же остается логически невыясненным, как выше сказано, каким образом может у народа существовать институт частной земельной собственности по отношению участков одной категории и не существовать по отношению участков другой – не менее ему необходимой.

Насколько стремление провести разницу между сабанами и биченликами, с одной стороны, и пастбищными и покосными участками – с другой стороны, несостоятельно, видно из того, что одни и те же нормы обычного права горцев Нальчикского округа

регулируют владение и пользование как теми, так другими. Нельзя также проводить между ними разницу и по количеству труда, вложенного в них. Во-первых, потому, что юридически это не существенно, а во-вторых, и многие покосные участки, мерою в сотни десятин, потребовали для своей культуризации долгого, упорного труда по очистке их от камней и искусственному орошению (некоторые из этих участков будут указаны ниже). Примеры, как это будет видно ниже, носят совершенно конкретный характер и датированы по поколениям, считая современное нам за первое. Иное размещение сообщаемых фактов во времени, по бытовым условиям (отсутствие письменности) и невозможно. Большинство из них должно быть приурочено к XVIII столетию.

Право собственности по русскому праву определяется наукой в соответствии с 420 ст. I ч. X тома как законное господство лица над вещью, в силу которого лицо может ею владеть, пользоваться и распоряжаться (проф. Мейер И. Русское гражданское право, изд. 8, стр. 249 и решение гражданского кассационного департамента правительствующего сената за 1871 г. №№ 1219 и 25 и 1879 г. № 1334). В этом определении заключаются 4 признака: господство над вещью должно быть: 1) законно и состоять в совокупности прав, 2) владеть, 3) пользоваться и 4) распоряжаться вещью. Попробуем доказать наличность всех этих данных в землевладении горцев Нальчикского округа.

Землевладельцы Нагорной полосы Нальчикского округа господствуют над принадлежащими им участками земли законно. «Насколько несправедливо было бы лишить права собственности и покоренного европейца, доказывающего свое право на землю документами своего бывшего государства, настолько же несправедливо требовать актов, устанавливающих собственность, от бывших подданных таких государств, где таких актов нет и где все землевладение зиждется на обычном праве, фактически, однако, строго соблюдаемом.

Право собственности на землю составляет краеугольный камень экономического развития населения, и нарушать его, хотя в интересах фиска⁴, невозможно. Добросовестное продолжительное владение по нашим законам приравнивается к собственности и подлежит охране. Заставлять ныне беков Дагестана и землевладельцев Карской и Батумской областей доказывать права собственности на их земли было бы недостойным русского правительства...».

Строки эти, взятые из всеподданнейшей записки по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова-Дашкова (см. записку, стр. 57), могут быть буквально приложимы и к нам. Если под законность господства над землю понимать исключительно наличность крепостных актов или актов, совершенных при посредстве органов государственной власти или даже вообще письменных актов, то тогда, конечно, никто из них не может быть признан законным обладателем земли, перешедшей к нему по наследству от 10 и более поколений его предков. У нас

не было государственности и не было, как нет на нашем родном языке и сейчас, письменности. Требовать от нас наличности письменных актов на землю, значило бы совершать, по меткому выражению цитированной записки, действие, недостойное русского правительства. Но если наше господство над землей не было основано на письменных актах, то все же оно опиралось на правомерный принцип: соответствие нормам обычного права.

Игнорировать обычай в разрешении земельного вопроса народов, лишенных государственности, а следовательно, и норм положительного права, конечно, нельзя, что понималось и русскими властями при всех попытках их выяснить земельные отношения туземцев Кавказа. В частности, это понималось ими всегда и по отношению горских обществ Нальчикского округа (см., например, § 1 инструкции, объявленной в приказе по Кавк. воен. округу 1906 г. за № 113).

Роль обычая по вопросу о признании за горцами прав собственности на земли ясно выражена, например, в журнале Кавказского комитета⁵ 23 декабря 1869 г. Кавказский комитет, заслушав записку военного министра по предложениям его императорского высочества, главнокомандующего Кавказской армией о распределении земель Большой Кабарды, в п. 6 журнала за этот день доложил, что «частная собственность на землю должна быть признана за теми жителями Большой Кабарды и горских обществ, которые на право владения представляют в известный срок удовлетворяющие народному обычаю документы». Значение народного обычая в разрешении вопроса о наличности в данном случае права собственности высказано с достаточной отчетливостью и только самое требование непременно письменных документов не состоит в соответствии с обычаем горцев. Такого требования обычай не выставляет, а по отсутствию письменности и не мог выставлять.

Документы, удовлетворяющие народному обычаю, предъявлявшему к ним только одно требование, присутствие в известном количестве свидетелей — незаинтересованных, пользующихся доверием лиц могли быть у владельцев земель только по исключению и относились почти все к позднему сравнительно времени — первой половине XIX столетия, касаясь при этом одного лишь способа приобретения земель — путем купли. Что же касается других, основанных на обычаях способов приобретения господства над землей, как то: перехода по наследству, выдела сыну от отца, дара, платы за кровь и в калым, то они стали оформляться на письме только в самое последнее время — по учреждении горских словесных и сельских судов. Итак, все, что обычаем в этой области требовалось, заключалось в приобретении земли одним из предусмотренных обычаем способов от лица, владевшего данным участком тоже, с точки зрения норм обычая, правомерно. Форма, в которой совершалось это приобретение, была словесная, но происходила в торжественной, обычаем регламентированной, обстановке. Приглашались свидетели, в присутствии которых тот, от которого земля переходила, говорил обыкновенно, что кля-

нется («тоба болсун») в том, что участок такой-то передается им такому-то добровольно и с желанием.

При этом надо заметить, что все земельные участки в горах (пастбищные, покосные, лесные, сабаны и биченлики) имеют свое собственное название, известное в горах с незапамятных времен каждому горцу, причем границы всех этих древних участков определены так точно, что по общему правилу спора о них и возникнуть не может. Если же передавалась часть старинного участка, не имевшая еще собственного имени и общеизвестных границ, то происходило выделение этой части на самом участке, с проведением межи и с соблюдением правил, о которых будет сказано ниже.

Переходя теперь к разбору отдельных способов приобретения прав господства над землею, установленных обычаем горцев Нальчикского округа, остановимся на этом отделе лишь на наследовании, отнеся остальные в IV отдел (право распоряжения).

Можно без преувеличения сказать, что в подавляющем числе случаев право господства над землею возникло в горах Нальчикского округа по праву наследования. Каждый участок, в чьих бы руках он теперь ни находился и как бы ни перешел к своему владельцу, можно ясным и бесспорным для всех горцев путем провести через цепь посредствующих владельцев к владельцу, получившему его по наследству от ряда предков, во многих участках можно указать, в качестве владельцев, последовательный ряд поколений, в 6 и больше, владение которыми данным участком кем-либо ознаменовалось и потому запечатлелось в народной памяти. Далее, конечно, может существовать уже догадка, что и этот отдаленнейший достоверный владелец получил участок по наследству от предков. По-горски это называется «Аталадан калганды» — «осталось от отцов». Способ первоначального завладения родоначальниками той или другой фамилии данным пастбищем или покосным участком не сохранился, за отдаленностью событий, в памяти народной, кроме случаев сравнительно позднейших завладений, к таким относится, например, завладение Чепелеу Урусбиевым, переселившимся с подвластными и крепостными лет 200 тому назад из Безенги (Урусбиевы — ветвь безенгиевских таубиев Суншевых) на Баксан и занявших верхнюю часть Баксанского ущелья, никем, по уходе оттуда Крым-Шамхаловых в Карачай, в то время не занятую⁶. Ясно, что при таком значении для горского земельного быта наследования, оно должно было быть особенно точно нормировано обычаем. Ко времени приблизительно освобождения в горах крестьян от крепостной зависимости, т. е. к концу 60 годов XIX века, совершился переход от наследования по обычаю (адату) к наследованию по шариату. Но нас, конечно, должно интересовать только наследование по обычаю. Вот основные принципы и главные характерные черты горского наследования земель.

Женский пол от наследования отстраняется (со времени утверждения шариата наследовать вообще, и в частности землю,

стали и женщины). Наследуют сыновья, при отсутствии их – братья. Ближайшие степени родства устраняют дальнейшие. Лица, состоящие в равных степенях родства, наследуют в равной мере, кроме старшего и младшего из сыновей. Впрочем, прибавка на долю их редко передавалась землей. Права представления не существовало, потомство сына, умершего раньше отца, лишалось права на наследство. Обстановка раздела земли, раз наследники решили ее делить, была следующая: выбиралось несколько близких, старших по возрасту родственников или лиц вообще почетных, пользующихся доверием лица, которые и назначали, кому из наследников, какой из вошедших в состав наследства участков земли, поручить разделить на соответствующее число наследников число равных частей. Затем наследники выбирали себе в каждом участке в известном порядке часть, причем тот, кто делил данный участок, получал тоже часть, которая оставалась не взятой остальными (стимул для правильности раздела). Но раздел часто не происходил на протяжении нескольких поколений; тогда ввиду того, что совместное пользование, при отсутствии границ особенно, когда число совладельцев было велико, представляло много неудобств, доли некоторых из них переходили к одному, двум или трем совладельцам в собственность (продавались) или во временное пользование (на бегендном или арендном праве).

II. Право владения.

Наш закон (I часть X тома) не дает нигде определения понятия владения, как элемента права собственности, решением же гражданского касац. департамента правительствующего сената 1878 г. № 93 установлено, что под владением в применении к недвижимой собственности нужно понимать право исключительно пользоваться поверхностью земли с возведенными на ней строениями и недрами. Существенным для характеристики права владения является в этом определении признак его исключительности. Эта исключительность, в силу которой только лицо правомочное, являющееся, по взгляду на обычай, собственником данного участка, имеет право на обладание им, было в высокой степени присуще горскому земельному быту.

Случаи посягательств на чужое владение были в древнее время так редки, что можно найти лишь несколько примеров, характеризующих отношение горцев к этому признаку собственности по русскому праву. Материал для одного примера дают старинные исторические песни чегемских горцев, повествующие о следующем: когда-то в очень отдаленные времена в пастбищной части участка «Мюллюшко», именуемой «Нуклён» и принадлежащей таубиям Балкароковым, с разрешения последних пасли стада баранов чегемцы Кетенчиевы. Сильная по своему влиянию в Чегеме семья Рачикауовых, явившись в «Нуклён», выгнала оттуда Кетенчиевых с их стадом, заявив, что хочет сама пользоваться этой землей. Последствием этого было уничтожение в местности «Гес-тенты», ныне принадлежащей Асланбеку Кучукову с братьями и Муссе Барасбиеву, – Рачикауовых – братьями Келеметом и Ачах-

матом Балкароковыми, по отношению к которым современные нам Балкароковы находятся в 6-м колене⁷.

Другой пример относится уже к позднейшим временам. К участку «Кашкатау», находящемуся в обладании узденей Мамашевых, предъявляли издавна претензии таубии Келеметовы. Последняя попытка Келеметовых, явившихся на участок «Кашкатау», нарушить владение Мамашевых, относится к 1870 г. и повела к вооруженному столкновению между Мамашевыми и Келеметовыми, во время которого Хили Келеметов убил Измаила Мамашева, после чего Мамашевы стали владеть «Кашкатау» спокойно.

В доказательство же факта признания права за нами и русскими властями, представляем копию с копии предписания управления начальника Нальчикского округа от 10 марта 1906 г. за № 3365, где говорится, что дознанием начальника 2-го участка выяснено, что лесная дача в местности «Карасу» оказалась состоящей во владении Джанхотовых, почему и отказано общественным доверенным в просьбе их о приостановлении рубки там леса⁸.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о границах. Понятно, что исключительность владения землею подразумевает полную определенность границ этой земли. И в горах Нальчикского округа так и было! Границы древних участков составляли факт общеизвестный. Границы последующих разделов проводились в присутствии свидетелей и обозначались кучами камней, отметками на больших местных камнях (таврием), сложенными стенками, закопанным в землю углем или приурочивались к природным линиям — ручьям, рекам, вершинам горных хребтов.

Вследствие отсутствия письменности и планов на землю вопрос о границах должен был особенно волновать землевладельцев; поэтому было в обычае, чтобы старики передавали более молодым то, что они сами знали о границах земель (безотносительно к тому, кто являлся собственником этих земель), а проезжая по этим землям, указывались бы границы их и на месте. В случае, если спор о границах все-таки возникал, таковой разрешался (до прихода русских) или в судах «Тёре» (о них см. ниже), или третейским судом. Как к крайнему средству, по согласию сторон, прибегали к следующему приему: одна из заинтересованных сторон, обнажив одну из половин своего тела (руку и ногу) произносила клятву, говоря: «Пусть отсохнет у меня рука и нога, если я покажу границу неправильно». После этого она проходила по линии, которую считала за границу. Насколько у населения была сильна вера в святость подобной клятвы, видно из того, что, по словам преклонного старика Тенгиза Суншева, в детстве он видел безенгиевца Эбу Рахаева с отсохшей рукой, про которого ему говорили: что рука у него отсохла после того, как он обманно провел, дав клятву, границу.

III. Право пользования.

Под правом пользования русское гражданское право (ст. 424 и 425, I части X т.) понимает употребление вещи для удовлетворения каких-либо потребностей. Пользование горцами, принадле-

жащими им пастбищными и покосными участками заключалось в употреблении их для надобностей скотоводства, т. е. выпаса скота и заготовления сена. Для того, чтобы привести эти участки в состояние, в котором они сделались бы пригодными к употреблению их для целей скотоводства (главным образом, конечно, для сенокосения), владельцам многих из них пришлось вложить в них много труда. Приходилось очищать эти участки от камней, проводить оросительные каналы и дороги, строить мосты, каменные коши на летних пастбищах и каменные скотные дворы на зимовниках. Такими искусственно орошаемыми покосными участками в горах Нальчикского округа являются, например: участок «Былым», принадлежащий Балкароковым и другим, «Хасты», принадлежащий Кучуковым, «Джигат» – Барасбиевым, «Камык» – Урусбиевым, «Хустос-Юрт»⁹ – Барасбиевым, Мамашевым и Тебо Кудаву, «Беккам» – Суншевым и др.

IV. Право распоряжения.

Право распоряжения заключается в праве прекращения и разъединения права собственности – навсегда или на известное время (проф. Мейер. Русское гражд. право, изд. 8, стр. 203 и ст. 541 I части X том. св. зак.). Это право в земельном быте горцев Нальчикского округа проявилось в следующих институтах: 1) бегенды, 2) аренды, 3) выдела наследства, 4) дара, 5) платы за кровь, 6) калыма, 7) продажи, 8) перехода по договору и 9) товарищества, «нёгер», состоящего из безземельного скотовода и скотовода-землевладельца, где один давал рабочую силу, а другой – землю, и оба вели совместное хозяйство.

1) Бегенд¹⁰ – институт, существующий в данное время из всех кавказских народов лишь у горцев Нальчикского округа и единоплеменных им карачаевцев. Заключается он в том, что лицо, нуждающееся в известной сумме денег (в древности в известном количестве скота), передает определенный участок земли в пользование лица, ссужающего его той суммой до тех пор, пока он или его потомки, или кто-либо из родственников его не вернет взятую сумму. Отношения по бегенду переходят по наследству. Для уяснения юридического бытия бегендных отношений необходимо сказать раньше вообще о тех правах, которые, кроме фактического собственника земли, имеют на нее в известных случаях все члены одного с ним рода, а иногда даже и лица других родов. Проявляются эти права в тот момент, когда собственник, осуществляя свое право распоряжения, отчуждает участок навсегда или на время и притом за известное вознаграждение (продажа, бегенд, аренда). В этих случаях члены одного с ним рода в последовательности, соответствующей степени близости родства их к отчуждателю, получают право, уплатив чужеродцу заплаченную им сумму, взять на тех условиях участок на себя. Нетрудно видеть, что это почти в точности соответствует праву выкупа членами рода родовых имуществ, перешедших к чужеродцам, установленному русскими законами (1346 и последующие статьи свода законов гражданских т. X) и составляет лишнее доказательство существования

у горцев института, вполне аналогичного праву собственности по русским законам. В случае же, если бы никто из членов рода купить участка не пожелал, то право выкупа переходит к владельцу смежного с отданным в бегенду или проданного участка. По смерти собственника находящегося в бегенде участка земли, каждый из его сыновей, кроме принадлежащего всем членам рода права, уплатив чужеродцу всю сумму займа, получает участок целиком, получает еще право, в чьих бы руках участок ни находился, выкупить ту часть его, которая приходится ему на долю.

Что же касается до наследования бегендного права на участок, находившийся в бегенде у наследодателя, то такое разделение не подлежало, а обыкновенно один из сонакладников, уплатив другим их наследственные доли в уплаченной наследователем за участок сумме, брал весь участок на бегендном праве себе. Бегенд крайне развит в горском земельном быту. Есть примеры состояния участков в бегенде по сотням лет. Так, участок «Актопрак-чегет» отдан 5 поколений тому назад вымершей линией Балкароковых – Тазиевых Гочаевым за семь коров. Можно указать случаи, сохранившиеся в памяти нашего народа, выкупа находившихся в бегенде участков по истечении многих лет с момента отдачи их в бегенд. Так, участок «Логумуса» (покос и пастьба, в Чегеме) был отдан Джашау Калабековым в бегенду Тутару Гыллыеву за 200 рублей; у Тутара Гыллыева участок был выкуплен, по праву единородства с собственником, Гонай Хаджи Калабековым, у которого выкупил уже внук лица, отдававшего в бегенд, т. е. Джашау Калабекова – Солтан-Хамид Калабеков.

2) Аренда встречалась и встречается поныне не так часто, как бегенд. Благодаря отсутствию больших земельных излишков, а главным образом благодаря обычаю «нёгер».

В последние 50 лет арендная плата стала братья деньгами, раньше же, до сближения с русскими, бралась натурой – баранами, молоком. Например, девяностолетний старик Тенгиз Суншев (Безенги) помнит, что при жизни его отца Кази Суншева за аренду принадлежавшего его отцу пастбища «Джора» арендаторы платили все молоко с пасшегося на нем рогатого скота и из 100 пасшихся баранов – два барана в год.

Как пример аренды, соприкасающейся с бегендом, при сем представляем копию с копии акта, означенного «от Балкарского сельского правления 6 июля 1879 г. за № 47 об отдаче Пшемахо Джанхотовым своему односельцу Джангуразову в аренду по горскому обычаю» своего пастбищного (именно пастбищного, а не сенокосного даже – это важно) участка земли.

3) Выдел наследства сыну в земле при жизни отца практиковался редко, но устанавливался для сына, которому участок был выделен, право собственности на него, как это видно из следующего примера. Кази Балкароков в Чегеме, дед современника нашего Дадаша Балкарокова, выделил при жизни своей отцу Дадаша, а своему сыну Докшуко часть участка «Кала-кол». Кази пережил Докшуко. По смерти Докшуко Кази пожелал вернуть выделен-

ную часть участка «Кала-кол», говоря, что она была отдана Докшуко на бегендном праве, а не в собственность. Но Нальчикский горский словесный суд в 1879 г. признал наличность выдела, и на этом основании земля была передана Дадашу Балкарокову, который в противном случае не имел бы никаких прав на этот участок, так как отец его Докшуко умер раньше своего отца Кази.

4) Дарение земли в старину встречалось часто, в последнее время по причинам экономического характера стало довольно редким. Как на пример можно указать факт перехода как дара части участка «Кала-кол» (в Чегеме) от Биаслана Балкарокова к Тагиру Афашокову, каковой землей в данное время владеют сыновья Тагира: Тюкбаш, Датту и др. Афашоковы.

5) Плата за кровь землю была одним из способов избежать кровной мести со стороны родственников убитого. Самой почетной платой за кровь, в случае согласия на примирение, считалась земля. Какой именно участок из принадлежавших убийце или его ближайшим родственникам желали получить родственники убитого, указывали, обыкновенно, они сами. Примеры платы землей за кровь:

а) Актуган Балкароков в Чегеме, 6 поколений назад, убил кабардинца Камгута Отманова, за что был отдан участок «Кочхарташ» (часть его оставалась у Балкароковых и находится в руках этой фамилии и по сие время). Отмановы продали его князьям Атажукиным, продавшим его в свою очередь чегемцам Ахматовым, владеющим им и в наши дни;

б) Мисост Суншев (в Безенги) 7 поколений назад убил Али Абиева (балкарца)¹¹, за что заплатил Абиевым 3 сабана, в том числе «Безюланы-сабан», и 2 семьи крестьян Мечуевых и Джатчиевых¹².

6) Отдача земли в калым (плата за жену) – сравнительно редкая форма осуществления права распоряжения в горах Нальчикского округа. Как на пример можно указать на отдачу хуламским таубием Иса Шакмановым чегемскому таубию Тербулату Кучукову в калым за жену свою Эркя-ханум Кучукову участка «Огары-Хасты» в Чегеме, каковым участком в настоящее время владеют внуки Тербулата – 60-летний Аслангерий и Сафарали Кучуковы.

7) Продажа земель практиковалась, конечно, часто. Здесь укажем на следующие факты:

а) Кучуком Барасбиевым, отцом 70-летнего старика, современника нашего Кубади-Хаджи Барасбиева, был продан участок (кишлык)¹³ «Никкола» чегемцу Геля Кучиеву, сын которого, Касай Кучиев, владеет им и сейчас;

б) Али-Мударов Балкароков продал участок (кишлык) «Джууунгу» чегемцу Курману Чегембаеву, сейчас владеет им сын Курмана-Догун Чегембаев.

Кроме того, при сем мы прилагаем в засвидетельствованных копиях девять документов о различных продажах земель, а именно:

1) от 20 рождана 1248 года по арабскому летоисчислению о продаже кабардинцем Смаилом Шавчен-оглы (Шогеновым) участка земли под названием «Кесанты» Чегемским таубиям Каншау и

Эдыку Кучуковым. В этом документе интересно и важно, как точно показаны в нем границы продаваемого участка, а это подтверждает наше указание о существовании у нас в горах участков под особыми названиями с определенными границами;

2) от декабря 1859 г. о продаже земли князем Атажуко Атажукиным под названием «Кочкарташ» Шемуху, Касану, Таусултану, Мирзабеку, Арсланбеку и Заурбеку Ахматовым также с указанием границ;

3) акт с удостоверениями на нем помощника начальника округа от 3 октября 1869 г., выданный кабардинским окружным народным судом 16 сентября 1869 г. за № 2214 о продаже земли Магометом Суншевым Умару Жабоеву;

4) свидетельство от 7 июля 1882 г о продаже участков покосной земли под названием «Сухан-Кишлык» от Тенгиза и Магометмурзы Шахановых Хаджи Хамурзе Шаханову же, со ссылкой на правила и обычаи, существующие в горских обществах и с указанием, что покупщику представляется «полное право пользования и потомственного владения этою землею» (ср. примечание I к 420 ст. X т. I ч., где потомственное владение приравнивается собственности);

5) запродажную часть от 29 августа 1887 года о продаже Тенгизом и Магометмурзою Шахановыми родового такого места под названием «Индыр» в указанных границах своему родственнику Таукану Шаханову «в вечное потомственное владение»;

6) от 21 мая 1886 года о продаже Анзором и Заурбеком Айдебуловыми «в собственность» приобретенных ими в свою очередь покупкой у Карабаша Атабиева участков земли под названием «Бийле», находящихся в Хуламском обществе;

7) от 31 декабря 1889 г. о продаже Умаром Суншевым, еще за 25 лет до того, собственного своего пастбищного участка земли (значит, частную собственность составляли и продавались и пастбищные участки) под названием «Сагустаин» несколькими Жабоевым, причем в акте опять указаны границы участка;

8) от 1827 года о продаже участка в определяемых границах и с указанным названием (Метхам-ах-матак) от некоего Хатахшуко Хатахжуковичем Алову Бековичу и

9) явленный в кабардинском окружном народном суде 28 апреля 1862 г., записанный в нем в книгу под № 24 акт о покупке Хамурзой Шахановым покосного места у жены Карабаша Шакманова. Продажа земель, впрочем (и именно кышлыков, жайлыков), так часто практиковалась и в памяти народной сохранилось столько ее примеров, что вряд ли нужно особенно доказывать наличность ее в горском земельном быту¹⁴.

8) Кроме того, были случаи **перехода участков по договорам** вне указанного выше порядка. Как на пример можно указать на следующий факт: холопку узденя Ахматова, по имени Чака, увез самовольно, без согласия его владельца, крестьянин Магомета Шакманова, деда нашего современника 50-летнего Шакманова (в Хуламе) Джантуев. Согласно обычаю, потомство, произошед-

шее от Чака, должно было составлять собственность ее владельца Ахматова. Однако Шакмановы не пожелали вернуть произошедшее от Чака потомство Ахматовым, вследствие чего по соглашению вместо крестьянской семьи отдали им участок кышлык «Мысты кам» в Чегеме, находящийся и в настоящее время в руках внуков Али Ахматова и других Ахматовых.

9) Обычай «нёгер» — товарищество — весьма древнего происхождения, он представляет собой большие удобства горцам: дает товарищам в их взаимных отношениях по хозяйству возможность обходиться без денег, меняясь услугами по известным установившимся нормам. При составлении товарищества — товарищ-безземельный, сообразно количеству своего скота и, опираясь на существующую обычную норму, дает товарищу-землевладельцу бесплатно нужное количество косцов, пастухов, соли для скота, баранов на мясо и муки для рабочих. Товарищ-землевладелец принимает его с хозяйством на свою землю бесплатно, так как получает даром столько рабочей силы, сколько требуется для его, землевладельца, хозяйства, равного по размеру хозяйству товарища-безземельного¹⁵. Этот обычай очень распространен, с успехом практикуется, и в настоящее время есть роды, между которыми «нёгер» существует десятки лет непрерывно (например: землевладельцы Балкароковы с безземельными Атакуевыми, землевладельцы Мамашевы с безземельными Мечиевыми, землевладельцы Кучуковы с безземельными Доттуевыми, землевладельцы Барасбиевы с безземельными Бапинаевыми и землевладельцы Келеметовы с безземельными Макитовыми).

В пределах горских обществ есть такие участки покосной и пастбищной земли — кышлык и жайлык, которые в прежние времена были проданы горцами землевладельцам-кабардинцам и которыми последние владеют по настоящее время.

Примеры: князь Касай Атажукин, прадед нашего современника князя Адильгерия Атажукина, купил «кышлыки»: участок «Перк» у Барасбиевых, участок «Хунук-бават» у Кучуковых, участок «Сарытюз» у Балкаровых и участок «Алмалы» у Аккиевых, которыми владеет в настоящее время князь Адильгерий Атажукин.

Интересно, что в представленном в канцелярию заместителя его императорского величества на Кавказе 28 апреля 1905 г. за № 1163 журнале совещания податных инспекторов по вопросу поземельного обложения в Терской области, т. е. в официальном документе, исходящем от официальных лиц, прямо признаны и тем как бы удостоверены многие положения настоящего объяснения. Так, там говорится, между прочим: «В горах есть участки, находящиеся во владении отдельных лиц и родов, и хотя нет никаких крепостных актов, удостоверяющих право собственности, владельцы этих земель осуществляют все права собственности. Земли переходят по наследству, продаются и покупаются, отдаются в аренду и в заклад (бегенд), права владения признаются и судебными установлениями, присуждавшими убытки за поправу и порубки, восстановивших владельцев в правах нарушенного владе-

ния (нарушенного, например, со стороны даже государственных имуществ). Для разрешения собственного податного вопроса, по мнению присутствия, достаточна наличность данных, удостоверяющих, что известные земли находятся в фактическом частном владении и притом бесспорном, в смысле отсутствия каких-либо претензий на них со стороны сельских обществ, нередко даже арендующих такие земли у их владельцев».

И далее: «...институт частной собственности у горцев создан не только на почве сословных привилегий, но, прежде всего, путем искусственного создания культурных участков, упорным трудом целых поколений отвоевываемых у дикой природы края. Собственность эту ревниво и зорко оберегает обычное право, и народ повсеместно ее уважает и искони признает. В общинном пользовании состоят лишь земли неудобные и пастбищные, пахотные же и сенокосные участки, т. е. вообще все земли культурные, представляют частную, фамильную (подворную) собственность, осуществляемую во всем ее объеме; эти земли свободно продаются и покупаются, отдаются в залог, в калым, уплату за кровь, и ничему этому отсутствие крепостных актов не мешает, ибо естественное течение жизни не может быть остановлено никакими формальными запрещениями».

И ведь все это было высказано гг. податными инспекторами после того, как они ознакомились с земельными отношениями нашими на месте, из первых рук фактически. Ясно поэтому, как важно вынесенное ими из такого знакомства убеждение, что «в горах есть участки, находящиеся во владении отдельных лиц и родов, и хотя нет никаких крепостных актов, удостоверяющих право собственности, владельцы этих земель осуществляют все права собственности» и что «собственность эту ревниво и зорко оберегает обычное право, народ повсеместно оберегает ее, уважает и искони признает». Для удостоверения правильности приводимых цитат, мы покорнейше просим истребовать от канцелярии наместника Кавказского копию упомянутого журнала совещания.

Нам осталось остановиться еще на нескольких вопросах, возникших попутно при предыдущем изложении:

1) Каким образом до водворения русской власти и учреждения судов (городских, сельских и общих) разрешались споры о земле, неизбежно, конечно, возникавшие?

2) Нет ли участков земли, приобретенных в той или иной форме от кабардинцев?

1. На первый вопрос надо ответить, что споры о владении, пользовании и распоряжении землей разрешались в существовавших во всех горских обществах судах «тёре»¹⁶. Тёре состояли из 5–7 (вообще нечетного числа) судей, назначавшихся выборным «уоли» (валием), которым бывал, обыкновенно, старейший и влиятельнейший из таубиев. Особенное положение занимало Балкарское тёре: по всем наиболее важным уголовным и гражданским делам обращались к нему, для чего ездили из других обществ в Балкарское. Однако компетенция Балкарского и местных тёре не

была строго разграничена: от заинтересованных сторон зависело и по важному делу обратиться, не ездя в Балкарию, к своему тѣре. Кроме того, в большом ходу были третейские суды.

С момента же появления в крае русских земельные споры стали, понятно, разрешаться в русских правительственных учреждениях, административных и судебных. Вот копии с некоторых относящихся сюда документов (первый из них относится ко времени, предшествовавшему появлению русских, остальные относятся к XIX столетию).

1) Надписи на камне, найденном в развалинах фамильной башни Гиргоковых в Хуламском обществе выше селения Схуру, о споре «из-за земель, по которому сделали тѣре» (как сказано в этой надписи)¹⁷;

2) копия с копии журнального постановления кабардинского окружного народного суда от 8 июня 1867 г. за № 132 о присуждении земли Дагот (Догуат. – Т. Б.) в потомственное владение Хату и Смаила Мисаковых¹⁸;

3) копии с решения Нальчикского горского словесного суда от 10 декабря 1873 г. за № 313 о разборе спора из-за леса в местности под названием «Зеркле», которую сами общественные доверенные признали принадлежащей фамилии Бекановых¹⁹;

4) копии акта кабардинского суда от 4 декабря 1849 года, утвержденного 9 декабря 1849 года начальником центра Кавказской линии (самая копия засвидетельствована 8 ноября 1907 года Чегемским сельским правлением за № 1280) на владение Кучука Барасбиева участком земли на «Кесанты»²⁰;

5) копии переписки по рапорту исправляющего должность балкарского и других горских народов пристава штабс-капитана Масловского начальнику бывшего центра Кавказской линии от 12 августа 1857 г. за № 130 о том, что начальник центра по жалобе подпоручика Кучука Барасбиева на Исмаила Куденетова, занявшего самовольно принадлежащее ему более 20 лет покосное место, приказал кабардинскому временному суду запретить Куденетовым косить сено на этом участке, но что это приказание до сих пор не исполнено, при каковом рапорте представлено было и шариатское разбирательство, сделанное эфендием Али в 1851 году²¹;

6) Копию сказанного шариатского разбирательства от 18 июля 1851 года, о земле под названием «Хустаж-Дурт»²² и

7) копию акта кабардинского временного суда от 12 февраля 1864 года, утвержденного 12 февраля 1876 года генерал-майором князем Голицыным, по спору Кучмазукиных, Бичехоковых и Хатуховых за проданную землю князем Атажукиным Наурузовым Чегемскому старшине Кучуку Барасбиеву. Там сказано, что земля эта имеет определенные границы и на нее Барасбиев имеет акты и что в результате «земля остается у Барасбиева во всей полноте как собственность его»²³.

2. Относительно земель, приобретенных так или иначе от кабардинцев, нужно сказать, что по исследованию почти все эти земли оказывались приобретенными раньше самими кабардинцами от

горцев. Так, например:

а) участок «Лыбарда» (в Чегеме) куплен Келеметовыми у Атажукиных, Атажукины же получили его три поколения назад от той же фамилии Келеметовых как плату за кровь убитого Келеметовыми крестьянина Атажукиных – Атакуева;

б) участок «Кочхар-таш» куплен Ахматовым у Атажукиных, которые приобрели от Отмановых, получивших эту землю от Балкароковых за кровь убитого Актуганом Балкароковым Камгута Отманова.

Вот данные, которые мы, землевладельцы Нагорной полосы Нальчикского округа, считали необходимым привести для выяснения оснований, на которых мы владеем землей и владели ею наши предки и которые, составляя факты общеизвестные, могут быть нами подтверждены показаниями любого числа свидетелей из горцев и из соседних нам народов: кабардинцев и сванетов.

Свидетельскими показаниями, руководствуясь обычаем, можно установить события, совершившиеся за последние полутора столетия. Современные нам 90-летние старики (которые не редкость) передадут нам слышанное и завещанное им столетними стариками в то время, когда им – нашим современникам – было 20 лет, а так как старики могли им говорить и о событиях, относящихся к их двадцатилетнему возрасту, то таким образом воскрешают и восстанавливаются события, совершившиеся 150 лет тому назад. По обычаю, показание двух свидетелей, повторяющих слова благонадежного очевидца, принимается за показание одного очевидца, что называется «тажге-шахат»²⁴.

Правительствующий же сенат, разъясняя в решениях гражданского кассационного департамента за 1879 г. № 202 и 245 и 1873 г. № 615 аналогичную с приведенной 533 статьей 557 т. X. ч. I, высказался, что давность есть один из законных способов приобретения права собственности, причем в кассационных же решениях за 1884 г. № 107, 1879 г. № 67 и 1878 г. № 47 выражено, что для приобретения по давности требуется только факт владения, безотносительно к способу приобретения владения, и закон не требует, чтобы давностное владение основывалось на каком-либо акте укрепления (об этом см. еще кассационные решения 1876 г. № 28 и 1867 г. № 854), а равно не требуется и законного основания владения (кассационные решения 1884 г. № 107 и 1882 г. № 50). Кроме того, надо заметить, что, как разъяснял уже тот же правительствующий сенат (см. решения гражданского кассационного департа. за 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449), давностное владение превращается в право собственности само собою, не нуждаясь в судебном признании за владельцами права собственности. Наконец, в кассационных решениях 1881 г. № 154 и 1880 г. № 41 выяснено, что когда владение переходит от одного владельца к другому по наследству или по иному основанию, то в этих случаях существует преемство владения и сохраняется его непрерывность – одно из необходимых условий для превращения владения в собственность, т. е. факта в право.

Должно заметить еще, что, исследуя землевладение в Нагорной полосе Терской области, нельзя увлекаться тем, что свидетели или вообще опрашиваемые о нем лица говорили или будут говорить все только или преимущественно о «владении», не употребляя, или, быть может, редко употребляя, термин «собственность». Ведь недостаток или неточность терминологии в этом отношении присущи даже нашим законам, как это в законе же и признано. А именно в примечании к 420 ст. X. т. ч. I св. зак. гр. говорится, между прочим, что «право собственности на недвижимое имущество в законах часто означает... под именем вечно-го потомственного владения и что в сем смысле и лицо, имеющее право собственности, именуется владельцем».

Важнее и даже единственно важно только то, что все три права, из которых составляется сложное понятие права собственности, как белый солнечный луч из цветных, налицо и у нас в горах. Владение, право владения, несомненно налицо – и оно постоянно охраняется хотя бы постановлениями Нальчикского горского словесного суда, учрежденного правительством же в случаях нарушения его самими горцами и искания в общих или мировых судах при нарушениях его посторонними лицами, не горцами.

Без права пользования не было бы, не могло бы быть отдачи земель в аренду, которая, однако, практикуется же у нас, и это не может отрицать и комиссия, между тем отдача в аренду – есть, несомненно, передача пользования имением, передавать же можно только то, что есть, следовательно, хозяин, отдавая землю в аренду, передает принадлежащее ему право пользования другому. Наконец, описанный выше бегенд знаменует собою право распоряжения, ибо без последнего не могло бы существовать и первого, так как нетрудно видеть, что бегенд во многом аналогичен залогу с передачей имущества залогопринимателю, как это по русскому праву прямо установлено для залога или заклада движимости (1671 ст. X т. I ч.). А раз бегенд аналогичен залогу, то ее не могло бы быть без права собственности, ибо по силе прямо закона 1629 ст. X т. I ч. св. зак. гр. «отдавать в залог можно только то имущество, которое принадлежит отдающему по праву собственности». Итак, все три права: владения, пользования и распоряжения налицо и в наших отношениях к занимаемым нами землям, а **длятся** уже давно, давно же превратились и в собственность, не нуждаясь для этого, как выше оказано, в судебном признании (кассационные решения 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449). Посмотрим же теперь, как обрисовывается наш земельный быт по трудам комиссии.

Прежде всего, надо констатировать, что комиссия, пришедшая к выводу о непризнании в нас собственников находящихся в нашем владении земель, в фактической части своих трудов, где ею излагаются основы нашего земельного быта, подтверждает почти дословно, за немногими, впрочем, исключениями, все то, что сказали мы выше, доказывая наличность в нашем отношении к земле всех элементов права собственности, требуемых русским

законом. Мы оговорились, что исключения все-таки есть, и сделали это потому, что сведения о нашем землевладении, сообщенные комиссией в главе «Формы землепользования» не вполне соответствуют действительному положению вещей. Мы имеем в виду следующие строки из главы «Формы землепользования» (см. стр. 38 «Трудов...»): «Затрата на создание таких искусственных почв (пашен и лугов) массы энергии, труда и времени, причем участки эти в большинстве случаев обносятся еще солидными каменными стенами, повела к тому, что в горных теснинах вся годная к утилизации площадь находится в подворном владении и считается неотъемлемою, по воззрениям горцев, обычною собственностью, находящеюся во владении семей, живущих под одной кровлей; обыкновенные покосы, пастбища стали, опять под влиянием топографии местности, достоянием не всего племени, а одного какого-либо рода, поселившегося вблизи этих угодий. По обычаю, на угодья, пастбищные и обыкновенные покосы существовало хуторно-заимочное право, на основании которого все дворы, входящие в состав одного рода, занимали эти угодья кошами, косили по мере надобности сено и пасли там свои стада; только леса составляли общие владения всех родов, осевших в одном и том же ущелье. Указанные аграрные порядки сохранились в пяти горских обществах и до настоящего времени; единственное изменение, которое произошло за последнее время, это то, что благодаря неуживчивости отдельных семей под одним кровом и происходящим вследствие этого частым семейным разделам, земельная собственность стала сосредоточиваться в руках отдельных пар или индивидуальных семей; кроме того, некоторые лица стали предьявлять права собственности на леса, прилегающие к их угодьям, в чем и имели некоторый успех, как, например, Урусбиевы, Женоковы, за которыми признано право собственности на некоторые лесные пространства».

В приведенной цитате неправильно, прежде всего, утверждение комиссии, что субъектом права собственности на землю у них является или двор (совокупность семей, живущих под одной кровлею), или род. Комиссия на стр. 39 утверждает, что субъектом права собственности является «дворовая община», представителем которой является старший по летам, а доказательством справедливости этого видит в том обстоятельстве, что «продажа имущества не может быть совершена без согласия всех членов семьи; даже если продажа и состоялась, то каждый из членов семьи может выкупить обратно имущество, возвратив покупателю уплаченную им сумму; то же право выкупа принадлежит и всем родственникам». Но согласие всех членов семьи на продажу земли — совершенно не требуется обычаям, и, утверждая это, комиссия делает фактическую ошибку, в которой ей нетрудно убедиться и самой. Ничего подобного у нас не существует и, вообще нет ни малейшего намека на то, что у нас в горах существует «дворовая община» как лицо юридическое. У нас не редки и ныне случаи совместного жительства братьев с их семьями под

одной кровлей. В этих случаях, живя вместе, они ведут общее хозяйство и имеют, пока не разделяются, общее имущество, в том числе и землю. Но имущество это, в том числе и земля, является их общей собственностью, в которой каждому из них принадлежит точно определенная доля и которую каждый из них волен во всякое время и отсудить, и потребовать выделить себе.

Если разделы не производились иногда на продолжении многих поколений, то это не потому, что по обычаю их нельзя было производить вследствие того, что земля принадлежала известной «дворовой общине» как лицу юридическому, а потому, что обоюдный интерес сособственников заставлял их предпочитать иметь долю в общей со своими родственниками собственности, чем получить известную долю в свое индивидуальное обладание. Что это так, доказывают факты выделения из наследственной массы одного из наследников, в то время как остальные продолжают владеть оставшеюся частью наследственного имущества сообща. Ниже, в главе «Объяснения на ведомость земельным участкам» мы дали много тому примеров, сейчас же укажем на один из них, а именно: на факт выдела Урусбия Суншева, сына Суюнча, в то время как потомство остальных его сыновей (Бийнегера, Амирхана и Жогуштока) продолжало владеть землями сообща до середины XIX столетия.

Нельзя привести решительно ни одного факта, ни одного соображения в подтверждение существования у нас «дворовой общины», как лица юридического. Выше мы дали уже юридическую характеристику обычая, обязывающего каждого горца, желающего продать землю, предложить предварительно купить ее всем своим родственникам (по отцу) и соседям, и дающего право всем этим лицам, особенно в случае, если предварительно о желании купить землю они не были спрошены, — выкупить эту землю. В обычае этом идет речь именно о праве на преимущественную покупку, а не о праве дать или не дать согласия на продажу. Не позволить продать — никто из этих лиц не может, он может, лишь купив сам, не позволить купить чужеродцу. Этот институт, как мы уже говорили выше, имеет много общего с правом выкупа родовых земель, о которых говорят ст. 1346 и последующие I ч. X т. Комиссия утверждает, что имуществом «дворовой общины» заведует старший по летам. Что понимать под этим заведыванием? Если комиссия хотела этим сказать, что старший из собственников общего имущества имел всегда большое влияние на то или другое заведывание им, то мы спорить не будем, если же приведенные слова надо понимать, как право старшего по летам собственника распорядиться имуществом по своему усмотрению, то это совершенно неверно. Сделать это он мог лишь со своей личной долей, например, продать, отдать ее в бегенд и т. п., но делать это могли и другие собственники.

Кстати, факт продажи принадлежащей в данном земельном участке данному лицу доли служит еще одним и весьма притом ярким доказательством того, что во всех случаях принадлежности

земли группе лиц, хотя бы и живущих под одной кровлей (обстоятельство юридически совершенно безразличное), мы и имеем дело с общей собственностью, а не с собственностью юридического лица. «Двор» горский ничем не отличается от обычной семьи; как и везде, глава семьи имеет известное имущество, на которое содержит свою семью. Если у него есть земля, полученная от предков или купленная, он волен делать, в пределах предоставленных ему обычаем прав, с этой землей все, что только пожелает. Остальные члены семьи помогают ему, конечно, извлекать из этой земли, как и из всего остального имущества, доход, но никаких самостоятельных прав на это имущество, в том числе и на землю, не имеют.

Не существует, в качестве субъекта права на землю, и «род». Нам положительно неизвестно ни одного случая, когда бы все дворы (опять дворы), входящие в состав одного рода, занимали эти уголья кошами, косили, по мере надобности, сено и пасли свои стада. В горах так мало земли, что подобное пользование ею, как общее правило, является прямо-таки невероятным. В ряду лиц известного рода всегда найдутся богатые и бедные лица, у которых много скота и у которых его почти нет.

Неужели эти последние допустили бы превратить свое право на известную землю в ничто? Нет, никогда не допустили бы! И вот в тех случаях, когда известный участок является общей собственностью ряда лиц, предположим, носящих одну фамилию, то те из этих лиц, которые не могут им лично пользоваться, или продадут свои доли, или отдадут их в бегенд, как постоянно и делают. А ведь все это было бы невозможно, если бы все члены рода имели право пользования участком «по мере надобности». «Родового» в нашем землевладении лишь то, что в огромном большинстве случаев земля переходила у нас по наследству. Составляя некогда собственность родоначальника, а от него перейдя в руки потомков, она подвергалась дроблению. Да еще все члены одного рода имеют известные права на преимущественную покупку и на выкуп всех земель, принадлежащих лицам одного с ним рода. Но те же права, как мы видели, принадлежат не только родственникам, но и собственникам смежных с продаваемым участком.

В приведенной выше цитате из трудов комиссии говорится, опять-таки, о разнице между владением «искусственными пашнями и лугами», с одной стороны, и «обыкновенными покосами и пастбищами» – с другой. В чем же, наконец, эта разница? Комиссия говорит, что субъектами права на первые являются «дворовые общины», а на вторые – «роды»... Мы же утверждаем, что это неверно, что субъектами права как на те, так и на другие являются определенные физические лица. Многими приведенными примерами мы доказываем правильность только что высказанного нами предположения – и нигде в трудах комиссии мы не встретили ни малейшего факта, подтверждающего правильность приведенного выше ее утверждения.

В другом месте «Трудов...» (стр. 309) комиссия говорит, что

у всех племен, обитающих в пределах нагорной полосы Терской области (следовательно, и у нас), усадебные, пахотные и сенокосные участки составляли собственность двора и являлись предметом гражданского оборота, и так как о том, что и другие земли, находящиеся в частном обладании, тоже служили предметом гражданского оборота, нигде не говорится, то можно думать, что остальные земли не продавались, не дарились и не закладывались. Однако вряд ли комиссия хотела этим сказать, что в горах Нальчикского округа принадлежащие частным лицам джайлыки и кышлыки не служили объектами гражданского оборота. Один и тот же обычай нормировал как право собственности на сабаны, так право собственности на покосы и пастбища. Итак, нет разницы и в этом отношении. Нет ее принципиально и в смысле количества положенного в них труда. Этот последний фактор отразился лишь на стоимости, цене тех и других, но никак не на существовании тех юридических отношений, объектами которых они являются. Но ведь по внешним-то признакам часто нельзя провести разницу между, например, «биченликом», не подлежащим изъятию от его теперешнего собственника, и «покосной землей» – должествующей, по мнению комиссии, быть признанной достоянием казны. По какому признаку эта разница должна быть проведена? По наличности искусственного орошения? Но ведь и многие из тех участков, которые комиссия считает «покосными землями», орошаются искусственно. Выше мы указали целый ряд их, а сколько таких, в которых искусственно орошаема известная часть участка!

В пункте I проекта о земельных правах (стр. 341 «Трудов...») выставлен еще один «трудоу» признак: «предварительная обработка посредством очистки от камней». Ну, если по этому признаку разграничивать биченлики (луга) от покосных земель, тогда у нас в горах Нальчикского округа нет совершенно покосных земель, а все биченлики (луга), и в таком случае, только пастбища и леса предполагается комиссией изъять от нас. Однако, по-видимому, комиссия в число земель, подлежащих изъятию из рук теперешних владельцев, включила целый ряд искусственно орошаемых и «повергшихся обработке посредством очистки от камней». Ведомость на стр. 61–66 «Трудов...» – красноречивое тому доказательство. Остается единственный признак – размеры, но вряд ли возможно базировать разрешение вопроса о признании или непризнании права собственности на известные земли на этом признаке.

Что же касается до утверждения комиссии, что первоначальное возникновение права собственности на те и на другие было различно, то этот довод мы обойдем молчанием. Относится он к фактам, совершенно несохранившимся в памяти народа, и при том, не все ли равно, как, в силу каких причин возникло право собственности на известные земли, раз оно существует в последующем непрерывно несколько столетий. Но если с данными, сообщенными в главе «Формы землепользования», пришлось не согласиться, то зато глава «Способы приобретения, перехода и

утраты прав на пользование и владение угодьями» почти не вызывает возражений. Неправильны лишь сведения о количестве отобранных в бегенд земель и данные, имеющие целью выяснить «основания, на которых владеют землями в горских обществах», которые помещены на 41 стр. «Трудов...». По этим сведениям выходит, что во всех горских обществах только 24 пастбищных участка находятся в бегенде и 23 пастбища приобретены покупкой и только 1 получено на эмчекском праве. Сведения эти, как будет видно из последующего, не соответствуют истинному положению вещей: пастбища и отчуждались, и закладывались так же часто, как и все остальные земли.

На стр. 53 «Трудов...» говорится, что в пределах земель горских обществ таубии владеют землей на тех же основаниях, что и лица других сословий, т. е. на основаниях, значит, указанных в главе «Способы приобретения, перехода и утраты прав на пользование и владение угодьями». Здесь непонятно только, в чем заключаются «исключения из общих оснований владений», отмеченные комиссией в ряде случаев владения таубиями участками, перечисленными на той же 53 стр. «Трудов...». Во всех этих случаях земля перешла к таубиям или покупкой, или по наследству, или в калым, или как выкуп при освобождении крестьян. Но все же эти способы приобретения прав на землю, кроме последнего, указаны и в главе «Способы приобретения, перехода и утраты прав на пользование и владение угодьями», и если последний не показан, то лишь потому, что этот способ не имеет характера способа, обычно практикующегося, привычного способа приобретения прав на землю.

Итак, по удостоверению комиссией, вся земля в горах Нальчикского округа, находящаяся в частном обладании, безразлично, будут ли это сабаны, биченлики, усадебные места, кышлыки или джайлыки, принадлежит на праве обычной собственности или дворовым общинам, или родам. Исследования комиссии установили, что институт права собственности по обычному праву горцев Нальчикского округа включает в себе все элементы права собственности, требуемые русскими законами. Нигде в «Трудах...» ни об одном из клочков земли, находящихся ныне в частном владении горцев Нальчикского округа, комиссия не установила факта возникновения завладения этим участком. В памяти народной этих фактов не сохранилось, и те «заимки и обращения земель в частную собственность путем обработки ее», о которых говорит комиссия в своих «Трудах...», являются догадками, не могущими быть реально связанными ни с одним из земельных участков. Следовательно, владение в виде собственности этими участками рядом преемственных участков владельцев продолжается неопределенно долгое время, во всяком случае, больше 10 лет.

Какой же вывод должна была бы сделать неизбежно комиссия из данных, ею обнаруженных? Да тот, полагаем, вывод, что невозможно иное разрешение вопроса, как признание всех этих земельных участков чьей-нибудь частной собственностью. Затруд-

нения могли бы возникнуть лишь при определении субъектов права собственности на эти земли, ибо, по сведениям комиссии, все земельные участки являются ныне собственностью юридических лиц. Однако выводы комиссии, вошедшие в проект «О земельном праве», не имеют ничего общего с изложенным выше логическим выводом из сведений, представленных комиссией в фактической части ее трудов, и ни одна пядь земли в горах Нальчикского округа не предполагается быть закрепленной за ее теперешним владельцем на праве собственности. Вот теперь нам и предстоит разобраться в высшей степени важном и интересном вопросе: в силу каких именно оснований и соображений комиссия пришла к выводу о непризнании за горцами Нальчикского округа права собственности на земли, относительно которых она сама признала раньше наличие «обычной собственности», имеющей все элементы собственности, требуемые русскими законами и делящимися несколько поколений.

«Земли под усадьбами и другими постройками, а равно пахотные и луговые участки, огороды, виноградные и фруктовые сады и рощи, подвергшиеся предварительной обработке посредством очистки от камней и из-под леса, а также искусственно орошаемые» (п. I проекта о земельных правах, стр. 341 «Трудов...»). Относительно усадеб земель этой категории мнения членов комиссии разделились: большинство полагало признать за владельцами их право потомственного владения, меньшинство – «право собственности», причем недра должны оставаться собственностью государства.

А. Как обосновало свое мнение большинство?

Доводы большинства членов комиссии, причем это большинство не сделало разницы между землями «частного обладания», указанными в п. I проекта и «землями сельских обществ», указанными в п. 2, оказались очень просты:

1) «Все земли в нагорной полосе они считают казенными». Почему? Вот почему:

а) само население признает их казенными, что видно из следующего: 1) оно платит за пользование ими оброчную подать и 2) сдавая юртовые земли под горный промысел, население сдает только поверхность, а не недра;

б) во всех прокламациях наместников Кавказа к туземному населению говорится, что земля предоставляется ему во владение, а не в собственность; и

2) правительство признавало и ныне признает земли в горах казенными.

Доказательство: при проведении военно-осетинской дороги население получило вознаграждение только за постройки и насаждения, остальную же землю у него взяли безвозмездно.

К счастью, прямой текст закона и решения правительствующего сената помогут ответить нам на приведенные выше доводы большинства членов комиссии.

Ст. 406 I ч. X тома говорит: «Все имущества, не принадлежа-

щие никому в особенности, то есть ни частным лицам, ни сословиям лиц, ни дворцовому ведомству, ни уделам, ни установлениям, принадлежат к составу имуществ государственных».

Правительствующий же сенат в решениях своих (по гражд. касс. деп.) 1890 г. № 129 и 1879 г. № 579 указал, когда права казны на известное имущество, по ст. 406, являются доказанными, «иск казны об отобрании из частного владения пустопорожней земли признается доказанным, если доказано, что данная земля, до завладения ею, была впусе лежащею и со времени завладения не прошло земской давности».

Вот пусть докажут наличность этого обстоятельства в нашем землевладении и берут тогда в казну и трудовые и не трудовые участки, и земли частные, и земли общественные. Вне же наличности условий, указанных в ст. 406 I ч. X т. и приведенных сенатских решений, право собственности казны на наши земли не может быть устанавливаемо. Большинство членов комиссии указывает на то, что во всех прокламациях наместников к туземцам Кавказа говорилось, что земля предоставляется ему во владение, а не в собственность. К сожалению, прокламаций этих большинство комиссии и не привело, мы же сделали выше ссылку на прокламацию князя Воронцова, из которой, равно как и из приведенной выше цитаты из доклада наместника 1907 года (стр. 5 настоящего объяснения), следует, что политика, коей придерживалось русское правительство на Кавказе, была как бы противоположна той, на которую ссылалось большинство комиссии. Отметим еще, что нам, горцам Нальчикского округа, земли, о которой ныне идет речь, никто никогда «не предоставлял», ни одной пяди в ней нет отведенной, данной нам кем-нибудь извне. Права же наши на земли, нам принадлежащие, никто отнять у нас без суда, как мы уже имели случай говорить выше, не мог.

Доказывает ли приведенный большинством комиссии случай с отводом земли под полотно военно-осетинской дороги, что наши сабаны, биченлики, усадьбы, равно как и земли наших сельских обществ, не являются нашей собственностью? Но случай этот не только не доказывает, что у нас нет права собственности на наши земли, но не доказывает даже и того, что правительство признает земли в горной территории казенными, доказательство чему дало меньшинство комиссии на 312 стр. «Трудов...». Приведу случай возмездного отчуждения правительством земель в том же самом Алагирском ущелье, по которому проложена военно-осетинская дорога при постройке Алагирского завода.

Что же касается до утверждения большинства комиссии, что само население считает свою землю казенной, то смею заверить комиссию, что этого в действительности нет. Население, состоя из неграмотных и даже в массе не знающих по-русски лиц, не всегда верно понимает свои интересы, население бессильно в огромном большинстве случаев дать отпор посягательствам на его земельные права, потому что оно не знает, в чем эти его права, по русским законам, заключаются, но никогда оно землю отцов

не признает не своей, а принадлежащей кому бы то ни было, в том числе и казне. Видят признание за казной права собственности на земли, находящиеся в обладании туземцев нагорной полосы Терской области, в факте платежа населением оброчной подати и на сдачи недр под эксплуатацию. Но что же следует из этих фактов, если бы таковые в действительности были? (мы покажем ниже, что по отношению частных землевладельцев горских обществ Нальчикского округа фактов этих не было). Разве платеж обычной подати доказывает, что земля эта принадлежит казне? Вот как высказался по этому поводу сенат: «Платеж в казну оброка сам по себе не доказывает еще принадлежности обложенной оброком земли казне» (реш. касс. деп. прав. сената 1879 г. № 202). Равным образом, разве не принадлежит всем обитателям Нагорной полосы Терской области, владеющим теми или иными землями, право на эксплуатацию недр владеемых ими земель? Безусловно, принадлежит, доказательством чему служит решение 1-го деп. прав. сената по делу Дагестанского сел. Гапца²⁵.

Вот доводы большинства комиссии в пользу того, что все земли в горах Терской области – казенные. И это наряду с признанием, что «трудовые» участки – собственность их владельцев, признанием, делаемым тут же на 311 стр. «Трудов...». Как согласовать стр. 311 со страницей 310? Комиссия на стр. 310 говорит, что нет оснований навязывать населению то, чего у него не было и о чем оно не просит, к тому же де «населению на плоскости земли отведены на праве общинного владения, а не в собственность». Эта часть рассуждения большинства комиссии не касается, конечно, земель частного обладания. Но и по отношению так называемых общественных земель у нас в горах Нальчикского округа это тоже является неправильным. Касаться этих земель не входит в нашу прямую задачу, но здесь мы не можем не отметить, что отношения обществ к их землям было и есть именно отношение собственников, а не пользователей, а раз это так, то не все ли равно, на каком праве «получили» земли жители плоскости?

Здесь речь идет не о той земле, которую «дают» и которую, вследствие этого, могут дать на каких угодно условиях, а о той земле, которая искони находится в обладании того или другого общества. Неужели это обстоятельство может быть игнорируемо при разрешении вопроса о судьбах общественных земель?

2) Второе основание непризнания за владельцами земель, указанных и п. п. 1 и 2 «Проекта о земельных правах», права собственности на них заключается в том, что в отношении юртовых земель это было бы нежелательно вследствие того, что создало бы право для общества в случае, например, выселения продать свои земли, а в отношении «трудовых» участков – в стремлении создать опеку над владельцами последних, не позволить им обезземелиться.

Эта часть проекта комиссии является необъяснимым анахронизмом. Со времени появления высочайшего указа 9 ноября 1906 года, создавшего из всякого крестьянина собственника, с общинным

владением в России покончено раз и навсегда. Действие этого указа, как видно из п. 18 заключающихся в нем правил, распространяется на крестьян всех наименований, в том числе, значит, и на кавказских горцев, за исключением тех лишь крестьян, у которых существуют особые условия с собственниками земли, на которой они живут (напр., чиншевики)²⁶. Земля дана ныне на праве собственности русскому крестьянину, и не боятся, что он ее тотчас же продаст, и проектируется не позволить больше быть собственником народу, у которого эта собственность существовала испокон веков, что не повело, однако, к распродаже земель. Большинство комиссии указывает на увеличение числа безземельных. Но число их увеличивается не потому, главным образом, что земли распродаются, а потому, что население увеличивается, а земли не прибавляется.

А главное – если земля есть чья-либо собственность, а она, в районе горских обществ Нальчикского округа, вся есть чья-либо собственность (см. стр. 311–312 «Трудов...»), то не устраивается ли тем самым уже возможность изыскивать те или другие способы более или менее целесообразного разрешения вопроса о дальнейших судьбах этой земли.

Б. Как обосновало свое мнение меньшинство комиссии!

Меньшинство комиссии очень подробно разобрало, почему неправо большинство, настаивая на непризнании за горцами прав собственности на «трудовые» участки и усадьбную землю, но совершенно не мотивировало, почему следует, «признав право собственности на подворные и общественные земли», недра оставить собственностью государства.

Из доводов меньшинства комиссии видно, что оно признает, что населению горной полосы Терской области принадлежит право собственности (принадлежит, а не должно быть даровано) на земли, которыми оно владеет ныне подворно или в лице сельских обществ. Если так, то почему на нашу, горцев, земельную собственность не распространяется действие 424 ст. I ч. X т., говорящей, что собственнику земли принадлежит все то, что заключается в недрах ее?²⁷

II. Земли фактического владения отдельных лиц, фамилий и групп.

Доводы, по которым комиссия приходит к отрицанию прав собственности на них лиц, владеющих ныне этими землями, изложены на стр. 316–329 «Трудов...» комиссии.

В этой части наших объяснений нам опять придется формулировать основу наших объяснений прав на владимые нами земли. Сущность их – 533 ст. I ч. X т. Те, кто отрицает их, должны опровергнуть наше утверждение о наличии всех условий, этой статье требуемых, в нашем владении землей. Пока этого не сделано (комиссия же даже попытки в этом направлении не сделала), наши права на земли остаются непоколебимыми. Как бы, каким путем ни произошло первоначальное завладение этими землями, раз неоспоримо доказано и признается самой комиссией,

что мы владели землями в виде собственности (на протяжении нескольких земских давностей), а мы утверждаем, что для большинства этих участков (на протяжении нескольких столетий) обстоятельство это перестает быть имеющим какое бы то ни было значение для разрешения земельного вопроса в горах Нальчикского округа.

Вряд ли есть надобность возражать на тот «исторический ход возникновения крупного землевладения» у нас, который можно прочесть на 316–319 стр. «Трудов...», не потому, что можно было бы с этой историей согласиться, а потому, что история эта безразлична для вывода, который комиссией сделан и, на который мы только, в сущности, и даем объяснения.

Пусть дадут нам конкретные примеры позднего возникновения землевладения у нас в горах, пусть укажут даты завладения тем или другим участком. Их не дадут нам, потому что факт первоначального завладения, теряясь в глубине веков, не сохранился в памяти народной.

Отдельные же конкретные доводы комиссии в пользу несуществования у нас права собственности сводятся к следующему:

1) кабардинцы господствовали над горцами, у кабардинцев не было института частной земельной собственности, следовательно, не было его и у горцев;

2) по адатам, собранным в 1844 г. начальником центра Кавказской линии князем Голицыным, выходит, что таубии не имели определенной земельной собственности, а пользовались землей в нужных размерах от своих подвластных;

3) отобрание земли как штрафа, как меры карательной не существовало во времена господства таубиев, следовательно, таубии не считали землю своею и не могли касаться ее;

4) в горских песнях нет даже намека на власть таубиев над землей;

5) если вся земля принадлежала таубиям, то каким образом могло случиться, что в 1867 году таубии за выкуп получили от чагар громадное количество пахотных и покосных участков и зимовников?

6) земля захвачена таубиями при посредстве горских судов;

7) правительство не признавало пастбищные и покосные земли в горах Нальчикского округа чьей-либо частной собственностью;

8) мотивом исходатайствования высочайшего пожалования таубиев землей послужило указание кавказской администрации на крайнюю их малоземельность, а ведь нельзя думать, чтобы кавказская администрация того времени не была осведомлена о положении землевладения в горских обществах Нальчикского округа;

9) покупка земель в горах незаконна, так как законодатель не установил еще на этой территории «юридического института земельной собственности»;

10) таубии при освобождении крестьян вознаграждены выкупной операцией, как ни одно из высших туземных сословий вознаграждено не было, почему права собственности на земли их фак-

тического владения за ними признано быть не должно.

Вот сколько доводов и как разнообразны эти доводы. Посмотрим, в состоянии ли они поколебать тот ничтожный, по мнению комиссии, довод, который все-таки говорит за то, что мы собственники: факт владения землею «в виде собственности на протяжении нескольких земских давностей».

Первый довод:

Прежде всего, о «господстве кабардинцев»: пора оставить рассказы о том, что будто бы карачаевцы и горцы (за исключением балкарцев) находились как бы в состоянии рабства у кабардинских князей. На каких авторитетах покоится это утверждение? На статье, написанной кем-то и помещенной в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III²⁸, и на «Истории адыгейского народа», написанной кабардинцем Ногмовым. Неужели это так авторитетно, что может даже оказать известное влияние на то, должны ли мы быть признаны собственниками владеемых земель или нет? Никто из нас не станет отрицать исключительного влияния на Северном Кавказе кабардинских князей, но надо же ставить и должные рамки этому влиянию. Но превращать горских таубиев чуть ли не в крепостных кабардинских князей – значит, да простит нам комиссия! говорить вещи, не имеющие и тени правдоподобия.

Вот, например, комиссия в истории образования в горах частного землевладения придавала огромное значение атальчеству, связывавшему будто бы кабардинских князей с горскими таубиями. А поинтересовалась ли комиссия узнать, какой характер носило это воспитание таубиями кабардинских князей? Известно ли комиссии, что в те времена, когда русской власти на Северном Кавказе еще не было, существовал обычай воспитания одной владетельской семьей ребенка другой, и эти взаимные воспитание детей, завязывая фамильные связи, не влекли за собой того, что является наиболее характерным для атальчества: имущественные последствия?

Мы можем дать ряд случаев воспитания кабардинскими князьями сыновей горских таубиев, горскими таубиями – сванетских князей, этими последними – горских таубиев и одними горскими таубиями – других. Например, Муса Суншев был воспитан в семье кабардинских князей Казиевых, Али-Мурза Балкароков – в семье Атажуки Атажукина, Дохшуко Балкароков – в семье Хасанбиа Атажукина²⁹, Адиль-Гирей Урусбиев – в семье сванетских князей Дадешкелиани, сванетский князь Чиок Дадешкилиани – у Абаевых, Омар Балкароков – у Амырхановых и т. д.

Во всех этих случаях «атальчества» не было, и все эти случаи не имели последствием приобретения одной из сторон земли, ни какого-нибудь другого имущества и не доказывали тогда, что сторона, ребенка воспитавшая, являлась подчиненной, подвластной той, которой ребенок принадлежал.

Но что кабардинские князья не были «господами» горских таубиев видно и из того, что, тогда как целые роды подвластных кабардинских князей истреблялись в случае убийства одним из

членов их кабардинского князя, таубии, убив кабардинского князя, платили за это обычную «кровь».

Практически это вело к тому, что если надо было убить кабардинского князя, то следовало сделать это рукой таубия. Так поступили, например, желая избавиться от князя-деспота Асланбека Атажукина. Его заманили в горы, в Чегем, и здесь на родовой земле Балкароковых «Ак-Топраке» он был убит во время пира Басьятом Тозиевичем Балкароковым. Убит он был из ружья, называвшегося «Гичешкок» и знаменитого именно тем, что из него принято было убивать кабардинских князей (оружие это находится ныне у таубия Науруза Урусбиева).

По преданию, из этого ружья было убито 12 кабардинских князей (кн. КанаMAT Наурузов убит Чепелеу Урусбиевым и т. д.).

Но довольно, кажется, о сословности, – обратимся к земле. Какой же вывод делается комиссией из факта господства кабардинских князей над горцами? Вот этот вывод:

«Горцы, как уже указано выше, находились почти в полном рабстве у кабардинских князей, у которых не было земельной собственности, следовательно, никоим образом не могли допускать такой институт у своих подвластных или, по крайней мере, горцы не могли его заимствовать у своих господ-соседей». В приведенной цитате правильно лишь то, что наш земельный быт мы не могли заимствовать у своих соседей и, действительно, его не заимствовали, все остальное же вряд ли выдерживает критику.

По всей вероятности, известно и комиссии, что еще несколько столетий тому назад, до утверждения в крае русских, существовала граница между территорией, занятой пятью горскими обществами и территорией Кабарды. Даже были споры между кабардинцами и горцами – обстоятельство, кстати сказать, плохо вяжущееся с тем «рабством», в каком находились тогда будто бы горцы у кабардинских князей.

Что это было так, доказывает документ, относящийся к 1709 году, документ, столь же не могущий возбудить сомнений в своей подлинности, сколь и необычайный по своим внешним данным. Мы говорим о надписи на камне, найденном в развалинах фамильной башни Гиргоковых в Хуламском обществе выше с. Скуру и находящемся ныне, если не ошибаемся, в Терском областном музее³⁰.

Вот текст этого документа в наиболее существенной его, для рассматриваемого вопроса, части (см. приложение): «Между кабардинцами, крымцами и пятью горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ: Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асламбака, кабардинцы Казаниева Жабагы, крымцы Сосранова Баяна, и они сделали те́ре – определили...» Далее, после определения самих границ, следует фраза: «свидетелями при этом были: из Крыма Агалар-хан, Отаров Отар. Отарова доставили горские общества». Из этого документа следует, что горские общества имели в то время самостоятельную территорию и что за чертой, отде-

лявшей горские земли от кабардинских земель, мог существовать и земельный строй, не имевший ничего общего с кабардинским.

Выше мы указали уже, что разница в условиях землепользования, существовавшая между кабардинцами и горцами, должна была создать и действительно создала совершенно не имевший ничего между собой общего земельный быт, что горцы, окабардинившись во многих отношениях, сохранили в этой области свою культурную независимость. Здесь же мы скажем, что в этом земельном вопросе не только горцы не окабардинились, но даже и те кабардинцы, которые по тем или иным основаниям получали в свое обладание землю на горской территории, принимали земельный быт горцев и начинали владеть землей на горском обычном праве. Вот этот-то факт и остался неосмысленным комиссией, а он мог бы многое объяснить ей. Этот факт объясняет, почему кабардинец, купив участок земли на горской территории, начинает владеть ею на горском обычном праве, и отдавая его, например, в бегенд (институт абсолютно неизвестный кабардинскому праву) и продавая его в случае надобности кабардинцу или горцу (см. ниже историю участка «Сары-тюз», принадлежащего кн. Атажукиным). Собственно говоря, мы слишком долго останавливались на этом первом доводе комиссии. Ведь несостоятельность его доказана и без нас самими «Трудами...» комиссии, констатировавшей существование частной собственности на землю в горах Нальчикского округа. Ведь весь вопрос заключается теперь в том, применялся ли несомненно существовавший в горах Нальчикского округа институт частной земельной собственности к кышлыкам и джайлыкам или объектами его являлись лишь сабаны, биченлики и усадебные места; поэтому, не повторяя всего, что нами сказано выше в доказательство существования у нас в горах института частной собственности, попросим комиссию заглянуть на стр 309 ее «Трудов...», где ею самой существование в горной полосе Терской области частной земельной собственности, как института обычного права, поставлено вне всякого возможного о том спора.

Второй довод:

Из приведенной выдержки из «Адатов кавказских горцев» следует лишь вот какой факт: у чагаров, помимо той земли, которой они пользовались от таубиев, или иначе, помимо факта выпасывания чагарами их скота на землях таубиев, была еще своя собственная земля, купленная ими с согласия их владельцев на свои деньги или перешедшая к ним по тем или иным основаниям от тех или иных лиц (дар на эмчекском праве и т. д.). Так вот и на эту последнюю землю владелец имел известные права. Комиссия говорит, что в 1844 году основания, на которых владели тогда таубии землей и подвластными, были известны лучше, чем теперь, и следовательно, выходит, наличие приведенного адата доказывает, что в 1844 году в обладании таубиев и узденей земель, которыми они ныне владеют, не было. Но если это так, то зачем

нам ссылки на адаты или, вернее, на 2 строки из этих адатов. Миллионами фактов можно тогда доказать, что такие-то и такие участки захвачены теперешними их владельцами или их праводателями. Ведь речь идет о времени, которое у многих еще на памяти. Укажите нам эти участки – ни о чем другом мы не просим!

Третий довод:

Вопреки утверждению комиссии, случаи отобрания владельцем не только земли, но и всего имущества чагара именно были, и не наша вина, что они остались комиссии неизвестны. Один из таких случаев еще жив в памяти народной. Это именно продажа семьи чагар Атакуевых их владельцами узденями Этезовыми князьям Атажукиным, причем все имущество Атакуевых, движимое и недвижимое, сабаны и биченлики в местности Булунгу остались в пользу Этезовых (впоследствии Атакуевы были выкуплены Исхаком Балкароковым, эмчеками которого они были, и вернулись в горы).

Другое дело, часты ли были эти случаи, – конечно, редки. Чагар без земли – nonsens. Для чего такой чагар владельцу. Ведь чагар не кул! Следовательно, отобрание земли у чагара возможно лишь при его продаже, а продажа чагара – действие и хозяйственно не выгодное и по взгляду обычая – для продающего владельца – позорное. Вот почему случаи отобрания земель у чагара были так редки.

Четвертый довод:

И он тоже фактически неверен: в горских песнях есть не только «намеки» на принадлежность той или другой земли таубиям, но даже есть и целые песни, посвященные земельным делам и, в частности, ссорам из-за того или другого земельного участка. Такова, например, «Крымшаухалланы-джирьы». Вот о каком событии повествует она: когда-то два родственника Крымшаухал Балкароков и Бадинат Тазиев (Тазиевы – вымершая ветвь Балкароковых) поспорили из-за права на участок «Ак-топрак». Бадинат стал гнать с этого участка чагар Крымшаухала. Вследствие этого между Крымшаухалом и Бадинатом произошло вооруженное столкновение в местности, где ущелье «Джай-Кермек» соединяется с ущельем «Ара-бора», причем Крымшаухал убил Бадината; за кровь Бадината Крымшаухал заплатил крестьянами³¹.

Почему и тот вывод (во всяком случае слишком важный и смелый вывод из такого побочного обстоятельства), который делает из факта отсутствия, будто бы, в народном эпосе горцев песен, в которых были бы намеки на владение таубиями землями, т. е. вывод о том, что «землею владели все, кто как мог», – отпадает сам собой. Приведенная песня – не единственная. О столкновении из-за земли поется, например, и в другой чегемской песне «Рачикаулань-джирьы»³², в которой говорится, что ближайшему причине истребления Рачикауовых послужил факт сожгания ими с балкароковской земли «Нуклен» (в местности «Малюшко») ³³ чагар Балкароковых – Кетенчиевых.

Пятый довод:

Мы никогда не утверждали, что у чагар не было своей земельной собственности. Так как чагар со всей своей семьей и со всем своим имуществом принадлежал своему владельцу, то, очевидно, что и все то, что принадлежало ему, принадлежало его владельцу. Владелец имел известный доход с хозяйства чагара, потому владелец был заинтересован в том, чтобы чагары его были зажиточными. Если чагар не имел своей земли, он получал такую от своего владельца, но, очевидно, в интересах владельца было поощрять в чагаре стремление купить землю, почему на покупку земли владелец и давал всегда свое согласие чагару (а согласие было необходимо). Таким образом, у чагара была своя земельная собственность, только она носила условный, зависимый от таубия характер: от владельца зависело разрешить или нет, чагару купить землю, и владелец мог, хотя это и встречалось в горской местности очень редко, отнять в числе всего остального имущества чагара и землю.

А что чагары действительно, в конце концов, большею частью жили на землях своих владельцев, сошлемся на 37 страницу «Трудов...» комиссии, где сказано, дословно, следующее: «Обязанности чагара, большая часть которых сидела на чужих землях, заключались и т. д.». «Чужих», полагаем, и означает земли их владельцев.

Шестой довод:

Каков бы ни был горский суд, то, что сказала о нем в своих «Трудах» комиссия, является в такой же мере голословным, в какой и тяжким обвинением. Если верить комиссии, что свидетелями в суде выступают всегда «приятели» истца, судьи — тоже его «приятели» и, таким образом, при посредстве этого суда творятся где ведомые всем горцам беззакония.

В своей характеристике горского суда комиссия сослалась и на журнал общего присутствия Терского областного правления от 29 января 1881 г., говорящий о том, как добывались документы, доказывающие будто бы право того или другого лица на известный участок. К сожалению, проверить правильность утверждения общего присутствия областного правления мы лишены возможности, но что касается до утверждения комиссии, то у ней мы вправе просить указать нам хоть один случай завладения участком способом, подобным описанному ею. Желая иллюстрировать излагаемое ею, она рассказала случай завладения одним лицом при посредстве горского суда участком «Барышки», в котором этому лицу в действительности принадлежал лишь незначительный клочок земли. К глубочайшей нашей печали, участка «Барышки» в горах Нальчикского округа не существует. Весь пример вымышлен комиссией. Но для чего же было вымышлять пример, раз многие, реально существующие участки попали именно таким путем в руки своих теперешних владельцев? Ведь если факты, подобные приведенному комиссией в истории захвата урочища «Барышки», существовали, то относятся они к недавнему сравнительно времени и уж, конечно, все они не успели изгладиться еще

из народной памяти хотя бы потому, что захватывалась-то ведь «чужая или общественная» земля и обиженные лица обиды своей, понятно, еще не забыли.

Комиссия привела также решение горского суда по делу Бекановых об участке «Жеркли»³⁴. Оставим вопрос о том, насколько юридически правильно это решение, отметим то, что свидетели-то все-таки не показали, что участок «Жеркли» принадлежит Бекановым. Чем же, интересно знать, нужно объяснить эту часть показаний свидетелей, отказавших удостовериться, что лес бекановский? Или и это были все приятели Бекановых?

Незаслуженно упрекает комиссия горский суд и за то, что он санкционировал купли-продажи земли горцами от кабардинцев. Из факта заявления кабардинцев о том, что в Кабарде не существовало частной земельной собственности, нельзя делать того вывода, что института этого не существовало нигде и поблизости Кабарды и что кабардинец не мог иметь, в силу того, нигде частной собственности.

В пределах горской территории институт частной земельной собственности существовал, земля эта продавалась, ее покупали кабардинцы и снова продавали горцам. В чем же виноват горский суд, если он изложил в письменной форме факт, действительно имевший место?

Седьмой и восьмой доводы:

В них нам приходится снова встретиться с уверением, что земля наша не есть наша собственность в силу того, что различные правительственные органы в своих бумагах сообщали сведения, из которых, будто бы, можно сделать вывод, что они не считали кишлыки, джайлыки и пастбища нашей собственностью. Оценку значения этих заявлений для разрешения нашего земельного вопроса мы уже дали выше, сейчас же укажем на следующие слова меньшинства комиссии, занесенные на 312 стр. «Трудов...» комиссии: «... в 50 годах, говорит меньшинство комиссии, правительство даже не знало, кому что принадлежит» в горской полосе, не знало, прибавим, и позже, и в различное время, местные представители власти придерживались различных взглядов на земельный вопрос в горах. Материал для доказательства правильности только что высказанного утверждения дают сами «Труды...» комиссии. В то время как кабардинский отдел сословно-поземельной комиссии свидетельствует, что «почти все Баксанское ущелье находится в руках Урусбиевской фамилии, что в Хуламском обществе самые лучшие земли и в большом количестве находятся во владении Шакмановых и т.д.» (см. стр. 325 «Трудов...»), несколько лет спустя, в 1878 году, начальник Терской области, ходатайствуя о высочайшем пожаловании таубиев землей, выставляет, в качестве одного из главных мотивов необходимости дарования им земель, крайнюю фактическую их безземельность.

Это противоречие пытается комиссия примирить тем, что будто бы начальник области в то время, когда делал представление о пожаловании таубиев, был осведомлен о факте нахождения в ру-

ках таубиев больших земельных пространств, и если, все-таки, о наделении их хлопотал, то потому только, что относился отрицательно к их притязаниям на большие земельные площади. Но текст ходатайства, приведенный на стр. 324, не оставляет сомнения в том, что начальник области в то время именно был осведомлен о фактическом положении вещей. В ходатайстве прямо говорится, что «это древнее почетное сословие находится в настоящее время в затруднительном положении».

Девятый довод:

«Юридический институт права собственности» установлен русским законом. Русский закон дал его юридическую характеристику. Закон же установил, что беспорное, покойное, непрерывное, ввиду собственности, владение, превращается в право собственности, раз продолжается 10 лет. С момента этого срока – наши участки – наша собственность. О каком установлении юридического института права собственности на землю специально «в Нагорной полосе Терской области» говорит комиссия? Наше право собственности на земли нашего обладания еще не оформлено, у нас нет на наши земли крепостных документов, что влечет за собою для нас известные неудобства, но право собственности на земли нашего обладания – все-таки у нас есть, а то, что мы наши земли искони продавали и покупали и служит одним из доказательств того, что владение наше землей было «в виде собственности».

Довод десятый:

Не имеет, строго говоря, решительно никакого отношения к разрешению вопроса, собственники ли мы земель, которыми владеем. Но в факте получения нами, при освобождении крестьян, в качестве выкупа больших сумм, видят нечто нас порочащее. Говорят, что мы получили, освобождая крестьян, столько, сколько не получило ни одно другое высшее туземное сословие на Северном Кавказе. Но в чем же здесь наша вина? Если быть объективным, то нам надо это поставить в заслугу. Как это ни парадоксально, а это – истина! Ведь основы выкупной операции на Северном Кавказе были одни и те же: $2/3$ движимого и недвижимого имущества крепостного и известная сумма денег – владельцу, $1/3$ – крепостному. Если в итоге таубии и горские уздени получили в общей сумме, относительно, гораздо больше, чем привилегированные сословия, например, Кабарды, то это значит лишь то, что крепостные горских владельцев были гораздо состоятельнее кабардинских крестьян, что нельзя, конечно, не поставить в заслугу таубиям и горским узденям. Если $2/3$ имущества горских крестьян оказались велики, то велика, значит, сравнительно с кабардинской, и та $1/3$ часть его, которая осталась самим крестьянам. Почему же, спрашивается, у нас в горах простой народ был более разорен выкупной операцией, чем, например, в Кабарде? Полагаем как раз наоборот. Комиссия отмечает также отдельно факт перехода при освобождении чагар от этих последних, в счет выкупа, земель и считает это тоже доводом в пользу необходимости не-

признания за нами права собственности на владеемые нами земли. Но неужели было бы справедливо отобрать ныне то, что 40 лет назад с согласия русского правительства было передано нам в погашение признанного за нами русским правительством права на получение выкупа с освобожденных нами крестьян?

Доводы комиссии, выше разобранные, не поколебали и не могли поколебать нашего утверждения о том, что много земских давностей владеем мы нашей землей спокойно, непрерывно, бесспорно и в виде собственности. Не могут поколебать его и те фактические данные, которые сообщены комиссией в «Ведомости земельным участкам, находящимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в Пяти горских обществах Нальчикского округа», к разбору коих мы теперь и перейдем.

Объяснения на «Ведомость земельным участкам, находящимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в Пяти горских обществах Нальчикского округа» (стр. 61–66 «Трудов...» комиссии).

Выше, анализируя наше отношение к земле, мы подтверждали правильность тех положений, которые выставили примерами, касавшимися того или другого из земельных участков, существование права собственности на которые комиссия у нас оспаривает. В данной главе мы хотим дать краткую историю владения рядом участков, находящихся в частном обладании тех или других горцев Нальчикского округа, дабы показать, что те примеры, которые приведены нами выше, не являются исключением и, что наше землевладение отличается такой определенностью и ясностью, что более подробное исследование вопроса, почему тот или иной участок находится ныне в обладании тех или других лиц, могло бы показать с математической точностью, почему именно и по какому праву данному лицу принадлежит именно такая-то, а не иная часть такого-то участка.

К сожалению, необходимо констатировать, что комиссия недостаточно тщательно выполнила ту часть возложенной на нее задачи, которая поставлена во главе выработанной для нее и утвержденной 9 декабря 1905 года главнокомандующим гр. Воронцовым-Дашковым инструкции, которая является в деле выяснения земельного вопроса в горах Нальчикского округа наиболее важной. Пункт а § 1 инструкции говорит о «подробном исследовании видов существующих в Нагорной полосе Терской области землевладений и землепользования и определяющих их правовых, обычных и иных оснований».

Слова эти нельзя понять иначе, как в том смысле, что комиссия должна была подробно выяснить, каким участком, какие именно лица владеют и пользуются, а также, в чем их владение и пользование заключается и как юридически оно должно быть характеризовано. Что так именно понят был этот пункт и самой комиссией, видно из того, что и программа, выработанная комиссией при производстве своих исследований, руководилась, содержит в себе пункт 4, гласящий, что комиссия должна дать: «перечисление входящих в состав означенных владений земельных угодий, способ и

вид пользования им (личное, общинное, подворное и другие формы пользования, установившиеся нормами обычного права)».

Те сведения, которые дала комиссия по этому вопросу, не только далеки от того, чтобы быть названными «подробными», но заставляют даже сомневаться в том, что на основании их, вообще говоря, можно составить себе хоть какое-нибудь представление о том, какие же, в районе Пяти горских обществ, земли находятся ныне в частном обладании отдельных лиц, кто такие эти лица и почему именно эти лица, а не кто-либо другой, обладают ныне тем или другим участком. Все, что дает ведомость, помещенная на 61–66 стр. «Трудов...», заключается в перечислении земельных участков и в указании фамилий некоторых из тех лиц, которые ныне владеют тем или другим из указанных в ведомости участков и в указании как размеров всего участка, так и размеров заключающихся в нем угодий. Но эти сведения не могут быть ни в коем случае, в общей массе их, правильными.

Мы не задаемся целью проследить в этом нашем объяснении сведения, касающиеся фактической стороны нашего землевладения и заключающиеся в «Трудах...» комиссии, шаг за шагом. Для того, чтобы сделать это и отметить каждую ошибку, в этой области комиссией сделанную, необходимо было бы потратить на это столько же времени, сколько потратила комиссия на создание их, и в месячный срок этого, конечно, сделать нет возможности. Но в указанной выше ведомости есть ошибки и пропуски такого свойства, что было бы странно, если бы мы, давая объяснения на проекты комиссии и имея перед собой «Труды...» этой комиссии, на которых проекты основаны, – о них умолчали.

Приведение данных, изложенных ниже, продиктовано нам следующими соображениями: мы полагаем, что если бы комиссия дала верную фактическую картину нашего землевладения, то тем самым она сделала бы невозможным и иное разрешение земельного вопроса у нас в горах, как признание нас собственниками земель нашего фактического владения. Лицо, не знающее ничего о нашем землевладении и знакомящееся впервые с вопросом о том, кто и какой именно землей в горах Нальчикского округа пользуется, по ведомости, на 61–66 стр. «Трудов...» комиссии помещенной, неизбежно получил бы впечатление полного хаоса отношений. Земля принадлежит то фамилиям, то дворам, то отдельным лицам. Нигде – ни по ведомости, ни в «Трудах...» – нет ни малейшего намека на то, почему же именно такой-то участок находился ныне в пользовании стольких-то дворов, а такой-то участок находится ныне в пользовании стольких-то лиц или такой-то фамилии.

Комиссия отметила в своих «Трудах...», что земли у нас в горах продавались, переходили по наследству, дарились, отдавались за кровь и в калым, что многие земельные участки таубии захватили или получили от кабардинских князей и т. п. Но где все эти сведения о землях, перечисленных в ведомости на стр. 61–66? Отсутствие их, наряду с выделением из общей массы находящихся-

ся в частном обладании земель «трудовых участков», в отношении которых комиссия и говорит, подчеркивая, что ими владели на праве собственности, приводит неизбежно к тому выводу, что земли, перечисленные на стр. 61–66, и не составляли объектов гражданского оборота, что сведений, указанных выше, в отношении их и нельзя было собрать, потому что их, этих сведений, нет. Подобное же мнение, как видно из последующего, было бы совершенно неправильно, и вот, чтобы сделать возникновение его невозможным, мы и привели о некоторых из участков, находящихся в нашем владении, фактические данные, могущие дать в своей совокупности приблизительную фактическую картину нашего землевладения. Выше мы останавливались уже на вопросе о том, насколько права комиссия, утверждая, что у нас существует лишь подворное землевладение и не существует личного. Здесь подчеркнем еще раз, что в ведомости, помещенной на стр. 61–66 «Трудов...», везде, где стоит слово «двор», надо поставить определенное имя или несколько имен (если братья живут не разделившись). Также не передает истинного положения вещей и выражение: «Пользуется фамилия таких-то» или «Пользуется вся фамилия таких-то».

В горах нет ни одного участка, который можно было бы признать принадлежащим известной фамилии как юридическому лицу. Всегда во всех случаях члены этой фамилии являются сособственниками участка, и доля каждого из них точно определена, что и проявляется при продаже этой доли тем или другим лицом из этой фамилии. Поэтому, желая обозначить, кому такой-то «фамильный» участок принадлежит, надо, если желательно быть точным, перечислить всех особей, носящих такую-то фамилию, откинув тех, кто доли в этой земле не имеет (а такие почти всегда найдутся), да присоединить сюда особей, носящих другую фамилию или фамилии (что вследствие перехода земель по наследству и т. п. тоже о каждом почти участке, отмеченном комиссией «фамильным», будет необходимым) и в результате получим то же, что и во всех других случаях, когда, по словам комиссии, «пользователями» участка являются дворы или отдельные лица, а способ этого «пользования» – совместный.

Если не бояться произнести слово «собственность», то к понятию, выразить которое желательно, очень легко подобрать термин «общая собственность». Прежде всего, приходится констатировать факт пропуска при перечислении частных владельцев земельных участков, расположенных в районе того или другого общества, целого ряда таковых участков. Чтобы показать, что утверждение это правильно, укажем те участки, которые пропущены комиссией при перечислении частных владельцев земельных участков в обществах Удальцевских, Мазуровых, Районных, Тенгиских и Хуламского общества. Это пропущены Ади, Бекмурза и Учалык Балкарковых и Цожаковых. Собственность разных лиц, носящих фамилию при перечислении частных владельцев земельных участков, пропущена в обществах Удальцевских, Мазуровых, Районных, Тенгиских и Хуламского общества. Это пропущены Ади, Бекмурза и Учалык Балкарковых и в остальных обществах. Мы просим поверить нам на слово. А если нам не поверят, то мы доставим сведения и об остальных обществах. Сделать это сейчас, к сожалению, мы лишены возможности. Собственность разных лиц, носящих фамилии Балкарковых, Барасбековых, Джудабаровых, Кулиевых, Кожачковых, Тохаевых и др.

«Кирдлокли»
«Гитче аузла»
«Узун тала»
«Чучхур башы»
«Огары узун тала»
«Сагустаин»

В Безенгиевском обществе

«Огары-бау»

Имея целью указать пропущенные участки, мы не перечисляли всех собственников их, что взяло бы много времени. Участок «Мисбора», например, купленный 20 января 1853 года братьями Нетша, Шашко, Шейхом, Хабзо и Картлыком Атабиевыми от Муссы Жанокова, принадлежит ныне 2 сыновьям Нетши, Шашко Атабиева и 18 внукам Нетши и его братьев³⁵. Очевидно, что перечислять всех этих собственников нам, не поставившим себе целью дать «подробную» картину нашего землевладения, а указать лишь, что картина такового, данного комиссией, не полна и фактически не верна – нет никакой надобности.

Другая оговорка: все участки, выше нами перечисленные, не входят в состав ни одного из тех участков, которые привела в своей ведомости комиссия. Таким образом, та земля, которая обозначается приведенными выше названиями, не зарегистрирована комиссией вовсе.

Пусть не подумают также, что это все ничтожные по своим размерам клочки, регистрировать которые и не стоило. Сообщить точных сведений о размерах их мы, конечно, не можем, но сравнивая их размеры с теми, которые комиссией в ее «Трудах...» занесены и площадь которых в ведомости показана, скажем, что приблизительная площадь некоторых из этих участков будет: «Бутору» – 100 дес., «Мисбора» – 77, «Гитче-аузла» – 100 и т. д.

Кроме пропуска ряда участков в каждом обществе, нельзя признать правильным и установление комиссией того или другого участка, как объекта того или другого права на него, или даже принимать терминологию комиссии, как объекта пользования. Комиссия во многих случаях дала название участка земли, которое ныне является уже скорее географическим термином, чем термином, означающим известную вещь, пользование которой отметила комиссия в своих «Трудах...».

Дело вот в чем: каждый большой участок земли в горах, имеющий определенные границы (обыкновенно по природным линиям), имеет свое название и, как вещь, как объект права собственности, принадлежал некогда одному лицу. Если участок велик и, в смысле угодий, разнообразен, то различные его части имеют собственные названия

- в) Джарахмата и сыновей Карабаша, Мурзабека, Каирбека, Заурбека, Мырты Шакмановых, получивших свои доли по наследству от отца Джарахмата и Карабаша – Канамата Шакманова.
- г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана, сына Карабаша Шакманова.
- собственность Тенгиза Шакманова, получившего участок по наследству от предков (от отца своего Сарыбия).
  - собственность Джарахмата Шакманова.
  - собственность братьев: Шакмана, Кази-Магомета, Аймуша и племянника их Хаджи Мурата Шакманова, получивших его по наследству от предков. Весь участок целиком находится в аренде у Оразая Чеченова за 120 руб. годовой платы.
  - собственность следующих лиц:
    - а) Джарахмата и сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакмановых и племянника их Тенгиза Шакманова, получивших часть принадлежащей им ныне в участке доли по наследству от предков, а часть купивших у Басьята Шакманова как часть наследственной доли этого последнего.
    - б) Кази Шакманова, получившего свою долю по наследству от предков.
    - в) Бекмурзы Шакманова, получившего свою долю по наследству от предков.
- 4) «Кехасырт»
- 5) «Гыдайалы»
- 6) «Ильчеуезени»
- г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана Шакманова.
  - собственность следующих лиц:
    - а) 3 сыновей (Шакмана, Кази-Магомета и Аймуша) и внука (Хаджимурата) Каншау Шакманова, получившего участок по наследству от предков.
- 7) «Сыртла»
- б) Джарахмата и сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакмановых, получивших свои доли по наследству от предков.
  - в) Лукмана, Курман-Бия и Ильяса Кучмезовых, получивших свои доли по наследству от отца их Эльдара Кучмезова, купившего ее от Басьята Шакманова, к которому она перешла от предков.
  - г) Оразая Чеченова, купившего долю Али-Султана Шакманова.
  - собственность следующих лиц:
    - а) сыновей Карабаша (кроме Али-Султана) Шакманова, получивших причитающиеся им
- 8) «Джагудан»

- доли по наследству от отца их Карабаша, купившего их от Амирхана Шакманова, которому доля в «Башилике» досталась по наследству.
- б) Джарахмата Шакманова, купившего принадлежащую ему долю частью от Амирхана Шакманова, частью от Мимбулата Шакманова, купившего в свою очередь в «Башилике» часть земли, принадлежавшей в нем Амирхану Шакманову.
- в) Кази Шакманова, получившего долю в «Башилике» по наследству от предков и отдавшего ее в бегенду братьям Осману, Али и Урусбию Биттировым.
- г) Оразая Чеченова, купившего долю в «Башилике» Али-Султана Шакманова, унаследовавшего ее от отца своего Карабаша, купившего ее в свою очередь от Амирхана Шакманова.
- собственность братьев Асламбека, Аслангегерия и Бекмурзы Шакмановых, получили в наследственность братьев Асламбека, Аслангегерия и Бекмурзы Шакмановых, получили в наследственность от предков: вдовы Кермахан Исхаковой и Жюжек Суншевой, получивших по наследству от отца Иссы Шакманова, которому участок достался по наследству от предков.
- собственность тех же лиц, что и участок «Кач-Арты», получивших его по тому же основанию.
- собственность тех же лиц, что и участки «Кач-Арты» и «Чегет тала», получивших его на тех же основаниях.
- собственность Кази Шакманова, получившего его от предков.
- собственность Кази Шакманова, получившего участок по наследству от предков.
- 10) «Чирик» – Общий выгон всех владельцев участков в местности «Ривачле», т.е. иначе собственность всех тех лиц, которые указаны в качестве собственников 16 других участков, из которых составляется «Ривачле».
- 11) «Кюндюк»
- 12) «Кач-Арты»
- 13) «Чегеттала»
- 14) «Кач-

артыран»

- 15) «Кой-Козлаган»
- 16) «Талысырт»
- 17) «Худай-Алы»

Вот какой сложный ответ должен быть дан на вопрос о том, что такое «Ривачле» и кому оно принадлежит. Из приведенного видно, что «Ривачле» – как объекта пользования – не существует, что вместо участка «Ривачле» надо, говоря об объектах пользования, указать 17 самостоятельных участков, что эти последние, имея свои определенные границы, в свою очередь (многие, по крайней мере, например: «Чирик», «Кюндюк» и др.), являются уже разделенными между их владельцами, и общая собственность на них больше не существует. Кстати, отметим, что в числе лиц, «пользующихся» землей в «Ривачле» по своему праву, Алия Исхакова нет. Есть мать его, Кермахан Исхакова, дочь Иссы Шакманова, но у Кермахан Исхаковой, кроме Алия, есть еще сыновья Оли и Хамзат и внук умершего ее сына Шамсудина – Султан. Конечно, если стараться установить, кто пользуется участком, то будут установлены имена не только сыновей и родственников собственников, но и людей, взявших землю в аренду, в бегенду, и даже имена совершенно случайных людей, по той или иной причине участком пользующихся. Но обнаруживать имена этих лиц – значит слишком много уделять внимания выяснению вопроса о землепользовании, в ущерб выяснению вопроса о землевладении. На комиссию же возложено было выяснение обоих этих вопросов. А какой из этих вопросов для разъяснения земельного вопроса в его целом является более важным, едва ли могут быть сомнения.

Относительно указания комиссией лиц, пользующихся землей в местности «Ривачле», произошли и еще ошибки. Участком не только не пользуется самостоятельно Алий Исхаков, но и не все Шакмановы имеют в нем хоть пядь земли. Из потомства Актугана, Давлетгерия и Муртазали не имеет больше в «Ривачле» ни клочка земли Али Султан Шакманов, сын Карабаша Шакманова, продавший свои доли в участках «Уллу-кель», «Гитче-кель», «Сыр-тла», «Джагыдан» и «Башилик» Оразая Чеченову за 500 руб. Не имеет земли в «Ривачле» и та ветвь Шакмановых, которая происходит от Биту Шакманова, сына Хамзы, т. е. Кучук, Хангери и Паша Шакмановы. В числе собственников же земли в районе «Ривачле», следовательно, и в числе пользователей ею, есть и лица, не носящие фамилии Шакмановых, а именно: 1) Оразай Чеченов и 2) Лукман, Курман-бий и Ильяс Кучмезовы.

Ко всему этому надо прибавить, что «Ривачле» не есть исключение. Таковыми являются, например: «Кудайланы джайлык», «Уллу-джора» и др. Сама комиссия дала образчики этих географических районов. Таковы значащиеся в ведомости в числе участков Балкарского общества участки № 292 и 293. Приведенный выше разбор тех реальных фактов, который скрывается за имеющейся в «Трудах...» комиссии фразой: «Ривачле Шакмановых и Алия Исхакова», имея целью показать, что объект пользования есть не «Ривачле», попутно принадлежат субъединицы Хаджи-Муссе «Шакмановы и Алий Исхаков», Таши-Асланбир, Сафар-Али и Бай было бы установить и по урне-Тенгизбию, Муссе, Суншеву, в местности указанных. Без предположения также, что пользователи верно лишь по исключению. В доказательство того, что действительно «пользователи» принадлежат к одному Кавказскому обществу, возьмем из каждого общества по несколько участков. Вот, например, участки, значащиеся в ведомости как некогда в пользовании «дворов Кучуковых, (Адилгирею, Хабще, Муссе, № 59 «Термез-кол» принадлежали Аслан-Бечуковья) в ведомости Аслагирею, Хаджи-Муссе, Султану, Шуа, Аслангирею, Сафар-Али, Кучуковым, Ибрагимовым, Аслагирею, Муссе, Кучуковым, Аслангирею, Аслангирею от отца его Каншау, Хаджи Муссой и Адильгирею от отца и Кучуков, Урастанин, Шувальют от Цах Измаила. Магомет жемаинов, в Горжакли, Кучукову, Тестера, Кале» по наследству от отца Сарбия Кучуковых. Эркахян продала его своим братьям Али и Барбант Али «Термез-кол»

В «Трудах...» комиссия указала, что Барбант Али и Эркахян пользуются 5 дворов Кучуковых, состоящих из Барбия, Тестера, Магометов, в действительном положении дел: владеет братом, но Барбант Али и Эркахян участка. По смерти Сарбия участок перешел по наследству к сыновьям его — Аслангирею и Сафар-Алию, современным его владельцам.

№ 78 «Зырдыгат»

— Принадлежит Асламбеку, Адильгирею, Хаджи Муссе, Султану, Шуа, Аслангирею, Сафар-Али, Баймурзе, Тенгизбию, Муссе и Паго Кучуковым. В ведомости сказано: «Пользуется вся фамилия Кучуковых».

№ 81 «Гестенты»

№ 80 «Хасты»

— Принадлежит Муссе Суншеву. В ведомости

сказано: «Пользуется Мусса Суншев и 8 дворов Джабоевых». В действительности, весь участок «Джора» принадлежит целиком Муссе Суншеву. Джабоевым же принадлежат смежные с «Джора» участки «Сагустиан» и «Джабышта», купленные от Суншевых: «Джабышта» в 1869 году от Магомета Суншева (переселившегося в Турцию) Омаром Джабоевым, а «Сагустиан» — за 25 лет до 1889 года

- № 141 «Кору» (в 1864 году), проданный Омаром Суншевым Умару, Татаркану, Ачею и Абубекиру Жабоевым, потомки каких-то Жабоевых и пользуются ныне означенными участками, относящимися к Кетеру Суншеву, Уламу и его братьям Кайсына: Нальжус Абаевой и Эльмезхан Шакмановой – дочерям Мурза-Кула Суншева, Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой – дочерям Хызыра Суншева (Мурзакул и Хызыр – сыновья Кайсына Суншева). В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза, Наго и Кермахан Суншевых». Наго Суншева – мать Нальжус Абаевой и Эльмезхан Шакмановой. Кермахан Суншева – мать Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой, а Наго и Кермахан Суншевы собственницами участка «Чегет-Джора» не являются.
- № 179 «Джора» – Принадлежит Давлетгирею Суншеву и Джарахмату Шакманову. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Давлетгирея Суншева».
- Принадлежит Тенгизу Суншеву и 2 дочерям Кайсына Суншева: Фатимат Шакмановой и Абидат Карабугаевой и сыну 3-й дочери Кайсына, ныне умершей Хаджат Кучуковой – Ибрагиму. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза Суншева».
- Принадлежит Хангирею и Давлетгирею Суншевым и Джарахмату Шакманову. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Хангирея и Давлетгирея Суншевых».
- Принадлежит Тенгизу Суншеву и наследникам Хызыра Суншева: Кесямхан Шакмановой и Забитхан Суншевой. В ведомости сказано: «Находится в пользовании Тенгиза Суншева».
- № 176 «Аккач»
- № 196 «Беккам»
- Принадлежит Магомеду, Сарбию, Барасбию и Хамбию Мурзабековичам, Бекмурзе, Азату и Кайтуку Алиевичам, Гассо, Зекерья и Махаю Алимурзовичам Мисаковым. В ведомости: «Находится в пользовании Мисаковых».
- № 200 «Думала»

– Принадлежит сыновьям Мурзабека Мисакова: Магомету, Сарбию и Хамбию Мисаковым. В ведомости: «Находится в пользовании 3 дворов Мисаковых».

№ 199 «Уллу-Ауз»

Хуламское общество

Пример неправильности указания «пользователей» участков в Хуламском обществе дан выше при разборе владения участком «Ривачле».

Балкарское общество

№ 233 «Домайлы-
Догуат»

№ 246 «Хизны-
Баши»

Также по большей части неверно указаны угодья в участках, а иногда и размеры участка. Последнее, по-видимому, самое удивительное. Ведь произведена была съемка участков на план, каким же образом цифра угодья могла оказаться здесь, действительно? Объясняется это тем, что комиссия недостаточно хорошо ориентировалась в названиях участков и в связанных с этими названиями границах участков. В ведомости, для второго участка, очень много географических названий, но 25 дес. справедливо на участок земли, являющийся участком «Бывавефрут». Не только часто комиссия, называя участок, неправильно не присваивает ей название, принадлежащее в действительности маленькой частице той площади, размеры которой указаны.

Вот поразительный пример ошибки в размере площади: в Безенгиевском обществе под № 177 значится: «Джиче» – в пользовании фамилии Томуровых (Толгуровых? – Т.Б.). Пастбища 270 дес.». В действительности же Томуровым принадлежит пахотный и покосный участок под названием «Джиче», мерою приблизительно 10 десятин. Пастбища же под этим названием не существует вовсе.

Аналогичные примеры можно указать и во всех других обществах. Остановимся еще на 2-х из них, относящихся к Хуламскому обществу.

№ 221 «Коша-
бичелик»

– Пастьбы нет ни одной десятины (показано 30 десятин).
– Весь участок показан пастбищным. Между тем около трети его – покосы.

№ 222 «Челмас-фунт»

– Весь участок показан пастбищным (520 дес.).

Между тем в нем, на глаз, не больше 300 дес., из которых, может быть, лишь 1/6 часть пастбищная, остальной показан целиком пастбищным.

Если проверить правильность сделанных в ведомости указаний относительно того, сколько участков из указанных в ведомости участке тех или других 1000 дес. (вместо 50, показанных в ведомости не сделано той или другой шабкой). Остальные пастбищные Хуламском обществе как указала в своей ведомости комиссия.

Кроме участков «Коша-бичелик», «Челмас-орун», уголья неправильно показаны еще в следующих участках этого общества:

№ 215 «Ривачле»

№ 208 «Мыкырги»

№ 209 «Лары»³⁷

№ 212 «Джигиш»

№ 214 «Лыги»³⁸

№ 216 «Хасаубад»

Вот те фактические неправильности, которые мы сочли нужным указать уже в этом нашем объяснении. Повторяем, неправильности, указанные нами выше, являются лишь примерами, и отнюдь не исчерпывающим перечнем их, и вряд ли найдется в ведомости хоть один участок, относительно которого можно было бы сказать, что все сведения, о нем данные: и о субъекте, и об объекте «пользования» – правильны.

Нам могут сказать, что неправильности эти, нами указанные, не важны и не могут повлиять на изменение комиссией ее выводов. На это ответим, что если бы все такие сведения, которые приведены комиссией в ведомости, были не важны для разрешения поземельного вопроса, то их бы и не собирали. Что сведения эти, по мнению самой комиссии, были нужны ей для разрешения поземельного вопроса, видно не из того, что рубрики «ведомости» стоят в прямой связи как с инструкцией для комиссии, так и той программой, которой она должна была руководствоваться в своих действиях (стр. 29–35 «Трудов...»).

Во второй рубрике комиссия поставила себе целью указать «название обществ и земельных участков, а также имена и фами-

лии лиц, в пользовании которых эти участки находятся», и вместо этих сведений дала лишь приблизительные указания на фамилии, которые носят некоторые из владельцев, да в качестве названия «участка» указала действительно существующее в данной местности название земельного района, но в огромном большинстве случаев – это географический термин, а не название известного клочка земли, как вещи. А во-вторых, и не пустяки все те неправильности, которые комиссия допустила, давая фактические сведения о нашем землевладении.

Если бы субъекты пользования были указаны правильно, если бы комиссия выяснила при этом ту причинную связь, которая существует в факте владения известным клочком земли нередко десятками людей, если бы было показано комиссией, что такая-то часть, положим, $1/24$, в таком-то участке принадлежит такому-то, в силу того, что прадед его купил $1/2$ этого участка, а у прадеда было два сына, а у деда современного владельца тоже было два сына, а отец современного нам владельца, по смерти своей, оставил наследниками 3-х сыновей, одним из которых является то лицо, о котором сейчас идет речь, и если при том известно, что участок, будучи однороден по своему качеству, делился всегда наследниками на равные части, то вот дробь $1/24$, при этих условиях, из цифры обращается в доказательство, устанавливая факт правомерного перехода участка на протяжении 4-х поколений и доказывая, что право собственности на него существовало еще у прадеда теперешнего владельца. А ведь такого рода сведения могли быть добыты о каждом владельце каждого участка. Вместо же этих сведений нам дали число «дворов» той или другой фамилии. Неужели же это безразлично для выяснения, почему же такой-то участок ныне в руках таких-то лиц? А ведь в этом «почему» кроется все разрешение вопроса.

Не безразличен для того или другого разрешения вопроса и тот факт, что комиссия, вместо указания земельных участков, во многих случаях указала географические термины, связав таким образом в факте владения известной земельной площадью лиц, ничем, кроме соседства, не связанных. Сейчас «ведомости» делают впечатление списка крупных помещиков. Если же бы сведения были правильны, оказалось бы, что «помещиков» во всей территории 5 горских обществ наберется десятка 2, остальные будут люди весьма скромного, если принять во внимание характер земли, достатка. Мало того, эта дробность землевладения, самый факт превращения имения в географический район, на котором ныне существует 20 и больше земельных участков, доказывает лучше всяких свидетельских показаний, сколько поколений предков настоящего собственника данного клочка земли имело землю в данном районе. История этого превращения имений в «местности» – вот мимо чего не должна была пройти комиссия, а она об этом факте даже и не заикнулась.

Остается сказать еще о значении неправильностей в указаниях

угодий. Комиссия, как известно, проводит «трудовую» теорию земельной собственности у нас в горах. По мнению комиссии, в горах Нальчикского округа, состоят из участков на «Улу-Нохте» та «Бидля может быть чьей-либо собственностью, к которой был приложен труд человеческий». Будет ли «Струнка» «Сары», «Жар-Алды» или «Аиврудобаши» пограничные с веревками «Сары-Тюз» и «Сары-Тюз»?

Что для того, чтобы можно было известно, с поведя на чьих горах косить, в огромном большинстве случаев надо поспать с этого участка лет 50 как минимум. А в некоторых случаях многих случаях в рубрике «Улудраджа» Асламбеку не даю Пастбищ, в ущерб покосов была разделена на 5 частей его сыновьями: Исхаком, Чепелеу, Хаджи-Муссе, Магметом и Исой.

Чтобы закончить наивысшим образом фактически «Улудраждов...» комиссии, дадим краткий прием земельки из земельных участков, дабы показать, что эти участки каковы: Кочевья, ки и усадебные места, жанду сае халма Турнико, то 30-ый год в частно и вся остальная часть владельческой земли в Чеченской области с западной стороны своего Хрида Гельма разданского оборота.

– Пастбищ хребет «Ак-кая», с запада

Ч е г е м с к и х х р е б е т «Мастыликов-Сырт», с юга – река

«Кудайланы-Жайлык»

«Сары-тюз»

Баксан и с востока участок тех же князей Атажукиных, был куплен князем Касаем Атажукиным у чегемских таубиев Балкароковых, от которого, в порядке наследования, перешел к внуку его, князю Асламбеку. Асламбек отдал «Сары-тюз» на бегендном праве сначала таубию Иналуку Балкарокову, а затем Жапуевым. После смерти Асламбека вдова его Аймак и сыновья: Мисост, Таусултан, Адильгирей и Атажуко выкупили участок от Джапуевых и отдали в бегенду Хаджидауту Этезову. Часть участка, находящегося под покосом, искусственно орошается. Есть хуторные постройки. Ныне участок «Сары-тюз», за смертью Мисоста и Таусултана, принадлежит Аймак, Адильгирей и Атажуко Атажукиным.

– 1) Границы: со стороны земли Жантудуевых – хребет «Табакчи-Дорбун», со стороны кабардинских нагорных пастбищных земель хребты: «Ташуко-Баши», «Кюнлюм-Кол-Баши» и «Сакин-сырт», со стороны Ахматовых из поселка Нумала – скотопрогонная дорога, ведущая на плоскость, со стороны Беккиевых хребет «Чикеда», со стороны второго участка Ахматовых из поселка Нумала хребет «Тюкли-Агач сырт», со стороны Иналука Балкарокова балка «Топканы-кол», Бекмырзы Балкарокова – хребет «Аксуны Тебен жаны сырт», других Балкароковых и Арслана Ахматова, сзади

«Ак-Кая» и со стороны кн. Наурузова р. «Кудехурт-су».

2) «Кочхар-таш» – принадлежал некогда чегемским таубиям Балкароковым, один из которых, именно Ахтуган, по отношению к которому современные нам Балкароковы составляют седьмое поколение, убил кабардинца Камгута Отманова и за кровь, по праву «кан», отдал Отмановым «Кочхар-таш». От Отмановых участок приобрели князья Атажукины, продавшие участок Магомету Ахматову, от которого участок этот достался по его смерти его сыновьям: Шемахе, Касаю, Таусултану, Мурзабеку, Асланбеку и Заурбеку и дочери Хажибийке по мужу Эбуевой. Братья Магометовичи «Кочхар-таш» разделили между собой на части, по смерти которых части эти поступили в порядке наследования их детям (см. родословное дерево)³⁹. Причем право Хажибийке на «Кочхар-таш» оставили за собой, за что отдали ей 300 баранов, 20 штук рогатого скота, 12 лошадей и участок «Мисостчегет». «Кочхар-таш» сильно раздроблен в настоящее время: многие из современных владельцев получают 1/48 часть участка.

3) Угодья: покосы, пастбища, пашни, мелкий лес, огороды и сады. На участке основан поселок, в котором живут исключительно сами владельцы.

«Кочхар-таш»

– Состоит из участков «Иски», «Урдоз», «Сары

жар-арты». «Юч таш», «Илипин-Аман» и «Хурзук кам». Границы: с востока – земля Девлет-Гирея Суншева и братьев Жабоевых; с юга – земли Джанхотовых и Шахановых, с запада земли Тенгиза Суншева и наследниц Кайсына Суншева; с севера – земли Безенгиевского сельского общества. «Уллу-Джора» принадлежал некогда Казию Суншеву. От него перешел по наследству к его сыновьям: Умару и Муссе Суншевым. Умар Суншев, переселяясь в 1860 году в Турцию, продал свою долю в «Уллу-Джора» Муссе Суншеву, который и является ныне собственником всего участка. «Уллу-Джора» сдавалась не раз в аренду: лет 30 тому назад его арендовали несколько

Б е з е н г р а з к а б а р д и е с к и е о б щ е с т в а Л у к м а н , М а г о м е т и д р . Х а б л я ш а е в ы , ж и в у щ и е в с е л . Ж а н х о т о в с к о м , а в б о л е е п о з д н е е в р е м я к а б а р д и н е ц ж е , ж и т е л ь с е л . Д о к ш о к о в а К у ч у к Д о к ш о к о в . Ч а с т ь « У л л у - Д ж о р а » у ч а с т о к « Х у р з у к к а м » л е т 20 н а х о д и л с я в б е г е н д е у ж и т е л я Х у л а м с к о г о о б щ е с т в а Б е к м у р з ы Д ж а б о е в а . В ы к у п л е н л е т 12 т о м у н а з а д . 2 / 3 у ч а с т к а « И с к и » н а х о д и т с я в д а н н о е в р е м я в б е г е н д е у Т а у с о и Р а х а я Р а х о е в ы х , з а 1000 р у б . , у ч а с т к и « Х у р з у к к а м » и « И л и п и н - А м а н » н а х о д я т с я в д а н н о е в р е м я в б е г е н д е у Х а м з а т а А к а е в а .

В р а с п р е и з - з а « У л л у - Д ж о р а » М и с о с т С у н ш е в , н е с к о л ь к о п о к о л е н и й н а з а д , у б и л А л и А б а е в а , з а ч т о С у н ш е в ы , п о р е ш е н и ю т р е т ь е с к о г о с у д а , о т д а л и А б а е в ы м , к а к п л а т у з а к р о в ь , 2 с е м ь и с в о и х к р е п о с т н ы х : М е ч у е в ы х и Ж а ч и е в ы х и н е с к о л ь к о с а б а н о в ; с а б а н ы и н ы н е п р и н а д л е ж а т А б а е в ы м , п о т о м к а м у б и т о г о н е к о г д а А л и я А б а е в а . Н а « У л л у - Д ж о р а » п о с т р о е н к а м е н ь н ы й д о м , к а м е н ь н ы е к о ш и , к о н ь о ш н и , з а в е д е н о м о л о ч н о е х о з я й с т в о . Ч а с т ь « У л л у - Д ж о р а » и с к у с с т в е н н о о р о ш а е т с я .

Х у л а м с к о е о б щ е с т в о

В ы ш е м ы д а л и и с т о р и ю в л а д е н и я з е м л я м и в р а й о н е « Р и в а ч л е » з а 3 п о с л е д н и х п о к о л е н и я . К с к а з а н н о м у п р и б а в и м з д е с ь с л е д у ю щ е е . П р и р а з д е л е Б и т у и Х а т а х ж у к о , с ы н о в ь я м и Х а м з ы Ш а к м а -

нова (Хамза в 7 колоне от современных владельцев участками в Ривачле), оставшихся им от отца земель, «Ривачле» и «Тютюн» достались на долю Хатахжуко, Биту же получил вместо доли в «Ривачле» и «Тютюне» участки «Хаса-буат» и «Джыгыш» (проданные впоследствии его потомками Биттировым), почему ныне потомки Биту: Кучук, Хангери и Паша участков ни в «Ривачле», ни в «Тютюне» не имеют. (пропущен комиссией). Принадлежит несколько

Между сыновьями Биту линаль, нажимим, фамилия Амьрихановы, произошло кровавое столкновение между сыновьями Биттирова, сводная доля в «Ривачле», хотел купить Барзбеким Амьрихановы от своего брата-ранту. Сын Хатахжуко Девлетгирей (при дознавателыне Сарбия Джарахмата Шакманов Барзбеким Амьрихановы – Авраам Юрчанчака. Произошла ссора, в которой Биттировы убий Девлетгирей в следствие чего дети Девлетгирейно Амьрихан Биттировы расплачались, в которую вошел, между другими для совбольшаиченлик «Кышдык», находящийся и ныне в ведении пакова Девлетгирей (прямую

На участках, входящих в Абасаев, Саванов (после немейдебукова), а сыновья Мимбулата Девлетгирей и Асламджамал (после немейдебукова) на своих участках каменнику Деманову и Хажикызму (после немейдебукова) своими семьями.

Б а л к а
 в ыре свои доли продали брату своему Мурзабеку Мисакову, а Хажикыз, при жизни своей,

Укажем отдельные участки, которые принадлежали Марсакову Мисакову земельными участками Дорн Мисакова Мисакова сына Батка Догмалы» находится в бегенде у Темирбулата Темуккуева. Часть доли сыновей Алимурзы Мисакова в «Догуате», в размере 8 десятин, находится в бегенде у Чепелеу Темуккуева.

«Хызын-баши»

- Куплен Цукулом Жангуразовым с братьями
- Куплен Бейтеварюна Текумуке Джанхо Кавиывыми от внуков Тенгиза Джанхотова.

«Ирчиуашки»

- Часть принадлежащей ныне Оразаевым в «Шаурдате» доли куплена Ахметкулом и Ортабаем Оразаевыми от Джанхота Хаджи Джанхотова.

№ 233 «Догуат-Домайлы»

- Часть участка «Карасу», принадлежавшая Пшемахо и Шаухалу Джанхотовым, отдана ими в бегенду Хаджи Жангуразову.
- То же и участок «Оракай».
- Часть участка «Джалпак», принадлежащая сыновьям Магомета, Муртазали и Хаджи-Джанхоту Джанхотовым, находится в бегенде у Акбаша Шаханова.

«Текергин»
п. 8 «Тешикле»

п. 13 «Шаурдат»

п. 1

п. 6
п. 10

В заключение, для того, чтобы показать, как именно происходили земельные разделы с переходом родовой земли по наследству, дадим картину последовательного раздела родовых земель фамилии Суншевых. Земли этой фамилии имеют ту особенность, что, находясь в глубине гор, все земли, находящиеся в обладании этой фамилии, являются родовыми, и ни одной пяди их Суншевы не купили. Кроме случаев покупки друг у друга.

Желая дать схему перехода земель по наследству, мы не останавливаемся, для простоты изложения, подробно на наследовании земель дочерью, тем более, что доли женщин почти всегда покупались кем-либо из их братьев или других родственников и только в настоящее время в ряду собственников суншевских земель имеются как правопреемники женских членов фамилии Суншевых (напр., Джарахмат Шакманов и Ибрагим Кучуков), так и сами эти наследники, урожденные Суншевы (напр., Абидат Карабугаева).

Для удобства понимания последующего изложения дадим родословную Суншевых⁴⁰:

Суюнч владел землями (кроме сабанов и биченликов: «Укю», «Думала», «Аккач», «Урели», «Улуагач», «Мылы-биченлик», «Уллуауз», «Чегет-Джора», «Джора», «Джидры», «Беккам», «Сагустинан» и «Джабышта».

Сыновья Суюнча

Был выделен Урусбий Суншев, получивший, кроме другого имущества, участок «Укю». Внук Урусбия, Чепелеу, переселившись на Баксан, продал участок «Укю» безингиевскому узденю Току Рахаеву за 300 баранов и 3-х холопов, участок «Укю» принадлежит ныне потомкам Тока Рахаева (в ведомости под № 200 «Укю»). Остальные сыновья Суюнча: Бийнегер, Амырхан и Жогушток жили вместе.

Внуки Суюнча

Из внуков Суюнча был выделен Бекмурза, сын Амырхана, получивший участки: «Уллу-Ауз», «Чегет-Джора», «Джора», «Джидри», «Беккам», «Сагустиан» и «Джабышта».

Сыновья же Бийнегера и Жагуштока, Магомед, Жамбора (Сафар-Али, брат Жамбора, умер раньше своего отца Жагуштока, почему дочь его, Бере-Ханум, доли в наследстве деда Жагуштока не имела), владели вместе участками: «Думала», «Аккач», «Урели», «Уллу-Агач» и «Мылыбиченлик», потомки их владели этими землями сообща до Асламбека (потомка в 4 колене, Магомета), Фатимой (по мужу Шакмановой, дочь Аслана, потомком в 4 колене, Магомета), Такий-бийче (по мужу Барасбиевой, дочь Чепе, потомком в 4 колене, Магомета) и Хаджикыз (по мужу Абаевой, дочь Касая, потомком в 4 колене, Жамбора).

При этом Асламбеку Суншеву досталось:

- 1) участок «Уллу-агач»
- 2) – « – «Урели»
- 3) часть участка «Думала»
- 4) часть участка «Аккач»
- 5) часть участка «Мылыбиченлик»

Сыновья Асламбека Хангери и Давлетгери Суншевы, по смерти его, поделили его землю следующим образом:

Хангерий получил:

- 1) 1/2 доли Асламбека в «Думала»
- 2) весь участок «Урели»

Давлетгери получил:

- 1) другую половину доли Асламбека в «Думала»
- 2) участок «Аккач»
- 3) участок «Уллу-Агач»

Фатима Шакманова получила:

- 1) часть участка «Думала»
- 2) – « – «Ак-кач»
- 3) – « – «Мылыбиченлик»

Хажикиз Абаева получила:

часть участка «Думала», каковую часть сын Хажикиз – Беппи Абаев продал лет 30 тому назад Девлетгирею Суншеву.

Токий Барасбиева доли свои продала другим Суншевым, и ныне ее потомкам в родовых землях Суншевых ничего не принадлежит.

Что касается до потомков Бекмурзы Суншева, то раздел земельной доли Бекмурзы произошел впервые при сыновьях его внука Казия: Кайсыне, Омаре, Магомете, Огурлу, Тенгизе и Муссе, причем:

1) Магомету достались участки «Джабышта» и «Беккам», уезжая в Турцию, Магомет участок «Беккам» продал своим братьям Кайсыну и Тенгизу Суншевым, а участок «Джабышта» продал хуламцам – узденям Жабоевым.

2) Омару и Муссе достались участки: «Джора», «Джидри» и «Сагустиан».

Омар и Мусса впоследствии поделились, причем:

а) на долю Омара Суншева пришлось участки «Джидри» и «Сагустиан», проданные им в 1869 году при отъезде в Турцию хуламским узденям Жабоевым;

б) на долю Муссы Суншева пришелся участок «Джора».

3) Кайсыну и Тенгизу достались участки: «Уллу-ауз» и «Чегет-Джора».

Кроме того, Кайсын и Тенгиз купили у брата своего Магомета, уезжавшего в Турцию, участок «Беккам».

Наследники Кайсына и Тенгиза разделили принадлежащие им земли «Уллу-ауз», «Чегет-Джора» и «Беккам» таким образом, что каждый участок был поделен пополам, и одна половина пошла Тенгизу, а другая – наследникам Кайсына.

4) 6-й сын Казия Огурлу Суншев умер до раздела, холостым.

З а к л ю ч е н и е

Как же должно быть резюмируемо все сказанное нами выше?
Мы утверждаем, что

1) все земли, находящиеся в Пяти горских обществах Нальчикского округа и подразумеваемые комиссией в пунктах 1 и 3 «Проекта о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежащих к этим обществам», составляют ныне, за силою ст. 533 I ч. X т. св. зак. и решений гражданского кассационного департамента правительствующего сената 1887 г. № 85, 1884 г. № 72 и 1868 г. № 449, неотъемлемую собственность их владельцев, безотносительно к месту жительства этих владельцев;

2) земли, указанные в п. 2 означенного «проекта» и состоящие ныне в обладании Пяти горских обществ, как лиц юридических, составляют собой собственность этих обществ;

3) ввиду отсутствия в горском землевладении по отношению хоть одного какого-нибудь клочка земли, условий, требуемых 406 ст. I ч. X т., по прямому и ясному смыслу закона (ст. 574. I ч. X т.), ни одна пядь земли в наших горах не может быть признана казенной;

4) общий дух составленных комиссией «проектов» идет вразрез с той аграрной политикой, которой придерживается русское правительство с момента опубликования именного высочайшего указа 9 ноября 1906 года.

Мы обращаем внимание комиссии на те непреодолимые пре-

пятствия и неисчислимы́е бедствия, которые повлекли бы за собой осуществление проектов, комиссией составленных. Классификация земель, принятая комиссией, проведена в жизнь быть не может: у нас в горах нет покоса, который не был бы «обработан посредством очистки от камней»; наши усадьбы, постройки, огороды, клочки орошаемой земли разбросаны по всем землям нашим, и многие из нас живут ныне оседло именно на тех участках земли, которые комиссия предполагает передать в распоряжение правительства.

Нам могут сказать, что согласно «проекту о направлении земельных споров» комиссия и не предполагает у нас что-либо отнять без суда, что если наше утверждение о том, что мы собственники владеемых нами земель, верно, то это будет, конечно, доказано нами в суде.

Надо ли говорить, что направление разрешения нашего земельного вопроса в суде равносильно полному разорению большинства из нас? Комиссия в своей «ведомости по земельным участкам» дала не вполне верную картину нашего землевладения — в массе оно не крупное, а мелкое. Участки, указанные комиссией, во многих случаях надо раздробить на десятки частей, чтобы получить фактические объекты обладания, а и эти последние почти всегда являются общей собственностью нескольких. Для всех этих малоимущих лиц путь судебного доказательства своих прав закрыт или равносильно разорению. Неужели комиссия своим «проектом» хотела дать преимущество богатым в нашей среде перед неимущей и бедствующей остальной ее массой?

Осуществление «проекта» комиссии было бы едва ли и справедливо: ведь в земли, подлежащие поступить в распоряжение правительства, многие из нас вложили все свое достояние. Чтобы купить тот или другой клочок их, продавалось часто все, что имелось в горах: и сабаны, и биченлики, и часть другого имущества. Земли эти испокон веков составляют объекты гражданского оборота у нас в горах, и изъятие их от нас было бы катастрофой в такой же мере моральной, как и материальной.

«Ныне вопрос этот» (земельный, в местностях военного народного управления), говорит во всеподданнейшей записке по управлению Кавказским краем наместник его императорского величества на Кавказе гр. Воронцов-Дашков 1907 года (стр. 57), «по нашему мнению, не должен вызывать никаких осложнений. Всех отдельных землевладельцев необходимо признать за собственников земель их фактического владения. В данном случае в таком направлении вопроса мы видим лишь развитие упомянутого выше высочайшего рескрипта князю Воронцову».

Мы со своей стороны к этим словам могли бы прибавить, что подобное разрешение земельного вопроса в Пятигорских обществах Нальчикского округа явилось бы единственно справедливым во всех отношениях его разрешением, и, будучи проведено в административно-законодательном порядке, спасло бы многих из нас от разорения, дав возможность передать детям нашим зем-

лю, в которую вложили столько личного труда и материальных средств их отцы и предки.

Все изложенное побуждает нас просить «комиссию по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области» об изменении составленного ею «проекта о земельных правах сельских обществ, отдельных членов их и лиц, не принадлежавших к этим обществам», в части, касающейся Пяти горских обществ Нальчикского округа, в смысле признания за лицами, владеющими ныне в горах Нальчикского округа Терской области землей, в чем бы эта земля ни заключалась (кышлык, джайлык, биченлик, сабан), права собственности (ст. 420–430 I ч. X т.) на земли их фактического владения, безотносительно к тому, будут ли эти лица юридические (сельские общества) или физические и будут ли эти лица (физические) приписаны к тому или другому сельскому обществу или нет.

Приложение: 17 копий документов⁴¹. Подлинники могут быть представлены по первому требованию комиссии.

Землевладельцы горских обществ Нальчикского округа и землевладельцы кабардинские князья того же округа: князь Тау-Султан Магометович Наурузов, князь Адиль-Гирей Атажукин, К. Атажук Атажукин, Тенгиз Суншев, Мусса Суншев, Давлетгерий Суншев, Хангерий Суншев, Кермахан Суншева, Наго Суншева, Забитхан Суншева, Абидат Карабугаева, Фатимат Шакманова, Кесамхан Шакманова, Эльмесхан Шакманова, Нальжуз Абаева, Якуб Гаев, Муштуй Гаев, Гуча Гаев, Хантук Гаев, Сокур Гаев, Бенелий Гаев, Дура Гаев, Чокур Рахаев, Слам Боттаев, Холкибий Боттаев, Банток Боттаев, Махай Боттаев, Жашко Боттаев, Мушкой Рахаев, Жашу Жебоев, Х. Иналук Жабоев, Паша Жабоев, Чорттай Жабоев, Таусо Жабоев, Тенгиз Жабоев, Абубекир Жабоев, Минчак Жабоев, Мусса Жабоев, Атох Жабоев, Исса Жабоев, Х. Конак Созаев, Жахой Созаев, Жоражу Созаев, Карау Созаев, Х. Исхак Созаев, Отар Созаев, Карамурза Созаев, Канау Созаев, Татау Созаев, Бекмурза Созаев, Хачук Созаев, Коспо Созаев, Ордан Битиров, Шохай Битиров, Даут Битиров, Мирта Битиров, Кадиль Битиров, Алий Битиров, Адиль Битиров, Юсуп Битиров, Тетора Битиров, Бетирбек Битиров, Султанбек Битиров, Огурлу Битиров, Шалук Битиров, Сошай Гиргоков, Кичинау Созаев, Зулкарней Махиев, Шешбау Битиров, Олий Исхаков, Курманбий Кучмезов, Мурзабек Шакманов, Конак Хажий Калабеков, Осман Калабеков, Алий Мирзаев, Келемет Жаурмезов, Даут Озроков, Ногай Ходжий Озроков, Хамзат Кудаев, Бекмурза Газаев, Эльмесхан Кучмазукина, Шимаил Гилястанов, Тумак Газаев, Лукам Газаев, Каллы Газаев, Солтан Хамид Жоноров, Таукан Мзаев, Елькон Мзаев, Заурбек Шакманов, Козий Шакманов, Шуха Кучмезов, Тугий Атабиев, Байруку Атабиев, Тетора Атабиев, Коммой Атабиев, Адиль Атабиев, Мажу Атабиев, Таусо Атабиев, Мисост Атабиев, Отар Атабиев, Дыню Атабиев, Токай Атабиев, Шио Атабиев, Абола Атабиев, Байкиши Атабиев, Шалук Атабиев, Магомет Атабиев, Хуртту Мишаев, Хамза Ата-

биев, Герий Мишаев, [Маима – ?] Мишаев, Бинегер Гиргоков, Алий Гиргоков, Хажиимар Гиргоков, Ахой Гиргоков, Омар Гиргоков, Герий Гиргоков, Гиляхстан Гиргоков, Джанболат Аттаев, Нуннай Аттаев, Аччи Аттаев, Мекяй Аттаев, Омар Аттаев, Чибчик Геккиев, Исмаил Гиргоков, Асланток Геккиев, Жежи Геккиев, Магомет-Герий Геккиев, Наршау Геккиев, Буштук Геккиев, Гиччолам Геккиев, Козу Геккиев, Алий Мурза Геккиев, Бутук Геккиев, Ахмат Геккиев, Джашарбек Геккиев, а за них неграмотных по их личной просьбе расписался Магомет-Гирей Суншев. Таубий Дадаш Балкароков. Узденъ Тебо Кудает. Джарахмат Шакманов. Таубий Басьят (он же Борис) Шаханов.

Балкарское общество

Бадинат Абаев, Анзор Абаев, Хасанбий Абаев, Асланалий Абаев, Жанхот Абаев, Таусултан Амирханов, Умар Амирханов, Аскербий Амирханов, Нохтар Боташев, Каншау Боташев, Шитхан Боташев, Умар Биканов, Татау Биканов, Кулчук Биканов, Адиль Мисаков, Аслангерий Мисаков, Шабаз Мисаков, Баттал Мисаков, Карашай Мисаков, Исмаил Мисаков, Хажимурза Мисаков, Магомет Мисаков, Хажиимар Мисаков, Ибак Мисаков, Далхат Мисаков, Мусса Забаков, Калган Забаков, Геля Забаков, Жума Забаков, Шабаз Забаков, Аго Забаков, Адиль Забаков, Гоммай Табахсоев, Магомет Табахсоев, Кайта Табахсоев, Султан Абаев, Бекмурза Мисаков, Азамат Мисаков, Кайтук Мисаков, Касполат Мисаков, Закерия Мисаков, Магомет Мисаков, Махай Мисаков, Сарибий Мисаков, Барасбий Мисаков, Ханбий Мисаков, Каншау Мусуков, Кучук Мусуков, Теух Мусуков, Омар Мусуков, Байтуган Мусуков, Сосран Абаев, Мехет-хажии Таубулатов, Бичо Мисиров, Махет Мисиров, Ахмат Мисиров, Сарабий Мисиров, Омар Мисиров, Акбаш Сараккуев, Баттал Сараккуев, Таукан Шаханов, Акбаш Шаханов, Тенгиз Шаханов, Магометмирза Шаханов, Кекей Хасаев, Гилястан Шаханов, Хаджи Жанхотов, Кумук Жанхотов, Таукан Жанхотов, Эльбузук Жанхотов, Каншаубий Жанхотов, Хадошук Жанхотов, Лахчук Жанхотов, Таубий Жанхотов, Баделиходжий Биев, Сафар-Алий Биев, Хажиимар Биев, Сарибий Айдебулов, Паша Айдебулов, Алихан Айдебулов, Асланбек Айдебулов, Анзор Айдебулов, Магомет Айдебулов, Жанбек Айдебулов, Ахмат Аттасаов, Батырбий Аттасаов, Ахбаш Аттасаов, Эльмурза Аттасаов, Ортабай Оразаев, Хаджий Оразаев, Мусса Оразаев, Хаджи Наршауов, Дугай Наршауов, Ильяс Жангуланов, Хахой Наршауов, Гогия Зарашев, Аслангерий Женоков, Беппо Жилкибаев, Алака Жилкибаев, Исмаил Жилкибаев, Трама Жилкибаев, Кучук Жилкибаев, Хажий Жилкибаев, Мусса Азаматов, Хамзат Азаматов, Батыр Азаматов, Миммо Башиев, Кден Хаджий Мисиров, Дидин Гузоев, Батыр-Хажий Негеров, Махет Негеров, Каракиши Атабиев, Эльмурза Маммеев, Голой Маммеев, Акой-Хажии Жангуразов, Тахир-Хажии Жангуразов, Сукул Жангуразов, Огурлу Хажии Жангуразов,

Цефелеу Жангуразов, Таукан Жангуразов, Умар Жангуразов, Шохаиб Картлыков, Умар Темуккуев, Чижу Кужанов, Биту Азаматов, Алий Азаматов, Гажон Азаматов, Каннуй Азаматов, Идрис Темиржанов, Борис Темиржанов, Хаджимурза Мисиров, Акбаш Чофанов, Канболат Эхчиев, Табмур Жангуразов, Баймурза Улбашев, Аслануко Улбашев, Хажий Атабиев, Бора Атабиев, Кишилик Атабиев, Шуна Атабиев, Нонай Атабиев, Цукул Бинегеров, Голый Мамаев, Архот Мамаев, Акбаш Абаев, Бепий Мамаев, Каншаубий Мамаев, Таукан Темирканов и Хамбий Темирканов, а за них неграмотных по их просьбе расписался Магомет-Гирей Суншев.

Чегемское общество

Мусса Барасбиев, Бекмурза Балкароков, Жунус Мамашев, Асхад Мамашев, Жанбот Ахматов, Кубадий Хаджий Ахматов, Барисбий Хаджий Барасбиев, Асланбек Кучуков, Иналук Балкароков, Жанбот Балкароков, Кубадий Ахматов, Жунюс Ахматов, Кайсын Ахматов, Касим Ахматов, Тимжаш Ахматов, Нух Ахматов, Атыкуш Ахматов, Казий Ахматов, Локман Ахматов, Миши Ахматов, Измаил Ахматов, Х. Бекмурза Барасбиев, Эдик Ахматов, Шохай Ахматов, Якуб Ахматов, Татау Анаев, Баксанук Анаев, Кубадий Анаев, Кука Анаев, Хамзат Анаев, Кечмен Анаев, Ногай Анаев, Аслангерий Кучуков, Сафар-Алий Кучуков, Озир Ахматов, Гиляу Ахматов, Махмуд Ахматов, Махай Ахматов, Чопе Ахматов, Басият Эмуев, Кулчуко Барасбиев, Кашинау Барасбиев, Паша Балкароков, Аслан Ахматов, Асланбек Ахматов, Юсуф Ахматов, Баймурза Кучуков, Тенгизбий Кучуков, Солтан Кучуков, Шуа Кучуков, Адильгерий Кучуков, Чопе Хаджий Келеметов, Исхак Келеметов, Нану Келеметов, Исмаил Хажий Келеметов, Мимбулат Келеметов, Таубий Келеметов, Мусса Келеметов, Токмак Беккиев, Омар Хаджий Эдоков, Аслангерий Мурачаев, Аслан Хаджий Мирзаев, Солтан Мирзаев, Даут Мирзаев, Аче Мирзаев, Омар Мирзаев, Чипай Хажий Мирзаев, Чубок Беккиев, Тауса Кулиев, Гашу Толгуров, Жамбот Толгуров, Ботока Толгуров, Алий Толгуров, Ахья Толгуров, Бузо Толгуров, Зута Толгуров, Алий Озроков, Очай Кулиев, Дока Кулиев, Ахман Кулиев, Шуа Кулиев, Атабий Кулиев, Мирзакул Кулиев, Касай Кулиев, Мамбет Газаев, Докшуко Газаев, Таусултан Газаев, Ахтуган Газаев, Бердибий Мурачаев, Тенгиз Мурачаев, Бияслан Мурачаев, Калагерий Соттаев, Бибо Соттаев, Адильгерий Соттаев, Жамбулат Соттаев, Хами Балкароков, Исмаил Балкароков, Асланбек Балкароков, Хаджи-Смаил Балкароков, Кекей Тудуев, Асланбий Тудуев, Гиргок Тудуев, Чопе Тудуев, Мусака Тудуев, Асланбек Тудуев, Эсенбий Аккаев, Таус Беккиев, Биберд Беккиев, Жаппай Беккиев, Женюс Кудаев, Омар К. Кудаев, Алий Жулбаев, Ислам Кудаев, Чепелеу Кудаев, Казий Келеметов, Нану Кучуков, Темиржан Кулиев, Каспор Байрамов, Конак Хажий Калобеков, Осман Калобеков, Алий Мизаев, Келемет Жаубермезов, Даут Озроков, Ногай Хаджий

Озроков, Хамзат Кудаев, Биаслан Кудаев, Бекмурза Гозаев, Эльмесхан Кучмазукина, Шамаил Геляхстанов, Экулай Геляхстанов, Тумак Газаев, Лукан Газаев, Каллы Газаев, Солтан Хамид Жоноров, Таукан Мзаев, Елькон Мзаев, Заурбек Шакманов, Казий Шакманов, Шуха Кучмезов, Тугуй Атабиев, Байруку Атабиев, Качу Атабиев, Дыбынк Атабиев, Тетора Атабиев, Коммой Атабиев, Адиль Атабиев, Мажу Атабиев, Таусо Атабиев, Мисост Атабиев, Отар Атабиев, Дынью Атабиев, Токай Атабиев, Шио Атабиев, Абола Атабиев, Бакиши Атабиев, Шалук Атабиев, Магомет Атабиев, Хуррту Мишаев, Хамза Атабиев, Герий Мишаев, Адильгерий Мишаев, Бинегер Гиргоков, Алий Гиргоков, Хажиимар Гиргоков, Жанугок Гиргоков, Ахой Гиргоков, Омар Гиргоков, Хазана Гиргоков, Герий Гиргоков, Гилястан Гиргоков, Джанболат Аттаев, Луннай Аттаев, Аччи Аттаев, Мекия Аттаев, Омар Аттаев, Чибчик Геккиев, Исмаил Гиргоков, Асланток Геккиев, Гежи Геккиев, Магомет-Герий Геккиев, Наршау Геккиев, Буштук Геккиев, Гиччолам Геккиев, Козу Геккиев, Алий Мурза Геккиев, Бутук Геккиев, Джашарбек Геккиев, а за них неграмотных по их личной просьбе расписался Магомет Гирей Суншев. Таубий Дадаш Балкароков, уздень Тебо Кудаев, Джарахмат Шакманов, таубий Басьят (он же Борис) Шаханов.

РЕЧИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

Речь на Первом горском съезде 1 мая 1917 г.

Братья горцы!

50 с лишком лет тому назад тяжелый гнет царизма задавил свободу горцев Кавказа.

25-го августа 1859-го года пал Гуниб. Наш незабвенный народный герой, имам Чечни и Дагестана Шамиль был пленен и отвезен в Калугу кончать свою жизнь в условиях придиричвого жандармского режима.

5 лет спустя, 21-го мая 1864-го года на другом краю нашей горской родины, на Черноморском побережье пал последний свободный черкесский аул Ахчипской.

Что за тем настало, вы слишком хорошо знаете.

Попрание вопреки торжественным обещаниям, когда-то данным, не только политических, но и имущественных наших прав, объявление земель, орошенных потом и кровью наших предков, — казенными, отдавание нас на растерзание отбросам русского общества, нахлынувшим жадной стаей на наивных и доверчивых горцев, из которых одних, к счастью ничтожное меньшинство, они развратили и обратили в своих приспешников и сотрудников, а других — озлобили и замкнули в глухом протесте против всего, что имело на себе штемпель русского правительства.

И вдруг чудо!

В марте 1917-го года русский пролетариат и русская революционная армия в союзе с русской интеллигенцией, сбросив оковы

с русского народа, тем же ударом разбили и цепи, нас оковавшие.

И вот мы на нашем горском съезде, единственном в истории народов наших, съезде, объединяющем все горские племена от Черного до Каспийского морей, свободно организуемся в союз для закрепления нашей свободы и устройства нашей жизни на разумных, широко демократических началах.

В единении сила.

В единении нашем, внутреннем нашем единении, и в единении с теми, кто освободил нас от гнета царизма, — пролетариатом, революционной армией и русской организованной общественностью.

Приветствуя вас от имени Временного центрального комитета, организовавшего настоящий съезд, прошу приступить к выборам президиума съезда и его председателя.

2 мая 1917 г.

Открывая первый съезд представителей всех племен Северного Кавказа и Дагестана, приветствую в этот знаменательный исторический день их первого объединенного съезда вас, дорогие товарищи и свободные граждане горцы, как представителей народностей, родственных друг другу по духу, культуре и историческому прошлому.

Присутствие среди вас делегатов горских племен не только Терской области, но и горцев самых отдаленных округов Кубанской области и Дагестана, служит лучшим доказательством того, насколько этот съезд необходим и сколь важна предстоящая ему работа.

Те бесплодные жертвы всего русского народа вообще и горцев Кавказа в частности на войне и те лишения, которые терпит народ в тылу, к которым привело их царское правительство, открыли глаза русскому народу, и прежде всего его рабочему пролетариату, армии и Государственной думе, и общими их усилиями царский режим в России революционным порядком низвергнут навсегда. Образовалось Временное правительство из недр Государственной думы и лучших деятелей, которое призвано историей собрать представителей народа в Учредительное собрание и устроить народную жизнь России на новых демократических началах равенства и свободы. Можно быть уверенным, что народы России не захотят восстановить опозорившую себя и приведшую страну на край гибели ненавистную всем царскую власть с ее произволом, насилием и жестокостью в отношении народа, в особенности памятных нам горских племен. В России, несомненно, будет установлена республика, т. е. народоправство, с выборным парламентом и выборным и ответственным пред народом правительством во главе с выборным же президентом.

До сих пор мы, горцы, были пасынками злой мачехи царской России. Но теперь, когда великий русский народ расправил свои могучие крылья и низверг режим произвола и насилия, и наш гор-

дый и свободный дух воспрянул, оковы, сковывавшие нас, разорваны, и мы почуяли свою былую свободу. Дорого мы продали свою свободу старой царской России, которую в лице ее крепостнического правительства мы ненавидели от всей души, но были бессильны сами сбросить с себя это ярмо произвола и гнета, пока сам русский народ не понял ясно, куда ведет Россию это царское правительство, и мощным ударом не сбросил его в пропасть.

Нам, горцам Кавказа, необходимо разобраться во всем прошедшем перевороте и занять определенную позицию в теперешнюю решающую судьбы наши, быть может, на многие сотни лет вперед, историческую эпоху.

Мы пойдем теперь рука об руку с великим русским народом, который провозгласил свободу и равенство всех народностей России.

Но, как каждая отдельная семья в жизни имеет свой особый угол, свои нужды и свою особую жизнь, духовную и экономическую, и физиономию, отличную от соседней одного и того же селения и города, так и различные народности России, объединенные в одно государственное целое, каждая имеет свои культурные и национально-духовные особенности.

Свободное государство, республика, даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии.

Но пределы и характер этой автономии определяются Учредительным собранием, и расширение этих границ до желательного для отдельных народностей предела дается не без борьбы с элементами, стремящимися к сохранению наибольшей власти за центральным правительством в ущерб окраинам.

Поэтому мы, горцы, должны явиться в Учредительное собрание во всеоружии, как объединенная мощная организация, для того, чтобы отстаивать такую форму республики, которая даст нам наиболее широкое самоуправление, широкую автономию.

Все мы понимаем, что каждое племя в отдельности будет бессильно добиться в Учредительном собрании того, что ему нужно.

Вот почему прежде всего необходимо всем горским племенам Кавказа организовать в могучий союз для совместного отстаивания в Учредительном собрании автономного их устройства и создания Всероссийского союза таких автономий, или федеративной демократической республики.

Мы здесь не одни: с нами тридцатимиллионное население Украины, все мусульманское население России, все казачество, Сибирь, Грузия, Литва, латыши, молдоване и, наверное, этот список еще не исчерпан.

Тот же принцип федеративного устройства государства составляет один из лозунгов партии социалистов-революционеров.

Установление связи между нашим горским союзом и всеми перечисленными мною народностями, группами населения и орга-

* Стенографический отчет 1-го горского съезда. Владикавказ, 1917.

** Терский вестник. 1917. 7 мая.

низациями составит первейшую задачу деятельности центрального комитета объединенных горцев.

Объявляю первый съезд представителей горских племен Кавказа открытым*.

Объединенное собрание казаков и горцев**

Шаханов, приветствуя казаков, говорит: «Старое правительство, разделив нашу и казачью свободу, в своем правлении пошло далее, оно оскорбило как горцев, так и казаков, натравливая казаков на горцев и горцев на казаков. Была пущена в ход система недоверия. Но теперь все рухнуло, все изменилось. Русская революция стерла все старое, не стало ни казаков, ни горцев, есть русские свободные граждане. Мы сольемся воедино, если общие лозунги будут объединять нас, этот лозунг даст нам тот, кто освободил нас от оков и кто дал нам революцию, — это пролетариат. Теперь прежнее деспотическое правительство рухнуло, будет правдивая власть. От имени всех горцев я призываю вас, казаки, к жизни на демократических началах и призываю за наше объединение провозгласить «ура!».

В исполнительном гражданском комитете*

8 мая состоялось очередное заседание областного исполнительного комитета, посвященное текущим делам

...Затем в зал явился в полном составе президиум Первого горского съезда. Председатель съезда Б. А. Шаханов делает следующее заявление: «Работа нашего съезда проходит в тревожной обстановке, вызванной следующими обстоятельствами. На ст. Котляревской солдатами остановлен вагон, в котором были теплые вещи кабардинцев. Вагон сопровождал солдат-кабардинец. Солдаты грозили даже арестовать кабардинца, думая почему-то, что в вагоне везут оружие. Солдаты обыскали вагон, там оказались только теплые вещи. При этом не помогло даже вмешательство комиссара.

В Дарг-кохе произошло более печальное событие, в результате которого был убит осетин. На Аргуне произошла перестрелка. В Беслане избито несколько осетин и ингушей. Вы все местные жители и знаете нас. Наша психология едва ли отличается от вашей. Если у вас начинают отнимать оружие — кинжал, принадлеж-

---

* Терский вестник. 1917. 11 мая.

** Съезд представителей балкарских сел.

ность вашего костюма, то вы едва ли останетесь спокойными. Между тем на всех станциях происходит обезоруживание туземцев. Одно из двух: или нас всех принимают за грабителей, или в нас видят угрозу свободам.

Хотелось бы знать, что может сделать в данном случае исполнительный комитет».

Речь Шаханова на горском съезде с участием представителей четырёх кабардинских селений**

20 июля 1917 г.

Граждане! Мы переживаем великие минуты. Каждый из нас должен сознать ту ответственность, которую мы несем перед Россией, перед демократией всего мира! Граждане! Мы не можем закрывать глаза на ту разруху, которая охватила сейчас Россию. Все мы должны объединиться для борьбы с нею. Мы, представители горского народа, стоим перед вдвойне трудной задачей. Мы, представители туземного населения, в течение десятков лет были оторваны от русской демократии. Сейчас буря русской революции смела стену, отделявшую горцев от русской демократии, но полного объединения нет. Между горскими комитетами исполнительного временного комитета и С. С. и Р. Д.* существует оторванность. На это нельзя не обратить внимания. Такое положение ненормально. Жизнь туземцев своеобразна, население пестро, масса национальных особенностей создает необходимость для русских осторожно подходить к укладу жизни туземцев. Народы, населяющие Кавказ, находятся на различной степени развития, но все живут одной мыслью, одной волей, жадной самого широкого самоопределения.

В русской демократии мы видим искренних защитников этого начала, поэтому иного отношения, как дружеского, у нас к ней быть не может...

Я укажу вам на трагические события во Владикавказе... Мы не забывали их так же, как не забыла русская демократия. Тяжелым гнетом она лежит на душе. Еще много темных сил, сильны провокаторы, сильна невежественная масса в своем диком разгуле... Кто же помог справиться с ними? Кто из русских пришел на помощь остановить эту кровавую бойню? Владикавказский Совет рабочих и солдатских депутатов. Представители русской демократии поехали вместе с горскими депутатами по аулам. Они смело выступили против озверелой толпы русских хулиганов. Они не

---

* Советами солдатских и рабочих депутатов.

** Горская жизнь. 1917. 9 августа.

побоялись мести ингушей. Они правдиво сказали свое слово и внесли успокоение в население.

Товарищи! Единение туземцев с русской демократией создаст сильную власть в округе. Мы не можем, по существу, быть ничем иным, как революционерами. Нас слишком долго угнетали, и теперь мы не можем быть половинчатыми: мы будем рука об руку с русской демократией бороться против остатков самодержавия. Старое не вернется, всякие контрреволюционные попытки будут нами беспощадно подавляться. Свободные самоопределившиеся национальности объединятся в Советы солдатских и рабочих депутатов для борьбы с надвигающейся реакцией.

Революция в опасности. Лишь организованная демократия в состоянии удержать натиск реакции. Призываю вас, горский народ, немедленно приступить к организации Совета крестьянских депутатов для совместной работы с Советом солдатских и рабочих депутатов.

Наши судьбы слиты...

Ничто не разъединит нас от русской демократии.

Мы создадим порядок в округе, мы выполним всю подготовительную работу к Учредительному собранию. Мы с русской демократией отстаим право на свободу, землю, право на широкое самоопределение народов**.

СТАТЬИ, ПОДПИСАННЫЕ ПСЕВДОНИМОМ П. Д'АРЖАН

Театральные наброски

Мне до сих пор никак не удавалось поговорить более или менее обстоятельно о нашем театре: «довлеет дневи злоба его» и, *volens-nolens*¹ приходилось заниматься этой злобой. Праздники освободили меня теперь от нее, и у меня явилась теперь возможность пополнить указанный пробел в моих летописях.

Итак, о театре и театральных делах-делишках. Должно заметить, что в этом отношении (как, впрочем, и во многих других) нам удивительно не повезло. Бог весть по каким мудрым соображениям город десять лет тому назад сдал в аренду некоему Белло (кажется), обязавшемуся содержать его в исправности, ремонтировать, снабжать декорациями и пр. В вознаграждение за эти обязанности арендатору предоставлено было право взимать повечерний сбор с антрепренеров² и товариществ в размере 55 р. со спектакля. Полагал ли город, что сам он не сумеет справиться с этим немудреным делом, хотел ли «порадеть родному человеку» – этого я не знаю, но знаю, что арендатор за истекшие 10 лет сделал все от него зависящее, чтобы извлечь из предоставленной ему за здорово живешь доходной статьи как можно больше и дать городу как можно меньше. Это ему удалось блистательно, и в наступающую минуту, к концу арендного срока, здание нашего городского театра представляет довольно-таки печальную руину,

нуждающуюся в капитальнейшем ремонте. Прогнившая крыша, ветхие полы, сырые стены – вот прелести, оставленные городу арендатором. Говорю оставленные потому, что сам арендатор скончался, а его преемник распорядился так, что с него всякие взятки гладки: прохозяйничав до последнего года, он теперь неожиданно передал свое арендное право на последний год теперешнему антрепренеру, а сам... улетучился за границу. Правда, г. Никулин, принимая от него арендные права, в то же время принял на себя и все обязательства (между прочим, сдачу театрального здания в полной исправности и театрального имущества в целости), но... в том-то и дело, что вряд ли сам Вельзевул³ разобрался бы теперь в том, какое именно имущество было передано арендатору и что именно он должен сдать. Да и было бы, впрочем, нелогично и несправедливо требовать, чтобы все недостающее (если бы, повторяю, можно было бы разобраться в этом) было пополнено Никулиным.

Короче: дело с приемом театра обстоит теперь более чем неблагоприятно и городскому управлению, очевидно, придется повозиться с ним немало. Придется ему повозиться, несомненно, и с самим театром. Его нужно капитально ремонтировать, да и, кстати, уж значительно расширить. Ибо в том виде (игрушечной коробки), какой театр представляет в настоящее время, он мог существовать разве только при царе Горохе, и нужна была наша нарочитая покладистость, чтобы этого не видеть в течение многих лет. Нужны, следовательно, расходы, расходы и расходы, а стало уж непреложной истиной, что у нас денег давно не было, нет теперь и вряд ли будут когда-либо. Поэтому, как выпутается городское управление из этого вновь надвигающегося на него затруднения – один аллах да, пожалуй, пророк его Магомет ведают. Вероятнее всего, что найдется какой-нибудь предприимчивый джентльмен, который предложит городу совершить перестройку и обновление театра за свой, предпринимателя, счет, а в вознаграждение за это потребует отдачи ему театра еще на десяток лет. Насколько же это желательно – показал уже опыт с прошлой арендой. А показал он, этот печальный опыт, что при условии уплаты какой-то бесцельной и бессмысленной контрибуции третьему лицу (арендатору), ничего общего с театральным делом не имеющему, ни один антрепренер, ни одно товарищество не в состоянии выдержать ни одного сезона; его ожидает обязательный прогар, безразлично, будет ли он (или оно) добросовестным и даст городу хорошую труппу, или окажется недобросовестным и соберет эту труппу с бору да с сосенки. В первом случае он, при самых блестящих сборах, не доберет, т. е. не покроет расходов на труппу и контрибуцию⁴, во втором – он совсем ничего не получит, так как никто театра посещать не будет. Так было раньше, так будет и дальше. «Прогорал» Мавреж⁵, «прогорала» Савина⁶, потому что у них трупп не было, и если теперь не «прогорает» Никулин с сравнительно хорошей труппой, то только потому, что ему удалось, как я сказал выше, отделаться от той

контрибуции, которая до сих пор взималась арендатором. Иначе, можно с уверенностью сказать, «прогорел» бы и он, несмотря на то, что с внешней стороны дела его более чем блестящи: что ни спектакль, то полный или почти полный сбор. Но в том-то и дело, что всех этих полных или почти полных сборов никогда и ни под каким видом не хватило бы на покрытие тех расходов, какие вызывает содержание хорошей (относительно) труппы. Не хватило бы даже в том случае, если бы эта относительно хорошая труппа была составлена на тех же самых экономических началах, как у Никулина. Но об этом в следующий раз.

Маленькие сказки для больших детей

Ваш искренний восторг, ваши горящие глазки, ваши улыбающиеся личики доказывают мне, дорогие дети, что моя первая сказка пришлась вам по вкусу и что вы будете охотно слушать меня и впредь. Только предупреждаю: не ждите от моих сказок ничего таинственного, сверхъестественного. Жизнь, та жизнь, в которую вы собираетесь вступить, сама по себе так полна сказок, что, право же, незачем даже выскакивать из нея в область таинственного и сверхъестественного, незачем прибегать к вымыслу, когда и действительность полна интереса и увлекательности. Да и то примите во внимание: расскажу я вам, положим, про гномов, русалок и ведьм. Вырастете вы, узнаете, что их совсем и нет и не бывало, что все это я выдумал, — и скажете: «Ах, и какой же лгунишка был этот дядя д'Аржан! И если он лгал нам в сказках, то почем знать, не лгал ли он нам и тогда, когда уверял, что счастье не в эгоизме, а в любви к ближнему, что истинно счастлив только тот, кто исполняет постоянно свой долг, трудится, работает, учится и т. д. и т. д.?» Совсем другое дело, когда мои сказки будут взяты из жизни. Вы вырастаете, встретитесь с таким же случаем, о каком слышали от меня, и скажете: «Спасибо дяде д'Аржану: благодаря его сказке мы не попали впросак и сумели отличить лигатуру¹ от настоящего золота. Спасибо ему; надо всегда помнить его сказки и беседы».

Ну вижу, что вы меня поняли и принимаете мое условие. Так повесьте же — как сказал какой-то древний философ — ваши уши на гвоздь внимания и слушайте:

Как Бог наказал На-Фу-Фу

Было это много-много лет тому назад в одном небольшом городке Поднебесной империи, которую вы знаете под именем Китая. Жил в этом городке маленький-маленький человечек, которого звали На-Фу-Фу. Имел этот человечек какую-то неболь-

шую лавченочку и торговал в ней, ни о чем не мечтая, если не считать «мечтой» желание иметь на завтра кусок хлеба и лишнюю горсть риса. Только вдруг выпало на его долю неожиданное счастье: из маленьких-маленьких человечков наш На-Фу-Фу попал в большие-большие мандарины². Случилось это так. В том же небольшом городке, где обитал наш На-Фу-Фу, жили четыре мандарина, четыре умных, богатых мандарина, занимавших видные должности и крупное положение в обществе³. Мандарины эти были близко знакомы между собой и часто собирались вместе для бесед и умного времяпрепровождения. Однажды и зайдите у них разговор о газете. «Странное дело, – сказал мандарин с одним шариком, – живем мы в городе, где всего вдоволь, где, можно сказать, во всем полная культура, а никто до сих пор не подумал завести здесь газету. Неужели же мы должны отставать от других и разыгрывать из себя каких-то дикарей?» – «Великолепная мысль! – подхватил мандарин с двумя шариками. – Газета! Да ведь это то, что двигает свет, что создает благополучие, что вносит жизнь, что разгоняет тьму. Это то, что...» – «Что нужно во что бы то ни стало создать!» – пылко перебил мандарин с тремя шариками. «И что создать должны мы! – дополнил мандарин с четырьмя шариками. – Да, мы, клянусь хвостом священной коровы!»

Как видите, мысль о создании газеты встретила общее сочувствие. Оставалось только разработать ее, а затем и осуществить. И стали наши мудрые мандарины разрабатывать ее. Все предусмотрели, все разработали, во всем сошлись – и на счет средств порешили, и редактора из своей среды выбрали, и на счет типографии покончили, на одном только никак сойтись не могли: не смогли они никак друг дружку уговорить взять на себя звание издателя. Уперлись все: «не хотим, да не желаем». И так у них это дело, вероятно, и заглохло бы, если бы мандарин с двумя шариками не встретил случайно знакомого и не поделился с ним их общим горем. «Ну вот еще, – заметил ему тот, – есть о чем печалиться. Да вы возьмите кого-нибудь и предложите ему: так мол и так, получай столько-то в год и подписывайся издателем! Да вот, чего лучше пригласите моего брата – человек он смиренный, покладистый, ни на что не годный; фордыбачить⁴ никогда не будет; словом, как раз то, что вам нужно». А брат-то этот и был наш маленький-маленький На-Фу-Фу. Доложил мандарин с двумя шариками о своем разговоре товарищам. Те и обрадовались: «Великолепное дело. Пусть нашим издателем будет На-Фу-Фу». Мигом отрядили посланца за На-Фу-Фу. Тот даже остолбенел от неожиданности: понял, бедняга, сразу, какое ему счастье привалило; понял, что теперь на него уже никто орать не посмеет, никто не попытается угостить его бамбуковыми палками по пяткам, что став издателем, он станет вместе с тем и мандарином, который сам может отсчитывать бамбуковые удары... Короче с первых же слов дал наш На-Фу-Фу свое согласие. Ударили по рукам и приступили к делу. Прежде всего надлежало получить разрешение. Конечно, если бы На-Фу-Фу вздумал ходатайство-

вать об этом сам, то вряд ли ему удалось бы получить разрешение, но так как за ходатайство взялись наши видные и влиятельные мандарины и один из них съездил с этой целью в Пекин⁵, то не прошло и трех месяцев, как газета оказалась разрешенной. Мандарины, как вы уже знаете, были народ все толковый и умный и газету повели так, что через полгода она насчитывала изрядное количество подписчиков и обещала превратиться в очень солидный орган, как вдруг... Вы, конечно, помните, на каких условиях мандарины пригласили На-Фу-Фу в издатели: он должен был получать определенное жалованье, подписывать газету и ни во что не вмешиваться. Так он первое время и делал: он держал себя чрезвычайно скромно, никогда не вмешивался в редакционную да и издательскую часть и, благодаря этому, газета процветала. Но вот однажды он неожиданно явился в редакцию и вдруг потребовал рукописи. Редактор (мандарин с тремя шариками), конечно, изумился: «Это вам зачем, г. великолепный На-Фу-Фу?» – «А затем, что не нравятся мне некоторые статьи ваши, и решил я впредь их в своей газете не помещать», – ответил На-Фу-Фу. «В своей газете? Вы, верно, не совсем в здравом уме и твердой памяти, г. На-Фу-Фу? Откуда вы это взяли, что газета – ваша? Насколько мне помнится, деньги на ее создание дали мы, труд по ее ведению несем также мы, а вы... вы – не больше, как наш приказчик, от которого мы только и требуем, чтоб он ни во что не вмешивался» – «Так ли? Как же вы наивны и просты, г. мандарин с тремя шариками! Вы упустили из виду, что официальный издатель – я, что никаких, законом признаваемых, прав на газету у вас нет, что вы были так просты и... простите меня – глупы, что ничем себя не обеспечили, и следовательно... да что с вами толковать долго? Хозяин здесь – я, слышите ли, и прошу вас немедленно оставить меня в покое!» Ошеломленный таким нахальством, мандарин долго не мог придти в себя. Что было делать? Отправился он к товарищам, но и они только могли сказать: «Ну и... ловкач же! влетели, можно сказать!» – а помочь делу, конечно, ничем не могли. Так и остался На-Фу-Фу единственным собственником чужого добра.

Есть, однако, дети, мудрая народная пословица. «Краденое добро, – гласит она, – впрок не пойдет». Оправдалась эта пословица и на нашем На-Фу-Фу. Разсчитал он, правда, как честных, доверчивых людей обмануть и добрать можно, но не разсчитал он одного – что всякое дело должно бояться мастера, что недостаточно палку в руки взять, нужно еще уметь и командовать, а командовать-то... ну, откуда было взяться этому уменью у вчерашнего неуча-торгаша? И вот, вместо ожидаемой выгоды, получился у На-Фу-Фу один только вред. Осталась газета без опытных руководителей, превратилась она в руках На-Фу-Фу в мелочную лавку и в каких-нибудь три-четыре недели волком взвыл наш На-Фу-Фу: отшатнулись от его газеты все подписчики и даже даром не хотели читать ее. Дальше – больше, и в один прекрасный, а быть может, и не прекрасный день очутился наш На-Фу-Фу без гроша в кармане, с одними долгами... И мелочную лавочку-га-

зетку пришлось закрыть⁶.

Так вот был, дети, наказан На-Фу-Фу за свою жадность и нечестность.

Позорное пятнышко

Несколько слов по адресу нашего медицинского общества. Как уже известно, оно в последнем своем собрании, между прочим, решило возбудить пред начальником области ходатайство о предоставлении для заседаний общества помещения в областном правлении. Мотивом для этого ходатайства служит то соображение, что, при отдаленности военного госпиталя, где заседания происходят в настоящее время, многие лишены возможности посещать их. Мотив веский, и мы не сомневаемся, что ходатайство симпатичного общества будет удовлетворено. Однако радоваться этому особенно не придется. И вот почему. Как ни симпатичны те цели, которые преследует наше медицинское общество, как ни плодотворна, несомненно, его работа, — есть и у него одна «заковыка», которая умаляет значение этой работы. Мы говорим о том параграфе устава общества, по которому все заседания его должны быть закрытыми, т. е. недоступными для публики. Какими соображениями руководились составители устава, включая этот параграф, нам неизвестно, несомненно, однако, что, как бы ни мудры были эти соображения в те времена, — теперь они решительно ничем не оправдываются. Времена, когда все и вся считало нужным уподобляться буддийским жрецам и облекать свою деятельность непроницаемой таинственностью, слава Богу, прошли, и теперь стало почти непреложной истиной, что лишь широкая гласность, свободный контроль — верный залог правильной и целесообразной деятельности всякого общественного учреждения. Медицинское общество вряд ли сможет составить исключение из этого правила. Напротив: помимо контроля, как упомянутого залога правильной и целесообразной деятельности, доступ публики на заседания нашего (да и всякого другого) медицинского общества важен еще и в том смысле, что здесь публика могла бы почерпнуть много полезных и важных для себя сведений по гигиене, санитарии и пр. И насколько нам известно, так именно и смотрят на свою деятельность некоторые медицинские общества: они признают, что, рядом с разработкой чисто научных вопросов, на их обязанности лежит и внесение полезных знаний в народ, в массу. Сошлемся в доказательство на общество врачей в Одессе, где [заседания] постоянно открыты для публики и привлекают многочисленных слушателей, жадно ловящих каждое компетентное указание популярных референтов, сошлемся и на тифлисское медицинское общество, также допускающее на свои заседания (впрочем, не все) посторонних слушателей. Почему же не хочет

или не может допустить их наше медицинское общество? Ведь ему-то (мы это с удовольствием свидетельствуем) уж во всяком случае ничего от посторонних глаз скрывать не приходится! И вот подите же, почему-то пресловутый параграф до сих пор строго охраняется, и публике на заседания общества доступ закрыт. Больше того, члены общества, эти серьезные люди науки, не останавливаются даже перед курьезом – перед серьезным обсуждением вопроса о том, могут ли быть допущены на заседания общества представители прессы. Факт. Загляните в журнал одного из сентябрьских или августовских (кажется) заседаний нашего общества, и вы встретите там такую высококомическую запись: «Слушали отношение заведывающего редакциею «Казбека» о допущении на заседания общества референта газеты. Постановили: допустить представителей печати на заседания общества». И постановили, заметьте, после полуторачасового обсуждения этого вопроса! Как бы ни было, постановление уже сделано, представители печати на заседания нашего медицинского общества допускаются. Не значит-ли это, что нужно быть логичными и пойти дальше? Ведь, допуская референтов газет, общество ipso косвенно допустило публику. Так отчего же не быть последовательными и не допустить всех желающих поучиться и почерпнуть у людей науки кое-что из их познаний? И особенно теперь, когда обществу будет предоставлено помещение, где публика его стеснять не может? Такие параграфы, как указанный нами пресловутый параграф нашего медицинского общества, являются темными пятнами для всякаго уважающего себя общественного учреждения. Правда, теперешние члены общества не повинны в том, что он существует в настоящее время. И чем скорее они избавятся от него, тем будет лучше.

Вот почему, поднимая этот вопрос, мы выражаем твердую уверенность, что в одном из ближайших собраний общества мы будем иметь возможность отметить в постановлении о выключении инкриминируемаго параграфа.

В думе

20 января состоялось первое в текущем году очередное собрание владикавказской городской думы. Рассмотрены нижеследующие наиболее существенные вопросы.

1) Над докладом ревизионной комиссии о ревизии прихода и расхода городских денежных сумм на 1898 г. долго висел какой-то злой рок... Он назначался в течение последней трети 1899 г. несколько раз, но, по обыкновению, наши думцы не собирались в должном количестве, и слушание этого доклада все откладывалось и откладывалось. Наконец этот доклад заслушан думою.

Ревизионная комиссия работала над ревизией денежных сумм с 21 июня по 1 августа 1899 г. Ею найдено, что денежная отчетность в 1898 г. велась менее аккуратно, чем в 1897 г. Во многих случаях не представлялись оправдательные документы, а если и представлялись, то неоплаченными гербовыми марками, что влечет за собою ответственность членов управы по усмотрению областного по городским делам присутствия. Бухгалтерские книги велись небрежно. Недоимок накопилось до 73 462 руб., а побудительных мер по их взысканию не принималось. Эти побудительные меры имеют свой *raison d'être*¹, так как недоимщиками являются состоятельные лица и даже сами гласные. Инвентаря городских имуществ не ведется с 1893 г. По этому поводу городская управа заявила, что она не имеет физической возможности даже начать его. Гласный Грозмани² настаивал на назначении платной комиссии из гласных для составления инвентаря. Вопрос об инвентаре временно оставлен открытым. Доклад ревизионной комиссии думою был принят к сведению, причем, однако, было поставлено на вид городской управе вести в будущем более аккуратную денежную отчетность.

2) Владикавказским полицеймейстером Котляревским³ на постановление думы от 29 октября прошлого года, которым дума отказала полицеймейстеру в удовлетворении его требования о возмещении понесенных им расходов по освещению и отоплению полицейского управления за последние три года, принесена жалоба в терское областное по городским делам присутствие. Последнее, находя требование полицеймейстера заслуживающим удовлетворения, решило отменить постановление думы от 29 октября. Это решение думою единогласно постановлено обжаловать.

3) Как мы уже сообщали в свое время, дума постановила продать участок земли для постройки здания под государственный банк и вырученные от этой продажи деньги употребить на городские сооружения. В последнем пункте это постановление, как незаконное, областным по городским делам присутствием отменено: деньги, вырученные от продажи участка, должны поступить в запасный капитал.

4) За усиленные труды в борьбе с заразными заболеваниями в течение шести месяцев думою постановлено выразить городскому санитарному врачу г. Митнику⁴ благодарность и выдать ему же денежную награду в 150 руб.

5) Местные мясники вошли в думу с ходатайством об уничтожении городской таксы на мясо или, в крайнем случае, ее повышении. Это ходатайство вызвало страстные прения. «Мясницкая партия», таковая есть в числе гласных, говорила «жалкие слова» по поводу якобы бедственного положения мясников; часть остальных гласных стояла за таксу и часть, во главе с городским головою, за свободную конкуренцию. В конце концов, после невообразимого шума, пришли к следующему заключению: таксу на мясо временно оставить прежней, собрать сведения о ценах на

мясо в соседних городах, произвести опыт продажи мяса при свободной конкуренции и по поводу полученных результатов всего этого собрать экстренное заседание думы.

6) Наша городская управа не представляла отчетов о своей деятельности в 1895 г. Дума, по инициативе ревизионной комиссии, на последнем заседании постановила сделать обязательным ежегодное представление (не позже 1 мая следующего за отчетным года) управою отчета о своей деятельности. О форме отчета предложено управе снестись с управами других городов. Постановлено также об обязательном представлении городским архитектором, ветеринаром и санитарным врачом ежегодно отчетов о своей деятельности. Последнее постановление вызвано тем, что, по заявлению управы, интеллигентные специалисты, состоящие на службе у городского управления, манкируют⁵ своими прямыми служебными обязанностями.

7) Разрешение на открытие ренского погреба на вынос, данное думой владикавказскому обществу потребителей, вызвало вопрос о разрешении открытия таких погребов на всем протяжении Грозненской улицы. После некоторых дебатов, во время которых гл. Грозмани остроумно вышучивал непоследовательность нашей думы, последняя признала возможным дать это разрешение. В разрешении открытия ренских погребов на Подгорной улице отказано.

Как погиб Э. А. Штебер¹

Года два тому назад всю Россию облетело печальное известие о безвременной кончине местного провизора Эммануила Альбертовича Штебера, известного любителя геологических экскурсий по Кавказу.

Напомним вкратце подробности этого печального события. Как известно, в 1897 году в Петербурге состоялся международный съезд геологов, по окончании которого члены съезда, разделившись на партии, совершили ряд экскурсий по Крыму, Кавказу, Сибири и пр. В экскурсии одной из этих партий по Кавказу принял участие и Э. А. Штебер. Партия проследовала в Эриванскую губернию, где решила совершить восхождение на Арарат. Во время восхождения Э. А. Штебер отделился от товарищей, замышляя подняться на одну из недоступных высот. Больше товарищи его не видели: он не возвратился ни в тот, ни на другой день. На третий же день в одном из ущелий розыскали его труп, причем решено было, что он сорвался и затем замерз. То обстоятельство, что при нем не оказалось бумажника с деньгами и золотых часов, приписали случайности, полагали, что они выпали во время падения Эммануила Альбертовича. Между тем теперь выяснилось, что эти-то бумажник и часы явились причиной безвременной гибели пользовавшегося общим уважением, почетом и любовью Эммануила Альбертовича.

Выяснилось это при следующих обстоятельствах, ставших из-

вестными нам из письма, полученного на днях во Владикавказе.

Недавно в Эривани судили казака-пластунца², обвинявшегося в ряде крупных преступлений. Давая свои показания, подсудимый, между прочим, сознался, что им убит и Э. А. Штебер. Произошло это таким образом: состоя в охранной страже, которую прикомандировали к экскурсантам-геологам, подсудимый обратил внимание, что при Штебере имеются деньги и часы. Решив во что бы то ни стало овладеть ими, казак выжидал лишь удобной минуты. Минута эта скоро представилась. Э. А. Штебер, как известно, отделился от товарищей и направился на одну из высот. Притаившись, казак последовал за ним и, когда они скрылись из виду, напал на беззащитного Штебера и, обобрав его, убил, сбросив труп в ущелье, где его и нашли лишь на третий день.

Известие это должно произвести огромное впечатление особенно у нас во Владикавказе, где Э. А. Штебера знал и уважал стар и млад и где трагическая кончина его вызвала в свое время общия сожаления и горе. Сожаление и горе должны теперь еще усиливаться, так как Э. А. Штебер пал, как оказывается, жертвой не собственной любознательности и неосторожности, а чужой алчности и дикости.

Адепты¹ кулака, как обязательного фактора «Исполнения служебных обязанностей»

Кулак, всемогущий русский кулак, тяжелым молотом опускающийся на головы маленьких людей, приобретает у нас все более широкое распространение.

До сих пор многострадальный российский обыватель считался и был знаком лишь с кулаком полицейским.

Теперь область применения сего «внушения» расширяется.

К нему начинают прибегать и другия «учреждения».

По крайней мере, у нас, во Владикавказе, его сочли нужным культивировать... городское общественное управление и персидское вице-консульство.

Первое избрало исполнителем своих новых начертаний сторожа Черникова; второе – своего письмоводителя или секретаря Мамад-Гуссейна.

Поговорим сначала о втором.

Странные порядки завелись в нашем персидском вице-консульстве, странные и, увы, довольно-таки нежелательные.

Нет, кажется, ничего несчастнее бедного персиянина (персидско-подданного). Существует закон, подтвержденный в последнее время обстоятельным циркуляром министерства внутренних дел (от 23 апреля 1896 г.), по которому всякий прибывший в Россию иностранно-подданный (а по циркуляру особенно турецко- или персидско-подданный) может проживать здесь по своему нацио-

нальному паспорту, засвидетельствованному нашими миссиями и консульствами, отнюдь не более шести месяцев. По истечении же этого срока иностранно-подданный обязан озаботиться приобретением русского паспорта (оплачивается маркой шестидесятикопеечного достоинства), обмениваемого ежегодно.

Между тем владикавказское персидское вице-консульство требует от всех своих «подчиненных», чтоб по прибытии во Владикавказ они обязательно брали у него какия-то особенныя свидетельства, стоимостью в 6 рублей 60 коп.

Не говоря уже о том, что для бедного персианина, прибывающего сюда без гроша в кармане, подолгу остающегося без всяких заработков, такая крупная плата за свидетельство владикавказского вице-консульства является чрезвычайно обременительной и даже непосильной, — персианину приходится считаться еще и с тем, что такое свидетельство полицией совсем не признается, и последняя требует, чтоб он обязательно представил ей законный русский паспорт, иначе она признает его беспаспортным и поступает с ним по закону (высылка этапным порядком на родину). Получается, таким образом, что всякий вновь прибывший во Владикавказ персидско-подданный, а также и проживающий здесь приобретает у своего вице-консульства какую-то совершенно ненужную ему бумаженку, за которую он, однако, должен уплатить 6 р. 60 коп.

Само собой, что при этих условиях каждый персидско-подданный, если он только имеет надлежащее представление о значении ни на что ненужной ему вице-консульской семирублевой бумаженки, находит целесообразным совершенно не брать ее, предпочитая более дешевый и действительный русский паспорт.

Но это отнюдь не кажется предпочтительным персидскому вице-консульству. Последнее, очевидно, твердо убеждено, что его свидетельство ценнее русского паспорта (надо думать, что учение о «ценности» и «цене» вице-консульство почерпнуло у необычайно компетентной в этом редакции «Казбека»), и потому настойчиво требует, чтобы все персиане предпочитали его свидетельство законному русскому паспорту.

Видя, однако, что словами этого «непонятным» персианам не втолкуешь, письмоводитель или секретарь вице-консульства, упомянутый уже нами Мамад-Гуссейн решил «втолковывать» свое представление о ценности более внушительным и действительным способом — кулаком.

Говорят — и очень усиленно — что внушение по последнему способу практикуется им в самых широких размерах.

И надо думать, что в этих «говорах» — очень много правды.

Доказательством служат, с одной стороны, многочисленныя свидетельства, о которых мы говорили выше и которыя ежедневно поступают в местное полицейское управление, где их, как уже сказано, признавать не могут; с другой — нижеследующее заявление одного персидско-подданного, записанное в книгу происшествий владикавказского городского полицейскаго управления:

«Персидско-подданный Риза-Джалил-Оглы, проживающий близ Чугунного моста (в чьем доме – не знает), заявил, что персидское вице-консульство требовало, чтобы Риза взял билет на проживание в г. Владикавказе, требуя за это 6 руб., и когда Риза отказался взять этот билет за неимением денег, то секретарь вице-консульства Мамад-Гуссейн на базаре две недели тому назад (эти две недели Риза проболел) избил его».

Вразумительно и внушительно!

Однако сегодняшнее письмо мое разрослось, и беседу о втором рыцаре кулачной расправы – стороже Черникове нам придется отложить до следующего раза.

Своеобразное «культуртрегерство»¹ городской управы

В истории сторожа владикавказского городского общественного управления Черникова, которую я обещал рассказать, – интересная роль не столько самого Черникова, как отношение к кулачной расправе со стороны нашей городской управы.

Самая история может быть изложена в трех словах.

Черников охраняет городское имущество. В числе этого «имущества» имеется проволочная ограда на берегу Терека близ Ольгинского или так называемого Чугунного моста. Некий Сергей Алдатов, проходя несколько времени тому назад мимо этой ограды, нечаянно или, быть может, в виду утомления слегка облокотился на проволоку. В ту же минуту его сзади что-то оглушило (выражаясь вульгарно, попросту «съездили по уху»). Быстро обернувшись, Алдатов с недоумением заметил какую-то внушительную фигуру, довольно недвусмысленно приподнявшую длань для второго «заушения». Последовало «небольшое объяснение», и Алдатову стало ясно, что он совершил преступление, покушаясь на целостность городского имущества, и что «заушивший» его, внушительного вида субъект, есть никто иной, как «охранитель» этого имущества, сторож Черников, готовый из усердия к своим служебным обязанностям не только живот свой положить за вверенное ему охране городское добро, но и «заушать» каждого проходящего, буде тот выкажет малейшее желание причинить ущерб этому имуществу. Алдатов не имел права сомневаться в этом, так как ему тут же было обязательно сообщено, что однородной с ним, Алдатовым, участи не далее как несколько минут тому назад подвергся другой «преступник» – какой-то молодой человек.

Несмотря на столь убедительное доказательство обязательности той расправы, какая над ним учинена, Алдатов остался при особом на этот счет мнении и сделал об этом заявление в полицейское управление. Последнее, в лице полицеймейстера ротмистра Котляревского, сообщая об этом заявлении городской упра-

ве, просило последнюю заменить Черникова другим сторожем, так как Черников не имеет никакого представления о тех обязанностях, которые лежат на нем, и, наоборот, имеет черезчур своеобразное представление о тех правах, которые ему предоставлены.

Вы ожидаете, конечно, что городская управа согласилась с этим и уволила Черникова?

Ошибаетесь: вы совсем не знаете нашей управы, если приписываете ей такие ретроградные взгляды.

Она давно уже пошла далеко вперед и с легкой руки, очевидно, одного из своих членов (Б. Казарова) пришла к самому прогрессивному методу: всякий служащий по городскому общественному управлению ни за что отвечать не должен, пользуясь, однако, в то же время не только теми правами, которые ему предоставлены по занимаемой им должности, но и теми, которые составляют неотъемлемую собственность зулусов², кафров³ и иных дикарей.

Естественно, что и ответ городской управы на отношение полициймейстера должен был носить сугубо прогрессивный оттенок.

И он (ответ) действительно носит этот оттенок.

Вот что он гласит (приблизительно): увольнение Черникова управа находит нелогичным и нерезонным. Черников исполнил лишь свою обязанность и за это заслуживает не порицания, а, напротив, особенной похвалы («и поощрения» – добавим мы от себя, беря на себя смелость рекомендовать управе войти в думу с особым представлением о награждении Черникова и будущих его последователей особой медалью с надписью: «за приличный кулак»). «Если же, – заканчивает свой ответ управа, – Алдатов считает себя обиженным (управа, видно, сомневается, чтобы человек мог дойти до такого нахальства и обижаться за хорошую «заушину»), то он может обратиться с жалобой к мировому судье».

Резонно, хотя... в своей отсталости мы все же остаемся при своем мнении.

ФИГОВЫЙ ЛИСТИК

Захотелось нашему городскому общественному управлению в прошлом году увеличить свой доход. Желание вполне, конечно, похвальное, и никто возражать против него, само собой, не мог бы. Но беда в том, что единственным источником для сего увеличения могли послужить, по мнению наших заправил, кабаки. А это уж, как вы сами понимаете, несколько конфузно: строить свое благосостояние на спаивании населения, что там ни говорите, как будто не совсем, мягко выражаясь, удобно. Как тут быть? Подумали наши заправилы и решили: «А фиговый листик на что? Штука, можно сказать, отменная!»

И полились речи...

Мы помним, мы живо помним эти речи! Каким благородством, какой заботливостью, трогательным участием к «меньшему брату» дышали они! Тут было и «растлевающее влияние кабака», и «спаивание несчастных», и «недобросовестность кабатчиков» (точно есть добросовестные кабатчики!), и «нерадение полиции», и «нравственная обязанность охранения населения от сивушного дурмана», и «высокая культурная работа» и... да мало ли чего тут не было?

Прокралось мимоходом и «увеличение доходности».

Последнее могло прорвать или, по крайней мере, приподнять немного фиговый листик, но... нам ли, хитрым детям лукавой Евы, заимать стать умения сохранять фиговые листки на должных местах?

И полились снова речи...

«Вы недоумеваете, – говорили нам, – как это можно достигнуть таких результатов, чтобы и пьянство уменьшилось и доходы городские увеличились? А между тем нет ничего легче и проще этого. Нужно только запретить открытие кабаков низшаго разряда, оставив духаны, и разрешить открытие ренсковых погребов на вынос лишь на одном Александровском проспекте. Первое – уменьшить число кабаков вообще, второе – увеличить сумму сбора с трактирного промысла, так как взамен не подлежащих обложению ренсковых погребов на вынос появятся такие заведения трактирного промысла, которые подлежат обложению».

Правда, мы и тут еще недоумевали. Позвольте, думали мы, какая ж разница между кабаком и духаном?¹ Это раз. А во-вторых, не странно ли: люди толкуют об уменьшении пьянства путем сокращения количества питейных заведений и тут же рядом хотят уничтожить такие питейные заведения, которые меньше всего способствуют пьянству?! Ведь ренсковые погреба² на вынос отнюдь не то, что простой кабак, где к моим услугам и закусочка, и штопорчик, и рюмочка, где я могу в компании нажраться до одурения: здесь, в ренсковом погребе на вынос, я могу лишь приобрести бутылку водки, которую должен вынести, т. е. отнюдь не могу тут же распить. Где же тут логика?

Но нас постарались уверить, что и в этом отношении мы глупо заблуждаемся. Мы напрасно воображаем, что ренсковой погреб на вынос – действительно ренсковой погреб на вынос; ничуть не бывало: в большинстве случаев, ввиду отсутствия у нас хорошаго полицейскаго надзора, эти погреба отличнейшим образом торгуют распивочно.

Мы продолжали недоумевать. «Отлично, – говорим мы, – пусть даже правда, что некоторые погреба торгуют и распивочно. Что же будет достигнуто, если их уничтожить? Появятся на их место форменные кабаки с распивочной продажей. Чем же они лучше? И как это может повлиять на уменьшение пьянства, о котором нам толкуют? Ведь если даже некоторые погреба и производят распивочную продажу, то, ввиду той громадной ответственности, которую они понесут при обнаружении такой незаконной торговли, она, эта торговля, никогда не может принять таких безобраз-

ных форм, которая мы встречаем в обыкновенном кабаке. Ergo...³

Но нас опять начинали разубеждать, опять посыпались громкие фразы, и в конце концов мы вынуждены были придти к заключению, что, очевидно, мы просто-напросто тупоголовы и не можем достигнуть тех тонкостей, которые так понятны нашим «отцам».

Могло ли нам тогда придти в голову, что тут все дело в фиговом листке?

Прошел год. Вздумалось открыть ренсковой погреб на вынос нашему потребительному обществу. Люди в нем все свои, — как отказать?

И вот снова полились речи... Но какая неожиданная для нас речи! Мы вдруг узнали, что наши прежние недоумения совсем не были глупостью; что нас только морочили, когда убеждали в том, что заблуждаемся; что ренсковые погреба на вынос гораздо лучше всяких других кабаков и что открытие их должно быть даже едва ли не поощряемо; словом, мы узнали вдруг, что все прежние речи были лишь фиговым листиком...

Конечно, мы можем только радоваться этому и благодарить наших искусников за то, что они, наконец, разоблачились, но... как-то должны себя чувствовать теперь сами искусники?

Шалости пера

«Скромность — украшение человека. Правда — гордость его. Будь скромн и правдив — и ты будешь почтен и возвеличен» — так или приблизительно так поучал или думал поучать великий древний мудрец.

Нужно ли называть его?

«Скромность — глупость. Правда — смешно и бесполезно. Будь нескромн и лжив, и ты будешь почтен, возвеличен, а главное — взыскан милостями» — так или приблизительно так поучает, другой мудрец, мудрец новейшей формации.

Можно ли не назвать его?

Тем более, что до этого тем же мудрецом сделано другое открытие, еще более, пожалуй, почтенное и поучительное.

«Кавказский туземец, — открыл он, — вместилище всяческих скверн. Хотите очиститься от них — выселите всех туземцев в глубь Азии, и они там повымирают».

И то, и другое открытие, как видите, самого радикального свойства.

И то, и другое открытие, как сказано, принадлежат одному и тому же лицу, подарившего мир этими открытиями!

И да будет стыдно миру, вздумавшему не признавать этих открытий.

Да будет стыдно ему, ибо наш мудрец, мы уверены, сумеет доказать всю целесообразность и важность их.

Да, впрочем, разве не доказал он уже этого? Не доказал, по крайней мере, по отношению скромности и правды?

Вспомните последнее собрание нашего статистического комитета и вы согласитесь, что мы правы.

Разве, придерживаясь формулы древнего мудреца, наш новый мудрец был бы почтен «общим вставанием»?

Старый мудрец сказал бы:

«Господа, все, что нами сделано, в сущности, не стоит и выеденного яйца и уже во всяком случае тех средств, которые нами затрачены на это. При энергии, при желании действительно поработать на пользу области мы могли бы сделать в десять-двадцать раз больше того, что сделали. Да и то, что сделано, кому и на что оно нужно? Мы собирали цифры? Но мы обязаны были собирать их, так как получаем за это солидное вознаграждение. А что дали вам эти цифры? Внесли ли они свет, правду? Нет, и тысячу раз нет! Напротив: они сгустили лишь мрак и усилили путаницу. Мы орудовали ими, как послушными оловянными солдатиками, заставляя их говорить вам лишь то, что было выгодно, что было желательно вам. И вы знаете, что они, эти оловянные солдатик, всегда исполняли наши желания. Нам нужно было доказать, вопреки очевидности, что Терская область – многоземельна, – выстраивались одни солдатик; требовалось доказать, что туземцы – исчадия ада, – мы выстраивали перед вами других солдатиков. Вот в чем, господа, заключалась наша работа; вот для чего служили собираемые нами цифры. Верны ли они? Проверяли ли мы их? Ну, конечно нет! Проверенные цифры могли бы сказать вам правду о нашей действительности, а это – вы сами понимаете – совсем не в наших интересах, нам хорошо только до тех пор, пока нет этой правды.

Мы, – вспоминаете вы далее, – издавали «Сборник». Так. Но находили ли вы в этом «Сборнике» то, что нужно было вам? Находили ли в нем действительность, «жизнь как она есть»? Опять-таки нет и тысячу раз нет. Мы включали в него только то, что нужно было нам, и не стеснялись даже переделывать включаемые «материалы» в желательном для наших целей смысле.

Наконец, вы указываете на одну из наших работ, о которой говорили даже в вольно-экономическом обществе. Но, господа, кто же не знает, что из прекрасного далеко все кажется в другом свете, чем оно есть в действительности.

Не заблуждайтесь же и не приписывайте нам заслуг, которых за нами не было и нет. Помните, что мы люди – скромные и правдивые».

И выслушав это дикое признание, эту шалую речь древнего мудреца, собрание...

Но вы понимаете сами, как «почтило бы» собрание нашего совестливого оратора.

Новый мудрец поступает иначе.

Он говорит:

«Господа! Перед нами результат нашей (моей) работы. Перед вами колоссальный труд, созданный нашими (моими!) руками, нашей (моей!) энергией, нашим (моим!) умом... Что может быть величественнее, ценнее и целесообразнее этой работы? Преклонитесь же перед нашим рвением, перед нашей энергией, перед нашим умом, перед нашими способностями. Воскурите же нам фимиам и почитите...» И т. д. и т. д.

И мы знаем, что после этого не верить ему, когда он уверяет нас, что скромность – глупость, а правда – лишь помеха на жизненном пути?

И не приходит ли вам в голову, что, доказав так блистательно верность одного своего открытия, наш мудрец сможет доказать такую же верность и целесообразность и второго?

И не подмывает ли вас вместе со мной воскликнуть по адресу нашего нового мудреца:

Да...

Но вы поперхнулись? Неужели же вы не понимаете, что поперхнуться в такую торжественную минуту по меньшей мере не тактично? Нет, я положительно убеждаюсь, что вы не умеете ценить достойных и почтенных людей. Да будет же и вам стыдно!

Расписка в получении

Издатель «Казбека» С. Казаров «расписался в получении», признав себя в моем китайском издателе На-Фу-Фу, он грозит мне судом. Я очень рад этому, так как суд даст мне возможность снять личину с г. Казарова и разоблачить все его неблагоприятные проделки как в отношении первых настоящих издателей «Казбека»: присяж. пов. Ступина, доктора Далгата и др., так и по отношению сотрудников его газеты, имевших несчастье довериться ему. Поэтому я охотно заявляю, что выведенный мною в моих сказках издатель На-Фу-Фу действительно списан мною с издателя «Казбека» г. Казарова.

Боюсь только, что г. Казаров и в этом случае поступит «по традиции»: ограничится лишь одними словами. Буду, однако, надеяться, что хотя сегодняшней мой *post scriptum*¹ заставит его отказаться от этой «традиции».

Я жду суда и, само собой, больше ни о г. Казарове, ни о его газете ни словом не обмолвлюсь.

Непризнанная угнетенная невинность

Кавказский обыватель, как удачно подметил Кавказец¹ в своем очерке «Литературные процессы на Кавказе» («Русское богатство», 1899 г., сентябрь), необыкновенно, до какой-то даже стра-

сти, любит разыгрывать из себя «угнетенную невинность».

Послушайте кавказского обывателя, – это чистенький, беленький, невиннейший агнец, на которого, бог весть почему и бог весть за что, все и вся постоянно клеветчат, которого все и вся постоянно инсинуирует².

И пуще всех злобные газетчики.

Они, видите ли, пачкают невинного агнца, чернят его по злобе, по сатанинской ненависти ко всему чистенькому, беленькому, невинному.

Их устами постоянно глаголет сама клевета, сама инсинуация.

Клевета черная, инсинуация грязная.

Мудрено ли, что он, «обрызганный и опачканный агнец», начинает немедленно брыкаться?

Звоня на каждом перекрестке о своей голубиной невинности, о наглой клевете и поруганной чести, «чистенький невинный агнец» не упускает случая воспользоваться удобным моментом и забросать «злобного газетчика» уже действительной, настоящей грязью, облить его настоящими помоями.

Он бросает ему грязь возами, выливает эти помои ушатами.

Берегись тогда, «злобный газетчик».

«Невинный агнец», уличенный тобой в гешефтмахерстве, в постыдной торговле общественными интересами оплатит тебе сторичей.

Он не только обвинит тебя в тысяче самых ужасных преступлений, за которые тебе давно следовало бы быть где-либо на Соколином острове, или по меньшей мере в «местах, весьма отдаленных», – он не оставит «в этот удобный момент» в покое твоего отца («его повесили за хорошие дела»), твою матушку («известная содержательница дома терпимости»), твою сестру («соратница Золотой ручки»), твоих братьев («все каторжники»), твоего деда, бабушку, самых отдаленных предков...

Всем достанется «при всей верной оказии» на орехи, всех припомнит тебе «невинный агнец», и ты должен будешь благодарить его, если и ты сам, и все твои родственники до пятого колена включительно окажутся не хуже Марка Твена и всей его родни (см. «Моя родословная» Марка Твена).

Да, лют, чрезвычайно лют в таких случаях кавказский обыватель, безразлично, принадлежит ли он к плеяде славных общественных деятелей или стоит несколькими рангами пониже.

Но и в лютоści своей он в последнее время начал соображать, что одними воплями на перекрестках, одним беспардонным и беззастенчивым охаиванием «злобного газетчика» и всей его настоящей, прошлой и будущей родни далеко не уйдешь и своих грешков не замажешь, что требуется еще более действительное и целесообразное...

И он стал прибегать к суду.

Но прибегать тоже по-кавказски, по-опереточному.

Прежде всего он ужасно любит 1039 статью³.

«Это не просто клевета, – толкует «невинный агнец» знакомым и незнакомым направо и налево, – это ужасная диффамация⁴. И я притяну мерзавца за диффамацию».

Когда же оказывается, что притянуть по 1039 статье неудобно и

невозможно, он делает вид, что забыл уже «нанесенное оскорбление» и совершенно спокойно «забывает» про суд и прочее (процессы владикавказского коммерческого клуба, купца Цизина и пр.).

Маневр, как вы сами понимаете, вполне целесообразный и действительный: пока он кричит, что привлекает подлого газетчика к суду, публика приучается видеть в нем «страдальца», «угнетенную невинность»; к тому же времени, когда он «забывает» про суд, та же публика тоже и уже действительно забывает про разоблаченные его дела.

Другими словами, невинность оказывается соблюденной, капитал – приобретенным.

Случается, однако, что и этого излюбленного фортеля кавказского невинного агнца недостаточно; что *volens – nolens* ему нужно прибегнуть к суду не на одних только словах, но и на деле.

И вот тогда...

Тогда, увы, кавказский обыватель оказывается в трагическом положении: суд ни за что не хочет признать в нем «угнетенную невинность».

В таком именно трагическом положении очутились в настоящее время владикавказские бр. Зипаловы и грозненский городской врач Мартынов.

История их «литературных процессов» очень любопытна, и мы позволим себе остановиться на них (процессах конечно) несколько подробнее.

Братья Зипаловы (Николай и Владимир) – крупнейшие владикавказские купцы. Они имеют огромную, доставшуюся им по наследству, торговлю на Александровском проспекте. Торгуют они, между прочим, и учебными пособиями. Товар этот, как вы знаете, ходкий и прибыльный. Но братья Зипаловы сумели еще сделать его прибыльнее того, чем он есть в действительности: им удалось монополизировать эту выгодную торговлю; монополизировать не официально, а фактически (официально существовали во Владикавказе и другие книжные торговли, но фактически последние учебников продавать не могли, – фокус, в разъяснении, кажется, не нуждающийся). И как монополисты, братья Зипаловы охулки на руки не клали: родитель, попадавший в их магазин за учебниками для сына или дочери, уходил «весьма довольный». Продолжалось такое исключительное положение дела довольно долго, и, наконец, на него обратила внимание местная пресса, которая выступила с разоблачением, указав, между прочим на такой факт, что в торговле бр[атьев] Зипаловых даже переделывают на обложках цены (учебник французского языка Шаланда).

Бр[атья] Зипаловы, понятное дело, завопили: «Ложь, клевета, личные счеты...» Воплями, однако, ограничиться в этом случае нельзя было (общественное положение не позволяло), и пришлось обратиться в суд.

В первой инстанции (владикавказский окружной суд) им повезло: редактора приговорили к семидневному тюремному заключению, но во второй инстанции (тифлисская судебная палата) «уг-

нетенную невинность» их не признали: редактор газеты оказался оправданным.

Столь же удачным и трагичным оказался дебют на том же поприще и городского врача г. Грозного Мартынова. Газета разоблачила как-то довольно-таки неприглядный случай из его врачебной практики (г. Мартынов отказался подать помощь отравленным только потому, что они имели дерзость быть очень бедными людьми: отравленные умерли). Г. Мартынов, заметьте, даже не названный газетой, вломился в амбицию и притянул редактора к суду. Повторилась та же история, что и с братьями Зипаловыми: в первой инстанции (тот же владикавказский окружной суд) редактора обвинили и приговорили к семидневному заключению, вторая же инстанция (та же тифлисская судебная палата) и здесь не признала «угнетенной невинности» и оправдала редактора.

Да послужат эти два свежих случая должным уроком кавказскому обывателю – «агнцу».

Да убедится и уверится он, что недостаточно только вопить о своей голубиной чистоте и ангельской невинности: необходимо быть на самом деле чистым и невинным.

Иначе...

Иначе каждому предстоит то же, что пришлось отведать теперь непризнанной «угнетенной невинности» – бр[атьям] Зипаловым и врачу Мартынову.

Театральные итоги

Флаг спущен, – ярмарка закрыта.

Двери театра закрыты, труппа разъехалась, сезон закончен.

Можно подводить итоги. Не желая, однако, повторяться, мы не будем останавливаться на художественной стороне дела, а займемся исключительно материальной.

В этом отношении истекший театральный сезон должен быть по всей справедливости признан очень удачным.

Он превысил всякие ожидания, доказав, что Владикавказ нуждается в разумном развлечении и может окупить его.

В то же время истекший сезон доказал, что теперешнее помещение театра окончательно неудовлетворяет предъявляемым к нему требованиям: не говоря уже о целом ряде других существенных дефектов, помещение это прежде всего не может вмещать всех желающих попасть на тот или другой спектакль.

Случаи, когда сотням желающих попасть в театр приходилось возвращаться домой не солоно хлебавши, были совсем не редкостью в истекшем сезоне.

И нет никакого сомнения, что они не будут редкостью и в будущем. Напротив, можно с уверенностью предсказать, что в будущем они участвуют и примут систематический характер.

Театр, следовательно, необходимо расширить. И теперь для этого представляется самый удобный момент, так как зданию все

равно требуется капитальный ремонт, при котором и расширение явится не особенно затруднительным.

Как же, однако, это сделать? Должно или может ли городское управление сделать это собственными силами, или ему придется прибегнуть к помощи и посредничеству контрагента?¹

Нам кажется, что город мог бы очень свободно обойтись без такого посредничества.

Прежде всего, последнее крайне нежелательно принципиально. «Театр не должен служить доходной статьей для города» – таков взгляд, установившийся в этом отношении давно. Но тот же театр не должен служить доходной статьей и для посторонних лиц. Отказываясь от этой доходной статьи, городское управление не имеет никакого нравственного права отдавать эту доходную статью третьему лицу.

Ясно, следовательно, что город отнюдь не может закабаливать театр какому-либо предпринимателю, как это он делал в последние десять лет.

Ясно же, следовательно, что расширение и ремонт его **должны** быть произведены самим городом без посредничества третьего лица, которое за это посредничество потребует неминуемо солидной компенсации в виде долговой аренды.

Но может ли город обойтись без этого посредничества? Мы думаем, что может.

У города нет средств на расширение и ремонт? Но кто же мешает ему добыть эти средства путем залога того же здания в каком-либо частном банке?

На расширение и ремонт, говорят, потребуется тысяч 15. А такую сумму под залог здания и земли под ним даст любой банк, даст на необременительных условиях, которые во всяком случае не могут явиться столь тяжелыми, как условия частного лица, выступающего предпринимателем.

Говорят, что театр хочет снять теперь г. Никулин-Олькеницкий.

Мы высоко ценим г. Никулина, могли бы его предпочесть всякому другому контрагенту, но... все же не можем и не должны забывать, что и г. Никулин прежде всего делец, что и его цель отнюдь не облагодетельствовать город, а извлечь из предприятия как можно больше выгоды для себя.

Г. Никулин может быть добросовестнее других, но и он явится прежде всего предпринимателем, т. е. лицом, которому дороги интересы собственного кармана.

И при нем, следовательно, театр неминуемо будет чисто коммерческим предприятием, а этого по отношению к театру, призванному служить интересам всего городского населения, допускать не следует.

Не допускать же превращения театра в чисто коммерческое предприятие, долженствующее пополнять чужие карманы, можно только одним путем – эксплуатацией его самим городским управлением.

Сделав указанный нами заем и произведя на добытые таким

путем [средства – ред.] расширение и ремонт театра, город может распределить затраченную сумму с теми процентами, которые ему придется уплатить банку, на известное количество лет и покрыть ее за это время арендной платой.

Само собой, что при таких условиях арендная плата эта будет небольшой и необременительной для предпринимателей (антрепренеров или товариществ), а это даст городу возможность делить между ними выбор и иметь постоянно хорошую труппу.

Положим, можно рассчитывать, что и г. Никулин, выступив контрагентом, будет иметь хорошую труппу, но, во-первых, нет никакого сомнения, что весь период аренды он отнюдь не будет сам выступать антрепренером и будет сдавать театр другим антрепренерам, предпочитая, само собой, лишь тех, кто «больше даст», а во-вторых, – кто поручится нам, что, заключив с городом контракт, г. Никулин не переуступит его другому лицу? А ведь последнее может оказаться далеко нежелательным.

Отсюда прямой и единственный вывод: можно и должно отдать предпочтение перед всяким другим предпринимателем г. Никулину, но предпочтительнее всего отнюдь не иметь дела ни с какими контрагентами, а оставить эксплуатацию театра в руках городского управления, производя ремонт и расширение его за собственный счет, путем займа.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

По поводу одного удивительного проекта

Статья напечатана в газете «Казбек» в 1899 году в № 390 от 3 января, подписана «Шаханов-Джанхотов».

На эту же тему в «Новом времени» была опубликована статья «О кавказских разбоях» за подписью «Гражданин» (1897. № 7527), а также в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1897. № 22) – «Нужды Кавказа». В своей статье «Как прекратить разбои на Кавказе», напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» в № 320 от 21 ноября 1898 г., Ф. Шошин писал «...меры к подавлению и искоренению разбоев и грабительств на Северном Кавказе должны сводиться к следующим положениям:

1. Наделение горцев землею в более достаточном количестве.
2. Поднятие их быта уменьшением налогов и повинностей впредь до того времени, когда материальное положение их упрочится развитием среди туземцев сельского хозяйства, промышленности, торговли и образования.
3. Отмена существующей системы администраторов.
4. Разрешение горцам селиться повсеместно с правом вступления в городское и сельское сословие русского населения.
5. Поднятие образования среди горцев и учреждение профессиональных школ для ознакомления с кустарным и сельскохозяйственным

производством и школ общего образования.

6. Поддержание и поощрение существующих ныне среди горцев кустарных и иных промыслов.

7. Коренное изменение основ их управления и судов».

² *Софистами* в Древней Греции называли философов, выступавших официальными учителями «красноречия» и «мудрости». Б. Шаханов иронизирует над методами Карцова сознательно применяющего в своей теории софизмы, т. е. всякого рода уловки, замаскированные внешней, формальной правильностью.

³ *Ex officio* (лат.) – по обязанности, по должности.

⁴ *De qustibus non disputant uni est!* (лат.) – о вкусах не спорят.

Еще переселение

Статья напечатана в газете «Казбек» в № 431, от 7 апреля 1899 г., подписана – «Шаханов-Джанхотов».

¹ Имеется в виду работа Карцова «Причины разбоев на Кавказе» (Санкт-Петербургские ведомости. 1898. № 358).

² Работа, о которой идет речь, автору комментария неизвестна.

³ *Чухны* – пренебрежительное название карело-финнов в дореволюционной России.

⁴ *Зыряне* – устаревшее название коми.

Два слова к туземной интеллигенции

Напечатана в газете «Казбек» в 1899 г., № 475, от 13 июня, подписана – «Шаханов-Джанхотов».

¹ *Колхида* – древнее название западной Грузии. С Колхидой было связано множество древнегреческих преданий.

² Литературно-иллюстративные приложения «Казбека» выпускались в 1899–1901 гг. Установлено 8 выпусков.

Этюды из туземной жизни

Напечатаны в газете «Казбек» в 1899 году, в № 538, 549, 554, 560, 572, 577, 582, 586, 594, 602, 612, 625. Из 16 пронумерованных автором и помещенных в «Казбеке» этюдов разыскано 12, не найдены этюды 2, 10, 13, 15-й. О судьбе 13-го этюда из ответа редакции известно, что «они не прошли» (Казбек. 1899. № 614). О причине отказа поместить этюд редакция умалчивает. В газете «Терские ведомости» был впоследствии опубликован еще один этюд. Но он не был пронумерован автором, и по содержанию очерка затруднительно судить, завершал он работу или нет. Этот последний этюд был напечатан в «Терских ведомостях» (1900. № 80) после того, как Б. Шаханов сделал в этом издании заявление о том, что порывает с газетой «Казбек» (см. Терские ведомости. 1900. № 1. 1 января). «Этюды из туземной жизни» подписа-

ны – «Шаханов-Джанхотов».

¹ Книга, о которой пишет Б. Шаханов автору комментария неизвестна.

² *Басурман* – архаизм, презр.: иноверец (преимущественно о магометанине).

³ *Молодой горец таубий Исмаил Урусбиев...* – согласно посемейным спискам Урусбиевского поселка 1886 и 1905 годов, этот Исмаил – сын Адильгирея Урусбиева.

⁴ Т. е. эмчеками. По обычному праву балкарцев привилегированные классы отдавали своих детей на воспитание в семьи нижестоящих сословий (которые получали название аталыков), вследствие чего семьи эмчека и аталыка обязаны были нести определенные обязанности по отношению друг к другу. Эмчеками называли как воспитанников, так и детей аталыка по отношению к эмчеку.

⁵ Напечатаны в газете «Казбек» за 1899 г., в № 481–490, 533–541. К этой теме (изучение поземельного вопроса в Нагорной полосе) Н. Тульчинский возвращался неоднократно (см. Терские ведомости. 1901. № 36, 41–46, 54–56 и др.).

⁶ Кандидат исторических наук К. Г. Азаматов институту бегенда дал такое краткое определение: «бегенда есть поземельный институт при котором дебитор закладывает свою землю бессрочно или со сроком кредитору за долги (деньги, скот, холопы), при этом кредитор и его наследники пользуются землей безраздельно до получения своего долга, но право собственности остается за дебитором» (Азаматов К. Г. Социально экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1968. С. 43). К началу XX в. бегенда несколько изменила свое содержание, так стали называть простую аренду земли.

⁷ *Ортакъ* – аренда земли, инвентаря, сельскохозяйственных животных, широко распространенный в Карачае и Балкарии социальный институт, имеющий несколько разновидностей.

⁸ См. примечание 4.

⁹ Намек на то, что решение поземельного вопроса балкарцев откладывалось на десятилетия, в то время как для крестьян это был самый животрепещущий вопрос, требующий незамедлительного решения.

¹⁰ Б. Шаханов призывает Тульчинского к объективности в оценке состояния поземельных отношений.

¹¹ Б. Шаханов имеет в виду Балкарию.

¹² Автор статьи «Последствия калыма» не установлен.

¹³ *Консистерия* – учреждение по церковным делам.

¹⁴ *Qui pro quo* (лат.) – одно вместо другого, путаница, недоразумение.

¹⁵ *Коллежский секретарь* (советник) – гражданский чин, в соответствии с таблицью о рангах состоял в 6-м ранге, соответствует чину полковника военной службы.

¹⁶ *Вицелярный советник* – гражданский чин 9-го класса в табели о рангах.

¹⁷ *Филиппики* – гневная обличительная речь.

¹⁸ «Авхард» – псевдоним не установлен. Слово в переводе с осетин-

ского означает «обиженный, оскорбленный».

¹⁹ Следует предположить, что этот пронумерован в оригинале ошибочно VII.

²⁰ *Гаппо* – Гаппо Баев. Г. В. Баев долгое время входил в состав администрации Терской области.

²¹ *Поэма «Алгузиани»* с комментариями учителя Тифлисского реального училища М. Дженашвили была опубликована в СМОМПКе (1897. Вып. 22. Отдел I. С. 90–198).

²² По поводу пропажи «Алгузиани» и реакции Б. Шаханова на это событие проф. Б. А. Алборов писал: «В своих статьях он (Шаханов – Т. Б.) призывал к бережному собиранию памятников народно-поэтического творчества горцев, их бережному хранению и изучению. Он с негодованием писал о похищении из Нузальского склепа молельни драгоценной исторической поэмы «Алгузиани» грузинским священником Русишвили и о соскоблении надписи о 9 братьях осетинского царя Ос-Багатара грузинским священником Самаргановым» (Архив КБИИФЭ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 6).

²³ *Эдип* – в древнегреческой мифологии сын царя г. Фив – Лая, убивший своего отца и женившийся на матери по неведению. Когда Эдип узнал о случившемся, он ослепил себя. Судьбе Эдипа посвящены трагедии Софокла, Еврипида и др.

²⁴ *Ешевский К.* К земельному вопросу в Кабарде // Казбек. 1899. № 557. 23 сентября.

²⁵ *Мафусаиловы лета* – в ветхозаветных преданиях Мафусаил считается одним из праотцев человечества. Мафусаилу приписывается необыкновенное долголетие – он прожил 969 лет.

²⁶ *Status quo* – существующее положение.

²⁷ *Игра в бирюльки* – заниматься пустяками.

²⁸ *Тавлинцы* – в русской публицистике XIX в. так называли (тавли, тавлины, тавлинцы) горцев Северного Кавказа и Дагестана.

²⁹ Аслан-бек написал еще один отклик на «Этюды...», но газета не напечатала его (см. ответ редакции «Казбека» в № 625, 1899 г.).

³⁰ Общество по распространению образования и технических сведений среди горцев Терской области – образовано в 80-х годах XIX в. во Владикавказе.

³¹ *Байгуш* – архаизм карачаево-балкарского языка, означающий «бедняк». «Бай» – богач, «гуш» – староаланское: работник; «байгуш»: бая работник, холоп.

³² По воспоминаниям проф. Г. А. Дзагурова, представителям «туземной» интеллигенции стоило большого труда устроиться на работу по специальности в родных краях, поэтому большинству из них приходилось жить и работать в отдаленных от Кавказа областях России (Архив КБИИФЭ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 3).

³³ Татарами здесь названы азербайджанцы.

³⁴ *Пастеровская прививочная станция* учреждена в Тифлисе в 1882 г., проводила профилактику инфекционных заболеваний среди населения (см. ЦГИА ГССР, ф. 1615, оп. 1, д. 6).

³⁵ Уруссы – русские.

³⁶ Винт – род карточной игры.

³⁷ Гизель – село в Северной Осетии.

³⁸ «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова вышла первым изданием в 1861 г.

³⁹ Край газеты оторван, фразу невозможно восстановить.

Терские дела

Статья напечатана в газете «Каспий» в 1899 г. в № 267, 276, в 1900 г. в № 18, 31, 53, 72, 76, 94. Подписаны они без имени или инициалов одной только фамилией «Шаханов».

¹ В статье «Кавказский учебный округ в 1887 и 1888 годах», напечатанной в «Журнале министерства народного просвещения», по этому поводу сообщалось: «За все время существования в 5 горских школах окончило курс 948 учеников, в том числе 194 в Нальчикской окружной и 754 – в 4 начальных. Из горцев, оканчивающих курс, только очень немногие поступают для продолжения образования в средние учебные заведения, военные и гражданские, хотя для облегчения им поступления в такие училища в Нальчикской школе введено даже преподавание французского языка, большинство же возвращается в свои аулы...» (Журнал министерства народного просвещения. С.-Петербург, 1890. № 8. С. 75).

² *Флюгарка* (устар.) – примитивное механическое приспособление для определения направления ветра; здесь – человек, часто меняющий свои взгляды.

³ Б. Шаханов имеет в виду, что русская администрация не представляет всей картины сословных отношений в среде горцев.

⁴ Имеются в виду таубии Балкарского (или Черекского) ущелья.

⁵ Ставропольская гимназия была учреждена в 1837 году и со временем, благодаря стараниям известного педагога и общественного деятеля Я. М. Неверова, стала одной из лучших в России. В ней обучались дети в основном высших сословий, на что было особое распоряжение свыше. Ставропольская гимназия сыграла большую роль в развитии культуры народов Северного Кавказа. В ее стенах окончили гимназический курс многие просветители и прогрессивные общественные деятели Северного Кавказа.

⁶ Когда писались «Терские дела», в Кабарде и Балкарии при населении 92 792 человека имелось всего 4 учебных заведения (см.: Терский календарь. 1898).

⁷ Б. Шаханов имеет в виду Сафарали Урусбиева, обучавшегося в Петровско-Разумовской академии (ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия) на агрономическом отделении.

⁸ *Киноварь* – сырье для получения ртуты.

¹ Зело (устар.) – очень.

² Гросс (устар.) – двенадцать дюжин.

³ «...и земство введут и суд присяжных подарят» – в этой работе, как и в большинстве своих публикаций, Шаханов выступает за демократизацию суда, за распространение земской реформы на Северный Кавказ.

В отличие от Центральной России, где местное самоуправление на селе осуществлялось через земство, вся административная и гражданская деятельность на Северном Кавказе находилась под контролем военного ведомства. Это легко проследить на примере юридического обеспечения области. Несмотря на судебную реформу 1870 года, отделяющую судебную власть от военной, «новая система судопроизводства была неотъемлемой частью колониального аппарата угнетения и подавления» (История КБАССР. Нальчик, 1967. Т. 1. С. 317). Царская администрация не в состоянии была выработать такую форму юридического обеспечения населения, которая не противоречила бы обычному праву горцев и в то же время внесла бы что-либо новое в их существование. Окружные словесные суды, организованные после реформы, имели в своем составе, как правило, начальника округа (председателем) и представителей высших сословий и кулаков. Состав суда не выбирался, а назначался. Присяжные поверенные (адвокаты) в работе горских судов не принимали участия. Судебные разбирательства производились на основе адата (обычное право горцев) и шариата (правовые положения ислама).

⁴ *Urbi et orbi* (лат.) – букв. «городу и миру»; ко всеобщему сведению.

⁵ *Status quo* (лат.) – существующее положение.

⁶ Шаханов имеет в виду романтическую повесть декабриста А. А. Бутужева-Марлинского «Аммалат-бек».

⁷ Царское правительство было заинтересовано в переселении части горцев в Турцию, так как рассчитывало этим актом ослабить антиколониальную борьбу народов Северного Кавказа. Вместе с тем царизм в середине XIX в. вынуждал горское население к переселению для того, чтобы заселить освобожденные территории проколониаторскими элементами (казаками, регулярными войсками). К началу XX в. с развитием капиталистических отношений Кавказ стал предметом вожделения русского буржуа. Теперь выселить северокавказских горцев администрация старалась с целью использования природных ресурсов (в частности, Нагорной полосы) и захвата рынка сбыта, а также местного сырья для русской буржуазии.

⁸ Намек на выступление А. Карцова в «С.-Петербургских ведомостях» (1898, № 358) с проектом переселения горцев Северного Кавказа в среднеазиатские пустыни. Об этом Шаханов подробно пишет в своей статье «По поводу одного удивительного проекта» (Казбек. 1899. № 390).

⁹ *Юпитер* – по древнеримской мифологии – верховный бог, владыка богов и людей (соответствует греческому Зевсу).

¹⁰ Распоряжение Александра III, решившего ужесточить дискри-

минацию горцев, сделанное 13 декабря 1893 года, гласило: «Впредь до искоренения разбойничества в Кавказском крае и Ставропольской губернии дела о разбое, умышленном убийстве, грабеже с насилием, поджогах жилых строений, восстании и вооруженном сопротивлении властям, когда преступления сии совершены туземцами края, без различия национальности, сословия и исповедования, предоставить главноначальствующему гражданской частью на Кавказе передавать, по своему усмотрению, из ведения общих судебных установлений на рассмотрение военного суда для суждения виновных по законам военного времени и подтвердить состоявшиеся по сим делам приговоры военных судов» (ЦГИА ГССР, ф. 12, оп. 1, д. 1166, л. 1). Данное указание царя имело на Кавказе силу закона. Командующий войсками Кавказского военного округа Шереметьев поспешил, в свою очередь, объявить «Временное положение о мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения» (см.: Терский вестник. 1894. № 127. 30 октября). В дальнейшем царский указ именовался «законом 13 сентября 1893 года» и имел зловещий характер. По малейшему подозрению в приписываемых за частую горцам преступлениях целые аулы выселялись за пределы области. Самое незначительное отступление от колониального режима оценивалось властями как государственное преступление и беспощадно каралось. Царские служаки действовали разнузданно, не имея над собой никакого контроля. Годы реакции на Кавказе продолжались вплоть до смены кавказской администрации после смерти Александра III.

Памяти В. Н. Грамматикова

Некролог напечатан 12 декабря 1899 г. в № 629 газеты «Казбек», подпись — «Шаханов-Джанхотов».

Василий Николаевич Грамматиков работал окружным врачом Нальчикского округа в 90-е годы прошлого столетия. По сохранившимся воспоминаниям и архивным документам видно, что это был неутомимый труженик, человек долга и кипучей энергии. Помимо оказания врачебной помощи населению, В. Н. Грамматиков живо интересовался бытом, культурой горцев. Известно, что он и Адрахман Искендеров были первыми, кто добивался разработки молибдена. Грамматиков и Искендеров на Коргашинли-тау положили под пирамидку из камней бутылку с памятной запиской « нами сего числа (19 июля 1897 г.) отправлена заявка в Северо-Кавказский горный округ с нижайшей просьбой прислать господ инженеров, специалистов горного дела, дабы изучить на месте возможности использования сих пород на благо Отечества» (из статьи в «Кабардино-Балкарской правде» от 19 сентября 1971 г. В статье Грамматиков ошибочно назван Петром Христофоровичем).

В. Н. Грамматиков добивался улучшения содержания арестантов, находящихся на Нальчикской гауптвахте. Об этой его деятельности в Государственном архиве КБАССР сохранилось много документов. Как штрих к портрету, нарисованному Б. Шахановым, хочется привести отрывок из рапорта В. Н. Грамматикова в Терское областное правление: «Крайне

плачевное санитарное положение Нальчикской гауптвахты не раз подавало повод к ходатайствам о принятии к нему соответствующих мер, но, как видно из имеющейся при окружном Нальчикском управлении переписки по этому вопросу, до сих пор ничего не сделано. Скученность арестованных, преимущественно туземцев, в двух небольших камерах, недостаток в них света и вентиляции, сырой земляной пол с остатками под нарами гнилых досок от бывшего когда-то деревянного пола, мокрота стен в углах – все это вполне достаточно для того, чтобы признать камеры Нальчикской гауптвахты вполне неудовлетворительными, тем более, что заключенные в них арестанты без всякого различия выпускаются из камер на прогулку во двор гауптвахты на очень короткое время: утром на 1 час и после обеда на 1 час. Таким образом, большинство проводит в душной и спертый атмосфере своих камер с лишком 20 часов в сутки. Подобное наказание не может не отразиться на здоровье арестованных, тем более, что большинству приходится сидеть долго, а между тем очень малое число содержащихся на гауптвахте действительно отбывает наказание по суду, многие же сидят либо до особого распоряжения начальства, либо до окончания расследования дел» (ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 324, л. 16).

В. Н. Грамматиков добился в конечном счете улучшения условий содержания арестантов. В 1896 году здание гауптвахты было переоборудовано и был произведен капитальный ремонт.

Благодаря деятельности В. Н. Грамматикова были открыты фельдшерские пункты в Балкарии и Чечне.

¹ *Букеевская орда* – вассальное казахское ханство, расположенное между Уралом и Волгой, названо по имени Букея Нуралиева, утвержденного в 1812 г. царским правительством ханом. Б. Шаханов, вероятно, имел в виду исследование А. Харузина «Киргизы Букеевской орды» (см.: Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 63. Вып. 1. М., 1889).

² *Таубий* – горский князь (тау – гора, бий – князь).

Эмансипация мусульманской женщины

Интервью напечатано в газете «Терская жизнь», 1914, № 95, 29 июня. Газета провела серию публикаций на эту тему. Среди тех, кто высказал свое мнение по вопросу эмансипации горянок, были С. А. Такоев, Цацки Амбалов и др.

¹ Продолжение интервью в дальнейшем напечатано не было.

Несколько слов о горской интеллигенции

Статья подписана – «Горец Терской области». Она была напечатана в «Мусульманской газете» в 1913 г., № 16, издававшейся в Санкт-Петербурге Саидом Габиевым. Отнести статью к наследию Б. Шаханова

позволяет прежде всего близость стиля данной публикации и подписанных им статей рубежа веков.

Горский словесный суд

Напечатана в «Терских ведомостях», 1901, № 67, подпись – «Ш».

¹ Горские суды в Терской области были учреждены на основании «Временных правил для горских словесных судов», утвержденных указом Сената 30 декабря 1869 г. Деятельность Нальчикского Горского словесного суда начинается с 1 января 1871 г. Суд занимался разбором гражданских и уголовных дел, рассматривал апелляционные жалобы и заявления граждан, разрешал земельные споры. Упразднен в 1920 г. после восстановления Советской власти на Северном Кавказе.

² Газета «Санкт-Петербургские ведомости».

О поземельном вопросе в Нагорной полосе Терской области

Статья опубликована в газете «Казбек» в 1901 г., № 1028, 1029. В этой статье – одной из первых работ, посвященных разрешению поземельного вопроса в Нагорной полосе, Б. Шаханов выступает за справедливое разделение земли между горцами, но не путем простого изъятия земли у крупных владельцев, а компенсируя возможные потери землевладельцев казенным имуществом, деньгами. Эту двойственность Б. Шаханов смог в некоторой степени преодолеть впоследствии. Статья подписана «Кавказец», она атрибутируется при сопоставлении данной работы с последующими публикациями Б. Шаханова.

¹ *Урусбиевское дело* – на долгие десятилетия затянувшееся дело «Об урусбиевской лесной даче», которое так и не было разрешено до установления Советской власти.

Возражения Абрамовской комиссии*

Б. Шаханов над «Возражением-объяснением» работал в течение десяти лет. В сборе документов и фактического материала, если судить по «адресатам» документов, ему помогали Науруз Урусбиев, Мисост Абаев, братья Моллаевы, Дадаш Балкароков и многие другие прогрессивные деятели Балкарии. В работе были использованы публикации самого Б. Шаханова в газетах «Казбек», «Каспий», «Приазовский край», а также его полемика с Н. Тульчинским в газете «Казбек» (1901. № 41–46).

---

* Вводная часть комментария к труду Б. Шаханова написана совместно с доктором исторических наук Х.-М. А. Сабанчиевым.

«Возражение...» написано Шахановым не позже ноября 1908 г., так как в октябре было объявлено представителям Балкарии, собравшимся в Нальчике, что по истечении месяца после объявления решений комиссии «уже никакие заявления не будут принимаемы» (ЦГА КБАССР, ф. 6, оп. 1, д. 685, л. 70–71, 74).

«Возражение...» Шаханова сыграло важную роль в принятии нового проекта после работы в 1909–1911 гг. в Тифлисе межведомственного совещания, рассмотревшего возражения землевладельцев Нагорной полосы. В проекте землеустройства Балкарии основополагающим было признание за горцами права собственности на землю. Этот переработанный проект Абрамовской комиссии был рассмотрен в 1911 г. в Петербурге на совещании под председательством сенатора Никольского. Выработанный по решениям этого совещания (1 января 1912 г.) новый проект, как и предыдущие, не был претворен в жизнь в связи с началом империалистической войны.

Написанная как объяснение-возражение действиям и рекомендациям Абрамовской комиссии по обследованию Нагорной полосы, работа содержит большой историко-этнографический материал. Приводимый текст был опубликован в газете «Терек» в 1909 г., его архивные варианты хранятся в ЦГА СОАССР, ЦГИА ГССР. В архивных списках работы обнаружены автографы Б. Шаханова – родословная княжеской фамилии Суюнчевых, авторская правка машинописного текста.

Работа Б. Шаханова «Объяснение...» была возражением на проекты и рекомендации Абрамовской комиссии, обследовавшей Нагорную полосу Северного Кавказа.

Обследование проводилось по специальной программе и завершилось в 1908 г. В результате были опубликованы «Труды по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области». В них приводятся данные о территории и населении Балкарии, Осетии, Чечни, Ингушетии, Карачая и горной части Дагестана; о состоянии производительных сил в крестьянском хозяйстве (скотоводства, земледелия, промышленности, сельскохозяйственных орудий, системы скотоводства и животноводства); значительное место отведено характеристике форм землевладения и землепользования (крестьянского и частновладельческого), способам пользования землей, системе повинностей, а также доходности основного занятия населения. «Труды...» позволяют также судить о росте товарно-денежных отношений (связь продукции сельского хозяйства с рынками и объем торговли) и проникновении капитализма в деревню (купля-продажа и аренда земли, торгово-ростовщическая и земледельческая кабала, отходничество).

Сведения по каждому обследованному району обобщены в статистические таблицы, в которых представлены суммированные данные по отдельным селам и сельским обществам (население, землевладение, количество скота, заработки крестьян, промыслы). Кроме того, даны таблицы распределения крестьянских дворов по общим признакам хозяйственной состоятельности (имеющие рогатый скот, лошадей, овец и коз, площади пахотной, покосной и пастбищной земли по аулам).

Каждому району посвящен описательный очерк, содержащий боль-

шой фактический материал о хозяйственном положении и состоянии крестьянского хозяйства Нагорной полосы и земельных отношениях. В основу характеристики поземельных отношений Абрамовская комиссия положила специально предпринятое обследование и опрос местного населения. Ею были составлены проспекты решений о земельных правах сельских обществ и их членов, о характере земельных споров, о размежевании земель и землеустройстве жителей Нагорной полосы. Комиссия основными формами владения землей признала подворное и общинное землепользование.

В соответствии с этим признавалось состояние в частной собственности лишь тех незначительных по размеру пахотных участков и поливных покосов, которые были приведены в культурное состояние по обычаю трудовой заимки. Все остальные случаи подворного владения считались основанными на праве захвата. Комиссия констатировала в целом крайне низкую степень обеспеченности жителей Нагорных районов землей.

По центральному вопросу – о земельных правах жителей Нагорной полосы – мнения членов комиссии разделились. Большинство считало необходимым земли горских обществ признать казенными, состоящими за частными лицами и сельскими обществами на праве потомственного владения и постоянного пользования.

Другая часть комиссии – Н. П. Тульчинский, С. И. Балков и И. М. Закусило – считали нецелесообразным объявить земли Нагорной полосы казенными и высказывались в пользу законного закрепления существующих здесь на протяжении веков земельных отношений – подворной и общинной собственности. Но недра земли должны быть объявлены государственной собственностью. Хотя проект меньшинства не противоречил общей направленности аграрного столыпинского законодательства, но тем не менее был отклонен. По проекту решения комиссии земли горцев признавались казенными. Принятый комиссией проект давал возможность лишить собственности на землю любого землевладельца. Применительно к Балкарии главной его целью, как отмечается в литературе, было «ликвидировать землевладение балкарских таубиев, не допустить формального признания государством землевладения таубиев как собственности на землю». Отрицание права собственности таубиев на земли комиссия в своих десяти довольно противоречивых доводах связывала главным образом с отсутствием исторических данных, юридического, обычно-правового или законодательного признания частной собственности в горах.

Рекомендации и предложения Абрамовской комиссии в области землевладения не были настолько убедительны, чтобы оказать решающее влияние на аграрное законодательство. Поэтому обсуждение законопроекта продолжалось в Тифлисе и Петербурге, однако до Октябрьской революции земельный вопрос в Нагорной полосе так и не был решен. Что же касается проекта Абрамовской комиссии о передаче казне земель Нагорной полосы, то он широко обсуждался и вызвал единодушный протест во всех горских обществах.

С возражением выступил прежде всего Б. Шаханов в газете «Терек». От имени 490 балкарских землевладельцев было напечатано «Возражение

землевладельцев пяти горских обществ Нальчикского округа Терской области на проекты разрешения земельного вопроса» в виде статьи без подписи (№ 3541–3559). Основное внимание в нем автор уделяет из объявленных Абрамовской комиссией проектов проекту о земельных правах сельских обществ и отдельных лиц. Значение заявлений различных правительственных органов, прокламаций и записок наместников Кавказа по регулированию земельного вопроса в горной полосе, а также юридические частности закона, по мысли Б. Шаханова, не исключали существующего порядка землепользования в Балкарии. Поэтому он возражал против отрицания за землевладельцами права собственности, считая, что перечисленные и неучтенные комиссией земельные участки «на протяжении нескольких человеческих жизней находились в частном обладании лиц, или владевших, или пользовавшихся и ими распоряжавшихся», и законными способами дошли до теперешних их владельцев и должны быть признаны их собственностью. В пользу этого говорило обычное право, роль которого понималась и не игнорировалась кавказской администрацией в разрешении земельного вопроса народов, лишенных государственности, а следовательно, и норм «положительного права». В «Возражении...» указывалось, что комиссией право собственности у балкарцев ограничивается усадьбами, незначительными пахотными землями. Б. Шаханов справедливо отмечал малое значение культурных участков в экономике Балкарии, где скот с давних времен являлся главным источником существования и основой хозяйства населения. Скотоводческое хозяйство неразрывно связывалось с использованием значительных массивов пастбищ и покосов. Хотя это использование не оформлялось юридически как собственность ввиду отсутствия письменности, оно было сопряжено с отношениями преимущественного пользования в течение продолжительного времени, что в соответствии с нормами обычного права приравнивалось к понятию собственности.

Отсюда в проекте комиссии, по мнению Б. Шаханова, осталось логически невыясненным, «каким образом может у народа существовать институт частной земельной собственности по отношению участков одной категории и не существовать по отношению участков другой – не менее ему необходимой», т. е. комиссия игнорировала частную собственность в экономическом смысле, предпочитая юридическое ее оформление на основе «трудовой теории».

Руководствуясь такими соображениями, он считал неправильным проводить разницу между «искусственными пашнями и лугами» и «обыкновенными покосами и пастбищами» по количеству труда, вложенного в них. «Во-первых, потому что юридически это несущественно, – писал Б. Шаханов, – поскольку в подавляющем большинстве случаев право на землю у их современных владельцев возникло по наследству, а во-вторых, и многие покосные участки, мерю в сотни десятин, потребовали для своей культуризации долгого, упорного труда по очистке их от камней и искусственному орошению».

Наибольший интерес в «Возражении...» представляет анализ земельных прав и отношений балкарцев. Автором особое место отведено хара-

ктеристике поземельных институтов, причем, помимо указанных в предшествующей литературе, им выделен еще обычай товарищества – «нёгер».

Привлекая значительный исторический и этнографический материал, опираясь на документы кавказской администрации и правовые акты, Б. Шаханов пришел к заключению, что земли, служащие предметом «гражданского оборота», должны быть признаны частной собственностью их владельцев. В качестве главного аргумента в отстаивании такой точки зрения он выдвигал наличие в Балкарии всех элементов частной собственности – владения, пользования и распоряжения, предусмотренных законодательством. Причем Б. Шаханов констатировал, что за немногими исключениями в этом не оставляет сомнения и исследование комиссией форм землепользования в Балкарии. И самое примечательное – выводы комиссии, вошедшие в проект «О земельном праве», не имеют ничего общего с логическим выводом из введений, представленных комиссией в фактической части ее «Трудов...». Пытаясь доказать свою правоту, он занялся разбором вопроса, «в силу каких именно оснований и соображений комиссия пришла к выводу о непризнании за горцами Нальчикского округа права собственности на земли», и по пунктно отрицал все доводы, которые, по его мнению, были «фактически неверными», «голословными», «не имеющими решительно никакого отношения к разрешению земельного вопроса». В большинстве случаев это было именно так. Принципиальное значение имели и замечания и дополнения Б. Шаханова к «Ведомости земельным участкам, находившимся в пользовании отдельных лиц и фамилий в пяти горских обществах Нальчикского округа», обращавшие внимание на то, что землевладение в Балкарии в своей массе не крупное, а мелкое, парцеллярное. Общее заключение, которое делает автор «Возражения...», сводится к следующему:

– все земли, указанные в пунктах 1, 2 и 3 «Проекта о земельных правах...», составляют собственность отдельных владельцев или сельских обществ;

– земли в Балкарии не могут быть признаны казенными;

– общий дух проектов Абрамовской комиссии противоречит аграрному законодательству правительства, базирующемуся на царском указе от 9 ноября 1906 года.

Эти выводы затаскивали социальное противоречие внутри сельских обществ и представляли попытку теоретически обосновать необходимость сохранения прав земельной собственности за балкарскими землевладельцами. Практические предложения Б. Шаханова сводились к тому, что признание за населением права собственности на земли их фактического владения явилось бы единственно справедливым во всех отношениях решением земельного вопроса в Балкарии.

В целом «Труды...» Абрамовской комиссии и «Возражение...» на них близки по своему характеру к источникам, а также публицистические материалы и исследовательские статьи Н. П. Тульчинского и Б. Шаханова представляли дальнейший шаг в изучении поземельных отношений в Балкарии. Они обогатили предшествующую литературу прежде всего большим цифровым и конкретным фактическим материалом, ценны отдель-

ными наблюдениями, которые используются исследователями и сегодня.

¹ Комиссия официально называлась – «Комиссия по исследованию современного положения землепользования в Нагорной полосе Терской области». Она была образована приказом по Кавказскому военному округу 18 апреля 1906 г. для разрешения вопроса о землеустройстве населения Нагорной полосы Терской области и карачаевцев Кубанской области. Комиссия начала свою работу 1 мая 1906 г. и работала в течение 1907–1908 гг. Комиссия, названная впоследствии по имени ее председателя Н. Абрамова Абрамовской, состояла из семи человек: Абрамов – юрисконсульт Кавказского военного округа, Балков – лесной ревизор Ставропольско-Терского управления земледелия, Иваненко – помощник управляющего Кубанской областной чертежной, Шанаев – лесной ревизор Ставропольско-Терского управления земледелия, Тер-Антонянц – помощник управляющего Терской областной чертежной, Тульчинский – старший землемер Терской областной чертежной. «Труды...» комиссии вышли в 1908 г. в г. Владикавказе.

² *Наместник на Кавказе гр. Воронцов-Дашков Илларион Иванович.* Наместник в 1905–1915 гг. В качестве наместника много усилий приложил для подавления революционного движения. Наряду с использованием карательных экспедиций пытался подавить революционное движение путем проведения буржуазно-экономических реформ.

³ *Князь Воронцов* – главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом. Михаил Семенович Воронцов (1782–1856) – генерал-фельдмаршал, в 1844 г. назначен главнокомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными полномочиями. Вышел в отставку в 1853 г.

⁴ *Фиск* – государственная казна.

⁵ *Кавказский комитет.* Образован в 1840-м, закрыт в 1882 г. «...В комитете Кавказском были сосредоточены высшие исполнительные дела, требовавшие Высочайшего разрешения, причем всякий вопрос о распространении мер общих, проектируемых для всей империи, на наместничество Кавказское отделялся от общего дела и вносился в Кавказский комитет. Кавказский комитет состоял из председателя департамента законов государственного совета, министров финансов государственных имуществ, юстиции и внутренних дел – и членов, назначаемых по особому Высочайшему усмотрению» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVа. СПб., 1895. С. 838).

⁶ Широко распространенная версия переселения Чепеллеу Суншева на Баксан. Как пишет М. Абаев, «отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым по имени своего отца» (Балкария: Очерк // Мусульманин. 1911. № 14–17).

⁷ В записанном Н. П. Тульчинским варианте местом истребления Рачикауовых указаны «Жугурушты» и «Лишгит» (см.: Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа // Терский сборник. 1903. Вып. VI. С. 312).

⁸ Обнаруженный в ЦГВИА документ, на который ссылается Б. Ша-

ханов, имеет следующее содержание:

«Копия с предписания управления начальника Нальчикского округа от 10 марта 1906 года за № 3365.

Управление округа по поручению начальника округа предлагает вам объявить доверенным общества Гаммай Мокаеву и Шавай Итиеву на прочтение им о приостановлении рубки леса, производимой Жанхотовыми в лесной даче в местности «Карасу», что, так как дознанием начальника 2-го участка выяснилось, что лесная дача в местности Карасу находилась во владении Жанхотовых, то просьба их о приостановлении рубки леса не может быть удовлетворена. Что же касается того, что общество признает этот лес своим, то оно должно на основании 1 п. 3 ст. устав. Гражд. суд. обратиться в суд с иском (своим) о признании прав собственности на этот лес, если имеет к тому доказательства. Расписку в объявлении представить в управление округа. Подлинное подписали старший помощник начальника округа Красовский и за делопроизводителя Б. Карачаев. С подлинным верно старшина общества М. Цораев. Писарь И. Шиял».

⁹ Искаженное от «Хушtos-сырт».

¹⁰ В определении института бегенда мнение Б. Шаханова и специалиста по обычному праву карачаевцев и балкарцев К. Г. Азаматова совпадают. В отличие от Б. Шаханова К. Азаматов утверждает, что институт бегенда был известен многим горцам Северного Кавказа. Так, в частности, у осетин аналогичные правовые отношения носили название «бавстау» (см.: Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой пол. XIX в. Нальчик, 1968. С. 41).

¹¹ Имеется в виду житель Черекского ущелья. Жителей этого ущелья называют «малкърлы». Дореволюционные авторы термин «балкарец» в большинстве случаев относили только к жителям Черекского ущелья. Впоследствии он послужил этнонимом всего народа.

¹² *Джатчиевы*, видимо, искаженное от «Датчиевы». Что касается информации о семье Мечиевых, то из других источников известно, например, что отец классика карачаево-балкарской литературы Кязима Мечиева Бекки был дважды перепродан таубиями Абаевыми.

¹³ *Кышлык* – зимовье; *жайлык* – летнее пастбище.

¹⁴ Документы, на которые опирается Б. Шаханов, сохранились в фондах ЦГВИА. Основной их текст приводится в полном объеме, сокращены сопровождающие тексты, адресовки и резолюции более позднего характера.

№ 1. Перевод записки с арабского на русский.

По арабскому летоисчислению 1248 (т. е. 1832 г. – Т. Б.) года месяц Роджан 20 день. Я, из кабардинских дворян Смаил Шавген-оглы, даю этот документ чегемским таубиям Каншау и Эдыку Кучуковым в том, что свой собственный участок земли под названием «Кестельты», с четырех сторон границы онго известны, а именно: с востока земля Каншаовых, с запада – земля Мурзайка Шавген-Оглы, с юга – земля Джумаку Мирзоева, с севера – земля под названием «Зардагыт» Бай-

мурзаевых, с водою на оном и лесом продал в вечное пользование им таубиям Каншау и Эдыку Кучуковым.

Эту продажную запись и продажу я совершил в здоровом уме, и от всяких вступщиков и сонаследников к этому участку я обязуюсь их, Кучуковых, защищать, в долгу и под запрещением этот участок не состоит, за цену тысяча (1000) руб., каковые получил на руки. При этой продаже присутствовали Магомет Ахматов, Али Мамашев, Заушток Кон Оглы, Ачахмат Балкароков, и по их усмотрению я получил от Кучуковых условленную цену участка следующее: двух крепостных крестьян по имени 1-я Сафаи и 2-я «Кесе-Кыз» за 500 руб., серую лошадь под кучуковским тавром, двадцать пять быков и двадцать коров, последних тоже за остальные 500 руб., получив полностью установленную цену участка, и таковой перешел в вечное владение и полную собственность Каншау и Эдыку Кучуковым, документ совершен на право предъявления Кучуковыми на случай требования власти о принадлежности участка Кучуковым. Свидетели этому Джанболат Урусбиев, Мамет Балкароков. Запись эту писал мулла Магомет вали Физулах Оглы. Перевел эфенди И. Балкароков.

Что действительно настоящий перевод с подлинной арабской записи слово в слово переведен и записан верно, в том Чегемское сельское правление свидетельствует. Октября 20 дня 1907 года. Старшина Б. Этезов.

№ 2. Перевод с арабского.

1859 года декабря 20 дня князь Атажуко Атажукин продал собственную свою землю, называемую «Кочкарташ», Шемах, Касан, Таусултану, Мирзабеку, Арсланбеку, Заурбеку Ахматовым за 3000 руб. серебром, согласно шариату с обозначением границ ее с четырех сторон. Верхняя часть ее простирается до балки «Тофкели», а нижняя часть до балки «Кидагаф» на восточной стороне «Добифека», а к западу до «Урдука», и Ахматовы приняли означенную землю в свое владение-распоряжение, если же отберут землю от Ахматовых шариатским разбирательством или судом, тогда Ахматовы получают уплаченные цены от Атажукина. Свидетели по сему Заракуш Тамбиев, Тон Асланов, Кургоко Куденетов, Бекмурза Зеков, Хаджиумар Эфендиев, Кучуко Инаруков, Муса Барасбиев, Басият Эбоов, Манат Трамов. Писал чегемский кадий эфендий Трашагенов Тамаш Шурдумов. Приложили чернильные знаки. В том подписуюсь – перевел поручик Шарданов. Подполковник князь Атажукин.

№ 3. Перевод с арабского на русский. Что действительно Магометом Суншевым продана означенная земля здесь Умару Жабоеву в том Кабардинский окружной народный суд подписом и приложением казенной печати свидетельствует. Сентября 16 дня 1869 года, Нальчик. Председательствующий майор Майорский, члены: ротмистр Нелемов, штабс-капитан Куденетов, поручик Хадожуко Анзоров, юнкер Дышеков, юнкер Абаев. Печать –2214.

* Так в подлиннике. Перевод не совсем точен.

Арендные деньги за значущуюся в этом акте землю 280 руб. обязан уплатить братьям Умара Тебоев Джерахмату и Габола Кайсын и Тенгиз Суншев, что высказали Кайсын и Магомет Суншевы при мне и подпоручике Жогеше*». В чем и удостоверяем 3 октября 1869 года. Помощник начальника округа майор Майоркин. Печать (уч. Джабышта).

№ 4. Свидетельство.

1882 года июля 7-го дня, сел. Балкарское. Сего числа в присутствии свидетелей Никола Байкишиева, Кокей Хасауова, Башка Мамукоева и сельских судьей Балкарского общества – жители Балкарского общества I участка Нальчикского округа Терской области Тенгиз, Магомет-Мурза и Хаджи-Хамурза Шахановы учинили между собой следующий договор: о продаже первыми двумя Шахановыми последнему Хаджи-Хамурза Шаханову своих собственных участков покосной земли под названием «Сукан-Кышлык»: Тенгиз и Магометмурза Шахановы продали собственно им принадлежащий и находящийся внутри гор около общества Балкарского покосный участок земли под названием «Сукан-Кышлык» за шестьсот тридцать (630) рублей, сер., каковые деньги сполна получили от Хамурзы-Хаджи Шаханова и отныне поставили Хаджи Шаханову полное право пользования и потомственного владения этою землею, и никакой претензии на эту землю заявлять не будут; на продажу эту Тенгиз и Магометмурза Шахановы имели право по всем правилам и обычаям, существующим в горских обществах, и так как означенный участок находится в смежности с собственным участком Хаджи Шаханова. Хаджи Шаханов, будучи полным дядей продавцов, есть ближайший родственник их, то есть Хаджи Шаханов купил этот участок и уплатил всю стоимость. Прав собственности на эту землю и претензий против совершений купли и продажи никто из остальных родственников Шахановых и других посторонних лиц не заявлял при совершении настоящего договора о продаже и потому к совершению купчей крепости никаких препятствий не имеется, в том подписью и приложением сельской казенной печати свидетельствуется Балкарским сельским правлением. По неумению грамоты продавцы приложили знаки своих пальцев: Тенгиз Шаханов, Магометмурза Шаханов, Хаджи Хамурза Шаханов. Свидетели Никола Байкишиев, Кокей Хасауов, Башко Мамукоев. Сельские судьи Шаухал Шаханов, Джанбот Мокаев, Бекбий Джангуланов. Старшина Балкарского общества корнет Абаев.

№ 5. Запродажная запись.

1887 года августа 29 дня мы, нижеподписавшиеся жители Балкарского общества 1 уч. Нальчикского округа таубий Тенгиз и Таукан Шахановы, заключили сию запись в присутствии Балкарского сельского правления и свидетелей о нижеследующем:

Я, Тенгиз Шаханов с братом Магометмурзой, сего числа продал односельцу своему, родственнику Таукан Шаханову в вечное и потомственное владение собственное свое родовое токовое место (гумно)

под названием «Индыр», граничащее с пахотным участком его, Таукана Шаханова, под названием «ель-алысабан» и с юга – током Умара Асанова, ценою за пятьсот рублей серебром. Каковые деньги мы, Тенгиз и Магометмурза Шахановы, от Таукана Шаханова получили сполна, а потому он, Таукан Шаханов, с сего числа вступает в вечное полное владение означенным током. В том и подписуемся, токовое место продали и деньги пятьсот рублей серебром получили сполна. Тенгиз и Магометмурза Шахановы, а за них, неграмотных, и по их личной и рукоданной просьбе расписался сельский эфендий Абдурахман Эмоев, подпись по-арабски. Сельские судьи Каспулат Абаев, Индыркай Хуцинаев, Батыр Каркаев. Свидетели Казак Фриев, Бащо Мамукоев, Акой Идакаев, Кикола Байкишиев.

В действительности сей запродажной записи подписью и приложением казенной печати свидетельствую. Августа 29 дня 1887 года. Общест. Балкарское. Старшина Балкарского общества таубий Анзор Айдебулов. М. П. Писарь А Иванов.

№ 6. 1886 года мая 21 дня. Мы, нижеподписавшиеся жители Балкарского общества Анзор и Заурбек Айдебуловы, продали в собственность приобретенные нами покупкою у жителей общества Хуламского Карабаша Атабиева участки земель под названием «Бийле» и находящиеся в Хуламском обществе жителям Хуламского общества Мирзакану, Отару, Калабеку, Канамату, Заурбеку, Аубекиру, Татаркану Муссе и Юртай Жабоевым за одну тысячу двести рублей сер. Денег, из которых нами, Айдебуловыми, получены наличными деньгами восемьсот пятнадцать рублей (815 р.), а остальные триста восемьдесят пять руб. (385 р.) Жабоевы обязаны нам уплатить по требованию нашему согласно личному договору.

Мы, Жабоевы, купили названные участки за 1200 рублей и обязаны недоплаченные 385 рублей уплатить по востребованию Айдебуловых. В чем и подписуемся Анзор Айдебулов, а за него, неграмотного, и за себя расписался Заурбек Айдебулов. Калабек, Мусса и Отар Жабоевы расписываются за себя и по доверию остальных Жабоевых, а за них, неграмотных, расписался Али Бордиев. Свидетели Таукан Шаханов, Карабаш Атабиев, Цибий Абаев, Мисост Абаев, Балкарский сельский судья Адиль Мисаков.

Настоящий договор был заключен в присутствии помянутых свидетелей и моем, в чем свидетельствую своим подписом и приложением печати. 21 мая 1876 года. Старшина Балкарского общества Шаухал Шаханов. М. П. Печать.

1886 года декабря 20 дня я, Анзор Айдебулов, сего числа получил сполна всю означенную в настоящем договоре сумму, т. е. трехсот восьмидесяти пяти руб. (385 р.) наличными деньгами от означенных в настоящем договоре Жабоевых и что Жабоевы за проданных мною и братом моим земель «Бийле» уплатили все сполна согласно договору, в чем подписуюсь Анзор Айдебулов, а за неимением грамоты прикладываю свою именную печать. М. П. Свидетели, бывшие при этом Ибрагим Мумаев, Кургоко Жабоев, Казий Шакманов, Карабаш Шакманов, Исхак

Мулаев, Жарахмат Шакманов.

№ 7. Тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, декабря тридцать первого дня. Мы, нижеподписавшиеся жители Терской области Нальчикского округа, 2 участка, Безенгиевского общества таубий Умар Казиевич Суншев (с одной стороны) и жители Хуламского общества того же округа и участка узденья Умар, Татаркан, Ачей и Абыбекир Жабоевы, с другой стороны, заключили между собой при нижеозначенных свидетелях настоящий договор в следующем: я, Суншев, продал им, Жабоевым, двадцать пять лет тому назад собственный свой пастбищный участок земли под названием «Сагустаин», состоящий в Безенгиевском обществе в смежности земель: общественной Балкарской, Мусы Суншева и покупателей Жабоевых, ценою за восемьсот пятьдесят рублей серебром, из коих мною при продаже было получено от них, Жабоевых, пятьсот пятьдесят пять рублей, а остальные триста рублей серебром получил сего числа. Продажу сию я, Суншев, учинил со всеми лесами и водами. А как до сей купчей крепости помянутый участок никому не продан, не заложен, никому по закону не передан и не описан, то, если кто в оный почему-либо будет вступаться, мне, продавцу, и наследникам моим, их покупателей и наследников их от вступщиков и от убытков, могущих быть от сего, очищать как следует по законам, в чем подписуемся Умар Казиевич Суншев, а за неумением грамоты прикладываю свою именную печать (М. П.). Умар, Татаркан, Ачей и Абубекир Жабоевы, а за них, неграмотных, по их личной просьбе расписался Мурзакул Суншев. При этом были свидетелями: Хангерий Суншев М. П. Отставной унтер-офицер Федор Савин.

Что действительно настоящий договор учинен означенными лицами при Безенгиевском сельском правлении, в чем подписом и приложением казенной печати свидетельствует 31-го декабря 1889 года об. Безенгиевское. – Старшина Безенгиевского общества таубий Тенгиз Суншев. М. П. Печать. Сельский писарь Исхак Мулаев.

№ 8. Перевод с арабского языка на русский.

Доказательство

Хетахшуко Хатахшукович продал свой участок земли под названием «Мысткам-ах матак» Алаву Бкивичу за девятьсот рублей и получил выше-сказанную сумму, указал с четырех сторон границу: верхняя граница от вершины «Узмазла» до горы, река Чегем и ширина участка от дороги «Лиха» до вершины «Кичимистикама», между его верхней границей есть Али Ихмидевич и между его нижней границей есть Хаджи-Мурад Мулаевич, этот участок находится в совершенно бесспорном владении Алава и дал Хетахчук Алаву двух поручителей – Тук Арсланович и Бекмирза Зикувич, который будет платить названную сумму в случае, если явится когда-нибудь другой, с которого следует ему названная сумма. Свидетели: Кучук Барасбиевич, Исхак Балкарукович, Бекмирза Зикувич, Султан Тилович, Шаки Хаджиевич, Сафар и Трам Шукановичи, Залаштука

Афшанумович и Ибрагим Крашанович, Тук Арсланович, Мухамед и Муса Шакмановичи 1243 г. в месяц зилказта в день пятницы, по русскому летоисчислению 1827 г. Перевел Юсуф Кади Загидзаде Муркиленск.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящая подпись на этом переводе признана предо мною, Петром Ефимовичем Рязановым, владикавказским нотариусом, в конторе моей в I части по Александровскому проспекту в доме Аксеновой, владикавказским приходским муллою Юсуп Кади Загид-заде Муркеленск, живущим в I части города Владикавказа в доме Фильдииковской, лично мне известным, сделана им собственноручно. 1908 года апреля 8 дня.

№ 9. Перевод с арабского.

Хамурза Шаханов купил покосное место у жены Карабаша Шакманова, будучи сам же от нее доверителем, т. е. от жены. Место это и местоназвание Бизина и отдал он, Шаханов, взамен той земли другую землю, сверх того уплатил 70 руб. серебром. Свидетели по сему Этлох Капитзов, Огурли Жабоев, Мусса, Каншао Шакмановы, Бекмурза Калабеков, Магомет эфендий Ислам Кумуков 1862 г. Писал Муса Эфендий.

Документ этот в Кабардинском окружном народном суде явлен и в книгу под № 24 записан, в том подписом свидетельствуем апреля 28 дня 1862 года. Нальчик. Члены подполковник (подпись неразборчива), ротмистр Балкароков, поручик Куденетов.

¹⁵ Весьма распространенный характер института «нёгер», видимо, и породил поговорку «Нёгер болсанг – тенг бол, Тенг болмасанг – кенг бол». («Если хочешь быть нёгером – будь равным, а если ты не ровня (в отн. имущества) – не сходишь»).

¹⁶ Тёре – об этом «древнем судебном-законодательном учреждении» балкарцев впервые до революции писал М. Абаев в историко-этнографическом очерке «Балкария» (Мусульманин. 1911. № 14–17). Широко распространенный у тюркских народностей тёре (торе, тор) играл важную роль в жизни бесписьменных народов, концентрировал и централизовал власть, в какой-то мере компенсируя отсутствие или слабость государственного управления.

Упоминание о тёре встречается и в карачаево-балкарском фольклоре: в сказках, легендах, исторических песнях и преданиях.

Судя по источникам, тёре стал терять свою силу и значение с утверждением мусульманства, принесшего с собою в Балкарию шариат – свод религиозных установлений. Тем не менее вплоть до образования в 1870 г. горского словесного суда в решении гражданских и уголовных дел наряду с шариатским судом население обращалось к тёре.

¹⁷ Местонахождение плиты с надписью неизвестно. Перевод копии сохранился в ЦГВИА СССР (ф. 1300, оп. 7, д. 177а, л. 76). О нахождении этого памятника еще в 1895 г. сообщил в газете «Кавказ» (31 августа) М. Абаев в корреспонденции «Интересный документ». О нем же написал

Н. Тульчинский в статье «Пять горских обществ Кабарды» (Терский сборник. 1903. Вып. 5. С. 169). В последующем, видимо, из-за отсутствия подлинника произошла путаница: некоторые авторы соединили информацию двух памятников, о которых сообщил Н. Тульчинский (см.: Байчоров. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к болгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982). Первый – это приводимый текст, а второй памятник сохранился в прорисовке Л. И. Лаврова в книге «Эпиграфические памятники Северного Кавказа» (М., 1968. Ч. 2).

Перевод с арабского, с камня, найденного в развалинах фамильной башни Гиргоковых, в Хуламском обществе, выше селения Схуру (Усхур).

«Между кабардинцами, крымцами и пяти горскими обществами возник спор из-за земель. Пять горских обществ: Балкар, Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Горские общества избрали Кайтукова Асланбека, кабардинцы Казаниева Жабаги, крымцы Сарсанова Баяна, и они сделали торе – определили: с местности Татартюп до Терека, оттуда до равнины Кобана, оттуда до перевала Лескенского, оттуда до кургана Наречья, оттуда до Жамбаша и на Малку. Верхняя часть принадлежит пяти горским обществам.

С Таш-Каласы (Воронцовка) до Татартюпа – владение крымское. От Таш-Каласы вниз – владение русских. Свидетелями при этом были: из Крыма Агалар-хан, Отаров Отар; Отарова доставили горские общества. Писал Абдул-кади Халалов (Халилов. – Т. Б.). Раджаб (месяц) в последних числах, в воскресенье 1127 (1709 г.)».

¹⁸ Документ не найден.

¹⁹ Копия с решения Нальчикского словесного суда от 10 декабря 1873 года за № 313.

Житель Балкарского общества Давлетуко Биканов с братьями Магометом и Таусултаном заявили, что они имеют в горах местность под названием «Зеркле», на которой имеется лес, между тем жители общества делают порубку леса без их дозволения на то, а потому просят воспрещения. Доверенные от общества Бекан Газаев, Ибрагим Глашев, Баучу Цураев и прапорщик Киргоко Абаев заявили, что действительно местность «Зеркле» принадлежит фамилии Бикановых, но жители пользовались лесом, произрастающим на той местности, потому, что более не имеют леса; равным образом жители пользуются лесами на всех землях, принадлежащих собственникам, которых в их обществе до 200.

Так как местность «Зеркле» принадлежит фамилии Бикановых, то суд постановил: произрастающий на оной лес принадлежит также фамилии Бикановых и никто из жителей не вправе пользоваться оным без согласия владельцев Бикановых. Подлинное подписали: члены Маша Каров, прапорщик Кугушев, штабс-ротмистр Шарданов, майор Анзоров, подпоручик князь Наурузов и председательствующий капитан Полозов. С подлинным верно – председательствующий капитан Макаев. Печать.

²⁰ По претензии прапорщика Кучмазуки Кучмазукина на прапорщика Кучука Барасбиева насчет участка земли, лежащей на Касанте, участок этот, по показанию Барасбиева, продан ему покойным князем Атажука Наурузовым в 1829 году за триста овец, после через несколько лет князь Наурузов и просители Кучмазукины возымели на него претензию, будто бы он продал ему по молодости лет не за настоящую цену, для чего уплатил он еще сто овец по выбору самого Кучмазукина, основываясь на этом и представленных Барасбиевым актах дело это, по приказанию начальника Центра в 1846 году было разобрано в Кабардинском временном суде народным эфендием Шеретлоковым с приглашением еще трех эфендиев, по которому присуждено, чтобы Барасбиев уплатил еще Кучмазукину, Бжеховым и Катукowym 300 руб. серебром, потому что эти фамилии также предъявили свои права на эту землю, признавая прежнюю продажу недействительной. Решением этим Кучмазукин остался недовольным, почему он входил с просьбою по начальству 18 ноября 1849 года, проситель прапорщик Кучмазукин и ответчик прапорщик Кучук Барасбиев пожелали передать это дело медиаторскому решению, для чего избрали Кучмазукин майора Тамбиева, Барасбиев – узденя Жанокова, обязав себя подпиской, что они решением останутся довольными. Медиаторы, по выслушании объяснения каждого и по соображениям всего обстоятельства дела, согласились в мнениях своих и положили решением как из представленного ими акта видно: так как участок этот продан Барасбиеву за условленную сумму и в последний раз в 1846 году 12 дня февраля получил формальное решение, что утверждено начальником Центра, того же числа за № 161 и записано в книги Кабардинского суда за № 93, дать полную силу этому решению без всякого по оному изменения и считать продажу и покупку действительным, а землю считать собственной Кучука Барасбиева, за убытки же, нанесенные по этому иску, определили, чтобы Барасбиев уплатил собственно Кучмазука Кучмазукину деньгами двести руб. серебром, каковым медиаторским решением по объявлению Кучмазукин и Барасбиев остались довольны, в чем расписались на подлинном решении и что утверждено 19 ноября его сиятельством г. начальником Центра. Прапорщик же Кучмазукин при спросе отозвался, что решением этим остался довольным и присужденные деньги двести рублей сполна им получены, в чем он подписался на акте, подлинник медиаторского решения и подписка, ими данная, хранится при деле, заведенном Кабардинским судом, в чем дан сей от Кабардинского суда для обеспечения его, Барасбиева, на владение участком земли на Касанте отныне, и впредь навсегда Кучмазукины, Бжеховы и Катукovy не имеют права претендовать на эту землю, что объявится Кучмазукину за подпискою на сем же. Нальчик. Декабря 4 дня 1849 года. Чл. суда поручик князь Атажукин, Мет Куденетов и Муса Жанботов, за секретаря войсковой старшина Дыдымаев. Печать Кабардинского суда. Утверждаю акт сей декабря 9-го дня 1849 года. Начальник Центра Кавказской линии полковник князь Эристов. Печать управления Кавказской линии.

²¹ Погор. Част. № 792 иму. 12 августа.

Начальнику бывшего Центра Кавказской линии г-ну генерал-лейтенанту кавалеру Грамотину. Исправляющего должность Балкарского и других горских народов пристава штабс-капитана Масловского.

Рапорт.

Ваше превосходительство, на жалобе подпоручика Кучука Барасбиева на кабардинского узденя Исмаила Куденетова, занявшего самовольно принадлежащее им более 20 лет покосное место, изволили приказать Кабардинскому временному суду запретить Куденетовым косить сено на этом покосе. Приказание вашего превосходительства до сих пор не исполнено, и Куденетов продолжает собирать чужое сено. Донося об этом вашему превосходительству, представляя при этом шариатское разбирательство, сделанное эфендием Али в 1851 году в присутствии бывшего пристава Захария Исакова, имею честь покорнейше просить не оставить вашим распоряжением о прекращении подобного насилия. Подлинное подписал шт. капитан Масловский № 130.12 августа 1857 г. Укр. Нальчик.

Вследствие рапорта этого предписываю Кабардинскому временному суду теперь же наложить на ослушников штраф, возвратя накошенное сено тем, кому принадлежали места в течение более 10 лет, и тех, кои станут после самовольно там косить, посадить под арест с употреблением на казенную работу, донося мне об исполнении. На сем же подлинном подписал начальник бывшего Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин. Скрепил адъютант, есаул Вертеликов. № 862. 13 августа 1857 г. Нальчик.

Вследствие настоящего предписания его превосходительства начальнику бывшего Центра Кавказской линии господину генерал-майору Грамотину Кабардинский суд имеет честь донести, что узденю Измаилу Куденетову в присутствии суда объявлено снять косарей с того места, где производили покос горцы Чегемского общества, отдав и накошенное сено прежде занимавшему там подпоручику Кучуку Барасбиеву. Подлинную подписал председатель Кабардинского суда подполковник Тамбиев. № 311. 14 августа 1857 г. С подлинным верно, за начальника Баксанского участка штабс-капитан Масловский.

²² 1851 года июня 18 дня в присутствии пристава Исакова в Чегемском обществе было делаемо шариатское разбирательство эфендием Алиевым относительно спорной земли между узденем Докшуко Куденетовым и Стар. Кучуком Баймурзаевым под названием земля «Хуштош джурт», по коему Кучука устранить от владения Куденетов не мог и земля осталась во владении Кучука.

Разбирательство производилось при свидетелях: Стар. Кочук Келеметов, Жумай Келеметов, Хаджи Умар Эфендиев, Умар Малкароков, Хажибий Айтеков и других, подлинный подписал за пристава Н. Исаков. С подлинным верно. За начальника Баксанского участка штабс-капитан Масловский.

²³ Кучмазукины, Бжехоковы и Хатуковы имели спор за проданную землю князем Атажукой Наурузовым Чегемскому старшине Кучуку

Барасбиеву. Земля эта на «Кесанте» имеет начало от земель Хатуковых, кончается при реке «Керр-Даук», а по сторонам до земель «Атажукиных» и жителей чегемских. Об этом из давнего времени много было споров, теперь по рассмотрению споров и актов, который имеет Барасбиев, и по соображению с книгами, по которым следовало сделать об этом шариатское решение справедливым, что продажа не должна была возобновляться и дело Барасбиева справедливо, но чтобы не было между ними никакого неудовольствия, со всеобщего согласия Барасбиев ему заплатил тридцать туманов деньгами Кучмазукиным, Бжехоковым и Хатуковым, обе стороны остались довольными, и земля остается у Барасбиева во всей полноте как собственность его и более уже претензий иметь никто не должен к этой земле и не возобновлять дело это разбирательством. Сделано по приказанию начальника центра при свидетелях: Хажи Кайсын Суншев, Мет Куденетов, Батырбек Тамбиев, Докшуко Джамботов, Бекмурза Казиев, Магомет Мурза Анзоров, Хаджи Исмаил Токмаков (из осетин), Хамурза Шаханов, Жандар Айдебулов, Магомет Жанхотов, Исса Шакманов, Каншау Шакманов, Ибрагим Келеметов, Хаджи Умар Мумев, Умар Малкароков, Тудуев Ибак Хаджи, Умар Магометов. Документ писан по магометанскому исчислению 1262 году месяца сафар 12 числа, т. е. 1864 года февраля 12 дня документ утверждает эфенди Хаджи Умар Шеретлоков и члены суда с приложением именных печатей. Перевод делал в присутствии членов суда эфенди народный через эфендия Исхака Шеретлокова и переводчика первой степени узденя Камбота Куденетова. Утверждал состоящий по кавалерии при Кабардинском суде ротмистр Давидовский.

²⁴ *Тажге-шахат* (тажги шагъат, тадж-шагъат) – от слова «тадж» (на фарси) – титулованная особа и «шагъат» – свидетель, означает свидетельство титулованной особы. В данном случае значение выражения несколько смещено.

²⁵ См. подробное изложение этого дела в статье Н. Тульчинского «Мой ответ Шаханову-Джанхотову» (Казбек. 1899. № 594–598).

²⁶ *Чиншевики* – крестьяне, выплачивающие земельную подать, оброк.

²⁷ О необходимости исследования недр Балкарии и в то же время узаконения прав ее жителей на землю Б. Шаханов пишет в «Терских делах»: Каспий. 1899. 22 декабря; 1900. 29 апреля.

²⁸ Статья Н. Ф. Грабовского «Экономическое положение зависимых сословий Кабардинского округа» // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. 3.

²⁹ Следует отметить любопытный факт, что Докшоко Балкароков являлся дедом жены Б. Шаханова Джан Балкароковой, а Хасанби Атажукин – братом известного кабардинского общественного деятеля и просветителя Кази Атажукина.

³⁰ Текст документа приводится в сноске 17.

³¹ Песня, о которой рассказывает Б. Шаханов, сегодня не известна: нигде не публиковалась, также отсутствует в фольклорном фонде КБНИИ.

³² *Рачикаулары джирь* (правильно: жыры – песня) – в вышеприведенной работе Н. П. Тульчинского причиной истребления Рачикауовых

указывается нежелание Балкароковых делить власть в Чегемском ущелье с другим родом. По всей вероятности, Б. Шаханов опирается на другой, неизвестный, вариант песни, что видно и по тому факту, что Тульчинский и Шаханов называют разные места, где происходило избиение Рачикауовых. Легенду об истреблении Рачикауовых записали и опубликовали также Вс. Миллер и М. Ковалевский в работе «В горских обществах Кабарды» (Вестник Европы. 1884. Вып. 4). См. также об этой песне в статье Х. Малкондуева «Об общинных обрядах карачаевцев и балкарцев» (Общественный быт адыгов и карачаевцев. Нальчик, 1986).

³³ Правильно: «Моллюшко».

³⁴ См. сноску 19, где приводится документ по спорному участку. Следует учесть, что название участка Б. Шаханов приводит, опираясь на более распространенный, нормативный вариант – «жеркле», в то же время в документе сохраняется подлинный топоним по черекскому диалекту – «зеркле».

³⁵ Ко времени написания «Возражений...» этот участок находился во владении Кютю, Тугуя, Токая, Бориса, Тукиши, Качу, Башло, Байкиши и других Атабиевых. С 1910-го по 1914 г. Басият Шаханов был поверенным братьев Атабиевых в их тяжбе с начальником 2-го участка Нальчикского округа Эльдаровым. Начальник 2-го участка решил отобрать в пользу кабардинских запасных земель участок «Мисбора», который принадлежал, как пишет Б. Шаханов, «2 сыновьям Нетши, Шашхо Атабиева и 18 внукам Нетши и его братьев». В телеграмме Тугуя Атабиева главнокомандующему войсками Кавказского военного округа от 22 апреля 1910 г. сообщалось, что начальник 2-го участка Эльдаров решил насильно отобрать участок. При этом было применено насилие в отношении пятерых Атабиевых – Кютю, Байкиши, Токай, Тукиши, Качу были арестованы, кош разрушен, скот удален с участка, несколько коров пропало, двое мальчиков Атабиевых избиты (ЦГВИА, ф. 1300, оп. 7, д. 201). Б. Шаханов энергично взялся защищать Атабиевых от административного произвола, обращался с прошением в правительствующий сенат. В своих прошениях Шаханов раскрывает бедственное положение Атабиевых, пишет, что единственным источником существования нескольких семей является пастбище «Мисбора».

³⁶ Искаженное от «кириучели».

Статьи, подписанные псевдонимом П. д'Аржан

В книгу включена небольшая часть публикаций Б. Шаханова, подписанная псевдонимом «П. д'Аржан». Первая статья П. д'Аржана – «Театральные наброски» напечатана в газете «Приазовский край» в № 1 за 1900 г. Судя по тексту, это не первая публикация Б. Шаханова в этой газете. Но до этого номера в этом органе нет публикаций П. д'Аржана. Или Б. Шаханов имел в газете другой псевдоним, не установленный на сегодняшний день, или же он имеет в виду свои статьи, опубликованные в других изданиях.

В текстах сохранены некоторые элементы орфографии, нормативные

для публицистики начала века.

Театральные наброски

Статья напечатана в газете «Приазовский край» в № 1 за 1900 г.

¹ *Volens–nolens* (лат.) – волей-неволей.

² *Антрепренер* – владелец, арендатор, содержатель частного зрелищного заведения.

³ *Вельзевул* – в Новом завете имя главы демонов.

⁴ *Контрибуция* – здесь имеется в виду обязательный налог с театрального сбора.

⁵ *Мавреж* – неустановленное лицо.

⁶ *Савина* – русская актриса (1854–1915 гг.). Одна из организаторов и председатель Русского театрального общества.

Маленькие сказки для больших детей

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 20.

¹ *Лигатура* – сплав золота и серебра с медью или оловом для придания благородным металлам твердости.

² *Мандарин* – европейское название крупных чиновников в феодальном Китае.

³ Шаханов имеет в виду соиздателей газеты «Казбек» во главе с Магомедом Далгатом.

⁴ *Фордыбачить* – вести себя упрямо, дерзко, пренебрегая всем окружающим.

⁵ «...один из них с этой целью съездил в Пекин...» – т. е. в Петербург.

⁶ Литературный прием. Газета «Казбек» не была закрыта ко времени напечатания статьи.

Позорное пятнышко

Корреспонденция напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 24.

¹ *Ipso* (лат.) – в действительности, на деле.

В думе

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 25.

¹ *Raison d'etre* (фр.) – разумное основание.

² *Грозмани В. И.* – начальник Терского строительного отделения.

³ *Котляревский И. А.* – владикавказский полицеймейстер, ротмистр.

⁴ Митник П. Е. – владикавказский санитарный врач.

⁵ Манкировать – пренебрегать.

Как погиб Э. А. Штебер

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1990, № 26.

¹ Штебер Эммануил Альбертович – фармацевт, лекарь. В 1902 г. в Екатеринославе вышла его книга «Материалы для инородческого фармацевтического словаря Кавказа и Средней Азии».

² Казак-пластунец – казак пеших частей казачьих войск.

Адепты кулака...

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 31.

¹ Адепт – последователь, приверженец.

Своеобразное «культуртрегерство» городской управы

Статья напечатана в «Приазовском крае», 1900, № 33.

¹ Культуртрегерство – ироническое название деятельности, по сути корыстной, маскирующейся идеями распространения культуры, просвещения.

² Зулус – народность, проживающая на юге Африки.

³ Кафр (кафры) – одно из названий африканской народности банту.

ФИГОВЫЙ ЛИСТИК

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 35.

¹ Духан (араб.) – небольшой ресторан, трактир, мелочная лавка, бытовавшие на Кавказе до революции.

² Ренсковый погреб – тип винной лавки до революции.

³ Ergo (лат.) – следовательно, итак.

Шалости пера

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 42.

Расписка в получении

Напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 49.

¹ Post scriptum (лат.) – приписка в письме после подписи.

Непризнанная угнетенная невинность

Статья напечатана в газете «Приазовский край», 1900, № 52.

¹ Кто скрывался под этим псевдонимом, неизвестно.

² *Инсинуировать* – клеветать, порочить кого-либо намеками, вымыслом.

³ *1039 статья Свода* – имеется в виду Свод законов Российской империи.

⁴ *Диффамация* – опубликование в печати компрометирующих кого-либо сведений.

Театральные итоги

Напечатано в газете «Приазовский край», 1900, № 55.

¹ *Контрагент* – лицо или учреждение, берущее на себя известное обязательство по договору.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От составителя 5

УРУСБИЕВЫ

Урусбиевы и история культуры Балкарии 9
Сафарали Урусбиев 25

Сафарали Урусбиев

Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области 31
Письмо в редакцию «Отечественных записок» 59

Науруз Урусбиев	62
Науруз Урусбиев	
Доклад на заседании антропологического общества	66
Из тетрадей Науруза Урусбиева	67
<i>Примечания и комментарии</i>	94
МИСОСТ АБАЕВ	
Мисост Абаев	101
Мисост Абаев	
Наши миротворцы	119
Калым и его последствия	119
Интересный документ	120
Горские школы	121
Открытие Панежукаевского училища	122
О горских школах	124
Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области	125
Письмо в редакцию газеты «Каспий»	127
Горские аграрные вопросы	127
Горские аграрные вопросы –2	131
Аул Шенжий	135
Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»	136
Горцам Северного Кавказа	137
Больной вопрос	138
Кабарда проснулась	139
Балкария. <i>Исторический очерк</i>	140
В погоне за славой и пяточком	173
О калыме	174
Заявление (Господам доверенным...)	177
Заявление (г. Начальнику Нальчикского округа)	177
Горская легенда	178
У могилы Ислама	179
<i>Примечания и комментарии</i>	181
Поколенная роспись потомков Мисоста Абаева	190

БАСИЯТ ШАХАНОВ

Басият Шаханов	195
----------------------	-----

Научно-популярное издание

ЭТЮДЫ О БАЛКАРИИ

Составитель

Тамара Шамсудиновна Биттирова

Редактор

Дж. П. Кошубаев

Художник-редактор

Ю. М. Алиев

Технический редактор

Н. М. Мокаева

Корректор

А. Х. Алагирова

Компьютерная верстка

М. С. Хульчаевой

Подписано к печати 08.06.07. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура журнальная рубленая. Печать офсетная. Усл.печ.л. 25,5+1 вкл.
Уч.-изд.л. 27,9+0,84 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ № 84

ГП КБР «Издательство «Эльбрус»
Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года»
Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР
Нальчик, проспект Ленина, 33

Эт 938

Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Баси-
Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент.
Т. Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 408 с.: ил.
(Балкарская историческая серия).

ISBN 978-5-7680-2121-4

В настоящее издание вошли труды балкарских просветителей
Сафарали и Науруза Урусбиевых, Мисоста Абаева, Басията Ша-
ханова, посвященные культуре, быту, истории Балкарии.

УДК 94 (470.64)
ББК 63.3. (2р-6К-Б)-8